П. А. Крушеванъ.

ЧТО ТАКОЕ РОССІЯ?

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? . . . .
Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ?... Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей...
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы“...

„Мцыри“ – *Лермонтовъ.*

„Нація есть духъ, отвлеченный принципъ. Два обстоятельства порождаютъ этотъ духъ, этотъ отвлеченный принципъ: одно—общее обладаніе наслѣдственными воспоминаніями, второе — дѣйствительное согласіе, желаніе жить вмѣстѣ“.

„Нація есть великая солидарность, какъ результатъ священныхъ чувствъ къ принесеннымъ жертвамъ и тѣмъ, кои будутъ принесены въ будущемъ“. *Эрнестъ Ренанъ.*

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1896.

ЧТО ТАКОЕ РОССІЯ?

При составленіи настоящихъ замѣтокъ нѣкоторыя статистическія и другія свѣдѣнія и справки почерпнуты изъ нижеслѣдующихъ изданій:

„Краткій путеводитель по Москвѣ“ Добрякова, „Храмъ Христа Спасителя“ М. С. Мостовскаго, „Указатель памятниковъ Историческаго Музея“—составленъ Императорск. Россійскимъ Историч. Музеемъ, „Иллюстрированный путеводитель по Волгѣ“ Г. П. Демьянова, „Волга“, путевыя замѣтки В. Сидорова, „Указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани“ С. М. Шпилевскаго, „Очерки Кавказа“ В. С. Кривенко, „Краткій путеводитель по кавказскимъ минеральнымъ водамъ“, изд. Горнаго Департамента, «Кавказъ“, справочная книга Старожила, „Путеводитель по Кавказскому Музею“ д-ра Г. И. Радде, „Путеводитель по Черному морю“ Григорія Москвича, „Путеводитель по Крыму“ Н. Головкинскаго (бывшій Сосногоровой), „Севастополь и его окрестности“ Е. Э. Иванова, „Одесса за 100 лѣтъ“, историческій очеркъ и путеводитель В. Коханскаго, „Путеводитель по Кіеву“ В. Д. Бублика.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ пришлось какъ-то недавно совершить круговую поѣздку по Россіи. Я говорю нарочито—поѣздку, а не путешествіе, такъ какъ не претендую на строгое изслѣдованіе спеціалиста-путешественника. Поѣздка эта, продолжавшаяся два мѣсяца, составила кольцо въ восемь тысячъ верстъ. Я много видалъ, наблюдалъ, слыхалъ, набрасывая на лету, въ безпрерывномъ дорожномъ водоворотѣ, мои впечатлѣнія и мысли.

Замѣтки эти велись въ формѣ дневника, и потому, можетъ-быть, получили слишкомъ субъективную окраску. Но, пиша ихъ, я имѣлъ въ виду изобразить тотъ міръ, который проносился мимо меня, именно такимъ, какимъ онъ отразился въ моей душѣ, такъ, какъ я его видалъ, понималъ и воспринималъ въ тѣ минуты, чувства и мысли, которыя онъ будилъ во мнѣ тогда, со всей искренностью и правдивостью. Я хотѣлъ, наконецъ, развернуть предъ вами волшебную панораму жизни, промелькнувшую предо мной за эти два мѣсяца какой-то чарующей сказкой, чтобы показать, какой необъятный міръ ощущеній и впечатлѣній можетъ вызвать даже такая мимолетная поѣздка по нашей великой родинѣ, которую мы знаемъ такъ мало и такъ мало стремимся узнать.

Есть вопросы настолько обширные и сложные, что человѣчество рѣшаетъ ихъ изъ поколѣнья въ поколѣнье. Таковъ и вопросъ, которымъ озаглавлены настоящія замѣтки. Я поставилъ его невольно, именно потому, что онъ неотвязно преслѣдовалъ меня во время моей поѣздки, и отнюдь не претендую дать на него категорическій отвѣтъ въ этихъ мимолетныхъ наброскахъ, тѣмъ болѣе, что для опредѣленія историче-

ской роли и культурной миссіи Россіи пришлось бы написать цѣлое изслѣдованіе. Но, быть можетъ, тотъ отвѣтъ, который я пытаюсь дать здѣсь, хоть отчасти выдвинетъ и намѣтитъ его именно теперь, когда этого требуетъ ростъ нашего самосознанія и когда сознаніе міровой роли Россіи можетъ сплотить насъ въ еще болѣе цѣльный организмъ для дружной работы на благо родины и человѣчества.

Авторъ.

Что такое Россія?

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Глава I.

Сборы въ путь.—Маршрутъ.—На вокзалѣ.—Племенное сліяніе.—Поѣздъ уходитъ.—Призраки прошлаго.—Четыре брата.—Рогачевъ.—У В. Л. Дѣдлова.

30-е іюля, Минскъ.

Время близится къ вечеру. Красноватые лучи, врываясь въ раскрытыя настежь окна кабинета, золотятъ корешки переплетовъ въ книжныхъ шкафахъ, переливая радугой въ стеклышкахъ канделябровъ.

Укладываюсь. На полу — два раскрытыхъ чемодана, связка съ постелью, дорожный несессеръ, газетные листы и свертки. Багажу набирается слишкомъ много. Я и досадую на себя при мысли о предстоящихъ пересадкахъ и сонмѣ артельщиковъ, которые рисуются воображенію надоѣдливой толпой «чающихъ на чай», и малодушествую. Русскій туристъ никакъ не можетъ усвоить себѣ манеры европейца путешествовать налегкѣ, съ какимъ-нибудь пледишкомъ подъ мышкой да чемоданомъ въ пудъ—въ багажѣ. Ему все еще кажется, что предъ нимъ не вагонъ, а шестимѣстный рыдванъ, который непремѣнно долженъ быть нагруженъ горой чемодановъ, погребцовъ, корзинъ съ разной снѣдью и т. д. Иначе и дорога—не дорога.

Размышляю на эту тему въ сильной борьбѣ; но малодушіе и привычка берутъ свое.

Еще разъ обдумываю маршрутъ и диктую его пріятелю, который сидитъ у газетнаго стола, записывая.

Маршрутъ нѣсколько измѣняется. Наканунѣ я получилъ приглашеніе отъ В. Л. Дѣдлова заглянуть къ нему. Это—совсѣмъ не по пути. Имѣніе его въ Могилевской губерніи, на югъ, а мнѣ надо на Москву. Но, во-первыхъ, имѣніе это въ ядрѣ Бѣлоруссіи—и мнѣ улыбается мысль окунуться на время съ головой въ бѣлорусскую природу; во-вторыхъ—очень хочется повидаться съ милѣйшимъ В. Л., въ-третьихъ—меня увлекаетъ надежда, что авось какъ-нибудь удастся искусить автора «Писемъ изъ далека», разныхъ «Экскурсій», «Па-

рижа и его выставки», «Сашеньки» и «Переселенцевъ» совершить въ компаніи это «артистическое турнэ».

Диктую:

— Жлобинъ, Рогачевъ... Первыя числа августа — по Днѣпру: Рогачевъ, Могилевъ, Орша; по чугункѣ—Смоленскъ, Москва. Средина августа—Нижній; по Волгѣ — Казань, Самара, Саратовъ, Царицынъ, Астрахань; по Каспійскому морю — до Петровска; Владикавказъ, Пятигорскъ, Кисловодскъ, Ессентуки, опять Владикавказъ. Конецъ августа—военно-грузинская дорога и Тифлисъ. Сентябрь—долина Ріона до Батума, Кавказское побережье Чернаго моря; средина сентября—Крымъ, Одесса; конецъ—Бессарабія, Подолія, Кіевъ и по Днѣпру на Гомель въ Минскъ.

Въ воображеніи вытягиваются эти тысячи верстъ—и опять какъ будто оробь беретъ. Гляжу на карту — становится спокойнѣе: восемь тысячъ верстъ огибаютъ такую небольшую площадь Россіи, что разстояніе это точно теряетъ свое значеніе предъ безконечнымъ пространствомъ земли русской. Этакая громадина! Цѣлый міръ!

Около полуночи я на либаво-роменскомъ вокзалѣ. Чувствую и нервное возбужденіе, и какъ будто ливингстонское настроеніе. Что-то и манитъ впередъ, и тянетъ назадъ. Воображенію заманчиво рисуется уютная спаленка, шкафы съ книгами, гдѣ каждый томикъ какъ будто составляетъ частицу твоей души, письменный столъ, съ которымъ какъ-то сростаешься за работой—и не хочется вѣрить, что все это цѣлыхъ два мѣсяца будетъ безъ тебя. Но на смѣну бѣгутъ другія картины, радужными красками пестрѣетъ загадочная даль, манитъ приволье и русскій просторъ...

Меня провожаютъ товарищи. «Вспрыскиваемъ»,—безъ этого никакъ нельзя. Пока шипучка искрится, играя въ бокалахъ и подогрѣвая пожеланья, я поглядываю на моихъ собесѣдниковъ. Случайное совпаденіе, поражающее меня въ эту минуту, какъ будто создаетъ какую-то особенную призму, сквозь которую я пропускаю дальнѣйшія путевыя впечатлѣнья. Направо отъ меня сидитъ круглоголовый курчавый великороссъ; въ его рѣчи слышится московская пѣвучесть и проскакиваетъ неизбѣжное «винте-ли». Рядомъ съ нимъ блондинъ, но порывистый, нервнаго темперамента, безъ увѣреннаго спокойствія москвича; это — полякъ; подлѣ него рослый, съ румянцемъ во всю щеку, кроткимъ взглядомъ и плечами въ косую сажень, добродушный псковитянинъ; рядомъ—смуглый черноглазый итальянецъ — типичный экземпляръ юга, дитя синяго неба Италіи, изнѣженный потомокъ когда-то могучаго Рима; слѣва отъ меня — тоже смуглый и бритый хохолъ, съ широкимъ симпатичнымъ лицомъ, за нимъ—меланхоличный блондинъ—бѣлоруссъ. Я самъ — южанинъ, смѣсь романскихъ и славянскихъ племенъ.

Когда-то наши предки, а можетъ-быть и дѣды, здѣсь или гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ міра задыхались отъ вражды и ненависти, въ безумной жаждѣ взаимной смерти, уничтоженія и разрушенія... А потомки ихъ сидятъ за однимъ столомъ и мирно бесѣдуютъ

дружными членами одной семьи, одного общества, чуждые всякой племенной вражды.

Что сказали бы теперь наши предки, если бы они увидали эту картину? Не ужаснулись ли бы они той безумной борьбы, того ада, въ который превратили свою жизнь для того, чтобы сегодня ихъ потомки собрались въ дружескій кружокъ, чуждые вражды и ненависти прошлаго. И что сказали бы эти потомки, если бы предъ ними, изъ мрака временъ, выступила кровавая драма братской борьбы со всѣмъ ея ужасомъ?

Мнѣ кажется, всѣ они отшатнулись бы, и ни одинъ не могъ бы теперь искренно воодушевиться девизомъ огня и меча, жизни для вражды и братоубійства.

Слишкомъ устало человѣчество отъ этой вражды, слишкомъ надоѣла ему кровь, слишкомъ сознаетъ оно весь ужасъ братоубійства.

И, кромѣ того, прежніе непримиримые враги, скрещиваясь изъ поколѣнья въ поколѣнье, настолько слились въ каждомъ изъ насъ, что исконная тема племенной ненависти слишкомъ растворилась въ смѣси, которую представляетъ изъ себя современный культурный человѣкъ.

Правда, и теперь насъ иногда нервно возбуждаетъ бряцанье оружія, будя еще не исчезнувшій наслѣдственный инстинктъ вражды и порывы кровожаднаго звѣря; но мы уже стыдимся этого чувства, и если и даемъ ему иногда волю, то пытаемся замаскировать и оправдать какой-нибудь гуманной необходимостью.

Пока я занятъ этими мыслями, у стола идетъ оживленная бесѣда. Великороссъ становится необыкновенно добродушенъ, физіономія его расплывается, онъ оглядываетъ компанію, прищуривъ сѣрые глаза. Бѣлоруссъ, меланхолія котораго какъ будто стала глубже отъ «шипучки», протягиваетъ къ нему руку.

— Передай мнѣ румку.

— Не румку, а рюмку, сколько разъ сказывалъ тебѣ,—поправляетъ задорно великороссъ.

Бѣлоруссъ жалобно оглядывается, какъ бы прося нашего сочувствія:

— Господа, развѣ я такъ гавару?

Хохотъ, задоръ великоросса растетъ. Онъ уже теперь задѣваетъ своего сосѣда, поляка, но опять безъ злобы, просто потому, что ему смѣшно и хочется, чтобы всѣмъ было смѣшно. Полякъ нервно ерзаетъ; выдающіяся скулы на его живомъ, симпатичномъ лицѣ будто подпрыгиваютъ.

Хохолъ толкаетъ меня, кивая на него съ лукавой усмѣшкой.

— Порохъ, вспыхнулъ! Уже готовъ.

Дѣйствительно—полякъ клокочетъ.

— Одвяжись! Что за дикая манера касаться интимностей! Это-жъ чистое наказаніе Божіе.

Итальянецъ разсказываетъ что-то быстро, съ порывистостью южанина, съѣдая конецъ словъ.

Теперь и полякъ хохочетъ почти съ дѣтской искренностью,

загнувъ голову назадъ. Одинъ бѣлоруссъ не смѣется, а какъ-то робко усмѣхается, будто не рѣшаясь дать волю чувству, будто боясь показать его. Онъ не умѣетъ смѣяться,—смѣяться такъ отъ души, какъ вотъ хохочетъ великороссъ или хохолъ, который даже взвизгиваетъ отъ нѣги смѣха...

Звонокъ. Вскакиваю. Гурьбой идемъ въ вагонъ. Занимаю весь диванъ. Пассажировъ почти нѣтъ. Багажный ожидаетъ съ пріятной надеждой на лицѣ. Начинается!.. Опять звонокъ. Прощаемся. Выхожу на площадку. Свистокъ. Поѣздъ вздрагиваетъ и ползетъ.

— Счастливаго пути, доносится съ платформы.

— Не забудьте про баклажаны и помидоры! кричитъ итальянецъ.

— Винограду! оретъ великороссъ, сложивъ руки рупоромъ.

— Пэрь-цю! вытягиваетъ хохолъ.

— Смотрите, не попадитесь какой-нибудь тамъ черноокой черкешенкѣ,—предостерегаетъ полякъ, особенно отчеканивая р и ш.

Ко мнѣ еще доносятся голоса. Поѣздъ бѣжитъ, врываясь въ теплую мглу іюльской ночи. Кое-гдѣ мелькаютъ огоньки, потомъ наступаетъ полная тьма; только на небѣ мигаютъ звѣзды, но не отчетливо, а будто сквозь матовый флеръ.

Не спится. Остаюсь на площадкѣ. Поѣздъ бѣжитъ лѣсомъ, постукивая на скрѣпахъ рельсъ, и эхо гдѣ-то далеко вторитъ этому металлическому стуку. Сосны и ели принимаютъ фантастическія формы; эти формы разрастаются, сокращаются, исчезаютъ, снова появляются какой-то вереницей причудливыхъ призраковъ. Тайна прошлаго будто глядитъ на меня изъ мглы. Древнія божества, которымъ здѣсь когда-то молился человѣкъ, выплываютъ изъ мрака въ едва уловимыхъ очертаніяхъ... Перунъ, Святовитъ, Радагастъ, Дажльбогъ, Стрибогъ, Велесъ, Жива, Лада... цѣлый хороводъ языческихъ боговъ, созданныхъ наивной фантазіей человѣка, жаждущаго и ищущаго Бога...

Поѣздъ катится по безконечной Сарматской низменности — и въ догонку за нимъ бѣжитъ призрачный міръ древнихъ славянскихъ племенъ — поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, дреговичи, кривичи... Иногда мнѣ мерещатся щиты, стрѣлы, цѣлый лѣсъ копій, слышится дикій воинственный кличъ — и какъ-то не вѣрится, что прошлое и настоящее имѣетъ непрерывную связь, что современный человѣкъ, который мчится во всемогуществѣ техническаго прогресса на этомъ поѣздѣ и который показался бы тѣмъ дикимъ призракамъ прошлаго богомъ, происходитъ именно отъ нихъ, составляя ихъ продолженіе...

Иду въ вагонъ. Ложусь. Пытаюсь заснуть. Но возбужденное воображеніе надоѣдливо рисуетъ отрывочными образами параллели четырехъ славянскихъ типовъ, четырехъ братьевъ.

Сначала выступаетъ крѣпко сколоченный, съ открытымъ лицомъ и смѣлымъ взглядомъ, блондинъ. Увѣренность въ рѣчи и жестахъ, можетъ-быть даже слишкомъ большая самоувѣренность, какая-то устойчивость и рѣшимость будто придаютъ ему особенную силу

для борьбы и побѣды; въ ней залогъ его преобладанья надъ братьями и объединителя славянской семьи.

Рядомъ съ нимъ выступаетъ другой образъ, тоже блондина, но похрупче и болѣе порывистаго темперамента. Взглядъ смѣлый, но нѣтъ въ немъ ни упорства, ни постоянства. Онъ, видно, много жилъ и шибко жилъ; онъ не утратилъ энергіи борьбы, но въ вѣковой схваткѣ потерялъ устойчивость и разнервничался. Въ глазахъ его свѣтится и смѣлая фантазія, и немного болѣзненная гордость, и какъ будто задоръ. Но все это не горитъ ровнымъ пламенемъ, а вспыхиваетъ, какъ догорающій огонь.

Третій братъ кажется въ этой семьѣ обиженнымъ и какъ будто забитымъ и испуганнымъ Веніаминомъ. Онъ выглядитъ робко и угрюмо, не вѣря ни первому, ни второму брату, да и никому въ мірѣ; и первый его билъ, и второй его билъ, называя «быдломъ», а природа, сырая и суровая, добивала, приковывая всѣ его силы къ борьбѣ съ ней. Онъ и уменъ, и смышленъ не менѣе своихъ братьевъ, но онъ слишкомъ извѣрился и точно испугался человѣческой жестокости и вѣчной вражды. Онъ какъ будто чего-то боится, не рѣшается, мѣшкаетъ и все, что дѣлаетъ, дѣлаетъ неувѣренно и съ оглядкой.

Четвертый представляется мнѣ такимъ, какимъ видалъ его Бульба: «какъ левъ растянулся онъ на дорогѣ; закинутый гордо чубъ захватываетъ на полъ-аршина земли; шаровары алаго дорогого сукна запачканы дегтемъ, для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія»... Но вотъ онъ лѣниво привстаетъ, оглядывается, какъ бы недоумѣвая, гдѣ ему разметать накопившуюся энергію—и либо идетъ «татарву» бить, либо уманьскую рѣзню устраиваетъ... Теперь вѣковая борьба надоѣла ему, и онъ, будто раскаиваясь въ слишкомъ буйной молодости, глядитъ вдумчиво на жизнь своими умными черными глазами, полный энергіи, силы и того смѣлаго полета фантазіи, который выковала въ немъ прежняя удалая жизнь на привольѣ.

Воображеніе рисуетъ мнѣ дружное объятіе четырехъ братьевъ, полныхъ свѣжихъ силъ молодой расы, и я спрашиваю себя, какую міровую натуру въ будущемъ выработаетъ ассимиляція этихъ четырехъ типовъ; потомъ мнѣ представляется вырождающаяся Европа, которая глядитъ съ какимъ-то напряженнымъ, полнымъ зависти ожиданьемъ на славянскій просторъ—и на этихъ мысляхъ я засыпаю.

31-е іюля.

Просыпаюсь подъ Жлобиномъ. Въ окна глядитъ, убѣгая, бѣлорусскій пейзажъ: то бугристое отъ кочекъ болото съ хилой, нервно вздрагивающей каждымъ листикомъ березкой, то темный сосновый боръ въ перемежку съ зеленью лиственныхъ деревъ, то коверъ нивъ въ пестрыхъ полосахъ хлѣбовъ; нигдѣ яркихъ тоновъ; все—блѣднаго колорита, какъ и зелень, какъ и небо, какъ и вся бѣлорусская природа.

Въ Жлобинѣ сажусь въ высланный за мной экипажъ, нагружая его багажомъ. Не жарко, но душно. Подъ крышу фаетона зале-

таетъ пыль, сквозь которую едва различаю почернѣвшіе неуютные тесовые дома бѣлорусской деревни. На фонѣ ихъ выдѣляются яркими красками только цвѣтные ситцы на бабахъ да кумачъ на мужчинахъ. День воскресный. Тамъ и сямъ у избъ видны группы крестьянъ. Народъ большей частью низкорослый, съ худощавымъ лицомъ и сѣрыми глазами. Взгляды робкіе; нѣтъ въ нихъ силы и вѣры въ себя; да и фигуры не крѣпкія и какъ будто замученныя борьбою съ природой, несмотря на деревенскую свѣжесть лицъ. Чувствуется, что выросли эти люди не подъ жгучимъ солнцемъ, а подъ облачнымъ небомъ, въ пронизывающей сырости, отъ которой размякли до костей. Слишкомъ мало солнца, слишкомъ много сѣрыхъ красокъ, ничего яркаго, что будило бы жизнерадостное настроеніе.

Экипажъ катится вдоль обрамляющихъ дорогу бѣлостволыхъ березъ; колеса врѣзываются въ глубокій песокъ. Выѣзжаемъ на дамбу; впереди, на холмѣ, точно на островѣ, показывается Рогачевъ.

Охъ, ужъ эти уѣздные города! Вездѣ, на тысячи верстъ—у нихъ одна и та же физіономія: разбросанность, запыленность, печать захолустной скуки, лѣни жизни и мелочныхъ интересовъ. Непремѣнно гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ острогъ, непремѣнно въ центрѣ большая, загроможденная мусоромъ и деревянными лавчонками, площадь, непремѣнно на самомъ несообразномъ пунктѣ какая-нибудь каланча или будка, торчащая не кстати какой-то шишкой подъ носомъ алжирскаго бея. И масса заборовъ и пустырей, на которыхъ какъ будто собираются что-то строить, точно Сквозникъ-Дмухановскій все еще находится въ ожиданіи ревизіи...

Выѣзжаемъ на главную улицу. День базарный. Пестрая толпа бѣлоруссовъ подвигается навстрѣчу то въ повозкахъ, то пѣшкомъ; многіе уже навеселѣ. Въ лавкахъ бойко торгуютъ евреи. Вездѣ они и только они, вся торговля, какъ и повсюду въ Бѣлоруссіи, въ ихъ рукахъ.

Проѣзжаемъ площадь (такъ и есть!) и, минуя бѣлую старинную церковь, останавливаемся у гостиницы «Золотой Якорь». Самая лучшая гостиница... Еврей выбѣгаетъ навстрѣчу и проводитъ меня въ номеръ. Все поношено, потерто, грязно; на запыленной клеенкѣ стола хоть карту черти. Оглядываюсь не безъ гадливости. Невольно думается о нашемъ некультурномъ уѣздномъ обществѣ, которое можетъ мириться съ этой грязью. Всѣ эти «уѣздные интеллигенты» по недѣлямъ живутъ въ такой невозможной обстановкѣ, ѣдятъ на этихъ столахъ, умываются въ этихъ грязныхъ, обтянутыхъ проволокой разбитыхъ чашкахъ, спятъ на этихъ расшатанныхъ, съ провалившимся тюфякомъ, кроватяхъ; и такъ изъ года въ годъ, такъ и здѣсь, такъ и за тысячи верстъ. Просто — неумѣнье устроить свою жизнь, органическая неряшливость и закорузлая нечистоплотность!

Кое-какъ умываюсь и иду въ номеръ къ В. Л., который ждетъ меня здѣсь.

Авторъ «Переселенцевъ» въ утреннемъ «неглижэ»... Большая голова съ пепельной серебрящейся шевелюрой, широкое, необыкно-

венно спокойное и серьезное лицо... Только глаза, сѣрые и вдумчивые глаза, точно смѣются исподтишка, не то съ лукавствомъ, не то смущенно... Это—глаза бѣлорусса, добрые и сосредоточенные, это клочекъ сѣраго бѣлорусскаго неба, сквозь которое украдкой, словно не рѣшаясь, сверкнетъ солнечный лучъ, сверкнетъ и спрячется... Они будто все высматриваютъ васъ и недовѣрчиво, и вопросительно, но не зло, а добродушно, иногда съ лукавымъ любопытствомъ.

Я, со свойственной мнѣ «кипучестью» и порывистостью южанина, выпаливаю сразу, залпомъ мои впечатлѣнія и мысли, рисую заманчивую перспективу путешествія въ компаніи, не скупясь на радужныя краски... «Бѣлорусскіе глаза» смотрятъ и раздумываютъ; имъ какъ будто и хочется, и нельзя. Мнѣ вспоминается В. Л. семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ вернулся изъ своего путешествія по Италіи, Египту и Малой Азіи, его остроумныя, мѣткія, полныя тонкихъ наблюденій и художественной граціи путевыя замѣтки, его разсказы, потомъ серія экскурсій по Россіи, парижская выставка, типы и картинки переселенческой конторы въ Оренбургѣ... Я чувствую, что расшевелилъ въ немъ жилку путешественника и неугомонную писательскую страсть къ вѣчнымъ наблюденіямъ и новизнѣ впечатлѣній.

—Думалъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Лондонъ съѣздить, англичанъ посмотрѣть, да разстроилось...

Во взглядѣ мелькаетъ легкая усмѣшка. Воображенію, вѣроятно, рисуются тонконогіе англичане въ клѣтчатыхъ пиджакахъ и брюкахъ, съ англо-саксонской флегмой на чопорныхъ лицахъ. Я пытаюсь соблазнить красотами Кавказа, не щадя красокъ. Попытка моя однако остается безплодной: «дѣла и обстоятельства!»

Послѣ обѣда выѣзжаемъ. Чрезъ Днѣпръ переправляемся на плашкоутномъ паромѣ. И этотъ громоздкій, будто выкованный изъ желѣза паромъ, и шоссе, которое начинается за рѣкой и тянется на сотни верстъ, до самой Москвы, и станція Годиловичи, большое каменное зданіе со стѣнами аршинной толщины и паркетнымъ поломъ, — все говоритъ о какой-то другой эпохѣ, когда человѣкъ былъ и прочнѣй, и на жизнь глядѣлъ прочнѣй, строясь такъ, словно и самъ не умиралъ, и вещь, которую строилъ, никогда не должна была разрушиться. Это Николаевское шоссе, стоившее такой массы жертвъ и трудовъ человѣческихъ, было нѣкогда главной артеріей, соединявшей Москву съ Варшавой, центральную Россію съ Европой. Когда-то по немъ безпрерывнымъ потокомъ неслись дормезы, рыдваны, дилижансы, кибитки, скакали курьеры, на станціяхъ день и ночь смѣнялась вереница проѣзжающихъ, пестрая галлерея портретовъ гоголевской Россіи... Но все исчезло; желѣзнодорожная линія измѣнила русло жизни; шоссе пустынно, мертво, имѣетъ тоскливый и заброшенный видъ стараго станціоннаго смотрителя, который кажется такимъ же призракомъ ушедшаго въ вѣчность прошлаго, какъ и это шоссе...

Экипажъ катится мимо лѣса, сворачиваетъ, въѣзжаетъ въ лѣсную чащу; вокругъ тихо, природа, кажется, еще погружена въ

дѣвственный покой. Опять поворотъ, въѣзжаемъ въ красивую аллею столѣтнихъ деревьевъ, справа—нивы, слѣва лѣсъ, потомъ садъ, огороженный стѣной высокаго частокола. Еще поворотъ — и мы въ огромномъ дворѣ большой усадьбы, утопающей въ цѣломъ морѣ кудрявой зелени. Куда ни оглянешься — лѣсъ и садъ; вѣетъ затишьемъ уютнаго уголка. Противъ воротъ большой барскій домъ,— вокругъ двора цѣлый городокъ капитальныхъ построекъ той же прочной Николаевской эпохи...

Экипажъ останавливается у подъѣзда...

Глава II.

Споръ юга и сѣвера.—Параллели.—Дѣдловская экономія.—На пароходѣ „Рогачевъ".—Бѣлорусскій помѣщикъ.—Панъ Аронъ и панъ Стась.—Малорусско-бѣлорусско-польская „жена".—„Паны" мечтаютъ о томъ, какъ ихъ долженъ выручить „Кацапъ". „L'argent—c'est moi".

Вѣетъ атмосферой деревенскаго радушія и гостепріимства... Любезные хозяева (В. Л. и его матушка) водворяютъ меня въ уютной комнаткѣ, гдѣ на всемъ видна печать заботливой хозяйской руки и предусмотрительнаго вниманія. Комнатка въ башнѣ на второмъ этажѣ.

Въ раскрытыя окна, окаймленныя гирляндами дикаго винограда, киваютъ, шелестя листьями, верхушки высокихъ деревьевъ. Выхожу на висячій балконъ, окутанный тоже дикимъ виноградомъ, сползающимъ до земли шпалерами. Предо мною цѣлый лѣсъ зелени; мнѣ кажется, будто я вишу надъ какой-то исполинской корзиной изъ листьевъ, на дно которой брошенъ огромный букетъ—цвѣтникъ роскошнаго гигантскаго флокса въ нѣжныхъ переливахъ отъ блѣдно-розоваго до свѣтло-малиноваго цвѣта. Совсѣмъ декорація изъ третьяго акта «Фауста», только не картонная, съ обманчивыми кулисами, а созданная творческой силой великаго художника—природы. Вездѣ, куда ни оглянешься, высокая стѣна зелени, которая словно защищаетъ своей сѣнью отъ мірской суеты съ ея маргариновой жизнью. Въ душу нисходитъ необыкновенный покой, навѣянный величавымъ покоемъ природы; хочется такъ оставаться безъ конца въ нѣмомъ созерцаніи и общеніи съ ней, прислушиваясь къ ея убаюкивающему шопоту. Вокругъ глубокая тишина: ни грохота экипажей, ни звонковъ и свистковъ, ни возбуждающаго нервы гула большого города.

Спустя часъ, я брожу съ В. Л. по огромному саду среди пышной растительности, вспоенной обильной влагой. Онъ страстный цвѣтоводъ и садоводъ; во всемъ—и въ роскошныхъ цвѣтникахъ съ цѣлымъ лѣсомъ исполинскихъ георгинъ, и въ группахъ деревьевъ и кустарниковъ, живописно разбросанныхъ по саду, чувствуется фантазія художника.

В. Л. показываетъ мнѣ нѣсколько аллей молодыхъ деревьевъ,

посаженныхъ имъ; проходимъ мимо шпалеръ изъ тополей въ огородъ, гдѣ рядомъ съ нетребовательной картошкой кустятся помидоры, пересаженные изъ парниковъ въ грунтъ. Немного погодя, уничтожаемъ выращенную въ теплицѣ очень удачную дыню, а за ужиномъ, послѣ строгаго обсужденія, приготовляемъ салатъ изъ помидоровъ, нѣсколько блѣдныхъ и какъ будто недовольныхъ, что ихъ переселили съ юга въ холодный сѣверъ. Это, однако, нисколько не нарушаетъ торжественности обстановки, при которой мы съѣдаемъ ихъ, проводя параллели на тему о сѣверѣ и югѣ. Я фантазирую о грядущемъ завоеваніи сѣвера югомъ, о томъ нашествіи полчищъ баклажанъ, помидоровъ, перца и другихъ южныхъ овощей, которое, несомнѣнно, должно заполонить сѣверную картошку, внеся въ кухню разнообразіе и пряности, необходимыя для слишкомъ флегматичной натуры бѣлоруса. Нѣсколько южанъ, гостящихъ у В. Л., сочувственно поддерживаютъ меня. Общество раздѣляется на два лагеря. Южный рѣшительно нападаетъ на картошку: неудивительно, молъ, что народъ вашъ такой кроткій и сонный,—язвитъ одна изъ партизанокъ южнаго лагеря. «Былъ я зимой какъ-то на заводѣ; спрашиваю: что у васъ сегодня на обѣдъ?—Картошка, баринка. Спрашиваю на другой день опять—картошка, баринка. А на ужинъ?—Картошка, баринка. А на завтра?—Картошка, баринка», говоритъ другой южанинъ.—«И это при шести рубляхъ въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, тогда какъ на югѣ въ горячую пору за десятину жатвы приходится платить двадцать—двадцать пять рублей».

Сѣверъ отзывается: ну, ужъ и вашъ югъ съ его кукурузой и мамалыгой, знаемъ мы! У насъ, по крайней мѣрѣ, отъ картошки пеллагры не бываетъ, а въ вашей кукурузѣ ужъ нашли и пеллагру, и микроба, люди и мрутъ отъ нея, и съ ума сходятъ.—Ничего, ничего, огрызается югъ, постойте, еще и въ вашей картошкѣ найдутъ какого-нибудь микроба и выдумаютъ какую-нибудь пеллагру.—Жарко ужъ очень у васъ,—замѣчаетъ кто-то изъ сѣверянъ. Сухо и пыльно такъ, что будто не воздухомъ, а нюхательнымъ табакомъ дышишь.—Ну, ужъ оставьте, пожалуйста, и ваша сырость хороша! Точно прачечная, а не природа.—Зато у насъ растительность роскошная. А у васъ что? Акаціи чахоточныя, да выжженныя солнцемъ степи.—Южане какъ будто пасуютъ: пышная и сочная растительность сѣвера невольно импонируетъ. Однако, изъ резерва выдвигаются виноградъ, абрикосы, персики, арбузы и дыни, противъ которыхъ сѣверъ выставляетъ, впрочемъ, довольно нерѣшительно, клубнику и... клюкву.

Схватка возобновляется. На другой день параллели между сѣверомъ и югомъ продолжаются. Компанія отправляется мимо ряда амбаровъ на гумно, гдѣ весело гудитъ молотилка на конномъ приводѣ. Нѣсколько парней и дѣвокъ носятъ снопы, которые быстро исчезаютъ въ пасти молотилки, другіе отбираютъ солому, третьи встряхиваютъ и околачиваютъ ее, чтобы ни одно зернышко не пропало. Работа кропотливая, аккуратная, совсѣмъ нѣмецкая. «Югъ» прони-

каетcя невольнымъ уваженіемъ предъ трудолюбіемъ сѣверянина,
его настойчивостью въ борьбѣ съ природой, его умѣньемъ цѣнить
каждое зернышко хлѣба насущнаго. Правда, природа для него ма-
чиха, она не балуетъ его, какъ дѣтей юга. Кто-то изъ южанъ ри-
суетъ картину молотьбы хлѣба въ Новороссіи... Цѣлый городокъ
скирдъ въ открытомъ полѣ изъ сплошного пласта чернозема. Па-
ровая молотилка рычитъ и стонетъ, пожирая тысячи сноповъ; ло-
комобиль дрожитъ отъ напряженія; на возахъ то и дѣло подво-
зятъ новую и новую пищу для молотилки, высыпающей золотистое
зерно пшеницы безпрерывными ручьями; тутъ же груды мѣшковъ,
которые еле успѣваютъ зашить; а солома, которой никто не вы-
колачиваетъ (овчинка выдѣлки не стоитъ) свозится въ длинную,
высокую скирду, гдѣ она будетъ мокнуть и гнить всю зиму подъ
открытымъ небомъ. Зато южане тутъ же сознаются, что на сѣве-
рѣ хозяйство ведется и раціональнѣе, и ровнѣй, безъ той золотой
горячки и риска, которые на югѣ въ нѣсколько лѣтъ создаютъ
состоянія и въ одинъ неурожайный годъ приводятъ къ разоренію.
Сѣверянинъ слишкомъ много затратилъ труда, пока покорилъ себѣ
природу и заставилъ ее кормить себя; но зато онъ знаетъ каждый
клочекъ земли своей, знаетъ, что она можетъ дать, и что сдѣлать,
чтобъ она накормила его. Южанинъ избалованъ: земля не только
даетъ ему то, что нужно; она, почти безъ затраты труда, даритъ
его всѣми благами; и можетъ-быть поэтому, какъ счастливый ба-
ловень, онъ мало щадитъ ея силы.

Компанія отправляется въ лѣсъ, оттуда, мимо волнующейся и
дозрѣвающей ржи, на заливные луга, гдѣ убирается сѣно, затѣмъ
возвращается въ усадьбу, гдѣ производится осмотръ сараевъ, ам-
баровъ и разныхъ хозяйственныхъ строеній. Все прочно и досмо-
трѣно, на всемъ печать заботливой хозяйской руки. Южане не безъ
зависти поглядываютъ на капитальныя постройки: строевой лѣсъ
свой, рабочія руки дешевы, строй себѣ хоть цѣлый городъ; не то,
что на югѣ, гдѣ некуда укрыть не только солому, а и невымолочен-
ный хлѣбъ на десятки тысячъ рублей, который остается на зиму въ
скирдахъ и частью гніетъ, частью становится добычей мышей.

Хозяйничаетъ, собственно, и здѣсь, и въ смежномъ имѣніи, Дѣд-
ловѣ, братъ В. Л., ученый агрономъ, одинъ изъ лучшихъ хозяевъ
въ губерніи. Подъ вечеръ отправляемся въ Дѣдлово, отстоящее въ
пяти верстахъ. Фольваркъ построенъ на открытой площади, окай-
мленной вдоль горизонта темной лентой лѣсовъ. Небольшой дере-
венскій кирпичный домъ такъ и улыбается своей новизной и уют-
ностью; вокругъ—тоже цѣлый городокъ хозяйскихъ построекъ; ви-
нокуренный заводъ, амбары, сараи, скотный дворъ, конюшни для
конскаго завода, казармы—все основательно и практично, нигдѣ—
прорѣхи или щели, которая нуждалась бы въ заплатѣ,—на всемъ печать
необыкновеннаго порядка и голландской чистоты, чистоты до педан-
тизма. Постоянныхъ рабочихъ и дворни въ обѣихъ экономіяхъ свы-
ше ста человѣкъ—и рабочіе не разбѣгаются, какъ обыкновенно, а
остаются изъ года въ годъ, несмотря на то, что заработная плата

не выше, чѣмъ у сосѣдей. Кормятъ хорошо, помѣщеній вдоволь, равномѣрное распредѣленіе труда не изнуряетъ въ работѣ до изнеможенія, рабочая энергія расходуется разумно и, главное, во всемъ регулярность, которая упорядочиваетъ жизнь. И въ одномъ, и въ другомъ имѣніи рабочіе и къ обѣду, и къ работамъ собираются по звонку. Что мнѣ особенно бросилось въ глаза, такъ это полное отсутствіе въ обѣихъ экономіяхъ евреевъ въ роли приказчиковъ и факторовъ, которые въ имѣніяхъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ являются если не главными персонажами, то хоть persona grata.

Хозяйство ведется дѣйствительно образцово. Раціональное примѣненіе системъ—и трехпольной, и плодоперемѣнной, и корнеплодной, посѣвы кормовыхъ травъ—все это изъ года въ годъ подготовляетъ и пріучаетъ землю дать то, что отъ нея требуютъ.

Винокуренный заводъ перерабатываетъ свой же картофель, возвышая цѣнность продукта, онъ же подкармливаетъ и скотъ, который доставляется, какъ и черкасскій, въ Петербургъ. На всемъ хозяйствѣ, начиная постройками, кончая орудіями и даже животными,— печать прочности и солидности: амбаръ—такъ амбаръ, конь—такъ конь, быкъ—такъ быкъ, телѣга—такъ телѣга: непремѣнно и выкрашена, и желѣзомъ окована, и чуть ли не съ экономическимъ клеймомъ на каждой составной части.

Я вообще мало знакомъ съ батищевскимъ хозяйствомъ; но думается мнѣ, что дѣдловское хозяйство ведется не хуже, по болѣе широкому масштабу и безъ той нѣмецкой мелочности и ненужныхъ «латаній», которыя часто тормозятъ хозяйскій розмахъ, экономя гроши и упуская рубли. Трудъ развивается просто и нормально, безъ излишняго ригоризма.

Вечеромъ я сижу опять на висячемъ балконѣ башни. Сквозь ажурную драпировку дикаго винограда прорываются лунные лучи, играя на стѣнѣ. Силуэты деревьевъ съ волнистой линіей верхушекъ застыли надъ цвѣтникомъ, въ которомъ, сквозь синеватый туманъ, сверкаетъ серебристыми брызгами роса. Необыкновенно тихо. Только откуда-то снизу доносится мѣрный металлическій стукъ, какъ будто телеграфнаго аппарата. Это В. Л. переписываетъ свою новую повѣсть, «выстукивая» ее (т.-е. печатая) на машинкѣ «Космополитъ».

Чѣмъ-то бодрящимъ вѣетъ на меня отъ всей этой картины здоровой жизни, въ которой трудъ сельскаго хозяина и интеллигентнаго работника сливается въ такую дружную гармонію. Одинъ братъ—весь въ борьбѣ съ землей, въ страстной и безпрерывной схваткѣ съ природой, которую онъ изучилъ, чтобы покорить и заставить кормить себя, другой—весь въ изученіи жизни, которая силой искусства должна влить струю обновленія въ общее существованіе, чтобъ улучшить его и облегчить, возвысивъ духовный подъемъ человѣка. Но оба одинаково любятъ землю; и второй, какъ и первый, не отрывается отъ нея, а сидитъ прочно, такъ какъ знаетъ, что въ ней главный источникъ и его жизни, и жизни его родины.

3-е августа.

5 часовъ вечера. Я опять въ Рогачевѣ; жду на берегу парохода.
Пристани не полагается. Пароходъ пристаетъ куда вздумается. На-
крапываетъ дождь, вещи мокнутъ. Наконецъ показывается паро-
ходъ «Рогачевъ», вырисовываясь въ поворотахъ своими бѣлыми бо-
ками. На берегу скучивается публика. Пароходъ причаливаетъ; бро-
саютъ сходни. Всхожу по узкой дрожащей доскѣ. Беру билетъ.
До Орши въ I классѣ 5 рублей (за 266 верстъ). Не дорого, но
часовъ сорокъ пути.

На палубѣ сѣрая толпа бѣлоруссовъ — каменщики, плотники,
грабари; нѣсколько бабъ съ дѣтьми, много евреевъ. Давка. На по-
лу спятъ въ живописныхъ позахъ, загромождая перепутанными но-
гами и туловищами проходъ. Пахнетъ углемъ, селедкой и минераль-
нымъ масломъ. Вся палуба засорена сѣмечками. Гдѣ-то слышится
гармоника.

Капитанъ—нѣмецъ, довольно угрюмый и неразговорчивый; кас-
сиръ окончилъ агрономическое училище и попалъ на пароходъ по
той неисповѣдимости судебъ, по которой русскіе ученые специа-
листы становятся суфлерами или урядниками. Съ первой же мину-
ты нашего знакомства онъ разсказываетъ свою печальную одиссею
и мытарства въ поискахъ «спеціальнаго» мѣста.

Въ каютѣ пассажировъ немного: какой-то крупныхъ размѣровъ
офицеръ, какъ будто ремонтеръ, какой-то бѣлорусскій помѣщикъ
изъ подъ Жлобина, какой-то «панъ», тоже откуда-то изъ тѣхъ
мѣстъ, плотный, пузатый и чубатый малороссъ изъ Черкассъ, па-
роходный агентъ, еврей, но бритый, побывавшій въ Америкѣ и съ
полипомъ въ носу, и еще нѣсколько пассажировъ. Между ними
два-три—еврея, кажется, безъ билетовъ или съ билетами третья-
го класса, такъ какъ ведутъ себя довольно скромно, сидятъ близ-
ко къ выходу и все поглядываютъ на двери, словно ожидая поя-
вленія капитана или кассира, который станетъ водворять ихъ на мѣ-
сто жительства. Имъ какъ будто и лестно находиться въ такой
пріятной компаніи, и какъ будто боязно. Больше всѣхъ ихъ без-
покоитъ офицеръ, который довольно мрачно коситъ на нихъ глаза
и не кашляетъ, а просто рычитъ.

«Гвоздь» общества, несомнѣнно, составляетъ важный еврей, бо-
гатый коммерсантъ изъ Могилева, смуглый, хорошо упитанный муж-
чина. Онъ опрокинулся довольно непринужденно на бархатную
спинку дивана, растопыривъ руки и ноги и выставивъ свое пред-
ставительное брюшко. Фигура его дышитъ сознаніемъ собственна-
го достоинства и той чрезвычайной важности, которую его особа
представляетъ для другихъ. Сознаніе этой его важности можно за-
мѣтить и въ тѣхъ почти раболѣпныхъ и заискивающихъ взглядахъ,
которые бросаютъ на него сидящіе у дверей евреи, видимо пламен-
но желая заговорить съ нимъ и не рѣшаясь. Они ловятъ жадно
каждое его слово и одобрительно перешептываются. Сознаніемъ
этой важности проникнуты и бѣлорусскій помѣщикъ, и «панъ».
Первый въ разговорѣ съ нимъ называетъ его Арономъ Моисееви-

чемъ, нельзя сказать, чтобы съ особенной любезностью, но и не съ пренебреженіемъ. Второй говоритъ ему «пане Аронъ», ударяя на а, иногда вкрадчиво, иногда заискивающе-слащаво. Сразу можно угадать, что и первый, и второй находятся въ какой-то матерьяльной зависимости отъ него. Изъ дальнѣйшаго разговора выясняется, что всѣ трое ѣдутъ въ Могилевъ заключить какую-то сдѣлку; договоръ окончательно не рѣшенъ, такъ какъ не разсмотрѣны планы и документы, не сдѣланы какіе-то расчеты. Но именно, можетъ быть, поэтому оба помѣщика—и панъ, и бѣлоруссъ, пытаются теперь склонить Арона Моисеевича къ соглашенію, очевидно опасаясь, что если онъ обстоятельнѣе ознакомится съ дѣломъ, то имъ труднѣе будетъ что-нибудь выгадать. Однако, пана Арона не особенно трогаетъ ни ухаживаніе «пана Стася» (онъ такъ ему говоритъ), ни убѣдительность доводовъ «пана Игнася», какъ онъ называетъ бѣлорусскаго помѣщика. Заложивъ руки въ карманы, онъ, очевидно, угадывая планы своихъ собесѣдниковъ, отвѣчаетъ невозмутимо:

— Ну, добре! Побачимъ! Уже до завтра не долго осталось.

И онъ принимаетъ спокойно-увѣренный видъ, не допускающій возраженій,—видъ человѣка, который прекрасно сознаетъ, что онъ сила. Выраженіе его лица такъ и напоминаетъ знаменитую фразу Людовика XIV «l'état c'est moi», но съ небольшимъ измѣненіемъ въ духѣ вѣка:—«l'argent c'est moi». Панъ Стась кипитъ отъ досады и разочарованья, пытаясь замаскировать свое волненье слащавымъ тономъ рѣчи. Игнатъ Ивановичъ становится угрюмымъ, внутренно раздражаясь, но не рѣшаясь проявить это раздраженье. Панъ—очень полный блондинъ, бритый, съ усами и подусниками, подвижной, несмотря на полноту. Игнатъ Ивановичъ—тоже блондинъ среднихъ лѣтъ, но съ окладистой бородкой и худощавый. Видъ у него задумчиво-угнетенный, и можно догадаться, что «сдѣлка» для него представляетъ вопросъ жизни, тѣмъ болѣе, что къ ней примѣшивается перезалогъ имѣнія, вторая закладная и разные такіе сильно дѣйствующіе медикаменты въ агоніи предъ крахомъ.

Едва только Аронъ Моисеевичъ выходитъ изъ каюты, какъ панъ Стась, съ которымъ мы успѣли разговориться, обращается ко мнѣ, довольно фамильярно потрепавъ меня по колѣну:

— Зъ самаго Жлобина, пане, такъ зъ имъ возимся и ничего сдѣлать не можемъ.

И онъ знакомитъ меня съ аферой, въ которую они пытаются втянуть Арона Моисеевича, предоставляя ему, конечно, какъ капиталисту, львиную долю. Дѣло, дѣйствительно, хорошее и должно имѣть успѣхъ.

— Одличное!—увѣряетъ панъ Стась съ увлеченіемъ.—Когда я вамъ гавару—значитъ такъ. Вся бѣда, что у насъ нима капиталистовъ и мы зъ головой въ ихъ рукахъ. У нихъ деньги, и они дѣлаютъ зъ нами, что хотятъ себѣ.

— А банки? спрашиваю я.

— Этъ! оставьте *ваши* банки. Развѣ такой кредитъ намъ нуженъ? Для коммерціи нуженъ большой кредитъ и большой рыскъ.

Онъ задумывается, вздыхаетъ и, минуту спустя, прибавляетъ:

— Да, пане, плохо, плохо! Парадку нима. Окончательно они насъ запутаютъ. (Онъ рѣзко подчеркиваетъ ч.). Удивляюсь я только, пане, что же дѣлаютъ *ваши* министэрства...

Я гляжу вопросительно.

— Ну да,—поясняетъ онъ. Пора здѣлать что-нибудь, кредитъ
какой-нибудь открыть намъ, чтобы можно было бороться зъ ими.
А то что жъ это за барба, когда всѣ капиталы въ ихъ рукахъ, и
они насъ вэртятъ, какъ имъ завгодно.

— А вы не поддавайтесь, составьте компаніи, дѣйствуйте сами,—замѣчаю я,—а не ждите, чтобы васъ на помочахъ водили.

— Кто—вы? спрашиваетъ онъ.

— Ну—вы, они (я указываю на бѣлорусса), или вотъ они (указываю на толстаго чубатаго помѣщика изъ Черкассъ).

Малороссъ не то хохочетъ, не то «гэкаетъ» такъ, что и грудь
его, и животъ вздрагиваютъ. На лоснящемся лицѣ съ широкими усами
расплывается улыбка и какъ будто недоумѣніе.

— Нечего сказать! Хорошая «кумпанія»!

И онъ продолжаетъ въ такомъ же тонѣ: развѣ не извѣстно, развѣ
прошлое не показало, что ни хохолъ, ни полякъ, ни бѣлоруссъ—
не могутъ жить безъ еврея; каждый изъ нихъ—съ другимъ какъ
кошка съ собакой; еврей же сумѣлъ съ каждымъ поладить, и въ
ихъ раздорѣ, въ ихъ слабости—его сила. А ну-ка попробуйте со-
единить бѣлорусса, малоросса и поляка въ компанію—получится
«такая лебедь, ракъ да щука, что просто мое почтеніе». Какая же
тутъ компанія, когда каждый тянетъ въ сторону. Отъ этого, от-
части и отъ лѣни и непредпріимчивости, они и попались «имъ»
въ руки.

— А вотъ великороссъ, говорю, не попался же.

— А, «кацапъ»!—замѣчаетъ панъ Стась такимъ тономъ, будто
хочетъ сказать: этотъ и чорту не братъ.—Но только знаете, пане
сердце, что и онъ тоже попался бы имъ, ежели бъ насъ не было.
И еще попадется! Мы на закуску, а какъ насъ не хватитъ—его
зъѣдятъ на обѣдъ. Вотъ же увидите! Въ Минскѣ были, пане?

— Оттуда, говорю, ѣду.

— Ну, сколько тамъ не «ихнихъ» магазиновъ? Чатыре русскихъ
и чатыре польскихъ. Въ Могилевѣ, пане, были? Въ Гроднѣ были?
въ Ковнѣ были? Въ царствѣ польскомъ были?—Вездѣ однако... И
не забудьте, что ничего подѣлать нельзя.

Для иллюстраціи онъ разсказываетъ случай, какъ въ прошломъ
году какой-то шляхтичъ открылъ въ уѣздномъ городѣ небольшую
лавку. Что жъ «они» сдѣлали? Сейчасъ же всѣ понизили цѣны—
на сахаръ по три, на свѣчи по двѣ копѣйки на фунтъ и такъ на
все. Конечно, никто въ польской лавкѣ не бралъ. Сначала еще
пытались свои поддержать, да видятъ—расчета нѣтъ, все равно пропадетъ—и махнули рукой. Два мѣсяца поборолся шляхтичъ, потерялъ нѣсколько сотъ рублей, и закрылъ лавку. А какъ онъ закрылъ, такъ они сейчасъ же не только повысили цѣны, но еще и надбавили сверхъ прежнихъ, чтобы пополнить убытки конкурренціи на счетъ покупателя же.

— Возмутительнѣе всего, — замѣчаетъ бѣлоруссъ, — что вѣдь одна лавка не причинила бы имъ никакого убытку, и человѣкъ, который открылъ ее, выросъ на этой землѣ, его дѣды и прадѣды жили на ней... А между тѣмъ выходитъ что онъ у себя же, на родинѣ, лишенъ права, своего законнаго права торговать, заниматься коммерціей, потому что они не желаютъ допустить этого.

— Читалъ я въ запрошломъ году, пане,—замѣчаетъ панъ Стась,—*ваши* газеты и ужасно смѣялся, когда узналъ, что *ваши* русскіе купцы называютъ себя всероссійскимъ купечествомъ. Хорошее всероссійское! Все царство польское и еще зъ пятнадцать губерній въ еврейскихъ рукахъ... А пусть-ка они, пане, сунутся сюда, такъ такого имъ носа начепятъ! И не идутъ, бо знаютъ и баятся. Тамъ у себя на Волгѣ можно куражу задавать и гоноръ показывать, а здѣсь—ой! ой!

Въ эту минуту входитъ Аронъ Мойсеевичъ, и панъ Стась сразу обрываетъ свою рѣчь, нѣсколько смутившись. Замѣтивъ мою улыбку, онъ говоритъ мнѣ громко:

— Я, конечно, не юдофобъ (онъ ударяетъ на о и затѣмъ, понизивъ голосъ, прибавляетъ), но скажу вамъ по секрету, пане, что они ужасные разбойники.

Аронъ Мойсеевичъ какъ будто догадывается, о чемъ идетъ рѣчь, но онъ невозмутимъ. Онъ прекрасно знаетъ одно: что они ни говори—онъ сила и онъ сдѣлаетъ все такъ, какъ ему будетъ угодно.

Одинъ помѣщикъ изъ Черкассъ продолжаетъ разговоръ на ту же тему, не стѣсняясь. Онъ увѣряетъ насъ, что и бѣлоруссъ, и полякъ, и малороссъ подпали подъ власть евреевъ, точно подъ башмакъ капризной жены, которую не любятъ, которую готовы иногда побить, но къ которой привыкли настолько, что не въ состояніи обойтись безъ нея и отказаться отъ ея капиталовъ и общества.

Панъ Стась, очевидно, всей душой раздѣляетъ это мнѣніе; онъ лукаво подмигиваетъ мнѣ, поглядывая на хохла и сдерживая смѣхъ, но сейчасъ же обращается ласково и предупредительно къ Арону Мойсеевичу:

— А чи не пора намъ, пане Аронъ, за гербату?

— Можно, пане.

Панъ Стась суетливо зоветъ прислугу, достаетъ изъ саквояжа чай и сахаръ. И въ этомъ какъ будто сказывается натура мечтателя, который надѣется, что авось хоть любезностью подкупитъ и склонитъ въ свою пользу холоднаго и невозмутимаго Арона Мойсеевича.

Бѣлоруссъ сначала улыбается, потомъ хмурится и, наконецъ, выходитъ. Я иду съ нимъ.

Лѣземъ по узкой лѣстницѣ на капитанскую площадку и садимся на скамью.

Солнце закатывается. Пароходъ бодро бѣжитъ впередъ, вздра-
гивая и вспѣнивая воду, которая расплывается полосами до бере-
говъ.

— Да,—замѣчаетъ угрюмо бѣлоруссъ,—онъ правъ, все въ ихъ
рукахъ. Говорятъ и кричатъ у насъ объ обрусеніи, а дѣло все сто-
итъ на томъ же, какъ и сто лѣтъ назадъ. Немножко больше рус-
скихъ вывѣсокъ да русскихъ школъ, а жизненная сила—вся въ
ихъ власти. Вотъ устраиваютъ выставку въ Нижнемъ... А лучше
бы устроили здѣсь гдѣ-нибудь. Намъ не такъ важенъ востокъ, какъ
западъ. Здѣсь мы лицомъ къ лицу съ Европой, здѣсь объединеніе
окраины съ государственнымъ организмомъ посущественнѣе... А ка-
кое это, позвольте васъ спросить, объединеніе, когда вся жизнь
края въ рукахъ такого неустойчиваго элемента, какъ евреи? Я не
отрицаю, и они двигаютъ торговлю, но еврей—косный коммерсантъ,
онъ тормазитъ предпріятіе крайней расчетливостью и мелочностью,
въ немъ нѣтъ розмаха, шири, фантазіи и, главное, нѣтъ патріо-
тизма, который объединялъ бы дѣло. Это все работа не націи, а
корпораціи, которая думаетъ только о личныхъ выгодахъ и вовсе не
интересуется *русскими* выгодами. Вотъ привлечь бы сюда, къ фрон-
ту, русскіе капиталы, русскія коммерческія силы... Вы увидали бы—
въ нѣсколько лѣтъ этотъ край сталъ бы неузнаваемымъ. Наши «все-
россійскіе купцы» неподвижны, ихъ надо заманить сюда, заставить
ихъ заинтересоваться этимъ краемъ, ближе узнать его... Ну, и устро-
или бы здѣсь и одну, и другую, и третью выставку... Вѣдь Россія
такъ велика! Каждый уголокъ ея—цѣлое государство. Эти выставки,
устраивай ихъ хоть каждый годъ, имѣли бы успѣхъ и были бы
сплошнымъ праздникомъ торговли и промышленности...

Онъ вдругъ умолкаетъ. Показываются Аронъ Моисеевичъ и панъ
Стась. Аронъ Моисеевичъ выразилъ желаніе пить чай на площад-
кѣ—и панъ Стась сейчасъ же нашелъ эту мысль восхитительной.

Глава III.

Природа.—Могилевскій «богатырь».—Панъ Стась продолжаетъ ухаживать за па-
номъ Арономъ.—Больная торговля и промышленность.—Призывъ бѣлорусскаго
помѣщика.—Что дѣлать?—Финансовыя задачи.—Ночь.—Подходимъ къ Моги-
леву... Въ погонѣ за достопримѣчательностями.—На «Валу».—На «Гомелѣ».—
Шкловскій писатель Давидъ Львовичъ.—Орша.—На пути къ Москвѣ.

Солнце закатывается краснымъ дискомъ гдѣ-то далеко надъ чер-
ной каемкой лѣса; зеленая степь будто загорается отъ багряныхъ
лучей. Днѣпръ неподвиженъ—какъ зеркало. Только за пароходомъ
пѣнится слѣдъ, отливая розовыми переливами зарево заката. Гладь
воды отражаетъ кирпичные берега, вербы, лѣсокъ съ застывшими
соснами и елями, плоты и сплавы, которые неслышно несутся намъ
навстрѣчу. Кое-гдѣ на нихъ вьются синеватыя струйки дыма; подъ

котелками, въ которыхъ готовится ужинъ, горитъ огонекъ; его окружаетъ группа сплавщиковъ.

Тихо. Пароходъ плавно скользитъ; слышно только мѣрное шлепанье колесъ; по небу проносится стая утокъ, исчезая въ тѣни, надвигающейся отъ лѣса.

На носу стоитъ матросъ, то и дѣло замѣряя шестомъ воду:

— Ше-есть. Се-емь. Четыре! доносится къ намъ.

И какъ только раздается это четыре, рыжевато-нѣмецкое лицо капитана хмурится и онъ кричитъ въ трубу:

— Малый ходъ. Завсэмъ маленьки хо-одъ!

Рулевой то быстро вертитъ колесо, то придерживаетъ его ногой; фигура его застываетъ въ напряженьи и ожиданьи; глаза сосредоточенно устремлены на фарватеръ, по которому, среди вѣхъ и красныхъ бакеновъ, лавируетъ пароходъ, «рыская» носомъ.

Капитанъ глядитъ хмуро и недовольно. Мы для него не существуемъ. Онъ, вѣроятно, мечтаетъ о своемъ дорогомъ «Vaterland'ѣ», о томъ, какъ бы скорѣе скопить деньгу и уйти отъ «rüssiche Narr» на свою милую родину, поближе къ Бисмарку и доброму баварскому пиву.

Рулевой—бѣлоруссъ, но не дикарь полѣшукъ, а должно быть смоленецъ, потершійся около великоросса. Сѣрые съ блескомъ глаза отважно, будто съ вызывомъ, глядятъ вдаль; лицо энергично; чувствуется уже «натура» и «воля». Изрѣдка онъ поглядываетъ на нѣмца—и взглядъ этотъ, съ искоркой внутренней усмѣшки, такъ, кажется, и говоритъ: «и на кой чортъ ты тутъ командуешь, когда я больше твоего знаю фарватеръ? Только въ тебѣ и проку, что ты нѣмецъ».

Совсѣмъ тихо. Природу начинаетъ сковывать дремота. Нѣжный, еще теплый вѣтерокъ ласкаетъ ухо, нашептывая что-то. Хорошо, легко. Кажется, будто летишь...

Панъ Стась снимаетъ мягкую зеленую шляпу-пирожокъ, съ кисточкой, похожей на щеточку для бритья, и вытираетъ обильный потъ на лицѣ и толстой загорѣлой шеѣ.

Аронъ Моисеевичъ кончаетъ пить чай, который онъ отхлебываетъ «въ прикуску», совсѣмъ à la russe, держа блюдечко на растопыренной пятернѣ.

— Еще стаканчикъ,—любезно предлагаетъ панъ Стась.

— Дзинькую пана.

Аронъ Моисеевичъ встаетъ, собираясь сойти внизъ. Онъ энергично захватываетъ свой носъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, выдуваетъ его содержимое на полъ площадки, потомъ достаетъ тонкій батистовый платокъ съ большой шелковой монограммой и аккуратно вытираетъ имъ сначала носъ, потомъ пальцы.

Панъ Стась брезгливо морщится, подмигивая мнѣ.

За Арономъ Моисеевичемъ сходитъ внизъ свита евреевъ, ведя какой-то дѣловой разговоръ.

Панъ Стась поглядываетъ на полъ — и его передергиваетъ отъ отвращенья.

— Видно, же онъ въ сморгоньской акадэміи изучалъ «политическу экономію». Видите, пане! Отъ такъ на этихъ шмаркательныхъ платкахъ они себѣ и капиталы строють. Бо ему одинъ такой платокъ на мѣсяць хватитъ... А ещо считается первый магилэусскій багатыръ!..

Чубатый панъ изъ Черкассъ не безъ ироніи замѣчаетъ:

— А вотъ, пане, може было бъ лучше, чѣмъ заводы строить, «пенціонъ» для нихъ открыть, чтобъ этикету обучать.

Панъ Стась и улыбается, и чувствуетъ себя задѣтымъ. Онъ глядитъ подозрительно на хохла, но ничего не отвѣчаетъ и направляется къ лѣстницѣ. Проходя мимо меня, онъ говоритъ, мигнувъ въ сторону хохла, язвительнымъ шопотомъ:

— Тоже—Мазэпа!

Панъ Стась, видимо, ни минуты не можетъ обойтись безъ общества Арона Мойсеевича.

— Вже пошолъ опять за своей «жинкой» ухаживать,— произноситъ хохолъ добродушно, тогда какъ и голосъ его, и брюшко вздрагиваютъ отъ сдержаннаго смѣха.

Бѣлорусскій помѣщикъ задумчиво-мечтательно глядитъ вдаль. Присутствіе пана Арона стѣсняло его. Теперь онъ продолжаетъ прерванный разговоръ:

— Да, всѣ мѣры, всѣ средства надо употребить, чтобы привлечь въ край русскіе капиталы и русскія силы. Только тогда и край станетъ русскимъ. Племенное объединеніе всегда зависитъ отъ общности экономической жизни: она сближаетъ и связываетъ интересы, она вызываетъ общеніе; а здѣсь главный рычагъ экономической жизни—коммерція—не въ нашихъ рукахъ. И, право, если бы сегодня сюда вмѣсто насъ пришелъ нѣмецъ, населеніе не замѣтило бы даже этой перемѣны; съ внѣшней стороны—да: вмѣсто русскаго солдата былъ бы нѣмецкій солдатъ, вмѣсто русскаго чиновника—нѣмецкій; но отсутствіе русскихъ не было бы замѣтно, такъ какъ они не проникли въ самую жизнь края, не слились съ ней, *не стали ея необходимымъ элементомъ*; этотъ элементъ попрежнему, какъ и въ старой Польшѣ и на Литвѣ, — *космополитъ еврей*, космополитъ не въ смыслѣ міроваго братства и слиянія человѣчества, а космополитъ *по интересамъ только* и по необходимости, тотъ самый историческій еврей, который безразлично каждому побѣдителю открывалъ городскія ворота, встрѣчая съ хлѣбомъ-солью, выпрашивая себѣ льготы и дѣлаясь сейчасъ же необходимымъ человѣкомъ.

— Но вѣдь надо же и ему жить, въ самомъ дѣлѣ,—возражаю я,—вѣдь и онъ движетъ и торговлю, и промышленность...

— Ахъ, Боже мой,—нервно перебиваетъ меня мой собесѣдникъ,—какъ будто я говорю, что не надо, или отрицаю его права и значенье здѣсь? Вопросъ весь въ томъ, насколько выигрываетъ отъ этого сліяніе края съ нами и наша національная задача славянскаго объединенія. Капиталъ — это скопленный коллективный трудъ націи, и онъ долженъ оставаться *въ націи*, принося ей приращеніе; только тогда онъ и создастъ *ея* ростъ, *ея* благополучіе. Если же

онъ весь переходитъ въ руки корпораціи, которая пускаетъ его въ оборотъ исключительно съ цѣлью наживы и эксплуатаціи всего населенія, то всѣ выгоды отъ обращенія такого капитала остаются не въ населеніи, а въ корпораціи, которая эксплуатируетъ населеніе въ свою пользу властью и всемогуществомъ капитала; такая корпорація и вообще является вредной аномаліей въ общественномъ организмѣ; а если она при этомъ стоитъ еще обособленно и въ національномъ отношеніи, тогда прямо становится на этомъ организмѣ какимъ-то неестественнымъ наростомъ, мѣшающимъ правильному развитію его, поглощающему его жизненную силу и соки.

Помолчавъ минуту, онъ прибавляетъ:

— Вы говорите—торговля, промышленность... Да, они двигаютъ здѣсь ее. Но какъ? Присмотритесь къ торговлѣ: это не широкая, здоровая торговля, которая вольно катилась бы по коммерческому руслу; основа ея—хищничество, нажива и мелочность, которыя, при страшной сплоченности, убиваютъ экономическую жизнь. Они никогда не рискуютъ, они всегда идутъ навѣрняка: есть возможность заработать копѣйку—они задерживаютъ движенье капиталовъ, ожидая, пока настанетъ возможность заработать рубль; нѣтъ ея, наступилъ застой — капиталы лежатъ непроизводительно, они не отважатся создать какое-нибудь новое дѣло, которое вызвало бы примѣненіе капиталовъ, производительной энергіи и рабочей силы страны.

— Вы забываете, что у нихъ нѣтъ правъ, что они сидятъ непрочно, всегда въ какомъ-то «походномъ» состояніи...

— Вотъ—вотъ! Но вѣдь это «походное» состояніе продолжается столѣтіями, они нигдѣ не сидятъ прочно и увѣренно—и эта унаслѣдованная національная особенность всегда создаетъ между ними и страной, въ которой они живутъ, обособленность. Нигдѣ и ни въ чемъ инстинктъ осѣдлости не проявляется основательно, устойчиво; строятся они—какъ-нибудь, на живую нитку, неуютно, лишь бы только подешевле было; хозяйство, если они хозяйничаютъ, тоже все изъ латочекъ да подпорочекъ; фабрику ли устроятъ—опять та же мелочность и грошевая скаредность, то же сморканье на полъ при батистовомъ платкѣ съ шелковой монограммой... Единственная вѣра — вѣра въ капиталъ, который можно всегда унести съ собой и въ самую Америку, которымъ можно купить все... Вотъ въ этомъ-то и горе... Нѣтъ органической связи со страной и высокаго сознанія общности интересовъ.

— Они ли виноваты въ этомъ? спрашиваю я. Не виновато ли все человѣчество, которое безпрерывными гоненіями само изолировало ихъ, заставивъ, въ интересахъ самосохраненія, сплотиться въ такую сомкнутую корпорацію?

— Теперь возьмите промышленность, продолжаетъ онъ, и фабричное производство? Развѣ это здоровая, нормальная промышленность, развѣ вы не видите, что она выросла подъ давленіемъ болѣзненной погони за наживой и нервно напряженной конкуренціи?..

— Но вѣдь конкурренція вездѣ на землѣ—неизбѣжное условіе торговли и промышленности...

— Вездѣ, да! Но нигдѣ она не проявляется въ такой болѣзненной формѣ, и нигдѣ никто, охваченный ея азартомъ, не рѣшится на то, на что рѣшаются наши коммерсанты. Не рѣшится и потому, что совѣсть есть, и потому, что не позволятъ... А здѣсь что? Вотъ-съ этотъ сюртукъ на мнѣ—продуктъ Лодзи или Бѣлостока... Лодзь конкуррируетъ съ Бѣлостокомъ, Лодзь и Бѣлостокъ конкуррируютъ съ фабричной промышленностью центральныхъ губерній, а всѣ вмѣстѣ—съ заграницей. Чтобы выдержать такую конкурренцію и между собой, и извнѣ, необходимо, чтобы продуктъ имѣлъ огромный сбытъ и былъ высокаго качества... Максимумъ спроса зависитъ отъ максимума дешевизны... И фабриканты наши бьютъ именно на эту дешевизну, вырабатывая продуктъ, который *по внѣшности* выглядитъ качествомъ не хуже заграничнаго... Да, но только по внѣшности. Костюмъ изъ англійскаго трико я ношу три-четыре года, а изъ нашего—годъ. Правда, послѣдній вдвое дешевле перваго, но эта дешевизна—обманъ, за который я же приплачиваюсь. Жена прельстилась дешевизной и накупила бѣлостокскихъ и лодзинскихъ одѣялъ по 3—4 руб. штуку; и рисунокъ свѣжій, и цвѣта хороши, и пушисты; но вотъ наши старыя, заграничныя одѣяла десятый годъ служатъ, не измѣнивъ ни красокъ, ни ворса, а эти въ полгода и пухъ потеряли, и вылиняли, ставъ тряпкой. И такъ во всемъ... Конкурренція требуетъ возможной дешевизны производства, да! Но есть всему мѣра, есть грань порядочности, которую не рѣшится переступить честный человѣкъ. Ея-то и нѣтъ у евреевъ-коммерсантовъ. Въ схваткѣ, въ азартѣ конкурренціи они готовы на все. Въ погонѣ за дешевизной производства, фабрики вырабатываютъ продукты изъ отбросовъ; всѣ техническія усилія направляются въ тому, чтобы придать имъ внѣшній видъ и блескъ; фабрика, при другихъ заказчикахъ, не легко сбыла бы этотъ бракъ; но она имѣетъ сотни тысячъ клиентовъ изъ евреевъ-торговцевъ, которые пользуются скидкой и громаднымъ кредитомъ, навязывая населенію тотъ именно продуктъ, какой они пожелаютъ. Создается насильственная фабричная монополія, населеніе пріобрѣтаетъ товаръ, который его заставляютъ пріобрѣсти, и товаръ гнилой. Въ силу этого—на свой домашній обиходъ и на жизнь оно расходуетъ почти вдвое больше; и эти средства идутъ для поддержки конкурренціи между фабриками, вырабатывающими гнилой и негодный матерьялъ фабриками, которыя часто губятъ другія фабрики, производящія прочный и хорошій продуктъ. Получается такая картина: гигантскій трудъ, снабжающій населеніе гнилью, и перепроизводство отбросовъ и гнили, вызывающее экономическій кризисъ или застой. Здоровая экономическая жизнь не можетъ развиваться при такой обстановкѣ... И вотъ вамъ финансовыя задачи, отъ которыхъ зависитъ подъемъ нашего благосостоянія: учредите строгій контроль производства, повысьте качество продукта, подавите горячку больной, неестественной конкурренціи—и вы устраните излишній и непроизводительный трудъ, который можно будетъ направить на другую сторону экономической жизни, урегулировавъ производительныя силы страны...

Наступаетъ молчаніе.

— Да,—говоритъ онъ немного погодя,—надо привлечь сюда русскихъ коммерсантовъ, безъ этого дѣло не двинется. Не отрицаю, на первыхъ порахъ это, можетъ быть, и обострить конкурренцію, но *такая* конкурренція нужна намъ! Она устранитъ теперешнюю монополію, наше экономическое рабство—и тогда мы воспрянемъ. Это усилило бы внутренній обмѣнъ продуктовъ, слило бы экономическими артеріями окраины съ центромъ... И знаете ли, если бы между каждымъ уголкомъ Россіи установился нормальный обмѣнъ экономическихъ силъ, наша экономическая жизнь могла бы настолько регулироваться, что мы стали бы въ полную независимость отъ Европы. Помилуйте, въ то время, когда одна половина Россіи проситъ хлѣба, другая вывозитъ его заграницу, когда гдѣ-нибудь на югѣ бутылка вина стоитъ двугривенный и не знаютъ, куда и какъ его сбыть, на сѣверѣ она продается за рубль при пятикопѣечной стоимости провоза... И такъ все.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы вамъ не попробовать,—замѣчаю я,—пока-что—сплотиться въ ожиданьи помощи русскихъ капиталистовъ, образовать компаніи...

— Вы развѣ забыли, что сейчасъ говорилъ этотъ помѣщикъ изъ Черкассъ? Слишкомъ, кромѣ того, разнородный элементъ представляетъ наше населеніе—и городское и деревенское... Вотъ вамъ, напримѣръ, мои сосѣди по имѣнію: съ одной стороны—панъ Стась, съ другой еврей, подъименный арендаторъ, съ третьей—тоже арендаторы, какой-то нѣмецъ изъ Остзейскаго края, съ четвертой—русскій чиновникъ, который живетъ въ Петербургѣ и никогда не заглядывалъ въ свое имѣніе... Вотъ и сплотите все это въ компанію. А капиталы все-таки, не забудьте, въ рукахъ евреевъ. И разъ ваши дѣла пошатнулись—вы гроша не получите въ кредитъ. Эта масса такъ удивительно солидарна, что она всегда лучше васъ знаетъ и вашу кредитоспособность, и ваши средства... Однако, становится свѣжо...

Потемнѣло. На небѣ замигали звѣзды. Изрѣдка вдоль берега свѣтятся сигнальные фонари.

Сходимъ. Палубные пассажиры располагаются спать. Кое-гдѣ ужинаютъ, большей частью селедкой съ чернымъ хлѣбомъ. Гдѣ-то на бакѣ слышится гармоника. Какой-то старикъ набожно крестится на сонъ грядущій. Матросы сидятъ у дымящейся миски щей. Изъ машиннаго отдѣленія доносится шипѣнье пара. Рычаги ворочаются, сверкая шлифованной сталью. Проходимъ осторожно, лавируя между руками, ногами и головами спящихъ, сбившихся въ сѣрую кучу.

Въ каютѣ душно. Сердитый офицеръ и еще два пассажира играютъ въ карты. Малороссъ приготовляетъ себѣ постель—и какъ разъ подлѣ занятаго мной угла на диванѣ. Мнѣ становится даже немного страшно: по комплекціи видно, что всю ночь будетъ храпѣть надъ моимъ ухомъ. Удовольствіе! Сажусь ужинать. Днѣпровская разварная стерлядка недурна; но вкусъ отравляетъ то панъ Стась, пускающій въ меня клубы пресквернаго табаку, должно

быть—«Самкрошэ», то панъ Аронъ, продолжающій сморкаться экономическимъ способомъ.

Панъ Стась какъ будто начинаетъ-таки побѣждать своимъ ухаживаньемъ пана Арона. По крайней мѣрѣ по сіяющимъ глазамъ и сладкому тону, которымъ онъ говоритъ вполголоса, можно заключить это.

— Нну, али жъ ввѣраю васъ! Какъ Бога люблю!—убѣждаетъ онъ не безъ нѣкоторой страстности.

На минуту въ каютѣ происходитъ переполохъ. Входитъ какая-то довольно миловидная не то дѣвица, не то дама и, посматривая на наши чемоданы смущенно-растеряннымъ взглядомъ, говоритъ быстро:

— Ахъ, извините! Здѣсь, кажется, мой чемоданъ. Впрочемъ, кажется, нѣтъ... Ахъ, я не знаю, куда его дѣлъ этотъ носильщикъ... Онъ такой черненькій, съ мѣдными углами. Ахъ, прошу васъ, не безпокойтесь. Если онъ, здѣсь, пусть себѣ будетъ... Я боялась, что пропалъ... Онъ сейчасъ не нуженъ, завтра только... Благодарю васъ! Извините.

Офицеръ вскакиваетъ, шаркнувъ зачѣмъ-то ногой и зазвенѣвъ шпорами; лицо его принимаетъ совсѣмъ привѣтливый видъ.

— Ежели (удареніе на *же*) вамъ вгодно, я поищу,—предлагаетъ панъ Стась, тоже поднимаясь и, несмотря на свои «подъ-пятьдесятъ», молодцевато покручивая усъ.

— Ахъ—зачѣмъ же! Ахъ—не надо!..

И она исчезаетъ. Мужчины переглядываются. Панъ Стась толкаетъ меня.

— Пенкна паненка! Ежели-бъ я былъ кавалеръ (удареніе на *ва*) ...ого-го-го!

Аронъ Мойсеевичъ скептически улыбается. Идутъ предположенія насчетъ «паненки». Одни рѣшаютъ, что это просто пассажирка, другіе—что «пароходная странница».

Полночь. Пароходъ стоитъ гдѣ-то у пристани. Слышно, какъ вода плещется о бортъ. Надъ нами по палубѣ стучатъ кованными сапогами. Пассажиры спятъ. Только пароходный агентъ съ полипомъ въ носу что-то возится. Онъ приспособляетъ къ стѣнѣ небольшой резервуаръ съ водой и каучуковой трубкой, потомъ начинаетъ полоскать носъ. Бульканье воды сливается съ жестокимъ храпомъ моего сосѣда, въ которомъ, кажется, все нутро клокочетъ, точно каша въ котлѣ... Не заснешь!

4-е августа.

Ясное утро. Вдали вырисовываются высокіе берега Могилева. Могилевскій видъ очень похожъ на гомельскій, только здѣсь и Днѣпръ поуже Сожа, и берега сомкнуты тѣснѣй. Масса зелени, изъ которой выглядываютъ пестрыя крыши и стѣны домовъ.

Пароходъ подходитъ къ пристани. Начинается суета. Палубная публика, классные пассажиры, носильщики съ багажомъ—все это перемѣшалось въ пеструю кучу; давка, толкотня, шумный говоръ. На пристани обступаютъ комиссіонеры изъ гостиницъ, подавая карточки и выкрикивая ломаннымъ русскимъ языкомъ съ еврейскимъ акцентомъ:

— Грандъ-Отель! Отель де Пари-Пассэ... Готель Дэвропъ.

Пароходъ только въ полночь отойдетъ въ Оршу. Ѣду обозрѣвать городъ. Экипажъ медленно ползетъ въ гору по булыжной мостовой. Выѣзжаемъ на площадь; слѣва, надъ зеленымъ обрывомъ берега, возвышается красивый розовый замокъ — губернаторскій домъ, справа — бѣлое зданіе ратуши съ башней и часами, далѣе старинная церковь, еще нѣсколько церквей...

Гуляю по городу. Чтобъ оріентироваться, захожу въ одинъ-два книжныхъ магазина — спрашиваю путеводитель. Евреи-приказчики смотрятъ на меня не безъ улыбки и недоумѣнья. Спрашиваю планъ — тоже не оказывается; спрашиваю о достопримѣчательностяхъ — говорятъ никакихъ, достопримѣчательностей нѣтъ. Чтобы пояснить вопросъ, спрашиваю о старинѣ и древностяхъ: никакой старины и древностей, говорятъ, тоже не имѣется. И это понятно: то прошлое, которое пронеслось здѣсь, для нихъ не интересно; а ихъ прошлое не оставило никакого слѣда. Впрочемъ, подъ конецъ-таки вспоминаютъ, что есть, кажется, этнографическій и археологическій музей, учрежденный губернаторомъ, но какъ и когда можно туда попасть, никто не знаетъ. Другая достопримѣчательность, которой нѣтъ пока, но которая будетъ, это—«Могилевскій Листокъ»; подписка на него уже принимается въ редакціонной молочной или молочной редакціи. Больше, увѣряютъ, рѣшительно никакихъ достопримѣчательностей нѣтъ. И не надо. Однако разспросы мои видимо наводятъ на подозрѣнье. Никто ничего у нихъ, кромѣ учебниковъ и романовъ, не спрашивалъ, а тутъ вдругъ — подавай достопримѣчательности. Любопытствуютъ, зачѣмъ онѣ мнѣ понадобились. Объясненіе мое не удовлетворяетъ, взгляды — скептическіе: такъ и пытаются прочитать, не для молочной ли газеты собираются эти свѣдѣнія. Благодарю и ухожу.

Чрезъ часъ я безъ всякаго плана знакомъ уже съ планомъ. Онъ очень простъ. Разставьте большой и указательный палецъ—и вотъ вамъ двѣ главныхъ улицы—Днѣпровскій проспектъ и Большая Садовая. Онѣ собственно и составляютъ городъ. Въ центрѣ, отъ котораго расходятся эти улицы, площадь съ магазинами, чистенькимъ скверомъ и театромъ, немного далѣе—другая площадь, ближе къ берегу, съ губернаторскимъ домомъ и живописнымъ садомъ «Валомъ», разбитымъ надъ отвѣснымъ высокимъ обрывомъ, подъ которымъ протекаетъ Днѣпръ, изгибаясь вдоль высокихъ зеленыхъ горъ въ садахъ и лѣсахъ. Лѣвый берегъ—гладкая равнина, вышитая узоромъ пестрыхъ нивъ съ темнозеленой бахромой лѣсовъ и синеватой каемкой вдоль горизонта.

Съ «Вала» открывается чудный видъ на Днѣпръ, предмѣстье Могилева, Лопуловъ, разбросанное въ зелени садовъ пестрыми кубиками, надъ которыми высится нѣсколько зеленокуполыхъ церквей, и безконечную равнину съ сѣрымъ московскимъ шоссе, тоже Николаевской эпохи. На окраинѣ предмѣстья еще возвышается за-

става, напоминая тріумфальную арку. Городъ соединенъ съ предмѣстьемъ мостомъ. Населеніе Могилева преимущественно еврейское. Русскихъ магазиновъ почти нѣтъ. Историческая типичность исчезаетъ въ нивеллирующей безцвѣтности шаблонной архитектуры. Но въ общемъ чувствуется какой-то особенный колоритъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, наложенный другимъ, чуждымъ современному, строемъ исторической жизни.

Вечеромъ я на «Валу».

Гуляющихъ немного; двѣ трети публики—евреи. На обществѣ печать провинціализма и скуки жизни. Меня оглядываютъ съ ногъ до головы съ провинціальнымъ любопытствомъ.

Любуюсь видомъ. Подо мной, въ глубинѣ, пристань; у нея лѣниво отдыхаетъ «Рогачевъ». Далѣе нѣсколько баржъ, плоты... Движенья мало.

Трубачи бойко играютъ маршъ «Птичка».

Меня охватываетъ какая-то таинственная атмосфера прошлаго этого города, пронесшагося надъ нимъ за пять вѣковъ его жизни... Литва, Польша, магдебургское право, осада и взятіе его русскими въ XVII вѣкѣ, измѣна населенія и избіеніе русскаго гарнизона, истребленіе города пожаромъ въ XVIII вѣкѣ—съ ярко освѣщенной заревомъ величественной фигурой Петра Великаго, сраженіе между войсками Даву и Багратіона въ двѣнадцатомъ году—борьба, кровь, огонь, смерть, весь ужасъ ненависти и вражды...

А Днѣпръ все такъ же тихо и величаво катитъ изъ вѣка въ вѣкъ свои воды, отражая въ зеркальной глади выросшій надъ нимъ неугомонный людской муравейникъ и навѣвая своимъ покоемъ сознаніе какой-то вѣчной правды, предъ которой и злоба, и вражда, и всѣ дикія страсти этого муравейника кажутся такими ничтожными и безумными.

Около полуночи переселяюсь съ «Рогачева» на «Гомель». Льетъ тропическій дождь; парусный навѣсъ не выдерживаетъ его напора; грязная палуба вся въ лужахъ.

Пароходъ совсѣмъ маленькій.

Въ каютѣ — тѣснота. Гдѣ-то въ темнотѣ, изрѣдка озаряемой огнемъ молніи, слышится другой свистокъ, будто перекликающійся съ «Гомелемъ». Это пароходъ «Воробей», конкуррирующій съ русскимъ обществомъ пароходства. На «Воробьѣ» до Орши вдвое дешевле. Евреи почти всѣ хлынули туда. А въ нашу каюту набивается все больше и больше публики. Становится очевиднымъ, что негдѣ будетъ не только спать, а и сидѣть.

Пароходъ покачиваетъ. Плывемъ. Дождь. Громъ и молнія. Становится жутко. Публика все новая. Подлѣ меня пьютъ чай два еврея культурнаго облика. Одинъ изъ нихъ, Давидъ Львовичъ, оказывается писателемъ изъ Шклова. Онъ имѣетъ видъ отставного военнаго: лицо, испорченное оспой, выбрито; рыжеватые усы съ подусниками закручены лихо; на глазахъ темные очки. Собесѣдникъ его, пожилой, полный брюнетъ, глядитъ поверхъ очковъ въ золотой оправѣ въ записную книжку и читаетъ что-то. Прислушиваюсь.

Оказывается, что онъ объясняетъ ключъ сначала къ дешифрированью языка цвѣтовъ, а потомъ и цифръ... Мнѣ представляется картина пантофельной почты и тайной еврейской переписки, охватившей весь Западъ Россіи паутиной неуловимой, но прочной, какъ стальная сѣть, какъ проволока мышеловки...

Давидъ Львовичъ говоритъ очень громко о какой-то своей статьѣ, гдѣ-то напечатанной, и при этомъ оглядываетъ публику, словно бы желая посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвело его заявленіе. Собесѣдникъ восторгается его идеями — и лицо Давида Львовича расплывается отъ удовольствія.

Составляется винтъ. Часть публики окружаетъ играющихъ. Остальные пассажиры пытаются заснуть, — кто изогнувшись калачикомъ, на диванѣ, кто на стульяхъ и чемоданахъ, кто на полу. Духота. Дышать нечѣмъ. Закрываю глаза — заснуть нѣтъ мочи; двинуться тоже нельзя; подъ ногами чья-то голова, надо мной тоже какая-то косматая голова и рука, которая вотъ-вотъ вцѣпится въ мою физіономію. А въ ушахъ безпрерывно звучитъ: пять бубенъ, пасъ, вамъ ходить, маленькій шлемъ... Кошмаръ какой-то. И такъ до утра.

На разсвѣтѣ Давидъ Львовичъ съ половиной пассажировъ высаживается въ Шкловѣ.

Выхожу на капитанскую площадку. Свѣжо. Небо ясно. Съ рѣки вздымается туманъ, кажущійся розоватымъ отъ лучей восхода.

Вдали видна Орша.

Днѣпръ здѣсь совсѣмъ узкій; курица въ бродъ перейдетъ. Берега — низкіе. Тамъ и сямъ темнѣетъ боръ. Пароходъ идетъ медленно, и кажется, вотъ-вотъ врѣжется носомъ въ берегъ. Даже повернуться ему негдѣ. Не вѣрится какъ-то, что это тотъ—самый могучій красавецъ Днѣпръ, который разливается такимъ широкимъ потокомъ подъ Кіевомъ, Кременчугомъ или Екатеринославомъ, тотъ самый Борисоенъ, который игралъ такую роль въ жизни человѣчества.

Справа бѣлѣетъ на фонѣ лѣса монастырь; медленно огибаемъ его, полземъ мимо кладбища — и мы въ Оршѣ. Опять суета, расчеты, «на чай», просительское ожиданіе на лицахъ. Наконецъ багажъ мой на извозчикѣ. Проѣзжаю грязной базарной площадью мимо Покровскаго монастыря и какого-то страннаго чернаго, неуклюжаго, точно пирамида на сваяхъ, зданія къ центру города, довольно опрятному, съ двухъ-этажными домами и соборомъ. Словно въ панорамѣ проносятся улицы, гдѣ рядомъ со щеголеватыми зданіями скромно лѣпятся, какъ будто сконфуженныя такой компаніей, лачужки. До вокзала три версты. Городъ остается позади. Опять поле съ ковромъ нивъ и рощей, изъ которой выглядываетъ кирпичная крыша станціи. Проѣзжаю мимо ряда веселыхъ домиковъ съ уютными цвѣтниками, гдѣ кисти рябины склоняются къ пышнымъ георгинамъ, и пересѣкаю полотно со стальной нитью рельсъ. Я у главной артеріи, соединяющей сердце Россіи съ Европой.

Глава IV.

Мимо Смоленска.—Призраки Бородина.—Москва.—Въ „Лоскутной“.—Въ пого-
нѣ за путеводителемъ.—Московскій разгулъ.—Въ „Фантазіи“.

Въ шесть часовъ вечера поѣздъ останавливается у смоленскаго
вокзала. Здѣсь узелъ московско-брестской и орловско-витебской
дорогъ.

Гляжу въ путеводитель. Отъ Минска всего триста десять верстъ.
А между тѣмъ вѣетъ какой-то иной жизнью. На крытомъ дебар-
кадерѣ суетится густая толпа; но это уже не толпа минскихъ вок-
заловъ; еврей покажется изрѣдка и затеряется въ массѣ; въ гулѣ
голосовъ преобладаетъ отчетливый говоръ великоросса; даже бѣ-
лоруссъ какъ будто отчеканиваетъ слова бойчѣй и не «цокаетъ»,
какъ обыкновенно.

Въ залѣ такая же толкотня, какъ и на платформѣ. У кіота съ
образами и теплящейся лампадкой нѣсколько молящихся; крестятся
двѣ дамы, какой-то пассажиръ; въ залѣ третьяго класса предъ об-
разомъ тоже молятся. Уже замѣтно, что общая религія преобла-
даетъ въ публикѣ, и она не стѣсняется осѣнить себя крестнымъ
знаменіемъ, какъ среди иновѣрцевъ.

Туманно. Чуть моросить.

Поѣздъ отходитъ. Стою у окна. На холмахъ, на фонѣ тем-
ныхъ лѣсовъ, вырисовывается Смоленскъ съ нѣсколькими церква-
ми оригинальной старинной архитектуры; одна красновато-кирпич-
наго цвѣта, остальныя синеватыя и голубыя, съ зелеными крыша-
ми. Городъ сползаетъ до самаго полотна дороги; въ концѣ крѣ-
пость съ ломанной линіей стѣнъ, огибающихъ Смоленскъ пятиверст-
нымъ кольцомъ; въ крѣпости тоже голубая церковь. Зеленыя кры-
ши и голубыя стѣны образуютъ какое-то странное цвѣтное со-
четанье, производящее болѣзненное впечатлѣніе.

Днѣпръ, который я оставилъ у Орши, за сто верстъ, извивает-
ся гдѣ-то вдоль этихъ холмовъ, но его не видать.

Публики въ вагонѣ немного и все не интересная: настоящая
публика второго класса, съ ея необщительностью, подозрительнымъ
оглядываньемъ и мрачно-озлобленнымъ видомъ въ готовности от-
стаивать занятый диванъ.

Продолжаю глядѣть на убѣгающій и исчезающій въ туманѣ Смо-
ленскъ.

Опять вспоминается прошлое съ мрачной эпохой удѣльныхъ раз-
доровъ, осада и разореніе города въ XIV и XV вѣкѣ—литовцами,
въ началѣ шестнадцатаго—русскими, въ началѣ семнадцатаго—по-
ляками и, наконецъ, въ 1812 году—французами... Если бы всѣ тѣ
сотни тысячъ людей, которые когда-то глядѣли отсюда на эти хол-
мы въ ожиданіи побѣды, могли бы хоть на мигъ воскреснуть, ка-
кой жестокой насмѣшкой показалась бы имъ теперь надъ всей ихъ
жизнью та борьба, какой мелкой—племенная вражда предъ этимъ
скованнымъ въ океанъ славянскимъ міромъ.

Темнѣетъ. Гдѣ-то изъ мглы выступаетъ ярко освѣщенный пяти-этажный корпусъ Ярцевской фабрики; точно какая-то гигантская вафля съ длинными рядами свѣтящихся клѣтокъ. Это громадная Хлудовская мануфактура, производящая миткаль.

Поѣздъ мчится дальше. Минуемъ Вязьму, Гжатскъ и Бородино, гдѣ восемь десятковъ лѣтъ тому назадъ разыгралась кровавая трагедія, гдѣ каждый уголокъ земли вспоенъ кровью восьмидесяти тысячъ русскихъ и «двунадесяти языковъ». Восемьдесятъ тысячъ жизней, уничтоженныхъ въ нѣсколько часовъ! И какихъ жизней! Цвѣта, молодости, силы враждующихъ націй... Восемьдесятъ тысячъ, повторяю я себѣ, пытаясь представить весь ужасъ этой картины, и воображеніе безсильно воспроизвести ее. Это цѣлый большой городъ, это густая сплошная толпа, запрудившая улицу въ нѣсколько верстъ, это—почти восемьдесятъ кавалерійскихъ полковъ, восемьдесятъ полковъ молодыхъ, полныхъ здоровья, энергіи, жизни и красоты героевъ, которые въ нѣсколько часовъ превращаются въ груду изуродованныхъ, гніющихъ труповъ... И для чего?.. Для того, чтобы сегодня ихъ дѣти и внуки, полные симпатій и восторженной братской любви, бросались въ объятья другъ друга при единодушныхъ возгласахъ—vive la Russie! vive la France!

Мнѣ мерещится во мглѣ маленькій чуть сутуловатый призракъ въ треуголкѣ, мундирѣ и бѣлыхъ брюкахъ. Онъ скрестилъ на груди руки и глядитъ сѣрыми, неподвижными, какъ у трупа, глазами на эту равнину смерти... Еслибъ онъ зналъ!.. Но развѣ онъ не зналъ! Развѣ онъ не зналъ исторіи человѣчества, исторіи древняго міра, Греціи и Рима, міровое могущество котораго онъ хотѣлъ отвоевать для своей родины?.. Развѣ онъ не видалъ, не понималъ, не зналъ, что мощь націи зависитъ не только отъ ея побѣдъ, но и отъ ея внутренней, духовной силы, сковывающей ее въ цѣльный организмъ, развѣ онъ не зналъ, что Римъ, при всемъ его всемогуществѣ, разложился и распался, несмотря на всѣ побѣды, отъ внутренняго безсилія, что не стоило проливать этой крови, если жизненность націи не создается огнемъ и мечемъ, что историческія судьбы народовъ зависятъ не только отъ мимолетнаго каприза случайныхъ побѣдъ?..

И развѣ онъ не зналъ, что губитъ всѣ силы своей Франціи, той Франціи, которая сегодня вырождается, которая создаетъ поощрительные законы, чтобы вызвать ростъ вымирающаго населенія?

Мнѣ вспоминаются жестокіе, жгучіе, какъ раскаленное желѣзо, ямбы Барбье:

„Encore Napolèon! encore sa grande image!
Ah, que ce rude et dur guerrier
Nous a coûté de sang et de pleurs et d'outrage
Pour quelques rameaux de laurier!“

и далѣе:

O Corse à cheveux plats! que ta France était belle
Au grand soleil de messidor!

C'était une cavale indomptable et rebelle,
Sans frein d'acier ni rênes d'or...“ *).

. . . .

6-е августа,

Седьмой часъ. Ясное утро. Поѣздъ бѣжитъ опять по безконеч-
ной равнинѣ. Я уже въ семистахъ верстахъ отъ Минска, а природа поч-
ти не измѣнилась; точно продолженіе Бѣлоруссіи. Та же зеленая
даль, изрѣдка испещренная полосами нивъ съ убраннымъ хлѣбомъ,
тѣ же сизыя ленты лѣсовъ вдоль горизонта, тотъ же манящій про-
сторъ, какъ будто призывающій къ труду и борьбѣ...

Со станціи Кунцево слѣва отъ поѣзда выступаетъ какая-то не-
ясная фіолетовая зубчатая кайма, захватывающая весь горизонтъ.
Поѣздъ поворачиваетъ—и кайма показывается уже справа. Чѣмъ
дальше, тѣмъ она становится яснѣй, принимая сизовато-розовый
оттѣнокъ. Сначала смутно, какъ миражъ, потомъ все отчетливѣй
выростаютъ высокія башни и стройныя, какъ мачты, фабричныя
трубы; за ними изъ загадочной дали надвигается цѣлый лѣсъ дру-
гихъ башенъ, мачтъ и гигантскихъ каменныхъ громадъ; въ розо-
вомъ сіяніи сверкаютъ купола церквей; вдоль горизонта все боль-
ше расползается пестрая панорама огромнаго города въ радугѣ
всѣхъ красокъ. Солнце ярко освѣщаетъ Москву, сверкающую се-
ребромъ и золотомъ своихъ колоколенъ.

Величественный храмъ Спасителя, весь бѣлый, господствуетъ
надъ городомъ, сіяя золотой митрой. Я сразу узнаю его и коло-
кольню Ивана Великаго, возвышающуюся надъ группой другихъ бѣ-
лыхъ колоколенъ. Почему-то вспоминаются русскія былины, рус-
скіе богатыри, подъѣзжающіе къ невѣдомымъ сказочнымъ городамъ
въ погонѣ за жаръ-птицей, въ поискахъ волшебной царевны... Ка-
кимъ-то маревомъ, полнымъ фантазіи востока, вѣетъ отъ этого
вида.

Поѣздъ проносится надъ Москвой-рѣкой по только-что выстро-
енному мосту. Еще гуще становится лѣсъ фабричныхъ трубъ, еще
пестрѣй и оригинальнѣй башни и колокольни, то остроконечныя,
то съ круглыми, то съ луковицеобразными макушками. Сегодня
Спаса. Надъ городомъ носится могучій гулъ колоколовъ; что-то
бодрящее и ласкающее чувствуется въ тягучемъ благовѣстѣ; ухо
едва можетъ уловить колокольную гамму, которой перекликаются
тысячи колоколовъ, сливаясь въ волнахъ то наростающей, то за-
мирающей гармоніи.

На душѣ становится какъ-то необыкновенно хорошо и свѣт-
ло, точно и ясное небо, и сіяющій древній городъ, и этотъ тор-

---

*) Опять Наполеонъ! Опять его великій образъ!
Ахъ, сколько крови, слезъ и оскорбленій намъ стоилъ этотъ суровый и же-
стокій воинъ изъ-за нѣсколькихъ вѣточекъ лавровъ! О, корсиканецъ съ при-
глаженными волосами! Какъ хороша была твоя Франція подъ величественнымъ
солнцемъ мессидора, неукротимая и мятежная, какъ кобылица безъ стальныхъ
удилъ и золотыхъ возжей...

жественный звонъ колоколовъ вливаютъ въ нее какую-то жизне-радостную струю.

Полземъ безконечно долго мимо цѣлой арміи вагоновъ, пока добираемся до вокзала. Безпрерывная цѣпь поѣздовъ, то вытянутыхъ стройной вереницей, то маневрирующихъ, вызываетъ представленіе о какой-то исполинской энергіи и дѣятельности человѣка. Меня какъ будто даже оробь беретъ, когда я думаю, что здѣсь шесть такихъ же пунктовъ, на которыхъ каждый часъ отходятъ и прибываютъ поѣзда, то вливая въ это море, то унося изъ него человѣческія жизни, то увозя, то привозя милліоны пудовъ груза.... Москва кажется мнѣ въ эту минуту паукомъ, который, растопыривъ во всѣ концы Россіи свои ножки, держитъ въ нихъ всю русскую жизнь центральной полосы.

Ни вокзалъ, ни суетливая публика, ни рослые жандармы и городовые, ни извозчики не имѣютъ вылощеннаго столичнаго вида, какъ въ Петербургѣ. Чувствуется, что попалъ въ широкое русло громаднаго потока жизни, но безъ той напряженности и подтянутости, какія создаются въ административномъ центрѣ государства, гдѣ каждый «на чеку».

Фигура великоросса какъ-то сразу, опредѣленно и отчетливо, вырисовывается изъ пестрой толпы. И, надо сказать правду, она захватываетъ и подкупаетъ невольно, особенно при сравненіи съ замкнутымъ, подозрительнымъ и боязливымъ бѣлоруссомъ. Я говорю, конечно, не объ интеллигентѣ—великороссѣ, который успѣлъ объевропеиться, окультуриться и даже выродиться, утративъ свой здоровый и непосредственный темпераментъ; я говорю о простой, цѣльной, свѣжей народной натурѣ, еще не потерявшей своей національной типичности въ шаблонѣ сюртучной цивилизаціи.

Великороссъ глядитъ откровенно, прямо—и даже не сморгнетъ; отъ этого взгляда вѣетъ и простотой, и добродушіемъ, и смѣлостью, которыя сразу завладѣваютъ вашимъ довѣріемъ; изрѣдка только въ глазахъ мелькнетъ веселый огонекъ; можно подумать, что онъ внутренно смѣется либо потому, что въ васъ нашелъ что-нибудь смѣшное, либо потому, что ему просто жить весело, либо, наконецъ, потому, что придумалъ, какъ половчѣй васъ надуть... Говоритъ онъ вѣжливо, предупредительно, не жалобно заискивающе, какъ бѣлоруссъ, а бойко, ясно, опредѣленно. «Чего-съ, да-съ, какже-съ»—это цѣлая музыка его языка, особенно въ московскомъ нарѣчіи, и надо поприслушаться и привыкнуть къ ней, чтобы понять всѣ оттѣнки, которые она придаетъ тону рѣчи. Это вовсе не холопское «чего-съ изволите» и «сей минутъ-съ»; эта приставка, можетъ быть, создалась именно въ силу потребности говорить возможно отчетливѣй, не растягивая гласныхъ. Малороссъ говоритъ—эге—или чого—и вамъ слышится какая-то и растянутость, и неясность звука; скажетъ великороссъ—чего-съ?—и сразу будто отрѣзалъ.

Извозчикъ везетъ вяло, умѣренной рысцой: «конецъ» не тотъ, что въ губернскомъ городѣ; до Лоскутной гостиницы (въ самомъ центрѣ города) версты четыре. Минуемъ Тверскую заставу, тріум-

фальную арку, Тверской бульваръ съ памятникомъ Пушкину справа и Страстнымъ монастыремъ слѣва, и опять безконечная панорама домовъ и магазиновъ Тверской улицы, московскаго Невскаго проспекта; конечно, ни той перспективы, ни тѣхъ грандіозныхъ зданій, ни того блеска магазиновъ, что на Невскомъ—нѣтъ; пожалуй даже кіевскій Крещатикъ поспоритъ съ Тверской; но въ Москвѣ десятки этихъ Тверскихъ, немного покороче,немного попроще; весь центръ города, а это значитъ площадь, окружностью верстъ въ пятнадцать, состоитъ изъ такихъ же улицъ, разныхъ Петровокъ, Дмитровокъ, Неглиннаго проѣзда и Кузнецкаго моста, элегантнаго переулка, въ которомъ, какъ и въ фамусовскія времена, сосредоточены всѣ главные магазины московскаго «fashionabl'я» и на которомъ, кстати сказать, никакого моста не существуетъ.

«Лоскутная», куда я заѣзжаю, вблизи Кремля, почти противъ Иверскихъ воротъ, по сторонамъ которыхъ, заслоняя видъ на Кремль и будто наваливаясь на огромную площадь, возвышаются два грандіозныхъ зданія красновато-кирпичнаго цвѣта, съ пузатыми точечными колонками, съ фасадами въ русскомъ стилѣ. Слѣва—дума, справа историческій музей, оба въ четыре—пять этажей, послѣдній съ башнями и пирамидальными крышами. Что-то величественное, но громоздское и неуклюжее; слишкомъ много ненужнаго «апликэ», слишкомъ много «стиля» и мало изящной естественности.

Занимаю номеръ во второмъ этажѣ. Небольшая комната; два окна выходятъ въ узкій переулокъ. Меблировка совсѣмъ провинціальная; цѣна—два рубля. Темновато, воздухъ тяжелый. На стѣнѣ подозрительныя красноватыя пятна.

— Да у васъ клопы! говорю я съ ужасомъ «нумеранткѣ», очень похожей въ своемъ бѣломъ передникѣ и бѣломъ платкѣ на фламандку.

— Помилуйте, баринъ! протестуетъ она пѣвучимъ голосомъ, почти съ ужасомъ. У насъ о нихъ никогда и слышно не было.

— А это—что-жъ? и я тычу указательнымъ пальцемъ прямо въ пятна.

— Это-съ? спрашиваетъ она, не смущаясь. Это не клопы-съ. Это пріѣзжающіе есть такіе, что на стѣнки плюютъ.

— Что вы, Господь съ вами!

— Вѣрно-съ. Вы вотъ—аккуратный, а другіе есть такіе, что плюютъ-съ. Да-съ.

Она уходитъ, видимо обиженная за «репутацію» гостиницы. Мнѣ нисколько не легче отъ того, что есть такіе господа, которые плюютъ на стѣнки. Даже реномэ перваго класснаго отеля не можетъ успокоить меня.

Въ гостиницахъ Сѣверо-Западнаго края, едва успѣешь занять номеръ, какъ двери со скрипомъ растворяются, и въ нихъ робко просовывается голова еврея — комиссіонера или мишуриса.

— А къ намъ заѣхала одна очень хорошая паненка,—объявляетъ онъ ни съ того ни съ сего, съ лукаво-пошловатой улыбкой на лицѣ.

— Ну такъ что-жъ? спрашиваете вы.

— Ничего... Я только такъ... чтобъ вы себѣ знали.

И голова искусителя исчезаетъ. Комиссіонеръ, котораго я потребовалъ,—бойкій и расторопный великороссъ. По лицу его, открытому и приличному, вижу, что онъ съ такими предложеньями обращаться не станетъ. И то чувство гадливости, которое невольно испытываешь тамъ къ грязному «фактору», унижающему человѣческое достоинство, смѣняется здѣсь уваженіемъ.

Поручаю достать мнѣ путеводитель. Оказывается—всѣ магазины и сегодня, и завтра будутъ закрыты. Другой промолчалъ бы и, воспользовавшись моей оплошностью, прогулялся бы по городу, чтобы получить за комиссію. Еврей мишурисъ, навѣрно, сейчасъ же пустился бы во всѣ лопатки исполнить мое порученіе, выбѣжалъ бы за ворота, постоялъ бы полчаса, поговорилъ бы съ прохожими евреями о разныхъ гешефтахъ, потомъ, наконецъ, вбѣжалъ бы въ номеръ запыхавшись и сообщилъ бы, задыхаясь «отъ бѣготни»:

— Ой, вже скольки я хадзилъ и хадзилъ, паночку, тольки сапоговъ изнасилъ даромъ. Всѣ магазины закрыты.

Этотъ заявляетъ сразу и категорически, что сегодня не достать.

— Въ гостиницѣ нѣтъ-ли путеводителя?

— Нѣтъ.—Нѣтъ-ли плана, по крайней мѣрѣ?—Есть въ конторѣ,да большой, въ 4 аршина, виситъ на стѣнѣ.

Все-таки онъ еще обѣщаетъ поразспросить газетчиковъ: авось у кого-нибудь залежался путеводитель. Спустя часъ докладываетъ, что и у нихъ его нѣтъ.

Что тутъ дѣлать? Безъ плана не оріентируешься въ московскомъ лабиринтѣ. Два дня придется потерять напрасно. Вотъ тебѣ и столица! Даже не вѣрится какъ-то.

Отправляюсь гулять въ надеждѣ раздобыть все-таки гдѣ-нибудь путеводитель. Иду наудалую.—Попадаю совсѣмъ случайно на Дмитровку, а оттуда на Кузнецкій мостъ. Два - три французскихъ и нѣмецкихъ магазина открыты. Увы—ни путеводителя, ни плана. Иду въ надеждѣ набрести на букиниста, спрашиваю у газетчиковъ—все напрасно.

Невольно покоряюсь своей участи. Сажусь на конку. Внизу ничего не видно. Перехожу на имперіалъ. Часъ, два, три часа ѣду изъ одного конца въ другой, не зная, куда меня везутъ. Предо мной разворачивается безконечная панорама московскихъ улицъ, съ безпрерывнымъ потокомъ праздничной толпы. Что меня и поражаетъ, и огорчаетъ—это невообразимая масса пьяныхъ: и на тротуарахъ, и на извозчикахъ, и на конкѣ—вездѣ жертвы Бахуса. Нѣкоторые, еще не охмелѣвъ, карабкаются на имперіалъ, а потомъ ужъ и сойти не могутъ; какой-то пьяный растянулся подлѣ меня на скамейкѣ и заснулъ. Кондукторъ будитъ его, но безъ раздраженія: видно—привычная картина. Да и отъ него самого крѣпко попахиваетъ алкоголемъ, онъ и самъ не особенно твердо стоитъ на ногахъ. Перехожу съ вагона на вагонъ, съ одной линіи на другую—

и ѣду безъ конца. Нѣкоторыя улицы, даже нѣкоторыя церкви такъ похожи, что кажется, будто возвращаешься по прежнему пути. Почти нѣтъ улицы, гдѣ бы не было церкви. И публика то и дѣло обнажаетъ головы и крестится. Даже пьяные—и тѣ чисто механически водятъ безсильной рукой, пытаясь перекреститься.

Въ номерѣ нахожу на полу, очевидно просунутую подъ двери, программу знаменитой «Фантазіи». Изящная обложка, вродѣ тѣхъ, что на книжкахъ папиросной бумаги. На золотомъ фонѣ—дѣвица съ «формами» и заманчивой улыбкой. Въ обложкѣ—афиша очень многообѣщающая.

Обѣдаю въ Лоскутной. Обѣдъ изъ шести блюдъ—1 р. 70 к. Кормятъ недурно. Кухня на французскій манеръ и донышка артишоковъ называются въ меню «фондами» изъ артишоковъ, хотя портятъ ихъ совсѣмъ по-русски.

Гостиница въ общемъ хороша: семейная и приличная. Полная тишина. Даже гулъ колоколовъ заглушаютъ окружающія зданія, и онъ здѣсь похожъ на жужжаніе пчелы, которая мечется въ окнѣ.

Вечеромъ собираюсь въ «Фантазію». Договариваю извозчика. Первый спрашиваетъ пять рублей, второй—три. Захожу во фруктовый магазинъ, чтобъ узнать насчетъ таксы. Говорятъ, до Петровскаго парка верстъ семь; извозчика можно имѣть копѣекъ за сорокъ или за полтинникъ. Оказывается, что я договаривалъ лихачей. Сажусь на обыкновеннаго извозчика. Везетъ за полтинникъ. Девятый часъ вечера. Темно. Вдоль Тверской горятъ газовые фонари; кое-гдѣ сіяетъ электричество. Опять пьяные и пьяные безъ конца. Встрѣчаются пьяныя женщины, даже пьяные подростки. Невольно изумляюсь.

— Нынче, баринъ, Спаса,—оправдываетъ извозчикъ эту вакханалію.

— Что-жъ тутъ дѣлается на Святой?..

Въ раскрытыя окна трактировъ вылетаютъ отрывочные звуки органовъ.

Выѣзжаю за городъ.

Слѣва сіяетъ электричествомъ «Аркадія», справа — «Стрѣльна», «Яръ» и «Мавританія». Здѣсь москвичи отдаются широкому разгулу на лонѣ природы, послѣ зимняго дебоша въ театрѣ знаменитаго Шарля Омона. Ни мостовыхъ, ни шоссе. Колеса неслышно катятся по мягкому грунту. Аллея обрамляетъ дорогу. Становится темно. Изрѣдка только у дачъ мерцаютъ фонари. Даже конка не проведена. Совсѣмъ глухое мѣсто. Того и гляди ограбятъ. Начинаю оглядываться тревожно и подозрительно.

— Да ты туда ли везешь?

— А то какъ же?

Голосъ спокойный, искренній. Но не вѣрится какъ-то, не вѣрится, чтобы московскій бомондъ выбралъ для своихъ прогулокъ такой глухой и отдаленный «закоулокъ». Видно—время не цѣнится, да и деньги тоже. На лихачѣ — и то часъ или полтора туда и обратно надо.

Наконецъ—сразу изъ чащи деревъ вырывается потокъ электрическаго свѣта. Поворотъ—и я у подъѣзда. «Фантазія» и есть. Беру билетъ въ закрытый театръ и, въ ожиданіи начала, иду въ садъ. Электрическіе фонари, китайскіе фонарики, цвѣтные стаканчики въ пестрыхъ звѣздахъ и вензеляхъ, даже самосвѣтящійся фонтанъ; масса кіосковъ съ разными благотворительными «шеколадами» и благотворительными дѣвицами, неизбѣжный тиръ, раковина для струнной музыки, эстрада для хора трубачей, ресторанъ, открытая сцена. Публики—нельзя сказать, чтобы много; половину ея составляютъ провинціалы. Должно быть, какъ и я, получили заманчивыя афишки. Кіевскій «Шато-де-флеръ», пожалуй, не уступитъ «Фантазіи»; нѣтъ столько блеску, но какъ-то грандіознѣе и художественнѣе. На открытой сценѣ идетъ «Разрушеніе Помпеи», затѣмъ, въ антрактахъ—безпрерывно, безостановочно—все «извѣстные» куплетисты, гимнасты, венгерскія пѣвицы и т. д. въ такомъ же родѣ. Въ закрытомъ театрѣ—оперетка «Чайный цвѣтокъ» и балетъ «Фея куколъ». Ни въ комедіи, ни въ опереткѣ, ни въ балетѣ—ни одного выдающагося исполнителя. Слишкомъ много всего, и ничего, стоящаго вниманія. Обиліе и быстрота перемѣнъ надоѣдаетъ и утомляетъ. Получается какой-то сумбуръ, ни секунды отдыха. Такъ иногда попадаешь въ гости къ слишкомъ любезнымъ хозяевамъ, которые, боясь, чтобы вы не скучали, ни на минуту не оставляютъ васъ одного и наперерывъ занимаютъ разговорами.

Стоитъ это удовольствіе не дешево: кресло въ опереткѣ что-то рубля два въ среднихъ рядахъ, извозчикъ — рубль. Ужинъ тоже рубля полтора - два, а наслажденія—никакого. Это, кажется, понимаетъ и публика, но все-таки идетъ, потому что дѣться некуда и потому, что по лѣтнему расписанію полагается провести вечеръ гдѣ-нибудь на гуляньѣ. У большинства этой публики—нервно-скучающій видъ. Потопчется она у раскрытой сцены, отойдетъ, опять подойдетъ, точно не знаетъ, что дѣлать съ собой. Преобладающій типъ въ ней—вырождающійся столичный интеллигентъ За столиками ужинаютъ два-три юнца съ дамами полусвѣта; должно быть — купеческіе сынки. У одного, похожаго на молодого воробья, тупая физіономія кретина и гнилые зубы. Онъ совсѣмъ пьянъ. Двѣ женщины, которыя сидятъ по бокамъ, ухаживаютъ за нимъ, а онъ продолжаетъ заказывать и заказывать, несмотря на то, что столъ загроможденъ.

Ухожу во второмъ часу. Такъ и не удается послушать концертный оркестръ. Нервы утомлены отъ всей этой безсодержательной пустоты. Рѣшаю прогуляться: чудная лунная ночь. Иду и иду... Изрѣдка пронесется мимо извозчикъ, потомъ все стихнетъ. Чувствуется близость большого города, но его еще не видать. Гдѣ-то, въ темной чащѣ парка, играетъ оркестръ. Иногда изъ тѣни выступитъ и снова исчезнетъ силуэтъ одинокаго прохожаго. Ближе къ городу, несмотря на поздній часъ, опять встрѣчаю пьяныхъ. Одинъ поетъ, другой изступленно гикаетъ...

Постепенно въ голубоватой мглѣ выростаютъ контуры Москвы,

неясные, загадочные, полные чего-то таинственнаго и неуловимаго. Въ воображеніи проносится прошлое этого города съ его страшными и могучими образами... И какъ-то невольно напрашивается вопросъ: неужели они, необузданные въ своихъ страстяхъ, но сильные и здоровые, могли создать это хилое поколѣніе вырождающихся и алкоголиковъ, которые теперь здѣсь, въ разныхъ «Стрѣльнахъ» и «Мавританіяхъ», прожигаютъ остатокъ жизненныхъ ресурсовъ?

Глава V.

Опять въ погонѣ за путеводителемъ. Потомокъ „великой арміи" знакомитъ съ Москвой всероссійскаго гражданина. На „пароходной" пристани. Русскій машинистъ. Продолженіе московской „распусты". Панорама Москвы съ Воробьевыхъ горъ. Волшебная сказка. Какъ фабричные фотографируютъ Воробьевы горы. Путеводитель добытъ. Моя „филиппика".

7-е августа.

Утро. Небо ясно. Грохотъ мостовыхъ сливается съ гуломъ колоколовъ въ какую-то пѣсню торжествующей жизни. Иду опять на Кузнецкій мостъ, въ надеждѣ раздобыть путеводитель. Всѣ книжные магазины, по-вчерашнему, закрыты. Захожу къ французу-оптику и, покупая бинокль, говорю ему о своемъ горѣ. На подвижномъ лицѣ галла—тонкая усмѣшка. Утѣшаетъ, что въ Москвѣ—«ту-комса». Городъ онъ знаетъ прекрасно, такъ какъ живетъ здѣсь болѣе тридцати лѣтъ и любитъ «Великую Россію». «О, это грандіозная, безпредѣльная, могучая страна... Конечно, не все еще установилось въ ней, но такъ всегда случается въ большомъ хозяйствѣ, гдѣ отъ обилія богатства происходитъ нѣкоторое embarras de richesse. Mais enfin, avec le temps ça viendra»... Совѣтуетъ пока-что полюбоваться Москвой съ Воробьевыхъ горъ, любезно сообщаетъ маршрутъ, чертитъ планъ...

Такъ и рѣшаю. Взаимныя мерси и взаимныя пожеланія. Ухожу, чувствуя всю язвительность злой ироніи судьбы: одинъ изъ потомковъ «великой арміи» учитъ «ситуайена» de toutes les Russies, какъ ему пробраться на Воробьевы горы и оріентироваться въ родной столицѣ. Недурно! Недостаетъ, для полноты картины, чтобы машинистъ, который повезетъ меня на горы смотрѣть сквозь французское стекло моего бинокля на матушку-Москву, оказался нѣмцемъ...

Схожу по Неглинной мимо Кремлевскаго сада, сползающаго къ набережной Москвы. Кремль, окаймленный зубчатой стѣной съ остроконечными башнями, возвышается надъ рѣкой, на зеленомъ холмѣ, сверкая золотомъ колоколенъ, играя пестротой красокъ. Оставляя справа храмъ Спасителя, перехожу по Каменному мосту къ Болотной набережной. Здѣсь — «пароходная пристань». У самаго берега Отводнаго канала—не то балаганъ, не то—сарай, не то—купальни. Беретъ сомнѣніе: вспоминаются роскошные, причудливые павильоны кіевскихъ пристаней, и не вѣрится, чтобъ это ветхое, сколоченное на живую нитку зданіе было пристанью московскихъ рѣчныхъ ка-

таній... Справляюсь. Говорятъ—да. Захожу въ балаганъ, сажусь на засаленную лавку и жду. У пристани колышутся, сталкиваясь бортами, два-три катера. Предо мной, по ту сторону канала, Замоскворѣчье. Все больше двухъ-этажные дома, разные склады... Видъ совсѣмъ губернскаго города. Такъ и кажется, что вы вдругъ очутились въ какой-нибудь Тулѣ или Калугѣ, за сотни верстъ отъ столицы.

И публика, которая собралась въ балаганѣ, тоже провинціальная... Толстый (непремѣнно—толстый) купецъ и купчиха, какой-то отставной чиновникъ, какой-то пожилой господинъ съ желчной, одутловатой физіономіей, нѣсколько фабричныхъ, въ пиджакахъ поверхъ кумачевыхъ рубахъ, нѣсколько приказчиковъ изъ второстепенныхъ магазиновъ, двѣ-три дамы, кажется—тоже пріѣзжія, такъ какъ озираются съ видомъ испуганной неожиданности, нѣсколько горничныхъ...

Беру билетъ. До Воробьева—двугривенный, ѣзды—полчаса, а то и меньше.

Звонокъ (такъ и полагается). Первый свистокъ (тоже по программѣ). Но свиститъ собственно не машинистъ, а парнишка-кочегаръ, вымазанный углемъ. Машинистъ растянулся на полу въ стеклянной будкѣ, что посрединѣ катера, и, раскинувъ ноги, храпитъ. Кочегаръ тормошитъ его и будитъ:

— Ляксѣй Данилычъ, а Ляксѣй Данилычъ, слышь аль нѣтъ? Ужо первый свистокъ.

Невозмутимый храпъ раздается въ отвѣтъ. Парнишка поглядываетъ на публику, ворочая бѣлками, которые кажутся на черной рожѣ совсѣмъ бѣлыми, и замѣчаетъ, оскаливъ зубы:

— Прохлажаются...

Потомъ снова даетъ свистокъ. Кой-кто въ публикѣ закрываетъ уши. «Ляксѣй Данилычъ» вскакиваетъ, протираетъ мутные глаза, озирается, потягивается, встаетъ, придерживаясь за скамейку, идетъ къ паровику и уже даетъ свистокъ своей властной хозяйской рукой, справившись предварительно у кочегара, какой это будетъ по счету. Стоитъ онъ очень нетвердо и въ движеніяхъ замѣтна мѣшковатость и неуклюжесть развинченнаго алкоголемъ «механизма». Я радъ, что мое предчувствіе не сбылось: машинистъ, слава Богу, не нѣмецъ.

Публика занимаетъ мѣста въ катерѣ, когда появляется подвыпившая компанія мастеровыхъ съ дамами. Скамейки въ два яруса, одинъ надъ другимъ. Сажусь на нижней скамьѣ, все время чувствуя, что верхняя публика утюжитъ сапогами мое пальто. Два смуглыхъ музыканта, должно быть — цыгане, наигрываютъ раздирательно на скрипочкахъ какой-то маршъ, надо думать — изъ Боккачіо, потомъ обходятъ публику съ шапкой въ рукѣ.

Вдругъ катеръ («Стрѣла») сразу срывается и, качнувшись, мчится. Дамы ахаютъ: того и гляди—опрокинемся. Машинистъ пошаливаетъ—и катеръ снуетъ то въ одну, то въ другую сторону прихотливыми зигзагами. Совсѣмъ будто норовистый конь.

Панорама Москвы движется вокругъ меня безпрерывно смѣняющимися картинами. Гляжу въ бинокль назадъ—отъ меня убѣгаетъ Кремль съ его кирпичными, бѣлыми и голубыми башнями, съ розовымъ фасадомъ и золотымъ куполомъ дворца, ящеричной чешуей на верхушкахъ башенъ, золотой шапкой Ивана Великаго и еще цѣлой группой золотыхъ макушекъ. Справа—величественный бѣлый гигантъ, царственный златоглавый храмъ Спасителя, слѣва—церкви Замоскворѣчья... Все это надвигается, бѣжитъ вслѣдъ за нами, прячется за другими зданіями, снова выступаетъ... Сотни куполовъ—красныхъ, кирпичныхъ, бѣлыхъ, голубыхъ, сѣрыхъ, желтыхъ, темнокоричневыхъ, съ макушками то въ видѣ конусовъ, то пирамидокъ, то луковицъ, то золотыми, то бѣлыми, то зелеными, то голубыми, пестрая смѣсь стилей и эпохъ — мелькаютъ, ослѣпляя и производя впечатлѣніе какой-то сказочной фантазіи...

Впереди—высокія зеленыя Воробьевы горы. Москва остается за нами. Катеръ бѣжитъ по дугѣ, которой изогнулась здѣсь рѣка, и, дойдя до половины ея, останавливается у подножія горъ.

На пристани дожидается шумная толпа мастеровыхъ. Все пьяно. Гармоника, сѣмечки, растрепанныя лица, пьяная пѣсня. Карабкаюсь на горы, въ зелени которыхъ тамъ и сямъ раскинуты дачи, по узкой, крутой тропинкѣ.

Подъемъ становится все отвѣснѣй, тропинка извилистѣй и круче. Иногда такъ и хочется уцѣпиться въ кустарникъ, чтобъ устоять. Ни лѣстницы, ни скамеекъ. По скату, между жидковатыхъ сосенъ,—стоптанная, пожелтѣвшая трава; на ней—корки арбузовъ и дынь, пустыя бутылки. Кое-гдѣ спятъ въ одиночку и группами, въ непринужденно-откровенныхъ позахъ, мастеровые, иногда между ними видны и бабы, тоже пьяныя. Гдѣ-то рипитъ гармоника, гдѣ-то нескладно поютъ. Навстрѣчу сходятъ пьяные, пошатываясь. Вотъ одинъ упалъ, всталъ, опрокинулся и скатился кубаремъ съ тропинки на траву; двѣ бабы покачиваются и будто ловятъ что-то руками въ воздухѣ... И такъ до самой вершины горы, гдѣ начинается Воробьево. То и дѣло останавливаюсь, чтобы перевести духъ.

Изъ пестрыхъ избъ съ раскрашенными стѣнами и вычурной рѣзьбой выходятъ бабы въ сарафанахъ. Приложивъ, по обычаю, руки къ груди, онѣ низко кланяются и зазываютъ нараспѣвъ.

— Пожалуйте чайку откушать.

Лица тоже совсѣмъ праздничныя, лоснящіяся и распаренныя.

Прохожу къ ресторану Крынкина. Справа и слѣва улица русской бойкой деревни, съ трактирами и чайными заведеніями.

Ресторанъ, въ стилѣ терема, построенъ надъ обрывомъ. Лакей-татаринъ проводитъ меня на открытую террасу, съ длиннымъ рядомъ столовъ вдоль балюстрады. Кажется, будто она виситъ надъ пропастью. Невольно останавливаюсь, оторопѣвъ отъ неожиданности...

Вообразите себѣ безконечную равнину. Она начинается внизу обрыва, у подножія Воробьевыхъ горъ, раскинутыхъ подковой вдоль выгнутой къ нимъ дуги Москвы-рѣки, разстилается сначала плоской низменностью, потомъ расползается, холмится, неуловимо повышаясь къ горизонту. И по всей этой равнинѣ, и внизу, и предъ вами, и слѣва, и справа, до самаго края неба, будто врѣзываясь въ его синій куполъ своими золотыми колокольнями, разворачивается величественная и чарующая панорама Москвы.

Постараемся оріентироваться. Представьте себѣ, что вы стоите на этой террасѣ спиной къ юго-западу, лицомъ къ востоку или сѣверо-востоку; представьте себѣ на необозримой площади, которая стелется предъ вами, но не въ центрѣ ея, а больше такъ направо, къ югу, французское «эсъ» (S) верстъ въ пятнадцать. Это—Москва-рѣка. Какъ разъ внизу «эса» расположены Воробьевы горы, и слѣдовательно—стоимъ мы; въ верхней его половинѣ, слѣва, Кремль и, значитъ, центръ Москвы. Немного ближе къ намъ, нѣсколько заслоняя Кремль и господствуя надъ городомъ, опять возвышается бѣлымъ въ золотой митрѣ исполиномъ царственно-величавый храмъ Спасителя; предъ его сіяющей бѣлизной громадой размѣры всѣхъ другихъ зданій, огромныхъ въ отдѣльности, какъ будто скрадываются.

Направо отъ насъ, далеко на горизонтѣ, выступаетъ бѣлая группа колоколенъ съ очень высокой башней; это — Симоновъ монастырь; немного ближе къ намъ—такая же бѣлая группа колоколенъ Донского монастыря, еще ближе—Андреевская богадѣльня, потомъ, вдоль праваго берега, по склону горъ, корпуса нѣсколькихъ больницъ и Мѣщанскаго училища. Лѣвѣе Симонова монастыря, на горизонтѣ, опять группа колоколенъ,—это Новоспасскій монастырь, еще лѣвѣе и дальше—Покровскій монастырь, за нимъ—Андроніевъ монастырь, въ центрѣ—Кремль съ его лѣсомъ башенъ и храмъ Спасителя, опять лѣвѣе — остроконечная Сухарева башня, еще лѣвѣе, въ глубинѣ, двѣ громадныхъ кирпичныхъ башни водопровода, за ними Страстной монастырь, что на Тверской, далѣе—тріумфальная арка; она у Смоленскаго вокзала, значитъ—въ совсѣмъ другомъ концѣ города. Внизу, подъ нами, Новодѣвичій монастырь, смѣсь готическаго съ византійскимъ стилемъ, длинный фасадъ Хамовническихъ казармъ, корпуса еще нѣсколькихъ громадныхъ зданій. Это, такъ сказать, главные пункты, которые прежде всего бросаются въ глаза при взглядѣ на Москву. Раскиньте между ними сотни другихъ монастырей, церквей, колоколенъ и башенъ, тысячи пестрыхъ каменныхъ зданій, которыя сливаются на горизонтѣ въ неясную зубчатую линію, не щадите красокъ, зелени и золота, представьте себѣ надъ этой панорамой ослѣпительное сіяніе августовскаго солнца, отраженное златоглавыми колокольнями, прибавьте внизу картины живописную подкову изумрудныхъ высокихъ береговъ съ синей изогнутой лентой рѣки—и вотъ вамъ Москва съ Воробьевыхъ горъ, на которыхъ восемьдесятъ два года тому назадъ любовался ея сказочнымъ видомъ Наполеонъ...

Видъ, дѣйствительно, волшебный—и мочи нѣтъ оторваться отъ него. Онъ приковываетъ не только своимъ величіемъ, не только картиной творческой мощи человѣчества, не только вѣющей отъ него атмосферой прошлаго, но и какимъ-то непонятнымъ, загадоч-

нымъ обаяніемъ, которое будитъ ощущеніе далекой и сладостной мечты дѣтства, когда жизнерадостному дѣтскому воображенію грезилась великая Москва съ ея великими богатырями, въ ея яркихъ краскахъ, полныхъ фантазіи востока.

Каждый уголокъ, каждая пядь земли, вспоенная русской кровью, вызываетъ картины прошлаго, безконечную галлерею историческихъ образовъ. Исторія Москвы—это исторія Россіи, это очагъ, въ которомъ зарождалась и выковывалась мощь Россіи. Для какихъ драмъ и трагедій, для какихъ величественныхъ моментовъ служила декораціей эта необозримая равнина съ ея памятниками старины, нѣмыми каменными свидѣтелями прошлаго... Если бъ они могли говорить, если бъ они могли разсказать это прошлое, съ его дикой враждой, междоусобіями, нашествіями враговъ, ненавистью, потоками крови и грудами труповъ въ яркомъ заревѣ пожаровъ...

Надъ городомъ гудитъ праздничный благовѣстъ... И мнѣ невольно кажется, будто въ тягучемъ звонѣ колоколовъ, которымъ перекликаются эти памятники старины, слышится какая-то легенда прошлаго, семивѣковая легенда этого великана...

Воображенію рисуется еще та пора, когда и равнина, и всѣ эти горы были покрыты дѣвственными лѣсами, и только тамъ, гдѣ теперь возвышается Кремль, стоялъ скромный теремокъ боярина Кучки... Что, если бы онъ могъ воскреснуть и взглянуть на эту Москву съ ея дворцами, храмами, вокзалами, мостовыми, электричествомъ, съ ея шестидесятиверстной окружностью, съ ея золотомъ и блескомъ?

— Рябчика прикажете подать натурель?—отрезвляетъ меня голосъ татарина-лакея.

Обѣдаю, почти не отрываясь отъ бинокля. Татаринъ, наклонившись надо мной (опять злая иронія!), помогаетъ мнѣ оріентироваться. Однако, онъ самъ многаго не знаетъ, многихъ зданій не умѣетъ назвать. Приходится обращаться къ содѣйствію буфетчика, но и тотъ, оказывается, путаетъ.

Кромѣ меня, за нѣсколькими столиками обѣдаютъ компаніи гуляющихъ и туристовъ. Двѣ-три семьи москвичей, должно-быть изъ завсегдатаевъ, любуются видомъ по дешевому способу, за самоваромъ. Ресторанъ дѣйствительно дорогой. Маіонезъ, консомэ, рябчикъ, сладкое и кофе обходится что-то до четырехъ рублей...

Послѣ обѣда я опять гляжу въ бинокль на дивную панораму. Хочется смотрѣть и смотрѣть безъ конца... Кажется, будто перелистываешь страницы исторіи... Вспоминается Москва XIV вѣка съ Іоанномъ Калитой, Москва Іоанна III-го, столица Московскаго государства, Москва Грознаго, Годунова, Москва въ смутное время съ его самозванцами, Москва Петра Великаго... Вспоминается эпоха ига монгольскаго, разореніе Москвы въ XIII, XIV и XVI вѣкахъ татарами, въ XVII—поляками, пожары Москвы, горѣвшей съ XII по XVI вѣкъ двадцать шесть разъ,—Москва, сожженная въ двѣнадцатомъ году и уничтоженная французами...

Вездѣ, на всемъ этомъ пространствѣ, подъ каждымъ храмомъ—

прахъ героевъ прошлаго... Въ Кремлѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, усыпальница великихъ князей и царей Россіи, въ Богоявленскомъ монастырѣ погребены Голицыны, Меньшиковъ, Шереметевы, Долгорукіе, Скавронскіе, въ Андроніевомъ — бояре Лопухины, въ Новодѣвичьемъ — Голицыны, Салтыковы, въ Новоспасскомъ—Романъ и Никита Захарьины, патріархъ Филаретъ, въ Симоновомъ—Мстиславскіе, Бутурлины, Головины и т. д. безъ конца.

За ними выступаетъ цѣлая галлерея другихъ портретовъ... Вотъ Антіохъ Кантеміръ, погребенный въ греческомъ монастырѣ, Сумароковъ, Дмитріевъ и Херасковъ, похороненные въ Донскомъ монастырѣ, Гоголь, прахъ котораго покоится вонъ тамъ, вдали, въ Даниловскомъ монастырѣ...

Гляжу внизъ, на Новодѣвичій монастырь, и въ памяти встаетъ властный образъ царевны Софьи, заключенной тамъ Петромъ Великимъ; мнѣ представляются трупы стрѣльцовъ, казненныхъ у оконъ ея кельи...

Воспоминанія бѣгутъ за воспоминаніями... Давно ли отсюда, съ этой же террасы, любовались Москвой—Достоевскій, Тургеневъ, Писемскій?... Проходитъ часъ, другой, а я все не могу оторваться отъ волшебной, страшной и великой сказки.

Меня снова отрезвляетъ потомокъ Батыя или Мамая, потомокъ грозной Золотой Орды, бывшей когда-то бичемъ этого города... Но какъ далекъ этотъ потомокъ, вышколенный временемъ и исторической дрессировкой, отъ своихъ кровожадныхъ предковъ! Онъ стоитъ, изогнувшись, съ тарелочкой въ рукахъ. На тарелочкѣ сдача, на осклабившемся калмыцкомъ лицѣ и въ узкихъ глазкахъ—пріятное ожиданіе «на чаекъ»...

Я утомленъ отъ массы впечатлѣній. Ухожу неохотно къ станціи парового трамвая и занимаю мѣсто въ вагонѣ. И здѣсь все дышетъ такимъ же неблагоустройствомъ, какъ и на рѣчной пристани. Становится досадно, что москвичи не умѣютъ цѣнить и беречь этотъ живописный уголокъ съ его чарующей панорамой. Высказываю это моему сосѣду, желчному господину съ одутловатымъ лицомъ, который ѣхалъ со мной на катерѣ.

— Да-съ,—говоритъ онъ,—загадили-таки порядкомъ Воробьевы горы. Каждый день по праздникамъ собираются сюда эти милостивые государи (кивокъ на мастеровыхъ), пьянствуютъ и дебоширничаютъ, а потомъ и въ драку. Городская полиція сюда не вмѣшивается: Воробьево на деревенскомъ положеніи. На прошлой только недѣлѣ болѣе шестидесяти протоколовъ составлено здѣсь за драку и разныя безчинства. Являются сотскіе и бьютъ буяновъ, потомъ они бьютъ сотскихъ, потомъ мирятся и вспрыскиваютъ мировую... А тѣхъ, что мертвецки пьяны, складываютъ до вытрезвленія, какъ дрова, въ холодной, что на прудѣ. Наши мастеровые не могутъ въ праздникъ не принести домой фотографіи Воробьевыхъ горъ на своей физіономіи...

Трамвай все время идетъ по ребру горъ, надъ синей дугой рѣки. Слѣва отъ насъ опять разворачивается до самаго горизонта краса-

вица Москва, опять выростаютъ, убѣгаютъ, снова появляются и исчезаютъ сотни монастырей, церквей и дворцовъ...

Вечеромъ ѣду на имперіалѣ по Лубянкѣ и Срѣтенкѣ до Сухаревой башни, высокій силуэтъ которой, въ стилѣ итальянской готики, смутно выступаетъ вдали изъ фіолетовой дымки надвигающихся сумерекъ. Выстроенная два вѣка тому назадъ Петромъ Великимъ въ память полковника Сухарева, оставшагося вѣрнымъ ему во время стрѣлецкаго бунта, она служила обсерваторіей для знаменитаго Брюса, а нынѣ въ ней помѣщается резервуаръ Мытищинскаго водопровода. На Сухаревской площади кишитъ еще толпа старьевщиковъ и антикваріевъ...

По пути все время попадаются пьяные, на улицахъ, на имперіалѣ, въ лавкахъ. На Театральной площади, у Иверскихъ воротъ, между думой и историческимъ музеемъ, опять они и они... Въ часъ ночи я вижу на скамейкахъ, расставленныхъ вдоль зданія думы, группы бѣдняковъ; кто сидитъ и дремлетъ, кто свернулся калачикомъ, прикурнулъ... Среди нихъ какая-то пожилая женщина въ черномъ платьѣ и шляпкѣ, совсѣмъ приличная на видъ, какой-то господинъ... Только въ безпокойномъ и тоскливомъ взглядѣ этихъ призраковъ горя читается борьба съ нуждой и стыдомъ; но голодъ все-таки беретъ свое, рука робко протягивается къ вамъ... тогда какъ лицо, освѣщенное яркимъ свѣтомъ электричества, искажается отъ муки...

Возвращаюсь въ номеръ въ полномъ изнеможеніи. Изъ трактира, что напротивъ, доносятся густые звуки органа, наигрывающаго безпрерывно то маршъ Буланже, то «Москву», то Марсельезу.

Воображаю, какимъ полнымъ сарказма смѣхомъ разразился бы Наполеонъ надъ популярностью его родной Марсельезы въ городѣ, который онъ уничтожилъ восемьдесятъ два года тому назадъ!...

8-е августа.

Я торжествую. Наконецъ-то мнѣ удалось добыть путеводитель. Но какой путеводитель! Тоненькая книжечка въ шестнадцатую долю листа, 116 страничекъ, изъ которыхъ 66 заняты адреснымъ указателемъ, и только остальныя 50 посвящены краткому перечню достопримѣчательностей. При путеводителѣ иллюстрированный планъ. Цѣна сорокъ копѣекъ. И за то спасибо г. Добрякову. Безъ него и этого, пожалуй, не было бы. Перестаю удивляться, что евреи въ Могилевѣ не знаютъ достопримѣчательностей своего города.

До сихъ поръ не вѣрится, какъ-то не хочется вѣрить, чтобы Москва—съ ея милліоннымъ населеніемъ, съ ея великимъ прошлымъ, съ ея историческими памятниками, съ ея дворцами, музеями и электричествомъ, съ ея тысячами паломниковъ и туристовъ, съ ея университетомъ, печатью и учеными обществами—не имѣла сколько-нибудь сноснаго путеводителя. Не говорю ужъ о молодой Одессѣ, которая издала роскошный путеводитель страницъ въ семьсотъ, съ отличнымъ историческимъ очеркомъ, массой рисунковъ и планами (ц. 60 к.), не говорю о Кіевѣ, у котораго есть прекрасный путеводитель, съ великолѣпными фототипіями видовъ и планомъ, изящный томикъ въ 300 страницъ (ц. 1 р. 25 к.),—но Севастополь—и тотъ даже имѣетъ очень милый путеводитель, съ картой Крыма, планомъ и видами города и окрестностей, съ безукоризненно выполненными фототипіями, со множествомъ полезныхъ совѣтовъ для туристовъ и т. д. (ц. 60 к.).

И это—Москва, съ ея исконнымъ патріотизмомъ, которымъ она такъ гордится. Любовь къ родинѣ только тогда и понятна, когда она зиждется на знаніи этой родины. Россія уже пережила періодъ стихійнаго, стаднаго патріотизма; теперь ей мало его, ей нужна сознательная любовь къ родинѣ, которая сомкнула бы ея силы въ дружной культурной работѣ, въ общемъ самосознаніи.

Но это еще не все!

Ищу какого-нибудь путеводителя по Россіи — и его тоже не оказывается. Захожу въ книжные магазины Мамонтова, Суворина, Ильина, «Общественной Пользы»—и вездѣ получаю одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Былъ такой путеводитель, изданный Поповымъ, да вышелъ. Попытайтесь спросить у букинистовъ. Иногда у нихъ можно достать подержанный экземпляръ...

Негодую и протестую. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выясняю, что не я первый спрашиваю, что почти каждый день туристы справляются насчетъ путеводителя...

— Но почему же не выпустятъ второго изданія? Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, не милость же какая-нибудь, разъ оно расходится.

— Да такъ какъ-то... Не собрались еще...

Не забудьте, что это все крупныя издательскія фирмы, выпускающія ежемѣсячно десятки новыхъ изданій.

— Господа, ради Бога! на насъ Европа смотритъ! —восклицаю я не безъ трагизма.

Улыбаются...

Отправляюсь на Никольскій рынокъ къ букинистамъ, перерываю два-три магазина. Наконецъ отыскивается томикъ, истрепанная и зачитанная книжка, но все-таки не то, что мнѣ нужно: Путеводитель Попова состоитъ изъ четырехъ частей: «Сѣвера», «Востока», «Юга» и «Запада». Найденная часть, какъ на зло, оказывается «Западомъ».

Такъ и ухожу ни съ чѣмъ.

Хоть заново открывай Америку! Не безъ раздраженья думаю о московскихъ крезахъ, которые однимъ взмахомъ руки выбрасываютъ сотни тысячъ рублей на филантропическія дѣла и не могутъ пожертвовать нѣсколько десятковъ тысячъ на такое патріотическое дѣло, какъ отчизновѣдѣніе, какъ сознательное изученіе родины,—которые, прожигая тысячи, не позаботились о томъ, чтобы предоставить туристамъ, посѣщающимъ ихъ родной городъ, такое необходимое удобство каждаго мало-мальски культурнаго центра, какъ путеводитель. Не безъ негодованія думаю и о тѣхъ московскихъ интеллигентахъ, которые мерзнутъ и голодаютъ на чердакахъ въ ожиданіи казенныхъ мѣстъ и не догадаются ударить пальцемъ о

палецъ, чтобы составить и сколько-нибудь приличный путеводитель, и тѣмъ заработать кусокъ хлѣба.

А пока-что остается примириться и махнуть рукой. Такъ и дѣлаю, направляясь къ храму Спасителя.

Глава VI.

Храмъ Христа Спасителя.

Мы у храма Христа Спасителя.

Чувство, которое невольно охватываетъ при взглядѣ на это грандіозное сооруженіе нашего вѣка и памятникъ одной изъ величайшихъ эпохъ въ жизни Россіи, какъ-то раздваивается: васъ подавляютъ и размѣры зданія, будто созданнаго не человѣкомъ, а какими-то исполинами, и сознаніе собственнаго ничтожества; но въ то же время вы испытываете и восторгъ предъ коллективной мощью человѣка, и захватывающій духовный подъемъ при мысли о тѣхъ высотахъ, на которыя возноситъ человѣка его творческая сила.

Наружности храма описывать не стану: врядъ ли кто-нибудь не видалъ снимковъ этого зданія въ простомъ древне-византійскомъ стилѣ, почти въ видѣ бѣлаго куба съ четырьмя симметричными фасадами, высокими арками порталовъ и узкими окнами надъ ними, съ огромнымъ центральнымъ куполомъ въ золотой митрѣ и четырьмя колокольнями по угламъ. Пожалуй, даже слишкомъ много простоты и строгости линій, съ которыми какъ-то не мирится глазъ современника, привыкшій къ художественному размаху архитектуры девятнадцатаго вѣка. Эта строгость линій вноситъ какую-то сухость, наводя на мысль о бѣдности художественнаго замысла. Нѣкоторая непропорціональность архитектурнаго цѣлаго придаетъ ему слишкомъ массивный видъ. Нѣтъ той стройности и гармоніи, которыя какъ бы одухотворяютъ все зданіе, нѣтъ смѣлаго полета фантазіи и гордаго порыва къ небу... Это, конечно, мой личный взглядъ. Я вообще не поклонникъ византійскаго стиля. Онъ слишкомъ стѣсняетъ художественную фантазію; въ немъ чувствуется какая-то неуклюжесть и расплывчатость, что-то будто мѣшавшее зданію вырости въ гармонически-цѣлое вольно, естественно и легко.

Впрочемъ, споръ о стиляхъ—у насъ слишкомъ старый и упорный споръ. Въ каждомъ лагерѣ есть свое за и противъ и свое право вкуса. Я думаю только, что творческія силы человѣческаго генія, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, никогда не должны быть вколачиваемы въ шаблонъ: только тогда и жизнь, и искусство будутъ совершенствоваться, не застывая на монотонномъ прототипѣ, а улучшая его формы въ вольномъ полетѣ творчества и фантазіи. Я остановился на этомъ вопросѣ потому, что у насъ попытка возсоздать свой стиль съ примѣсью византійскаго выработала какой-то общій шаблонный типъ архитектуры, который, стѣсняя художника, парализуя фантазію, сдерживаетъ его въ узкихъ рамкахъ, подавляетъ его индивидуальность, его творческую силу. На тысячи верстъ безпредѣльной земли русской вы видите, если это не оригинальная старина, какъ бы повтореніе одной и той же архитектурной темы, съ очень незначительными варьяцами. Пріѣзжаете вы въ Тифлисъ—смотрите на строящійся храмъ, и вамъ кажется, что вы гдѣ-то уже видали его; вспоминаете, и дѣйствительно въ Пятигорскѣ есть такой же, но поменьше; въ Севастополѣ и Ялтѣ то же, въ какой нибудь Жмеринкѣ или Кіевѣ—опять то же. Поѣзжайте по стариннымъ почтовымъ трактамъ, и вамъ уже со второй станціи начнетъ пріѣдаться архитектурный шаблонъ; однообразіе вокзаловъ на желѣзныхъ дорогахъ томитъ васъ; воображеніе ваше, вмѣсто того, чтобы черпать новую пищу, постепенно притупляется отъ этого шаблона, который будто насильно врѣзывается въ память. Художественный вкусъ человѣка совершенствуется только тогда, если художественная тема жизни разнообразится, если въ ней есть безпрерывная новизна формъ.

Современное русское искусство должно, прежде всего, отражать ростъ Россіи и русской души, ея обновленіе и порывъ къ новымъ формамъ, поворотъ къ новой жизни; оно должно быть смѣло, полно художественной силы, могучаго размаха и жизнерадостности; оно не должно стѣсняться рамками старины: Россія живетъ не только въ прошломъ, но и въ будущемъ; ея задачи—не только продолжать историческое прошлое, но внести обновленіе и въ будущую жизнь человѣчества, не стѣсняясь своей культурной молодостью и своей бѣдной, въ отношеніи искусства, стариной.

Я этимъ отнюдь не хочу умалить значенія храма Спасителя, какъ художественнаго памятника національнаго искусства. Напротивъ, онъ именно этой-то своей стороной и захватываетъ васъ прежде всего. Для меня, по крайней мѣрѣ, онъ всегда будетъ чуднымъ и величественнымъ жертвенникомъ, на которомъ русская душа, озаренная божественной силой искусства, проявила *впервые* такую ширь и мощь въ своемъ стремленіи къ Богу, вѣчной красотѣ и правдѣ. Вамъ какъ будто кажется, что эта душа еще не могла совсѣмъ отрѣшиться отъ земли и своей прошлой жизни, суровой и точно скованной стариной, но она уже вольно порывается къ небу...

Въ храмѣ Спасителя все грандіозно, все — по масштабу гиганта. Высота его—сорокъ восемь съ половиной саженъ. Это — почти десятая часть версты. Площадь, которую онъ занимаетъ въ основаніи, составляетъ 1500 квадратныхъ саженъ, т.-е. безъ малаго двѣ трети десятины, на которыхъ можно разбить садъ съ тѣнистыми аллеями и даже небольшимъ прудомъ. Пространство внутренности храма—876 квадратныхъ саженъ, алтаря—четыреста аршинъ. Въ храмѣ свободно помѣщаются семь тысячъ человѣкъ, т.-е. нѣсколько полковъ или цѣлый уѣздный городъ. Высота шестидесяти оконъ—отъ двухъ съ половиной саженъ до четырехъ, двѣнадцати дверей—до семи саженъ. Бронзовыя рамы въ каждомъ окнѣ вѣсятъ отъ 150 до 250 пудовъ, во всѣхъ, значитъ,—свыше одинадцати тысячъ

пуд. бронзы. Обошлись онѣ 547.232 рубля. Бронзовыя литыя двери вѣсятъ: четыре большихъ по 750 пудовъ, восемь меньшихъ—по 500 пудовъ; значитъ, двѣнадцать дверей—семь тысячъ пудовъ. Каждая такая дверь могла бы прикрыть добрую роту солдатъ. Только на одну позолоту всѣхъ главъ употреблено двадцать шесть пудовъ золота. Вдоль крыши, между малыми куполами, устроена бронзовая золоченая рѣшетка, которая стоитъ сто девяносто четыре тысячи рублей. Колокола вѣсятъ четыре тысячи пудовъ и обошлись восемьдесятъ восемь тысячъ рублей. На устройство набережной, сквера, террасы затрачено одинъ милліонъ триста восемнадцать тысячъ рублей. Я нарочно пишу эти суммы прописью, чтобы вы не заподозрили опечатки. Одинъ тротуаръ изъ красноватаго финляндскаго гранита, окружающій все зданіе, стоитъ семьдесятъ тысячъ рублей. Заложенъ храмъ въ 1839 году, освященъ въ 1883 году. Значитъ, сооружали его сорокъ четыре года, безъ малаго полвѣка, т.-е. такой промежутокъ времени, за который другія зданія успѣваютъ выстроиться, состариться и разрушиться.

Надъ арками входныхъ дверей и вдоль всего зданія на той же семи-восьми-саженной высотѣ высѣчены горельефы, и если смотрѣть на храмъ издали, они, пропорціонально его величинѣ, кажутся гнѣздами ласточекъ. Даже вблизи они не поражаютъ васъ своими размѣрами и, при невооруженномъ глазѣ, фигуры въ нихъ кажутся не болѣе обыкновеннаго человѣческаго роста. Я только тогда сообразилъ, каковъ ихъ дѣйствительный размѣръ, когда посмотрѣлъ въ бинокль, а затѣмъ, когда при мнѣ подняли въ корзинѣ штукатура, который чистилъ горельефы щеткой и бѣлилъ ихъ: его фигура составляла не болѣе третьей части фигуръ горельефовъ, и онъ казался какимъ-то пигмеемъ сравнительно съ ними.

Горельефы эти сначала не приковываютъ вашего вниманія. Чувствуется маленькій художественный промахъ строителя, который не сумѣлъ создать для нихъ эффектнаго положенія. Такія выпуклыя скульптурныя вещи несравненно выиграли бы, если бы онѣ не были вдавлены въ плоскую стѣну. Ихъ слѣдовало выдвинуть изъ фасада и дать имъ какой-нибудь фонъ и пьедесталъ. Вы долго не можете рѣшить, горельефы это или барельефы,—до того такое неудачное положеніе скрадываетъ ихъ выпуклость и портитъ эффектъ.

Межъ тѣмъ, они представляютъ дивное скульптурное произведеніе, могучее по экспрессіи и реализму, по жизненности и необыкновенно удачно схваченному моменту положеній; послѣднее будто одухотворяетъ и мраморъ, и самую картину, и, кажется, каждую черточку фигуръ.

Вы не чувствуете здѣсь того романтизма, полета къ идеалу, той граціи, воздушности формъ и красоты линій, какія поражаютъ васъ въ скульптурныхъ произведеніяхъ Кановы или нѣкоторыхъ работахъ Торвальдсена. Если вы бывали въ Эрмитажѣ и помните энергичную, полную жизни и напряженія фигуру Каина въ группѣ Дюпрэ «Убитый Авель», Грознаго или Мефистофеля Антокольскаго, бронзовыя группы Клодта на Аничковомъ мосту, фигуру Вольтера работы Гудона или памятникъ Петру Великому Фальконета,—вы легко можете представить себѣ и горельефы храма Спасителя, въ которыхъ каждая фигура дышетъ такой же силой выраженія, высѣчена такимъ же могучимъ и реальнымъ рѣзцомъ.

Помѣщенные слишкомъ высоко, они много теряютъ. Можетъ быть, именно поэтому они обращали на себя до сихъ поръ такъ мало вниманья. Я, по крайней мѣрѣ, только тогда получилъ полное впечатлѣніе и могъ разглядѣть детальную чистоту работы, когда смотрѣлъ въ бинокль на этотъ художественный шедевръ. Въ одной группѣ—преподобный Сергій благословляетъ Дмитрія Донского на брань съ татарами, въ другой—Діонисій благословляетъ князя Пожарскаго и Минина на освобожденіе Москвы отъ поляковъ, въ третьей — Давидъ передаетъ Соломону чертежи храма, въ четвертой—помазаніе Соломона на царство и т. д. Сюжеты и библейскаго, и историческаго содержанія, множество фигуръ. Это, однако, не помѣшало художникамъ въ каждой скульптурной картинѣ выдержать, при полномъ ансамблѣ и жизненности, строго національный и историческій колоритъ, тему цѣлаго и отдѣльныхъ фигуръ.

Всѣ сорокъ восемь горельефовъ, изъ протопоповскаго мрамора, исполнены скульпторами: Рамазановымъ, Логановскимъ и барономъ Клодтомъ и обошлись семьсотъ тринадцать тысячъ рублей.

Вокругъ всего храма—двойныя стѣны, наружная и внутренняя. Разстояніе между ними—шесть аршинъ. Это пространство образуетъ высокій корридоръ вдоль всего храма. Въ корридорѣ въ стѣны вдѣлано 177 огромныхъ мраморныхъ плитъ, на которыхъ высѣчены золотыми буквами манифесты, описаніе сраженій, имена убитыхъ и раненыхъ въ каждомъ сраженіи офицеровъ, имена героевъ, георгіевскихъ кавалеровъ, почти вся исторія двѣнадцатаго года, грандіозная мраморная лѣтопись въ сто семьдесятъ семь двухсаженныхъ мраморныхъ страницъ, пантеонъ борцовъ отечественной войны.

Войдемте во храмъ.

Съ перваго же шага васъ охватываетъ въ окружающемъ полусвѣтѣ инстинктивное сознаніе величія и великолѣпія. Колонны изъ яшмы, колонны изъ лабрадора, стѣны, облицованныя порфиромъ и разными породами мрамора (облицовка стоитъ одинъ милліонъ четыреста тысячъ), причудливые узоры мозаики изъ порфира, лабрадора и итальянскаго мрамора на полу, золоченые орнаменты, золоченая рѣшетка на хорахъ, величественныя колонны, поддерживающія главный куполъ, съ перекинутыми между ними арками, бѣломраморный иконостасъ (89 тысячъ рублей) съ развернутымъ надъ нимъ золотымъ шатромъ, царскія врата изъ вызолоченной бронзы (30 тысячъ рублей), громадныя люстры—все это сразу поражаетъ и грандіозностью, и богатствомъ, и роскошью, и блескомъ.

Глаза невольно разбѣгаются. Тутъ—бросается большая золоченая люстра, вѣсомъ почти въ 230 пудовъ (стоитъ 22 тысячи р.), и двѣ люстры поменьше (26 тысячъ рублей), тамъ изъ-подъ арки выступаетъ чудный орнаментъ, здѣсь приковываетъ вниманіе священная картина въ нишѣ...

Проводникъ начинаетъ сухимъ, заученнымъ тономъ перечислять «достопримѣчательности». Съ выбритымъ лицомъ, въ сѣрой ливреѣ съ галунами, онъ напоминаетъ стараго чиновника, который всю жизнь провяливался въ канцелярской атмосферѣ. Видно, что все это ему порядкомъ надоѣло, и онъ о томъ только и думаетъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ васъ да получить на чай. Отъ него довольно сильно разитъ виномъ.

— Постойте, дайте поглядѣться, говорю я, испытывая какое-то ошеломляющее ощущеніе.

На хорахъ и внизу, въ двухъ боковыхъ придѣлахъ, слышенъ легкій шорохъ шаговъ по мрамору, который подхватываетъ резонансъ высокихъ сводовъ. Доносятся голоса публики и объясненія проводниковъ.

Я стою подъ главнымъ куполомъ. Высоко надо мной, въ глубинѣ его свода, выдѣляется изъ фона облаковъ и роя херувимовъ сѣдовласый образъ Саваоѳа, благословляющаго вселенную. Отъ вершины купола до мраморнаго пола, на которомъ я стою,—тридцать три сажени, фигура Саваоѳа имѣетъ семь саженъ длины. А отсюда, снизу, размѣры ея не превышаютъ человѣческаго роста.

— Господинъ профессоръ Марковъ исполнили,—поясняетъ проводникъ,—за сто тысячъ рублей.

И идея, и художественный замыселъ, и выполненіе, и техническія трудности, которыя пришлось преодолѣть художнику, поражаютъ.

Не успѣваешь притти въ себя отъ этого впечатлѣнія, какъ на смѣну бѣгутъ новыя и новыя. Осматриваю поясъ главнаго купола съ образами ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви и четыре свода малыхъ куполовъ съ живописью академика Кошелева (и та, и другая работа исполнены имъ за 143 тысячи рублей), четыре огромныхъ картины на парусахъ—Преображеніе, Воскресеніе, Вознесеніе и Сошествіе Св. Духа,—работы профессоровъ Бруни и Сорокина (111 тысячъ рублей), образъ «Нерукотвореннаго Спаса» въ правомъ клиросѣ, работы его же, наконецъ—четыре ниши съ картинами кисти профессора Верещагина. Изъ нихъ въ особенности чаруютъ художественнымъ исполненіемъ: Поклоненіе пастырей Новорожденному Младенцу въ Виѳлеемѣ и Поклоненіе волхвовъ. Образъ Матери Божіей—идеально хорошъ.

Художникъ, измѣнивъ своему строгому реализму, достигъ здѣсь почти рафаэлевской чистоты формъ. Чѣмъ-то возвышеннымъ, дѣвственно-непорочнымъ и неземнымъ вѣетъ отъ его Богоматери; фигура Ея будто дышетъ какимъ-то сліяніемъ земли и неба.

Такъ же хороши и картины его въ главномъ алтарѣ — Рождество Христово, Моленіе о чашѣ, Се человѣкъ, Несеніе креста, Распятіе Господа, Снятіе со креста и Положеніе во гробъ. (Всѣ эти шедевры обошлись свыше 70.000 рублей).

Тамъ же—огромное полотно кисти профессора Семирадскаго, его знаменитая Тайная Вечеря, замѣчательная по колоритности, жизненности и типичности фигуръ картина.

Въ придѣлѣ Александра Невскаго—опять чудныя картины Семирадскаго: Крещеніе Господне, Александръ Невскій въ Ордѣ, Послы папы предъ Александромъ, Преставленіе и Погребеніе Александра Невскаго.

Въ придѣлѣ Николая Чудотворца живопись Маковскаго, профессора Шамшина, Прянишникова, Сурикова...

И такъ во всемъ храмѣ.

То и дѣло раздаются имена Верещагина, Семирадскаго, Маркова, Бронникова, Кошелева, Сѣдова, опять Семирадскаго, Журавлева, Корзухина и опять Верещагина.

Какая-то безконечная перекличка изо-дня въ день, изъ часа въ часъ извѣстныхъ художниковъ русской школы.

На лицахъ у публики—и удивленіе, и благоговѣніе, но болѣе всего изумленіе предъ этимъ великолѣпіемъ. А ливрейные проводники, которымъ пріѣлась и публика, и ея восторженно-удивленное аханье, то нетерпѣливо переминаются съ ноги на ногу въ ожиданіи, то торопливо бѣгутъ впередъ.

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ—эта масса шедевровъ и драгоцѣнностей сливается въ какое-то скомканное впечатлѣніе, въ которомъ нѣтъ мочи разобраться.

Ясно чувствуешь одно: силу красоты, мощь искусства и великолѣпіе. Все это и вызываетъ восторгъ, и подавляетъ.

Всхожу по лѣстницѣ на хоры, гляжу оттуда внизъ; кажется, будто смотришь съ третьяго или четвертаго этажа. И здѣсь, какъ и тамъ, та же роскошь орнаментовъ, тотъ же мраморъ стѣнъ, золоченая бронзовая балюстрада (до 80 тысячъ рублей) съ тремя стами бронзовыхъ вызолоченныхъ подсвѣчниковъ и канделябрами. Говорятъ — храмъ имѣетъ волшебный видъ при электрическомъ освѣщеніи.

Отсюда фигура Саваоѳа уже кажется много крупнѣе, уже понимаешь ея размѣръ—и тѣмъ болѣе удивляешься и трудности работы, и тому мастерству, съ которымъ художникъ сумѣлъ соразмѣрить пропорціональность цѣлаго и разсчитать вѣрность зрительнаго впечатлѣнія при такомъ разстояніи.

Проходитъ часъ, другой. Мой проводникъ становится все болѣе скучнымъ. У меня начинаетъ побаливать шея; въ глазахъ—не то песокъ, не то черные кружки бѣгаютъ. Но все не хочется уходить.

И въ хорныхъ корридорахъ, и въ нижнихъ корридорахъ, и въ малыхъ хорныхъ аркахъ, кромѣ трехъ громадныхъ люстръ, о которыхъ я говорилъ раньше, развѣшено еще тридцать двѣ люстры и 78 бра (90 тысячъ рублей). Такимъ образомъ, для освѣщенія внутренности храма, кромѣ алтаря, требуется до трехъ тысячъ свѣчей.

Серебряная утварь храма, работы Хлѣбникова и Овчинникова, стоитъ свыше 51 тысячи рублей, облаченія для священнослужителей храма—пятьдесятъ тысячъ рублей...

Обхожу корридоръ, окружающій храмъ, между двухъ высокихъ стѣнъ, въ которыя вдѣланы мраморныя лѣтописи войны двѣнадцатаго года.

На одной доскѣ читаю манифестъ 6 іюля 1812 года. «Непрія-
тель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ
разорять любезное наше отечество»...

«Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ ввергнуть насъ,
на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ
имя Россіи».

На другой:

«Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты не-
однократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тиг-
ровъ; соединитесь всѣ! Со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ
рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

На третьей (стѣна 27-я):

«Нельзя быть не тронутымъ до слезъ, видя духъ, оживляющій
всѣхъ, усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ»...

Далѣе начинается описаніе бородинской битвы...

Матерьяльныя жертвы, принесенныя Россіей въ отечественную
войну, также занесены на скрижаль исторіи (стѣна 28-я). Св. си-
нодъ далъ полтора милліона, духовенство—свыше двухъ милліо-
новъ, дворянство, кромѣ выставленнаго имъ ополченія, на содержа-
ніе котораго оно израсходовало болѣе пятисотъ милліоновъ, по-
жертвовало до сорока двухъ милліоновъ, купечество, мѣщане
и крестьяне—свыше десяти милліоновъ, наконецъ, стоимость иму-
щества, уничтоженнаго въ виду непріятеля, достигала семисотъ
милліоновъ... Воображенію рисуются сотни тысячъ загубленныхъ
жизней, всѣ бѣдствія, которыя влечетъ за собой война, потоки
крови и слезъ, обида и горе безъ конца, вопль человѣческаго стра-
данія... жизнь десятковъ милліоновъ, вдругъ измятая, раздавленная,
переворочениая по безумной прихоти Наполеона...

Да, двѣнадцатый годъ былъ годиной великаго испытанія, но и
великаго подъема русской души. Такая эпоха только и могла быть
увѣковѣчена какимъ-нибудь грандіознымъ памятникомъ. И храмъ
Христа Спасителя,—дѣйствительно пантеонъ героевъ двѣнадцатаго
года, и по своимъ величественнымъ размѣрамъ, и по своему вели-
колѣпію, и по творчеству русскаго генія, проявившемуся въ немъ,
и, наконецъ, по цѣнности: обошелся онъ Россіи *пятнадцать мил-
ліоновъ рублей.*

Выхожу съ легкимъ ознобомъ отъ сильнаго нервнаго возбуж-
денія, еще разъ любуюсь горельефами и, наконецъ, иду въ скверъ,
разстилающійся зеленымъ ковромъ на террасѣ предъ храмомъ. От-
сюда открывается опять восхитительный видъ на Москву. Справа,
вдали, едва выступая изъ-за церквей, зеленѣютъ Воробьевы горы,
предо мной Москва-рѣка съ Замоскворѣчьемъ, слѣва — Румянцев-
скій музей съ высокимъ фонаремъ бельведера и Кремль съ его
стѣной, башнями, золотымъ куполомъ дворца и золотыми колоколь-
нями, за мной — храмъ Спасителя. И снова не хочется оторваться
отъ этой панорамы, полной жизнерадостной пестроты и прихотли-
выхъ сочетаній красокъ...

Вечеромъ отправляюсь гулять по залитой огнями Тверской, до-

хожу до Страстного бульвара. У памятника Пушкина мнѣ вспоминается торжество его открытія. Кажется, будто недавно было, а скольких изъ тѣхъ нѣтъ, которые участвовали тогда въ этомъ торжествѣ... Тургеневъ, Писемскій, Достоевскій, Катковъ, Гончаровъ, Гайдебуровъ, Кавелинъ, еще нѣсколько, цѣлый поминальный списокъ русской литературы...

Дохожу до Садовой. Всходитъ луна. Мнѣ является фантазія полюбоваться храмомъ Спасителя при лунномъ освѣщеніи. Гляжу на часы. Десять. Рѣшаю пройти пѣшкомъ. Пытаюсь вспомнить планъ. Бульвары огибаютъ Москву кольцомъ. Разсчитываю наугадъ, что по дугѣ ихъ я выберусь къ храму Спасителя. Иду. Поворачиваю на Малую Бронную, миную Патріаршій прудъ, Никитскій бульваръ... Двѣнадцатый часъ. Начинаю смущаться: думаю, не туда попалъ. Бульвары пустынные; все какіе-то захолустные, глухіе уголки. Хочу кликнуть извозчика; но въ это время впереди сверкаетъ золотой куполъ. Гляжу на часы—начало перваго, значитъ, верстъ десять отмахалъ. Это—московскіе концы.

Предо мной—весь залитый луннымъ сіяньемъ бѣлый храмъ Спасителя. Вокругъ изъ голубого сумрака выступаютъ силуэты Кремля со сверкающими верхушками, десятки другихъ куполовъ и церквей въ неясныхъ, едва уловимыхъ очертаніяхъ. И всѣ они какъ будто глядятъ на бѣлаго богатыря, охраняя его.

Величаво-спокойный, онъ сіяетъ, окруженный золотымъ ореоломъ. Мнѣ снова вспоминаются и тѣ, въ память которыхъ воздвигнутъ онъ, и тѣ, кто его задумалъ, и тѣ, кто строилъ,—вспоминаются образы трехъ императоровъ: первый далъ обѣтъ создать его, другой основалъ его, третій продолжалъ строить; но ни одному не было суждено дожить до окончанія этого памятника; мнѣ представляются два-три смѣняющихся поколѣнья тысячъ мастеровыхъ и художниковъ, которые сооружали храмъ; многіе изъ нихъ тоже не дожили до его окончанія. И тѣ, кто задумалъ его, и тѣ, кто строилъ, вѣроятно, не разъ сомнѣвались, дождутся ли они этого дня. Но все-таки они дѣлали свое дѣло, не задумываясь, для себя ли, или для тѣхъ, кого, можетъ быть, еще нѣтъ на свѣтѣ, дѣлаютъ они его. И храмъ все строился и росъ...

Эта мысль какъ-то невольно наталкиваетъ на сравненія... И мнѣ кажется, будто общимъ трудомъ человѣчества воздвигается тоже какой-то величественный храмъ, въ созданіе котораго сотни поколѣній влагаютъ свою жизнь и душу, сознавая, что не дождутся его окончанія, но стремясь продолжать этотъ трудъ для другихъ и живя впередъ тѣмъ наслажденіемъ, которое доставитъ другимъ ихъ дѣло.

Въ этой работѣ для другихъ, въ этой жизни для невѣдомаго будущаго есть какой-то неизсякаемый источникъ вѣры въ жизнь...

Глава VII.

Третьяковская галлерея.

9-е августа.

Опять съѣзжаю по Неглинному спуску мимо Кремля къ Болотной площади, на которой въ 1725 году былъ казненъ Пугачевъ, и сворачиваю въ Лаврушинскій переулокъ, гдѣ Третьяковская галлерея.

Кремль гордо высится надъ Замоскворѣчьемъ, словно старинная барская усадьба надъ деревней. Снова меня охватываетъ атмосфера и затишье губернскаго города средней руки. Не вѣрится какъ-то что вблизи, за высокимъ холмомъ Кремля, центръ Москвы и европейской жизни.

Мимо тянутся торговые склады, подворья, казенные дома, все небольшихъ размѣровъ особняки шаблонной архитектуры,—и такъ по всей низменной площади Замоскворѣчья, которое огибаетъ подковой Москва, подползая подъ крутой берегъ Кремля.

Я въ резиденціи московскаго купечества. Это сразу можно угадать. Вѣетъ простотой, практичностью и, если хотите, какой-то косностью жизни. Въ раскрытыя окна выглядываетъ темная старинная обстановка, съ кіотами и лампадами по угламъ. Такъ и ждешь, что откуда-нибудь покажется заплывшее лицо московской купчихи, которая, позѣвывая отъ скуки, непремѣнно перекреститъ ротъ...

Извозчикъ останавливается у воротъ.

Во дворѣ—небольшой желтоватый двухъ-этажный домъ, похожій на загородную дачу или виллу. Ничего лишняго, вычурнаго, плоскій ренессансъ немного на итальянскій манеръ. Уже одно сознаніе, что этотъ храмъ искусства помѣщается въ самой прозаической части Москвы, среди разныхъ складовъ и подворій, настраиваетъ васъ немного на скептическій ладъ. Вамъ представляется купецъ - фантазеръ, бывшій городской голова, меценатствовавшій скуки ради, а можетъ-быть для того, чтобы свою «амбицію» показать,—и вы невольно спрашиваете себя, какую коллекцію картинъ могъ составить человѣкъ, вкусъ котораго развивался на этой грубо - буржуазной почвѣ, въ этой атмосферѣ унаслѣдованной практичности, чуждой искусству и поэзіи,—атмосферѣ, вырабатывавшей вѣками узкій, черствый складъ трезвой купеческой натуры...

Тѣмъ сильнѣе то впечатлѣніе, которое производитъ на васъ Третьяковская галлерея. Вамъ становится и неловко, и совѣстно, что вы могли такъ подумать о человѣкѣ, который, помимо самой широкой русской любви къ родному искусству, проявилъ и рѣдкій талантъ знатока-коллекціонера въ выборѣ сокровищъ родной живописи. И тогда образъ этого человѣка становится вамъ дорогимъ и милымъ въ особенности потому, что онъ выросъ именно здѣсь, именно въ этой прозаической обстановкѣ, и какъ бы наперекоръ ей вырвался изъ ея власти въ порывѣ къ прекрасному какимъ-то знаменіемъ нарожденія новой личности, новой души въ этой грубой и чуждой идеала средѣ. Заслуга Третьякова предъ русскимъ искусствомъ очень велика: безъ него не было бы у насъ этой един-

ственной огромной коллекціи русской живописи въ ея лучшихъ представителяхъ,—коллекціи, ставшей теперь общественнымъ достояніемъ. Это сокровище, стоимостью въ нѣсколько милліоновъ, Третьяковъ пожертвовалъ родному городу.

Много ли у насъ такихъ людей?

Кто не бывалъ въ этой галлереѣ, тотъ врядъ ли имѣетъ полное понятіе о ея размѣрахъ. Картины расположены въ обоихъ этажахъ, въ двадцати двухъ комнатахъ, которыя тянутся анфиладой вдоль четырехъ внутреннихъ стѣнъ. Всѣхъ картинъ, написанныхъ масляными красками, 1286, кромѣ того—84 картины иностранныхъ художниковъ да 470 акварелей, сепій и рисунковъ, нѣсколько скульптурныхъ произведеній. Всего, значитъ, до тысячи девятисотъ произведеній, созданныхъ 370 художниками. Это ужъ не просто любительская коллекція, это дѣйствительно художественная галлерея, которая имѣетъ міровое значеніе. Попробуйте представить себѣ картину постепеннаго пріобрѣтенія, скопленія и классификаціи этихъ тысячи девятисотъ нумеровъ, представьте себѣ, что трудъ этотъ продолжался десятки лѣтъ, что каждая художественная вещица была облюбована, что на пріобрѣтеніе ея не щадили средствъ, лишь бы имѣть экземпляры лучшихъ мастеровъ,—и образъ человѣка, создавшаго этотъ храмъ искусства, выступитъ предъ вами въ еще болѣе симпатичныхъ чертахъ. Если храмъ Спасителя—величественный жертвенникъ, въ созданіи котораго русская душа проявила впервые свою творческую мощь, то и Третьяковская галлерея—не менѣе величественный храмъ русскаго искусства, который всегда будетъ памятникомъ и нарожденія новой личности въ русской жизни, и жреца, создавшаго его.—

Въ передней пріобрѣтаю каталогъ. Брошюра большого формата, около ста страницъ. Стоитъ гривенникъ. На обложкѣ напечатано: «Опись художественныхъ произведеній городской галлереи Павла и Сергѣя Третьяковыхъ». Разворачиваю каталогъ, въ надеждѣ найти хоть маленькое предисловіе, хоть краткое объясненіе, какъ возникла эта галлерея, кто — Павелъ и Сергѣй Третьяковы, кто изъ нихъ собственно основалъ галлерею, какъ разросталось это сокровище, на какихъ условіяхъ оно пожертвовано городу—и не нахожу ничего. Такъ и до сихъ поръ я не выяснилъ этихъ вопросовъ. Если каталогъ изданъ владѣтелями галлереи, то этотъ пропускъ является излишней и досадной скромностью; если его издалъ городъ, то это непростительный промахъ и обидная неделикатность въ отношеніи людей, принесшихъ ему въ даръ неоцѣнимое сокровище,—людей, личность которыхъ стала, какъ и ихъ дѣло, общественнымъ достояніемъ, представляетъ общественный интересъ. Такое дѣло, такіе примѣры грѣшно замалчивать: они имѣютъ воспитательное значеніе для общества.

Публики не особенно много, но и не мало; есть и простой людъ, «чуйковый», въ смазныхъ сапогахъ съ душкомъ и въ грязноватыхъ блузахъ; посѣтители этого типа ходятъ съ трогательной, почти благоговѣйной осторожностью, но все-таки постукиваютъ подковами

по паркету. На лицахъ—и изумленіе, и умиленіе, а иногда какъ будто и испугъ, особенно предъ верещагинскими и рѣпинскими саженными холстами. Такъ и читаешь дѣтскую наивность и впервые проснувшійся въ этихъ душахъ восторгъ предъ силой и значеніемъ искусства. Перешептываются, но совсѣмъ тихо, какъ въ церкви, хотя съ губъ такъ, кажется, и готово сорваться какое-нибудь крѣпкое словцо, въ которомъ неизбѣжно долженъ вылиться крайній восторгъ простого русскаго человѣка.

Помѣщеніе для такой обширной коллекціи тѣсновато. Есть комнаты, въ которыхъ всего пять - шесть картинъ: такъ велики ихъ размѣры. Освѣщеніе мѣстами совсѣмъ плохо; многіе шедевры теряютъ.

Описывать подробно картины, распространяться о живописи и русской школѣ не стану: пришлось бы написать цѣлый томъ — и все-таки вы не получили бы полнаго впечатлѣнія. Это надо видать. Скажу лишь, что только побывавъ въ Третьяковской галлереѣ, можно понять и значеніе русской живописи, и ея мощь, и ея великое будущее. Вы не выносите отсюда того впечатлѣнія, какое, напримѣръ, производитъ на насъ Эрмитажъ съ его классическими коллекціями, съ его Рафаэлями, Корреджіо, Тиціанами, Веронезами, Мурильо, Гвидо Рени, Рубенсами, Рембрандтами, Ванъ-Диками, съ его тосканскими, ломбардскими, флорентійскими, римскими, фламандскими и голландскими школами, съ его атмосферой историческаго храма, гдѣ на каждомъ почти холстѣ начертана вѣковая борьба человѣческаго духа въ его порывахъ къ идеалу и прекрасному, гдѣ въ созданіяхъ человѣческаго генія можно прослѣдить всю исторію искусства, ростъ художественной силы человѣка и его исканіе вѣчной красоты и правды, со всѣми переходами отъ мечтательнаго романтизма къ яркому реализму. Напротивъ, тутъ вы точно попали въ новый храмъ, гдѣ какъ будто попахиваетъ еще свѣжей краской, гдѣ все ясно, просто, вѣетъ молодостью, гдѣ не видать старинныхъ образовъ, которымъ молились десятки поколѣній, хотя образа эти не отвергнуты здѣсь, а лишь отражены въ новыхъ формахъ, которыя не маскируютъ правды жизни, а изображаютъ открыто, сливая ее и прекрасное въ гармоничное цѣлое. Вы чувствуете еще, что окружающій васъ міръ искусства создался своеобразно, подъ вліяніемъ совсѣмъ особаго міросозерцанія, отношенія къ жизни и какой-то правдивости сильной натуры, чувствуете что-то, напоминающее вамъ русскую литературу съ ея Толстымъ, Достоевскимъ и Тургеневымъ.

Въ этой массѣ художниковъ васъ сразу и неотразимо захватываютъ своимъ огромнымъ талантомъ нѣсколько человѣкъ. Они господствуютъ здѣсь, ихъ картины какъ бы подавляютъ, скрадываютъ сотни другихъ, очень недурныхъ въ отдѣльности, подобранныхъ со вкусомъ, но блѣднѣющихъ предъ этими шедеврами. Верещагинъ, Рѣпинъ, Маковскій, Брюлловъ, Ге, Полѣновъ, Ивановъ, Айвазовскій, Крамской, Куинджи, Шишкинъ, Волковъ, Боголюбовъ, Перовъ—и десятки другихъ громкихъ именъ русскихъ художниковъ переполняютъ каталогъ. Но особенно ярко, даже изъ нихъ, выдѣляются:

Верещагинъ, Рѣпинъ и Маковскій. Здѣсь собраны почти всѣ выдающіяся произведенія этихъ мастеровъ.

Картинами одного Верещагина занято пять комнатъ. И какія это картины! Въ нихъ все мощно, колоритно, полно экспрессіи и той жизненности, которая одухотворяетъ полотно, создавая полную иллюзію. Кажется, дальше некуда итти. При этомъ въ большинствѣ его картинъ васъ захватываетъ и самый сюжетъ, то полный драматизма или лиризма, то эпическій. Вы какъ будто видите предъ собой то, что читали когда-то въ «Войнѣ и Мирѣ», угадываете ту же тему, тѣ же мысли.

Техника и plein air у Верещагина, какъ и у Рѣпина, изумительны. Это не детальная, изящная мелкая техника дивныхъ жанровыхъ миніатюръ Маковскаго, гдѣ, кажется, нѣтъ точки, въ которой не сквозила бы тщательная отдѣлка художника,—здѣсь два-три штриха, два-три взмаха кисти—и полотно стало жизнью. Но каждый такой штрихъ какъ будто улавливаетъ именно ту идеальную линію дѣйствительности, въ которой сама жизненная правда. Это мастерство—тайна генія, та тайна, то волшебство, которое создаетъ его власть надъ простыми смертными и заставляетъ ихъ поклоняться ему. Это волшебство—и въ вѣрности глаза, и въ умѣніи схватить моментъ, положеніе и типичную черточку, и въ какой-то таинственной силѣ кисти, которая будто впитываетъ въ себя и лучи, и воздухъ, и кровь, и взглядъ, а потомъ наноситъ все это на холстъ, придавая ему дыханіе жизни...

Взгляните хоть бы на огромную картину—«У дверей мечети». Двѣ фигуры—туркмена и туркменки—во весь ростъ. Онъ стоитъ, она сидитъ у дверей. Мѣхъ на его шапкѣ, синеватая въ цвѣткахъ ткань халата, сапоги, рѣзьба на дверяхъ, штукатурка, деревянный кувшинъ, желтоватое калмыцкаго типа лицо, кожа, тѣнь отъ обѣихъ фигуръ, падающая на каменныя плиты,—все это до того реально, что если всматриваться долго — вамъ кажется, будто обѣ фигуры дышатъ и чуть движутся.

Другая картина—«Апоѳеозъ войны».—Это почти nature morte, если не считать воронъ у пирамиды череповъ. Картина тенденціозная, изъ менѣе удачныхъ въ художественномъ отношеніи. Но ея идея захватываетъ и потрясаетъ васъ больше любого трактата противъ войны. Это выжженное пустынное поле съ истоптанными желтыми нивами и разбросанными по немъ костями, горка человѣческихъ череповъ,—череповъ героевъ, которые еще недавно метались на этомъ полѣ въ дикой схваткѣ, полные жизни и молодой силы,—невольно и приковываютъ, и ужасаютъ. Въ костяной улыбкѣ стиснутыхъ зубовъ и въ глазныхъ впадиныхъ читается какой-то жестокій сарказмъ и надъ славой, и надъ побѣдой, купленной такой ужасной цѣной. На сколько размышленій наводитъ эта картина!.. Какъ хорошо было бы, если бы всѣ, кто пишетъ воинственныя передовицы и входитъ въ воинственный азартъ,—имѣли бы предъ собой копію этого «апоѳеоза».

Слѣдующая картина, «Побѣжденные», съ такимъ же сюжетомъ.

Большое полотно, фонъ—тоже истоптанная нива; изъ соломенныхъ стеблей выглядываютъ обнаженные трупы. Священникъ въ черной ризѣ читаетъ отходную, унтеръ-офицеръ, въ роли походнаго дьячка, стоитъ за нимъ, стараясь держаться попрямѣй и помолодцеватѣй. Должно быть, «для куражу» онъ выпилъ. Это замѣтно по его красноватому носу, это можно было бы угадать, если бъ было слышно, какъ онъ фальшивитъ, подтягивая «Господи, помилуй». Вокругъ—ни души; степь и степь безъ конца, степь и трупы, трупы враговъ въ общей свалкѣ, трупы «побѣжденныхъ»... Да, побѣжденные не тѣ, кто уцѣлѣлъ, кто избѣжалъ смерти, а тѣ, кто остался здѣсь и изъ лагеря побѣдителей, и изъ лагеря побѣжденныхъ... Какая ужасная правда и какъ разработана она. Комичная фигура дьячка въ этой драматической обстановкѣ — совсѣмъ шекспировскій штрихъ, тотъ рѣжущій диссонансъ жизни, отъ котораго правда ея становится еще понятнѣй и еще ужаснѣй.

Дальше—«Представляютъ трофеи». Опять такой же мрачный сюжетъ. Обстановка востока, мавританскія воздушныя арки съ ажурной рѣзьбой, роскошные ковры, — подъ арками сидятъ нѣсколько шейковъ, предъ ними стоятъ побѣдители, тоже въ халатахъ и чалмахъ. У ногъ ихъ—трофеи, пирамидка непріятельскихъ головъ.

Дальше—«У крѣпостной стѣны». Группа солдатъ въ напряженномъ ожиданіи аттаки. «Пусть войдутъ». Положеніе каждой фигуры полно этого ожиданія и готовности ринуться на врага; васъ невольно охватываютъ тѣ же ощущенія ожиданія...

Далѣе—«Двери Тамерлана», за ней—«Самаркандскій Зинданъ»—тюрьма, въ которую осужденнаго спускаютъ на веревкѣ чрезъ небольшое отверстіе. Тема ужъ совсѣмъ другая, но та же дивная техника, удивительно схватывающая свѣтовой эффектъ. Посрединѣ этой могилы, спиной къ зрителю, стоитъ осужденный и молится. Сверху, сквозь отверстіе, прорываются лунные лучи, озаряя бѣлую фигуру молящагося. Жизнь, свѣтъ, движеніе, дыханіе...

А вотъ и огромная, чуть не во всю стѣну, картина «Передъ аттакой». Фигуры почти въ натуральную величину. Фонъ—стогъ сѣна. Справа, спиной къ вамъ, растянулось въ засадѣ нѣсколько десятковъ солдатъ. Зеленоватое, запыленное сукно мундировъ, кепи, съѣхавшіе на стриженые затылки, ранцы, сапоги, шинели калачиками; кой-кто, утомившись походомъ, задремалъ. Слѣва — штабъ. Старый генералъ, подлѣ—молодой адъютантъ, докладывающій что-то, еще нѣсколько штабныхъ. Нѣкоторые глядятъ вдаль, защищая рукой глаза; генералъ, кажется, смотритъ въ трубу. Внизу, у ногъ ихъ, лежитъ молодой офицеръ, тоже спиной къ вамъ; чуть приподнявъ голову, онъ прислушивается къ разговору. Его фигура и группа солдатъ—изумительно реальны. Они такъ и выступаютъ изъ картины. Я гляжу,—гляжу и вблизи, потомъ отхожу и любуюсь въ бинокль. Опять какое-то совсѣмъ невольное ожиданіе движенія, опять отъ полотна вѣетъ дыханіемъ жизни. Иллюзія особенно сильна, если смотрѣть въ бинокль... Мочи нѣтъ оторваться, не вѣрится, не хочется вѣрить, что предъ вами только полотно и краски. Вотъ-

вотъ раздастся команда, вотъ-вотъ всѣ они вспрыгнутъ и ринутся въ бой...

Слѣдующая картина—«Подъ Плевной», съ группой главнаго штаба, за ней—«Послѣ аттаки» и такъ далѣе... До двухсотъ эскизовъ и этюдовъ, до сорока большихъ картинъ. Въ нѣкоторыхъ есть что-то, напоминающее батальную живопись Невиля, его детальную, тонкую кисть, но нѣтъ дѣланности, пытающейся смягчить и скрасить рѣзкія формы. Верещагинъ — вездѣ Верещагинъ, вездѣ самобытный и геніальный художникъ, который прибѣгаетъ къ эффекту развѣ для того, чтобы ярче выставить правду, но никогда не пожертвуетъ правдой эффекту.

Перейдемъ къ Маковскому, этому тонкому и остроумному наблюдателю жизни, въ кисти котораго сквозитъ малорусскій добродушный юморъ Гоголя. Здѣсь до сорока его картинъ. Все небольшія полотна—квадратный аршинъ, а то и меньше. Но въ маленькихъ, двухвершковыхъ фигуркахъ — предъ вами разворачивается безконечная портретная галлерея типовъ, выхваченныхъ живьемъ изъ будничной, сѣренькой русской жизни. Драмы почти нѣтъ, большихъ героевъ — тоже; сюжеты все реальные, не громкіе: ходатай по дѣламъ, посѣщеніе бѣдныхъ, дѣловой визитъ, дѣловая бесѣда, выговоръ, секретъ, въ передней, объясненіе. Но для того, чтобы при такой прозаической темѣ придать картинамъ интересъ и выдержать тонъ, не вдавшись въ шаржъ и каррикатуру, надо обладать страшно крупнымъ талантомъ, и главное—талантомъ не только художника, но и тонкаго наблюдателя-психолога, который умѣетъ схватить наиболѣе яркій моментъ психическаго настроенія героя и его положенія, сразу отражающій цѣлаго человѣка, во всей его типичности. Въ этомъ отношеніи Маковскій неподражаемъ. Зритель по взгляду, по выраженію, по жесту каждой фигуры угадываетъ не только, что она говоритъ, но и весь ея внутренній міръ. Всмотритесь въ этого чиновничка въ вицъ-мундирѣ, который, нюхая табакъ, прислушивается къ докладу писца—и вы сейчасъ же скажете, что рѣчь идетъ о какомъ-нибудь сомнительномъ дѣльцѣ, о какой-нибудь взяткѣ, что этимъ мелкимъ людишкамъ очень хочется поживиться, и они обсуждаютъ только, какъ бы устроить поосторожнѣе привычное дѣло. Посмотрите на эту даму—благотворительницу, зашедшую къ бѣднякамъ, на ея ливрейнаго лакея, стоящаго въ дверяхъ, на фигуры бѣдняковъ, которые и смущены, и обрадованы... Посмотрите на эту маленькую по размѣрамъ и огромную по сюжету картину «Крахъ банка», гдѣ для каждой изъ двадцати фигурокъ создано особенное положеніе — и однако каждая изъ нихъ одинаково типична, одинаково выдержана и совсѣмъ живая... Взгляните на разборъ семейнаго дѣла у мирового судьи, — на супруговъ, на переглядывающуюся и развлекающуюся семейнымъ скандальчикомъ публику, на судью... Предъ вами сцена, цѣлое дѣйствіе изъ комедіи, гдѣ каждый актеръ однимъ выраженіемъ, однимъ жестомъ выдаетъ вамъ всего себя, разсказываетъ всю свою жизнь... Весь жанръ Маковскаго—такая же безконечная комедія жизни, перенесенная на полотно властью огромнаго таланта.

А вотъ и Рѣпинъ...

Здѣсь тоже свыше сорока его картинъ и этюдовъ, нѣсколько портретовъ.

Передъ «Иваномъ Грознымъ и сыномъ его Иваномъ», почти постоянно толпится публика. Есть всегда во всѣхъ ужасныхъ драмахъ что-то приковывающее къ себѣ человѣка, пробуждающее въ немъ чувство жуткаго любопытства и страха предъ тайной смерти... На картинѣ схваченъ именно этотъ моментъ перехода человѣка къ небытію, когда жизнь еще не совсѣмъ ушла, но тѣло уже замираетъ. Моментъ схваченъ настолько реально, что нервы не выдерживаютъ. Вы испытываете и ужасъ, и холодъ, какой охватываетъ васъ на краю бездны; вамъ и страшно, и мучительно, но что-то будто приковываетъ васъ, заставляя все глядѣть въ пропасть.

Историческій колоритъ не выдержанъ; передъ вами не эпоха XVI вѣка, а современная. Фонъ—темный кабинетъ въ восточномъ вкусѣ; на полу, на коврѣ, уже пропитанномъ кровью, лежитъ, въ пестромъ шлафрокѣ, молодой умирающій царевичъ; надъ нимъ, въ черномъ халатѣ, стоитъ на колѣняхъ Грозный. Онъ пагнулся, придерживая его лѣвой рукой. Лицо его и руки въ крови; широко раскрытые, налившіеся кровью холодные сѣрые глаза полны ужаса, видъ взъерошенный, продолговатое лицо, съ сѣдыми волосами и жидкой бородой, дышетъ и какимъ-то горячечнымъ безуміемъ, и какъ будто страхомъ предъ самимъ собой. Царевичъ умираетъ; онъ чуть съежился, какъ бы приникъ къ отцу, убившему его, и еще пытается ухватиться за него леденѣющей рукой, будто для того, чтобъ удержаться надъ бездной, въ которую его уноситъ. На блѣдно-желтомъ лицѣ и въ стекловидныхъ глазахъ—и жалость, и всепрощеніе; тѣло застываетъ въ покоѣ небытія... Ему уже все равно...

Страшная картина, мучительная картина и вмѣстѣ съ тѣмъ великая картина... Какая-то жестокая страница изъ «Карамазовщины» или «Преступленья и Наказанья», какой-то ужасный кошмаръ. Вы чувствуете, словно васъ придавила огромная глыба, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаете, что кто разъ увидалъ эту картину, постоялъ надъ этой бездной, тотъ, какъ бы онъ ни былъ кровожаденъ и жестокъ, уйдетъ отсюда другимъ. Есть въ этомъ контрастѣ живого старика и умирающаго юноши, убитаго имъ, какая-то страшно могучая правда о жизни, о безуміи вражды и ненависти передъ неизбѣжной властью смерти...

Далѣе. Изъ темной кельи выступаетъ бѣлая энергичная фигура царевны Софьи. Вся властная, необузданная натура этой женщины вылилась въ ея взглядѣ, полномъ ужаса, ненависти и проклятія. А въ окна, небольшія рѣшетчатыя окна, видны повѣшенные стрѣльцы...

Напротивъ—«Не ждали».

Спиной къ зрителю, привставъ и протянувъ руки, вся въ черномъ стоитъ женщина. Изъ передней только-что вошелъ въ комнату человѣкъ въ коричневомъ полушубкѣ, съ желтымъ, изможденнымъ лицомъ. Это ссыльный, мужъ или сынъ. Говорятъ, будто онъ списанъ съ Достоевскаго. Очень отдаленное сходство есть, если представить себѣ Достоевскаго лѣтъ въ тридцать пять — сорокъ. Техника картины чудная: лицо привставшаго гимназистика, лицо дѣвочки, сидящей у рояля, блескъ палисандроваго дерева, обои, фигуры двухъ горничныхъ, стоящихъ у дверей и недоумѣвающихъ, зачѣмъ явился сюда этотъ человѣкъ,—все необыкновенно жизненно и поражаетъ тонкостью техники. Но десять лѣтъ тому назадъ эта картина произвела на меня на передвижной выставкѣ болѣе сильное впечатлѣніе. Она была тогда помѣщена какъ разъ противъ входа, въ углу, въ глубинѣ зала, въ черной драпировкѣ; и, помню, фигуры были тогда до того рельефны, что совершенно выступали изъ рамы; въ картинѣ было столько воздуха, что она сливалась съ комнатой, была какъ бы продолженіемъ ея. При первомъ взглядѣ я даже не разобралъ, что это картина; фигуры ея были такія же живыя, какъ и фигуры публики, стоявшей у нея; мнѣ показалось, будто что-то случилось, и женщина въ черномъ падаетъ въ обморокъ...

Доискиваюсь причины—и нахожу ее: во-первыхъ—картина плохо освѣщена, во-вторыхъ—она выцвѣла... Грустный фактъ—но фактъ; въ немъ — цѣлая драма и для творца ея, и для искусства. Современная живопись, доведя до изумительнаго совершенства технику, не создала прочныхъ красокъ, не знаетъ секрета, который вѣками сохранилъ свѣжесть итальянскихъ фресокъ, яркій колоритъ итальянскихъ мастеровъ... Картины линяютъ, выцвѣтаютъ. Такой шедевръ, какъ «Не ждали», на половину потерялъ свою жизненность! Plein air, воздухъ, которымъ была полна картина, исчезъ; и это понятно: его создавали свѣжіе тона красокъ, уловленныхъ въ томъ именно тонкомъ сочетаніи, которое вызывало иллюзію воздуха; свѣжесть красокъ улетучилась, а съ ней и воздухъ...

Далѣе—чудный портретъ баронессы Икскуль, «Глинка—въ періодъ сочиненія «Руслана», еще нѣсколько портретовъ... А вотъ и эскизъ знаменитыхъ «Запорожцевъ». Кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сѣрко съ чубатыми товарищами, навалившимися на него, сочиняетъ полный насмѣшекъ отвѣтъ на высокопарно-грозную грамоту султана Магомета. Сколько юмору, сколько жизни, удали и здороваго, задорнаго смѣха, который невольно дѣйствуетъ заразительно и на васъ...

Подлѣ небольшая картина «Герой минувшей войны». Солдатикъ въ кепи, поношенной казенной шинелишкѣ и съ узелкомъ въ рукѣ—возвращается на родину. Сколько теплоты и лиризма въ этой картинкѣ. На кроткомъ лицѣ—и ожиданіе свиданья, и воспоминаніе ужаснаго прошлаго, и какъ бы недоумѣніе, зачѣмъ оно пронеслось въ его простой и безобидной жизни...

Я долго стою предъ картиной Ге—«Что есть истина»? Какой большой и вмѣстѣ своеобразный талантъ. Художникъ очень субъективный, онъ отражаетъ жизнь сквозь призму своего міросозерцанія и нервной, болѣзненной чувствительности Достоевскаго. На

вечернемъ фонѣ—фигура Христа, стоящаго предъ Пилатомъ. Лучи заката еще играютъ на плечѣ Пилата, но Христосъ — въ сумеречной тѣни; и тѣмъ загадочнѣе и обаятельнѣе выглядитъ Онъ. Художникъ какъ будто задался цѣлью изобразить Его не такимъ, какимъ Онъ рисуется намъ, а такимъ, какимъ Онъ долженъ былъ казаться тогда Пилату, видавшему въ Немъ безумнаго мечтателя, порывающагося любовью пересоздать міръ. Фигура Спасителя имѣетъ жалкій и страдальческій видъ: волосы на головѣ и бородѣ въ безпорядкѣ, изможденное лицо словно утомлено безсонными ночами; въ немъ читается безпокойная мысль человѣка, поглощеннаго упорной идеей. Свѣтлые съ зеленоватымъ фосфорическимъ блескомъ глаза полны какой-то особенной силы выраженія, вѣры въ Свои идеи и какъ будто даже усмѣшки и горькаго сознанія, что Его не понимаютъ, не могутъ понять...

Впечатлѣніе получается сильное, но раздвоенное: вы чувствуете и безконечную жалость и состраданье, и въ то же время неудовлетворенность, словно бы идеалъ вашъ не выраженъ такъ, какъ онъ рисуется вамъ.

Картины другого очень большого таланта—Крамского—занимаютъ здѣсь тоже цѣлую комнату. Портреты, въ которыхъ талантливой кистью художника увѣковѣчены образы русскихъ писателей, скульпторовъ и живописцевъ. Въ картинѣ «Неутѣшное горе» чудная фигура женщины въ траурномъ платьѣ, стоящей подлѣ уголка гроба, навсегда врѣзывается въ вашу память. Ея заплаканные глаза, устремленные въ пространство съ безысходной скорбью, навѣваютъ такую же безграничную грусть и на васъ. Цѣлая печальная элегія...

Хороша, проникнута тепломъ и симпатичнымъ свѣтомъ картина Пастернака «Чтеніе письма съ родины», трогательная сценка, выхваченная живьемъ изъ солдатской жизни. Одинъ солдатъ лежитъ на койкѣ и покуриваетъ, иронически поглядывая на товарища, который съ благоговѣніемъ и растроганнымъ видомъ слушаетъ чтеніе письма изъ дому. Другой сидитъ на краю койки и читаетъ, тоже чуть усмѣхаясь. Должно быть, будущая «подруга жизни» посылаетъ свой поклонъ «милому дружку» — и онъ нѣсколько сконфуженъ, что тайну его узнали товарищи.

Вотъ чудная картина Коровина «На міру», написанная совсѣмъ рѣпинской кистью, вотъ «Гимнъ пиѳагорейцевъ восходящему солнцу», Бронникова, съ фигурами, напоминающими Іисуса Христа и апостоловъ, вотъ прелестный жанръ Корзухина «Въ монастырской гостиницѣ», «Рыболовъ» и «Птицеловы»—Перова, «Самосожженіе»—Мясоѣдова, прелестныя акварели Ѳедотова, «Заключенный»—Ярошенки, оригинальныя въ мрачныхъ и суровыхъ штрихахъ картины Сурикова—«Утро стрѣлецкой казни», «Меньшиковъ въ Березовѣ» и «Боярыня Морозова» — огромное полотно во всю стѣну, съ фигурами во весь ростъ. Далѣе—ландшафтная живопись, пейзажи Киселева, Клевера, Мещерскаго, Волкова, Шишкина, Куинджи, Лебедева, морскіе виды лучшихъ маринистовъ—Айвазовскаго и Судковскаго. И такъ безъ конца.

Я утомленъ. Въ глазахъ рябитъ. Хаосъ впечатлѣній подавляетъ... Но въ этомъ хаосѣ ясно сказывается сознаніе особенной жизненности и здоровой правды русской живописи. Сравнивая Рѣпина, Маковскаго, Верещагина и другихъ болѣе крупныхъ мастеровъ, вы чувствуете, будто предъ вами разворачивается безконечная панорама жизни, гдѣ каждая тема будитъ въ васъ не только ощущеніе прекраснаго, но и цѣлый рой мыслей и нравственныхъ чувствъ... Эта содержательность нашей живописи придаетъ ей особенное значеніе, сближая задачи искусства съ жизнью. Вы выносите бодрое впечатлѣніе, сознавая, что предъ вами не вырождающіеся въ погонѣ за новыми формами символисты и натуралисты съ господствомъ «le nu», а свѣжія, здоровыя, отзывчивыя натуры художниковъ, девизъ которыхъ—«прекрасное въ правдѣ».

Звонятъ. Три часа. Пора уходить. Мнѣ кажется, будто я разстаюсь съ какимъ-то міромъ живыхъ призраковъ, будто они по почамъ выходятъ изъ своихъ рамъ и пестрымъ хороводомъ носятся по длиннымъ анфиладамъ комнатъ,—будто я уношу съ собою частицу этого призрачнаго міра, который властью творческой силы художника запечатлѣлся во мнѣ навсегда...

Глава VIII.

Зоологическій садъ.—Царь-колоколъ и Царь-пушка.—Видъ на Москву съ колокольни Ивана Великаго.—Московскія бани.—Историческій музей.—Оружейная палата.—Кремлевскіе дворцы и соборы.—Церковь Василія Блаженнаго.

9-е августа.

Отправляюсь въ Зоологическій садъ. По пути навожу справку въ Румянцевскомъ музеѣ, когда онъ открытъ. Увы, въ лѣтнее время, съ половины іюня до половины августа, т.-е. именно тогда, когда въ Москвѣ наплывъ туристовъ, музей закрывается. Это отбиваетъ у меня охоту попытаться проникнуть и въ двѣ любительскихъ картинныхъ галлереи—Боткина и Солдатенкова; въ первой—интересная коллекція современныхъ иностранныхъ художниковъ, во второй—русскихъ художниковъ. Обѣ доступны только по рекомендаціи. Хотя «рекомендація» у меня имѣется, однако «процедура съ паспортомъ» какъ-то отбиваетъ охоту. Есть еще постоянная выставка картинъ любителей художествъ, но туда я не рѣшаюсь заглянуть, чтобы не портить впечатлѣнья Третьяковской галлереи.

Въ Зоологическомъ саду перелистываю Брэма въ натурѣ; масса павильоновъ со всякимъ звѣрьемъ съ разныхъ концовъ земного шара. Судьба распорядилась здѣсь съ животными такъ же капризно, какъ она распоряжается иной разъ съ людьми, помѣщая ихъ въ непріятное сосѣдство.

Живописные павильоны раскинуты на зеленомъ газонѣ, вдоль извилистыхъ дорогъ и у берега пруда. Ревъ, пискъ, ржаніе, птичьи

пѣсни—цѣлый концертъ звѣринца. Обязательно—слоны, которыхъ публика угощаетъ французскими булками, и обезьяны, очень похожія на публику. Есть что-то напоминающее человѣческое общество, съ той только разницей, что здѣсь—всѣ злые находятся за рѣшеткой, а всѣ кроткіе и добрые прогуливаются безнаказанно на свободѣ, иной разъ подъ самымъ носомъ у злыхъ, словно бы поддразнивая ихъ. У злыхъ во взглядахъ сверкаетъ плотоядный огонекъ; они облизываются, мечтая о томъ днѣ, когда имъ удастся вырваться изъ неволи и полакомиться на просторѣ этой «глупой породой».

Публика, должно быть, очень надоѣла животнымъ. Огромный старый левъ, который сидитъ на заднихъ лапахъ, растопыривъ переднія, и поглядываетъ со скукой на двухъ дамъ, вдругъ поворачивается къ нимъ спиной и ложится, вздохнувъ. «Охъ, ужъ и надоѣли вы мнѣ», такъ, кажется, и говоритъ этотъ вздохъ. Зато обезьяны такъ же неугомонны, какъ и человѣкъ. Онѣ визжатъ, мечутся, дерутся и нѣжничаютъ, копируя цѣлыя страницы изъ порнографическихъ романовъ.

При мнѣ складываютъ огромный остовъ мамонта. На травѣ лежитъ рядомъ тридцать шесть позвонковъ, размѣромъ съ колесо паровоза, только безъ обода. Десять человѣкъ рабочихъ, подъ наблюденіемъ какого-то господина, поднимаютъ черепъ чудовища на канатѣ. Черепъ—съ добрую лодку. Работники надсаживаются, столбы дрожатъ. «Раазъ», дружно покрикиваютъ десять человѣкъ, напрягая мускулы; черепъ чуть поднимается. Тутъ же лежатъ бивни, похожіе на оглобли, только втрое толще. Пожалуй, такая машина своей ногой могла бы такъ же легко расплюснуть голову слона, какъ этотъ слонъ—головы осужденныхъ на казнь въ Индіи...

Послѣ обѣда прохожу чрезъ Иверскія ворота на Красную площадь. Слѣва—величественное, чрезвычайно красивое зданіе новыхъ торговыхъ рядовъ, справа—кремлевская стѣна съ башнями, въ глубинѣ девятикуполый, кирпичнаго цвѣта, Василій Блаженный съ его оригинально-фантастичнымъ стилемъ и девятью причудливо-замысловатыми макушками ящеричнаго цвѣта, то луковицей, то ананасомъ, то раковиной, то рѣпой; ближе ко мнѣ—памятникъ Минину и Пожарскому, правѣе—лобное мѣсто, совсѣмъ похожее на какой-то круглый бассейнъ, только съ высокими боками. Историческія воспоминанія бѣгутъ своимъ чередомъ. Здѣсь никакъ нельзя отъ нихъ отдѣлаться. Прошлое выглядываетъ изъ-за каждаго камня, изъ каждаго угла, постоянно переплетаясь съ дѣйствительностью.

Чрезъ Никольскія ворота прохожу въ Кремль, миную арсеналъ, вдоль фасада котораго разставлены 875 орудій, отбитыхъ у Наполеона, и останавливаюсь у казармъ предъ Царь-пушкой. Совсѣмъ паровозъ, только безъ трубы и подлиннѣе (семь съ половиной аршинъ); снарядъ вѣситъ сто двадцать пудовъ и имѣетъ до двадцати вершковъ въ діаметрѣ; вѣсъ всего чудовища—двѣ тысячи четыреста пудовъ. Еще лучше Царь-колоколъ: восемь съ половиной саженъ въ окружности, двѣ съ половиной—высоты да двѣнадцать тысячъ двѣсти тридцать семь пудовъ вѣсу. Считая, что въ среднемъ чело-

вѣкъ вѣситъ четыре пуда съ небольшимъ, представляю себѣ гигантскіе вѣсы; на одну чашу помѣщаю Царь-колоколъ, на другую—три тысячи человѣкъ, три кавалерійскихъ полка. Недурно! Обломокъ колокола, который лежитъ здѣсь же на пьедесталѣ, съ аршинъ толщиной. Мнѣ вспоминается «Notre Dame de Paris». Пытаюсь представить себѣ, какъ должны были бы звонить въ эту громадину—и воображенію рисуются нѣсколько десятковъ глухихъ Квазимодъ, раскачивающихся вмѣстѣ съ громаднымъ языкомъ подъ могучіе, грозные звуки, которыхъ они не слышатъ, содрогаясь только отъ ихъ колебаній. (Вылитый при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ колоколъ въ 8000 пудовъ, погибшій во время пожара и впослѣдствіи перелитый въ Царь-колоколъ, былъ такъ великъ, что языкъ его должны были раскачивать свыше трехъ десятковъ звонарей).

Исторія Царя-колокола очень характерна *). Задумавъ въ началѣ своего царствованія возсоздать колоколъ, разбившійся при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, императрица Анна Іоанновна поручила Миниху пріискать въ Парижѣ мастеровъ. Предположено было отлить колоколъ въ 9.000 пудовъ Какой-то французскій академикъ, къ которому обратился Минихъ, принялъ за шутку это предложеніе,—до того ему казалось невозможнымъ осуществить его. И вдругъ простой русскій мужикъ, "артиллеріи колокольныхъ дѣлъ мастеръ", Иванъ Маторинъ, вызывается выполнить это дѣло. Мало того, вмѣсто колокола въ девять тысячъ, онъ берется вылить колоколъ въ 14.000 пудовъ. Изъ Петербурга были выписаны русскіе рѣзчики, и въ январѣ 1733 года на площади въ Кремлѣ закипѣла работа при участіи ста человѣкъ. Устроили литейныя печи, вылѣпили гигантскаго колокольнаго болвана изъ глины, выкопали огромную литейную яму для него, выстроили надъ ней сарай; но только въ ноябрѣ 1734 года приступили къ литью. Что долженъ былъ испытывать смѣльчакъ-самоучка въ эту рѣшительную минуту? Двѣсти человѣкъ полицейскихъ окружили площадь съ четырьмя трубами на случай пожара. Послѣ молебна были затоплены четыре плавильныхъ печи. Четыре дня плавили мѣдь. Вдругъ въ двухъ печахъ образовалась течь и мѣдь потекла, еще черезъ день и изъ другихъ двухъ печей мѣдь прорвалась. Кромѣ старыхъ колоколовъ, прибавили свыше четырехъ тысячъ пудовъ мѣди въ полушкахъ; но и это не помогло. Случилось новое несчастье: высокая деревянная машина, построенная надъ кожухомъ (формой), загорѣлась; вспыхнулъ пожаръ—и едва удалось спасти отъ него литейные амбары.

Иванъ Маторинъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ; но его дѣло вызвался окончить сынъ его, Михайло, и въ ноябрѣ 1835 года снова приступили къ литью колокола. На этотъ разъ были приняты мѣры къ предупрежденію всякихъ случайностей; вмѣсто 200 было вытребовано 400 полицейскихъ съ пожарными трубами,

*) Свѣдѣнія эти черпаю изъ статьи г. Викторова въ альманахѣ „Царь-колоколъ“.

и 25 ноября Царь-колоколъ благополучно родился. Идея Ивана Маторина была осуществлена его сыномъ, по моделямъ и чертежамъ отца.

Гиганта, однако, не извлекли изъ формы, а въ 1737 году «отъ копѣечной свѣчи» начался пожаръ съ дома боярина Милославскаго и разлился по всей Москвѣ. Опасаясь, что Царь-колоколъ расплавится, его стали заливать водой. Предполагаютъ, что именно въ это время, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ раскаленности къ охлажденію, и откололся кусокъ его.

Сто лѣтъ колоколъ пролежалъ въ землѣ — и только при Императорѣ Николаѣ I его извлекли съ большимъ трудомъ. Первая попытка была неудачна: лѣса и канаты не выдержали тяжести. Ее возобновили спустя три мѣсяца, при громадномъ стеченіи народа, и съ большимъ трудомъ помѣстили гиганта на гранитный пьедесталъ, гдѣ онъ и по сей день находится. Царь-колоколъ до сихъ поръ не издалъ ни одного звука.

Судьба захотѣла, чтобы этого богатыря, созданнаго простымъ русскимъ человѣкомъ, извлекъ изъ земли одинъ изъ современниковъ «великой арміи» французовъ, архитекторъ Монферранъ.

Вхожу въ колокольню. Темнота. Въ какой-то каморкѣ, будто въ подземельѣ, слышны голоса. Зову проводника. Откуда-то изъ-подъ земли выростаетъ громадный дѣтина съ лохматой головой. Въ раскрытыя двери несетъ сыростью и еще чѣмъ-то нестерпимо удушливымъ.

— Вамъ проводника?—раздается зычный басъ, напоминающій голосъ провинціальнаго трагика на другой день послѣ бенефиса.— Да, говорю.—Сейчасъ.

На мгновенье онъ проваливается куда-то, потомъ появляется и протягиваетъ мнѣ кружку. Отъ него нестерпимо несетъ водкой.

— Пожалуйте на братію,—говоритъ онъ рѣщительно.

— На какую братію?

Кружка не опечатана и не заперта.

— На общество звонарей,—поясняетъ онъ. Поглядываю подозрительно на члена общества звонарей. Рожа страшная, глаза косые, взглядъ какой-то фальшивый. Того и гляди—придушитъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу да потомъ спуститъ внизъ тормашками.

— Сколько-жъ вамъ полагается?—спрашиваю.

— Что милость ваша.

Даю полтинникъ.

— Можетъ быть, лучше, говорю, завтра утромъ притти?...

— Помилуйте, теперь самая пора. Утромъ туманъ, а теперь ясно.—Который часъ будетъ?

— Семь, отвѣчаю, не вынимая, однако, часовъ.

— Самая пора! пожалуйте!

Нечего дѣлать, лѣзу. Проводникъ пятится, старается сдѣлаться потоньше, чтобы пропустить меня; но мнѣ какъ-то жутко, пока онъ позади, и я настаиваю, чтобъ онъ шелъ впередъ.

Подозрѣніе мое растетъ: вмѣсто того, чтобы подниматься, мы начинаемъ опускаться.

— Стойте, да вы куда это меня ведете? Вѣдь это мы внизъ, а я на колокольню хочу...

— Я сначала проведу вашу милость на филаретовскую пристройку,—гудитъ гдѣ-то внизу подо мной зычный, точно колоколъ, басъ.

Да никакой мнѣ филаретовой пристройки не надо. Вы меня, говорю, ведите прямо наверхъ, вотъ и все.

— Наверхъ и веду, только сначала надо внизъ.

Недоумѣваю и не вѣрю. Темно; ступаю нерѣшительно, соображая, что ежели онъ бросится на меня, единственное спасенье — хватить его биноклемъ въ високъ.

Здѣсь осторожнѣе, чтобы не упасть.

Протягиваетъ предупредительно руку.

— Не надо, я самъ.

Наконецъ начинаемъ подниматься. Узкій проходъ, узкая ломанная каменная лѣстница, кажется—двумъ не разойтись. Ступеньки совсѣмъ истерты и вышлифованы, точно нога св. Петра въ Римѣ. Сколько сотенъ тысячъ людей прошло по нимъ за три вѣка существованія этой колокольни, построенной Годуновымъ!...

— Всего здѣсь,—гудитъ голосъ проводника,—тридцать три колокола. Это первый ярусъ. Тутъ все небольшіе колокола, до 450 пудовъ...

Лѣзу дальше. Второй ярусъ.

— Успенскій колоколъ. Вѣситъ четыре тысячи пудовъ. Звонятъ восемнадцать разъ въ годъ. Въ языкѣ его сто двадцать пудовъ. Воскресный—двѣ тысячи восемьсотъ пудовъ, поліелейный—двѣ тысячи пудовъ, вседневный—тысячу семнадцать пудовъ... Пожалуйте дальше. Третій ярусъ.

То и дѣло останавливаюсь, чтобы перевести духъ. Тридцать восемь съ половиной саженъ высоты! Наконецъ я наверху. Дуетъ вѣтеръ—и я невольно держусь за каменныя перила, окружающія колокольню. Кажется, будто она пошатывается. Видъ дѣйствительно восхитительный. Москва—съ птичьяго полета—какая-то анатомія гиганта. Вся она, какъ на ладони. Насколько глазъ хватитъ, сѣрая чешуя мостовыхъ съ дворцами и золотомъ куполовъ. Солнце уплываетъ за дальній горизонтъ; отъ зарева заката на гигантскій городъ падаетъ розоватый отблескъ, отраженный пестрыми крышами, церквами и безконечными рядами оконъ. Теперь я уясняю себѣ планъ Москвы. Я какъ разъ въ центрѣ. Отъ Кремля расползаются радіусами во всѣ стороны длинныя ленты улицъ; ихъ пересѣкаетъ сѣть другихъ улицъ, расположенныхъ концентрическими кругами. Совсѣмъ какъ будто правильно сотканная паутина, въ каждой клѣткѣ которой высятся стройными рядами дома. Конка тоже расходится лучами отъ Кремля и огибаетъ нѣсколькими концентрическими кольцами городъ. Рѣка, извиваясь голубой змѣей, исчезаетъ однимъ концомъ у Симонова монастыря, другимъ—у Воробьевыхъ горъ.

Кремль—центръ всего, Кремль—такое же сердце Москвы, какъ и Москва сердце Россіи. Онъ подо мной, весь сверкающій, пестрый,

улыбающійся. Его дворцы и церкви громоздятся въ треугольникѣ: Большой, Малый, теремной, потѣшный дворецъ, оружейная палата, арсеналъ, судебныя мѣста, казармы, Успенскій соборъ, Архангельскій, Благовѣщенскій, Двѣнадцати Апостоловъ, Спаса-на-бору, Чудовъ и Вознесенскій монастыри... Сѣдыя зубчатыя стѣны окружностью въ двѣ версты огибаютъ его съ трехъ сторонъ; на нихъ горделиво возвышаются восемнадцать башенъ, будто восемнадцать стройныхъ воиновъ на часахъ. Смѣсь стилей готическаго и византійскаго, что-то фантастичное, изящное, причудливое, оригинальное, чуждое шаблона, манящее пестротой, жизнерадостное, вызывающее въ воображеніи какія-то сказочныя мечты. За Красной площадью съ живописными куполами Василія Блаженнаго и бѣлымъ со стеклянной крышей дворцомъ торговыхъ рядовъ, на сѣверо-востокъ—опять группы колоколенъ... Казанскій соборъ, Заиконоспасскій, Греческій, Знаменскій и Богоявленскій монастыри, нѣсколько церквей.

На Варваркѣ, небольшой улицѣ, я еле могу разглядѣть въ бинокль домъ бояръ Романовыхъ. Раньше какъ-то я проходилъ мимо него; это—коричневаго цвѣта теремокъ, съ маленькими, узенькими рѣшетчатыми окошечками и гербомъ на флюгерѣ и у воротъ. Нѣкогда онъ принадлежалъ боярину Никитѣ Романовичу.

Все это вмѣстѣ со множествомъ другихъ зданій, тѣснящихся одно надъ другимъ, также окаймлено съ трехъ сторонъ стѣной, которая своими концами примыкаетъ къ треугольнику Кремля. Стѣна тоже съ башнями, восемью воротами и называется Китайскою. Это и есть Китай-городъ. Здѣсь на небольшой сравнительно площади скучены торговые ряды, конторы, банки и биржи, здѣсь—денежный и коммерческій центръ города. Кремль и Китай-городъ составляютъ ядро, которое съ одной стороны огибаетъ полумѣсяцемъ Бѣлый-городъ съ бульварами, съ другой—Замоскворѣчье; за Бѣлымъ-городомъ разворачивается полукругомъ Земляной-городъ; за нимъ на десятки верстъ тянется почти сплошное кольцо бульваровъ, охватывая и Замоскворѣчье.

Гляжу на югъ—передо мной Замоскворѣчье съ его пестрыми небольшими кубиками, множествомъ церквей и монастырями, красиво выдѣляющимися на фонѣ зелени; съ востока—Китай-городъ, грандіозная громада воспитательнаго дома, Андроніевъ монастырь и сотни другихъ огромныхъ зданій и церквей, господствующихъ надъ массой стройныхъ, вытянутыхъ рядами домовъ. На западѣ—храмъ Христа Спасителя и далеко вдали—зеленая подкова Воробьевыхъ горъ. Къ сѣверу, за зданіемъ историческаго музея и думы, Воскресенская и Театральная площади съ Большимъ и Малымъ театрами, а затѣмъ почти отъ стѣнъ Кремля расползаются, точно полоски гигантскаго вѣера, съ запада къ востоку, главныя артеріи, по которымъ безпрерывнымъ потокомъ несутся жизненныя силы этого гиганта,— Пречистенка, Арбатская, Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка, Неглинный проѣздъ, Лубянка, переходящая въ Срѣтенку, Ильинка, переходящая въ Моросейку, продолженіе которой называется Покровской, потомъ Старо-Басманной и заканчивается Покров-

ской улицей, гдѣ-то въ десяти верстахъ отъ центра. На всемъ этомъ пространствѣ, по всѣмъ этимъ улицамъ, концы которыхъ теряются въ изгибахъ или исчезаютъ на горизонтѣ, суетится людской муравейникъ. И какъ-то не вѣрится, чтобы крошечные муравьи, бѣгающіе внизу, могли создать этотъ величественный, могучій городъ, который расползается до горизонта, весь въ розоватомъ ореолѣ заката.

Какая-то дивная діорама, приковывающая и чарующая взоръ, захватывающая своимъ необъятнымъ просторомъ и величіемъ.

Солнце закатывается. Свѣжѣетъ. Вѣтеръ усиливается. Колокольня опять будто колышется.

Вечеромъ отправляюсь въ «Центральныя бани». Многоэтажное зданіе, выходящее на три улицы, сіяетъ электричествомъ. Передняя въ восточномъ стилѣ: фрески, ниши, мозаика изъ пестрыхъ стеколъ, матовые цвѣтки электрическихъ лампочекъ. Нумера отъ рубля до десяти. Мнѣ отводятъ номеръ въ три рубля. Потолокъ въ лѣпной работѣ, съ изящнымъ плафономъ; стѣны въ сплошныхъ пано съ идилліей въ стилѣ Ватто; деревенская пастораль, пестрая группа въ пляскѣ подъ развѣсистымъ деревомъ; вдоль стѣнъ нѣсколько турецкихъ дивановъ, уютныхъ, мягкихъ, обтянутыхъ тисненымъ бархатомъ бордо; мраморный каминъ изящной скульптурной работы, съ зеркаломъ до потолка и бронзовыми канделябрами, большое, высокое трюмо, тоже съ канделябрами, туалетный столъ со всѣми принадлежностями—отъ зубной щеточки до пудры, узкое зеркало до потолка, опять бронзовые канделябры, пуфъ, три-четыре мягкихъ кресла, chaise-longue, на полу цѣльный персидскій коверъ во всю комнату. Со стѣны склоняется бронзовая вѣтвь съ матовыми электрическими цвѣтками. Оглядываю эту обстановку и оцѣниваю ее тысячъ въ шесть. Въ ванной на полу мозаика, мраморная ванна; но въ самой банѣ—«полокъ» деревянный и нѣтъ приспособленій для пара; просто растворяются двустворчатыя двери печи, и парщикъ льетъ воду изъ ковша на горячіе почернѣвшіе камни по соображенію.

Указываю ему на этотъ недостатокъ.

— У насъ такъ любятъ,—поясняетъ онъ. Купецъ иначе не согласенъ, какъ чтобъ ему паръ съ самаго камня подошелъ.

Чувствуется легкій угаръ.

10-е августа.

Историческій музей, какъ и дума,—одно изъ грандіозныхъ зданій Москвы. Фасадъ въ строгомъ русскомъ стилѣ XVI вѣка, на башняхъ—орлы, львы, единороги и прапоры, въ окнахъ—переплеты на манеръ Василія Блаженнаго.

Сѣни имѣютъ очень величественный видъ. Восемь колоннъ поддерживаютъ главный куполъ, отъ котораго расходятся стрѣльчатые своды. На куполѣ изображено родословное древо Государей россійскихъ (длина его—25 аршинъ, ширина—17 аршинъ). Полъ мозаичный, изъ краснаго и бѣлаго мрамора. По сторонамъ мраморной лѣстницы—бронзовые львы. Шесть громадныхъ дубовыхъ дверей

ведутъ съ площадки въ помѣщеніе музея. Пріобрѣтаю у швейцара каталогъ. Очень обстоятельный томикъ въ 600 страницъ, цѣна—рубль. Это для меня сюрпризъ—и сюрпризъ чрезвычайно пріятный.

Обстановка музея очень хороша и строго выдержана. Стиль каждой залы соотвѣтствуетъ эпохѣ памятниковъ. Въ двухъ залахъ, занятыхъ предметами каменнаго вѣка, орнаменты и мозаика на полу изображаютъ узоры сосудовъ этого вѣка, гончарныя издѣлія, каменные молотки, наконечники стрѣлъ и копья. Очень живописенъ фризъ, написанный художникомъ Васнецовымъ. Цѣлая фантазія на тему каменнаго періода и первыхъ зачатковъ ремеслъ и искусствъ. Тутъ и приготовленіе пищи, и кормленіе дѣтей, и одежды изъ звѣриныхъ шкуръ, и охотничья добыча—лоси, носороги и медвѣди, и геркулесъ племени, съ палицей на плечѣ, и охота на мамонта. Третій залъ въ стилѣ металлическаго вѣка, въ четвертомъ—двѣ громадныя картины Семирадскаго: первая—похороны Русса въ Булгарѣ, вторая—жертвоприношеніе подъ стѣнами Доростола послѣ битвы Святослава съ Цимисхіемъ,—обѣ съ очень сильными сюжетами и строго выдержаннымъ историческимъ колоритомъ; на зрителя вѣетъ суровой эпохой десятаго вѣка; на разложенныхъ кострахъ, при лунномъ освѣщеніи, сожигаютъ плѣнныхъ и женщинъ, въ рѣку бросаютъ младенцевъ и пѣтуховъ... Орнаментика пятаго зала построена на художественныхъ мотивахъ курганнаго періода; въ шестомъ—потолокъ устроенъ уступами, по образцамъ пантикопейскихъ гробницъ; здѣсь помѣщаются эллино-скиѳскіе памятники; очень хороши фрески, напоминающіе классическіе рисунки на урнахъ. Слѣдующій залъ, соединенный аркой, отдѣланъ въ древне-армянскомъ и византійскомъ стилѣ, за нимъ залъ съ четырьмя навѣсами и коринѳскими колоннами,—въ немъ памятники греческихъ поселеній. Архитектура девятаго зала, съ куполомъ, сводами и парусами, напоминаетъ храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Въ немъ помѣщаются христіанскіе памятники до X вѣка. Далѣе—еще нѣсколько залъ съ предметами кіевскаго періода, Новгорода и Пскова, Владиміра и Суздаля.

Коллекціи музея очень богаты и продолжаютъ пополняться. Въ этой обстановкѣ, гдѣ каждый предметъ полонъ тайны далекаго прошлаго доисторической эпохи, языческихъ временъ и первыхъ вѣковъ христіанства Россіи, на васъ вѣетъ вдругъ цѣлымъ потокомъ современности отъ большой круглой витрины, помѣщенной въ центрѣ одной изъ залъ. Въ ней—коллекція разныхъ предметовъ, относящихся къ франко-русскимъ празднествамъ: трехцвѣтные бантики, бездѣлушки, кокарды, сотни періодическихъ изданій съ описаніемъ празднествъ, сувениры, которыми обмѣнивались русскіе и французы, гравюры и иллюстраціи. Составлена она извѣстнымъ археологомъ барономъ де-Бай и принесена въ даръ музею.

Отсюда опять отправляюсь въ Кремль. Въ конторѣ коменданта получаю разрѣшеніе на входъ въ оружейную палату и дворцы. Билеты выдаются безпрепятственно, безъ всякихъ формальностей. Завѣдующій конторой офицеръ одинаково любезно и скоро вру-

чаетъ билетъ какъ мнѣ, такъ и простому люду, толпящемуся въ комнатѣ.

Оружейная палата, большое двухъ-этажное зданіе, является какъ бы продолженіемъ историческаго музея. Это—цѣлая сокровищница драгоцѣнностей и историческихъ рѣдкостей, которымъ цѣны нѣтъ. Въ верхнемъ этажѣ—всевозможныя оружія, знамена, принадлежности коронаціи, троны, державы, короны, шапка Мономаха, залъ съ золотой и серебряной посудой... Впечатлѣніе—грандіозное. Стѣны въ звѣздахъ изъ всевозможныхъ оружій и художественно расположенныхъ латъ, щитовъ, панцырей и кольчугъ, огромный, закованный въ желѣзо, всадникъ на конѣ, множество моделей, токарный станокъ Петра Великаго, брилліанты и золото, золото и серебро, опять брилліанты—все на милліоны.

Въ нижнемъ этажѣ—модели двухъ дворцовъ, разные рѣдкіе предметы искусствъ, принадлежавшіе русскимъ государямъ и расположенные въ кругломъ залѣ, цѣлая коллекція старинныхъ каретъ XVII и XVIII вѣка, золоченыхъ, на дрогахъ, съ художественной живописью, эмальированныхъ, то изящныхъ, то неуклюжихъ, громоздкихъ и страшно тяжелыхъ, одна другой оригинальнѣе и курьезнѣе; тамъ же кровать и сапоги Александра I, колыбель, саночки, деревянные часы и ларчикъ Петра Великаго. Всѣ эти предметы, принадлежавшіе когда-то великимъ людямъ русской исторіи, еще какъ будто носятъ на себѣ отпечатокъ ихъ личности. Что-то неуловимое, что чувствуется, но не постигается, словно наполняетъ всю атмосферу какимъ-то обаяніемъ прошлаго,—обаяніемъ, въ которомъ ощущается частица чьей-то души, витающей здѣсь, запечатлѣвшейся на этихъ предметахъ.

Парадная передняя большого кремлевскаго дворца, обращенная къ Москвѣ-рѣкѣ, очень напоминаетъ входъ въ Эрмитажъ; стѣны облицованы мраморомъ, широкая лѣстница съ колоннами ведетъ во второй этажъ. Множество придворной прислуги въ будничныхъ сѣрыхъ ливреяхъ съ золотомъ. Форма та же, что въ оружейной палатѣ и храмѣ Спасителя, видъ тоже скучающій. Публика разбивается на группы; при каждой—ливрейный проводникъ. По всему дворцу (а въ немъ 700 комнатъ и 9 церквей) то и дѣло раздается шумъ дверей и стукъ сапоговъ по паркету. Половина посѣтителей — простой людъ. Нѣсколько человѣкъ въ смазныхъ подкованныхъ сапогахъ; проводники то и дѣло просятъ, чтобъ они ходили по дорожкамъ. Двѣ бабы—совсѣмъ босыя. Въ этой доступности есть что-то трогательное.

На верхней площадкѣ лѣстницы я невольно останавливаюсь отъ неожиданности. То же случается и съ другими посѣтителями. Противъ насъ Императоръ Александръ III во весь ростъ стоитъ предъ группой старшинъ и предводителей дворянствъ, окружившихъ его. Это—картина Рѣпина, изображающая тотъ моментъ, когда покойный Государь говорилъ во время коронаціонныхъ празднествъ свою рѣчь старшинамъ. Иллюзія до того полная, въ картинѣ—такая рельефность фигуръ и plein air, что вы безотчетно испыты-

вает какое-то смущеніе. Вамъ такъ и кажется, что полная царственнаго величія фигура Государя выступитъ изъ рамы и раздастся вновь его энергичное слово...

Вдоль стѣнъ длиннаго корридора — картины до потолка, изображеніе куликовской битвы съ огромными фигурами, которыхъ даже нельзя разсмотрѣть вблизи; ноги, руки и головы гигантовъ.

Прохожу безконечную анфиладу высокихъ, громадныхъ заловъ съ мраморными стѣнами и паркетомъ. Георгіевскій, съ ковчегообразнымъ помѣщеніемъ для орденовъ, фамиліями георгіевскихъ кавалеровъ, высѣченными золотыми буквами на мраморныхъ доскахъ, чрезвычайно величественъ. Отдѣланъ онъ орденскими цвѣтами—оранжево-золотистымъ съ темнымъ.

Тутъ же помѣщена литая серебряная группа—подарокъ, поднесенный Государю казацкимъ войскомъ. Далѣе—Тронный залъ, Андреевскій, Александровскій, Владимірскій, Екатерининскій — всѣ также отдѣланы подъ цвѣтъ орденскихъ лентъ. Затѣмъ начинаются частные покои Государя и Государыни, гостиная и кабинетъ въ стилѣ Людовика XIV, съ золоченой мебелью и роскошными севрскими вазами, кабинетъ Государя. Все прикрыто чехлами, но наготовѣ, какъ бы въ ожиданіи.

Кремлевскій дворецъ соединенъ съ теремнымъ цѣлымъ рядомъ залъ, корридоровъ, вдоль которыхъ тянутся помѣщенія для фрейлинъ, столовой, украшенной старинной русской живописью, престольной и думной палатами. Реставрированъ онъ при Императорѣ Николаѣ I. Здѣсь — малая золотая палата и грановитая палата съ краснымъ крыльцомъ, нѣсколько церквей и покои Алексѣя Михайловича. Послѣ грандіознаго масштаба большого дворца, тутъ все кажется маленькимъ. Стрѣльчатыя, узорчатыя окошечки въ цвѣтныхъ стеклахъ, расписанныя стариннымъ рисункомъ стѣны, изразцовыя печи. Ото всего вѣетъ далекой стариной, какой-то простотой и уютностью. Обстановка сохранилась въ деталяхъ, отъ пестрой живописи въ темныхъ узенькихъ корридорахъ, ведущихъ въ темныя церкви, до царскихъ одеждъ, которыя висятъ въ царской опочивальнѣ. Въ комнатахъ полусвѣтъ, придающій всему таинственный видъ. Вспоминаются почему-то былины и легенды, которыя въ долгіе зимніе вечера разсказывались здѣсь, будя въ молодыхъ сердцахъ русскихъ царей жажду подвиговъ и величія Россіи...

Нѣсколько минутъ спустя, гуляю вдоль дворца, надъ садомъ, сползающимъ къ рѣкѣ. Здѣсь возвышаются лѣса и модель памятника Царю-Освободителю.

Прохожу въ Успенскій соборъ, гдѣ коронуются русскіе Государи. Заложенъ онъ Калитой въ XIV вѣкѣ и строился полтораста лѣтъ. Нынче такой небольшой храмъ можно воздвигнуть въ два-три года. Архангельскій, Благовѣщенскій и Двунадесяти Апостоловъ соборы тоже такихъ же размѣровъ. Въ Вознесенскомъ—иконостасъ изъ чеканнаго серебра съ позолотой, образъ Владимірской Богоматери съ массой драгоцѣнныхъ камней, въ числѣ которыхъ одинъ изумрудъ цѣнится въ восемьдесятъ тысячъ рублей, тронъ

Владиміра Мономаха, большое Евангеліе царицы Натальи Кирилловны; въ Благовѣщенскомъ—древняя рѣдкая живопись и мозаика изъ яшмы на полу, въ соборѣ Двунадесяти Апостоловъ библіотека съ древнѣйшими рукописями, въ Архангельскомъ — усыпальница всѣхъ великихъ князей и царей Россіи. Всѣ соборы расположены въ двухъ шагахъ одинъ отъ другого, въ небольшомъ дворѣ, и вмѣстѣ съ монастырями составляютъ почти сплошную группу церквей.

Въ Архангельскомъ соборѣ я долго брожу между длинными, тѣсными рядами гробницъ, прикрытыхъ черными траурными запыленными покрывалами, пока мой проводникъ называетъ мнѣ имена князей и царей, почившихъ подъ ними. Здѣсь мощи царевича Дмитрія, князя Михаила и боярина Ѳеодора, замученныхъ ханомъ Узбекомъ въ ордѣ, здѣсь — прахъ Іоанна Калиты, Дмитрія Донского, Іоанна III, Іоанна IV, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Императора Петра II.

Въ воображеніи проносятся могучіе образы героевъ русской исторіи, которые вѣками сковывали безграничную землю русскую. Въ раскрытыя двери слышится гулъ колоколовъ, звонившихъ и при нихъ, возвѣщая ихъ побѣду или смерть и призывая сюда для молитвы русскій народъ... Сколькихъ событій были свидѣтелями эти темные своды, полные тайны прошлаго, сколько великихъ и страшныхъ минутъ было пережито здѣсь русской душой въ теченіе трехъ вѣковъ! Грохотъ огромнаго города, ихъ города, долетаетъ сюда пѣсней торжествующей жизни, которая будто хочетъ напомнить, что смерть ихъ не разрушила ихъ дѣла, что они живы въ немъ, что оно росло и выросло въ могучій городъ, въ великую страну...

Выхожу на Красную площадь, служившую декораціей для столькихъ историческихъ событій, и осматриваю церковь Василія Блаженнаго. По цѣлому лабиринту узенькихъ витыхъ корридоровъ пробираюсь въ каждый изъ отдѣльныхъ девяти придѣловъ, разсматриваю старинную живопись, потомъ долго любуюсь оригинальной фантастической архитектурой.

Есть что-то чарующее, какъ капризный полетъ мечты, въ группѣ несимметричныхъ куполовъ, что-то раздражающее воображеніе, напоминающее востокъ и прихотливость индійской архитектуры.

Мнѣ представляется картина закладки храма. Изъ воротъ Кремля выходитъ пестрая процессія въ золотой парчѣ, съ развѣвающимися хоругвями, митрополитъ, Іоаннъ Грозный съ Сильвестромъ и Адашевымъ, бояре... Это—эпоха взятія Казани,—татарской силѣ нанесенъ послѣдній ударъ, Казанское царство пало. Іоаннъ молодъ, во всей силѣ и энергіи своихъ тридцати двухъ лѣтъ, со славой побѣдителя исконныхъ враговъ земли русской. Надъ Москвой густыми, могучими переливами разносится торжественный звонъ колоколовъ...

Глава IX.

Московская дистанція и московское благоустройство.—Городское хозяйство.—
Новые типы московскаго купечества.—Благотворительныя учрежденія.—Пролета-
ріатъ.—Петербуржецъ и москвичъ.—Общія впечатлѣнія.—Выѣздъ.—На Нижего-
родскомъ вокзалѣ.

Москва поражаетъ своей «дистанціей огромнаго размѣра». Мо-
сковскія разстоянія—что-то невозможное; по-московски «вотъ тутъ,
близко, сейчасъ за угломъ» — значитъ верста-двѣ. Есть такіе
«концы», что больше трехъ-четырехъ въ день не успѣешь отмахать.
Пытался я было хоть слегка осмотрѣть городъ на конкѣ, по
одному изъ концентрическихъ круговъ,—такъ куда: выѣхалъ послѣ
завтрака, а пріѣхалъ къ обѣду. Правда, и московская конка везетъ
не шибко, степенно, по-купечески, съ остановочками и передышками.
Не даромъ извозчики называютъ ее «погребальной процессіей». Ни
парового трамвая, ни электрической конки, ни городскихъ желѣз-
ныхъ дорогъ Москва не признаетъ.
Благоустройствомъ городъ похвастаться не можетъ; водопроводъ
и канализація—московскія муниципальныя злобы почти такого же
возраста, какъ и Москва. Московская пыль вошла въ поговорку,
улицы метутся плохо, есть совсѣмъ грязные уголки, подстать лю-
бому губернскому городу; въ такомъ же положеніи и ассенизація.
Васъ охватываетъ постоянно смѣсь культурности и неблагоустрой-
ства, вы то и дѣло попадаете изъ одной полосы въ другую.
Но въ общемъ все-таки преобладаетъ сознаніе, что въ жизни
города произошелъ крутой поворотъ къ прогрессу, и что еще годъ-
другой энергичной работы—и онъ пріобрѣтетъ совсѣмъ культурную
внѣшность, станетъ однимъ изъ лучшихъ городовъ въ европейскомъ
смыслѣ.

Правда, и справиться съ такой громадиной мудрено. Въ Петер-
бургѣ 12 частей, въ Москвѣ—семнадцать, благодаря ея простран-
ству. Это—десять большихъ губернскихъ городовъ. Въ каждомъ
такомъ городѣ есть голова—и то онъ всего не можетъ досмотрѣть,
а въ Москвѣ—одинъ голова на десять такихъ городовъ. Парижъ
раздѣленъ на двадцать частей при двадцати мэрахъ и сорока по-
мощникахъ, а въ Москвѣ все-таки одинъ хозяинъ на весь городъ
при нѣсколькихъ членахъ. И я думаю, есть такія улицы, которыхъ
онъ никогда въ жизни не видалъ. Еще теперь, при телефонѣ, пол-
бѣды, но представьте себѣ, что стоило только какой-нибудь деся-
токъ лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ сдѣлать распоряженіе по
городу и проконтролировать его исполненіе. Москвичъ туговатъ на
ухо и не охотникъ до всякихъ муниципальныхъ новшествъ и за-
тѣй. Даже теперь, уже при телефонахъ, и то не обходится безъ
курьезовъ. Взять бы хоть исторію съ вывозкой снѣга. Управа рас-
порядилась было вывозить снѣгъ, а потомъ, по соглашенію
съ полиціей, отмѣнила это распоряженіе. Но пока распоряженіе объ
отмѣнѣ распоряженія стало извѣстнымъ, часть домовладѣльцевъ
успѣла вывезти съ улицъ снѣгъ противъ своихъ домовъ; улицы

превратились въ какія-то шахматныя доски; ни на саняхъ нельзя было ѣздить, ни на колесахъ. Первое распоряженіе было отмѣнено, отмѣнять и второе—не приходилось; дѣло кончилось тѣмъ, что нѣкоторые домовладѣльцы *должны были покупать снѣгъ*, чтобы засыпать имъ снова улицы.

Мнѣ кажется, что реформа системы городскихъ хозяйствъ, особенно въ крупныхъ центрахъ,—вопросъ только времени: какъ бы ни былъ энергиченъ человѣкъ, немыслимо ему одному справиться со сложнымъ городскимъ управленіемъ. Москва—это цѣлое государство, почти какая-нибудь Греція. Удивительно ли, что даже при желѣзной энергіи покойнаго Алексѣева въ хозяйствѣ города были промахи и недочеты. Стоитъ только вспомнить двухмилліонныя городскія бойни и весь шумъ въ печати по поводу ихъ неудовлетворительности и безконтрольнаго расхода капитала. Въ Петербургѣ городской бюджетъ—восемь милліоновъ, въ Москвѣ — тринадцать. Кажется, можно бы при такихъ доходахъ обернуться и не только нагнать, а и обогнать Петербургъ въ отношеніи благоустройства. Однако, и до сихъ поръ, напримѣръ, такой насущный вопросъ для жизни города, какъ канализація, не можетъ притти къ благополучному концу: городъ пока собирается сдѣлать пятимилліонный заемъ.

Обязанности городского головы настолько сложны,—особенно, если вспомнить представительство, предсѣдательство въ разныхъ комиссіяхъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ и безконечныхъ думскихъ засѣданіяхъ,—что если бы онъ могъ разорваться на сто частей, то и тогда все-таки не поспѣлъ бы всюду. Прибавьте къ этому занятія въ управѣ, подпись бумагъ, сотни проектовъ, распредѣленіе городскихъ налоговъ и взиманіе ихъ... Цѣлое министерство. И отъ этого министерства во многомъ зависитъ и экономическій рычагъ промышленной жизни города съ его шестью-стами фабрикъ, сотней тысячъ фабричныхъ мастеровыхъ и тысячами всяческихъ торговыхъ заведеній.

Господствующее сословіе Москвы—купечество. Выборы всецѣло въ его рукахъ. И оно не только по традиціи, по сословнымъ интересамъ, но и по необходимости избираетъ городскихъ головъ изъ своей среды: только человѣкъ, выросшій на торгово-промышленной почвѣ Москвы, можетъ знать ея жизненныя нужды и практически разрабатывать запросы экономической жизни города. Неудивительно поэтому, что преобладаніе въ городскомъ хозяйствѣ буржуазно-практичнаго элемента отражается и на внѣшнемъ благоустройствѣ города. Чисто культурные интересы отодвигаются на второй планъ предъ интересами экономическими. Городскому головѣ, при всей его тенденціи къ реформамъ и улучшеніямъ, приходится прислушиваться къ практическому камертону интересовъ купечества. До сихъ поръ вліяніе этого своего рода tiers état, выросшаго органически, а не созданнаго искусственно, какъ за границей, чувствительно отражалось на культурной жизни города. Москва, съ ея великимъ прошлымъ, съ ея великими людьми, съ ея славнымъ патріотизмомъ—не имѣетъ еще памятниковъ этихъ людей: кромѣ монументовъ Минину

съ Пожарскимъ, Пушкину да строящагося теперь грандіознаго мавзолея Царю-Освободителю, въ Москвѣ нѣтъ никакихъ памятниковъ. Москвичи не увѣковѣчили въ бронзѣ не только образа такого исполина, какъ Петръ Великій, не только десятковъ другихъ героевъ славнаго прошлаго, но и великихъ людей послѣдней эпохи, родившихся, выросшихъ или жившихъ и творившихъ на ея почвѣ, какъ Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь и Тургеневъ. Москва Грибоѣдова и Москва Островскаго до сихъ поръ еще не исчезла. Но на смѣну ей нарождается, заслоняя ее, цѣлая галлерея московскихъ людей новаго типа, такихъ же искреннихъ, но еще болѣе глубокихъ и сознательныхъ патріотовъ. Они вносятъ обновленіе въ купеческую среду и потокъ общественныхъ идеаловъ болѣе широкаго патріотическаго размаха. Это—Третьяковы, Алексѣевы, Морозовы, Бахрушины, Солдатенковы, Боткины, Рукавишниковы и тѣ «неизвѣстные», которые жертвуютъ по шестисотъ и семисотъ пятидесяти тысячъ на разные дѣтскіе пріюты и благотворительныя учрежденія, не желая даже увѣковѣчить свое имя добрымъ дѣломъ. Что-то совсѣмъ стихійное по размаху, размѣрамъ и великодушію.

Москва славится своей филантропіей. Въ ней до двухсотъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, 26 пріютовъ, 7 убѣжищъ, 9 богадѣленъ, множество лѣчебницъ, ночлежныхъ домовъ, сорокъ три больницы, вмѣщающихъ до десяти тысячъ человѣкъ. И, несмотря на это, нѣтъ, кажется, у насъ города, въ которомъ была бы такая масса нищихъ и бѣдняковъ, живущихъ на благотворительный счетъ. Главную массу пролетаріата даютъ фабрики и алкоголь. Въ Москву безпрерывно стекаются со всѣхъ центральныхъ губерній тысячи деревенскаго люда. Это все народъ, который или не можетъ прокормиться дома, или рвется къ городской жизни. Деревенская натура не всегда выноситъ фабричную жизнь, доведенную до точности механизма и пунктуальности, съ которыми не можетъ ужиться широкая русская душа; человѣкъ поработаетъ, поработаетъ, а потомъ глядь—его и выбросило изъ колеи. Очутился онъ прямо на улицѣ и безъ куска хлѣба; въ деревню не хочется, пестрота и шумъ жизни большого города приковываютъ; деревенскій человѣкъ не требователенъ, перебиться кое-какъ можно; случайно подвернется заработокъ, а то и такъ на благотворителя попадетъ; проходитъ время, глядишь — онъ и вовсе отъ работы отбился, а тамъ, смотришь, и окончательно распился. Тутъ ужъ наступаетъ полная гибель и нищенство.

Главное скопленіе пролетаріата—на Хитровомъ и Смоленскомъ рынкахъ, гдѣ цѣлые кварталы заняты ночлежными притонами; на Хитровкѣ шесть громадныхъ домовъ въ нѣсколько этажей составляютъ особую группу пріютовъ. Хитровскій абитуріентъ имѣетъ даже свою кличку «хитровца». Рядомъ съ храмомъ Спасителя, почти въ центрѣ города—огромный мрачный пріютъ пролетаріата, называемый въ простонародьи «Сережниковой крѣпостью». Кромѣ того, по всему городу разбросаны еще десятки притоновъ, въ которыхъ, какъ и въ главныхъ скопищахъ нищеты, разыгрываются одинаково мрачныя сцены «Петербургскихъ трущобъ», со всѣмъ ужасомъ пороковъ, вырожденья, паденья, голода, безпросвѣтной нужды и тысячъ всяческихъ ухищреній несчастной голытьбы въ попыткѣ раздобыть грошъ и прокормиться лишній день.

Народъ любитъ Москву и рвется къ ней. Онъ то нѣжно называетъ ее «матушкой бѣлокаменной, златоглавой, хлѣбосольной, православной, словоохотливой», то иронизируетъ надъ ней въ своихъ поговоркахъ: Москва бьетъ съ носка, Питеръ—бока повытеръ, Питеръ женится—Москва замужъ идетъ, была правда у Петра и Павла (въ застѣнкѣ, гдѣ пытали), московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью, въ Москву итти—голову нести, въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ, Москва—что доска: спать широко, да кругомъ мететъ, въ Москву брести—послѣднюю копѣйку несть, живучи въ Москвѣ—пожить и въ тоскѣ.

Складъ жизни въ Москвѣ попроще, чѣмъ въ Петербургѣ, да и самъ москвичъ попроще петербуржца. Прежде всего, онъ здоровѣе и молодцеватѣе, свѣжѣе, не успѣлъ еще пріобрѣсти первно-пергаментнаго лица петербургскаго чиновника, всегда подтянутаго, всегда на-сторожѣ и въ погонѣ за карьерой, непремѣнно съ катарромъ легкихъ и желудка. Москвичъ — практикъ, но не скептикъ, петербуржецъ, сравнительно съ нимъ,—вольтерьянецъ; москвичъ видитъ чаще солнце и на жизнь глядитъ бодрѣй, петербуржецъ имѣетъ прокислый отъ сырости видъ и успѣлъ проникнуться эстонской флегмой. На петербуржца Европа наложила печать космополитической нивеллировки, москвичъ—типичный «руссакъ», сохранившій всѣ особенности русской души, съ ея ширью, съ ея достоинствами и недостатками.

Вечеромъ, гуляя, пытаюсь резюмировать свои московскія впечатлѣнія.

Чувствую, что Москва съ каждой минутой все больше и больше чаруетъ меня. Москва—это какой-то кошмаръ, и сладкій, и томительный, въ которомъ тайна прошлаго и настоящее, востокъ и западъ, фантазія и дѣйствительность слились и переплелись въ чудовищномъ контрастѣ; это—страстное первое объятіе Азіи и Европы, это—хороводъ тѣней прошлаго на фонѣ современности, это—отраженіе старой и новой Россіи, со всѣми ея недостатками и всѣмъ ея величіемъ, это—чудный памятникъ сильной духомъ расы, въ которомъ каждая пядь земли вспоена кровью жертвъ человѣческихъ, создавшихъ могучее русское море, разлившееся на полміра и дѣлающее русскихъ какими-то міровыми гражданами. До сихъ поръ Москва представлялась мнѣ «большой деревней», и я подозрѣвалъ въ отзывахъ о ней что-то подогрѣтое и раздутое шовинизмомъ. А теперь я какъ будто чувствую даже досаду, что къ ней не умѣютъ относиться у насъ съ должнымъ благоговѣніемъ. И въ ея разбросанности, и въ ея некультурности есть что-то не установившееся и дикое, какъ и въ русской натурѣ, но есть и смѣлый размахъ, полный силы и будущности. Я не могу ни на минуту отдѣлаться отъ обаянія прошлаго. Что-то неуловимое, какъ смутные силуэты памят-

никовъ старины, будто выступаетъ изъ каждаго уголка вереницей тѣней; предо мной разворачивается исторія великой страны, записанная здѣсь кровью и желѣзомъ на камнѣ, и съ каждой страницы ея слетаютъ могучіе образы, продолжая жить и шептаться о чемъ-то въ темныхъ сводахъ, въ тѣни дворцовъ, воздвигнутыхъ потомками...

11-е августа.

Просыпаюсь. Вспоминаю, что сейчасъ надо укладываться, что сегодня я непремѣнно долженъ ѣхать дальше; испытываю малодушіе: не хочется разстаться съ Москвой.

Съ утра еще разъ заглядываю въ Третьяковскую галлерею, оттуда отправляюсь въ пассажи дѣлать покупки. Лубянскій пассажъ, Солодовникова, Александровскій, Поповскій, Постниковскій — все это огромныя зданія, въ которыхъ безпрерывно и внизу, и вверху, на балконахъ, жужжитъ толпа. Но всѣ они стушевываются предъ размѣрами, красотой и великолѣпіемъ новыхъ торговыхъ рядовъ, выросшихъ изящнымъ, стройнымъ бѣлымъ дворцомъ во всю Красную площадь. Несмотря на громадные размѣры и длинный фасадъ, все зданіе необыкновенно стройно и пропорціонально; нигдѣ ничего громоздкаго, неуклюжаго и лишняго; отъ этого оно такъ легко и такъ изящно въ цѣломъ, такъ чаруетъ глазъ гармоніей. По-моему, въ новѣйшей архитектурѣ Москвы это—самое красивое, самое удачное и величественное сооруженіе, которому можетъ позавидовать любая европейская столица. Внутри оно роскошно. Отдѣлка, мозаика, балюстрада вдоль второго яруса, висячіе мосты, перекинутые съ одной стороны на другую легкими арками, стеклянная крыша, магазины—все это, верхъ изящества и вкуса. Зимой здѣсь играетъ военная музыка и при потокахъ электрическаго свѣта гуляетъ вся Москва.

Завтракаю на Тверской у Филиппова, въ большомъ зеленоватомъ залѣ, съ художественной лѣпной работой. Днемъ и вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи, здѣсь безпрерывная разношерстная толпа. Масса провинціаловъ, которые первымъ дѣломъ являются отвѣдать филипповскихъ пироговъ и калачей. Дешевизна соблазняетъ, и многіе объѣдаются: пирогъ съ сочнымъ фаршемъ, весь какой-то пуховой—пятачекъ, калачъ—тоже; стаканъ чаю—пять или семь копѣекъ. А почти напротивъ, въ гастрономическомъ магазинѣ Бѣлова, десятокъ янтарныхъ сливъ рейнъ-клодъ, величиной въ абрикосъ, — два рубля пятьдесятъ копѣекъ! Это — въ самый разгаръ фруктоваго сезона.

Счетъ въ гостиницѣ, противъ всякаго ожиданія, оказывается очень добросовѣстнымъ. Обыкновенно по вечерамъ на дверяхъ каждаго номера здѣсь вывѣшиваютъ своего рода «бюллетени», въ которыхъ записано все, что вы потребовали въ теченіе дня. «Это-съ для памяти», объяснилъ мнѣ лакей. Удобно въ томъ отношеніи, что ничего не припишутъ, какъ въ нашихъ бѣлорусскихъ «гótеляхъ». У насъ обыкновенно въ самую минуту отъѣзда недоразумѣніе: вы усматриваете въ счетѣ, непремѣнно написанномъ іероглифами и въ

кляксахъ, какія-то совершенно непонятныя «тоже», которыя въ итогѣ составляютъ лишній рубль въ чей-то бенефисъ. Указываете лакею; читаетъ и недоумѣваетъ: выходитъ, какъ будто вы три раза въ день пили кофе; разъ стаканъ кофею, а два раза «тоже». Иванъ не помнитъ и зоветъ Михайлу; Михайло тоже не помнитъ, чтобъ онъ подавалъ «тоже», и зоветъ Ицку; Ицка старается что-то припомнить, но въ концѣ концовъ соображаетъ, что объ этомъ, вѣроятно, долженъ знать посыльный мальчикъ Гершко; бѣгутъ за Гершкой, но онъ въ воду канулъ. А минутная стрѣлка все ползетъ, а гдѣ-то далеко упрямо посвистываетъ и зоветъ паровозъ. Вы вспоминаете «чорта» и торопливо бѣжите къ извозчику, чтобы не опоздать.

Зато здѣсь меня ждетъ другой сюрпризъ: въ восемь часовъ лакей докладываетъ, что мнѣ пора ѣхать; какъ бы не опоздать. Гляжу не безъ подозрѣнья: вѣроятно, номеръ понадобился—и онъ нарочно торопитъ меня.

— Да вѣдь поѣздъ отходитъ въ десять? говорю.

— Въ десять-съ. Только до нижегородскаго вокзала полтора часа ѣзды-съ.

— Какъ полтора часа?

— Вѣрно-съ! Одиннадцать верстъ считается.

Недурно. Это отъ центра-то города! Значитъ, тому, кто живетъ въ противоположномъ концѣ, приходится три часа ѣхать и отмахать двадцать двѣ версты. Изъ трактира, что напротивъ, доносятся звуки органа, наигрывающаго:

Эхъ, Москва, Москва, Москва
Бѣло-ка-а-аменная!

Въ коридорѣ въ ожиданіи вытянулась цѣлая шеренга. Есть даже такія физіономіи, которыя я вижу въ первый разъ въ жизни.

На улицѣ темно. Одноконный ванька нагруженъ багажомъ; на козлахъ чемоданы подъ самый его подбородокъ; ноги онъ какъ-то умудряется свѣсить по бокамъ, надъ колесами, напоминая лягушку, собирающуюся прыгнуть. До нижегородскаго вокзала по таксѣ рубль. Но извозчикъ высказываетъ надежду, что «его сіятельство» прибавятъ на чаекъ, потому что съ кого же въ Москвѣ заработать, ежели не съ господъ «прижающихъ»,—купчина не больно тароватъ.

Ѣду и ѣду; кажется, конца не будетъ этому пути. Миную одинъ губернскій городъ, потомъ другой и третій; чѣмъ дальше—дома все меньше, видъ совсѣмъ провинціальный, булыжная мостовая все плоше; того и гляди—разговаривая, языкъ откусишь. Наконецъ—мы за городомъ. Впереди полная темнота. Подъѣзжаемъ къ вокзалу. Не вѣрится, что онъ въ столицѣ. Низенькое одноэтажное деревянное зданіе, окрашенное охрой. Совсѣмъ какой-нибудь минскій вокзалъ на московско-брестской дорогѣ, совсѣмъ провинція. И публика тоже провинціальная. Дородные степенные купцы-бородачи, нѣкоторые еще въ кафтанахъ и ботфортахъ. Уже замѣтна примѣсь посторонняго элемента, какихъ-то не русскихъ типовъ. Нѣсколько смуглыхъ восточныхъ лицъ, большихъ восточныхъ носовъ, острыхъ

и горбатыхъ, которые особенно рѣзко выдѣляются рядомъ съ широкими и расплюснутыми русскими носами. Должно быть, какіе-нибудь Теръ-Агаповы или Теръ-Кафеджіанцы. Есть и нѣсколько плоскихъ, съ узкими черными щелочками вмѣсто глазъ, калмыцкихъ лицъ. Поѣздъ спеціально нижегородскій, ярмарочный, и публика тоже ярмарочная. Выходитъ онъ въ десять, а въ девять утра—въ Нижнемъ. Четыреста десять верстъ въ одиннадцать часовъ.

Вся дорога имѣетъ какой-то сомнительный и подозрительный видъ. Вагоны низкіе, старомодные, съ короткими диванами, такъ что двоимъ только сидѣть можно. Оберъ-кондукторъ—отставной становой приставъ, огромный дѣтина, будто нарочно приставленный сюда, чтобы присматривать за купцами, которые вздумаютъ проявить «ндравъ». Онъ все о чемъ-то шепчется съ пассажирами. По вагону то и дѣло шмыгаютъ, шурша шелковыми юбками, сомнительныя дамы; ихъ цѣлый пансіонъ. Какой-то купецъ, уже подвыпившій, зоветъ кондуктора. Онъ подходитъ заискивающе-предупредительно.— Вотъ что, братъ! Возьми мнѣ въ буфетѣ бутылку вина.—Какого прикажете?—Все равно, какого-нибудь, чтобы на три рубля бутылка была... И онъ небрежно бросаетъ скомканную десятирублевку.

Звонокъ. Поѣздъ ползетъ. Стою на площадкѣ. Душно. Темно Вдали за нами вдоль всего горизонта расползается, точно млечный путь, матовое сіянье... Миріады огоньковъ пронизываютъ мглу.

Прощай, матушка Москва!

Глава X.

Въ вагонѣ.— Дорожные разговоры. — „Парижскіе фрукты".— Въ Нижнемъ.— Толпа.—Переселенцы.— Гостиницы.—На скачкахъ.—Ярмарка.

Вагонъ переполненъ. Вѣшалокъ и полокъ не полагается. У дверей, подлѣ печи, цѣлая гора чемодановъ и узловъ. Въ суматохѣ, въ торопяхъ занять мѣсто, навалили все въ кучу. Фигуры копошащихся пассажировъ неясно выступаютъ изъ полутьмы. Настроеніе у всѣхъ необыкновенно ворчливое. Ругаютъ и проклинаютъ дорогу даже въ присутствіи кондуктора, контролирующаго билеты. Онъ невозмутимъ.

Въ отвѣтъ на язвительныя замѣчанія, пересыпанныя «безобразіями» и даже эпитетами болѣе остраго свойства, раздается только металлическое чиканье клещей.

Въ рѣчи пассажировъ слышится «оканье», какъ будто наперекоръ бѣлорусскому «аканью». Это—типичный выговоръ волжанина. Въ немъ что-то рѣзкое, грубоватое, немного напоминающее бурсу, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и какой-то задоръ, и нѣчто придающее тону силу. Волжанинъ ни одного *о* не пропуститъ безъ того, чтобы не сгустить звука и не подчеркнуть его.

Мой сосѣдъ справа, типичный нижегородскій экземпляръ, словно нарочно напираетъ на эту особенность, передѣлывая каждое слово. Пароходъ превращается въ пороходъ, поѣхать—въ поѣхоть, ярмарка—въ ярморку, какой—въ кокой; зато е часто исчезаетъ; вмѣсто не знаетъ выходитъ незнатъ, не понимаетъ—непонимать.

Разговоры на темы «пеньково-мочальныя» и тѣ спеціально-торговые термины, которыми переполнены телеграммы нижегородской ярмарки.

Я сижу противъ саперного офицера. Нѣсколько минутъ мы поглядываемъ враждебно и угрюмо другъ на друга. Мѣсто между диванами занято моимъ и его богажомъ, ногъ некуда дѣть. Въ проходахъ тѣснятся пассажиры, пытаясь размѣстить какъ-нибудь вещи. Кондукторъ помогаетъ, подавая практичные совѣты.

Мнѣ и офицеру онъ предлагаетъ сдвинуть сидѣнья узкихъ диванчиковъ и лечь рядомъ. Мы переглядываемся нерѣшительно, не безъ оттѣнка подозрительности. Однако приходится выбирать одно изъ двухъ: либо всю ночь просидѣть, задравъ ноги на чемоданы, либо лечь рядомъ съ незнакомымъ человѣкомъ. Офицерикъ чистенькій, видно—не пьющій, виномъ отъ него не несетъ, «купецкимъ духомъ» обдавать не будетъ, но все-таки какъ-то жутко. Кондукторъ настаиваетъ, убѣждая, что здѣсь всѣ пассажиры спятъ такъ.

Нечего дѣлать. Тащимъ багажъ, сваливаемъ его въ общую кучу, выдвигаемъ сидѣнья.

Вступаемъ въ разговоръ. Офицеръ ѣдетъ изъ Бѣлоруссіи, почти изъ Минска.

Это сразу вызываетъ обоюдное довѣріе.

Устраиваемся, пытаемся лечь. Поѣздъ идетъ неровно, вагонъ будто пошатывается, то меня толкаетъ на моего сосѣда, то его на меня.

— Извините, пожалуйста, я васъ, кажется, толкнулъ?

— Нѣтъ, ничего.

Чтобъ удержаться въ извѣстномъ положеніи, приходится все время напрягать мускулы.

Рядомъ купецъ продолжаетъ окать, разговаривая съ компаньонами. Зѣвая, онъ украдкой креститъ ротъ.

— Голантерсей хорошо, пушнымъ — тоже, хорошій соболь на полтора выше прошлогодняго; съ Сидоромъ Семенычемъ сладили, на этомъ чистый барышъ будетъ, а съ медвѣдемъ плохо: Лондонъ требовательный сталъ. Видитъ Семенычъ—проворонилъ... А я ему: говорилъ, пошто лѣзешь. — Ну, што-жъ, десять тысячъ изъ кормана вонъ—не бѣда. У Шарлемона, быватъ, больше оставишь. Вонъ Лиходѣинъ на сельдяхъ въ часъ полсотни тысячъ потерялъ, — а не тужитъ. И то, говорю...

— Pardon, мсье...

Кто-то, проходя мимо меня, толкаетъ. Легкая ткань женскаго платья скользитъ по моей рукѣ. Привстаю и оглядываюсь. Въ проходѣ стоитъ молодая типичная француженка.

Купецъ смотритъ на меня, потомъ на нее и подмигиваетъ. Офицеръ тоже привстаетъ и оглядывается.

Француженка дѣлаетъ видъ, будто ищетъ что-то въ саквояжѣ.

— Тоже—добро,—замѣчаетъ купецъ.—Обойдемся и безъ твоего пордона, береги его для своего Омона.

Онъ говоритъ это не безъ видимаго раздраженья, хотя глазки его становятся маслянистѣе и плотоядно скользятъ по изящной фигурѣ француженки. Въ воображенiи его, вѣроятно, проносятся параллели между рыхло-холодной благовѣрной «бѣлугой» и задорно-грацiозной парижанкой, отъ которой вѣетъ острыми, одуряющими духами.

— Накодила!—ворчитъ купецъ, безпокойно заерзавъ.—Ѣдетъ православный народъ одурманивать. Небось, прямо изъ Парижа къ Мамону жаритъ.

Подъ «мамономъ» купецъ подразумѣваетъ Шарля Омона, содержателя ярмарочнаго «театра-паризьенъ».

— Comment, monsieur?—обращается къ нему француженка, замѣтивъ на себѣ его взглядъ и услыхавъ знакомое слово.

— Никакихъ тутъ комановъ нѣтъ, а есть здѣсь Русь православная, вотъ оно што, и говорятъ здѣсь люди по-русски.—Купецъ отворачивается.

— A, russki, russki,—подхватываетъ француженка, не смущаясь.—Ah, c'est tres bon le russki, j'aime la Russie et tout ce qui est russki.

— Ладно, говори,—бормочетъ купецъ, какъ-то ощетиниваясь и продолжая безпокойно ерзать.—Што-же, Василь Егорычъ, положимся да и спать будемъ.

— И то,—отвѣчаетъ собесѣдникъ, зѣвая.

Купецъ тоже зѣваетъ, но неестественно, потомъ грузно ложится рядомъ со своимъ сосѣдомъ. Но глаза его нѣтъ-нѣтъ, да и снова остановятся на француженкѣ съ пытливымъ любопытствомъ.

Офицеръ смѣется. Я вторю ему.

А француженка тараторитъ какъ будто растерянно и безпомощно:

— Mon Dieu, que faire? Pas de place! Et le conducteur qui ne vient pas...

— И вѣдь вотъ—комедiю ломаетъ,—обращается ко мнѣ купецъ.—Нарочито пришла сюды и будетъ такъ стоять, пока закрючитъ кого... А въ другомъ вагонѣ просторно... Эй, мадамъ, аллэ, маршъ, нима тутъ мѣста, комса, такъ и знай.

Замѣтивъ, что я заговорилъ съ француженкой и готовъ уступить ей мѣсто, онъ почти съ ужасомъ, полнымъ комизма, кричитъ:

— Што вы? Да этакъ она никому спать не дастъ. Не обращайте вниманья. Будьте безъ нисхожденья. Я ужо знаю ихнiй характеръ...

— И то,—язвитъ его спутникъ,—въ прошломъ году у Омона сколько катеринокъ за науку выложилъ.

— Небось, и ты на Самокатахъ кунавинскую цивилизацiю понюхалъ?

— Оттого и молчу...

Входитъ кондукторъ. Француженка пристаетъ къ нему.

— А я вамъ въ томъ вагонѣ мѣсто нашелъ,—говоритъ онъ не безъ скептической улыбки.

Я беру на себя роль переводчика. Француженка разсыпается въ благодарностяхъ и исчезаетъ съ кондукторомъ.

— Въ нынѣшнемъ году Мамонъ удвоилъ, сказываютъ, порцiю своихъ парижескихъ фруктовъ,—не унимается купецъ.—Спецыально выписываетъ. Къ ярморкѣ этого товару свыше пяти тысчъ доставляется. Это ежели за одну прописку ихнюю по трешницѣ взимать и то пятнадцать тысчъ...

— А ежели каждая изъ нихъ,—вторитъ ему сосѣдъ,—круглымъ счетомъ по тысчѣ рублей заработаетъ, такъ вотъ тебѣ и пять миллiончиковъ на дамскiй бенефисъ.

— Налогъ на ярморку въ пользу ихняго сословiя...

Купецъ хохочетъ, хотя и не совсѣмъ искренно.

— Это што!—говоритъ его сосѣдъ.—На той недѣлѣ ѣхалъ я на Самолетѣ изъ Казани въ Нижнiй. Дакъ на пороходъ сразу не пансiонъ, а цѣлый батальонъ безъ древнихъ языковъ навалился; до сотни ихъ было, весь пороходъ зафрахтовали, даже музыку свою имѣли.

Въ другомъ углу вагона тоже не спятъ. Слышенъ разговоръ на какомъ-то непонятномъ нарѣчiи, пересыпанномъ исковерканными русскими словами.

Во Владимiрѣ мы въ два часа. Пьемъ чай, а потомъ гуляемъ по платформѣ. «Пансiонъ» тоже прогуливается и трещитъ на французскомъ дiалектѣ. Публики еще прибываетъ. Заснуть нѣтъ мочи. Я лежу съ краю. Меня то и дѣло толкаютъ. Опять раздается «пардонъ, мосье», опять откуда-то появляются француженки, но уже другiя. Кондукторъ таинственно шепчется съ ними въ углу, онѣ выразительно жестикулируютъ. Онъ—ни слова по-французски, онѣ—ни слова по-русски, но это не мѣшаетъ имъ столковаться и притти къ соглашенiю. Дарвинъ могъ бы найти въ этомъ интересный случай подтвержденiя теорiи языка животныхъ, Iоганнъ Шлейеръ—доказательство, что его мiровой «волапюкъ» существовалъ ранѣе, чѣмъ онъ его выдумалъ...

— Pardon, monsieur...

И такъ всю ночь.

12-е августа.

Утромъ, за Гороховцемъ, минуемъ Владимiрскую и въѣзжаемъ въ Нижегородскую губернiю. Вся эта равнина отъ Москвы до Нижняго—сплошная фабрично-промышленная полоса съ русскими Шеффильдами и Манчестерами.

Передъ нами разстилается необозримая зеленая степь. Мнѣ кажется, будто я уже видалъ гдѣ-то точь въ точь такую же равнину.

— Смотрите, да вѣдь это Бѣлоруссiя,—говоритъ мнѣ офицеръ.

Мы въ тысячѣ верстъ отъ нея; но природа совсѣмъ та же: тѣ

же луга, та же неяркая сѣровато-зеленая растительность, тѣ же кочковатыя болота, тѣ же березки, та же синеватая бахрома хвойныхъ лѣсовъ вдоль горизонта, тѣ же темно-сѣрыя тесовыя избы въ разбросанныхъ тамъ и сямъ селахъ.

Проносимся сквозь желѣзную клѣтку моста надъ Клязьмой, минуемъ мѣстечко, какой-то городокъ, еще нѣсколько станцій. Вдали на сизоватыхъ горахъ обрисовываются неопредѣленные силуэты; что-то похожее на неровную полосу вырубленнаго лѣса, съ одиноко торчащими надъ нимъ высокими тополями и дубами. Чѣмъ ближе, тѣмъ больше силуэты эти свѣтлѣютъ, становясь стройнѣй, выступая опредѣленнѣй изъ тумана. Гдѣ-то на верхушкѣ показывается золотой лучъ, другой, туманъ разлетается, стелется по землѣ, а надъ нимъ, вдали, на изумрудной зелени Дятловыхъ горъ вдругъ показывается, точно изъ-подъ сброшеннаго бѣлаго газа, Нижній, сверкая куполами, сіяя бѣлизной церквей и домовъ, раскинутыхъ по склону крутыхъ зеленыхъ береговъ.

Офицеръ, бывавшій здѣсь раньше, помогаетъ мнѣ оріентироваться. Купецъ, навалившійся на меня безъ церемоніи и приникшій къ окну, вмѣшивается въ нашъ разговоръ.

— Да вотъ я вамъ проще скажу, вотъ...

Онъ выставляетъ правую руку ладонью внизъ и продолжаетъ:

— Отодвиньте большой палецъ—вотъ такъ. Это—Ока, а указательный — Волга. Конецъ указательнаго — сѣверъ, конецъ большого — западъ. Мы сейчасъ ѣдемъ съ запада на востокъ, рядомъ съ Окой. Теперь смотрите: по лѣвый берегъ Оки и вдоль лѣваго Волги, значитъ, между большимъ и указательнымъ пальцемъ, и есть тебѣ ярморка. Съ конца большого пальца начинается (слышь, Никоноръ Федотычъ) Кунавино (Самокаты), тутъ же и вокзалъ. А какъ разъ въ углу между пальцами, значитъ, между Окой и Волгой—Макарьевна. По ту сторону Оки, тоже въ углу между ней и Волгой, но на правомъ берегу, на горахъ, Нижній. Да вотъ чего лучше: въ Кіевѣ изволили бывать? Подолъ знаете? Ну, такъ ежели стать у церкви Ондрея Первозваннаго и посмотрѣть внизъ, на Подолъ,—это и будетъ ярморка, Днѣпръ будетъ Волгой, между Подоломъ и Ондреевской церковью—Ока, а гдѣ самая церковь—Нижній.

Я разставляю большой палецъ, пытаясь уяснить себѣ купеческую географію, когда поѣздъ, влетѣвъ въ Кунавино и оставивъ справа обширную площадь съ лѣсами строящейся выставки, подходитъ къ вокзалу.

На перронѣ тысячная толпа, цѣлая этнографическая галлерея; и каждый типъ въ этой пестрой международной смѣси выступаетъ еще рѣзче, еще оригинальнѣй. Шумъ, стукъ, говоръ, давка.

Немного въ сторонѣ, ближе къ дверямъ третьяго класса, топчется сѣрая неуклюжая группа переселенцевъ съ женщинами и ребятишками. Великорусскій типъ какъ будто испорченъ, глаза поуже, носы приплюснуты; есть монгольскія черточки; должно быть, помѣсь съ мордвой и чувашами; но изрѣдка попадаются и совсѣмъ открытыя добродушныя лица великорусса.

Переселенцы поглядываютъ робко, угрюмо и нерѣшительно, ожидая, должно быть, чтобы ихъ повели къ пристани; въ глазахъ что-то похожее какъ будто на боязнь и окружающаго, и того невѣдомаго будущаго, къ которому несетъ ихъ судьба.

Здѣсь, въ этой пестрой разноплеменной толпѣ, почти невольно навязывается мысль о той ассимиляціи, которую призваны разливать въ славянскомъ морѣ эти сотни тысячъ невидимыхъ героевъ—«фагоцитовъ», исполняющихъ незамѣтно миссію объединенія и «всасыванья» въ русскій организмъ иноплеменныхъ элементовъ.

На сѣромъ фонѣ группы переселенцевъ, съ ихъ беззащитно-растеряннымъ видомъ, навѣвающимъ тоску, съ ихъ некультурностью, безпомощностью, невѣжествомъ, съ ихъ сѣрыми чуйками и лаптями, съ ихъ сумками, мѣшками на плечахъ, краюхами чернаго хлѣба въ рукахъ, съ ихъ атмосферой пота и махорки,—горсть изящныхъ, веселыхъ, болтливыхъ парижанокъ, въ какихъ-то воздушныхъ, будто съ крыльями, ротондахъ и шляпкахъ-мотылькахъ, кажется такимъ рѣжущимъ контрастомъ, что я нѣсколько мгновеній не могу оторвать глазъ отъ этой картины, будто нарочно выдуманной капризной судьбой. Переселенцы глядятъ почти съ изумленіемъ на молодыхъ элегантныхъ женщинъ, похожихъ на стаю птицъ, ахающихъ, смѣющихся, стрекочущихъ на непонятномъ, неслыханномъ никогда языкѣ.

Къ нимъ навстрѣчу выѣхали подруги.

Начинается обмѣнъ впечатлѣній; объятья, поцѣлуи.

— Laure, Odette! Bonjour!—Eh bien, les russes—ça prend et c'est pas si fort, comme j'le croyais.—Ah, mais par exemple!—J't'assure. Et puis, sais tu, j'ai appris déjà un peu le russe. C'est embêtant tout de même, mais c'est curieux... Sdrastiti maia doucheka, ia katchou vasse patchilouvate na mordotchki.

Раздается смѣхъ.

Особа, успѣвшая изучить русскій языкъ, оглядывается съ торжествомъ и вызовомъ. Какой-то носатый и усатый восточный человѣкъ, въ камилавкообразной бараньей шапкѣ и чесунчевомъ кафтанѣ, упорно уставился въ нее большими черными глазами. Два смуглыхъ молодыхъ человѣка, въ легкихъ европейскихъ костюмахъ, туфляхъ и красныхъ фескахъ, подходятъ развязно къ «парижскимъ фруктамъ». Вся эта птичья стая, со своими крылатыми ротондами, напудренными лицами, наведенными бровями и дрожащими кисточками шляпокъ, исчезаетъ въ дверяхъ.

Ѣду. Въ сутолокѣ и хаосѣ все ошеломляетъ и одурманиваетъ; васъ сразу захватываетъ какой-то широкій и могучій потокъ, въ которомъ кипитъ коммерческая жизнь, въ которомъ таютъ и выростаютъ сотни милліоновъ, раздражая воображенье, будя алчность и жажду наживы этой возбужденной толпы. Воображенію рисуется дикая схватка страстей и инстинктовъ въ погонѣ за наживой, какая-то бѣшеная скачка, въ которой, подъ возбуждающій звонъ золота, въ чаду и угарѣ, одни теряютъ голову, другіе стоятъ настороже и ловятъ мгновеніе, когда можно будетъ насчетъ

глупости и промаха ближняго построить собственное благополучіе. Все это море людскихъ головъ, которое движется мимо васъ пестрой рѣкой, тысячи людей, собравшихся сюда изъ разныхъ концовъ міра на время, на мѣсяцъ, на нѣсколько дней, будто проникнуты сознаніемъ важности момента и мечутся въ какой-то лихорадкѣ. Вами овладѣваетъ мимовольное напряженное вниманіе, что-то подсказываетъ быть насторожѣ, держать ухо востро. Деньги здѣсь точно не имѣютъ цѣны. Я даю багажному на чай тридцать копѣекъ (тридцать копѣекъ за пять минутъ труда, когда рабочій день въ нормальное время оплачивается не дороже),—онъ едва благодаритъ меня легкимъ кивкомъ. И онъ, и другія тысячи такихъ же не этимъ интересуются; всѣ они будто выжидаютъ случая,—того случая, который сразу позволитъ схватить цѣлый кушъ, поймать какого-нибудь самодура, щедраго до глупости или пьянаго купца, который не возьметъ сдачи десять рублей, какого-нибудь иностранца или восточнаго человѣка, который не сумѣетъ сосчитать деньги, а то и просто передастъ по невѣдѣнію.

Багажныхъ мало, и каждый изъ нихъ служитъ чуть ли не десятку пассажировъ, бросается то къ одному, то къ другому, будто ловя тотъ же моментъ. Заработки ихъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ярмарки опредѣляются сотнями рублей. То же и извозчики. Въ обыкновенное время ихъ пятьсотъ, теперь—свыше двухъ тысячъ. Всѣ, на сотни верстъ вокругъ, ждутъ этой поры и стекаются къ Нижнему алчущей наживы и выжидающей счастливаго случая толпой. Отъ вокзала до города версты полторы, въ семь разъ меньше, чѣмъ отъ центра Москвы къ Нижегородскому вокзалу, а пароконный фаэтонъ стоитъ полтора рубля. И то—поторговаться надо.

Несмотря на ранній часъ, ярмарка переполнена народомъ. Онъ плыветъ по тротуарамъ, вдоль мостовыхъ, на которыхъ полицейскіе верхами охраняютъ порядокъ. Кажется, будто вы попали въ самую толчею предпасхальнаго базара, гдѣ каждый куда-то спѣшитъ. Въ толпѣ то и дѣло попадаются смуглые кавказцы въ черкескахъ, типичные хивинцы и бухарцы въ халатахъ, персы, татары, даже китайцы. Вдоль улицъ и за ярмаркой, на плашкоутномъ мосту, выступаютъ длинные ряды вывѣсокъ, прикрѣпленныхъ къ столбамъ; анонсы, рекламы, афиши, саженные адреса разныхъ фирмъ—все это вытягивается въ цвѣтную ленту, которая перекинута и на правый берегъ, окаймляя пестрымъ бордюромъ подножіе горъ и пристани. На мосту сплошная толпа течетъ двумя встрѣчными потоками. Городовые на коняхъ безпрерывно движутся въ срединѣ, конвоируя ее.

Одинъ изъ нихъ подскакиваетъ ко мнѣ и о чемъ-то говоритъ. Въ гулѣ голосовъ ничего не могу разобрать. Оказывается, что ни на ярмаркѣ, ни на мосту нельзя курить.

За мостомъ начинается легкій подъемъ. Ѣду вдоль набережной, надъ пристанями, къ гостиницамъ. Въ одной номеровъ вовсе не оказывается, въ другой—номеръ во второмъ этажѣ—пять рублей въ сутки; въ третьей — единственный номеръ какая-то конурка съ

окномъ во дворъ—три рубля. Наконецъ, въ гостиницѣ Соболева нахожу въ третьемъ этажѣ небольшую комнату съ видомъ на ярмарку и Волгу; полъ грязный, мебель—жалкій, съ растрескавшейся фарнировкой, комодъ, вдавленная кровать, крокодилъ-диванъ съ ободранной клеенкой, два стола, три стула и погнутый умывальникъ. Цѣна—два съ полтиной. На стѣнѣ прейсъ-курантъ; табличка раздѣлена на двѣ половины; въ одной обозначены цѣны въ обыкновенное время, въ другой—въ ярмарочное; такса установлена губернаторомъ; въ обыкновенное время номеръ этотъ отдается за рубль. Другая особенность—это большіе висячіе замки на дверяхъ, ведущихъ въ смежные номера; по другую сторону двери—такіе же замки: устроены они, вѣроятно, для безопасности купеческихъ капиталовъ, а можетъ-быть и для огражденія отъ сюрпризовъ со стороны буйныхъ сосѣдей.

Въ корридорахъ безпрерывный шумъ и звонки. Прислуга мечется съ оголтѣлымъ видомъ.

За кофеемъ пробѣгаю газеты.

Въ Нижнемъ ихъ три: «Волгарь», «Нижегородскій Листокъ» и «Нижегородская Почта». Послѣдняя издается только во время ярмарки. На первой страницѣ объявленія о зрѣлищахъ. Въ большомъ ярмарочномъ каменномъ театрѣ—опера; кромѣ того, есть драматическій театръ, кафе-шантанъ въ залѣ Семенова, «театръ-паризьенъ» Омона, который перекочевываетъ сюда изъ Москвы, циркъ Никитиныхъ, нѣсколько увеселительныхъ заведеній и балагановъ.

Въ пять часовъ отправляюсь на скачки. Ипподромъ за ярмаркой, въ Кунавинѣ.

Публики немного, скачки ведутся вяло; призы берутъ все больше кони мѣстныхъ крезовъ: Рукавишниковыхъ, Перевощиковыхъ, Дунаевыхъ, Блиновыхъ, Голубевыхъ. Среди зрителей - бо́льшая половина восточныхъ типовъ, нѣсколько халатовъ, нѣсколько фесокъ, нѣсколько смуглыхъ азіатскихъ физіономій, огарнированныхъ европейскими костюмами, нѣсколько темныхъ личностей, которыя то и дѣло пристаютъ съ предложеніемъ попробовать счастье на тотализаторѣ.

Восточные люди, преимущественно армяне, идутъ пари, но все на небольшія суммы. Какой-то черномазый восточный князекъ, совсѣмъ юноша, оглядываетъ публику черными и жгучими, какъ у дикаго звѣрка, глазенками; по-русски онъ еле говоритъ, но все-таки играетъ и волнуется. Дамъ мало, большой публики, кромѣ «своихъ», почти никого; нѣсколько кокотокъ, нѣсколько чумазыхъ кавалеровъ съ толстыми шеями и животными лицами. Въ общемъ преобладанье какого-то грубаго, некультурнаго элемента; чувствуется, что эта толпа собралась сюда не столько ради скачекъ, какъ для того, чтобъ обдѣлать дѣла; атмосфера купли, продажи, сдѣлокъ и барышей сквозитъ во всемъ и здѣсь. Предъ вами не фешенебельные спортсмэны-любители, а случайные зрители, которые очень мало интересуются всѣмъ этимъ. И васъ опять невольно охватываетъ чувство, что съ этими господами надо быть насторожѣ.

Смеркается. Со скачекъ отправляюсь на ярмарку. Она залита электрическимъ свѣтомъ. Улицы запружены. Всюду праздничная толпа и толкотня.

Подъ ярмаркой свыше семисотъ двадцати десятинъ. Центръ ея— главный ярмарочный домъ, величественное, красивое зданіе, напоминающее московскіе пассажи и новые торговые ряды. Построено оно въ 1890 г. Внутри—такіе же магазины, такіе же хоры и перекинутые арками мостики. На время ярмарки губернаторъ поселяется здѣсь, въ спеціально устроенной для этого квартирѣ. Со всѣхъ сторонъ главный домъ окружаютъ каменные одноэтажные склады, всего шестьдесятъ отдѣльныхъ корпусовъ, вытянувшихся рядами, точно по ротамъ. За ними неуклюжее огромное зданіе театра, нѣсколько улицъ съ двухъ-этажными и трехъ-этажными домами, занятыми разными гостиницами, подворьями, номерами, трактирами, кафе-шантанами, трехъ-этажная коробка—«театръ-паризьенъ» Омона съ отдѣльными кабинетами, нѣсколько пассажей; всѣ они деревянные и построены по типу большихъ балагановъ-сараевъ съ двумя сквозными воротами и двумя рядами лавокъ. Въ главномъ домѣ и пассажахъ играетъ военная музыка.

Весь этотъ своеобразный городъ, имѣющій какой-то сборный видъ, совершенно обособленъ отъ Нижняго, который высится на горахъ, по ту сторону Оки, сверкая тысячами огней. Жизнь на ярмаркѣ начинается съ половины іюня; открывается она 15 іюля и продолжается полтора—два мѣсяца; въ остальное время здѣсь пустынно, какъ въ какомъ-нибудь городѣ мертвыхъ. Весной, въ половодье, ярмарку заливаетъ водой; главный домъ, театръ, трехъ-этажныя зданія—все это въ водѣ, которая иногда поднимается на шесть саженъ, такъ что пароходы могутъ свободно плавать по улицамъ. Послѣ спада водъ, въ маѣ, наводятъ плашкоутный мостъ, и тогда только между ярмаркой и Нижнимъ устанавливается постоянное сообщеніе. Поздней осенью и весной переправа чрезъ Оку и сообщеніе съ вокзаломъ производится пароходами и на лодкахъ.

Глава XI.

Нижній и ярмарка. — Опера и ярмарочная публика. — Кунавинская вакханалія. — „Для коммерческаго оборота". — Въ главномъ домѣ и пассажахъ. — Торговля. — „Верхній" Нижній. — Виды на городъ и ярмарку. — На Откосѣ. — Волжская панорама.

Ярмарка и въ административномъ, и въ муниципальномъ отношеніи живетъ своей особенной жизнью. Ею завѣдуетъ ярмарочный комитетъ, во главѣ съ губернаторомъ, доходы съ нея поступаютъ въ ея же пользу, она имѣетъ свой отдѣльный, очень большой штатъ полиціи, свою почтовую контору, свой телеграфъ. Въ ярмарочныхъ барышахъ Нижній остается при пиковомъ интересѣ. Ярмарка кажется въ отношеніи его какимъ-то наростомъ; она пух-

нетъ, раздувается и впитываетъ въ себя всѣ жизненныя силы его; онъ будто мертвѣетъ, атрофируется; коммерческій людъ перекочевываетъ на ту сторону Оки; нѣкоторые магазины закрыты; въ общемъ физіономія верхняго города имѣетъ запустѣлый провинціальный видъ губернскаго центра средней руки, да еще въ каникулярное время, когда разъѣзжаются на дачи.

Обыкновенно въ Нижнемъ до 70.000 жителей; но уже съ открытіемъ навигаціи населеніе его возрастаетъ до ста тысячъ; къ ярмаркѣ, сверхъ того, стекается до двухсотъ тысячъ. Нѣкоторые увѣряютъ даже, что четыреста. Какъ бы то ни было, но все это создаетъ совсѣмъ своеобразную особенность нижегородской жизни, полной приливовъ и отливовъ, то кипящей въ ярмарочномъ угарѣ, то совсѣмъ замирающей. Зимой Нижній—заурядный городъ, съ небольшимъ скучающимъ обществомъ, отсутствіемъ движенья и развлеченій, съ плохенькимъ театромъ. И жизнь, и прислуга, и квартиры въ это время дешевѣютъ. Но наступаетъ весна—и картина сразу мѣняется. Къ ярмаркѣ кризисъ становится еще острѣй. Мнѣ разсказывали, что за три мѣсяца ярмарочнаго сезона жизнь обходится почти столько же, сколько и въ остальное время года. Изъ верхняго города извозчики и прислуга перебѣгаютъ внизъ, къ ярмаркѣ и пристанямъ, на легкіе заработки; да и не мудрено: женская прислуга—и та въ какихъ-нибудь шесть недѣль зарабатываетъ свыше ста рублей.

Нижегородцы и любятъ свою ярмарку, и гордятся ей, но въ то же время и ворчатъ: она ошеломляетъ, опьяняетъ, переворачиваетъ всю жизнь, наполняетъ ее чадомъ и лихорадочнымъ напряженьемъ. Все выходитъ шиворотъ на выворотъ: зимой—скука и запустѣнье, въ августовскій зной—драма и опера, пестрота и сутолока, веселье и разгулъ, какихъ не бываетъ даже въ крупныхъ центрахъ жизни въ разгаръ сезона.

Отправляюсь въ оперу.

По улицамъ, залитымъ электрическимъ сіяньемъ, безпрерывно плыветъ шумная, густая, праздная толпа. Людской говоръ сливается съ грохотомъ экипажей, военной музыкой, гремящей въ пассажахъ, и звуками органовъ, вылетающими изъ настежь раскрытыхъ оконъ трактировъ. Хаосъ невообразимый, шабашъ одуряющій; все вокругъ клокочетъ точно въ котлѣ; и чего-чего только нѣтъ въ этой международной европейско-азіатской кашѣ.

Извозчикъ не знаетъ, гдѣ опера. Обращаюсь къ городовому. Полиція здѣсь вся на подборъ; видъ дюжій, внушительный, молодцеватый, расторопный; всѣ подтянуты и «выдержаны въ строгомъ стилѣ» энергичной административной руки генерала Баранова. Однако, городовой тоже не знаетъ, гдѣ опера. Омона знаетъ, циркъ знаетъ, а оперы не знаетъ. Недалеко стоитъ околоточный; онъ любезно подходитъ и любезно козыряетъ, справляясь, въ чемъ дѣло. Говорю.

— Вамъ, вѣроятно, въ ярмарочный театръ?

— Не знаю, какой онъ, ярмарочный или нѣтъ, но мнѣ нужно въ оперу...

Околоточному тоже неизвѣстно, гдѣ опера. Разговоръ этотъ происходитъ въ двухъ шагахъ отъ ярко освѣщеннаго подъѣзда ярмарочнаго театра. Я кричу и переспрашиваю, такъ какъ уличный гулъ заглушаетъ голоса. Отправляюсь въ театръ справиться; здѣсь и есть опера. Даютъ «Снѣгурочку». Театръ большой, но неуютный. Артисты московской оперы. И партеръ, и ложи биткомъ набиты. Публика разношерстная, ярмарочная. Въ говорѣ преобладаетъ оканье. Особенно рѣзко слышится оно въ буфетѣ, во время антрактовъ; темы разговора тоже ярмарочныя, опять разныя сдѣлки, купля, продажа, спрыскиванья. Душная атмосфера пропитана винными парами. Аплодируетъ публика какъ-то стихійно, иногда и съ ревомъ; аплодисменты срываются неожиданно, иной разъ и невпопадъ; это не одобренье проникнутой критическимъ чутьемъ большой культурной публики,—это вихрь безотчетнаго экстаза и «нутреннаго» воспріятія. Хотя опера и московская, но ансамбль не важный; хоры хромаютъ, въ оркестрѣ недочеты. Можно подумать, будто ярмарочный угаръ отразился и на исполнителяхъ. Кассиловъ, въ роли бобыля Вакулы, очень удачно копируетъ волжское оканье. Это приводитъ публику въ восторгъ; она изступленно аплодируетъ, требуя повторенья.

Въ полночь на ярмаркѣ уличная жизнь еще кипитъ. Театральная публика разливается потокомъ, встрѣчаясь съ цирковой; у Омона громадный залъ съ сотнями столиковъ и отдѣльные кабинеты переполнены. То же и въ другихъ ресторанахъ и трактирахъ. Въ Кунавинѣ только теперь начинается разгулъ. Въ притонахъ—музыка, хористы и хористки, цыганскіе хоры, артистки, пьяныя пѣсни, полныя удали, «трынъ-травы», жгучаго зноя страстей и опьянѣнія разврата.

Кунавинская вакханалія пріобрѣла всероссійскую извѣстность; кунавинскіе вертепы даютъ неисчерпаемую пищу для уголовной хроники. Но и здѣсь энергичная рука генерала Баранова подтянула дебошъ и сумасшедшую оргію. Купецъ, правда, пытается попрежнему развернуться во всю, но полиція настороже; она съ предупредительной любезностью идетъ навстрѣчу купецкому «ндраву» и охраняетъ обезумѣвшаго въ разгулѣ Китъ Китыча отъ «котированья» разныхъ пройдошныхъ аферистовъ и темныхъ личностей.

Дня три-четыре тому назадъ въ Кунавинѣ разыгрался слѣдующій «инцидентъ», который передаю со словъ нижегородскихъ газетъ. Съ ярмарки исчезъ вдругъ арзамасскій купецъ Л. Жена, проживавшая съ нимъ въ номерѣ, бросилась въ погоню. Поиски долго оставались тщетными. Но наконецъ она-таки обрѣла его. На него нашелъ «стихъ», онъ уѣхалъ на Самокаты и закутилъ въ какомъ-то заведеніи. Жена входитъ въ номеръ вмѣстѣ съ полиціей. Л.—пьянъ. На столѣ, на кровати и на полу разбросаны пачки ассигнацій.

— Извините, ваше благородіе, немножко загулялъ, — говоритъ Л., добродушно улыбаясь.—Сами знаете—ярмарочное время.

Деньги собираютъ и считаютъ. Ихъ оказывается до шестидесяти тысячъ. Цѣлое состояніе! Надо только удивляться, какъ не

расхитили это богатство. Лѣтъ двадцать тому назадъ не только капиталъ исчезъ бы, но и самъ купецъ, пожалуй, сталъ бы «мертвымъ тѣломъ», которыя такъ часто изрыгаетъ изъ себя Волга, храня тайну смерти и преступленья.

Другой случай. Купецъ выѣзжаетъ изъ Нижняго. Жена провожаетъ его. На пристани трогательная сцена разлуки. Пароходъ уходитъ. Жена шепчетъ вслѣдъ благословенья. Проходитъ три-четыре дня, купецъ не возвращается. Жена въ тревогѣ. Телеграммы летятъ за телеграммами, то въ Балахну, то въ Богородскъ, то въ Казань. Купецъ какъ въ воду канулъ. Тогда жена отправляется въ поиски. Идетъ на пристань, садится на пароходъ. Звонокъ, другой. Вдругъ—къ пристани подъѣзжаетъ «самъ». Онъ навеселѣ, видъ распаренно-оголтѣлый. Оказывается, что онъ съ первой же станціи вернулся прямо въ Кунавино—и закутилъ.

Такія сцены и бытовыя картинки, во вкусѣ комедій Островскаго, на ярмаркѣ случаются нерѣдко.

Въ этомъ разгулѣ, часто дикомъ, неожиданномъ для самого виновника, есть что-то въ высшей степени характерное, подчеркивающее какой-то стихійный размахъ русской натуры. Въ самомъ дѣлѣ, сидитъ этотъ самый купецъ годами въ какой-нибудь Балахнѣ или Кинешмѣ, торгуетъ смирно, спокойно, копитъ деньгу, даже ближняго не прочь надуть; каждый день его жизни проходитъ въ помыслахъ о томъ, какъ бы побольше да скорѣй нажиться. А потомъ глядь—эта трезвая, уравновѣшенная, повидимому, спокойная натура точно съ цѣпи срывается и начинаетъ гулять до безпамятства, до умопомраченья. Человѣкъ теряетъ подъ собой почву; то, въ чемъ онъ видѣлъ все благополучіе своей жизни, деньги, становятся вдругъ «трынъ-травой»; онъ будто извѣрился въ томъ, къ чему десятками лѣтъ неслись всѣ его помыслы, онъ будто охваченъ какимъ-то инстинктивнымъ сознаньемъ, налетѣвшимъ сразу, какъ вихрь, что не въ деньгахъ смыслъ и цѣль жизни; и тогда, словно пытаясь сорвать съ себя ихъ цѣпи, онъ начинаетъ самодурствовать и сорить ими безъ удержу.

Правда, и ярмарочный чадъ хоть кого одурманитъ. Подъ безпрерывный шумъ и праздничный гулъ здѣсь въ нѣсколько часовъ заключаются сдѣлки, приносящія вдругъ сотни тысячъ барыша. И около каждой такой сдѣлки вертятся десятки пронырливыхъ маклеровъ, факторовъ, паразитовъ и авантюристовъ, на долю которыхъ тоже перепадаетъ не мало.

Губернаторъ на время ярмарки по необходимости переѣзжаетъ изъ дворца, что въ Кремлѣ, въ главный домъ, въ самый центръ «всероссійскаго торжища». Здѣсь сосредоточены всѣ рычаги административнаго механизма ярмарки, и отъ него нельзя оторваться ни на минуту.

На дняхъ, какъ передаетъ «Нижегородская Почта», въ кабинетъ «управляющаго ярмаркой», генерала Баранова, былъ вызванъ какой-то еврей для объясненій.—Вы такой-то? спросилъ генералъ.—

Я-съ.— Дежурный, прочтите вслухъ телеграмму. Чиновникъ читаетъ: «Срочная. Переведите немедленно тринадцать тысячъ, чтобы скорѣе кончить дѣла; на ярмаркѣ эпидемія холеры страшно усиливается, умираютъ на улицахъ, всѣ разъѣзжаются».—Это вы писали?— Я-съ.—Откуда вы взяли эти свѣдѣнія?—Я слышалъ на ярмаркѣ.— Хорошо-съ. Потрудитесь теперь лично провѣрить слышанное вами. Я сейчасъ пошлю васъ въ холерные госпитали. Поѣзжайте съ провожатымъ, осмотрите каждаго больного и тогда скажите мнѣ, есть ли эпидемія, или только нѣсколько больныхъ.—Простите, ваше превосходительство, я телеграфировалъ это только для «коммерческаго оборота». Никакъ не могу получить денегъ — и выдумалъ, будто холера... По глупости сдѣлалъ.

Такихъ происковъ, на которыхъ строятся собственные интересы въ ущербъ общему благополучію,—тысячи. Приходится все время быть настороже, предусматривать, предупреждать. На ярмаркѣ цѣлый штатъ сыскной полиціи.

Евреевъ совсѣмъ не видно. Я, по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ ни одного. Отношеніе къ нимъ не только среди купечества, но и въ печати—враждебное. Сегодня въ одной изъ московскихъ газетъ я прочиталъ: «въ настоящее время этой пархатой саранчи ярмарка имѣетъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, до двухъ тысячъ головъ; 200 евреевъ удалились сами собой, не имѣя права проживать здѣсь».

Купечество, присвоившее себѣ, съ развязностью узурпатора, званіе «всероссійскаго», прекрасно знаетъ, что вся Западная Россія во власти «саранчи». Сознанье это мутитъ его, но въ единоборство съ ней оно что-то не рѣшается вступить, а только язвитъ ее.

Возвращаюсь въ Нижній пѣшкомъ. Часъ ночи. По плашкоутному мосту движутся темныя тѣни встрѣчными теченьями. Звѣздное небо совсѣмъ черное. Оно сливается съ высокими берегами, усыпанными такими же миріадами звѣздъ; на тысячахъ баржъ, исчезающихъ во мглѣ вдоль лѣваго берега Оки, свѣтятся пестрые, зеленые, красные и синіе огоньки. На правомъ берегу, на пристаняхъ, мачтахъ и въ окошечкахъ пароходныхъ каютъ,—тоже разноцвѣтныя огненныя гирлянды; рѣка отражаетъ и звѣзды, и береговые огни, и электрическіе фонари ярмарки, окутанной сіяньемъ. И отовсюду изъ окружающей мглы, въ которой то замираютъ, то нарастаютъ звуки музыки, мигаютъ пестрыя звѣздочки, исчезая вдали надъ темной, безмолвной бездной Волги, будто притаившейся въ страстномъ объятіи съ Окой, отдающей ей всѣ свои силы, всю свою жизнь.

13-е августа.

Съ утра я на ярмаркѣ. Направляюсь сначала въ главный домъ. Толпа такая же, какъ и вчера, но торговля идетъ не бойко. Публика больше присматривается и прицѣнивается. И здѣсь, и въ пассажахъ раздробительная торговля; а въ складахъ и магазинахъ по всей ярмаркѣ — только оптовая. Тамъ продаютъ и покупаютъ не пуды, не фунты, не аршины, а тысячи пудовъ, десятки тысячъ ар-

шинъ, эти громадныя горы желѣза, хлопка, тканей, ящиковъ, что выросли цѣлыми пирамидами вдоль складовъ, на тротуарахъ, у берега Оки, на баржахъ.

Магазины въ главномъ домѣ—такія же клѣтки, какъ и въ московскихъ пассажахъ.

Нарочно записываю главные предметы торговли: Барилусовъ — восточныя ткани, ковры персидскіе и туркестанскіе, Шапочниковъ— серебряныя и золотыя вещи, Федотовъ—матеріи, Лукашовъ—ювелирныя издѣлія, Кечеджіевъ — опять восточныя матеріи и ковры, Брокаръ—косметическіе товары, Корниловъ и внуки—образа, Хаджейнатовъ—снова восточныя матеріи; далѣе — пряники, эмальированная посуда, стеклянная посуда съ вырѣзываньемъ на стеклѣ иниціаловъ заказчиковъ, французскій магазинъ съ платками, на которыхъ любезныя француженки вышиваютъ, по вашему заказу, разныя надписи вродѣ «souvenir de Nijni» и т. п., французская «бижутерія и аржантерія» изъ разныхъ композицій и имитацій, казанское мыло съ татарской рожей, какъ бы для доказательства, что никакое мыло не можетъ измѣнить этой рожи, опять пряники, фрукты, галантерейные товары...

Въ общемъ—ничего выдающагося, все это можно найти и видѣть въ любомъ городѣ, на любой выставкѣ. Персы, татары, туркмены и кавказцы имѣютъ видъ восковыхъ фигуръ странствующихъ «музеевъ». Кажется, будто они приставлены для того только, чтобы придать азіатскимъ товарамъ азіатскій букетъ. Публика разсматриваетъ ихъ, щупаетъ и мнетъ ковры, но покупаетъ мало. Видно—приглядѣлось.

Въ шести пассажахъ, огромныхъ деревянныхъ сараяхъ, тѣ же перегородки, тѣ же товары, только попроще; попадаются и такіе продукты, которые на фабрикахъ, при сортировкѣ, идутъ въ бракъ и сбываются за четверть цѣны. Они разсчитаны на восточныхъ покупателей, не очень-то понимающихъ въ европейской мануфактурѣ. Этого «брака» и «второго сорта» на ярмаркѣ не мало. А между тѣмъ сбывается онъ здѣсь по такимъ же цѣнамъ, какъ и товаръ высшаго качества. Оказывается даже, что на ярмаркѣ нѣкоторыя вещи дороже, чѣмъ въ Нижнемъ, чѣмъ въ другомъ городѣ.

Мнѣ, напримѣръ, понадобилось купить нѣсколько паръ манжетъ и воротничковъ. Я обошелъ всѣ магазины главнаго дома, всѣ пассажи — и нигдѣ не могъ найти чисто льняныхъ издѣлій. Что ни покажутъ—либо бумага, либо «мадапаламъ», и то въ очень плохой и грубой выдѣлкѣ. Но этого мало. Въ поискахъ манжетъ я обошелъ вмѣстѣ съ моимъ знакомымъ десятокъ магазиновъ въ Нижнемъ—и тоже не могъ найти ничего сноснаго. Куда ни зайдешь— всюду одинъ и тотъ же отвѣтъ: «наши товары на *ярморкѣ*»; а на ярмаркѣ ничего нѣтъ.

Фактъ этотъ очень характеренъ. Раздробительная торговля на ярмаркѣ ведется «между прочимъ», но она не имѣетъ никакого значенія. Зато оптовая поражаетъ своими размѣрами. Сейчасъ у моста цѣлый островъ, занятый горами желѣза, далѣе начинается

Сибирская пристань съ тысячами баржъ, вытянувшихся вдоль берега тѣсными рядами, амбарами, складами и бараками, расползающимися надъ Волгой на двѣ съ половиной версты. Между ними и на баржахъ—цѣлыя груды хлопка, пирамиды ящиковъ, батареи бочекъ, горы арбузовъ и дынь, гигантскія колонны пеньки и канатовъ, кожи, ободья, мѣшки, — и такъ безъ конца. У величественнаго собора, господствующаго надъ ярмаркой, изящные китайскіе павильоны съ баррикадами ящиковъ и цибиковъ съ чаемъ. По другую сторону моста—рыбный рынокъ съ цѣлымъ караваномъ баржъ.

Сдѣлки все крупныя, грандіозныя. Одна фирма сразу закупаетъ шестьдесятъ тысячъ ведеръ вина, другая — двадцать тысячъ кипъ хивинскаго хлопка, третья — тысячи пудовъ чая, четвертая — сотни тысячъ и милліоны аршинъ ситца.

Коммерческое напряженіе ярмарки отражается и на печати. Въ корреспонденціяхъ и курсовыхъ телеграммахъ чуется реклама. Между ярмарочными корреспондентами завязывается полемика, полная довольно откровенныхъ намековъ. Въ одной газетѣ корреспондентъ описываетъ настроеніе рыбнаго рынка въ самыхъ радужныхъ краскахъ, въ другой говорится, что никогда этотъ рынокъ не производилъ болѣе унылаго впечатлѣнія; одинъ корреспондентъ интервьюируетъ коммерціи совѣтника Щукина, чтобъ опредѣлить положеніе ситцеваго дѣла, выхваляетъ качество ситцевъ фабрики Цинделя, вырабатывающей 1.200,000 кусковъ въ годъ—на десять милліоновъ рублей, другой вышучиваетъ его, увѣряя, что «интервьюера», по распоряженію коммерціи совѣтника Щукина, артельщики окатили тремя ведрами воды...

Совсѣмъ по-американски, но пока еще въ приличномъ тонѣ.

Обѣдаю у Омона.

Огромный залъ со сценой и грубо написанными кулисами совсѣмъ почти пустой. Кромѣ меня, два-три посѣтителя да нѣсколько француженокъ изъ состава кафе-шантанной труппы. И у нихъ, и у лакеевъ совсѣмъ заспанный и поношенный видъ. Оркестръ играетъ какой-то маршъ и невозможно фальшивитъ; резонансъ вторитъ этой какофоніи. Оказывается, что днемъ ресторанъ не посѣщается; зато ночью здѣсь негдѣ яблоку упасть. На всей обстановкѣ, отъ грубо намалеванныхъ колоннъ и нарисованныхъ на окнахъ драпировокъ до грязнаго пола въ узорахъ и измятой скатерти,—печать чего-то пошлаго и кабацкаго. Однако, обѣдъ изъ четырехъ блюдъ—полтора рубля. И прескверный обѣдъ.

Вечеромъ я опять на ярмаркѣ, а потомъ въ оперѣ.

14-е августа.

Ѣду въ верхній городъ къ знакомымъ. Онъ соединенъ съ нижней частью и набережной пятью «съѣздами». Зеленскій, по которому поднимаюсь, страшно крутой. Лошадь плетется шагомъ, дорога изгибается надъ обрывомъ. По бокамъ—опять столбы съ рекламами, и такъ до самой вершины Дятловыхъ горъ. Выѣзжаю на Благовѣщенскую площадь. Слѣва Кремль съ его дворцомъ, бѣлыми соборами, Аракчеевскимъ кадетскимъ корпусомъ, сѣдыми башнями и

стѣнами, сползающими уступами къ Волгѣ, справа отъ площади расходятся радіусами главныя улицы города.

У подъѣзда звоню напрасно добрыхъ десять минутъ. Наконецъ въ передней раздаются шаги, и двери растворяются.

— Извините, мы остались безъ прислуги.

Спустя полчаса отправляюсь въ компаніи осматривать въ Кремлѣ Спасо-Преображенскій соборъ съ гробницей Минина, Архангельскій, построенный въ одномъ году съ основаніемъ Нижняго-Новгорода, почти семьсотъ лѣтъ тому назадъ, и крѣпостныя стѣны, заложенныя въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Послѣ московскаго Кремля и московскихъ древностей, здѣсь все кажется блѣднымъ. Но историческое обаянье все-таки очень сильно. Вспоминается понизовая вольница, опять нашествія татаръ и мордвы, оплотъ, которымъ служила нижегородская земля отъ всѣхъ этихъ нашествій для Московскаго государства. И ярче всего изъ фона прошлаго выступаютъ двѣ могучихъ фигуры нижегородцевъ—Минина и Пожарскаго, съ ихъ захватывающимъ, какъ волжская ширь, призывомъ къ подвигу.

Въ Мининскомъ саду, надъ кремлевской башней, поставленъ имъ памятникъ, небольшой обелискъ.

Отсюда открывается дивный видъ. Купецъ, пожалуй, правъ. Ока и Волга дѣйствительно связаны какъ большой и указательный пальцы. Устье Оки пошире Волги—и вслѣдствіе этого многіе принимаютъ Оку за Волгу.

Дятловы горы изогнуты угломъ у ихъ сліянья.

Кремль гордо высится надъ отвѣсными высокими берегами. Слѣва, съ одной изъ башенъ, открывается видъ на обѣ рѣки, нижній городъ, мостъ, пристани, Кунавино и ярмарку съ главнымъ домомъ, двумя соборами и татарской мечетью; вдали, къ сѣверу, надъ Волгой бѣлѣетъ цѣлый уѣздный городокъ съ многоэтажными постройками. Это громадный Сормовскій машиностроительный и чугунолитейный заводъ. Ярмарка какъ на ладони. Вдоль нея торговыя пристани съ тысячами баржъ и цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Напротивъ, почти подо мной, въ пропасти, у этого берега Оки и Волги, пассажирскія пристани съ сотнями пароходовъ, пестрыми крышами пароходныхъ станцій, мачтами, трубами и флагами. Еще ближе, вдоль набережной, Рождественская улица съ огромнымъ Блиновскимъ пассажемъ, сіяющимъ зеркальными стеклами. Немного выше лѣпятся по склону горъ три церкви; изъ нихъ выдѣляется Строгановская темно-малиноваго цвѣта, въ зеленоватыхъ змѣйкахъ и бѣлыхъ виноградныхъ листьяхъ, съ вычурными колонками и карнизами, стройная, изящная, легкая, полная фантастичной прелести и граціи. Все это тонетъ въ морѣ зелени. На ярмаркѣ, внизу, на улицахъ, на пристаняхъ и пароходахъ — вездѣ копошится суетливый черный людской муравейникъ. Видъ дѣйствительно очень напоминаетъ кіевскій; но ярмарка и пристани придаютъ какой-то практическій и прозаическій оттѣнокъ картинѣ. Вамъ вспоминается Одесса съ ея гаванями и торговлей, съ ея биржей, цѣнами на хлѣбъ и погоней за наживой; вы не можете ни на минуту забыть,

что въ этомъ гигантскомъ трудѣ, въ этой мощной картинѣ человѣческой дѣятельности клокочетъ неумолимо жестокая борьба изъ-за существованья. По рѣкѣ безпрерывно, во всѣхъ направленіяхъ, тянутся на буксирѣ вереницы коломенокъ, снуютъ катера, бѣгаютъ громадные американскіе пароходы, носятся еле замѣтной скорлупой ялики и лодки, ползутъ, точно уродливые верблюды, караваны баржъ съ прикрытымъ брезентомъ грузомъ. Все это жужжитъ, свиститъ, гудитъ, шипитъ и реветъ... Какой-то безпрерывный концертъ, рѣжущій, но веселый, бодрящій и такой же возбуждающій, какъ неумолчный гулъ ярмарки, какъ грохотъ города, напоминающій шумъ мельничныхъ колесъ или водопада.

Но стоитъ только отойти отъ башни къ югу — и картина мѣняется. Ока, ярмарка, нижній базаръ и пристани исчезаютъ. Предъ вами разворачивается необозримая степь, по которой широкимъ зеркальнымъ озеромъ наползаетъ съ сѣвера Волга. Тамъ и сямъ въ безконечной равнинѣ синѣютъ лагуны и змѣйки рѣкъ, зеленѣютъ изумрудные заливные луга, усѣянные стогами съ сѣномъ, бѣлѣютъ десятки деревень, изъ которыхъ выдѣляется большое торговое село Боръ. Горизонтъ кажется безграничнымъ; даль будто таетъ, сливаясь съ небомъ... И только въ эту минуту вы понимаете всю мощь, все величіе Волги, которая здѣсь, у сліянія съ Окой, разлилась озеромъ верстъ въ пять шириной, а у устья, за Астраханью, расплывается иногда на двѣсти верстъ, въ цѣлое море. Три тысячи двѣсти пятнадцать верстъ ползетъ она по безконечной русской равнинѣ, поглощая до сорока судоходныхъ и до ста шестидесяти несудоходныхъ рѣкъ, пронося ежегодно нѣсколько сотъ милліоновъ пудовъ груза, пятнадцать тысячъ судовъ, двѣ тысячи пароходовъ, до двухъ десятковъ тысячъ плотовъ и бѣлянъ. Надо только представить себѣ эту флотилію, эти вереницы судовъ, разбѣжавшихся нескончаемой лентой на тысячи верстъ и разносящихъ жизнь по этому великому русскому пути...

Почему-то въ эту минуту мнѣ становится особенно понятнымъ порывъ русской души создать что-нибудь такое огромное, подавляющее размѣрами, богатырское, какъ царь-пушка или царь-колоколъ; въ немъ какъ будто сказалось что-то, навѣянное разстилающейся предо мной величавой и могучей царь-рѣкой.

Еще южнѣе, между кремлевской стѣной и Печерскимъ монастыремъ, выдѣляющимся бѣлизной своихъ колоколенъ на фонѣ темной кудрявой зелени, одинъ изъ самыхъ красивыхъ уголковъ Нижняго—живописный паркъ Откосъ. Начинаясь у стройной бѣлоснѣжной Георгіевской церкви и палаццо Рукавишникова, онъ ниспадаетъ террасами по крутому обрыву до самой Волги. Надъ Откосомъ тянется длинная асфальтовая мостовая съ изящной балюстрадой, отдѣляющей паркъ отъ улицы; она служитъ для нижегородцевъ своего рода Champs Élysées. Теперь и ярмарка, и пристани, и Нижній совсѣмъ исчезли. Со всѣхъ сторонъ море зелени, изъ котораго выглядываютъ слѣва угрюмыя башни и стѣны Кремля, опускающіяся гигантскими уступами къ берегу, да пестрыя крыши

павильоновъ, ресторана и бесѣдокъ, раскинутыхъ вдоль расползающихся зигзагами дорожекъ.

Здѣсь совсѣмъ тихо. Гулъ города сюда не долетаетъ. Слышны только шелестъ листьевъ да какое-то дыханіе, наполняющее воздухъ. Кажется, будто это дышетъ величавая голубая красавица-рѣка, ползущая по залитой солнцемъ безбрежной изумрудной степи,—дышетъ и о чемъ-то шепчется съ высокими берегами, сѣдыми скалами и деревьями, кивающими ей своими верхушками.

Какой захватывающій и чарующій видъ! Въ душу нисходитъ глубокій покой; нервы, послѣ возбуждающей ярмарочной сутолоки, будто скованы какимъ-то сладостнымъ изнеможеніемъ. Не хочется ни думать, ни говорить, хочется только оставаться подъ зеленымъ шатромъ деревъ и глядѣть, забывъ житейскую суету со всей ея обманчивой мишурой, глядѣть безъ конца, любуясь живописной панорамой Волги съ ея величественнымъ просторомъ...

Глава XII.

Пароходство по Волгѣ.—На пристани.—„Некрасовъ".—Пароходная обстановка.—Плывемъ.—Панорама Нижняго.—Волжскій просторъ.—Пассажиры.—Споръ казанца и нижегородца о выставкѣ.—Мазутъ и рыба.—Волга Некрасова.—Бурлаки.—Типъ волжанина.—Ночь.—„Рѣка временъ".

15-е августа.

Ясное утро. Еще разъ заглядываю на ярмарку. Толчея, суматоха, безпрерывный гулъ и грохотъ. И ярмарка, и раскинутый на горахъ Нижній пестрѣютъ флагами. Надъ городомъ и рѣкой расплывается торжественными переливами колокольный звонъ.

Въ главномъ домѣ захожу на телеграфъ. У кассы вытянулся длинный хвостъ подателей телеграммъ. Нарочно считаю: ждетъ очереди свыше тридцати человѣкъ. И такъ здѣсь весь день. Приходится простоять часа два, чтобы подать телеграмму.

Пароходъ отходитъ въ часъ.

Гостиничный счетъ—совсѣмъ ярмарочный: три дня жизни въ гостиницѣ обходятся дороже, чѣмъ цѣлая недѣля въ Москвѣ, въ Лоскутной. Справляюсь въ двухъ путеводителяхъ по Волгѣ (гг. Сидорова и Демьянова) относительно пароходства. Обѣ книжки составлены недурно и служатъ практическимъ подспорьемъ для волжскихъ туристовъ. Послѣ отсутствія путеводителя по Москвѣ и Россіи, онѣ являются совсѣмъ пріятнымъ и почти неожиданнымъ сюрпризомъ. Впрочемъ, за послѣдніе два-три года нѣкоторыя изъ пароходныхъ обществъ, пытаясь привлечь путешественниковъ на Волгу и ознакомить ихъ съ ней, стали издавать справочныя книжки и практическіе гиды.

Ѣду къ пристанямъ или «конторкамъ».

Ихъ здѣсь больше тридцати и всѣ онѣ вытянулись подъ Нижнимъ вдоль праваго берега Волги. Главныя пароходныя общества—

«Кавказъ и Меркурій», «Самолетъ», «Зевеке», «Пароходство по Волгѣ», Курбатова, Любимова, множество товаро-пассажирскихъ и грузовыхъ компаній, туэрное пароходство—всего и не перечесть. Первый дебютъ пароходъ сдѣлалъ на Волгѣ еще въ 1818 году, но дебютъ весьма печальный и неудачный. Волжанинъ, привыкшій къ своимъ баркамъ, баржамъ, бѣлянамъ и коломенкамъ, называлъ его «чортовой расшивой». Только спустя четверть вѣка паръ съ торжествомъ и разъ навсегда завоевалъ Волгу. Теперь на Волгѣ и ея притокахъ безпрерывно движется до двухъ тысячъ паровыхъ судовъ.

Пароходное дѣло развилось здѣсь только за послѣднія двадцать лѣтъ; впереди у него еще цѣлое будущее—и будущее блестящее, если Волга не обмелѣетъ въ конецъ; есть много судоходныхъ притоковъ, по которымъ пароходы забѣгали еще недавно. И здѣсь, какъ и въ жизни, борьба за существованіе и конкуренція дѣлали свое: пароходы стараго типа, сыгравъ свою роль, уступали мѣсто новымъ, болѣе приспособленнымъ, разнымъ американскимъ гигантамъ, цѣлымъ трехъ-этажнымъ гостиницамъ, съ полнымъ комфортомъ и быстрымъ ходомъ. Нѣкоторые похожи на изящные небольшие дворцы съ балконами и верандами. У каждой пристани ихъ по нѣскольку; всѣ стоятъ, пыхтятъ и ревутъ въ ожиданіи; одни вдругъ отдѣляются отъ берега сразу всей своей бѣлой массой и бѣгутъ на сѣверъ, унося сотни пассажировъ, облѣпившихъ бортъ словно мурашки, другіе уплываютъ на югъ, третьи несутся откуда-то издали, вырастаютъ и, вспѣнивая рѣку, причаливаютъ. Волга колышется и будто кипитъ; а вмѣстѣ съ ней колышутся и то всплываютъ, то исчезаютъ крошечные катера, бойко и сердито попискивая, ныряютъ и взлетаютъ ялики съ надутыми парусами, которые на громадной рѣкѣ, среди исполинскихъ судовъ, кажутся крылышками бѣлыхъ мотыльковъ.

На пристаняхъ кишитъ шумная, озабоченная, спѣшащая толпа пассажировъ; палубной публики масса; носильщики безпрерывно проходятъ по мосткамъ, изгибаясь подъ тяжестью груза и багажа, сбрасывая съ какимъ-то ожесточеніемъ тюки, ящики, рогожки; голоса сливаются въ какой-то гулъ, который заглушаетъ рычанье пароходовъ.

Это движеніе, эта пестрота жизни, эти ежеминутно пристающіе и отдѣляющіеся отъ берега бѣлые дома, то уносящіе, то приносящіе толпу людей, невольно ошеломляютъ; вы не успѣли отвернуться отъ одного парохода, за которымъ слѣдили, какъ онъ исчезъ, а на его мѣстѣ вытянулась вереница баржъ, которую тащитъ карликъ-буксиръ, принатуживаясь, пыхтя и сопя; минуту тому назадъ гдѣ-то вдали смутно вырисовывался бѣлый корпусъ пловучаго дома, еще дальше виднѣлась стая дикихъ утокъ, плывущихъ гуськомъ; теперь пловучій домъ выросъ въ американскаго исполина «Мисисипи» или «Ориноко» и горделиво проносится мимо васъ, дикія утки уже превратились въ цѣлый караванъ баржъ; а надъ зеркальной далью постоянно вздымаются то струйки, то клубы дыма; можно подумать, будто Волга загорѣлась;—то бѣгутъ новые и новые па-

роходы. Въ этой картинѣ, полной кипучей дѣятельности, есть что-то захватывающее и бодрящее; становится и легко, и весело, какой-то задоръ, задоръ борьбы и жизни, вызываетъ сильный духовный подъемъ.

На «самолетской» пристани у кассы совсѣмъ вокзальная давка. На Казань отходитъ «Некрасовъ». Самолетскіе пароходы носятъ все либо названія разныхъ наядъ и дріадъ, либо фамиліи корифеевъ русской литературы—Пушкина, Лермонтова, Гоголя... Это подкупаетъ, хотя какъ-то не вяжется съ ярмарочной прозой.

«Некрасовъ» изъ лучшихъ пароходовъ. Надпалубная постройка въ два этажа. Первый классъ на носу; внизу—каютъ-компанія, гостиная и каюты, вверху—столовая; на кормѣ—второй и третій классъ; для палубныхъ пассажировъ устроены скамьи; помѣщеніе защищено по бокамъ навѣсомъ. Оба этажа окружены балконами въ видѣ веранды, по которымъ можно обойти весь пароходъ.

Билетъ I класса до Астрахани стоитъ тридцать рублей; весь путь—двѣ тысячи сто шестьдесятъ пять верстъ; на немъ до пятидесяти станцій; пароходъ приходитъ въ Астрахань на пятыя сутки. Даже при удешевленномъ тарифѣ путешествіе по желѣзной дорогѣ и дороже, и утомительнѣе, и безъ такого удобства.

Каюта, которую отводятъ мнѣ,—небольшая комнатка съ двумя крытыми бархатомъ диванами на пружинахъ, зеркаломъ, столикомъ, умывальникомъ, электрическимъ рожкомъ и звонкомъ. Окно выходитъ на веранду; такимъ образомъ—квартирка моя «съ видомъ на Волгу». Можно совершить все путешествіе, не выходя изъ каюты, занимаясь, читая и обѣдая у себя, коли не хочется видать общества. Подушки и постельное бѣлье отпускаются по требованію. Чистота какъ въ каютѣ, такъ и на всемъ пароходѣ—образцовая. Нигдѣ—ни пылинки; все сіяетъ бѣлизной и свѣжестью краски; вездѣ — и внутри и снаружи, вдоль веранды — пепельницы; кажется, даже некультурный человѣкъ не рѣшится бросить окурка на полъ. Въ корридорѣ, куда выходятъ двери моей каюты и другихъ номеровъ (совсѣмъ какъ въ гостиницѣ), на полу каучуковая клеенка, скрадывающая шумъ шаговъ. Каютъ-компанія и гостиная уставлены мягкой мебелью, стеганной плюшемъ бордо; на полу тоже сверкающая чистотой клеенка. Въ верхнемъ этажѣ—обширная столовая. Въ глубинѣ, надъ пьянино, портретъ Некрасова; мебель—краснаго дерева; между окнами—зеркальные простѣнки; въ зеркалахъ отражается пристань, толпа, рѣка съ бѣгущими по ней судами. Столъ сервированъ изящно, скатерть чистая, безъ карты Африки и оазисовъ соуса. Прислуга расторопная, съ приличнымъ тономъ хорошаго дома. Внизу имѣется ванна и душъ. Послѣ нижегородской гостиницы, да еще во время ярмарки, все это кажется раемъ. Во 2-мъ классѣ обстановка нѣсколько попроще, но въ главномъ соблюденъ тотъ же комфортъ.

Табль-дотъ не дорогой. Обѣдъ изъ четырехъ блюдъ—щи, осетрина, рябчикъ и мараскиновый кремъ — рубль. Кухня недурная. Порція икры (цѣлое блюдечко)—семьдесятъ пять копѣекъ. Икра—

совсѣмъ черный жемчугъ, — такъ вотъ и разсыпется. Для Волги и икрянаго царства дорого; но это—вина ярмарки; весной, особенно въ низовьяхъ, за эти деньги можно купить фунтъ, а то и полтора икры.

Выхожу на балконъ. Предо мной панорама высокихъ горъ, по склону которыхъ сползаетъ къ Волгѣ Нижній, Ока съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ Сибирской пристани; вдоль нея, съ сѣвера, разворачивается видъ на ярмарку съ высокимъ соборомъ.

Раздается густой ревъ гудка. Весь пароходъ содрогается. Толпа становится еще суетливѣй. Гдѣ-то совсѣмъ близко, будто въ отвѣтъ, снова раздается ревъ; не разберешь, на нашемъ пароходѣ или на томъ, что вытянулся рядомъ, свистятъ; шумъ въ толпѣ и нервное напряженіе возрастаютъ. Кто-то плачетъ, какой-то парень съ арбузомъ бѣжитъ, прокладывая путь локтями, какой-то персіянинъ въ халатѣ жестикулируетъ, пытаясь объяснить что-то носильщику; нѣсколько кавказцевъ, въ черкескахъ и бараньихъ шапкахъ, сталкиваются съ публикой, уходящей съ парохода; бородатый купецъ, съ открытымъ лицомъ, снявъ фуражку, крестится широкимъ русскимъ крестомъ; кто-то ахаетъ, кто-то кого-то зоветъ, кто-то бранится, кто-то пищитъ; гдѣ-то подлѣ парохода, внизу, юлитъ, назойливо посвистывая и призывая кого-то, катеръ; откуда-то, будто изъ-подъ воды, выплываетъ шлюпка. Вся эта пестрая картина залита яркимъ солнцемъ, которое отражаетъ золотая чешуя рѣки.

Нашъ плавучій домъ съ его рестораномъ, кухней, гостиными, ванными, сотнями людей—вдругъ какъ-то сразу, неожиданно отдѣляется отъ берега всей своей массой и, задрожавъ, плыветъ. Сначала кажется, будто не онъ плыветъ, а берега убѣгаютъ. Панорама Нижняго, ярмарка, пристани, пароходы, зеленые берега, флаги—все движется словно въ какомъ-то колоссальномъ калейдоскопѣ и кружится, сверкая на солнцѣ радугой красокъ. Пароходъ сначала несется вверхъ, потомъ широкимъ полукругомъ заворачиваетъ внизъ. Нижній ужъ очутился справа, ярмарка остается позади. Пароходъ реветъ, грозя встрѣчному пароходу, который вотъ-вотъ врѣжется въ него, лавируетъ, проносясь мимо вереницы баржъ, снова реветъ, налетая на катерокъ, который, испуганно попискивая, выскакиваетъ подъ самымъ его носомъ. Волга ослѣпительно сверкаетъ и морщится; по ея поверхности плывутъ, отливая перламутромъ, радужныя полосы. Это—мазутъ, нефтяные отбросы, которые выливаются съ паровыхъ судовъ или просачиваются сквозь наливныя баржи. И справа, и слѣва, то тамъ, то здѣсь, мелькаютъ раскинутыя группами, точно городки бобровъ, сѣрыя широкія цилиндрическія цистерны съ нефтью. Надъ ними колоссальныя вывѣски съ фамиліями главныхъ нефтяныхъ фирмъ—разныхъ Нобелей и Теръ-Акоповыхъ.

Нижній все убѣгаетъ. Малиновая Строгановская церковь выросла надъ домами набережной и исчезла; ее заслонилъ Кремль съ сѣдыми башнями и зубчатыми стѣнами, ярмарка съ соборомъ отошла вдаль; пестрыя зданія сливаются, лѣсъ мачтъ будто сталъ гуще; слѣва зеленѣетъ безбрежная равнина, справа, надъ кудрявымъ Откосомъ, вздымается къ небу бѣлая Георгіевская церковь, у подножья горы выступаетъ водопроводный дворецъ, домъ и механическій заводъ Курбатова. За Откосомъ на вершинѣ горы выдвигается бѣлый корпусъ Печерскаго монастыря съ группой колоколенъ. Берега сплошь покрыты садами и лѣсомъ; вязъ, кленъ, дубъ, серебристый тополь и липа перемѣшиваются въ зеленую стѣну всѣхъ оттѣнковъ. Виды и виды безъ конца, каждый уголокъ—цѣлая тема для пейзажа или ландшафта.

Есть много общаго съ днѣпровскими видами у Кіева, отъ Межигорья къ Лаврѣ; только въ кіевской природѣ больше нѣги и лѣни, мягче тона; здѣсь природа нѣсколько строже, холоднѣй, но и величавѣй.

Пароходъ огибаетъ берегъ, несется, вспѣнивая воду у подножія горъ, и поворачиваетъ. Нижній совсѣмъ исчезаетъ. Впереди зеркальная гладь рѣки, въ которую глядятся волнистые зеленые берега и степь; на горизонтѣ, то надъ рѣкой, то надъ степью, вздымается дымокъ, потомъ вырастаетъ труба и бѣлый корпусъ парохода; насъ обгоняетъ какой-то пароходъ, весело посвистывая. И почти каждыя пять минутъ, то навстрѣчу намъ, то догоняя насъ, плывутъ пароходы, баржи, плоты, раздаются свистки и гудки. Картина полна приволья и захватывающаго простора; душа будто растетъ, ее переполняетъ ощущеніе этого простора и мощи природы. Волга то суживается, тѣснясь въ берегахъ, то расползается въ озеро; и на этой массѣ воды, несущейся величаво-спокойнымъ потокомъ между отдаленными берегами, нашъ пароходъ кажется совсѣмъ маленькимъ; это не то, что въ верховьяхъ Днѣпра, гдѣ какой-нибудь крошечный паровой пигмей вотъ-вотъ выплеснетъ изъ береговъ всю рѣку.

По склону горъ живописно ютятся большія, богатыя села, со стройными, красивыми церквами. Лѣвый берегъ, то песчаный, то бугристый и зеленый, извивается лентой, надъ которой серебрится бахрома вербъ.

Въ столовой обѣдаетъ компанія пассажировъ. Нѣсколько дамъ, двѣ-три барышни, пять-шесть офицеровъ, два помѣщика, плотный, осанистый и важный коммерсантъ, заложившій салфетку за воротникъ, какой-то старичекъ съ умной бритой физіономіей профессорскаго типа и нервно-живой рѣчью; въ голосѣ его слышится свѣжій, задушевный юношескій тембръ, который бываетъ у людей вѣрующихъ и увлекающихся. Коммерсантъ, напротивъ, говоритъ спокойно, цѣдитъ и взвѣшиваетъ безапелляціоннымъ тономъ, видимо непріятно дѣйствующимъ на «профессора».

—Вы,казанцы,—произноситъ онъ густымъ, ровнымъ баритономъ,—всегда будете кричать противъ выставки въ Нижнемъ и дискредитировать ее. Больно ужъ вамъ не по сердцу это.

«Профессоръ» ерзаетъ нетерпѣливо, нѣсколько разъ пытаясь перебить коммерсанта.

— Позвольте-съ, зачѣмъ дискредитировать, зачѣмъ такія страшныя слова?—горячится онъ.—Никто не отрицаетъ, что выставка pia desideria нижегородцевъ, что она подымаетъ ярмарку, городъ, тор-

говлю. Но позвольте-съ, достаточно ли этого для того, чтобъ избирать Нижній мѣстомъ выставки? Коли устраивать ее непремѣнно на востокѣ, такъ есть вѣдь и другіе города...

— Казань, напримѣръ,—подсказываетъ коммерсантъ, усмѣхнувшись изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ усовъ и схвативъ зубами ножку рябчика.

— А хоть бы и Казань,—огрызается старичекъ. Почему не Казань, что вы можете имѣть противъ Казани? Во-первыхъ—городъ побольше Нижняго, университетскій, культурный центръ всего Поволжья. И ужъ ежели выбирать, кого поддерживать—Нижній или Казань, такъ, по-моему, скорѣе Казань. Съ Нижняго довольно и того, что онъ имѣетъ уже,—ярмарки. Для чего ему понадобилась выставка? Вѣдь вся эта масса, которая стекается изъ Персіи, Сибири, Индіи, Китая, Туркестана, Кавказа,—вѣдь она и безъ того придетъ къ вамъ... Вы хотите показать себя востоку? Ну, и показывайте. Но вѣдь выставка не ярмарка-съ, выставка должна быть выраженіемъ прогресса, культурнаго роста страны, она должна быть устроена въ спокойной обстановкѣ культурнаго центра, а не въ ярмарочной горячкѣ, не для шумной ярмарочной толпы съ ея низменными инстинктами, да-съ. Даже если вы устраиваете выставку съ извѣстными финансовыми соображеніями,—зачѣмъ вамъ непремѣнно смѣшивать ее съ ярмаркой, а не устроить въ другомъ пунктѣ? Ярмарка ничего не потеряла бы: она осталась бы съ ея доходомъ, съ ея оборотами въ сторонѣ, а выставка спокойно расцвѣла бы въ другомъ пунктѣ, ну хоть бы и въ Казани, ожививъ жизнь и торговлю. По-моему, Казань даже болѣе центръ для востока, чѣмъ Нижній. И, вѣрьте, у насъ она удалась бы не хуже, чѣмъ у васъ. Вамъ и теперь некуда размѣстить ярмарочной публики, у васъ нѣтъ гостиницъ, нѣтъ мало-мальски сносной прислуги, никакихъ удобствъ. Что же вы станете дѣлать съ выставочной публикой, куда вы дѣнете ее, откуда достанете тысячи выдрессированной прислуги и, если достанете, во что обойдется это публикѣ? И что вы покажете этой публикѣ? Ярмарку? Эка невидаль! Выставку? Въ этой обстановкѣ, въ этомъ жерлѣ ада, когда и теперь каждый о томъ только и мечтаетъ, какъ бы поскорѣй удрать изъ этого хаоса... А что-то будетъ еще тогда, когда кромѣ двухъ - трехъ сотъ тысячъ ярмарочныхъ гостей къ вамъ нагрянетъ сотня - другая выставочныхъ? Новое Чикаго на американско-нижегородской подкладкѣ? Слуга покорный...

— Все это мы слыхали и знаемъ-съ,—отрѣзываетъ авторитетно и спокойно коммерсантъ.—И пѣсенки вашихъ «казанскихъ сиротъ», и пророчества тоже слыхивали. Только это все пустое, будьте благонадежны. Нижній такъ обстроится, что и не узнаете его; и публику размѣстимъ, и прислугу дрессированную найдемъ, и гостиницы будутъ... Только пріѣзжайте.

— Нѣтъ ужъ, благодаримъ покорно...

— Что-й такъ?

Очень типично и оригинально вырывается у коммерсанта это

«что-й такъ»; въ немъ слышится вульгарная народная нотка, полная недовѣрчивой и скрыто-задорной усмѣшки, которая чуть-чуть выступаетъ и прячется подъ его усами, мелькаетъ въ сѣрыхъ холодныхъ глазахъ.

«Профессоръ» задѣтъ этимъ тономъ; ѣдко улыбнувшись выбритыми тонкими губами, онъ нѣсколько мгновеній смотритъ на собесѣдника большими умными темными глазами, въ которыхъ свѣтится огонекъ сарказма, и говоритъ довольно небрежно.

— Да больно ужъ надоѣлъ намъ всероссійскій апломбъ вашего купечества и нижегородскій куражъ.

— Это вы про нашу-то старинную поговорку—«мы бы не собрались да не встали, такъ вы бы поганую землю носомъ копали»? спрашиваетъ не безъ язвительности коммерсантъ, намекая на эпоху Минина и князя Пожарскаго.

Старичекъ улыбается.

— И поновѣй поговорки есть,—отвѣчаетъ онъ. Вотъ, напримѣръ, у васъ говорятъ, что «нынѣ пустяки-то позади Оки» (гдѣ Кунавино), а я думаю, что не совсѣмъ-то они и позади остались. Больно ужъ нижегородцы себя величаютъ, а того не примѣчаютъ и не «чаютъ (намекъ на «чай», которымъ нижегородцы пересыпаютъ свою рѣчь), что весь западъ Россіи совсѣмъ отъ нихъ ускользаетъ.

Разговоръ на этомъ случайно обрывается. Помѣщику, который сидитъ рядомъ съ коммерсантомъ, подаютъ икру. Рѣчь переходитъ на положеніе рыбнаго рынка. Коммерсантъ замѣчаетъ, что рыбный промыселъ все больше приходитъ въ упадокъ; съ одной стороны развитіе пароходства, которое тревожитъ рыбу во время «нереста», съ другой—отсутствіе строгихъ мѣръ для пресѣченія варварскаго истребленія ея. Старичекъ снова вмѣшивается въ разговоръ.

— А больше всего вашъ мазутъ,—говоритъ онъ. Профессоръ Гриммъ, ихтіологъ, усматриваетъ въ этомъ главную причину. Въ самомъ дѣлѣ, надъ Волгой безпрерывно течетъ другая рѣка, нефтяная, изъ разныхъ мазутовъ, керосина, гудрона; отбросы ихъ спускаются въ рѣку пароходами съ нефтянымъ отопленіемъ; баржи даютъ утечку. А вѣдь по Волгѣ ежегодно провозится милліоновъ семьдесятъ пудовъ этой пакости... Главный нефтяной путь. Не думаю, чтобы рыбѣ это было особенно пріятно. Кромѣ того, ей грозитъ голодъ: нефть губитъ на поверхности воды разныя личинки, которыми рыба питается. Надо удивляться, какъ она до сихъ поръ еще не получила керосиновый букетъ, какъ на Печорѣ...

Общество постепенно знакомится. Послѣ обѣда устанавливается нѣкоторое sans-gêne. Въ столовой душно. Солнце врывается въ окна и отражается въ зеркальныхъ простѣнкахъ вмѣстѣ съ убѣгающими назадъ зелеными берегами.

Офицеръ, съ которымъ я познакомился во время обѣда, разсказываетъ мнѣ о кунавинскомъ омутѣ. Онъ нарочно записалъ нѣсколько поговорокъ и пѣсенъ фабричнаго стиля и читаетъ мнѣ ихъ вполголоса... «Возьму ножикъ, возьму вилку и зарѣжу маво милку», «Кунавина слобода въ три дуги меня свела», «у Макарья—

по деньгѣ Наталья, а на грошъ—цѣлый возъ». Его знакомая или родственница, смуглая брюнетка, южанка, нѣсколько перезрѣлая, съ осанкой grande dame и лорнеткой, подходитъ къ нему. Онъ представляетъ меня. Начинается общій разговоръ. Сообщаю, откуда ѣду и куда.

— Ахъ, вы изъ Бѣлоруссіи?—говоритъ она. Тамъ, кажется, водятся эти, какъ ихъ, зубры... Вы видали ихъ? Меня всегда почему-то интересовало, какіе они...

Изъ дальнѣйшаго разговора убѣждаюсь, что дама, хотя и бывшая институтка, имѣетъ самое смутное представленіе о географіи Россіи. Она недоумѣваетъ, почему я не выѣхалъ на пароходѣ прямо изъ Минска, Владикавказъ считаетъ приморскимъ городомъ и даже меня пытается убѣдить въ этомъ. А по-французски говоритъ хорошо и съ французской литературой немного знакома.

Другіе офицеры болтаютъ съ двумя барышнями, упрашивая ихъ сыграть что-нибудь. Одну изъ нихъ имъ удается-таки усадить за пьянино. Она беретъ нерѣшительно нѣсколько аккордовъ, но обрываетъ, увѣряя, что страшно жарко. Офицеры бросаются къ окнамъ и задергиваютъ красноватые шелковые занавѣсы.

Беру въ пароходной библіотекѣ томъ стихотвореній Некрасова и выхожу на веранду.

Пароходъ уже нѣсколько разъ подходилъ къ пристанямъ, высаживалъ и забиралъ пассажировъ, оставилъ за собой Работки, цѣлую группу старообрядческихъ селъ, рѣченку Керженецъ, старообрядческій Гангъ, дремучіе лѣса, переполненные раскольничьими скитами, Лысково съ его 150 вѣтряными мельницами и 9 церквами, с. Исадъ и Макарьевъ, прежнее мѣсто ярмарки, которая только съ 1817 года переведена въ Нижній. Слѣдующей станціей будетъ городъ Василь-Сурскъ; это ужъ почти въ 130 верстахъ отъ Нижняго; тамъ мы часовъ въ девять вечера. Ночью пройдемъ мимо Козмодемьянска, столицы черемисовъ, Чебоксаръ, столицы чувашей, и въ девять часовъ утра прибудемъ въ Казань; отъ Нижняго до Казани 381 верста. Пароходъ все время идетъ къ востоку.

Сажусь на скамейку противъ якоря, надъ которымъ развѣвается флагъ. Пароходъ рѣжетъ воду; она разбѣгается двумя пѣнящимися волнами и плещется о бока; за нами по фарватеру вытягивается бѣлый слѣдъ; волны расплываются къ далекимъ берегамъ, то нарастая, то исчезая.

Вечерѣетъ. Отъ высокаго праваго берега на рѣку падаетъ тѣнь; она расползается, становится все гуще. Солнце прячется, но надъ горами еще сіяетъ золотой ореолъ.

На носу стоитъ матросъ и, какъ на Днѣпрѣ, то и дѣло погружаетъ въ рѣку полосатый шестъ.

— Се—емь, кричитъ онъ.

— Се—емь, какъ эхо повторяетъ за нимъ другой матросъ на капитанской площадкѣ, у руля.

— Восемь.

— Во—осемь.

Свѣжѣетъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Флагъ развѣвается и трепещетъ

точно крылья спугнутой птицы. Пароходъ чуть дрожитъ, будто отъ напряженья. Волга совсѣмъ покойна. Перелистываю Некрасова...

О, Волга! Послѣ многихъ лѣтъ
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Я ужъ не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ—все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь...
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все то же, то же... Только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ...
О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?..
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда,
Когда бъ, о Волга, надъ тобой
Не раздавался этотъ вой...
Давно, давно, въ такой же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ,
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ,
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
—Когда-то въ Нижній попадемъ?,
Одинъ сказалъ:—когда бъ попасть
Хоть на Илью...—„Авось придемъ".
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ:—„Эхъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку, какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще"...
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ.
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ написанъ этотъ несчастный образъ бурлака, мученика Волги.

Я вспоминаю рѣпинскихъ «Бурлаковъ», горсть запряженныхъ попарно въ бичеву и надсаживающихся, изнеможенныхъ людей; фонъ—волжская степь въ полуденный зной; ноги вязнутъ въ раскаленномъ пескѣ; а они, обливаясь потомъ, все тянутъ и тянутъ лямку, тянутъ изо дня въ день, цѣлые мѣсяцы, пока дотянутъ до

верховьевъ рѣки; потомъ — снова и снова каторга; и такъ всю жизнь...

Теперь картина эта измѣнилась. Надъ безбрежною равниной Волги пронесся свистъ парохода, какъ провозвѣстникъ освобожденья отъ бурлацкой неволи. Весь трудъ, за которымъ надрывались раньше тысячи жизней, который требовалъ сотню тысячъ рабочихъ рукъ, теперь исполняютъ буксирные пароходы. Каждый изъ нихъ въ пять-шесть дней протаскиваетъ къ верховьямъ сразу по нѣсколько баржъ, которыя прежде изнеможенные люди волокли мѣсяцами съ «воемъ» и стономъ.

Мнѣ вспоминаются нападки на цивилизацію и прогрессъ, на «машину», сократившую спросъ на рабочія руки, — и всѣ эти теоріи кажутся теперь, именно здѣсь, гдѣ паръ освободилъ рабовъ отъ каторжной лямки, такими наивными...

Схожу въ нижній этажъ, на палубу. Въ машинномъ отдѣленіи, подъ стеклянньмъ колпакомъ, движутся гигантскіе рычаги и валы, сверкая сѣрымъ блескомъ стали. Еще ниже, въ отдѣленіи для топки,—адъ. Я заглядывалъ когда-то туда. Узкій чугунный корридоръ и два ряда пылающихъ печей... Полунагой истопникъ задыхается, обливаясь потомъ. Я видалъ сегодня одного изъ нихъ. Черный, какъ арапъ, онъ выбѣжалъ на палубу и съ жадностью захватывалъ грудью свѣжій воздухъ... Тоже бурлакъ, только въ другомъ видѣ; да, но одинъ, а не тысячи. И завтра тотъ же техническій прогрессъ замѣнитъ его машиной. На пароходахъ съ нефтянымъ отопленіемъ и теперь топка производится механически...

Въ третьемъ классѣ публика смѣшанная. Нѣсколько персіянъ, черемисовъ, татаръ и чувашей; но преобладаютъ великороссы - волжане; между ними много старообрядцевъ.

Въ волжанинѣ есть что-то особенное, что сразу выдаетъ его. Фигура нѣсколько топорной работы, напоминающая деревянныхъ бородатыхъ мужичковъ кустарнаго издѣлія. Но за спокойнымъ и малоподвижнымъ лицомъ скрывается сильная натура съ очень сильной индивидуальностью, что-то какъ будто выработанное волжскимъ просторомъ и мощью. Взглядъ у волжанина упорный иногда до дерзости; порой въ немъ вспыхиваетъ что-то пронзительное и отважное; кажется, будто просыпается прежній удалецъ или разбойникъ. Глядитъ онъ въ глаза своимъ стальнымъ взглядомъ — и не сморгнетъ. Такъ и угадываешь, что не забылъ онъ еще «понизовой вольницы», что ему ничего не страшно, что сейчасъ вотъ онъ юркнетъ, улизнетъ и исчезнетъ на расшивѣ или въ утломъ челнокѣ. Волжская ширь какъ будто наполняетъ его натуру жаждой такой же шири.

Волжанинъ—стихійный бунтарь; ни татарское иго, ни бурлацкая лямка не подавили въ немъ энергіи воли; это—тростникъ, который гнется, но не ломается; его широкая русская натура никакъ не можетъ уложиться въ шаблонъ. Днѣпръ и просторъ малорусскихъ степей выработали запорожца, могучая Волга—съ ея безпредѣльной равниной,—волжанина. Вся его жизнь полна чего-то стихійнаго, всѣ

его легенды, все прошлое дышетъ имъ. Начиная съ Нижняго, съ его легендарными основателями—разбойниками Скворцомъ и Дятломъ, съ двумя кунавинскими преданьями, одно изъ которыхъ послужило темой для «Чародѣйки» Шпажинскаго, легенды и исторія всего Поволжья рисуютъ фигуры, полныя какой-то особенной стихійной силы, мощи и удали. Въ этой обстановкѣ, на волжскомъ просторѣ, выковываются и такія могучія натуры, какъ Мининъ и Пожарскій, съ ихъ великимъ подвигомъ; здѣсь народное воображенье создаетъ легендарныхъ богатырей, какъ Илья Муромецъ, или героевъ вродѣ Соловья-разбойника, здѣсь выростаетъ завоеватель Сибири Ермакъ Тимоѳеевичъ съ Иваномъ Кольцо, здѣсь проносится ураганомъ, спустя сто лѣтъ, Стенька Разинъ со своими ватажками, со своими разбоями и дикой казацкой удалью, а еще чрезъ сто лѣтъ разгорается бунтъ Пугачева...

Ночь окутываетъ Волгу. Мгла полна тайны. На пароходѣ вспыхиваетъ электричество. Фонарь надъ верандой льетъ лунный свѣтъ. Въ столовой раскрыты два зеленыхъ столика. Пассажиры винтятъ. Одна изъ барышень играетъ на пьянино. Меланхолическіе звуки баркароллы Чайковскаго сливаются съ шипѣньемъ и плескомъ волнъ. Навстрѣчу намъ бѣгутъ пароходы, сіяя электричествомъ; теперь они совсѣмъ кажутся двухъ-этажными домами съ ярко-освѣщенными окнами. Иногда полоса свѣта скользнетъ по лѣсу, скалѣ или оврагу — и изъ мглы вдругъ выступаетъ какой-то силуэтъ, загадочный, какъ призраки прошлаго Волги...

Мнѣ вспоминается державинская «рѣка временъ», уносящая въ своемъ теченіи «и царства, и царей»,—и нашъ пароходъ кажется мнѣ цѣлымъ государствомъ, плывущимъ куда-то въ невѣдомую даль. Мѣняются капитаны и лоцманы, пароходъ то бойко плыветъ подъ опытной рукой, то садится на мель. И неугомонное человѣчество все мечется куда-то впередъ въ погонѣ за жизнью, а тайна жизни остается все такой же великой загадкой...

Глава XIII.

Судьбы народовъ.—Казань, какъ ключъ Камы, Волги, Каспія и Сибири.—Историческіе силуэты.—«Устье».—На пристани.—Казань—кладбище.—Братская могила.—Татарско-русское «столкновеніе» съ финаломъ въ современномъ вкусѣ.—Опять нѣтъ путеводителя!—Кремль.—Башня Сумбеки.—Видъ Казани.—Прогулка по городу.—Въ циркѣ.

16-е августа.

Просыпаюсь. Солнечные лучи образуютъ ярко-красное пятно на занавѣскѣ; каюта залита красноватымъ туманомъ. Мгновенье не могу отдать себѣ отчета, гдѣ я; слышенъ плескъ воды; кто-то изъ пассажировъ уже гуляетъ по галлереѣ. Раскрываю окно. Свѣжій рѣчной воздухъ врывается въ каюту вмѣстѣ съ потокомъ ослѣпляющаго свѣта. Мимо движется низкій, то желтый, то свѣтло-кирпичный, лѣвый берегъ.

Въ корридорѣ утренняя суета большого дома, гдѣ много гостей. Веселая дробь электрическихъ звонковъ и мягкіе, спѣшные шаги прислуги.

Семь часовъ. Въ девять мы въ Казани. Это сразу настраиваетъ меня на особенный тонъ. Я испытываю невольно нервный толчекъ при мысли, что сейчасъ предо мной развернется сцена, на которой разыгралась одна изъ кровавыхъ трагедій въ жизни двухъ націй, направивъ ихъ на новый путь, полный величія для одной, упадка и забвенія для другой.

Сколько страннаго и загадочнаго въ исторической роли народовъ. Создается и расцвѣтаетъ культура древняго міра; потомъ наступаетъ разложеніе; Греція и Римъ приходятъ въ упадокъ, варвары разрушаютъ культурныя страны, но сами подпадаютъ вліянію побѣжденныхъ, усваивая ихъ формы жизни. Христіанство все шире и шире разливается по Европѣ. На востокѣ постепенно сростаются въ гигантскій организмъ славяне, а рядомъ съ ними нарождается новый міръ, магометанскій, мрачная, грозовая, багровая туча Золотой Орды, заливающая кровью и сковывающая игомъ весь славянскій міръ. Онъ вотъ-вотъ распадется, исчезнетъ, растворится въ монгольскомъ морѣ; кровавая борьба тянется вѣками, но результатъ ея совсѣмъ неожиданный: разложеніе охватываетъ не побѣжденныхъ, а побѣдителей; побѣжденные вырываются изъ-подъ ига, и начинается обмѣнъ ролей. Распавшійся монгольскій міръ пытается сплотиться въ новые организмы, выростаютъ Астраханское и Казанское царства, Крымское ханство. Оторванные клочки прежней тучи соединяются въ новыя. Судьба какъ будто готова воскресить опять могущество монголовъ. И кто знаетъ, если бы Московское государство не вынесло на своихъ плечахъ всю борьбу съ нимъ, чѣмъ были бы въ настоящее время и Европа, и христіанскій міръ, что было бы на землѣ вмѣсто современной цивилизаціи? Россія сыграла роль плотины, сдержавшей наводненіе монгольскаго моря. Разлейся оно—и, можетъ быть, вся европейская культура была бы истреблена, какъ александрійская библіотека. Соки и силы для этой культуры человѣчество черпало въ христіанствѣ. Перевѣсъ ислама отодвинулъ бы Европу на тысячелѣтіе назадъ: въ немъ нѣтъ ничего жизненнаго, онъ не даетъ человѣку живого идеала, не вдохновляетъ его для творческой жизни, подавляетъ своимъ фатализмомъ.

Въ судьбѣ народовъ есть законъ, который неуклонно создаетъ перевѣсъ въ борьбѣ болѣе сильной духовной индивидуальности. Нація гибнетъ тогда, когда она перестаетъ быть духовно-индивидуальной и національный характеръ обезличивается. Этотъ законъ проходитъ сквозь всю исторію Россіи; онъ ярко сказался въ ея борьбѣ съ татарами. И если бы въ XVI вѣкѣ эта индивидуальность не вылилась такъ интенсивно, если бы во главѣ Московскаго государства не стояла такая желѣзная и объединяющая національную волю личность, какъ Іоаннъ Грозный, быть можетъ, теперь мы были бы въ положеніи прежней Грузіи или современной Арменіи.

Іоаннъ IV сыгралъ великую роль въ судьбахъ Россіи: какъ

Петръ Первый открылъ ей путь на западъ, такъ и онъ очистилъ его съ востока. Ударъ, нанесенный здѣсь Казанскому царству, былъ ударомъ молота, не только разбивающаго цѣпь и замокъ, но и открывающаго сразу двери; этотъ ударъ уничтожилъ навсегда грозныхъ враговъ, освободилъ путь къ покоренію Сибири и отвоевалъ Волгу, ставшую съ той минуты русской рѣкой.

Враги понимали это. Осада и взятіе Казани — одна изъ ужасныхъ и кровавыхъ страницъ исторіи.

Вонъ на обрывистой горѣ, тонущей въ зелени, лѣпится небольшой уѣздный городокъ Свіяжскъ, съ живописно раскинутыми церквами и двумя монастырями. Здѣсь въ 1550 году, послѣ перваго похода на Казань былъ учрежденъ сторожевой пунктъ; отсюда, съ праваго берега, въ тридцати верстахъ отъ Казани, русскіе глядѣли на ту сторону Волги, на другое царство, выжидая и собираясь. А два года спустя русскія войска, во главѣ съ Іоанномъ Грознымъ, хлынули роковымъ потокомъ, заливъ всю равнину. Два мѣсяца тянулась упорная осада, при страшномъ ожесточеніи съ обѣихъ сторонъ. Земля стонала отъ человѣческаго страданья, Казанка стала красной отъ человѣческой крови; грохотъ взрывовъ потрясалъ воздухъ, будто раскаленный отъ зарева, насыщенный дымомъ и запахомъ крови. Подъ этотъ грохотъ, въ пламени пожара, взлетали на воздухъ башни и стѣны съ людьми. Пылающія бревна, кипящее масло и смола—все это разливалось огненнымъ моремъ за стѣнами горящаго города... Земля превратилась въ адъ — и въ его пучинѣ рухнуло навсегда Казанское царство.

Татары защищали городъ съ отчаяньемъ людей, которые теряютъ все. Шестьдесятъ тысячъ плѣнныхъ состояли только изъ женщинъ и дѣтей; мужья и отцы пали въ битвѣ...

Почти три съ половиной вѣка ушло со дня кровавой драмы. Волга такъ же величаво, покойно катитъ свои воды; но другой міръ, иные люди проносятся по нимъ...

Пассажиры высыпали на веранду. Матросъ опять замѣряетъ фарватеръ, выкрикивая число футовъ. Пароходъ осторожно лавируетъ подъ Свіяжскомъ, не приставая.

Облака то сгущаются, то разрываются; солнце то сверкнетъ яркимъ потокомъ лучей, то спрячется.

За Вязовыми—на востокѣ, далеко впереди, надъ Волгой вырисовывается темный, почти черный силуэтъ города. Есть что-то мрачное въ этомъ силуэтѣ, въ багровыхъ переливахъ окутывающей его дымки. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе выдѣляются формы башенъ и минаретовъ.

Это—Казань.

Волга здѣсь круто поворачиваетъ къ югу и исчезаетъ. Кажется, будто она кончается или будто пароходъ вошелъ въ огромное озеро. Какъ разъ въ углу, у поворота, пристань, называемая «Устьемъ». Казань въ семи верстахъ отъ берега Волги. Весной, въ половодье, пароходы пристаютъ на Казанкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города. На правомъ берегу, какъ бы замыкая Волгу, высятся кру-

тыя, угрюмыя горы; между ними ютится Верхній Услонъ съ могилой княгини Меньшиковой, умершей тамъ по пути въ Березовъ.

Пристани пароходныхъ обществъ растянулись на версту вдоль берега пловучими бараками. Послѣ Нижняго здѣсь совсѣмъ мало жизни. Лодки и баржи съ арбузами и дынями выстроились у пристани длинными рядами. Толпа на половину татарская. Шапки съ бараньей выпушкой, ермолки, бритыя головы, узкіе черные глазки съ острымъ взглядомъ, ломаная русская рѣчь...

Вокругъ пристани грязь, извозчики и экипажи имѣютъ неряшливый видъ. Надъ берегомъ невысокіе деревянные дома и бараки. Совсѣмъ какое-нибудь глухое мѣстечко. На лоткахъ и въ будкахъ продается вяленая рыба, балыки, икра; тутъ же подводы съ кожами, опять арбузы, дыни, горы яблоковъ. У берега начинается дамба, которая тянется по ровному полю, надъ болотами, камышами и лужами, до самой Казани. Дамба вымощена скверно. Встряхиваетъ порядкомъ. За пристанью Адмиралтейская слобода, напоминающая уѣздный городъ. Она стоитъ особнякомъ, верстахъ въ двухъ отъ города.

Казань все выдѣляется яснѣй, вырастая надъ равниной на семи невысокихъ холмахъ. Видъ совсѣмъ восточный; есть что-то, напоминающее Москву; только здѣсь, кромѣ фабричныхъ трубъ, выступаютъ минареты. Съ лѣвой стороны, на краю города, на холмѣ, возвышается Кремль съ зубчатой стѣной и пятью башнями. Надъ ними, врѣзываясь въ небо, господствуетъ остроконечная башня Сумбеки, рядомъ съ ней и правѣе вдоль всей панорамы города выростаютъ купола соборовъ, церквей и монастырей. Всего въ Казани свыше сорока церквей. Лѣвая половина города, сѣверная—русская, къ югу, вокругъ озера Кабана длиною въ 3 версты, расположена татарская часть.

По дамбѣ безпрерывно движется вереница подводъ, громыхая колесами; нагружены онѣ преимущественно кожами; подводчики-все смуглые татары; то и дѣло слышатся гортанные звуки татарской рѣчи. Отъ пристани проведена къ городу конка; вагоны медленно ползутъ рядомъ съ подводами и телѣгами.

Съ болотистой равнины, разстилающейся предъ Казанью, поднимаются гнилыя испаренія. Пахнетъ сыростью, болотомъ, кожами.

Слѣва отъ дамбы надъ водой выступаетъ высокая (10 саженъ) пирамида, съ надрѣзанной верхушкой и четырьмя низкими колончатыми фронтонами. Видъ громоздкій и угрюмый. Это «братская могила» убитыхъ при взятіи Казани воиновъ. Внизу памятника, подъ подземнымъ сводомъ — кости, собранныя когда-то на казанскихъ поляхъ. Надо думать — не мало среди нихъ и татарскихъ: по скелету не распознаешь, какому Богу молился человѣкъ.

Въ 1836 году, какъ разсказываетъ профессоръ Шпилевскій, памятникъ посѣтилъ Императоръ Николай I. Настоятель Зилантова монастыря, давая объясненія, замѣтилъ, что «чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе открывается во всѣхъ направленіяхъ костей православныхъ воиновъ». На вопросъ Государя, чѣмъ подтверждается это, онъ

прибавилъ: «когда-то здѣсь вмѣсто стараго деревяннаго нужно было устроить каменный помостъ; но оказалось, что фундамента заложить нельзя вслѣдствіе массы костей, которыми переполнена почва». Все это поле, изрытое ямами, залитое лужами и болотами, вся эта равнина отъ Волги и до Казани—сплошное кладбище... Въ народной пѣснѣ о покореніи Казани говорится:

Казань-городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка-рѣка кровава течетъ,
Мелки ключи—горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
Молодецкіе, все стрѣлецкіе...

Въ душу закрадывается гнетущее, тоскливое чувство. Весь ужасъ минувшаго невольно проносится въ воображеніи, и даже мысль о томъ, что это было три съ половиной вѣка тому назадъ, не примиряетъ съ нимъ.

Извозчикъ останавливается. Подводы запрудили дорогу. Татаринъ, не желая свернуть, зацѣпился колесомъ телѣги за повозку съ высокимъ челнообразнымъ кузовомъ. На ней сидитъ русскій. Онъ ругается, но изъ повозки не вылазитъ, хотя она накренилась на бокъ и вотъ-вотъ опрокинется съ дамбы въ болото. Татаринъ тоже огрызается и кряхтитъ около телѣги, надсаживаясь. Движеніе по дамбѣ пріостанавливается. Конка—тоже. Кондукторъ энергично звонитъ. Нѣсколько подводчиковъ-татаръ собираются и горланятъ что-то на своемъ непонятномъ нарѣчьѣ. Русскій вызывающе и упрямо сидитъ.

— Онъ зацѣпилъ, онъ пущай и вызволяетъ.

Однако, за татарина все-таки заступаются татары, окружая повозку русскаго.

Отсюда и оттуда кричатъ извозчики, требуя дороги. Русскій упрямо стоитъ на своемъ и не двигается, ругая татарина. Въ сущности онъ неправъ, такъ какъ долженъ былъ держаться правой стороны.

— А ты чиво сюды ѣхалъ. Сюды нэ можно. Право дэржи, знаишъ закхонъ,—галдятъ татары.

Извозчикъ, обращаясь ко мнѣ, высказываетъ то же мнѣніе; однако, онъ не кричитъ на русскаго, а нападаетъ на татаръ, хотя и въ шутливомъ тонѣ. У татаръ въ глазныхъ щелочкахъ зловѣще блестятъ черные угольки. Вотъ-вотъ сцѣпятся, вотъ-вотъ изъ-подъ пепла вспыхнетъ старая вражда, бѣшеная, жгучая, неутолимая...

Но дѣло кончается гораздо проще. Откуда-то показывается городовой. Кажется, подъѣхалъ онъ на встрѣчномъ вагонѣ конки. Соловьиная дробь свистка словно отрезвляетъ враговъ, обдавая ихъ атмосферой современности. Русскій нехотя, снисходительно, будто вываливается изъ повозки и своимъ здоровымъ плечомъ сразу сдвигаетъ ее съ мѣста.

— Что, часто это у васъ такъ?—спрашиваю извозчика.

— Нѣтъ, ничего. Они народъ смирный, покойный... Только извѣстно—татары, толку въ нихъ никакого. Огометане!

Татары расходятся, ругаясь на своемъ волапюкѣ. Русскій садится въ телѣгу, улыбаясь. Широкое румяное лицо дышетъ задоромъ: видно—раздраженья въ немъ нѣтъ; потѣшился только малость. Подводы движутся. Бритые сизые затылки удаляются.

Угрюмая пирамида братской могилы хмуро глядитъ на эту сцену, сверкая золотымъ крестомъ...

Въѣзжаю въ городъ. Невысокій подъемъ—и я у Кремля съ остроконечной пирамидальной Спасской башней надъ входомъ. Отъ Кремля начинается, заворачивая вправо, къ югу, главная улица, Воскресенская. На ней разные банки и учрежденія, университетъ, громадный изящной архитектуры пассажъ, который, говорятъ, обошелся до десяти милліоновъ рублей, лучшіе магазины и гостиницы. Кромѣ красиваго пассажа, всѣ почти зданія шаблонной архитектуры; ничто не поражаетъ ни стилемъ, ни красотой, ни замысломъ. Въ концѣ улицы—длинное двухъ-этажное неуклюжее зданіе университета, съ тремя фронтонами и іонической колоннадой; напротивъ—трехъ-этажный кубъ клиники. Магазины небольшіе, но чистенькіе, тротуары то въ плитахъ, то асфальтовые. На всемъ отпечатокъ лѣтняго застоя. Движенія въ городѣ почти незамѣтно.

Останавливаюсь, по рекомендаціи «Путеводителя» г. Демьянова, въ Волжско-Камскихъ номерахъ. Въ путеводителѣ г. Сидорова отдается преферансъ другимъ гостиницамъ. Появленіе мое производитъ нѣкоторый переполохъ. Видно, туристы рѣдко заглядываютъ въ Казань. Скучныя лица прислуги оживляются. Гостиница неважная, номерокъ отводятъ крошечный, цѣна—полтора рубля съ клопами. Старичекъ лакей—что-то среднее между татариномъ и черемисомъ; маленькій, сѣдые баки, глаза узенькіе, но сѣрые, услужливо-ласковые. Говорить по-русски еще не научился. На вопросъ, гдѣ книжный магазинъ, объясняетъ:

— Здѣсь, сичасъ направа, потомъ налѣва, можитъ одна фартала болши или мэньши...

Отправляюсь наудалую, пытаясь угадать, что собственно онъ понималъ подъ словомъ «фартала». Оказывается—книжный магазинъ въ одномъ ряду съ гостиницей, и никакихъ поворотовъ и «фарталъ» не требуется. Планъ Казани, изданный еще двѣнадцать лѣтъ назадъ, есть; но путеводителя не имѣется. Вотъ тебѣ и университетскій городъ съ духовной академіей, ветеринарнымъ институтомъ, учительской семинаріей, институтомъ благородныхъ дѣвицъ, тремя гимназіями, реальнымъ училищемъ, двумя женскими гимназіями, инородческой семинаріей, юнкерскимъ училищемъ, двумя газетами и, какъ говорятъ, ста двадцатью, а то и ста сорока тысячами жителей...

Все, что мнѣ удается раздобыть, это «Указатель историческихъ достопримѣчательностей г. Казани», составленный профессоромъ Шпилевскимъ и изданный комитетомъ по устройству въ Казани съѣзда естествоиспытателей еще въ 1873 году, двадцать два года тому назадъ. Въ брошюркѣ 66 страницъ, стоитъ она тридцать копѣекъ. Въ книжномъ магазинѣ знакомлюсь съ планомъ,

оріентируюсь и сейчасъ же отправляюсь прямо въ Кремль или крѣпость.

Выстроенъ онъ на искусственномъ возвышеніи. Казанка омываетъ его громоздкія стѣны съ запада и сѣвера. Вхожу черезъ ворота у Спасской башни въ крѣпость; здѣсь—цѣлая улица съ казармами, юнкерскимъ училищемъ, Благовѣщенскимъ соборомъ, Спасскимъ монастыремъ, Кипріановской церковью и архіерейскимъ домомъ. Впереди, за небольшой площадью со скверомъ — зеленый дворецъ, губернаторскій домъ, соединенный съ маленькой оригинальной архитектуры церковью. Лѣвѣе башня Сумбеки. Она заперта. У сквера стоитъ городовой. Обращаюсь къ нему. Идетъ куда-то спросить ключъ и немного спустя отпираетъ дверь.

Башня похожа на пять сложенныхъ одинъ на другой уменьшающихся кверху кубиковъ, съ остроконечной верхушкой. Высота—тридцать пять саженъ. Внутри что-то напоминаетъ колокольню Ивана Великаго; такіе же узкіе ломанные ходы, истертыя ступени, только вдвое выше, такъ что ногу приходится поднимать почти горизонтально.

Говорятъ—во времена татарской Казани она служила минаретомъ мечети. У татаръ масса легендъ, связанныхъ съ этой башней; они иногда приходятъ сюда молиться. Одни разсказываютъ, будто съ высоты ея бросилась внизъ татарская царица Сумбека, оплакивая гибель Казани; другіе говорятъ, что она не бросилась, а только ужасно много плакала на ней. Вершина башни съ остроконечнымъ шпилемъ надстроена въ позднѣйшее время.

Съ башни открывается видъ Казани и ея окрестностей на десятки верстъ. Гляжу на западъ: внизу расползается изрѣзанная узенькой синей змѣйкой—Казанкой, равнина съ Адмиралтейской слободой, пристанями, Волгой, надъ которой, заслоняя горизонтъ, надвинулись горы, съ Нижнимъ Услономъ у подножія. Дамба изгибается по этой равнинѣ сѣрой лентой, подползая къ самому Кремлю. Справа, къ сѣверу, голое поле, пестрѣющее лужами, и вдали, на фонѣ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, бѣлыя группы Зилантова монастыря—ближе къ Волгѣ, и Кизитескаго—ближе къ городу. Съ востока—опять зеленыя болотистыя поля въ синихъ зигзагахъ Казанки и лѣса; къ югу, начиная подъ самой башней и все расширяясь, громоздится пестрыми кубами Казань, расползаясь вдали вокругъ озера Кабана, соединеннаго съ высыхающимъ лѣтомъ озеромъ Булакомъ. За городомъ — зеленые луга и бордюръ темныхъ лѣсовъ, матово-синихъ на далекомъ горизонтѣ. Вдоль всего города выступаютъ стройные бюсты церквей, а въ концѣ, въ татарской слободѣ, легкіе минареты десятка мечетей, съ граціозной колонной Азимовской мечети. За Кремлемъ, съ его соборомъ и церквами, слѣва возвышается величественный бѣлый корпусъ Казанскаго женскаго монастыря, съ тремя іоническими колоннадами порталовъ и круглымъ центральнымъ куполомъ, тоже съ колоннадой. Предъ нимъ—высокая колокольня съ золотой макушкой. Еще нѣсколько церквей, еще нѣсколько монастырей; но между ними выдѣляются на Воскресен-

ской улицѣ кирпичный Воскресенскій соборъ, съ пятью серебряными куполами и за ней—Петропавловскій соборъ, оригинальное, красивое зданіе желтаго цвѣта, съ бѣлыми, зелеными и красными карнизами, въ стилѣ трехъ-этажнаго русскаго терема съ осьмиугольнымъ куполомъ, увѣнчаннымъ китайской крышей и маленькой колокольней.

Въ общемъ—ни видъ Казани, ни ея окрестности не поражаютъ. Восточная типичность, которая издали придавала такую оригинальность ея силуэту, здѣсь совсѣмъ скрадывается европейской наружностью города.

Когда-то на этой равнинѣ, еще до нашествія татаръ, процвѣтало другое царство, загадочное и забытое человѣчествомъ—Волжско-Камское царство болгаръ, появленіе и происхожденіе которыхъ такъ и остается исторической загадкой. Цѣлая нація, пронесшаяся надъ землей безслѣдно... Уцѣлѣли только въ ста верстахъ ниже Казани развалины болгарскаго города съ арабскими зданіями въ мавританскомъ стилѣ X вѣка, Богъ вѣсть какимъ образомъ занесеннаго на берега Волги.

Въ брошюрѣ профессора Шпилевскаго читаю:

«Преемственность между царствами Болгарскимъ и Казанскимъ постоянно вспоминалась въ послѣдующее время: великій князь московскій Василій Дмитріевичъ, при которомъ московское войско, подъ начальствомъ брата его Юрія, разорило въ 1399 году старую Казань, наслѣдницу Болгарскаго царства носилъ титулъ Государя Болгаріи; одинъ изъ архипастырей казанскихъ въ XVII вѣкѣ) назывался Казанскимъ и Болгарскимъ. Симбирскіе и казанскіе татары называютъ себя иногда «булгарлыкъ».

Вспоминается кратковременное существованіе Казанскаго царства, продолжавшееся около ста пятидесяти лѣтъ и полное безпрерывныхъ смутъ и раздоровъ, безпрерывной борьбы съ русскими. Улу-Махмета убиваетъ его сынъ Мамутекъ, ногайскій князь Мамукъ изгоняетъ Махметъ-Аминя, Махмета изгоняетъ Абдулъ-Летифъ, котораго вновь замѣщаетъ Махметъ-Аминъ; для разнообразія онъ перерѣзываетъ въ городѣ всѣхъ русскихъ; за нимъ слѣдуетъ Шигъ-Алей, котораго выгоняетъ крымскій ханъ Саинъ-Гирей, а затѣмъ тоже перерѣзываетъ русскихъ; Саинъ-Гирея выгоняетъ Василій Іоанновичъ, и казанцы возводятъ на престолъ Сафу-Гирея; по просьбѣ казанцевъ, онъ смѣненъ братомъ Еналеемъ, который былъ вскорѣ убитъ, а на мѣсто его опять водворяется Сафа-Гирей; немного спустя казанскіе вельможи изгоняютъ его и выпрашиваютъ себѣ снова Шигъ-Алея; однако онъ вскорѣ удираетъ, и на престолъ въ третій разъ садится Сафа-Гирей. Этому удается умереть на престолѣ и передать его сыну Утемышу (отъ Сумбеки); его смѣщаетъ, спустя годъ, въ третій разъ Шигъ-Алей, но, по старости, выѣзжаетъ въ Свіяжскъ. Его мѣсто занимаетъ астраханскій царевичъ Эдигеръ, послѣдній царь послѣдняго акта Казанскаго царства.

Казань становится русской и, начиная съ конца XVI вѣка, выгораетъ основательно по 1859 годъ двѣнадцать разъ.

Отправляюсь обозрѣвать городъ. Катаюсь по татарской слободѣ

съ задумчивыми мечетями и чистенькими домиками, отъ которыхъ вѣетъ замоскворѣцкой замкнутостью, и выѣзжаю снова къ центру города. За Воскресенской — Черное озеро, глубокая продолговатая котловина съ красивыми скверами, цвѣтниками и павильонами; надъ нимъ, предъ площадкой съ театромъ и собраніемъ, державинскій садикъ,выхоленный, приглаженный, совсѣмъ нѣмецкій. Посрединѣ возвышается памятникъ Державину. Авторъ «Фелицы» сидитъ въ римской тогѣ и смотритъ на небо. Псевдо-классическій стиль памятника рѣзко бросается въ глаза, особенно при сравненіи съ памятникомъ Пушкину. Два поэта, двѣ эпохи, два разныхъ художественныхъ вкуса невольно навязываются своимъ контрастомъ.

У Чернаго озера — самая элегантная часть Казани. Жизни совсѣмъ мало, особенно послѣ нижегородской толчеи; городъ не выглядитъ университетскимъ. Правда, теперь каникулярный сезонъ. Войска въ лагеряхъ, студентовъ почти не видать. Одни гимназисты переполняютъ книжные магазины, раскупая учебныя пособія. И въ пассажѣ, и въ гостиномъ дворѣ, что на Воскресенской, грузномъ, мрачномъ зданіи съ тяжелыми колоннами, прежнемъ татарскомъ караванъ-сараѣ,—только они и видны.

Торговля Казани въ упадкѣ, несмотря на то, что въ ней до 116 заводовъ и фабрикъ. Чувствуется застой большого города, оставшагося въ сторонѣ отъ жизни. Ее сравниваютъ съ чиновникомъ, попавшимъ за штатъ. Есть, дѣйствительно, въ ея культурной внѣшности что-то напоминающее приглаженнаго и старательнаго чиновника, котораго обошли товарищи-карьеристы, но который все-таки не теряетъ надежды сдѣлать карьеру.

Обѣдаю въ гостиницѣ. Обѣдъ изъ пяти блюдъ—рубль, кухня не то казанско-европейская, не то татарско-французская: на третье, къ моему величайшему недоумѣнію, подаютъ холодную бѣлугу подъ хрѣномъ.

Вечеромъ—проливной дождь съ грозой. Чтобъ убить какъ-нибудь время, отправляюсь въ циркъ Никитиныхъ. Дебютъ «феноменально извѣстнаго» Дурова. Циркъ переполненъ. Видъ у публики совсѣмъ провинціальный. Преобладающій элементъ все-таки монгольскій: широкія скулы, узкіе глаза. Много татаръ; и въ райкѣ, и въ первомъ ряду попадаются халаты. Зрители держатъ себя наивно-экспансивно и непосредственно. Въ буфетѣ закусываютъ и пьютъ дружно. Потомки враговъ, сложившихъ кости на казанскомъ кладбищѣ, мирно бесѣдуютъ о статьяхъ лошадей и балеринъ, беззаботной толпой, съ вѣчнымъ девизомъ—panem et circenses.

Глава XIV.

Выѣздъ изъ Казани.—Воспоминанья.—На «Гоголѣ».—Перекаты.—Новый пассажиръ.—Мое знакомство съ Дю-Фаромъ.—Устье Камы.—Французъ о Россіи.—Нашъ «альянсъ».—Франко-русскія параллели.—Французская молодежь.—Разговоръ о литературѣ.—Самара.

17-е августа.

Льетъ дождь.

Въ номерѣ темно. Наскоро укладываюсь. Въ корридорѣ опять выстроилась шпалерами гостиничная прислуга съ видомъ пріятнаго, но скромнаго ожиданья.

Надъ Казанью будто опрокинулась исполинская поливальница. Городъ исчезаетъ въ мутной дымкѣ. Фаэтонъ выѣзжаетъ на дамбу. Начинается тряска и громыханье. Минуемъ Адмиралтейскую слободу. Все мокро, кисло, хмуро. Горы, навалившіяся надъ Нижнимъ Услономъ, угрюмо насупились. Что-то гнететъ. Вспоминаю судьбу Меньшикова, вспоминаю Арское поле, по которому проѣзжалъ вчера въ Казани. На немъ сосланный въ Пелымъ Биронъ встрѣтился съ Остерманомъ, возвращавшимся изъ ссылки. Трудно представить себѣ болѣе жестокую иронію судьбы.

Враги молча переглянулись. Бываютъ безмолвные взгляды, которые ярче всякихъ словъ передаютъ мысли. Остерманъ видалъ своего злѣйшаго врага на пути къ тому аду, въ который попалъ благодаря ему. Что чувствовалъ въ это время безсильный временщикъ? И что долженъ былъ чувствовать другой «сильный міра», одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», «счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ», когда вонъ тамъ, на кладбищѣ, что ютится у подножья услонскихъ горъ, самъ рылъ могилу для своей жены, послѣдовавшей за нимъ въ Сибирь?

Надъ Казанью вообще тяготѣетъ какой-то рокъ: она не только кладбище, она была воротами, у которыхъ начинался главный путь въ макаровскія страны.

Профессоръ Шпилевскій приводитъ довольно ѣдкія слова извѣстнаго путешественника по Россіи, Шницлера, относительно этого пути: «Nous avons vu le point de la route, où l'imagination place sur un poteau cette inscription: lasciate ogni speranza».

«По этому мосту,—говоритъ г. Сидоровъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ,—проѣхала телѣга съ несчастной семьей Меньшиковыхъ. Должно быть, мостъ не выдержалъ всѣхъ стоновъ и слезъ, раздававшихся здѣсь на порогѣ къ мраку и гибели, и рухнулъ въ Казанку»... Увы, если бы это было такъ, Волга отъ слезъ человѣческихъ, проливавшихся здѣсь вѣками, давно бы стала океаномъ, и міръ, не выдержавъ этихъ слезъ и стоновъ, давно бы провалился въ бездну...

Въ «конторкѣ», какъ здѣсь называютъ пароходныя пристани, суетится толпа. Масса татаръ, которые пристаютъ съ предложеньемъ купить разныя мелочи, начиная платками и казанскимъ мыломъ. Отбою нѣтъ.

Отходитъ самолетскій пароходъ «Гоголь». Онъ поменьше «Некрасова», но такой же чистенькій и того же типа. Въ столовой (на рубкѣ) надъ пьянино—портретъ автора «Мертвыхъ душъ».

Отчаливаемъ. Вихри вѣтра разносятъ туманную пыль. Волга морщится. Она—то темносѣрая, то бурая, почти цвѣта кофея съ молокомъ.

Пассажировъ мало, да и тѣ попрятались по каютамъ.

На носу стоитъ матросъ въ кожаной курткѣ и то и дѣло опускаетъ шестъ, выкрикивая что-то.

Подъ Богородскомъ начинается перекатъ. Перекатовъ этихъ на Волгѣ очень много; дно рѣки постоянно мѣняется. Человѣкъ борется съ нею; она упорно и капризно создаетъ и сноситъ мели, то нагромождая горы песку, то взрывая ихъ. Неслышно, незамѣтно, она изъ года въ годъ лижетъ и подмываетъ берега, унося каждый день горы ила и песку, разсыпающагося по ея руслу до Каспія.

Волжскіе берега постоянно оползаютъ, образуя провалы. Въ Нижнемъ когда-то сползла гора, похоронивъ подъ собой развалины домовъ; въ оползняхъ исчезло цѣлое село Ловецкое и древній городъ Китешъ; въ Чебоксарахъ опускающаяся почва будто втянула въ себя падающую башню; въ Василь-Сурскѣ провалилась церковь и покосились дома; въ Старо-Макарьевѣ Волга поглотила большую гору и подтачиваетъ другую; за Сызранью, въ 1839 году, въ с. Феодоровкѣ провалилось и исчезло семьдесятъ домовъ... Какая-то безконечная борьба двухъ стихій: то земля пытается засыпать рѣку, то рѣка — разрушить землю. Трудно представить себѣ всю энергію, которую растрачиваетъ здѣсь масса воды, несущаяся по этой широкой долинѣ, глубиной отъ 10 футовъ до $8^1/_2$ саж., а за Камой—до пятнадцати саженъ.

И, несмотря на всю мощь этого потока въ три съ половиной тысячи верстъ, Волга въ иные годы становится безсильной: она мелѣетъ до того, что изъ четырехъ плесовъ *) большіе пароходы ходятъ свободно только по четвертому—отъ Камы или отъ Казани до Астрахани; въ такое время пассажиры и грузъ передаются на маленькіе плоскодонные пароходы, которые сравнительно свободно пробираются къ верховьямъ рѣки. Совсѣмъ какъ на Днѣпрѣ, гдѣ въ мелководье между Кіевомъ и Гомелемъ приходится по два-три раза пересаживаться.

Къ завтраку въ столовой появляется еще нѣсколько пассажировъ. Все народъ такой же кислый и угрюмый, какъ и погода.

Перелистываю «Всероссійскій Альбомъ-Путеводитель», издаваемый русскими пароходными обществами. Альбомъ появляется уже пятый годъ; его можно найти на всѣхъ волжскихъ пароходахъ. Изданіе очень роскошное (Леона Декроза въ Москвѣ), съ массой гравюръ, фототипій, справочнымъ отдѣломъ, коммерческими свѣдѣніями, адресами и объявленіями.

*) 1-й плесъ отъ Твери до Рыбинска, 2-й отъ Рыбинска до Нижняго, 3-й отъ Нижняго до Камы, 4-й отъ Камы до Астрахани.

Навстрѣчу, мимо оконъ, отражаясь въ зеркалахъ, все бѣгутъ пароходы. Небольшой «буксиръ» тащитъ баржу съ трехъярусной платформой; на ней цѣлый гуртъ рогатаго скота, штукъ четыреста-пятьсотъ; изъ каждаго яруса недоумѣло-испуганно выглядываетъ рогатая публика.

На правомъ берегу, въ котловинѣ, показывается изъ дымчатой пелены село Богородское. По гребню горъ выстроились крылатыя мельницы, въ глубинѣ—цѣлый городъ съ хорошенькими церквами и пестрыми крышами зданій.

По одному путеводителю—мы въ 67-ми, по другому—въ семидесяти трехъ верстахъ отъ Казани.

На пристани опять тѣ же татары, мордва и чуваши. Въ среднемъ Поволжьи инородческій элементъ вездѣ перемѣшанъ съ великорусскимъ, какъ перецъ, попавшій въ солонку. Въ Нижегородской и Казанской—черемисы (250 тыс.), въ Казанской и Симбирской—чуваши (500 тыс.); мордва (до 600 т.) раскинулась по правому, татары ($1^1/_2$ мил.) по лѣвому берегу Волги до Астрахани.

Къ намъ прибавляется всего одинъ пассажиръ, молодой, плотный, высокій брюнетъ, лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ. Интеллигентное лицо, черные глаза, черная бородка, энергичныя черты. На видъ—не то землемѣръ, не то земскій врачъ; дорожный костюмъ сидитъ мѣшковато, въ манерахъ — увѣренность человѣка бывалаго. За нимъ проносятъ желтый кожаный чемоданъ и какіе-то инструменты въ черномъ чехлѣ. Кажется — астролябія, а можетъ-быть и фотографическій аппаратъ. Рѣшаю, что фотографъ.

Пассажиръ зоветъ лакея и говоритъ довольно рѣшительно:

— Карточка... обѣдъ.

Лакей подаетъ меню. «Фотографъ» углубляется и долго вертитъ его въ рукахъ.

— Дать мнѣ борщчъ э бифстекъ.

Губы его, опушенныя черными усиками, складываются какъ-то странно и старательно, когда онъ выговариваетъ эти слова.

— Водки прикажете?

— Да, да... водка, карашо!

— Какой прикажете?

На лицѣ «фотографа» пробѣгаетъ смущенье.

Это начинаетъ интриговать меня. «Фотографъ» бросаетъ на меня вопросительный взглядъ.

— Вы французъ?—спрашиваю я его. Онъ отвѣчаетъ утвердительно, видимо обрадовавшись.

Послѣ первыхъ же словъ онъ встаетъ и рекомендуется. Фамилія его Дю-Фаръ; парижанинъ «пюръ-санъ», путешествуетъ по Россіи.

— Давно?

— Два мѣсяца.

— А теперь откуда ѣдете?

— Дю гувернманъ де Піермъ.

— Что-жъ вы дѣлали въ Пермской губерніи?

Дю-Фаръ съ первыхъ же словъ со всей французской экспансивностью разсказываетъ мнѣ о цѣли своей поѣздки. Путешествіе по Россіи было давно его завѣтной мечтой. Но онъ не рѣшался ѣхать, не изучивъ языка. Поэтому нанялъ учителя и въ три-четыре мѣсяца научился по-русски. Пишетъ легко, но въ разговорѣ «затрудняется». Главная цѣль поѣздки—познакомиться съ русской живописью, которая еще въ Парижѣ сильно заинтересовала его. Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился со своимъ знакомымъ, извѣстнымъ археологомъ барономъ де-Бай. Тотъ и далъ ему ключъ маршрута, направивъ сначала въ Кіевъ, къ профессору В. А. Прахову. Оттуда Дю-Фаръ поѣхалъ въ Москву, побывалъ въ картинныхъ галлереяхъ и студіи Васнецова, а изъ Москвы очутился вдругъ ни дальше, ни ближе, какъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ, въ имѣніи художника Свѣдомскаго. Оттуда-то онъ и пробрался по Камѣ въ Богородское.

Между нами сразу же устанавливается то сближеніе людей съ общими культурными и духовными интересами, въ которомъ залогъ будущаго сродства и единенія народовъ.

Въ шести верстахъ отъ Богородскаго происходитъ волжско-камскій «альянсъ». Пробѣжавъ двѣ тысячи верстъ, Кама сливаетъ свои свѣтлыя воды, принесенныя изъ-подъ Урала, съ темными водами Волги, приплывшими изъ-за полуторы тысячи верстъ, изъ Тверской губерніи.

Картина сразу мѣняется. Горы расползаются волнистой грядой и таютъ на горизонтѣ. Береговъ почти не видать. Они разбѣжались на тридцать верстъ. Рѣка исчезла. Предъ нами цѣлое море или, по крайней мѣрѣ, морской проливъ, какой-нибудь Ламаншъ. Просторъ — необъятный. И нашъ пароходъ, и тѣ, что бѣгутъ по этой водной равнинѣ, становятся вдругъ совсѣмъ маленькими.

Причаливаемъ къ Спасскому Затону. У пристани раскинулся цѣлый фабричный городокъ. Здѣсь механическіе и машино строительные заводы общества «Кавказъ и Меркурій», на которыхъ строятся даже корпуса большихъ пароходовъ американскаго типа. Верстахъ въ двадцати отсюда — с. Болгары съ развалинами столицы Болгарскаго царства.

За Спасскимъ Затономъ солнце вдругъ прорѣзываетъ тучи и золотитъ впереди Волгу цѣлымъ потокомъ лучей. Тучи разбѣгаются, ярко-синее небо все шире расползается надъ нами.

Берега снова надвигаются, но все-таки они еще очень далеки. Волга опять будто жмется, но это только на время, чтобы проползти своей могучей массой между горъ, въ темной кудрявой зелени вѣковыхъ лѣсовъ, и снова вырваться и разлиться на просторѣ зеркальной гладью озера.

Мы гуляемъ съ Дю-Фаромъ по галлереѣ, то и дѣло останавливаясь, чтобы полюбоваться въ бинокль видами или подѣлиться восторгомъ. Настроеніе все время повышенное. Душа будто растетъ отъ окружающаго простора и величья природы. Какой-то трепетъ, такой же жизнерадостный, какъ трепетъ развѣвающагося и сверкающаго яркими цвѣтами флага, охватываетъ ее.

А тутъ и Дю-Фаръ, словно нарочно, подливаетъ масла своими восторженными отзывами о Россіи.

— Ah, monsieur! La Russie! Mais vous ne pouvez pas vous imaginer ce que c'est que cela. Mais c'est énorme, c'est grandiose... Я никогда, никогда не воображалъ себѣ ничего подобнаго. Два мѣсяца, что я въ Россіи, прошли какъ сонъ. Я пьянъ отъ впечатлѣній и неожиданностей. Ваше искусство, ваша литература, ваше общество, наконецъ,—все это такъ свѣжо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ интересно и ново для меня...

И онъ продолжаетъ въ такомъ же родѣ. Въ Кіевѣ онъ прогостилъ двѣ недѣли въ радушно-гостепріимномъ семействѣ профессора Прахова. (Ah, mais c'est une famille des gens bien braves et bien hospitaliers!). Профессоръ Праховъ (онъ говоритъ Праковъ, картавя и ударяя на овъ) познакомилъ его съ византійской школой, посвятилъ во всѣ тонкости древне-византійскаго письма, показывалъ ему этотъ чудный храмъ Владиміра, въ которомъ мастерская рука знатока будто воскресила Византію. Картины Васнецова и Свѣдомскаго очаровали его. Какіе таланты! А Третьяковская галлерея! Онъ нарочно поѣхалъ изъ Москвы въ Пермскую губернію, чтобы ближе познакомиться съ кистью Свѣдомскаго.

Двѣ недѣли онъ прогостилъ у нихъ.

Его очаровали и хозяева, и ихъ студія, и русская деревня...

Дю-Фаръ смѣется и прибавляетъ:

— Et aussi la vodka russe. Ah, mais on boit chez vous énormément!

Онъ разсказываетъ, какъ, по неопытности, «хватилъ» въ какомъ-то домѣ настой спирта на почкахъ черной смородины—и чуть не умеръ; хотѣлъ показать, что умѣетъ пить русскую водку, и опорожнилъ залпомъ рюмку восьмидесятиградуснаго алкоголя.

Онъ вдругъ срывается.

Attendez, je vais vous montrer quelque chose.

Немного спустя, онъ тащитъ на галлерею свой фотографическій аппаратъ и большой ящикъ. Въ немъ цѣлая серія снимковъ. Тамъ— и кіевскіе виды, и соборъ св. Владиміра, и семья профессора Прахова въ нѣсколькихъ группахъ, и его дача, и цѣлая компанія художниковъ въ саду за чайнымъ столомъ, и нижегородская ярмарка, и усадьба Свѣдомскихъ, и группы сарапульскихъ крестьянъ... Онъ, видимо, ни минуты не оставался въ покоѣ; все, что было интереснаго въ его впечатлѣніяхъ, онъ сейчасъ же схватывалъ. Я не успѣваю оглянуться, какъ онъ уже прицѣливается въ меня камеръ-обскурой.

Вечерѣетъ. Пароходъ застопориваютъ. Онъ беззвучно и какъ-то безсильно скользитъ къ правому берегу, надъ которымъ изъ волнистой гущи дубоваго лѣса выглядываютъ Тетюши.

Дю-Фаръ, наводя аппаратъ на пристань, переговаривается со мной. Ему хочется чаю; но онъ не любитъ порціоннаго и предпочитаетъ пить его по-русски.

— J'aime bien mieux faire mon petit ménage... дѣлаэтъ наше малэньки казайство.

Я смѣюсь и поправляю его. Онъ вынимаетъ книжку и записываетъ подъ мою диктовку. Въ этой книжкѣ у него цѣлый лексиконъ русскихъ словъ и фразъ, черновикъ какого-то письма, которое онъ написалъ по-русски своему учителю въ Парижѣ. Ему особенно нравится почему-то слово «теперь».

Онъ нѣсколько разъ произноситъ его, вставляя послѣ т и п твердый знакъ и восклицая:

Ah, mais c'est très-beau, vraiment... тъ-епъ-ерь...

О русской живописи онъ хочетъ написать и уже набросалъ планъ; о Россіи и своемъ путешествіи—тоже.

Чай пьемъ на верандѣ. Дю-Фаръ «хозяйничаетъ», высказывая въ то же время сожалѣніе, что завтра намъ придется разстаться въ Самарѣ. Его маршрутъ — Сызрань, Пенза, Харьковъ, Севастополь, Константинополь, Марсель. Я начинаю искушать его поѣхать со мной на Кавказъ и въ Крымъ. Быть въ Россіи и не видать Кавказа—то же, что быть въ Римѣ и не видать папу. Это, видимо, соблазняетъ его. Но онъ отнѣкивается: ему необходимо быть въ Парижѣ къ сроку. Однако, вытащивъ изъ бокового кармана Бедекера, онъ начинаетъ высчитывать. Я беру желѣзнодорожный путеводитель и пытаюсь убѣдить его, что онъ «почти» не потеряетъ времени. Но французъ не признаетъ моего путеводителя и слѣпо вѣритъ въ своего Бедекера. Въ концѣ концовъ, онъ меня съ торжествомъ побиваетъ: Бедекеръ гораздо точнѣе и обстоятельнѣе знакомитъ съ движеніемъ поѣздовъ и притомъ даетъ массу полезныхъ въ пути свѣдѣній и справокъ. Мнѣ совѣтовали запастись имъ. Но я упрямо отказался: было какъ-то совѣстно путешествовать въ Россіи по французскому путеводителю. Оказывается все-таки, что Бедекеръ лучше, полнѣе и обстоятельнѣе всѣхъ нашихъ путеводителей.

Дю-Фара все больше и больше искушаетъ заглянуть на Кавказъ.

Еще полчаса—и онъ вдругъ рѣшается.

Мы—компаньоны. Рукопожатіе, съ высокой температурой альянса.

Поздно вечеромъ проходимъ мимо Симбирска, «помѣщичьяго города», а ночью—мимо Жегулей, живописнѣйшаго уголка Волги, которая здѣсь выгнулась подковой къ востоку, проползая девяносто верстъ между грядой горъ въ дремучихъ лѣсахъ.

Такъ и не удается увидать Жегулей. Привожу художественное описаніе ихъ изъ путевыхъ замѣтокъ г. Сидорова.

«Жегулевскія горы—это былое царство молодецкой удали, гдѣ до сихъ поръ въ темныхъ обрывахъ звучатъ имена Стеньки Разина, Василія Буслаева, Феодора Шелудяка и другихъ. Сколько въ этомъ словѣ—«Жегули» Волги, а въ самой Волгѣ — Жегулей. Какъ безконечно эти горы и эта рѣка дополняютъ другъ друга! Жегули— одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ для туриста, одна изъ характернѣйшихъ картинъ береговъ русской царственной красавицы. Бывшее разбойничье гнѣздо, царство Булавина и Заметаева, Разина и Шелудяка, этой грозы окрестностей, Жегули наводили неописуемый ужасъ на всѣхъ, кто долженъ былъ проплыть эту часть Волги. Здѣсь между непроходимыми лѣсами, темными оврагами, грозными

скалами, безконечнымъ небомъ и безбрежной водой сама природа свила страшное, неприступное хищническое гнѣздо»...

«Не такъ еще давно Жегули наводили ужасъ, и караваны судовъ съ трепетомъ пробирались этими мѣстами по широкой водной дорогѣ, среди обступившихъ дикихъ горъ. Слова «Сарынь на кичку», раздававшіяся съ берега, заставляли всѣхъ бросаться на полъ и лежать безъ движенья, пока подплывшіе разбойники очищали судно. Хозяева судовъ съ приближеніемъ къ Жегулямъ заискивали у рабочихъ, поили ихъ водкой и всячески ублажали. Довольно было малѣйшей жалобы одного изъ нихъ на хозяина разбойникамъ, чтобы онъ живой не выѣхалъ изъ Жегулей... Много предсмертныхъ стоновъ слышали эти берега, много труповъ поглотила здѣсь Волга, много мрачныхъ трагедій разыгралось здѣсь въ полумракѣ, бросаемомъ горами на рѣку, гдѣ вольно купается мѣсяцъ»...

«Жегули—это художественная слава Волги»,—говоритъ г. Демьяновъ. «Истинный волгарь преклоняется предъ Жегулями, какъ индусъ предъ Гималаями». На протяженіи всей Волги нѣтъ красивѣе и живописнѣе мѣстности, какъ Жегулевскія горы»...

Изъ мрака иногда выползаютъ скалистые, щетинистые силуэты горъ, которыя вверху сливаются съ чернымъ звѣзднымъ небомъ. Во мглѣ какъ-то особенно сильно ощущается таинственная мощь окружающаго насъ міра Волги. Это еще цѣлый дѣвственный дремучій лѣсъ жизни, могучей, дикой и загадочной, полной легендъ, разбойничьей удали, тайнъ раскола, чудесъ и сказочныхъ кладовъ.

Я и Дю-Фаръ далеко за полночь гуляемъ по галлереѣ.

— Насъ и наше общество,—говоритъ онъ,—обвиняютъ и въ легкомысліи, и легкости нравовъ. Эту дурную славу создала намъ наша бульварная литература и преобладающая адюльтерная тема беллетристики. Не судите насъ по ней. Французы гораздо нравственнѣе и гораздо выше ставятъ семейныя обязанности, чѣмъ это кажется. И буржуазія, и простой народъ одинаково свято чтятъ семью. Загляните въ деревню, присмотритесь къ жизни средняго класса; вездѣ вы замѣтите, что благо родины и семейные устои составляютъ главный идеалъ француза. Потомъ — мы гораздо проще, естественнѣе и скромнѣе у себя, чѣмъ вы думаете. Я скажу даже, что русское общество высшаго класса, пожалуй, превосходитъ насъ легкостью нравовъ. Что меня особенно поражаетъ у васъ— это не только широкій разгулъ при извѣстномъ laisser aller, но безумное мотанье денегъ и grands airs, это презрѣніе къ трудовой копѣйкѣ. Русскіе считаютъ насъ расточительными. А между тѣмъ французы чрезвычайно экономны и расчетливы; никто, какъ мы, не смотритъ на васъ съ удивленіемъ, когда вы сорите у насъ деньгами. Французъ не столько щедръ, сколько кажется такимъ вслѣдствіе умѣнья обдуманно и со смысломъ израсходовать каждый сантимъ. Ваши пурбуары, ваше «на тшай»—что-то невозможное... Съ тѣхъ поръ, какъ я у васъ, я постоянно недоумѣваю. Ѣдятъ у васъ въ дорогѣ страшно много и бросаютъ на ѣду массу денегъ; мы въ дорогѣ привыкли наскоро хватить что-нибудь и мчаться дальше;

ѣздятъ люди не для того, чтобы въ пути устраивать пиры Сарданапала; прислугѣ бросаютъ по рублю, по три, сдачи не считаютъ...

— У меня независимое состояніе, около милліона франковъ, до сорока тысячъ годового дохода, которыми я вполнѣ свободно располагаю, такъ какъ отецъ мой и мать умерли. У меня тамъ осталась только замужняя сестра... Больше — никого въ цѣломъ мірѣ. Но, повѣрите ли, я себѣ никогда не позволю ничего такого, что у васъ позволяетъ себѣ даже человѣкъ средняго класса, существующій жалованьемъ... Эта ширина русской натуры, безъ мысли о завтрашнемъ днѣ, не укладывается въ наши понятія...

— Наша молодежь,—продолжаетъ онъ немного спустя,—тоже не такова, какой вамъ кажется по нашимъ литературнымъ произведеніямъ. Она полна и вѣры, и жизненной силы; отрицательный типъ конца второй имперіи и семидесятыхъ годовъ вымираетъ; онъ выработался въ разлагающейся атмосферѣ упадка общества эпохи имперіи и отчасти послѣ погрома; это было почти физіологическое оскудѣніе жизненныхъ силъ, какъ послѣдствіе истощенія и сознанія своего безсилія. Наша молодежь теперь гораздо здоровѣе; она спокойно относится къ отрицательнымъ сторонамъ жизни и бодро смотритъ впередъ. Тѣ сомнѣнья, которыми проникнуты герои Зола, Мопассана, Марселя Прево или Поля Бурже, его Сиксты, Грелу и Клодъ Ларшэ—не составляютъ массовое явленіе въ нашей молодежи; это патологическіе типы, которые демонстрируютъ предъ нами только для того, чтобы мы, изучая ихъ, могли бороться съ зарожденіемъ ихъ въ самихъ себѣ. Мы не воспринимаемъ эти отрицательныя идеи съ такой болѣзненной отзывчивостью, какъ ваша молодежь идеи Достоевскаго или Толстого. Мы тоже задумываемся надъ ними, но мы слишкомъ срослись съ идеей долга и гражданственности, которая приковываетъ насъ къ общему дѣлу, отодвигая ихъ на второй планъ; французы слишкомъ давно живутъ культурной жизнью, слишкомъ хорошо помнятъ всѣ прошлыя сомнѣнія и заблужденія, для того чтобы не понимать, что притокъ новыхъ поколѣній интеллигенціи обновляетъ и жизнь, и настроеніе, и міросозерцаніе,—что уныніе это временно, а жизнь страны вѣчна. Не смотрите и на нашъ анархизмъ, какъ на органическую болѣзнь Франціи; это продуктъ соціальной аномаліи и горсти больныхъ; большинство нашей молодежи относится къ нему отрицательно...

Отсюда рѣчь переходитъ на русскую литературу. Оказывается, что Дю-Фаръ отлично знакомъ съ произведеніями Тургенева, Достоевскаго и Толстого.

— Насъ въ особенности захватываетъ глубина и своеобразное свойство духа вашихъ писателей, это ясновидѣніе, позволяющее художнику улавливать сущность, душу образа и выковывать ее въ безсмертную форму, это умѣнье играть на почти неуловимыхъ клавишахъ души человѣческой, которые сразу создаютъ художественный образъ. Но насъ всегда нѣсколько утомляютъ и охлаждаютъ ваши объективность и слишкомъ суровый, угрюмый анализъ. Мы не отрицаемъ правды въ искусствѣ, но мы хотимъ, чтобъ эта

правда была художественна, чтобъ она была смягчена изящной формой.

Я замѣчаю, что наша литература, какъ и вообще русская натура и русская жизнь, еще не отлились въ окончательную, цѣльную форму. Когда сѣверъ и югъ со всѣми ихъ контрастами перетасуются и нейтрализуются въ новомъ сочетаніи, литература и искусство достигнутъ у насъ могучаго расцвѣта. Анализъ анатома, разсчитанный съ точностью математика холоднымъ умомъ сѣверянина, пока угнетаетъ непосредственность вдохновенья, создающаго красоту въ искусствѣ, не нарушая правды. Югъ, съ его легендами и пылкой фантазіей, вдохнетъ новую жизнь въ литературу, которая, благодаря яркости красокъ и смѣлому полету мечты, обновитъ холодный фонъ литературы сѣвера. Эти два теченія и теперь уже замѣтны у насъ; но южанинъ еще робокъ, онъ сдерживаетъ свой полетъ, подлаживаясь подъ вкусъ сѣверянина, благодаря, можетъ быть, его господству въ области искусства...

— У насъ,—говоритъ Дю-Фаръ,—натурализмъ и реализмъ отживаютъ свой вѣкъ. Мы ищемъ новыхъ формъ, пока неудачно, но мы найдемъ ихъ. Реализмъ слишкомъ утомляетъ своей сѣрой жизненной правдой, слишкомъ приковываетъ къ землѣ духъ человѣческій, не позволяя ему оторваться отъ ея грязи, забыться отъ дѣйствительности въ мірѣ грезъ и фантазіи, унестись, возвыситься надъ самимъ собой, надъ недостатками своей природы, чтобы вѣрить въ возможность своего совершенствованія и, значитъ, чтобы стать выше и чище...

18-е августа.

Утро. Небо и земля, омытыя дождемъ, имѣютъ совсѣмъ свѣжій видъ. Легкій паръ вздымается съ Волги и низкихъ зеленыхъ береговъ. Вдали за нами синѣютъ жегулевскія пирамиды, впереди, на ровномъ лѣвомъ берегу, изъ бордюра зелени выростаетъ Самара съ надвигающимися на насъ группами пестрыхъ крышъ и домовъ, сверкающихъ яркими цвѣтами. Надъ городомъ господствуетъ стройная красная масса собора со множествомъ серебряныхъ куполовъ. Минуемъ дачи съ красивымъ ажурнымъ бѣлымъ кургаузомъ анаевскаго кумысолѣчебнаго заведенія и причаливаемъ. Пристань грязная, въ навозѣ, совсѣмъ—черный дворъ Самары. Пароходъ стоитъ всего полчаса. Отправляемся съ Дю-Фаромъ получить корреспонденцію. Большой городъ съ его стотысячнымъ населеніемъ разворачивается передъ нами широкими, прямыми, но грязными улицами. Едва успѣваемъ мелькомъ взглянуть на памятникъ Царю-Освободителю и мчимся на пароходъ, который сердито зоветъ насъ. Отъ Самары вѣетъ свѣжестью и молодостью еще растущаго организма. Жизнь кипитъ, чувствуется пульсъ большого торговаго центра, выросшаго быстро у сліянія такихъ жизненныхъ артерій, какъ Волга, оренбургская и великая сибирская дорога.

Пароходъ бѣжитъ дальше.

Глава XV.

За Самарой.—Александровскій мостъ.—Отсутствіе русскихъ туристовъ.—Мимо Сызрани.—Столица раскола.—Хвалынскъ.—Саратовъ.—Франко-нѣмецкій „инцидентъ".—На „Новосельскомъ".—Публика.—Барышня-туристка.—За завтракомъ.—Саратовскій „дезансамбль".—Легенда о камышинскомъ „инженерѣ".—Царство арбузовъ.

Опять убѣгаютъ отъ насъ берега, то расползаясь, то надвигаясь холмистой грядой. Степь сверкаетъ на солнцѣ золотистой соломой убранныхъ хлѣбовъ; ее точно подстригли подъ гребенку. Отсюда начинается волжская житница—безбрежное хлѣбное море. Высокіе неуклюжіе магазины и амбары, вытянувшись вдоль Самары цѣлой арміей, продолжаютъ появляться у станцій отдѣльными отрядами такъ же часто, какъ и нефтяные городки-цистерны. У амбаровъ—десятки баржъ, въ которыя льется пшеничный потокъ; буксирные пароходы то пыхтятъ подлѣ въ ожиданіи, то тащатъ караванъ нагруженныхъ судовъ къ одной изъ желѣзнодорожныхъ артерій, связывающихъ Волгу съ Чернымъ и Балтійскимъ морями.

Вдали надъ Волгой показывается черное кружево, перекинутое съ одного берега на другой. Это Александровскій мостъ, одно изъ техническихъ чудесъ нашего вѣка, гигантская желѣзная сѣть въ полторы версты, подхваченная четырнадцатью бѣлыми устоями. Онъ соединяетъ сызрано-вяземскую и самаро-златоустовскую желѣзную дорогу; каждый путь свыше тысячи верстъ. Говорю объ этомъ Дю-Фару, прибавляя, что златоустовская линія сливается съ безконечной сибирской дорогой.

Онъ какъ - то съеживается, пытаясь вообразить эти пространства.

Мостъ представляетъ величественное зрѣлище. Онъ высоко повисъ надъ Волгой. Издали невольно закрадывается сомнѣнье, какъ пройдетъ нашъ пароходъ. Но чѣмъ больше приближаемся мы, тѣмъ больше выростаютъ и раздвигаются его башни—устои; каждый пролетъ—длиной до 52 саженъ. И нашъ, и другіе пароходы, такъ важно пыхтѣвшіе вдали, теперь кажутся игрушками. Пожалуй, сквозь такіе пролеты можно протащить и колокольню Ивана-Великаго, и башню Сумбеки.

Обошелся онъ семь милліоновъ, половину того, что стоитъ храмъ Спасителя.

Душа опять переполнена восторгомъ предъ творческой мощью человѣка. Украдкой поглядываю на Дю-Фара. Онъ ловитъ мой взглядъ.

— Чего вы?

— Да вотъ вспоминаю, что вы, европейцы, все то медвѣдями, то казаками величаете насъ.

— Ахъ, мосье!—Жестъ протеста. Для большей выразительности, обѣ руки прикладываются къ груди. Онъ напоминаетъ мнѣ о франко-русскихъ празднествахъ. Ему пришлось принимать въ нихъ дѣятельное участіе.

— Мы сами не подозрѣвали, что это можетъ выйти такъ трогательно, величественно и задушевно. Бывали такія сцены, что плакать хотѣлось. Жажда братства и беззавѣтной любви создавала какой-то особенный токъ взаимнаго влеченья; имъ была насыщена вся атмосфера, въ которой плыла милліонная парижская толпа. Кто разъ видалъ это, тотъ никогда не пожелаетъ вражды народовъ...

Рѣчь снова переходитъ на русскія «пространства». Дю-Фаръ и удивляется, и недоумѣваетъ. До сихъ поръ онъ почти не встрѣчалъ русскихъ туристовъ. Я говорю, что тоже не имѣлъ этого счастья.

— Chez nous, en France, vы не найдете человѣка, который не исколесилъ бы свою родину вдоль и поперекъ. Наши круговыя поѣздки даютъ возможность почти за бездѣлицу объѣздить всю страну. Я чуть ли не мальчуганомъ заглянулъ въ каждый интересный уголокъ Франціи, въ прошломъ году побывалъ въ Алжирѣ... Прожить, не зная своей родины, не видавъ ее,—это что-то ужасное.

Еще бы! Вамъ то хорошо, коли вся ваша patrie составляетъ какую-нибудь пятидесятую часть Россіи. А попробуйте-ка у насъ, гдѣ можно набросать маршруты въ двадцать-тридцать тысячъ верстъ.

Французъ не унимается.

— Все-таки можно было бы хоть что-нибудь посмотрѣть. Правда, это дорого, но вѣдь у васъ не щадятъ денегъ. Я видалъ, какъ проигрываютъ въ карты, не сморгнувъ, по тысячѣ рублей и больше. Par exemple—le prince Libatcheff, un trés-riche propriétaire. И представьте себѣ—только и знаетъ, что Москву и Петербургъ. А за границей вездѣ побывалъ. У насъ, говоритъ, и интереснаго ничего нѣтъ, и неудобно путешествовать. Nom de Dieu! Но ваши дороги удобнѣе нашихъ, а волжскіе пароходы—полный комфортъ. И, главное, даже качки не бываетъ...

Онъ смѣется, вспомнивъ что-то.

— Представьте себѣ, когда я спросилъ одну вашу даму, почему она не ѣздитъ по Волгѣ, она отвѣтила, что боится качки. Это на Волгѣ-то!

— Въ устьѣ, за Астраханью, бываетъ все-таки качка, особенно весной.

— Ахъ, но вѣдь тамъ море!.. И потомъ, посмотрите, любоваться этимъ просторомъ, дышать этимъ воздухомъ—чего ужъ это одно стоитъ.

Воздухъ, дѣйствительно, чудный, чистый, прозрачный, бодрящій; онъ и освѣжаетъ, и повышаетъ настроеніе. У меня почти волчій аппетитъ. Это всегда испытываютъ путешествующіе по Волгѣ. За завтракомъ, кромѣ порціи икры и стерляди, я съѣдаю еще бифштексъ. Дю-Фаръ слѣдитъ за мной съ ужасомъ, полнымъ комизма; черные живые глаза глядятъ весело и задорно; но въ концѣ-концовъ онъ слѣдуетъ моему примѣру, замѣтивъ тономъ оправданья:

— Въ самомъ дѣлѣ, этотъ воздухъ какъ-то особенно дѣйствуетъ на аппетитъ. Вы замѣтили—капитанъ уже третій разъ ѣстъ. Quel brave cosaque!

Капитанъ дѣйствительно выглядитъ казакомъ. Высокій, румяный блондинъ, съ добродушнымъ лицомъ; тѣлосложеніе геркулеса. Угадывается дѣвственная волжская натура. Дю-Фаръ выражаетъ ему свои симпатіи по-русски. Лицо капитана расплывается въ широкую улыбку. Они пытаются понять другъ друга.

Александровскій мостъ уже далеко за нами; онъ кажется черной ниткой.

Пароходъ останавливается у Сызрани, одной изъ главныхъ хлѣбныхъ пристаней Волги. Городъ на правомъ берегу, но его почти не видать. Сызрань и теперь уже соперничаетъ со своимъ губернскимъ начальникомъ, Симбирскомъ, но скоро обгонитъ его. Симбирскъ—просто дворянскій сынокъ безъ особой протекціи, Сызрани протежируетъ волжскій хлѣбный тузъ—и онъ «сдѣлаетъ» ея карьеру. Съ желѣзной дорогой Симбирскъ уже обошли, къ Сызрани, напротивъ, притянули сибирскій путь. Не даромъ Сызрань считается столицей «мартышекъ», особаго типа коммерческихъ плутовъ Поволжья.

Уже ниже Самары, гдѣ Волга заворачиваетъ къ западу, береговая панорама становится скучной. За Сызранью рѣка ползетъ то къ югу, то къ западу. Лѣвый берегъ—песчаныя отмели, правый—сѣрые и бурые, обожженные солнцемъ, холмы. Волга еще шире...

Послѣ завтрака кейфуемъ на галлереѣ. Знакомлюсь съ поволжской печатью; цѣлый ворохъ газетъ. И въ нихъ, какъ и въ приволжскихъ городахъ, чувствуется трепетъ и пробужденіе новой жизни. Будто нарочно—въ каждомъ изъ крупныхъ волжскихъ центровъ, начиная Нижнимъ, кончая Астраханью, по двѣ газеты; и, кажется, подписная цѣна на близнецовъ вездѣ одинаковая.

Дю-Фаръ пробѣгаетъ газеты. Ему попадается въ «Казанскомъ Телеграфѣ» корреспонденція изъ Хвалынска.

— Это мы тамъ сейчасъ будемъ? Раскольники — que ça veut dire?

Объясняю и читаю корреспонденцію. «Раскольники въ Хвалынскѣ даютъ тонъ православному населенію. Живутъ они тихо, мирно; но передъ Пасхой у нихъ произошелъ такой случай: у бѣглопоповцевъ убѣжалъ «исправитель требъ» на страстной недѣлѣ. Праздникъ на дворѣ, а «батька» бѣжалъ со двора. Избрали комиссію. Начали посылать по глухимъ мѣстамъ Хвалынскаго уѣзда разыскивать попа. Къ свѣчному ящику поставили тетку Акулину, а свѣчного старосту заставили «обѣдню совершать». Въ настоящее время бѣглопоповскихъ поповъ есть довольно. Одинъ изъ нихъ у купца К—на дворникомъ служитъ».

Дю-Фаръ недоумѣваетъ, потомъ достаетъ записную книжку.

Хвалынскъ—центръ поволжскаго раскола, раскинувшагося отъ Сызрани вплоть до Астрахани. Диктую названія раскольничьихъ толковъ:

— Аввакумовщина, вѣтковское согласіе, діаконовщина, епифановщина, суслово согласіе, чернобольцы, акулиновщина, аристовщина, артамоновщина, онисимовщина, осиповщина, адамантово, даниловщина, самокрещенцы, нѣтовщина, стефановщина, странники, титловщина, филипповщина, численники, чувственники, федосіевщина, духоборцы, молоканы, субботники, штундисты, хлысты, скопцы, скакуны, наполеоновщина...

Дю-Фаръ смотритъ съ недовѣріемъ

— Voyons, monsieur! Vous plaisantez. C'est du propre, ça!

Объясняю нѣкоторыя черты ученій и обрядности разныхъ толковъ.

— Mais c'est du tartare, ça!—восклицаетъ онъ изумленно и, минуту спустя, заявляетъ рѣшительно, что непремѣнно заглянетъ въ Хвалынскъ.

— Попробуйте-ка, говорю. Цѣликомъ не вернетесь во Францію. Онъ съ сомнѣніемъ поглядываетъ на меня.

— И это здѣсь, здѣсь, рядомъ съ этимъ мостомъ!

— Чего здѣсь? У васъ во Франціи рядомъ съ Сорбонной, академіей и сорока безсмертными уживаются вѣдь символисты, декаденты и Саръ-Пелладаны съ «черной мессой» и всякой чертовщиной.

— Что же дѣлаетъ ваше правительство?

— Все дѣлаетъ, что можно. И законы, и ссылка для нѣкоторыхъ сектъ, и каторга... Но таково свойство человѣческой натуры: когда ему втемяшится въ голову, что онъ, уродуя себя, скорѣе поймаетъ журавля въ небѣ, такъ онъ и синичку изъ рукъ готовъ выпустить. Образованіе, просвѣщеніе — вотъ главное орудіе для борьбы съ этимъ мракомъ...

Пристаемъ къ Хвалынску.

Опять цѣлые ряды неуклюжихъ хлѣбныхъ амбаровъ, кажущихся, при надвигающейся вечерней тѣни, черными на фонѣ мѣловыхъ горъ. Настроеніе ли, рѣзкій ли переходъ послѣ живописныхъ береговъ, но и городъ съ его церквами, и пристань, и толпа на ней носятъ какой то угрюмый отпечатокъ. На лицахъ что-то строгое, сухое, даже жесткое; въ движеніяхъ спокойная сосредоточенность; въ глазахъ свѣтится чуждый, загадочный духовный міръ, полный тайны.

Дю-Фаръ срывается и заявляетъ капитану:

— Eh bien, je vais voir votre Akoulina.

Я перевожу. Капитанъ смѣется.

— Они, вѣрно, хотятъ познакомиться съ печатью большой и малой звѣзды,—шутитъ онъ, напирая на о, по-волжски.

Опять перевожу. Дю-Фаръ хохочетъ.

— Oh, non, jamais! Chez nous, en France, нэльза. У насъ,—объясняетъ онъ капитану,—за дѣти награда.

За Хвалынскомъ опять вырастаютъ горы, потомъ снова исчезаютъ, сливаясь съ окутавшей землю мглой.

Мы въ столовой. Я играю, Дю-Фаръ напѣваетъ то отрывки изъ оперъ Массенэ, то баркароллу Чайковскаго, то Вагнера; потомъ

мы вмѣстѣ поемъ Марсельезу. Дю-Фаръ непремѣнно требуетъ русскій гимнъ, который и исполняетъ подъ аккомпаниментъ.

Въ концѣ концовъ онъ заявляетъ, что завтра мы обязательно должны пересѣсть въ Саратовѣ на «Кавказъ и Меркурій». Въ доказательство вытаскивается Бедекеръ, гдѣ на такой-то страницѣ говорится, что пароходы этого общества предпочитаются избранной публикой.

Срывается вихрь. Пароходъ дрожитъ.

Мнѣ рисуется переѣздъ по Каспійскому морю, и я предлагаю моему спутнику измѣнить маршрутъ: изъ Царицына повернуть на Калачъ, оттуда по Дону до Ростова и затѣмъ на Владикавказъ. Онъ и слышать не хочетъ. Я изображаю мрачными красками перспективу морской болѣзни, всякія опасности плаванья по морю— ничего не помогаетъ.

Прямой, почти квадратный упрямый лобъ бретонца морщится. Вся его энергичная фигура дышетъ этимъ упорствомъ.

— Eh bien, moi, je suis à deux milles lieues de ma patrie, je ne connais pas assez votre langue, je suis tout seul—et je n'ai pas peur...

Сдаюсь.

19-е августа.

Ночью мы прошли мимо Вольска, большого уѣзднаго города, тоже хлѣбной пристани и тоже гнѣзда раскола. Какъ и въ Хвалынскѣ, здѣсь большинство горожанъ — раскольники. Они орудуютъ и общественной, и коммерческой, и муниципальной жизнью.

Утромъ, огибая группу островковъ, причаливаемъ къ Баронску или Екатеринштадту. Пошли уже нѣмецкія колоніи. Онѣ раскинулись по Самарской и преимущественно Саратовской губерніи вдоль Волги. Нѣмцевъ-колонистовъ свыше полутораста тысячъ. Они поселились здѣсь въ прошломъ вѣкѣ, перенеся съ собой и нѣмецкую культуру, и строй жизни родного фатерлянда, и свое гернгутерское братство, и нѣмецко-швейцарскія названія. У волжскихъ береговъ, съ ихъ бурлацкой жизнью и русской ширью, выросли вдругъ чистенькіе, гладенькіе, вытянутые въ линію, съ готическими башенками кирхъ, разные Унтервальдены, Базели, Цюрихи, Цуги, Люцерны, Сузентали и Шафгаузены. Цѣлый вѣкъ нѣмцы жили сплоченной, религіозной, необыкновенно трудолюбивой и дѣятельной общиной. Теперь, какъ говорятъ, прежняя замкнутость и обособленность исчезла, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и прежнее трудолюбіе и аккуратность. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ строгій режимъ жизни нарушенъ, колонисты распились. Многіе, нажившись, уѣзжаютъ на родину.

Вдали снова вырастаютъ горы, и у подножія ихъ, надъ Волгой, бѣлѣетъ Саратовъ. Горы, угрюмыя и каменистыя, будто надвинулись на городъ, мѣшая ему развернуться. Это придаетъ виду его что-то неуютное. Обнаженные, выжженные солнцемъ склоны горъ и холмистые, песчаные берега. Одна изъ горъ,

Соколова, нѣсколько разъ оползала, вызывая страшныя катастрофы.

По одному путеводителю въ Саратовѣ 165, по другому—123 тысячи жителей. Очевидно, волжская статистика основывается преимущественно на теоріи «вѣроятности» и «приблизительности». По одному—онъ именуется волжской столицей, по другому — волжскимъ красавцемъ, центромъ Поволжья, наряднымъ и благоустроеннымъ городомъ.

Нашъ пароходъ начинаетъ выдѣлывать какія-то совершенно непонятныя эволюціи. Онъ осторожно пробѣгаетъ внизъ мимо островов, мелей и длинной песчаной косы, потомъ опять направляется вверхъ и медленно пробирается между косой и лѣвымъ берегомъ. Мы въ недоумѣніи. Саратовъ то остается позади насъ, то снова разворачивается на буромъ фонѣ горъ панорамой пестрыхъ громадъ, съ краснымъ старымъ соборомъ, высокой колокольней Александро-Невскаго собора, двумя красными готическими башнями католической церкви, стройной башней лютеранской и еще нѣсколькими церквами. Городъ имѣетъ скученный и запыленный видъ степныхъ южныхъ городовъ; недостатокъ зелени и опаленныя солнцемъ горы придаютъ ему какой-то сухой и безжизненный колоритъ.

Цѣлый часъ насъ тормошатъ мимо Саратова. Волга, какъ говорятъ, выкинула саратовцамъ штуку: она отодвинула свое русло версты на двѣ въ сторону, и городъ остался при заливѣ, образовавшемся между берегомъ и косой.

Наконецъ «Гоголь» таки добирается до своей конторки, миновавъ наливныя нефтяныя станціи, лагерь нефтяныхъ цистернъ и массу баржъ, на которыхъ здоровенные крючники и батраки разгружаютъ мѣшки съ хлѣбомъ.

Берегъ обрывистый, грязный, песчаный. Деревянныя лачуги, будки, лавчонки и конторки облѣпили его сѣрыми кубиками. Опять груды кулей, пирамиды мѣшковъ подъ брезентомъ, ряды бочекъ.

Саратовъ—центръ хлѣбной торговли для всей приволжской черноземной полосы. Историческихъ достопримѣчательностей почти никакихъ. Выдающіяся событія — нашествіе Пугачева да грабежи Разина. Городъ гордится своимъ Радищевскимъ музеемъ, въ которомъ до четырехъ тысячъ предметовъ, богатый отдѣлъ нумизматики, коллекціи старинныхъ вещей и оружія, «тургеневскій кабинетъ» и смѣшанная картинная галлерея русской школы и иностранныхъ мастеровъ.

Я и Дю-Фаръ перебираемся въ конторку «Кавказа и Меркурія». У пристани вытянулся большой пароходъ «Новосельскій». На берегу масса нищихъ. Они бросаются къ нашему багажу и отвоевываютъ его у матросовъ.

Спѣшимъ. Сдаемъ багажъ, беремъ билетъ и ѣдемъ осматривать городъ. Обыкновенно въ Саратовѣ пароходы останавливаются часа на четыре. Но мы запоздали. «Новосельскій» отходитъ черезъ два часа. А тутъ на бѣду Дю-Фару понадобилось размѣнять золото; русскія деньги у него почти совсѣмъ вышли.

Торопимъ извозчика. Дрожки встряхиваетъ порядкомъ. Выѣзжаемъ на какой-то холмъ, минуемъ какую-то церковь, и мы на театральной площади съ большимъ зданіемъ театра и Радищевскимъ музеемъ. Здѣсь центръ города. Ничего «столичнаго» и «блестящаго» нѣтъ. Въ общемъ, Саратовъ, какъ и почти всѣ приволжскіе города, имѣетъ видъ молодого, еще формирующагося организма. И тутъ, и въ Самарѣ, и въ Нижнемъ — одинаково вѣетъ пробудившейся и вдругъ закипѣвшей жизнью. Дуновеніе культуры хлынуло сразу цѣлымъ потокомъ; но города еще не успѣли вполнѣ примѣниться къ ней и приспособиться. Масса новыхъ зданій, много начатыхъ построекъ, вытѣсняющихъ старыя поколѣнія приземистыхъ домовъ и лачужекъ. Асфальтовые тротуары, гранитная мостовая, а въ двухъ шагахъ—пустыри, грязныя, немощеныя улицы и навозъ; электричество или газъ въ центрѣ, полный мракъ на окраинахъ. Но работа кипитъ, города растутъ быстро. Еще десять-двадцать лѣтъ — и эти волжскіе гиганты заживутъ совсѣмъ европейской жизнью.

Ѣдемъ въ банкъ. Я—въ роли переводчика. Дю-Фаръ вынимаетъ мѣшечекъ съ золотомъ. Оказывается—не мѣняютъ.

— Какъ? французское золото?—протестуетъ онъ тономъ, въ которомъ слышится обида. Видимо, это задѣло его за живое.

Въ другомъ банкѣ—та же исторія. До отхода парохода остается полтора часа.

— Возьмите у меня, предлагаю. Въ Тифлисѣ размѣняете—разочтемся. Сколько вамъ надо?

— Сто рублей. На пятнадцать наполеоновъ. Вынимаю деньги. Не беретъ: занимать не хочетъ.

— Такъ вы мнѣ дайте ваше золото. Я подержу его до Тифлиса, а вы подержите у себя мои деньги.

И на эту комбинацію онъ не согласенъ.

— Чего вы хотите, наконецъ?

— Размѣняйте мнѣ ихъ.

На это я не соглашаюсь.

Ѣдемъ еще въ одинъ банкъ. Тоже не мѣняютъ, но направляютъ въ магазинъ Норблина и Буха. Приказчики, должно быть, изъ саратовскихъ нѣмцевъ. Присматриваются, принюхиваются, взвѣшиваютъ наполеоны—и предлагаютъ по тридцати копѣекъ за франкъ, когда курсъ по тридцати семи. Это значитъ, что на размѣнѣ трехсотъ франковъ хотятъ заработать двадцать одинъ рубль. Дю-Фаръ опять протестуетъ. Онъ говоритъ по-нѣмецки но предпочитаетъ объясняться по-русски:

— Французское золото! Но мосье! Въ Лёндръ, Берлэнъ, Ромъ, Эспань, Амэрикъ—парту французское золото не мѣняетъ sa valeur...

Все это, однако, нисколько не трогаетъ нѣмцевъ.

Я тоже начинаю возмущаться.

— Помилуйте, возражаютъ они. Здѣсь мы не размѣняемъ. Ихъ придется отправить для размѣна въ Петербургъ. Сколько времени...

Дю-Фаръ негодуетъ, но въ концѣ концовъ сдается нѣмцу.

— Eh bien, au reste—ça m'est bien égal... Берьити... Allons.

Онъ подаетъ имъ наполеоны. У приказчиковъ на лицѣ скрытое удовольствіе. Мнѣ ужасно хочется вдругъ испортить его. Я протягиваю руку и удерживаю Дю-Фара.

— Пардонъ, мосье. Вы рѣшили окончательно продать по тридцати копѣекъ франкъ?

— Но вы видите...

— Хорошо. Я у васъ покупаю ихъ. Потрудитесь получить.

— Avec plaisir.

Дю-Фаръ отдаетъ мнѣ наполеоны, я ему — деньги. Нѣмцы глядятъ оторопѣло, видимо подозрѣвая какую-то мистификацію.

Мгновенье — общее молчанье и замѣшательство. Мы любезно раскланиваемся и уходимъ. Нѣмцы совсѣмъ смущены.

На улицѣ даемъ волю смѣху.

— А все-таки, говорю, у нѣмцевъ изъ-подъ носа ушло французское золото.

Дю-Фаръ отъ души хохочетъ.

— Ah, les fichus choucroûtes!

Смотрю на часы; до отхода парохода остается часъ. А Радищевскій музей? Обрушиваюсь на Дю-Фара. Онъ кипитъ. Я—тоже, отпуская по его адресу шпильки. Дѣлать нечего. Ѣдемъ къ пристани, продолжая ворчать.

Воздухъ то и дѣло прорѣзываютъ гудки пароходовъ. Откуда-то издалека доносится свистокъ, должно быть — съ поѣзда рязанско-уральской дороги.

Саратовъ мелькаетъ мимо широкими улицами и шпалерами домовъ. На «меркуріевскихъ» пароходахъ гудки съ двойнымъ тономъ. Одновременно и ревъ гудка, и свистъ паровоза.

Въ конторкѣ давка. Проталкиваемся на палубу. Всѣ каюты заняты. Нашъ багажъ снесли въ общую. Тамъ всего одинъ пассажиръ, раздѣтый больной генералъ. Чахоточное, восковое, бритое лицо, мутно-изнеможенный взглядъ, руки скелета. Лѣчился кумысомъ въ Самарѣ, ѣдетъ на Узунъ-Ада, въ Самаркандъ или Ташкентъ. До Астрахани еще двое сутокъ. Не особенно пріятная перспектива пробыть съ больнымъ, да еще чахоточнымъ. Идемъ къ капитану. По пароходнымъ правиламъ, больные не допускаются въ каютъ-компанію. Ничего не помогаетъ. Обратитесь, говоритъ, къ агенту. Заявляемъ агенту. Просите, говоритъ, капитана. Онъ, можетъ быть, переведетъ генерала въ каюту. Капитанъ опять увѣряетъ, что это не его дѣло. Вспоминаю, что знакомые снабдили меня въ Казани рекомендательной карточкой. Терпѣть не могу прибѣгать къ такимъ «вспомогательнымъ» аргументамъ, но дѣлать нечего. Карточка производитъ дѣйствіе гоголевскаго полицеймейстера. Чрезъ три минуты наши вещи въ особой каютѣ. Оказывается, что генералъ ѣдетъ вмѣстѣ съ дочерью. Онъ занималъ двѣ каюты, но просилъ оставить его въ общей, такъ какъ тамъ больше воздуха.

Устраиваемся и осматриваемъ новую гостиницу, въ которой пробудемъ два дня. Типъ парохода—общій съ самолетскими. Первый классъ надъ палубой; тѣ же номера, каютъ-компанія и полу-

круглая гостиная. Бархатная мебель, ковры, пьянино. Витая лѣстница ведетъ наверхъ. Тамъ—столовая; большой обѣденный столъ человѣкъ на тридцать. Въ верхнемъ этажѣ и второй классъ, такое же просторное помѣщеніе, со столовой. Галлерея вокругъ всего парохода.

Пассажировъ очень много. Въ сосѣдней съ нашей каютой—веселые женскіе голоса. Оттуда выглядываютъ двѣ барышни и дама. Это, къ нашему удивленію, русскія туристки. Ѣдутъ изъ Петербурга и тоже на Кавказъ круговымъ маршрутомъ. Дама, должно быть, компаньонка или гувернантка; меньшая изъ барышенъ, блондинка, кажется, ея родственница; старшая, тоже блондинка, составляетъ центральную фигуру; двѣ ея спутницы будто стушевываются предъ ней. Вся она какая-то легонькая, воздушная, съ перехваченной въ рюмочку молодой, гибкой таліей. Свѣтло-коричневая ткань нѣжно обнимаетъ ея изящную фигурку; на головѣ кокетливо наброшенный свѣтлый персидскій въ яркихъ полосахъ платокъ. Совсѣмъ бѣлое, нѣсколько птичье личико, зеленовато-голубые глаза и темно-русое облачко волосъ—выдаютъ сѣверянку. Во взглядѣ—что-то задумчиво-мечтательное. Угадывается натура, склонная къ фантазіи не мирящаяся съ обыденной обстановкой жизни. Въ голосѣ, жестахъ и поступи—масса граціи и женственности.

Нѣсколько мгновеній мы съ Дю-Фаромъ молча, но многозначительно переглядываемся. Онъ торжествуетъ.

— А что, не говорилъ я вамъ, что общество здѣсь интереснѣе? Вы видите—Бедекеръ опять правъ.

Петербургская барышня производитъ на насъ обоихъ очень сильное впечатлѣніе. Мы сразу рѣшаемъ, что въ ней есть что-то напоминающее «тихую и чистую мечту». Барышня такъ и получаетъ у насъ имя «Мечты». Въ другой каютѣ парочка молодоженовъ, тоже изъ Петербурга: онъ—департаментскій чиновникъ, выше средняго роста, въ чесунчѣ и форменной фуражкѣ, съ офиціальнымъ и сдержаннымъ выраженіемъ на сухощавомъ лицѣ; сквозь эту сдержанность проглядываетъ какъ будто навѣянный волжскимъ просторомъ порывъ выскочить изъ своей накрахмаленной офиціальности. Она—молоденькая брюнетка, съ нѣсколько утомленнымъ, невыспавшимся и какъ будто недоумѣвающимъ видомъ: не то смущается новой обстановкой жизни, не то озадачена сею. Рядомъ, въ слѣдующей каютѣ, дочь больного генерала, тоже молодая брюнетка, съ грустнымъ, симпатичнымъ и встревоженнымъ лицомъ. Въ душу невольно закрадывается тоска: рисуется переѣздъ этого несчастнаго больного по морю до Узунъ-Ада, а тамъ еще почти полторы тысячи верстъ по закаспійской дорогѣ. И она одна, совсѣмъ одна съ этимъ умирающимъ...

Къ завтраку въ столовой собирается почти вся компанія. Душно. Отчаливаемъ. Въ окна виденъ убѣгающій Саратовъ и угрюмыя горы. Нѣсколько верстъ еще вдоль праваго берега выступаютъ изъ зелени дачи, а потомъ снова разворачивается то волнистыми полями, то гладкими нивами голая желто-бурая степь; лѣвый берегъ—безконечная и такая же буроватая равнина.

Подлѣ меня сидитъ группа саратовцевъ, два помѣщика и пожилой, раскисшій, будто развинтившійся земецъ, съ длинными сѣдыми волосами и разочарованнымъ лицомъ художника-неудачника. Онъ ѣстъ очень много, пьетъ еще больше и, грызя косточки цыпленка, изрѣдка и неохотно отрывается отъ этого занятія, чтобы пробурчать едва внятный отвѣтъ. Разговоры на сельско-хозяйственныя и земскія темы, въ угнетенномъ тонѣ кризиса. Жена его полная, пожилая, но еще молодящаяся брюнетка; напоминаетъ актрису на амплуа комическихъ грандъ-дамъ; говоритъ разслабленно-аристократическимъ голосомъ и томно поводитъ глазами. Видимо, старается обратить на себя вниманіе. Ѣстъ тоже много и нѣсколько разъ обращается къ «Мишелю», прося заказать ей еще что-то.

— Да, да, ужасныя у насъ дѣла теперь съ этимъ кризисомъ, — говоритъ она. Полное оскудѣніе, какъ сказалъ нашъ Терпигоревъ. Но нигдѣ это не замѣтно такъ, какъ въ нашемъ уѣздѣ. Представьте, на весь уѣздъ у насъ всего четыре дворянина—и тѣ перессорились. Словомъ, ужасный дезансамбль.

Мужъ ея какъ-то досадливо поводитъ плечами и опять, промычавъ что-то, принимается за ножку цыпленка.

Дама не унимается, продолжая на ту же тему и еще нѣсколько разъ повторяя очевидно любимое ею словечко «дезансамбль».

Компанія обѣдающихъ наблюдаетъ не безъ любопытства эту парочку. Она служитъ своего рода «le distrait du magasin». Общій тонъ культурности нарушаетъ какой-то рыжеватый, неряшливаго вида старикъ, тоже ушедшій въ ѣду. Онъ закладываетъ въ ротъ ножъ по самую рукоятку, не то сопитъ, не то прихрюкиваетъ и, въ довершеніе всего, чиститъ салфеткой зубы. Барыни брезгливо гримасничаютъ.

Дю-Фару удается заговорить съ «Мечтой». Послѣ завтрака онъ уже гуляетъ съ ней и ея спутницами, весело балагуря о чемъ-то.

За Ровнымъ и равнина, и берега, и села становятся сѣрыми, пыльными и томительно-монотонными; Волга, тоже сѣрая, начинаетъ сердито морщиться. Изрѣдка правый берегъ выростаетъ то желтой стѣной, похожей на губку отъ массы дыръ съ гнѣздами ласточекъ и стрижей, то надвигается отвѣсной грядой мѣловыхъ, почти совсѣмъ бѣлыхъ уступовъ. Слѣва—низкая, безбрежная степь съ волнующимся ковылемъ и молочаемъ.

«Гоголь» обгоняетъ насъ. Капитанъ, стоя на площадкѣ, кланяется мнѣ и Дю-Фару. «Новосельскій» не хочетъ отстать и мчится на всѣхъ парахъ. Часъ оба парохода бѣгутъ почти рядомъ.

На Волгу спускаются сумерки, придавая ей и унылымъ берегамъ меланхолическій видъ. Подъ Камышинымъ срывается буря. Пароходъ трещитъ, дрожитъ, скрипитъ и, кажется, вотъ-вотъ разсыпется—какъ старая карета. Загорается электричество. Въ уютной гостиной собирается компанія. Дю-Фаръ по уши погрузился во флиртъ. «Мечта» наигрываетъ мендельсоновское «Lieder ohne Worte». Вся ея воздушная фигурка полна самозабвенья.

А вѣтеръ все крѣпчаетъ, будто порываясь опрокинуть пароходъ.

Изрѣдка въ его потокахъ разносится тревожный, испуганный крикъ гудка.

Одиннадцатый часъ. Во мглѣ загораются надъ рѣкой красные, зеленые и синіе огоньки, отражаясь пестрыми, мигающими полосками въ водѣ.

Подходимъ къ Камышину, столицѣ баштаннаго царства, арбузовъ и дынь. На баржахъ, на пристани и на пароходахъ ихъ буквально цѣлыя горы. Города не видно; да онъ ничего особеннаго изъ себя и не представляетъ. Когда-то здѣсь Петръ Великій мечталъ соединить Волгу каналомъ съ Дономъ. Эта грандіозная работа была поручена какому-то начальнику, вродѣ инженера, который проворовался и загубилъ много солдатъ, назначенныхъ для работъ. Когда дѣло дошло до отчета, «инженеръ», съ отчаянья, велѣлъ запречь тройку (въ одномъ изъ путеводителей говорится даже, будто въ коляску), помчалъ ее къ обрыву и вмѣстѣ съ конями и возкомъ (кибиткой, «экипажемъ» или «коляской?») исчезъ въ волнахъ Волги. Совсѣмъ по-волжски. Таковъ былъ первый кукуевскій дебютъ русскаго «инженера» на поприщѣ отечественной канализаціи сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Говорятъ—съ той поры въ Камышинѣ и пошли расти такіе большіе и будто надутые арбузы.

Глава XVI.

Царицынъ.—Столпотвореніе вавилонское.—Гернгутеры, магометане, православные, сектанты, евреи и буддисты плывутъ по русской рѣкѣ на твореніи Фультона.—Монологъ малоросса.—Сарептскій бальзамъ, какъ антихолерное средство.—Волга и степь.—Черный яръ.—Дубинка Петра Великаго.—Мысли, навѣянныя Волгой, и великій геній земли русской.—Волжская дельта.—Видъ Астрахани.—На пристани.—Толпа востока.

20-е августа.

Всю ночь свирѣпствовалъ вѣтеръ, сливаясь съ плескомъ и шипѣньемъ рѣки. Гудокъ ревѣлъ почти безпрерывно, будя тревогу: такъ и казалось, что пароходъ въ непроницаемомъ мракѣ врѣжется въ бѣгущія навстрѣчу суда.

Къ утру вѣтеръ вдругъ стихъ. И природа, и Волга будто замерли въ изнеможеніи. Ярко-синее небо необыкновенно покойно. Солнце красноватымъ золотымъ шаромъ выкатилось и застыло надъ безбрежной желтой степью.

Пароходъ заворачиваетъ къ царицынской пристани. Почти отвѣсные глинистые берега запружены конторками, баржами съ лѣсомъ мачтъ и пароходами. Вдоль набережной разбросаны то хорошенькіе европейскіе домики, то лачуги, совсѣмъ грязныя и покосившіяся.

Здѣсь Волга связана съ Дономъ желѣзной дорогой, здѣсь же начинается и грязе-царицынская линія. Рыбная и хлѣбная торговля все больше поднимаютъ значеніе города. Онъ растетъ быстро. Еще

десятокъ-другой лѣтъ—и сорокатысячное населеніе его удвоится, и онъ станетъ однимъ изъ главныхъ коммерческихъ узловъ Поволжья.

На пристани сутолока, гамъ и говоръ на нѣсколькихъ языкахъ. Торговки продаютъ, выкрикивая, какіе-то вязаные шали и платки; армяне и греки—ковры, губки и туфли.

Оправляемся съ Дю-Фаромъ въ городъ. Къ каждой пароходной пристани проведены деревянныя лѣстницы; нѣсколько площадокъ и сотня ступеней; на площадкахъ—лотки торговцевъ; опять ковры, фрукты, хлѣбъ, рыба.

Городъ безпорядочно расползся среди пустырей неправильно разбитыми улицами. Какая-то смѣсь Азіи и Европы; видъ захолустно-неряшливый. Грязныя улицы въ навозѣ и коркахъ арбузовъ; ноги вязнутъ въ пескѣ. И вдоль такихъ улицъ въ центрѣ возвышаются двухъ- и трехъэтажные изящные, нарядные дома съ громадными, совсѣмъ европейскими магазинами; точно элегантная барыня, очутившаяся на скотномъ дворѣ.

Базаръ съ деревянными бараками и лавками, скучившимися на грязной площади, совсѣмъ напоминаетъ базаръ любого уѣзднаго бѣлорусскаго города; такъ и кажется, что перенесся за тысячи верстъ, въ какой-нибудь Рогачевъ или Оршу. Торгуютъ армяне и русскіе; что ни армянинъ—то типъ; все пучеглазые, черные, носатые, хотя и съ довольно добродушными лицами. Горы овощей и фруктовъ; телѣги нагружены арбузами и дынями; они же сложены пирамидами вдоль рядовъ; дальше — и капуста, и зеленый перецъ, и синіе баклажаны, и красные помидоры; а рядомъ виноградъ, персики, шаптала, груши... Глаза такъ и разбѣгаются.

Заходимъ въ рыбныя лавки. Хотя теперь и не сезонъ, но рыбы масса. Тутъ же распластываются доставленные изъ садковъ осетры и выбираются икряные мѣшки. Икра разсыпается—что жемчугъ. Въ резервуарѣ стадо живыхъ стерлядей. Бѣлая, какъ сало, туша бѣлуги въ нѣсколько пудовъ лежитъ на выставкѣ; длинные филеи балыковъ висятъ вдоль стѣнъ; изъ нихъ еще сочится янтарный жиръ; головизна — ни по чемъ, сельди — тоже. Покупаемъ фунтъ зернистой, только-что очищенной, икры. Стоитъ рубль.

За городомъ, къ западу, вокзалъ. Тамъ только и есть небольшой садъ. Весь городъ имѣетъ совсѣмъ облысѣвшій видъ: ни деревца. Нечѣмъ поливать,—нѣтъ водопровода.

Подлѣ вокзала кладбище, старинное, съ разрушенной и заросшей канавой. Овцы, свиньи и ослы пасутся на немъ. Дальше—голая, бурая, выжженная и растрескавшаяся степь до самаго горизонта. Изрѣдка только попадается зеленый бурьянъ, да гдѣ-нибудь кустятся калачики.

На площади, рядомъ съ прекрасными магазинами, собралась группа татаръ. Нѣсколько бурыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ домашнимъ хламомъ и коврами, переминаются, покачивая своими овечьими головами съ отвисшими губами. Подлѣ нихъ свирѣпаго вида косматые киргизы въ острыхъ шапкахъ и грязныхъ халатахъ.

Должно быть, награбивъ ясакъ, пріѣхали откуда-нибудь изъ киргизскихъ степей закупать товаръ.

Еще дальше встрѣчаемъ татарку въ синемъ ситцевомъ кафтанѣ верхомъ на ослѣ. Желтое, почти землянистое, сморщенное лицо, черные, злые глазки, сѣдые распущенные волосы. Совсѣмъ вѣдьма. Азіатскій букетъ такъ и бьетъ въ носъ. Дю-Фаръ то и дѣло толкаетъ меня, указывая на какую-нибудь диковинку.

Въ одномъ изъ трехъэтажныхъ домовъ—«Столичная гостиница». Заходимъ выпить кофею. Гостиница совсѣмъ европейская, большая и чистая. При ресторанѣ огромный залъ, не меньше, чѣмъ у Омона въ Нижнемъ. Открытая сцена съ замысловато расписаннымъ занавѣсомъ и около сотни столиковъ. Здѣсь—кафе-шантанъ и биржа царицынскаго купечества; здѣсь истребляются пуды икры, пропиваются сотни рублей подъ звуки французскихъ шансонетокъ, совершаются крупныя сдѣлки на десятки тысячъ пудовъ икры, осетрины, сельдей и сотни тысячъ пудовъ хлѣба. Въ двухъ шагахъ верблюды и киргизы, а тутъ—парижскій каскадъ.

За кофеемъ съѣдаемъ всю икру. Дю-Фаръ, кажется, начинаетъ понимать русскій аппетитъ.

Нагружаемся мѣшечками съ виноградомъ, персиками и грушами и сходимъ къ пристани.

На пароходѣ такое же царство фруктовъ. Пассажиры спѣшатъ запасаться ими. Бокъ-о-бокъ съ «Новосельскимъ» стоитъ «Вѣщій Олегъ». Вся палуба на немъ загромождена арбузами. Прохода нѣтъ. А внизу колышется только-что причалившая шлюпка, тоже съ арбузами. Баба и нѣсколько парней въ кумачевыхъ рубашкахъ, фіолетовыхъ штанахъ и лаптяхъ перебрасываютъ ихъ рабочимъ, что на палубѣ «Олега». Тѣ ловятъ арбузы, какъ мячи. Иной разъ арбузъ шлепается и раскалывается. Баба, должно-быть хозяйка, кричитъ на парней. Тѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, пересмѣиваются, разламываютъ треснувшіе арбузы и въѣдаются всей своей загорѣлой рожей въ красное сочное мясо.

Зеленые мячи все летятъ. Въ другомъ концѣ тащатъ корзины съ виноградомъ, помидорами и персиками.

Крикъ, шумъ, перебранка, смѣхъ.

Въ этомъ хоасѣ, подъ ревъ гудка, пароходъ отдѣляется отъ пристани. Чѣмъ дальше—берега становятся все ниже, степь глаже и безжизненнѣй. Берега то совсѣмъ голые, то убраны сѣро-зеленой бахромой тальника. Иногда промелькнетъ островъ съ изумрудной, либо съ рыжей щеткой камыша — и опять мертвая степь и степь безъ конца, съ дрожащимъ маревомъ на горизонтѣ.

Солнце все больше припекаетъ. Пассажиры гуляютъ на галлереѣ въ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ. Дамы прячутся подъ цвѣтные зонтики.

Публика смѣшанная, особенно палубная. Тутъ можно насчитать представителей нѣсколькихъ религій и десятковъ сектъ. Старообрядцы разныхъ толковъ, православные, католики, протестанты, грегоріанцы, евреи, буддисты-ламайцы, магометане... Такая же смѣсь

и въ національномъ отношеніи. Вонъ нѣсколько солдатъ—блондиновъ, совсѣмъ бѣлолицыхъ, еще не успѣвшихъ загорѣть сѣверянъ-великороссовъ, подлѣ — группа смуглыхъ татаръ, тараторящихъ что-то непонятное; дальше—армяне и персы въ синихъ курткахъ, туфляхъ и грязныхъ платкахъ на головѣ; потомъ опять русскіе, кажется раскольники, въ бархатныхъ жилетахъ поверхъ ситцевыхъ рубахъ на выпускъ; напротивъ — нѣсколько калмыковъ, и среди нихъ калмыченокъ лѣтъ десяти, должно быть—воспитанникъ какой-нибудь иновѣрческой школы; онъ въ ученической блузѣ и форменной фуражкѣ съ зеленымъ околышкомъ. Лицо у него желтое, болѣзненное, глазки узенькіе, уши оттопыренныя, носъ совсѣмъ расплюснутый. Калмыки вырождаются и, говорятъ, совсѣмъ вымираютъ, преимущественно отъ чахотки. И не мудрено: вся калмыцкая степь, что расползается по правому берегу, — сплошное море пыли и песку. У калмыченка глаза такъ и сверкаютъ, когда гдѣ-нибудь на берегу покажется лошадь. Должно быть, сынъ какого-нибудь найона или зайсанга. Везутъ его учиться, а онъ рвется въ степь, къ родному улусу, къ его войлочнымъ конусообразнымъ кибиткамъ, къ его хурулу, гдѣ калмыцкіе священники, гелюнги, учили его молиться ихъ буддистскому богу—Далай-Ламѣ.

Еще дальше видна группа нѣмцевъ-колонистовъ, въ соломенныхъ шляпахъ и синихъ курткахъ, съ типичными рыжеватыми и сосредоточенно-глубокомысленными физіономіями нѣмецкихъ бюргеровъ. Ихъ здѣсь много. Они и въ третьемъ, и во второмъ классѣ. Есть и дамы-колонистки. Видъ у нихъ совсѣмъ презентабельный, «интеллигентный», одна даже въ pince-nez. Вяжутъ, шьютъ и ведутъ чинно, совсѣмъ цирлихъ-манирлихъ, разговоры исключительно на нѣмецкомъ. По-русски почти не понимаютъ.

Одинъ изъ нѣмцевъ, котораго спрашиваю, какое село видно впереди, ничего не отвѣчаетъ, а только отрицательно мотаетъ головой.

Повторяю мой вопросъ.

Та же пантомима. Беретъ досада. Не можетъ быть, чтобы не понималъ! Притворяется нѣмчура или хочетъ выказать презрѣнье къ русскимъ. Нарочно, рѣшительно и настойчиво, въ третій разъ задаю мой вопросъ. Онъ опять качаетъ головой и, наконецъ, говоритъ:

— Nein, ich bin ein Bennicher... Я Праха... Тшехъ...

Должно быть, ѣдетъ въ Сарепту къ своимъ «братьямъ». Говорятъ, гернгутеры, или евангелическое братство послѣдователей Гусса, сплотились въ очень дружныя братскія общины въ нѣсколькихъ колоніяхъ. Больше другихъ расцвѣла сарептская община. Строго корпоративный духъ, братскіе принципы въ общежитіи, безукоризненная честность, неуклонный режимъ въ трудовой жизни, высокая нравственность—все это изъ поколѣнья въ поколѣнье сковывало въ дружную религіозную семью колонистовъ. Но въ послѣднее время и здѣсь возникъ расколъ. Духъ наживы проникъ въ ихъ среду. Нѣкоторые успѣли сколотить милліонныя состоянія, началась эксплоатація своихъ же колонистовъ, а съ ней и конкуренція, и разладъ. Старики и теперь еще, обращаясь къ ближнему, говорятъ «братъ»; но молодежь уже не признаетъ старины и прежней чистоты нравовъ.

Кромѣ нѣмцевъ, на пароходѣ есть и нѣсколько евреевъ. Они сѣли въ Царицынѣ, гдѣ ихъ не мало. Еврейскій элементъ постепенно проникаетъ къ Волгѣ. Г. Демьяновъ, отмѣчая въ своемъ путеводителѣ попытку евреевъ завоевать приволжскій край, предсказываетъ, что они разольются страшнымъ потокомъ... Ротшильдовъ, и приводитъ довольно жестокій монологъ одного хохла, который увидалъ, какъ на царицынскомъ вокзалѣ высадилась цѣлая вереница представителей этого несчастнаго племени: «Що се мои очи бачуть? Оце-жъ хмара — такъ хмара! Якъ саранча! А скильки кажда жидивка тягне подушокъ! А скильки за каждой жидивкой бижыть жыдынятъ! И куды вона йде, ся нечиста сыла?.. Прощай, Царыцынъ, прощай Волга! Отъ цей хмары жыдивьской и въ домовини нэ сховаешься!..»

Но здѣсь евреи совсѣмъ незамѣтны. Они не носятъ халатовъ, одѣты по-европейски и почти сливаются съ армянами и цвѣтомъ лица, и восточнымъ профилемъ, и даже акцентомъ.

Есть затѣмъ на пароходѣ и хохлы-переселенцы, и поляки. Мысленно перебираю всѣ національности пассажировъ... Какое-то столпотвореніе вавилонское. Не вѣрится даже, что это все Россія... Что-то совсѣмъ непонятное... Культурныя колоніи гернгутеровъ и рядомъ кибитки ламайцевъ-калмыковъ...

Пароходъ огибаетъ островъ и причаливаетъ къ сарептской пристани. Колоніи не видно. Берегъ пустынный. Кромѣ конторки, въ нѣсколькихъ саженяхъ одиноко выглядываетъ будка. Туда бѣгутъ пассажиры. Справляюсь, въ чемъ дѣло. Оказывается, тамъ продается сарептскій бальзамъ и горчица. Иду вмѣстѣ съ Дю-Фаромъ. Песокъ по колѣни, ноги вязнутъ. У будки толпится все больше палубная публика. Бальзамъ раскупается нарасхватъ. Нѣмецъ снисходительно, съ необыкновенно важнымъ видомъ, едва успѣваетъ передавать пузатые глиняные кувшинчики и штофы. Штофъ—полтора рубля, кувшинчикъ — семь съ половиной гривенъ. Пароходъ зоветъ. Публика гурьбой бѣжитъ къ конторкѣ.

— Да что въ немъ, въ этомъ бальзамѣ-то?—спрашиваю на ходу у русскаго въ ситцевой рубахѣ и съ голенищами гармоніей. Онъ нѣжно прижимаетъ къ груди цѣлый штофъ и блаженно улыбается.

— А какъ же-съ! Помилуйте, это-съ всѣмъ извѣстно. Очинно пользительно-съ для желудка.

— Какъ холера была, — поясняетъ его товарищъ,—въ округѣ люди какъ мухи вымирали, а въ Сарептѣ ихней ни одинъ нѣмецъ не подохъ. Всѣ дивились. А они говорятъ: пейте нашъ бальзамъ, и у васъ холеры не будетъ. Съ энтихъ поръ ему и слава такая пошла.

— Да вѣдь нынче холеры-то нѣтъ?

— Богъ миловалъ... А все же пользительно.

Минуемъ Каменный Яръ, заходимъ во Владимiровку, одну изъ главныхъ соляныхъ пристаней. Она соединена желѣзнодорожной вѣтвью съ Баскунчакскимъ озеромъ. Эльтонское соленое озеро осталось выше, противъ Царева.

Острова показываются все чаще. Лѣвый берегъ изрѣзанъ рѣчками и лагунами. Вдоль него на сотни верстъ параллельно съ Волгой тянется рукавъ ея, Ахтуба; иногда она бѣлѣетъ далеко на горизонтѣ, иногда подходитъ совсѣмъ близко, почти сливаясь.

Пятый часъ. День прекрасный, хотя и душно. Дю-Фаръ занимаетъ петербургскихъ барышенъ, возится съ фотографическимъ аппаратомъ, выставляетъ на солнце стекла. «Мечта» записываетъ что-то въ изящный альбомъ. Она очень часто заноситъ свои впечатлѣнiя. Головка ея задумчиво склоняется надъ тетрадкой. Персидская накидка развѣвается. Легкiй порывъ вѣтра такъ, кажется, и унесетъ ея фигурку.

Сажусь на самомъ носу парохода, противъ бѣлаго якоря. Предо мной—ничего, кромѣ водной равнины, надо мной вьется и трепещетъ флагъ. Кажется, будто летишь. Пароходъ рѣжетъ воду, бороздя ее и вздымая бѣлые гребни волнъ. Рѣка вдали сливается съ синимъ небомъ.

Справа пески и безконечная степь, слѣва изрѣдка показывается кустарникъ. Десятки верстъ картина эта не мѣняется. Иногда только гдѣ-нибудь далеко выступитъ оазисомъ станица въ зелени садовъ, сверкнетъ крестъ на зеленомъ куполѣ желтой или розовой церкви, выглянутъ уютные, крытые камышомъ домики—и снова исчезнутъ, и снова безмолвiе степи, и снова впереди только синее небо, вода да желтая равнина.

Вечерѣетъ. Пароходъ бѣжитъ на югъ. Солнце закатывается; по рѣкѣ стелется красноватая полоса, дрожа на искрящейся глади.

Порой изъ камышей срываются стаи утокъ, въ неподвижномъ воздухѣ бѣлыми мотыльками проносятся чайки; показываются пеликаны или бабы-птицы съ отвисшими мѣшками подъ клювомъ, выплываетъ красавецъ-лебедь. На берегу стоитъ журавль, задумавшись о чемъ-то съ видомъ философа, погрузившагося въ вельтшмерцъ.

По временамъ, когда машину застопориваютъ, пароходъ будто замираетъ и неслышно, безвольно несется по теченью. Тишина становится еще глубже. Сладкiй покой охватываетъ все существо. Только камышъ шепчетъ о чемъ-то на островахъ, колыхая свои пушистыя верхушки.

Подходимъ къ Черному Яру, небольшому уѣздному городку. Онъ будто застылъ надъ берегомъ и глядится въ зеркальную гладь своими небольшими домами и группой деревъ.

На берегу у пристани рыбаки развѣшиваютъ сѣти. Я какъ-то прочиталъ сегодня въ астраханскихъ газетахъ о хищнической ловлѣ рыбы гигантскими сѣтями почти въ двѣ версты длины, съ просвѣтомъ не болѣе вершка. Захватывая огромное пространство рѣки, такимъ неводомъ сразу вытягиваютъ до тысячи пудовъ рыбы и болѣе.

Крупную отбираютъ, а мелочь выбрасываютъ на берегъ, гдѣ она и гнiетъ, заражая воздухъ.

И эта груда сѣтей, которую рыбаки волокутъ, вѣроятно, не меньше двухъ верстъ. Воздухъ пропитанъ насквозь запахомъ рыбы и солью.

Недалеко отсюда—знаменитая, по неудачному дебюту чумы, станица Ветлянка.

На землю какъ-то сразу надвигается глубокая, теплая южная ночь.

Пассажиры третьяго класса укладываются спать. Какой-то татаринъ, развернувъ коверъ и положивъ подлѣ туфли, сталъ на колѣни и совершаетъ свой намазъ. Семья переселенцевъ-малороссовъ пристраивается на скамьѣ. Мать кормитъ грудного ребенка, отецъ заботливо подкладываетъ свитку подъ голову дремлющаго мальчугана.

Первоклассная публика собирается въ гостиной. Барышни пишутъ письма, дама занята какимъ-то рукодѣлiемъ. Департаментскiй чиновникъ, несмотря на медовый мѣсяцъ, ищетъ партнеровъ для винта. Я пишу замѣтки. Дю-Фаръ отрываетъ меня, спрашивая, что значитъ дубинка. Въ одномъ изъ путеводителей говорится о царицынскихъ памятникахъ старины—дубинкѣ и шапкѣ Петра Великаго. Царь, даря ихъ царицынцамъ, сказалъ:

«Вотъ вамъ моя дубинка. Какъ я управлялся ею съ моими друзьями, такъ и вы обороняйтесь ею отъ враговъ вашихъ. Вотъ вамъ мой картузъ. Какъ никто не смѣлъ снять его съ моей головы, такъ пусть никто не посмѣетъ васъ вывести изъ Царицына».

Отсюда разговоръ нашъ незамѣтно переходитъ на личность этого великаго генiя земли русской, этого гиганта, такого же величественнаго, какъ и исполинская рѣка, по которой мы плывемъ. Вся она полна имъ, будитъ воспоминанiя о немъ. Въ Казани онъ основалъ адмиралтейство, создавшее Каспiйскiй флотъ, въ Астрахани есть его домикъ и два ботика, сооруженныхъ имъ; по Волгѣ проплылъ онъ во время войны съ Персiей, сто семьдесятъ два года тому назадъ, и вернулся побѣдителемъ, завоевавъ Дербентъ, Баку и Астрабадъ...

Я говорю Дю-Фару, что въ исторiи всего человѣчества нѣтъ почти болѣе великаго, могучаго и захватывающаго генiя-реформатора. Что-то изумительное и по энергiи, и по желѣзной волѣ, и по размаху натуры, и по силѣ духа, что-то такое, что намъ, современникамъ, отравленнымъ сомнѣнiями и мiровой скорбью, кажется и недосягаемымъ, и непонятнымъ, что-то и стихiйное, и божественное, что-то почти необъятное. Предъ неутомимой энергiей и силой этой натуры—мы просто пигмеи. Все въ немъ величественно и чудесно, начиная его появленiемъ, его порывомъ къ новой жизни. Въ замкнутой атмосферѣ Московскаго государства вдругъ нарождается эта душа, съ ея страстнымъ, неодолимымъ стремленiемъ къ обновленiю жизни, съ ея безграничной любовью къ родинѣ, съ ея желанiемъ отвоевать ей мѣсто въ семьѣ другихъ европейскихъ народовъ. И какъ все это у него чудно, просто до величiя и величественно

до необъятности. Молодой царь, властелинъ могучаго царства, онъ отправляется въ Европу изучать жизнь другихъ народовъ простымъ мастеромъ Петромъ Михайловымъ, онъ самъ становится и матросомъ, и работникомъ, не гнушаясь трудомъ, показывая своему народу, что счастье жизни и благоденствіе его — въ этомъ трудѣ и знаніи. Два года длится эта наука перваго работника государства въ самой простой обстановкѣ, со страстнымъ, ненасытимымъ желаньемъ все узнать, все изучить, все хорошее передать своему народу. Онъ возвращается домой опытнымъ, полнымъ энергіи молодости, любви и жажды скорѣе открыть родному народу тотъ свѣтъ, который охватилъ его душу. На первомъ же шагу онъ сталкивается съ измѣной и враждой; онъ нещадно давитъ ее и, заглушая въ себѣ муки разочарованья въ окружающихъ, принуждая себя, можетъ быть по необходимости, быть жестокимъ, стремится впередъ... Дальше — нѣтъ дня, нѣтъ часа почти въ его жизни, когда бы онъ оставался въ покоѣ, когда бы онъ не думалъ о своей Россіи, о ея благѣ, когда бы онъ съ пыломъ неутомимаго всадника не стремился мчать ее впередъ, — такого могучаго, гордаго всадника, какимъ онъ увѣковѣченъ въ бронзѣ на берегу его рѣки. Четверть вѣка длится безпрерывно эта работа гиганта, сегодня — какъ завоевателя, завтра — какъ законодателя или преобразователя; и всюду, гдѣ онъ показывается, его появленіе вдыхаетъ жизнь и призываетъ къ жизни. Во всемъ онъ одинаково великъ, самобытенъ и непосредственъ. Онъ ни минуты не колеблется предъ тѣмъ, во что вѣритъ; онъ гнетъ все, что мѣшаетъ ему и его народу пройти дальше; онъ выбираетъ своихъ сотрудниковъ, чутко угадывая въ нихъ тѣ силы, которыя нужны ему; онъ не задумывается надъ тѣмъ, что одинъ — простой пирожникъ, а другой — уличный мальчишка; онъ знаетъ, что для подвига нужны умъ и сила души, и что этого ни богатствомъ, ни знатностью не купишь; и подъ его властной волей изъ ничего выростаютъ герои, изъ нѣдръ народныхъ — его сподвижники. Онъ словно хочетъ показать своему народу, какія силы таятся въ немъ, на что онъ способенъ. Вся его исторія — это пробужденье, самосознанье и зарожденье новой жизни въ русской душѣ, такъ ярко сказавшейся въ немъ, — это одна изъ самыхъ рѣшительныхъ эпохъ, которая выковала ея судьбу. И онъ настолько удивительно могучъ и великъ, что мы до сихъ поръ еще не можемъ понять его, не научились достаточно любить его...

Дю-Фаръ, довольно хорошо знакомый съ русской исторіей, указываетъ на заточенье Софьи, казни стрѣльцовъ и тѣ жестокости, въ обстановкѣ которыхъ Петръ кажется холоднымъ, безпощаднымъ, чуждымъ человѣческой любви къ ближнему.

Это не только у западныхъ историковъ, но и у насъ довольно ходячій взглядъ. Мы забываемъ эпоху, въ которой разыгрывалась величайшая страница русской исторіи, забываемъ напряженье и обстановку борьбы, гдѣ будущее Россіи ставилось на карту и малѣйшее колебаніе могло погубить дѣло, которому посвящена вся жизнь, всѣ помыслы души. Развѣ можетъ быть чуждъ любви отецъ, кото-

рый, ради блага родины, рѣшается принести въ жертву своего сына, — царь, который, не колеблясь ни минуты, бросается спасать утопающихъ, жертвуя собственной жизнью?.. Когда въ націи нарождаются такіе герои, жизненныя силы ея неизсякаемы...

Я не знаю, почему именно сегодня, именно теперь я весь охваченъ обаяньемъ этого могучаго образа... Потому ли, что въ волжскомъ просторѣ онъ какъ-то понятнѣе, потому ли, что Волга, накануне разлуки съ ней, шепчетъ мнѣ о чемъ-то таинственномъ и сильномъ, какъ мощь, создавшая его . . . .

21-е августа.

Утро. Пассажиры суетятся, укладывая багажъ. Выхожу на веранду. Меня обдаетъ теплымъ дыханьемъ земли. Пароходъ подходитъ къ волжской дельтѣ, съ ея двумя-стами рукавовъ и семидесятью устьями. Вся безбрежная равнина изрѣзана расползающимися во всѣ стороны широкими рѣками. Степь и сыпучіе пески почти не прерываются. Издали кажется, будто впереди разстилается море волнующейся зрѣлой пшеницы. Цвѣтъ песка золотой. Онъ то стелется грядой валовъ, то выростаетъ въ цѣлые холмы, похожіе на муравейники или кротовины. Точно вьюга намела эти песочные сугробы, каждая песчинка которыхъ принесена Волгой изъ-за тысячъ верстъ.

Гдѣ-то на горизонтѣ синѣетъ, совсѣмъ неожиданно для этой пустыни, лѣсокъ, потомъ выростаетъ стѣна камышей. За поворотомъ надъ однимъ изъ рукавовъ, показывается вдругъ зеленый кудрявый оазисъ, и въ немъ село съ русскими бревенчатыми избами, будто перенесенное сюда откуда-то изъ далекаго сѣвера.

День необыкновенно ясный. Небо и земля залиты сіяньемъ. Въ воздухѣ, напоенномъ запахомъ моря, нѣга и покой. Опять поворотъ — и мы скользимъ по застывшему озеру, мимо Калмыцкаго базара, улуса калмыковъ. Посрединѣ возвышается хурулъ, что-то въ родѣ китайской пагоды съ башнями и легкими, повисшими одна надъ другой, крышами. Лачуги, землянки и черныя съ конусообразными верхушками кибитки, похожія на нефтяныя цистерны, раскинулись вокругъ хурула большимъ лагеремъ.

Вдали показывается Астрахань... Она выступаетъ будто изъ воды въ легкомъ розоватомъ туманѣ, вся какая-то воздушная и бѣлая, точно засыпанный снѣгомъ городъ, съ ярко-бѣлыми стѣнами домовъ, на которыхъ почти не видно крышъ.

Пароходъ огибаетъ острова, лавируетъ со стороны въ сторону между рукавами, то приближаясь, то будто поворачивая назадъ; Астрахань показывается то справа, то слѣва обманчивымъ миражемъ, то выростаетъ, то исчезаетъ за игольчатой стѣной мачтъ.

Видъ города фантастичный; молочно-бѣлый фонъ водной равнины, окружающей его, придаетъ ему какой-то прозрачный и легкій колоритъ. Онъ будто выплылъ изъ моря на невидимомъ островѣ. Надъ бѣлыми громадами выдѣляется все яснѣй величественная,

высокая кубическая масса Успенскаго собора, построеннаго при Петрѣ Великомъ, съ пятью зелеными куполами въ формѣ звонковъ и золотыми макушками. Дальше—еще нѣсколько церквей, пузатая крыша мечети съ четырьмя тонкими минаретами, высокія бѣлыя стѣны Кремля съ широкими зубчатыми краями, опять мечеть и караванъ-сарай.

Древній Итиль, столица хазаръ, потомъ Цитрахань, столица Золотой Орды или Кипчакскаго царства, разрушенная въ XIV вѣкѣ Тамерланомъ, позже столица Астраханскаго царства, завоеваннаго Іоанномъ Грознымъ три года спустя послѣ взятія Казани,—Астрахань, какъ и Казань, пережила много мрачныхъ эпохъ, служила осценой жестокихъ человѣческихъ трагедій, заливавшихъ ее кровью изъ вѣка въ вѣкъ. Послѣднимъ актомъ былъ погромъ Стеньки Разина и бунтъ стрѣльцовъ.

Теперь Астрахань—большой городъ, съ семидесититысячнымъ населеніемъ, еще съ азіатской физіономіей, но съ огромнымъ будущимъ. Торговля съ Персіей, Кавказомъ и Азіей съ каждымъ годомъ расширяетъ ея роль, какъ главнаго порта Каспійскаго моря. Это уже чувствуется и угадывается за нѣсколько верстъ отъ города. Такой массы судовъ, такого лѣса мачтъ нѣтъ ни въ Нижнемъ, ни въ Одессѣ. Три-четыре версты вдоль береговъ тянется безпрерывная флотилія; мачты вырастаютъ со всѣхъ сторонъ будто щетина штыковъ и сливаются вдали въ прозрачно-синюю стѣну. На рѣкѣ такое же безпрестанное движеніе, какъ и въ Нижнемъ.

Баржи съ пирамидами хлопка, баржи съ рыбой, наливныя нефтяныя баржи, выстроившіяся вдоль нефтяныхъ станцій, бочки съ кунжутомъ, бочки съ сахаромъ и сельдями, кипы мѣшковъ, горы ящиковъ, груды арбузовъ—все это выставилось вдоль береговъ безконечнымъ базаромъ. То и дѣло бѣгутъ огромные пароходы, переполненные публикой, тянутся вереницы баржъ, качаются бѣлокрылые ялики. У берега выстроились десятки пароходныхъ конторокъ, окаймляя городъ рядомъ изящныхъ пестрыхъ павильоновъ.

Панорама Астрахани разворачивается надъ рѣкой извилистой лентой, будто заслоняя выходъ изъ нея. Волга кажется огромной морской бухтой; не видно, гдѣ она заворачиваетъ и пробирается къ морю.

Пароходъ подходитъ къ пристани.

Толчея и пестрота невообразимая. Настоящая Азія. Персы, армяне, греки, турки, татары, нѣмцы, бухарцы, калмыки, кавказцы, киргизы и русскіе—перемѣшались въ удивительномъ международномъ калейдоскопѣ. Хивинцы и бухарцы въ пестрыхъ халатахъ и чалмахъ; толстогубые киргизы, кажется, стащили откуда-то колпаки отъ сахарныхъ головъ, выкрасили ихъ въ черный цвѣтъ и надѣли на свою косматую шевелюру. Кавказцы угрюмо сверкаютъ глазами изъ-подъ бахромы бараньихъ шапокъ; персы не то въ чалмахъ, не то въ грязныхъ, намотанныхъ калачами, платкахъ, синихъ курткахъ, раскрытыхъ на бронзовой груди, и туфляхъ на босую ногу; турки—кто въ красной фескѣ, кто въ чалмѣ, армяне—то въ европейскихъ

костюмахъ, то въ легкихъ ситцевыхъ халатахъ и камилавкахъ; татары въ бараньихъ шапочкахъ, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ бритые затылки. Цвѣтъ кожи или бронзовый, или темно-кирпичный, глаза черные, острые, либо очень большіе, либо маленькіе и узенькіе, носы то длинные и крючковатые, то совсѣмъ расплюснутые, съ раздавленными ноздрями. Вся эта толпа толкается, жестикулируетъ и галдитъ на непонятныхъ нарѣчіяхъ.

Едва приставляютъ сходни, какъ я съ Дю-Фаромъ бѣгу въ агентство справиться насчетъ настроенія Каспія.

Агентъ, привыкшій къ этимъ надоѣдливымъ пассажирскимъ вопросамъ, говоритъ съ усмѣшкой:

— Да, волненіе есть порядочное.

Ѣхать или переждать здѣсь?

Дю-Фаръ убѣждаетъ ѣхать.

Я молча «ѣмъ» его глазами.

Глава XVII.

На «Кавосѣ». — Въ дельтѣ. — Природа. — Дамская тревога. — За обѣдомъ. — На взморьѣ. — Двѣнадцатифутовый рейдъ. — «Константинъ» или «Корниловъ»? — Побѣдители и побѣжденные. — Южная ночь на морѣ. — Буря. Качка начинается. — Морская болѣзнь. — Все пропало. — Кавказъ.

Пароходъ отходитъ на взморье черезъ часъ. Пересаживаемся съ «Новосельскаго» на «Константина Кавоса». Впереди предстоитъ еще одна пересадка, за Бирючьей косой, у двѣнадцатифутовой станціи. Это почти въ ста верстахъ отъ Астрахани, въ открытомъ морѣ. Морскіе гиганты не подходятъ къ городу: устье Волги слишкомъ мелко.

Посмотрѣть Астрахань такъ и не успѣваемъ; достопримѣчательностей особенныхъ нѣтъ; но, говорятъ, очень интересенъ караванъ-сарай—типичное азіатское торжище, на которомъ востокъ щеголяетъ своими шелками, коврами и воздушными кашемировыми платками.

Противъ пристани—стройная аллея тополей, посаженная вдоль набережной Варварціева канала. Здѣсь, въ глубинѣ этой аллеи, домикъ Петра Великаго съ двумя шлюпками, на которыхъ онъ когда-то катался. Тутъ было адмиралтейство и докъ, но вслѣдствіе обмелѣнія Волги они переведены въ 1868 г. въ Баку.

Въ хаосѣ и давкѣ, лавируя среди тюковъ и ящиковъ, которые персы тащатъ по сходнямъ, кое-какъ перебираемся на пароходъ. Персы здоровые и сильные. Почти обнаженные мускулистые бронзовые бюсты, круглыя головы съ вылитыми изъ бронзы чертами и кроткими лицами, по которымъ струится потъ, — напоминаютъ почему-то рабовъ-невольниковъ древняго міра и будятъ въ памяти какую-то забытую библейскую картину изъ жизни востока. Такими должны были быть прикованные цѣпями къ триремамъ и римскимъ

галерамъ гребцы-невольники. Работаютъ они удивительно быстро, перетаскивая на могучихъ плечахъ, точно выючныя животныя, груды ящиковъ и тюковъ и почти исчезая подъ ними; только и видишь пару ногъ, то босыхъ, то въ туфляхъ, да индиговые панталоны.

Палубной публики масса. Здѣсь и малороссы-переселенцы, что ѣхали съ нами, и артель турковъ-рабочихъ, и артель персовъ. Переселенцы ѣдутъ въ Петровскъ, турки и персы—въ Энзели и Ленкорань. Кавказцы—кто въ Петровскъ, кто въ Дербентъ или Баку.

Классныхъ пассажировъ тоже очень много. Надъ рубкой, на капитанской площадкѣ, растянутъ брезентовый навѣсъ. Тамъ укрылась отъ жгучихъ солнечныхъ лучей публика. Къ волжскимъ пассажирамъ прибавилось много новыхъ. Есть красивые смуглые греки и итальянцы изъ Одессы, есть какіе-то кавказскіе милиціонеры въ тонкихъ верблюжьихъ черкескахъ, съ патронными гнѣздами («газырями») на груди и въ черныхъ съ позументами шапочкахъ, есть и три англичанина-туриста, типичные сыны Альбіона, которые сразу выдаютъ себя и клѣтчатыми легкими костюмами, и шлемами съ широкими лентами, и прозрачно-румяными, съ рыжеватой растительностью, лицами, и своей англо-саксонской невозмутимостью. Рядомъ съ ними—два офицера: одинъ пѣхотный, грузинъ, ѣдетъ изъ Петербурга въ Дагестанъ, другой саперъ, маленькій, рябоватый, круглоголовый блондинъ, съ почти дѣтскимъ лицомъ и кроткими сѣрыми глазами сѣверянина, — въ Тифлисъ, чтобы проститься съ родными предъ выѣздомъ во Владивостокъ.

Больного генерала проносятъ на креслѣ въ каюту. За нимъ идетъ дочь. Ея скорбный видъ напоминаетъ фигуру Антигоны.

На площадку является армянинъ съ туфлями, потомъ армянинъ съ коврами на плечахъ, наконецъ—армянинъ съ кольцами и бирюзой. Пассажиры присматриваются, прицѣниваются, но не покупаютъ. Армянинъ соблазняетъ, не безъ эффекта выставляя руку въ перстняхъ.

Персы все тащатъ и сбрасываютъ на палубу ящики и тюки; на пристани все галдитъ шумная азіатская толпа.

Одиннадцатый часъ. Ревъ гудка. Съ пристани и парохода машутъ платками, перекликаются и кланяются. Конторка, толпа, берегъ и пирамидальные тополи отодвигаются.

Волга колышется, отливая перламутромъ и радугой. Это мазутъ, покрывающій рѣку сплошной перламутровой пленкой.

Вдоль берега опять нескончаемая флотилія, опять пирамиды хлопка, горы желѣза и нефтяныя цистерны Нобеля, Шибаева и Теръ-Акопова. Надъ ними вырисовываются черные лѣса въ видѣ не то башни, не то трехъэтажной клѣтки съ колесомъ; это туземная водокачка, съ которой разливается вода по арыкамъ.

Панорама Астрахани разворачивается и уходитъ назадъ. Мимо Кремля съ его башнями будто проплыла какая-то церковь, за ней надвинулась мечеть, ее заслонилъ величественный бѣлый соборъ съ пятью куполами, подъ нимъ выросла громада зданій и окружила его тѣсными рядами, потомъ они исчезли за лѣсомъ мачтъ.

Вода становится все спокойнѣе и глаже. Еще поворотъ—и сразу

вдоль рукава, по которому будто прокрадывается пароходъ, выростаютъ шпалеры зеленаго камыша съ золотыми щеточками верхушекъ. Камышъ разстилается точно степь, скрывая десятки рукавовъ, расползающихся въ немъ. Мы только видимъ бѣлые паруса рыбачьихъ шкунъ, которые скользятъ, чуть надувшись, въ этихъ рукавахъ. Они кажутся крыльями бѣлыхъ мотыльковъ въ зеленомъ газонѣ.

Справа изъ камыша вдругъ выростаетъ великорусская деревня съ тесовыми стѣнами, камышевыми крышами и синей церковью. Слышенъ праздничный звонъ колоколовъ. Дальше показывается рыбачья ватага, въ одномъ изъ рукавовъ закидываютъ двухверстый неводъ. Рыба, спугнутая пароходомъ, то и дѣло плещется. Говорятъ—весной, когда рѣка заливаетъ острова, здѣсь творится что-то невообразимое. Сразу слетаются со всѣхъ концовъ Волги и Каспія рыбачьи ватаги—тысячъ шестьдесятъ-семьдесятъ рыбаковъ, цѣлый губернскій городъ или четыре-пять армейскихъ корпусовъ; и вся эта масса народа запруживаетъ сѣтями двухсотверстное устье Волги, нещадно и коварно вылавливая обитателей рѣки какъ разъ въ любовную пору. Лососи, севрюги, осетры, громадныя бѣлуги, стерляди—все это гибнетъ въ разставленной человѣкомъ западнѣ. Но больше всего достается селедочнымъ обывателямъ Волги. Ихъ вылавливаютъ свыше двухсотъ милліоновъ. Побережье и острова, не затопленные рѣкой, забаррикадированы бочками, горами соли, затянуты паутиной сѣтей. Воздухъ на сотни верстъ пропитывается запахомъ рыбы и соли. Даже и теперь въ немъ есть что-то напоминающее закусочный столъ съ балыками и селедкой.

Еще поворотъ—и мы осторожно обходимъ рукавъ, въ которомъ сидитъ на мели полуопрокинутый корпусъ большой шкуны; а дальше такъ же мертво и неподвижно стоитъ, врѣзавшись въ песокъ, баржа. Аваріи—это обыкновенное явленіе въ дельтѣ Волги. Фарватеръ постоянно и быстро мѣняется. Тѣ холмы песковъ, которые остались за Астраханью, служатъ какъ будто складомъ для капризовъ рѣки. Она то прорываетъ острова, прочищая себѣ путь, то воздвигаетъ новые острова, то запруживаетъ устья. Поэтому здѣсь цѣлыя артели опытныхъ лоцмановъ, которые знаютъ русло рѣки и постоянно слѣдятъ за нимъ.

Въ Астрахани къ намъ тоже сѣлъ такой лоцманъ, армянинъ. Держитъ онъ себя, несмотря на заношенный костюмъ, важно, съ капитаномъ говоритъ фамильярно и, не взирая на его форму, галуны и дисциплину, куритъ въ его присутствіи. Это импонируетъ и намъ; мы невольно проникаемся импортантностью его особы.

Наконецъ и камыши остаются за нами. Астрахань еще бѣлѣетъ вдали; надъ ней вздымается стройная, величественная масса собора, но уже неясно. А впереди, насколько глазъ хватитъ, до самаго горизонта, безбрежная водная равнина. Но это все-таки еще не море, это все-таки Волга. Несмотря на яркое солнце, вода почти молочно-бѣлая и такъ удивительно покойна, такъ неподвижна, что

нигдѣ на ней морщинки не видать. Пароходъ нашъ даже не врѣзывается въ нее, а какъ-то скользитъ надъ ней.

Картина въ общемъ захватываетъ. День — великолѣпный. Тревога смѣняется покоемъ и довѣріемъ къ молочной дали.

Даже дамы храбрятся.

— Что-жъ это насъ пугали качкой? Вѣдь это прелесть что такое.

У капитана, браваго бакенбардиста, по лицу пробѣгаетъ тонкая усмѣшка.

— На взморьѣ, за Бирючьей косой, на двѣнадцати футахъ, не такъ будетъ.

— Развѣ это не взморье?

— О, нѣтъ еще.

И онъ любезно разъясняетъ дамамъ, что и рѣка, и море почти на сто верстъ отъ Астрахани все такой же глубины. У сѣверныхъ береговъ дно Каспія такъ же песчано и мелко, какъ и дельта Волги. Съ тѣхъ поръ, какъ устье ея мелѣетъ, Астрахань все больше удаляется отъ своего порта. Теперь морскіе пароходы не подходятъ и къ Бирючьей косѣ, а стоятъ верстахъ въ десяти ниже. Тамъ рейдъ.

— Значитъ, пересадка въ ста верстахъ отъ Астрахани? — спрашиваютъ дамы. — Почти. — Но тамъ все-таки есть какая-нибудь гавань, какая-нибудь твердая почва или точка опоры, къ которой пристаютъ корабли? — Ничего. Просто на якоряхъ стоятъ. — А если вдругъ буря? — Такъ и стоятъ. — И качаются? — И качаются. — Капитанъ, но это ужасно!

Дамы глядятъ совсѣмъ испуганно. Одна «Мечта» замѣчаетъ со спокойной увѣренностью.

— Мнѣ кажется — можно всегда превозмочь себя, побороть въ себѣ эту «слабость» при морской болѣзни, какъ люди подавляютъ себя вообще въ жизни.

— Ну-ну! Посмотримъ!

Раздается звонокъ къ обѣду. Такъ какъ пассажировъ слишкомъ много, то для половины столъ накрытъ внизу, въ темной каютъ-компаніи. Человѣкъ тридцать обѣдаетъ въ рубкѣ, построенной надъ палубой въ видѣ фонаря, съ зеркальными окнами.

Обѣдъ еще больше настраиваетъ насъ на мажоръ. Роскошная бѣлогрудая, съ прослойками янтарнаго жира, паровая стерлядь такъ и таетъ. Икра — одинъ восторгъ. Недурны астраханское вино и игристыя донскія. Пароходъ скользитъ такъ незамѣтно, что забываешь о морѣ. Порой невольно кажется, будто мы попали на именинный обѣдъ въ хорошій барскій домъ. Душно только. Термометръ показываетъ тридцать, это — въ рубкѣ. А на солнцѣ и всѣ сорокъ есть.

За столомъ армянская, французская, англійская и итальянская рѣчь перемѣшиваются съ русской. Преимущественно обсуждается вопросъ, на которомъ изъ двухъ пароходовъ, поджидающихъ насъ, ѣхать. Одновременно идутъ на Петровскъ «Адмиралъ Корниловъ» и «Великій Князь Константинъ», но затѣмъ первый сворачиваетъ на Баку и Энзели, а второй — на Узунь-Ада. «Корниловъ» больше, новѣе и комфортабельнѣе», но «Константинъ», говорятъ, ходитъ быстрѣе и меньше качаетъ. Это я узналъ у агента — и передаю по секрету, чтобы не «навалилось» слишкомъ много пассажировъ. Такъ и рѣшаемъ, что русская компанія поѣдетъ на «Константинѣ».

За обѣдомъ случается маленькій инцидентъ, вызывающій улыбки на раскраснѣвшихся лицахъ. Во-первыхъ, какой-то генералъ, полный и добродушный старикъ, выѣхавшій прокатиться до взморья, только во время дессерта, за виноградомъ и сочными персиками, замѣчаетъ, что сидитъ цѣлый часъ на фетровой шляпѣ Дю-Фара. Извиняясь, онъ передаетъ ему совсѣмъ сплюснутый блинъ при общемъ взрывѣ смѣха. Во-вторыхъ, компанію приводитъ въ игривое настроеніе какая-то веселенькая и довольно миловидная дамочка безъ опредѣленныхъ занятій. Она заявляетъ капитану, что ѣдетъ дальше, но куда дальше, — въ Баку, Ленкорань или Тифлисъ, и сама не знаетъ. Видъ у нея растрепанно-недоумѣвающій и тонъ такой искренній и серьезный, что невольно вызываетъ улыбки.

Мы съ Дю-Фаромъ чокаемся и пьемъ за альянсъ. «Мечта» тоже чокается съ нимъ.

Выходимъ на капитанскую площадку. Вечеръ. Жарко. Легкій, но совсѣмъ теплый вѣтерокъ. Кто-то будто шепчетъ на ухо, обдавая горячимъ дыханьемъ.

Солнце закатывается справа отъ насъ красноватымъ дискомъ, утопая въ морѣ. Астрахань давнымъ-давно исчезла, исчезли и берега. Оглядываюсь на безбрежную водную равнину. Тамъ, въ ея массѣ, Волга слилась и растворилась въ Каспіи, отдавшись ему. Что-то будто тянетъ назадъ. Такъ не хочется разстаться съ могучей красавицей рѣкой, со сказкой жизни, разсказанной ею...

Въ воздухѣ, необыкновенно покойномъ, рѣютъ чайки и бакланы, парятъ беркуты. Бакланы иногда скользятъ надъ водой, ныряютъ и улетаютъ снова, унося добычу.

Море все больше принимаетъ синевато-прозрачный оттѣнокъ. Минуемъ Бирючью косу съ нѣсколькими пловучими бараками; въ одномъ — станція, въ другомъ — таможенный постъ. Оттуда вылетаетъ баркасъ съ таможенными чиновниками и пограничной стражей и бѣжитъ за нами.

Семь часовъ. Мы на взморьѣ, въ «порту». На рейдѣ раскинулась цѣлая флотилія судовъ. Тутъ и баржи, и шкуны, и пароходы, и яхты. Вдали, вдоль всего горизонта, точно летаетъ, поднявъ крылья, вереница бѣлыхъ птицъ, не то чаекъ, не то баклановъ. Это все судна рыбаковъ, выѣхавшихъ на ловлю. Все море усыпано ими.

Какъ разъ въ центрѣ этого «порта» выстроились рядомъ — массивный, высокій корпусъ «Корнилова» и узкій «Константина». Мы проходимъ между ними, и «Кавосъ», будто взявъ «Корнилова» на абордажъ, сцѣпляется съ нимъ. Палубная публика пестрой, шумной гурьбой валитъ туда.

Матросы, стоя по бокамъ мостка, то и дѣло внушительными жестами призываютъ къ порядку «азіатовъ». На «Корниловѣ» и безъ того толпа раньше доставленныхъ пассажировъ. Теперь тамъ совсѣмъ какая-то каша и гулъ голосовъ, въ которыхъ ничего не разобрать. Фески, халаты, чалмы, обнаженныя кирпичныя руки и груди, бронзовыя потныя лица. Что ни физіономія, что ни фигура, то типъ; нескончаемая тема для наблюденій этнографа и антрополога. На фонѣ этихъ смуглыхъ лицъ, то бородатыхъ, то голыхъ, какъ-то нарочито рельефно, красиво и симпатично выдѣляются русскія лица матросовъ, особенно блондиновъ. Даже брюнеты—малороссы—и тѣ какъ будто стали «поблондинистѣй». У азіатовъ въ искрящихся черныхъ глазахъ точно таится грозовая туча, у русскихъ во взглядахъ—спокойный и добродушный свѣтъ; у побѣжденныхъ—угрюмо-озлобленныя вспышки молніи, у побѣдителей—полная увѣренности въ себѣ и простосердечія усмѣшка; они наблюдаютъ этотъ рѣдкостный ассортиментъ азіатскаго музея какъ бы съ внутреннимъ удивленіемъ: ну, и набрали же мы въ нашу семью уродцевъ!

Откуда-то взялось даже нѣсколько китайцевъ. На «Корнилова» взбираются по трапу таможенные досмотрщики и солдаты визировать паспорты ѣдущихъ въ Энзели и осматривать грузъ.

Большинство классной публики перебралось на «Корнилова». Онъ выглядитъ куда лучше и новѣе «Константина». Сравнительно съ волжскими пароходами, это гигантъ. И теперь на немъ шестьсотъ-семьсотъ пассажировъ.

Департаментскій чиновникъ измѣняетъ нашей компаніи и перебѣгаетъ туда съ женой. Еще кое-кто соблазняется этимъ.

«Кавосъ» придвигается къ «Константину». Капитанъ—добренькій и привѣтливый старичекъ, но совсѣмъ партикулярнаго вида. И пароходъ тоже старичекъ, похожій на отставныхъ, которые пристроились на приватной службѣ, хотя и получаютъ пенсію. Общество «Кавказъ и Меркурій» самое богатое и заслуженное на Волгѣ; поэтому оно и вольничаетъ. Рядомъ, на «Корниловѣ», электрическое освѣщеніе и благоустройство по послѣднему слову пароходной техники; «Константинъ» освѣщается масломъ и, должно-быть, не передѣлывался со дня его рожденія, т.-е. съ пятидесятыхъ годовъ.

Первый классъ на кормѣ, каютъ-компанія—совсѣмъ какой-то склепъ съ двумя ярусами темныхъ дивановъ. Каюты крошечныя и тоже старомодныя. Атмосфера банная. Мрачно. Становится жутко. Дамы опять справляются насчетъ качки. Капитанъ говоритъ какъ-то неопредѣленно и смущенно. Онъ самъ какъ будто удивленъ наплывомъ классной публики. Кто-то справляется въ буфетѣ насчетъ ужина и закусокъ, говорятъ—есть только чай.

Капитанъ сконфуженно, извиняющимся голосомъ объясняетъ, что его рейсъ на Петровскъ и Узунъ-Ада самый скучный; почти не бываетъ пассажировъ, особенно до Петровска: всѣ предпочитаютъ «Корнилова». Совсѣмъ какая-то забытая почтовая станція, на ко-

торую вдругъ нахлынула масса проѣзжающихъ. Компанія перегля-
дывается молча, но взгляды очень выразительны: не удрать ли?
Въ воздухѣ что-то роковое, предчувствіе какого-то несчастія.
Будто нарочно подвернулся и этотъ старенькій капитанъ, и его
инвалидъ-пароходъ. А тутъ еще матросы, въ надвинувшейся мглѣ,
проносятъ больного генерала мимо рубки внизъ: точно въ склепъ
опускаютъ... И этотъ стукъ сапоговъ по мѣдному ребру ступеней,
и эта коптящая лампа... Совсѣмъ что-то погребальное.
Опять переглядываемся и, словно сговорившись, гурьбой высы-
паемъ на палубу.
«Корниловъ» залитъ электрическими огнями. Толпа галдитъ
точно на базарѣ. Такъ и манитъ туда. Но поздно. Надъ моремъ
проносится звонъ и густой, яростный ревъ чудовища.
Лѣземъ по узкой лѣстницѣ на капитанскую площадку. Она надъ
рубкой.
Картина совсѣмъ волшебная.
Надъ бездной моря раскинулась шатромъ бездна южной ночи;
шатеръ совсѣмъ будто черный бархатъ, миріады звѣздъ сверкаютъ
на немъ траурными блестками. Вокругъ насъ, куда ни оглянешься,
изъ мглы выступаютъ тысячи пестрыхъ огоньковъ. Они горятъ на
мачтахъ баржъ, въ каютахъ пароходовъ, они горятъ гдѣ-то далеко
далеко въ пространствѣ, на невидимомъ горизонтѣ, на рыбачьихъ
суднахъ. Не можешь разобрать, гдѣ кончается небо, гдѣ начинается
море, небо ли слилось съ моремъ, море ли отражаетъ звѣзды, звѣз-
ды ли это или блуждающіе огоньки.
Порой вѣтеръ приноситъ знойныя, какъ дыханье страсти, волны
воздуха. Подъ нами что-то начинаетъ шевелиться и пароходъ чуть
наклоняется. Огоньки, окружающіе насъ, и близкіе, и далекіе, все
время въ движеніи; они то слегка опускаются, то подымаются. Гля-
дишь на небо—и звѣзды тоже движутся.
Не вѣрится, что сотни судовъ, окружающихъ насъ,—въ откры-
томъ морѣ, въ ста верстахъ отъ Астрахани. Кажется, что мы въ
гавани, что Астрахань гдѣ-то здѣсь, за этой линіей иллюминаціи;
никакъ не можешь отдѣлаться отъ сознанья близости города, слы-
шится даже гулъ мостовыхъ...
«Корниловъ», всклубивъ воду винтомъ, уходитъ. У насъ про-
должаютъ грузить.
Подъ нами, на палубѣ, пассажиры собираются спать. Опять ка-
кой-то татаринъ молится на коврѣ, дальше укладывается въ кучу
семья переселенцевъ; рядомъ изъ мглы выдвигается бѣлая фигура
солдатика, задумчиво прогуливающагося у борта. Кто-то наигры-
ваетъ на гармоникѣ.
Вотъ и «Кавосъ» покидаетъ насъ. Становится жутче. «Констан-
тинъ» реветъ. Слышенъ лязгъ цѣпей. Якорь поднимаютъ. Плывемъ.
Долго-долго позади насъ горятъ огоньки и, наконецъ, сливаются
въ млечный путь.
Тѣмъ дальше, тѣмъ порывы горячаго вѣтра становятся сильнѣй.
Какой-то ропотъ, гулъ и шипѣнье слышатся во мглѣ. Полъ подъ

нами начинаетъ то опускаться, то подниматься, медленно и мягко. Чувство безотчетной тревоги закрадывается въ душу.

Сходимъ въ рубку.

Дю-Фаръ храбрится, замѣчая, что надо «faire bonne mine aû mauvais jeu». Офицерикъ-грузинъ также куражится, увѣряя, что качка на него не дѣйствуетъ. Саперикъ задумчивъ и, видимо, крѣпится. Ему предстоитъ удовольствіе полтора мѣсяца плыть во Владивостокъ. По его дѣтскому и совсѣмъ доброму рябоватому лицу пробѣгаютъ легонькой волной судороги. Дамы начинаютъ нервничать. Сажусь за пьянино. Качка усиливается. Качаетъ то направо, то налѣво. Клавиши убѣгаютъ изъ-подъ пальцевъ. То пьянино опускается, а я надъ нимъ поднимаюсь, то стулъ опускается куда-то, а пьянино выростаетъ. Это начинаетъ раздражать.

Капитанъ любезно справляется у дамъ, какъ онѣ себя чувствуютъ. Дамы отвѣчаютъ, что ничего, но какъ-то странно глотаютъ. Капитанъ пытается утѣшить.

— Это что! Совсѣмъ пустяки! Бываетъ такая качка, что на койкѣ удержаться нельзя.

Будто нарочно пароходъ сразу проваливается въ бездну, потомъ опрокидывается на бокъ. Бутылки со стола летятъ. Лакей бросается удержать ихъ, но падаетъ на капитана. Дамы ахаютъ, потомъ, заявивъ, что пора спать, сходятъ въ каюты; мужчины тоже.

Я вмѣстѣ съ капитаномъ выхожу на площадку. Онъ становится у слуховой трубы. Я сажусь на скамью. Надъ вентиляціонной трубой, что проведена внизъ, къ каютамъ, развѣвается парусиновый крылатый призракъ—вентиляторъ, раздуваясь подъ напоромъ вѣтра.

Небо стало еще темнѣй, морская пучина вокругъ насъ совсѣмъ исчезла. Слышно только, какъ клокочетъ и шипитъ море, какъ нарастаютъ волны и мечутся въ какой-то дикой схваткѣ, слышно, какъ онѣ плещутся и ползутъ по борту парохода.

Гдѣ-то далеко-далеко свѣтится огонекъ. Это «Корниловъ». Онъ идетъ параллельно съ нами, но верстахъ въ десяти отъ насъ.

Эта звѣздная бездна надо мной, эта черная бездна подо мной наполняютъ душу чувствомъ одиночества и глубокой тоски. И жизнь, и человѣкъ кажутся теперь такими ничтожными и безсильными въ окружающемъ мракѣ, во власти разъяренной стихіи.

Вѣтеръ растетъ, свирѣпѣетъ, завываетъ въ дымовой трубѣ и вентиляторахъ. Черный силуэтъ капитана, стоящаго у мачты, начинаетъ покачиваться. Старичекъ колышется точно «ванька-встанька», но будто приросъ ногами къ мостику. Сколько ему пришлось на своемъ вѣку перенести этихъ бурь, и какъ онѣ, должно-быть, надоѣли ему! То и дѣло слышится его дребезжащій голосъ:

— Полный ходъ впередъ...

Онъ нажимаетъ кнопку звонка. Я подхожу. Внизу видна топка; огонь пылаетъ точно въ жерлѣ ада. А подъ стеклянным колпакомъ ворочаются гигантскіе стальные рычаги, движутся колеса. Пароходъ, точно чудовище, шипитъ, дрожитъ въ напряженіи энергіи и мечется въ борьбѣ съ яростными волнами, то опрокидываясь отъ изнеможенія, то опять взлетая на высокіе гребни. Маленькій, старенькій человѣкъ твердо стоитъ на своемъ посту; онъ продолжаетъ нажимать пуговку электрическаго звонка, и чудовище, словно одухотворенное его волей, снова набирается силъ и снова, точно живое существо, рвется впередъ, разрѣзая грудью волны...

Завтра старичекъ исчезнетъ мимолетнымъ призракомъ, на его мѣсто станетъ другой и такъ же будетъ возить по этому морю неугомоннаго человѣка, и такъ же будетъ раздаваться команда «впередъ» надъ этой бездной, въ этомъ мракѣ, полномъ вѣчной и глубокой тайны.

Слѣва отъ насъ выплываетъ свѣтъ электрическаго фонаря. Вдали проносится пароходъ; огоньки вспыхиваютъ и постепенно таютъ. На душѣ становится тепло отъ сознанья, что мы не такъ одиноки, что гдѣ-то въ этой тьмѣ есть еще люди, носится еще жизнь человѣческая.

Начинаетъ укачивать. Опять охватываетъ тоска. Что-то мутитъ. Держусь за спинку скамейки, чтобы не упасть.

—Хотите, я велю принести сюда тюфякъ и подушки?—предлагаетъ капитанъ.—Здѣсь легче перенести качку.

Благодарю. Рѣшаю лечь спать.

— Ничего, — говоритъ капитанъ. — Зато мы обгонимъ «Корнилова». Я васъ доставлю въ Петровскъ часа на два раньше.

Что-то не вѣрится. Черныя тучи заволакиваютъ звѣзды. Горячій вѣтеръ все усиливается, пароходъ все глубже опрокидывается подъ напоромъ волнъ.

Схожу на палубу. Въ черной кучѣ спящихъ кто-то копошится. Слышенъ не то стонъ, не то икотка. Голова начинаетъ кружиться. Какъ-то тошно и противно жить. Добираюсь до каюты, кое-какъ раздѣваюсь и ложусь на койку. Офицеры и Дю-Фаръ не спятъ. Саперикъ разсказываетъ какой-то анекдотъ. Дю-Фаръ хохочетъ, но какъ-то неестественно. Грузинъ тоже говоритъ что-то, но съ паузами и томно. Потомъ всѣ сразу умолкаютъ. Дю-Фаръ вдругъ срывается, заявляя, что душно, и уходитъ на рубку. Какъ ни тяжело мнѣ, я не могу не поязвить его:

— Ah, tu l'a voulu, Georges Dandin!

— Вы думаете—меня укачиваетъ?—отзывается онъ.—Нисколько.

Этакій злокозненный французъ! Подвелъ—и еще куражится. И вѣдь неправда! Навѣрно и ему скверно. Нарочно уходитъ, чтобы наединѣ альянсъ съ Фридрихомъ заключить. Офицеры тоже что-то начинаютъ ворочаться и встаютъ.

— Здѣсь душно. Хуже укачаетъ. Пойдемъ лучше на площадку,—предлагаетъ саперикъ. Грузинъ молча, но стремительно выбѣгаетъ.

Я остаюсь одинъ.

Моя койка у наружной стѣны, подъ иллюминаторомъ. Все время слышно, будто по борту метутъ вѣникомъ. Это волны хлещутъ. Качаетъ все сильнѣй. Койка поднимается все выше и выше, потомъ сразу проваливается. Духъ захватываетъ. Сердце замираетъ испу-

ганно, какъ на качеляхъ. Только успѣешь вздохнуть—опять тоже, опять опускаешься въ пропасть, опять инстинктивно цѣпляешься за край койки. Пароходъ трещитъ. Гдѣ-то надоѣдливо визжитъ желѣзный болтъ. Вѣникъ все ползаетъ по стѣнѣ и хлещетъ. Въ раскрытыя двери каюты, завѣшенныя портьерой, слышится чей-то стонъ. Кто-то не то икаетъ, не то рыдаетъ. Генералъ безпрерывно кашляетъ сухимъ, пронзительнымъ и удушливымъ кашлемъ.

Мутитъ все больше и больше.

Какая-то злая сила точно подзадориваетъ, безпрерывно, неумолимо, упорно, то поднимая, то опуская каюту, то наклоняя ее направо, то налѣво. Въ груди что-то копошится и ползетъ, словно змѣя. Должно-быть—стерлядь. Пытаюсь встать—мочи нѣтъ. Полное безсиліе. Голова кружится, руки парализованы. Мозгъ точно поетъ и болѣзненно дрожитъ; будто не мозгъ тамъ, а холодецъ какой-то.

Вдругъ темная портьера отодвигается и въ нее просовывается худая, сѣдая голова женщины. Она устремляетъ на меня пытливый, жесткій взглядъ. Я не могу отдать себѣ отчета, галлюцинація это или дѣйствительность. Привстаю. Голова безпомощно падаетъ на подушку. Тошнота усиливается, змѣя заползла уже въ горло. И почему-то въ эту минуту вспоминается жестокая мелодрама—«Убійство Коверлэя» на пароходѣ.

Женщина, крадучись, идетъ прямо на меня.

— Что вамъ? Пытаюсь крикнуть, но голосъ замираетъ.

— Хочу получше завинтить иллюминаторъ.

— Оставьте, не надо.

Женщина, пошатываясь, исчезаетъ.

Проходитъ часъ. Пароходъ рветъ и мечетъ во всѣ стороны. Ни минуты покоя. Тошнота, головокруженье, отвращенье. Крѣплюсь, но сознаю, что безполезно, къ горлу все больше подступаетъ что-то. Изъ каютъ доносится чей-то вопль и икотка. Кто-то кричитъ «тонемъ». Мнѣ и самому кажется, что мы тонемъ. Пароходъ все глубже проваливается, точно падая на дно моря. Слышно журчанье воды... Заливаетъ... Но мнѣ все равно; только бы скорѣй какъ-нибудь кончилась эта мука...

Портьера снова отодвигается, медленно, но все больше. Мнѣ видны раскрытыя двери другой каюты. Тамъ какая-то пожилая растрепанная дама вся въ бѣломъ стоитъ на колѣняхъ на койкѣ и держитъ у самаго рта какую-то чашку. Слышно противное «аканье»... Проклятіе! Все пропало!... Нѣтъ силъ! Почти ползкомъ пробираюсь къ дверямъ. Устоять нельзя. Ноги сгибаются, мускулы потеряли упругость; а злая сила все время поднимаетъ каюту, опускаетъ, наклоняетъ направо, налѣво; духота нестерпимая.

Въ изнеможеніи падаю на койку, но и лежать нѣтъ мочи. Задыхаюсь... Привстаю и безсознательно раскрываю иллюминаторъ. Струя соленаго воздуха освѣжаетъ; но вдругъ врывается потокъ волны и заливаетъ меня съ ногъ до головы, заливаетъ каюту, чемоданы. Хочу закрыть иллюминаторъ—рука не повинуется... Чья-то другая рука захлопываетъ его.

Это опять страшная женщина.

Приходитъ Дю-Фаръ. Онъ тоже шатается, какъ пьяный, и ловитъ руками воздухъ; но крѣпится и меня старается подбодрить.

— Voyons! Du courage!

Хорошій куражъ! Задалъ бы я тебѣ куражу... Смотрѣть на него не могу, такъ онъ противенъ. Кажется, растерзалъ бы въ другое время. И капитана—тоже. Не умѣетъ управлять пароходомъ! Другой навѣрно изловчился бы направить его такъ, чтобы не качало... Охъ! Опять каюта опускается, еще и еще!... И такъ всю ночь.

Къ утру кое-какъ, съ большими паузами, одѣваюсь и выхожу. Полъ шатается, онъ точно на пружинахъ; ноги подкашиваются. Совсѣмъ будто пьяный или больной, вставшій послѣ долгой болѣзни. Меня бросаетъ въ одну сторону, потомъ въ другую; ловлю руками воздухъ. Удается ухватиться за мѣдныя перила. Съ трудомъ, безконечно долго поднимаюсь по ступенямъ на палубу, потомъ на капитанскую площадку и ложусь на скамью. Пока лежишь—ничего, какъ только встанешь—мутитъ. На полу нѣсколько тюфяковъ. Тамъ пластомъ лежатъ дамы, тамъ и «Мечта» съ ея спутницами...

Саперъ садится подлѣ и подкладываетъ мнѣ подъ голову резиновую подушку. Дю-Фаръ опять поддаетъ «куражу». Лица и у нихъ, и у капитана, и у дамъ мертво-зеленыя.

Въ глазахъ ходятъ желтые круги. Пахнетъ англійскою солью. Надо мной движется синее небо, сливающееся съ синей въ бѣлыхъ гребняхъ клокочущей равниной. Пароходъ все опрокидывается то въ одну, то въ другую сторону, все ныряетъ. Проходитъ еще часа два въ этомъ томленіи...

Далеко на горизонтѣ обрисовывается волнистая, синевато-желтая линія горъ. «Земля! Земля»!...

Это—Кавказъ...

Глава XVIII.

На твердой почвѣ.—Петровскъ.—Въ персидской банѣ.—„Торщикъ“.—Горчаковъ.—Аулъ.—Кавказская равноплеменность.—Судъ и нравы.—Кровавая месть.—Русская „вендетта“.—Психологическая и историческая загадка.—На вокзалѣ.—„Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана“.

22-е августа.

Горы все приближаются, вырастая холмистой грядой вдоль горизонта. Яркіе лучи скользятъ по снѣжнымъ гребнямъ высокихъ волнъ, серебря ихъ. Онѣ все надвигаются, все яростно мечутся вокругъ парохода, то подноса его, то накренивая.

Соленый запахъ моря становится нестерпимо противнымъ. Но на душѣ легче. Ждешь не дождешься берега, который колышется вмѣстѣ съ пароходомъ.

Въ дамскомъ лагерѣ, на тюфякахъ, замѣтно оживленіе. Трупы воскресли. Они еле шевелятся, но уже говорятъ. Только «Мечта» «превозмогла» себя. Она сидитъ на скамьѣ.

— Eh bien,—обращается ко мнѣ Дю-Фаръ,—я сейчасъ узналъ отъ капитана, что поѣздъ отходитъ вечеромъ. Завтра утромъ мы во Владикавказѣ.

О нѣтъ! Слуга покорный! Шестой день я на пароходѣ... Очертѣло. Заявляю категорически, что остаюсь въ Петровскѣ. Только бы добраться. Дю-Фаръ протестуетъ.

— Но что вы будете дѣлать въ Петровскѣ? Тамъ нечего смотрѣть. Теперь полдень. Къ вечеру намъ надоѣстъ даже.

Я стою на своемъ. Онъ заявляетъ, что сегодня же ѣдетъ дальше.—А «Мечта» тоже сегодня ѣдетъ?—Да.—То-то!—Дю-Фаръ смотритъ на меня подозрительно.

— Voyons, вы не станете ли воображать, что я увлекся? Конечно, j'aime beaucoup les femmes russes. «Русскайя джентшчина минѣ отшень симпатикъ». Но, nous autres, французы, мы далеко не такъ легкомысленны. Я даже иногда, признаться, мечтаю жениться на русской...

И онъ продолжаетъ убѣждать меня ѣхать сегодня же.

— Ни за что! И такъ я изъ-за васъ прозѣвалъ Радищевскій музей и Астрахань.

Дю-Фаръ задѣтъ.

— Но вы видали «Заризинъ». «Астраканъ»—это совсѣмъ то же.

Онъ прогуливается насчетъ русской медлительности и нашего неумѣнья путешествовать. Я непоколебимъ. Одна мысль, одна мечта, которой я весь охваченъ, это скорѣй почувствовать себя на твердой почвѣ, очутиться въ номерѣ гостиницы. Дю-Фаръ тоже не соглашается остаться. Комбинируемъ, какъ намъ встрѣтиться. Онъ пробудетъ на минеральныхъ водахъ двое сутокъ, я—сутки.

Съѣдемся во Владикавказѣ, а оттуда по военно-грузинской дорогѣ дальше.

У подножія голыхъ горъ, надъ самымъ берегомъ, лѣпится Петровскъ. Зелени очень мало, но бѣлые домики, выдѣляясь на желто-пепельномъ фонѣ, заманчиво улыбаются. Справа, на холмѣ, надъ городомъ, выступаютъ сѣдые бастіоны и стѣны форта, лѣвѣе—соборъ. Съ сѣвера вдоль берега бѣжитъ поѣздъ; море, кажется, вотъ-вотъ зальетъ его молочной пѣной.

«Константинъ» входитъ на рейдъ. У мола еще нѣсколько пароходовъ. Застопориваютъ машину, и мы пристаемъ.

Чувство невыразимой радости охватываетъ все существо. Легко и весело. Міръ, жизнь, люди—все это сразу, вдругъ становится необыкновенно милымъ, кажется необыкновенно хорошимъ. Мы ходимъ еще пошатываясь, какъ пьяные. Я спѣшу стать на молъ и оглядываюсь съ торжествомъ. Совсѣмъ хорошо! Легкое опьяненье. Хочется обнять этого милаго капитана, который благополучно доставилъ насъ, хочется обнять матросовъ, обнять даже эту страшную сѣдую чухонку, которая ночью закрыла иллюминаторъ. Капитанъ кажется просто героемъ. Борьба человѣка со слѣпой стихіей, его побѣда надъ ней, этотъ славный старикъ, который всю ночь стоялъ на своемъ посту, защищая нашу жизнь, и превозмогъ ди-

кую, злую силу,—все это повышаетъ духовный подъемъ и вмѣстѣ съ нимъ будто возрождаетъ упавшую вѣру и въ жизнь, и въ человѣка, и въ прогрессъ.

Цѣлая ватага персовъ набрасывается на меня. Они и здѣсь, какъ и въ другихъ портахъ Каспійскаго моря, захватили амплуа «кули». Мой багажъ, несмотря на внушительный видъ русскаго городового, они вырываютъ другъ у друга точно добычу. Еле поспѣваю за ними, лавируя среди грудъ камней. Гавань строится, молъ еще не конченъ. Да и весь Петровскъ имѣетъ какой-то строящійся видъ. Физіономія уѣздная. Печать захолустнаго неглиже; пустыри, заросшіе бурьяномъ, немощеныя улицы. Фаэтонъ катится мягко, глубокій песокъ скрипитъ подъ колесами. Рядомъ съ двухъэтажными домами—лачуги, рядомъ съ хорошими магазинами—азіатскія лавчонки съ широкими отверстіями вмѣсто оконъ и лотками подъ ними. На порогахъ, на тротуарахъ, на лоткахъ сидятъ по-турецки смуглые бородачи восточнаго типа. Торговцы преимущественно армяне. Мимо, вздымая клубы пыли, проносится вскачь группа всадниковъ въ черкескахъ и папахахъ; это — лезгины. На углу собралась толпа горцевъ. Подлѣ—солдатики въ бѣлыхъ блузахъ. Полосатая трехцвѣтная вывѣска питейнаго заведенія дополняетъ эту картину.

Извозчикъ—татаринъ. По-русски почти не понимаетъ. Издаетъ какіе-то гортанные звуки въ стилѣ вейнберговскихъ анекдотовъ. Говорю ему везти меня въ «самую первую гостиницу». Оглядывается, мотая головой, но, видимо, не знаетъ, чего я требую. Однако, у подъѣзда «Франціи», когда я даю ему двугривенный, протестуетъ и бормочетъ что-то про «сороки». Гостиница въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани, у самаго моря. Татаринъ настаиваетъ на прибавкѣ, повторяя безсвязно «сороки, мало, такса». Таксу, небось, знаетъ. Изъ гостиницы выбѣгаетъ какой-то парень въ красномъ архалукѣ и бараньей шапкѣ. Должно-быть—лезгинъ. Спрашиваю швейцара. Еле понимаетъ по-русски и заявляетъ, что онъ и есть швейцаръ. Вслѣдъ за нимъ показывается другой парень, армяшка, но уже въ европейскомъ костюмѣ. По виду очень напоминаетъ какого-нибудь могилевскаго «мишуриса». Тоже ломаетъ русскій языкъ, но изъясняется понятно. Содержатель гостиницы русскій Прохоровъ; живетъ во Владикавказѣ. Гостиница новенькая, двухъэтажная, относительно чистенькая, даже съ электрическими звонками. Однако номеръ, правда «съ видомъ на море»,—два съ полтиной. Зато кровать съ пружиннымъ матрасомъ и свѣжая. Клоповъ еще не успѣли завести. Этотъ комфортъ почти поражаетъ послѣ рогачевскаго отеля «Золотой Якорь». Къ сезону морскихъ купаній сюда съѣзжается довольно много народу.

Послѣ шести сутокъ пароходной жизни и качки,—всѣ помыслы сводятся къ ваннѣ. При гостиницѣ нѣтъ; русская баня закрыта; но говорятъ, есть персидскія бани. Номерной увѣряетъ, что очень хорошія, и что всѣ господа ходятъ туда.

«Швейцаръ» въ красномъ архалукѣ ведетъ меня. Пытаюсь раз-

говориться съ нимъ—ничего не выходитъ; опять гортанные звуки и пантомима. Черные глаза глядятъ косо изъ-подъ бараньей шапки. Въ нихъ есть что-то, вызывающее подозрѣнье. Идемъ довольно долго, выходимъ на какой-то пустырь. Въ глубинѣ старый каменный домъ особнякъ, но безъ оконъ. Вмѣсто крыши—усѣченный конусъ изъ камня. Что-то похожее на юрту.

— Стой, да ты туда ли меня ведешь?

— Ага, ага! Мотаетъ головой, показывая пальцемъ на узенькія двери и ступеньки. Совсѣмъ какъ будто входъ въ подземелье или погребъ. Стучитъ. Никто не откликается. Бѣжитъ въ сосѣдній домъ искать хозяина. Жду. И любопытно, и хочется уйти. Чего добраго—ограбятъ. Нащупываю карманъ: револьверъ со мной. Только, говорятъ, они такіе кинжальные артисты, что и ахнуть не успѣешь, какъ всадятъ тебѣ ножъ по самую рукоятку.

Въ это время за мной раздается грохотъ экипажа. Оглядываюсь—Дю-Фаръ съ фотографическимъ аппаратомъ.—Куда вы?—Въ аулъ.—Это далеко? спрашиваю извозчика. Опять бормочетъ что-то непонятное. Татаринъ или прирученный дагестанецъ—кто его разберетъ. Рожа тоже совсѣмъ подозрительная. Дю-Фаръ говоритъ, что аулъ въ четырехъ верстахъ. Укоряю его за неосторожность: безъ полицейскаго, безъ проводника, безъ языка. Того и гляди—укокошатъ. Записываю на всякій случай номеръ извозчика и внушаю ему, чтобы онъ везъ осторожно.

— Большого начальника везешь, изъ Петербурга везешь, знаешь? Смотри, вези хорошо, а то сѣкимъ-башка будетъ.

Онъ киваетъ головой, Дю-Фаръ безпечно смѣется. Фаэтонъ ѣдетъ въ гору.

Является содержатель бани, здоровенный персіянинъ, съ морщинистымъ, обросшимъ, совсѣмъ разбойничьимъ лицомъ. На немъ тоже баранья шапка и полосатый оборванный халатъ; вокругъ таліи обмотанъ широкій красный турецкій поясъ. Слѣва онъ странно оттопыривается. Должно-быть, кинжалъ. Отворяетъ двери, сходитъ внизъ и манитъ меня. Взглядъ пронзительный. Была-не была. «Швейцару» приказываю ждать и схожу въ какое-то подземелье по каменнымъ ступенямъ. Рука въ карманѣ, въ рукѣ револьверъ. Узенькій, тускло освѣщенный корридорчикъ.

Узенькія двери ведутъ въ «номеръ». Голыя стѣны, каменный полъ, деревянныя лавки, потолокъ куполомъ, вверху матовое окошечко; это—«предбанникъ». Баня такая же; у стѣны двѣ каменныхъ глыбы, въ нихъ высѣчены углубленья. Что-то грубое, первобытное, похожее на тѣ каменные желоба, въ которыхъ скотъ поятъ. Беретъ сомнѣнье. Не надо. Богъ съ нимъ, съ его баней и со всѣмъ...

— Чиво ни нада? Нибось! Харошъ, харошъ! увѣряетъ хозяинъ.

И для большей убѣдительности треплетъ меня по плечу. Рука огромная, волосатая, жилистая; съ такой рукой и кинжала не надо. Двери совсѣмъ исчезаютъ за его фигурой.

— Торщикъ хочишь?

— Что?

— Торщикъ, торщикъ надо?

— Какой торщикъ?—Пытаюсь понять—и ничего не понимаю.

— Ну, торщикъ, знаишь... такъ?

Онъ вдругъ кладетъ мнѣ на спину свою громадную ручищу и начинаетъ тереть.

Теперь догадываюсь. Рѣчь идетъ о парщикѣ или банщикѣ. Опять разбираетъ любопытство.

Является «торщикъ», сухой, черномазый персъ. Выбритая лысина—сизая, ногти на рукахъ и ногахъ выкрашены желтой краской; это придаетъ имъ мертвенный цвѣтъ трупа.

— Здравствуй.—Здравствуй.—Хочишь мица?—Хочу мыться.—Ну, ложись.

Ложусь, но подозрительно слѣжу за каждымъ движеніемъ «торщика». Этотъ не такой страшный, какъ его хозяинъ. Тонкій, худой, со смугло-желтой кожей, онъ похожъ на заморенного голодомъ индуса. Своему «искусству» отдается сосредоточенно, серьезно. Мнѣ вспоминается «Путешествіе въ Эрзерумъ» Пушкина и его описаніе тифлисскихъ бань. Здѣсь—тѣ же пріемы, та же жесткая перчатка, которой онъ мягко водитъ по тѣлу, обливая его теплой водой, тотъ же мыльный мѣшокъ. Онъ мочитъ его, намыливаетъ, потомъ, дунувъ, быстро закрываетъ. Мѣшокъ, наполненный воздухомъ, распухаетъ, какъ пузырь. Тогда онъ сжимаетъ его, и легкая пѣна, просачиваясь сквозь ткань, теплымъ пухомъ обдаетъ тѣло. Послѣ этого начинается массажъ. Третъ онъ довольно ловко и мягко, а потомъ вдругъ, къ моему ужасу и изумленью, взлазитъ на меня совсѣмъ съ ногами.

— Стой, говорю, куда ты лѣзешь? Убирайся...

— Хорошо, хорошо,—увѣряетъ онъ. Надо, здоровъ!

Я вскакиваю. У «торщика» оскорбленный видъ непризнаннаго таланта.

У выхода ждетъ хозяинъ. Спрашиваю, сколько слѣдуетъ. Говоритъ—семь гривенъ. За этакую-то пакость!—Всѣ господа, увѣряетъ, такъ платятъ. Даю полтинникъ. Благодаритъ, протягиваетъ руку и со смиренно-заискивающимъ видомъ проситъ «на чай».—Да вѣдь ты самъ хозяинъ?—«Нэтъ, нэтъ, хазаинъ другой, нима хазаинъ». Мотаетъ головой. Зову «швейцара».—Это его баня?—Ага, ага! Киваетъ утвердительно своей бараньей башкой.

Однако восточный разбойникъ нисколько не смущается. Этакій народъ! По-русски говорить не научились, а «на чай» знаютъ.

Захожу въ магазины. Вездѣ армяне, вездѣ армянскій жаргонъ.

По возвращеніи въ номеръ заказываю обѣдъ. Въ карточкѣ значится борщъ по-флотски, бадриджаны (баклажаны) и чехохбили, соусъ изъ цыпленка или баранины съ помидорами.

Въ раскрытыя окна видно море. Оно теперь почти неподвижно. Бирюзовая необъятная даль съ бѣлѣющими парусами такъ и манитъ своимъ чарующимъ просторомъ. Не вѣрится, что это то самое море, которое ночью металось такъ яростно, казалось такимъ ненавистнымъ. Но прибой продолжается. Невидимо откуда у самаго бе-

рега, почти подползая къ гостиницѣ, вырастаетъ вдругъ на этой синевѣ бѣлый гребень, стремительно бѣжитъ, пересыпаясь серебряными кудрями, и съ грохотомъ разбивается. А на смѣну уже несется новая волна и опять слышится глухой пушечный раскатъ. Онъ то слабѣетъ, то, усиливаясь, снова проносится грохотомъ. Это—девятый валъ. Слухъ настолько освоился съ нимъ, что весь организмъ передъ девятымъ валомъ охваченъ ожиданіемъ; и чувства, еще подъ впечатлѣніемъ недавней качки, переживаютъ ее въ иллюзіи. Я сижу и вдругъ вижу, какъ стѣна и окна опускаются. Инстинктивно хватаюсь руками за столъ.

Во время обѣда за моей спиной раздается вдругъ вопросъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Оглядываюсь. Предо мной высокій блондинъ, съ открытымъ русскимъ лицомъ, что называется кровь съ молокомъ, русой бородкой ярославца и добрыми, ясными, какъ море, глазами. Что-то хорошее, умное и душевное во всей его наружности. Глаза такъ и отдыхаютъ на немъ послѣ всѣхъ этихъ черномазыхъ, обросшихъ, угрюмыхъ азіатскихъ рожъ.

— Здравствуйте. Вы это откуда такой взялись здѣсь?

Широкая улыбка освѣщаетъ его лицо.

— Мы комиссіонеромъ при гостиницѣ состоимъ.

Зовутъ его Гаврило Михайловъ Горчаковъ. Уроженецъ Тамбовской губерніи, села Просяныя Поляны. Дома—тѣснота, земли мало, семья большая. Оставилъ жонку и дѣтей, пріѣхалъ на Кавказъ счастья искать. Заработокъ есть, только къ своимъ тянетъ; здѣсь не съ кѣмъ словомъ обмѣняться: азіаты, ничего не понимаютъ.

Я съ удовольствіемъ бесѣдую съ Горчаковымъ. Въ немъ такъ ярко, такъ типично сказалась народная русская душа, которая завоевала весь русскій просторъ и теперь какъ будто недоумѣваетъ, не зная, какъ справиться съ нимъ, что сдѣлать.

Послѣ обѣда заглядываетъ Дю-Фаръ. Привѣтствую нашего франко-русскаго Стэнли съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ спѣшитъ подѣлиться своими впечатлѣніями. Аулъ въ ущельѣ, по дну котораго журчитъ какая-то рѣченка. Сакли то одноэтажныя, то двухъэтажныя, съ плоской, вымазанной глиной крышей. Въ нижнемъ этажѣ живутъ хозяева, тамъ же и кухня, и яма, въ которой разводятъ огонь; надъ ней—труба; по стѣнамъ оружіе, въ стѣнахъ окна какъ въ конюшняхъ, безъ стеколъ. Вверху — кунацкая. Въ ней довольно чисто; топчаны, покрытые коврами, какія-то тумбы или куски бревенъ. Это помѣщеніе для гостей. При кунацкой—балконъ съ навѣсомъ. Видъ унылый, аулъ бѣдный, — вездѣ сѣрый камень, глина и пепельная земля.

— И это здѣсь, здѣсь, въ этомъ богатомъ краѣ, при этой почвѣ, при этомъ климатѣ, на этомъ плоскогорьѣ, будто созданномъ для виноградныхъ плантацій!

Дю-Фаръ разочарованъ. Онъ вспоминаетъ кіевскую деревню, потомъ сарапульскую, и добавляетъ не безъ паѳоса:

— Что же они сидятъ тамъ, почему же не идутъ сюда? Вѣдь эти вотъ тысячу лѣтъ живутъ здѣсь, въ этомъ богатомъ краѣ—и ничего извлечь изъ него не могутъ...

Мало того, даже жизни своей не сумѣли устроить сколько-нибудь сносно. Весь Кавказъ мнѣ кажется какимъ-то междоусобнымъ шляхетскимъ хозяйствомъ. Такъ бываетъ, гдѣ на одномъ фольваркѣ захозяйничаютъ десятки наслѣдниковъ-шляхтичей. Что ни шляхтичъ — то панъ, со своей заядлостью, со своей претензіей и гоноромъ, со своимъ «нихъ твое на моемъ не стырче». Шутка ли сказать, на 8,500 миляхъ кавказской территоріи—десятки разныхъ народцевъ; на площади, меньшей нѣкоторыхъ русскихъ губерній, умѣщалось нѣсколько царствъ, девять ханствъ и множество княжествъ, съ разными лоскутными царьками, ханами, князьками и беками. И у каждаго народца свой языкъ, свои обычаи, нравы и законы; тутъ казнятъ, а перелѣзъ черезъ заборъ—милуютъ.

Одинъ Дагестанъ чего стоитъ. Здѣсь на площади, немногимъ меньшей Московской губерніи, около шестисотъ тысячъ лезгинъ; и эти шестьсотъ тысячъ распадаются на пятьдесятъ пять племенъ, говорящихъ на множествѣ нарѣчій, на разныхъ аварскихъ, даргинскихъ, кюргинскихъ, кизикумухскихъ, хунзакскихъ, анцукскихъ и другихъ языквывихательныхъ кавказскихъ арго, въ которыхъ сохранились гортанно-шипящіе звуки младенческаго лепета человѣчества эпохи пещернаго медвѣдя. Всѣ они молятся Магомету. И надо удивляться, какъ онъ справляется съ переводомъ всѣхъ этихъ нарѣчій, докладывая Аллаху просьбы дагестанскихъ правовѣрныхъ. Если бъ вавилонской башни не было, то Кавказъ могъ бы дать тему для нея.

Офицеръ-грузинъ, который пьетъ у меня чай, несмотря на всю свою любовь къ Кавказу, порицаетъ эту спутанную, дикую жизнь. Лезгины въ пятнадцать лѣтъ считаются совершеннолѣтними и вступаютъ въ бракъ. Безправіе полное. Гражданскія дѣла разбираются по шаріату, уголовныя—по адату; гражданскія дѣла ведутъ кадіи, уголовныя—депутаты. Въ Дагестанѣ что ни наибство или община, то свои адаты, писанные вилами. Судьи, конечно, руководятся обычнымъ правомъ, но населеніе смотритъ на адатъ довольно оригинально: онъ имѣетъ значеніе тогда, когда стороны удовлетворены рѣшеніемъ суда; если же потерпѣвшему рѣшеніе не по вкусу, то онъ, хотя и не знаетъ, вѣроятно, о существованіи Америки, сейчасъ же прибѣгаетъ къ закону Линча и пускаетъ въ ходъ кинжалъ. Канлу, кровавая месть, выше всякаго закона и суда: непонятно только, зачѣмъ они еще судятся. Но и кровавая месть тоже имѣетъ свои градаціи. Если преступникъ неловокъ и поймается на мѣстѣ преступленія, то его убиваютъ, безъ права родственниковъ мстить за него; если, напротивъ, его не поймали на мѣстѣ преступленія, то, въ случаѣ его убьютъ какъ-нибудь, родственники имѣютъ право на канлу; если бекъ убьетъ простого человѣка, то онъ изгоняется всего на три мѣсяца, послѣ чего платитъ «протори и убытки» родственникамъ убитаго. Такимъ образомъ, бекъ можетъ убивать ежегодно не болѣе четырехъ «простыхъ» людей. Зато если простой человѣкъ, «быдло», убьетъ бека или узденя, то онъ становится рабомъ семьи убитаго.

Кромѣ общинныхъ судовъ, есть еще туземные окружные суды,

въ которыхъ предсѣдательствуютъ начальники округовъ, а затѣмъ дагестанскій народный судъ, высшая судебная инстанція. Надо только представить себѣ, въ какомъ юридическомъ хаосѣ туземнаго обычнаго права и произвола приходится разбираться начальникамъ округовъ.

Въ этой обстановкѣ воспитывается и подрастающее поколѣніе горцевъ. Суфи, муллы и алимы учатъ мальчиковъ арабской грамотѣ, основамъ Ислама и Корана. (Женщина—раба и батрачка горца, для нея не полагается эта роскошь). Съ такой наукой почва для мюридизма и газавата, священной войны, со всѣмъ ея фанатизмомъ, для ненависти и кровавой мести—остается въ прежней силѣ.

Мнѣ вспоминается эпизодъ на тему русскаго «канлу». Года-два-три тому назадъ, въ декабрѣ, подъ вечеръ, подъѣзжалъ я къ нашему Пошехонью. Въ верстѣ отъ города вижу—на снѣгу лежитъ безъ шапки, въ кумачевой рубахѣ, какой-то человѣкъ; подлѣ—лужа крови. Человѣкъ пытается встать, но не можетъ и безпомощно плачетъ.—Что это съ тобой, откудова ты? Говоритъ невнятно. Видно—выпивши, но не очень; больше ошеломленъ побоями; голова поранена; изъ ранъ сочится кровь. Далеко впереди виденъ обозъ. Оказывается — подрался, его поколотили, отняли шапку и тулупъ, да такъ и оставили на дорогѣ, въ степи, при десятиградусномъ морозѣ. Кое-какъ вдвоемъ съ ямщикомъ садимъ его на перекладную; я держу его, прикрываю буркой; голова шатается, кровь сочится, каплетъ мнѣ на пальто. Догоняемъ обозъ.

— Стой. Кто это сдѣлалъ?

Выходитъ хозяинъ, блѣдный бородатый руссакъ, брехуновскаго типа. Во взглядѣ какъ будто и страхъ, и раскаянье, и еще не улегшійся гнѣвъ.

— Я его побилъ.—«Поѣзжай за мной». Онъ покорно отпрягаетъ лошадь и ѣдетъ рядомъ со мной. Избитый парень, котораго я продолжаю держать, кланяется своему хозяину и говоритъ плаксивымъ голосомъ: «Да, братъ, Митричъ, спасибо, спасибо тебѣ, братъ, за твою хфантазію». — А ты не лѣзь,—отзывается тотъ. «Спасибо тебѣ за твою хфантазію», повторяетъ несчастный, «разодолжилъ»... Въѣзжаемъ въ городъ, останавливаемся у квартиры надзирателя. Передаю ему парня, разсказываю, въ чемъ дѣло, прошу записать меня свидѣтелемъ и, главное, послать за врачемъ. Парень жестоко избитъ, чего добраго помретъ. Спустя часа два захожу въ часть. Пристава не застаю; спрашиваю у городового, гдѣ побитый.— Пошелъ въ трактиръ мириться. Просто не вѣрится. Захожу нарочно. Въ одной изъ комнатъ вижу хозяина, Митрича, артель и Гришку, побитаго, за общимъ столомъ. Голова у него повязана тряпьемъ. Пьютъ. У Митрича на глазахъ слезы. Извиняется. Гришка пьетъ и плачетъ. — Больно, охъ, какъ больно ты обидѣлъ меня, Митричъ. Голову проломилъ, мочи нѣтъ—болитъ. — Прости ужъ ты мнѣ...

Гришка прощаетъ. Цѣлуются. Такіе жестокіе побои даромъ ему не пройдутъ. Но онъ простилъ—и все тутъ, завтра помретъ, можетъ-

быть, отъ этого, но ужъ не будетъ требовать суда и вендетты для Митрича за его «хфантазію».

Здѣсь дѣло такъ не кончилось бы, пошли бы въ ходъ кинжалы, за убитаго мстили бы родственники, «канлу», завѣтъ смерти и самоистребленья, передавался бы изъ поколѣнья въ поколѣнье.

Вся почти семидесятилѣтняя исторія покоренія Кавказа служитъ яркой иллюстрацией психологіи двухъ народовъ. Съ одной стороны вольные, независимые горцы, съ другой—русскій народъ, бывшій, въ теченіе всей эпохи завоеванія Кавказа, крѣпостнымъ. Горцы боролись какъ львы, отстаивая свою свободу, русскій народъ, мечтавшій о свободѣ, извѣдавшій всѣ муки рабства, отдавалъ свою жизнь для того, чтобъ отнять эту свободу у горцевъ. Но странно: здѣсь народъ свободный ничего не сумѣлъ создать изъ своей свободы, кромѣ вражды, раздоровъ и нищеты, приведшихъ къ паденью націи,—тамъ народъ подъ гнетомъ рабства какъ будто слился еще плотнѣй въ единую національную массу, чтобы стать сегодня могучимъ обладателемъ полуміра, свободнымъ, но кроткимъ и миролюбивымъ. Тамъ свобода выработала въ національномъ характерѣ необузданный эгоизмъ личности, подорвавшій общественные устои, здѣсь рабство какъ будто слило отдѣльныя личности въ единую національную индивидуальность. Любопытная историческая и психологическая загадка...

Вечеромъ я провожаю Дю-Фара. Поѣздъ отходитъ въ девять. Вокзалъ еще не готовъ. Платформа не вымощена, пассажирскій залъ не оштукатуренъ. Движенье открылось только въ октябрѣ прошлаго года. Картина пестрая, европейско-кавказская. Группа пассажировъ, что ѣхала изъ Астрахани, кажется невѣроятно рѣзкимъ диссонансомъ рядомъ съ кавказской толпой. Папахи, черкески съ газырями на груди, архалуки, бешметы и бурки, легкія бараньи шапочки съ позументомъ на донышкѣ, шашки и кинжалы, кинжалы безъ конца. Не разберешь, кто военный, кто казакъ, кто горецъ. У типичнаго дагестанца-бородача на верблюжьей черкескѣ нашиты какіе-то эполеты, но безъ знаковъ. Есаулъ—не есаулъ, казакъ—не казакъ; военнымъ чести не отдаетъ. На другомъ никакихъ эполетовъ нѣтъ, видъ у него дикій, большущіе черные глаза мечутъ молніи изъ-подъ бахромы папахи; а проходитъ мимо какой-то черкесъ, тоже безъ эполетъ, онъ козыряетъ ему. Офицеръ съ поручичьими эполетами ѣдетъ въ третьемъ классѣ, не пользуясь обыкновенной льготой. Это кавказскій милиціонеръ. Горцы глядятъ сумрачно, исподлобья на вытянувшійся вдоль вокзала поѣздъ. Въ толпѣ туземцевъ что-то мрачное; черныя бороды и черные сверкающіе глаза придаютъ ей какой-то дикій колоритъ. Въ вагонъ третьяго класса быстро, почти крадучись, проходитъ нѣсколько лезгинокъ. Шелковые шаровары и пестрые бешметы шуршатъ; маленькія ноги въ чевякахъ ступаютъ легкой козьей походкой. Изъ-подъ чадры таинственно и испуганно выглядываютъ черныя миндалины глазъ.

У европейцевъ во взглядахъ пробѣгаетъ задоръ и любопытство;

у горцевъ сверкаетъ злой огонекъ, полный сарказма: они, видимо, недовольны этой «эмансипацiей» рабынь, рѣшившихся ѣхать по желѣзной дорогѣ.

«Мечта» и ея спутницы проходятъ въ вагонъ. Департаментскiй чиновникъ имѣетъ совсѣмъ изнеможенный видъ. Его жена какъ будто разочарована. Онъ сейчасъ говорилъ мнѣ, что ихъ страшно качало на «Корниловѣ», и они на два часа прибыли позже насъ. Нельзя сказать, чтобы свадебное путешествiе представляло особенную прелесть во время качки.

Дю-Фаръ прощается. Взаимныя пожеланья. На всякiй случай обмѣниваемся карточками и адресами. Поѣздъ уходитъ. Дю-Фаръ, высунувшись въ окно, кланяется, въ другомъ окнѣ мелькаетъ и исчезаетъ, какъ загадка, симпатичное личико «Мечты», въ третьемъ— какая-то разбойничья физiономiя кавказца.

Въ гавани видны пестрые огоньки и красный свѣтъ маяка. На улицахъ темно—и эта тьма полна чего-то таинственнаго. Прохожу мимо трактира. Играетъ органъ. У оконъ группа солдатъ въ бѣлыхъ блузахъ. Слушаютъ музыку, разговаривая то по-русски, то по-малорусски. Не знаю почему, но они мнѣ кажутся здѣсь совсѣмъ одинокими и заброшенными. Дальше изъ мглы выступаютъ три черныхъ фантастичныхъ силуэта въ черкескахъ и папахахъ; они о чемъ-то шепчутся. Изъ-за угла выѣзжаетъ всадникъ, вдругъ испуганно пришпориваетъ коня и мчится по улицѣ по направленiю къ горамъ.

Захожу въ садъ, что при клубѣ. Освѣщенъ, но публики почти нѣтъ. Растительность чахлая, все больше акацiи; листки свернулись отъ засухи. Вдоль аллей арыки, чрезъ нихъ перекинуты мостики. Въ глубинѣ на скамьѣ лежитъ какой-то туземецъ. Опять черкеска и кинжалъ, опять молнiи во взглядѣ. Привстаетъ, угрюмо поглядываетъ на меня и свиститъ; въ кустахъ, въ тѣни, копошатся еще три такихъ же разбойничьихъ фигуры. Поворачиваю назадъ, чувствуя, что шаги невольно становятся длиннѣе. Просто не уйти отъ этихъ кинжаловъ!..

Въ номерѣ душно. Раскрываю окна. Меня еще глубже охватываетъ таинственная атмосфера и прошлаго, и Кавказа, и чуждой жизни. Здѣсь, на этомъ берегу, возвращаясь изъ персидскаго похода, высадился когда-то Петръ Великiй. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отсюда, въ Гунибѣ, разыгрался одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ актовъ покоренiя Кавказа, капитуляцiя имама Шамиля. Дагестанъ и Чечня напоены русской кровью. Кавказъ не даромъ называется «погибельнымъ». Десятки лѣтъ онъ поглощалъ изъ поколѣнья въ поколѣнье потоки русской жизни и русскихъ слезъ.

Въ нашей памяти уже изгладился образъ нашихъ героевъ-дѣдушекъ, которыхъ манила сюда жизнь, полная удали и отваги, которые оставляли за собой столько влюбленныхъ, разбитыхъ сердецъ, образъ нашихъ бабушекъ, меланхолично напѣвавшихъ за клавикордами или старомоднымъ рояломъ знаменитый тогда романсъ:

Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.
И снился мнѣ, сiяющiй огнями,
Вечернiй пиръ въ родимой сторонѣ..

Во мглѣ раздается неугомонный, мѣрный прибой моря, слышится не то ропотъ, не то глухой вздохъ.

Глава XIX.

Море. — Дагестанскiе пейзажи. — Горцы, солдаты и казаки.—Чиръ-Юртъ и Хасавъ-Юртъ.— Разговоръ на кавказскiя темы.—Кинжальный край.—Кавказскiе разбойники. — Сомнительное куначество. — Неприступный мiръ. - Бабiй бунтъ казачекъ.—Гровный.—Евреи въ роли горцевъ.—Демонстрацiя ингушей.—„Проклятые армяне изъ Кизляра“. Владикавказъ.—Панорама горъ.

23-е августа.

Теплое южное утро.

Въ окна глядитъ нѣжно-бирюзовое море, ровное, покойное, манящее. Оно сегодня необыкновенно хорошо. Эта голубая даль, безконечная, съ бѣлыми, раздувающимися на фонѣ ярко-синяго неба, парусами, легкими, воздушными, какъ мечта,—полна чего-то чарующаго и волшебнаго. Справа, надъ самымъ берегомъ, изъ зелени сада выступаетъ бѣлое зданiе клуба, слѣва пристань съ темной рѣшеткой эстокады, башенкой маяка, мачтами и трубами пароходовъ, дальше желѣзная дорога съ рядами кубиковъ — вагоновъ; напротивъ—купальни. Тамъ уже барахтаются въ голубой влагѣ купающiеся. Волны крадутся по камешкамъ къ краснымъ рубахамъ и синимъ брюкамъ солдатъ, разбросаннымъ вдоль берега. Солдаты ныряютъ, плаваютъ, кувыркаются; молодыя, какъ будто мраморныя, тѣла то исчезаютъ, то всплываютъ въ бѣлой пѣнѣ прибоя.

Въ душу нисходитъ такой же нѣжный, какъ этотъ чистый, теплый воздухъ, такой же убаюкивающiй, какъ шопотъ моря, глубокiй, какъ его просторъ, покой,—покой до изнеможенiя. Мочи нѣтъ оторваться. Хочется смотрѣть и смотрѣть безъ конца, ни о чемъ не думая, все забывъ, отдавшись этому сладостному общенiю съ природой.

Нехотя ѣду на вокзалъ. Несмотря на девятый часъ, солнце начинаетъ припекать. Тѣмъ болѣе кажутся непонятными эти папахи, бурки и даже тулупы. Въ микстѣ перваго и второго класса я— единственный пассажиръ. Въ третьемъ—смѣшанная толпа малороссовъ-переселенцевъ и туземцевъ. Переселенцы откуда-то изъ Черниговской или Полтавской губернiи. Бабы въ чоботахъ, синихъ кафтанахъ-безрукавкахъ и «намиткахъ». Переселенцы въ хорошемъ настроенiи; смѣхъ, шутки, критическiя замѣчанiя насчетъ туземцевъ. Арбузы истребляются въ массѣ; у дѣтворы мордочки совсѣмъ перепачканы.

Поѣздъ бѣжитъ, оставляя за собой нефтяныя цистерны и на-

ливные цилиндрическіе вагоны. Справа море; оно плещется у самой насыпи. Слѣва цѣпь пепельно-желтыхъ холмистыхъ прихотливыхъ группъ горъ. Онѣ не высоки. Это еще отроги Кавказскаго хребта. Голые, выжженные солнцемъ склоны имѣютъ мертвый, безжизненный видъ; почти никакой растительности. Изрѣдка въ ущельѣ или надъ обрывомъ покажется сѣрая куча камней; это аулъ. Каменные заборы, каменныя или глиняныя сакли; вмѣсто оконъ—квадратныя отверстія; крышъ нѣтъ; зелени вокругъ никакой. Кажется, будто это развалины или пожарище; сѣро, угрюмо, мертво. Не вѣрится, что тамъ человѣческое жилье. Море все отодвигается, его заслоняетъ степь, ровная буроватая новороссійская степь, словно перенесенная сюда откуда-нибудь изъ Херсонской или Бессарабской губерніи. На западѣ раздвигаются горы, вырастаетъ высокій песчаный холмъ.

Паровозъ сердито гудитъ и дрожитъ, обдавая поѣздъ черными клубами густого дыма. Отопленіе нефтяное. Въ вагонѣ пахнетъ керосиномъ и копотью лампы.

Минуемъ станціи Шамхалъ и Тимиргое. И горы, и степь совсѣмъ безлюдны. Только порой гдѣ-нибудь высоко надъ скалой выступитъ аулъ, да въ степи изъ зелени садовъ выглянетъ деревушка, весело улыбнется своей бѣлой церковкой, низенькими, бѣленькими, совсѣмъ малороссійскими или бессарабскими домиками, желтымъ лѣсомъ подсолнуховъ, и исчезнетъ. Это все либо поселенья старовѣровъ, либо станицы гребенскихъ казаковъ. Слѣва отъ поѣзда, въ горахъ—побѣжденные, справа, въ степи—побѣдители.

Подходимъ къ Чиръ-Юрту. Здѣсь и въ Дешлагарѣ полковыя штабъ-квартиры, въ которыхъ сгруппировано тысячъ пять-шесть дагестанскаго войска.

У подножія горъ съ синѣющимъ въ глубокомъ ущельѣ лѣсомъ раскинулась большая станица. Послѣ пустынныхъ полей глазъ отдыхаетъ на обильной зелени. Изъ кудрявыхъ садовъ уютно выглядываютъ хорошенькая церковка, двухъэтажныя казармы, еще нѣсколько кирпичныхъ, крытыхъ желѣзомъ, зданій. Напротивъ, справа отъ полотна, расползается село старообрядцевъ.

На вокзалѣ толпа солдатъ, пришедшихъ поглядѣть на поѣздъ. И для нихъ, и для поселенцевъ желѣзная дорога — это цѣлое счастье: она связала ихъ съ остальной Россіей, она внесла жизнь въ этотъ мертвый покой пустыни.

Солдатики—народъ все рослый, здоровый, съ загорѣлыми, почти смуглыми лицами. Такъ и видно, что растутъ на солнцѣ, на благодатномъ воздухѣ юга, а не чахнутъ гдѣ-нибудь въ промозглой отъ сырости Бѣлоруссіи.

Тутъ же въ сторонѣ и группа горцевъ. Несмотря на дикій видъ, и въ ихъ костюмѣ, и въ гордой осанкѣ есть что-то художественное, полное красоты и граціи. Поступь мягкая, легкая, важная, нѣсколько птичья, взглядъ гордый, властный, ястребиный. Не то князь, не то вождь какого-нибудь индѣйскаго племени, не то атаманъ разбойниковъ. Горцы какъ будто дополняютъ природу Кавказа; они

кажутся здѣсь необходимымъ декоративнымъ аксесуаромъ; и если бъ ихъ не было, ихъ, кажется, пришлось бы выдумать для дополненія картины, какъ искусственныхъ швейцарскихъ горцевъ или тирольскихъ пастуховъ. Обиліе кинжаловъ просто изумительное; нѣкоторые, кромѣ шашки, носятъ у пояса по два, по три кавказскихъ ножа съ рукоятками и ножнами въ черни. Совсѣмъ какой-то кинжальный край.

На платформу откуда-то появляется молоденькій, стройный, какъ тополь, офицеръ въ блестящей гвардейской формѣ. И смуглое лицо, и взглядъ, и походка—выдаютъ горца. Должно-быть—изъ туземныхъ князьковъ. Горцы поглядываютъ на него и перешептываются.

Проѣзжаемъ мостъ, перекинутый надъ быстрой горной рѣчкой Сулакомъ, вырвавшейся шумнымъ потокомъ изъ ущелья, и мы у станицы Хасавъ-Юртъ. И здѣсь квартируютъ войска.

Вокзала нѣтъ еще. Буфетъ въ балаганѣ, станція—тоже. Въ вагонъ входитъ плотный, смуглый, среднихъ лѣтъ, офицеръ. Бритыя синія щеки, черные глаза южанина. Обрусѣвшій кавказецъ или окавказившійся русскій?

Нѣкоторое время оглядываемъ другъ друга молча. Хочешь—не хочешь, а заговорить надо: насъ всего двое въ вагонѣ. Въ рѣчи его слышится акцентъ. Должно-быть—грузинъ, а похожъ на малоросса. Ѣдетъ во Владикавказъ. Полкъ переводятъ въ Кутаисъ. Только-что осѣлъ на мѣстѣ, обзавелся домкомъ, а теперь приходится все продавать, разорять гнѣздо, перетаскивать семью.

Поѣздъ останавливается. Жарко. Томитъ жажда. Реомюръ показываетъ 30 градусовъ. Выхожу. Вокзала нѣтъ. У полотна два товарныхъ вагона. На одномъ дощечка съ надписью «станція Кади-Юртъ», у другого звонокъ. Больше ничего. Вблизи—аулъ Кади-Юртъ, съ саклями, обмазанными глиной и похожими на землянки безъ крышъ. На окраинѣ кладбище, съ каменными высокими тумбами, которыми утрамбовываются дороги. Это памятники.

Мы уже въ Терской области. Большая и Малая Чечня входятъ въ ея составъ. Чеченцевъ свыше двухсотъ тысячъ; у нихъ тоже нѣсколько нарѣчій и племенъ. Мнѣ вспоминается пушкинская черкесская пѣсня:

Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной—
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

— Что, какъ они теперь, успокоились?—спрашиваю офицера.

— Не скажите,—говоритъ онъ.—Конечно, не то, что десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда здѣсь была бѣда. Но и теперь пошаливаютъ. Черкесы—и во время, и послѣ турецкой кампаніи—выселились, къ счастью, въ Турцію. Теперь ихъ осталось немного, тысячъ пятьдесятъ, да и тѣхъ двинули въ Кубанскую область. Лезгины и чеченцы посмирнѣе ихъ; но они все-таки враждебны намъ. Колонизація идетъ туго. Все говорятъ у насъ о ней, а дѣло почти не подвигается. Тѣ станицы, что вы видали въ Дагестанѣ и здѣсь,—съ незапамятныхъ временъ; новыхъ переселенцевъ мало. Прибавьте нѣсколько тысячъ войскъ — вотъ вамъ и все рус-

ское населеніе Дагестана и восточной половины Терской области. Горцы всегда наготовѣ; они не проявляютъ теперь массовой вражды, но для этого нужна только искра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда шла рѣчь о введеніи воинской повинности, возстаніе чуть-чуть не вспыхнуло. Съ желѣзной дорогой они и теперь еще не могутъ помириться. Поперекъ горла она имъ стала. Вотъ ингуши, напримѣръ, какъ только завидятъ поѣздъ, сейчасъ надѣваютъ кинжалъ да берданку и устраиваютъ безмолвную враждебную демонстрацію. Поговаривали о разоруженіи, да ничего съ ними не подѣлаешь. По ихней поговоркѣ—«берданка мнѣ и жены милѣе».

— А вообще насчетъ «сѣкимъ башки» и разбоевъ какъ у васъ?

— Да ничего, теперь меньше, слава Богу. Вотъ не хотите ли газетку. Сегодня получилъ...

Въ одной корреспонденціи читаю:

«Вамъ уже извѣстно объ убійствѣ фотографа и его жены, случившемся въ ночь на 11-е августа между желѣзнодорожной станціей Елисаветполь и городомъ».

Фотографъ возвращался въ одиннадцать часовъ ночи съ вокзала; дома осталось трое дѣтей. Въ него было сдѣлано три выстрѣла, въ жену его одинъ. Убійцы—Садыхъ Али-Баба-оглы и Алакперъ-Наби-оглы, татары.

«Несчастныя жертвы злодѣянья были настолько бѣдны, что на похороны ихъ г. полицеймейстеру Исрафильбекову пришлось прибѣгнуть къ собиранію среди своихъ знакомыхъ пожертвованій. Въ пользу сиротъ собрали двѣсти рублей, да въ Аджикентѣ состоялся спектакль». Корреспонденція заканчивается очень трогательно: «свѣтъ, стало-быть, не безъ добрыхъ людей».

Дальше читаю:

«Убійства. Намъ сообщаютъ, что въ послѣднее время въ Кутаисскомъ уѣздѣ *слишкомъ* участились случаи убійства. Въ продолженіе всего одной недѣли убили трехъ человѣкъ въ м. Квирилы и трехъ въ сел. Чхеити». Очень недурно и совсѣмъ по-кавказски это «слишкомъ участились». Еще бы: по одному человѣку въ день, не считая воскресенья. Пожалуй, одно убійство на два дня въ двухъ смежныхъ мѣстечкахъ по-кавказски не было бы слишкомъ.

Но еще лучше кавказскіе Ринальдо-Ринальдини въ Кубинскомъ округѣ. Это ужъ что-то совсѣмъ въ турецкомъ вкусѣ. Шайка разбойниковъ безнаказанно совершаетъ набѣги не только на аулы, но и на города. Все населеніе въ паникѣ. Разбойники по усмотрѣнію облагаютъ данью и поселянъ, и горожанъ. Устраиваются облавы, устраиваются охоты, цѣлые походы. Какъ въ «Тысячѣ и одной ночи» вызываются смѣльчаки, вербуются отряды волонтеровъ. Разбойники продолжаютъ убійства и грабежи. Головы ихъ оцѣниваются, ихъ объявляютъ «внѣ закона». Это самый рѣшительный способъ борьбы съ бандитами, къ которому прибѣгаютъ на Кавказѣ. Каждый имѣетъ право убить разбойника безнаказанно, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ его. Противъ шайки выступаетъ цѣлый отрядъ, во главѣ

съ начальникомъ округа; смѣльчаки изъ туземцевъ примыкаютъ къ нему; устраиваютъ засаду—и, наконецъ, полтора десятка разбойниковъ, послѣ жестокой осады и перестрѣлки, взяты. Населеніе города, во главѣ съ администраціей, муниципалитетомъ и товарищемъ прокурора, торжественно встрѣчаетъ побѣдителей. Имъ устраиваютъ раутъ, пьютъ шампанское, говорятъ спичи. Что-то совсѣмъ сказочное, восточное и чуждое девятнадцатому вѣку.

Становится жутковато.

Я вспоминаю, что въ нѣсколькихъ вагонахъ третьяго класса есть десятка два-три такихъ же разбойниковъ.

— А что, на поѣзда они не нападаютъ?

— На закавказской дорогѣ случается. Здѣсь пока этого нѣтъ. Но все-таки пакостить стараются. Машинистъ тутъ всегда на чеку. Много вредили, когда строилась дорога... Да, за Кавказъ намъ слѣдуетъ приняться посерьезнѣе. Купленъ онъ дорогой цѣной, много крови пролито. Надо хоть теперь поставить дѣло такъ, чтобы не пришлось ее вновь проливать. Изъ Петербурга къ намъ заглядываютъ и чиновники, и журналисты, проѣзжаютъ на воды по желѣзной дорогѣ, потомъ по военно-грузинской въ Тифлисъ... Видятъ, все такъ благоустроено, вездѣ порядокъ. Помилуйте, да Кавказъ нашъ, совсѣмъ нашъ. Зачѣмъ же мы содержимъ здѣсь такую массу войскъ, расходуемъ столько денегъ, почти пятьдесятъ милліоновъ, на управленіе мирнаго края. А вотъ попробовали бы они заглянуть туда, вглубь этихъ горъ, попробовали бы ближе ознакомиться съ горцами,—тогда бы и узнали, мирный онъ или не мирный. Есть такіе уголки, гдѣ русская нога не ступала, такія дебри, о которыхъ мы понятія не имѣемъ... Шамиль умудрялся и пороховые, и артиллерійскіе заводы имѣть; а кто поручится, что и теперь ихъ нѣтъ гдѣ-нибудь тамъ въ недоступныхъ ущельяхъ, куда одинъ горецъ проникнуть можетъ. Вѣдь вотъ, говорятъ, они съ голоду мрутъ въ горахъ; однако скорострѣлками обзавестись сумѣли... Въ прошлую кампанію сколько они намъ зла надѣлали. Весь планъ испортили, нѣсколько дивизій парализовали, обезсиливъ авангардъ. Вы думаете—теперь они не повторятъ этого? Да если бы они и не хотѣли, въ нихъ разожгутъ фанатизмъ для новаго газавата. Кунакомъ-то онъ васъ назоветъ и зазоветъ къ себѣ, и чурекомъ, и хинкаломъ угоститъ, виномъ или луди напоитъ, а все-таки въ душѣ смотритъ на васъ какъ на «сулдуса», котораго, чуть вы переступили порогъ, не грѣхъ и пристрѣлить: все-таки однимъ гяуромъ меньше будетъ. Если бъ ихъ не сдерживала еще круговая отвѣтственность аула за всякое злодѣйство,—посмотрѣли бы, что у насъ было бы.

Опять остановка и разъѣздъ. Опять вмѣсто вокзала — вагоны. Вообще вся дорога здѣсь имѣетъ видъ американскаго колонизаторскаго пути, раскинутаго наскоро гдѣ-нибудь въ преріи. На вокзалахъ, небольшихъ каменныхъ домикахъ, нѣтъ надписей, водокачки еще строятся, вмѣсто платформъ—земляная насыпь.

Подходитъ встрѣчный поѣздъ. Въ одномъ окнѣ точно изъ рамы выступаетъ суровая обросшая рожа чеченца съ пронзительнымъ

взглядомъ, въ другомъ—бритое загорѣвшее лицо русскаго мастерового, какого-нибудь калужанина или орловца. Чеченецъ что-то говоритъ ему ломаннымъ языкомъ, поясняя рѣчь пантомимой.

Кубанскіе и терскіе казаки вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть нескончаемаго покоренія Кавказа. Запорожскіе «лыцари», донскіе и волжскіе казаки, крѣпостные, бѣжавшіе сюда отъ неволи, всѣ тѣ широкія, жаждущія свободы и удали натуры, которыя не могли уложиться въ узкія рамки русской жизни эпохи крѣпостного права,—все это сыграло здѣсь колонизаторскую роль американскихъ піонеровъ, пережило ту же жестокую борьбу изо дня въ день съ кавказскими «краснокожими». Такая жизнь, закаляя человѣка, выработала въ немъ своеобразную натуру, для которой борьба составляетъ стихійную потребность, которая гдѣ-нибудь и на чемъ-нибудь должна разметать накопившуюся энергію. Кавказъ покоренъ, развернуть свою казацкую силу негдѣ. Она дремлетъ въ мирной обстановкѣ станичной жизни, изрѣдка проявляясь въ какомъ-нибудь дикомъ порывѣ.

Въ прошломъ іюлѣ въ станицѣ Боргустанской произошли чумные безпорядки. Карантинныя мѣры примѣнялись здѣсь и раньше, казаки не протестовали; а теперь вдругъ сразу вся станица забунтовала, какъ одинъ человѣкъ. Ни уговоры начальника области и наказнаго атамана генерала Каханова, ни другія мѣры—не подѣйствовали. Больше всего шумѣли казачки, и на требованіе своего атамана — разойтись кричали хоромъ «не согласны». Бабья смѣлость заразительно дѣйствовала на казаковъ. Для усмиренья былъ вызванъ полкъ. Регулярныя войска стали противъ иррегулярныхъ. Послѣ долгихъ увѣщеваній, которыя не подѣйствовали на упрямую толпу, были пущены въ ходъ драгуны; казаковъ посмяли немного прикладами. Это заставило ихъ очнуться и уступить требованіямъ своего атамана.

— Однако, этакъ они, пожалуй, и совсѣмъ изъ рукъ могутъ выбиться!

— Да, наши казаки диковаты. Съ ними сладить не легко,—говоритъ офицеръ. Побѣждать они побѣждали, но во многомъ ассимилировались съ горцами. Есть такіе, что больше льнутъ къ нимъ, чѣмъ къ намъ. А казачки—бѣдовыя. Подрастающія поколѣнья воспитываются въ воинственномъ духѣ. Эту массу нужно образовать, связать ее съ родиной болѣе сознательнымъ единеніемъ.

Слѣва отъ насъ аулъ и станція Гудермесъ, справа, черезъ дорогу, станица Заханъ-Юртъ, совсѣмъ малороссійская деревушка, съ хорошенькой деревянной церковкой, черешневыми и вишневыми садами. Слѣва — голыя каменныя сакли безъ крышъ, стадо овецъ, ослы, буйволы, двухколесныя высокія арбы съ верхами почтовыхъ кибитокъ, какія-то двухколесныя повозки съ плетенымъ кузовомъ, справа—уютные бѣленькіе домики, баштаны, кукуруза, плугъ, запряженный тремя парами воловъ, русскія телѣги; слѣва у полотна видны жены горцевъ въ бешметахъ, справа—бабы въ сарафанахъ или малорусскихъ «спидницахъ». Воздухъ насыщенъ дымомъ кизяка, нарѣзаннаго кирпичиками и сложеннаго въ пирамидки у ауловъ. На платформѣ—казаки въ лиловыхъ и синихъ съ полосками ситцевыхъ халатахъ. Видъ распаренный, лѣнивый, меланхолично-хохлацкій. Тутъ же бѣгаетъ группа смуглыхъ, какъ цыгане, и оборванныхъ мальчиковъ-чеченцевъ. Они предлагаютъ лубковыя корзиночки съ лѣсными орѣшками, выкрикивая:

— Дуа шауръ, дуо шауръ. (Десять копѣекъ).

Горы все больше и больше вырастаютъ, видъ ихъ становится суровѣй и внушительнѣй; справа—холмится голая, волнистая степь табачнаго цвѣта; рѣдко-рѣдко гдѣ зажелтѣютъ жнива да полоски кукурузы. Весь этотъ просторъ еще, кажется, такъ и ждетъ, такъ и зоветъ своего работника...

Переѣзжаемъ Сунжу—и мы у Грознаго, съ крѣпостью, построенной при Ермоловѣ. Городъ похожъ скорѣе на станицу. Говорятъ, у него большое «нефтяное» будущее. Недавно открыты неисчерпаемые резервуары нефти. Масса цистернъ и наливныхъ вагоновъ. Верстахъ въ двадцати отъ города горячеводскіе минеральные источники, температура которыхъ достигаетъ девяноста градусовъ. Кавказскій Гейзеръ.

Вообще на Кавказѣ обиліе минеральныхъ источниковъ, цѣлебныя свойства которыхъ еще малоизвѣстны. Въ одномъ Дагестанѣ ихъ насчитываютъ до двадцати.

На вокзалѣ группа кабардинцевъ и еще какихъ-то горцевъ. Офицеръ указываетъ на послѣднихъ.

— Узнаете?

На видъ—черкесы или чеченцы. Папахи, газыри на черкескахъ, кинжалы, черныя бороды, острый, воинственный взглядъ.

— Лезгины? Ингуши? пытаюсь я угадать.

Онъ смѣется.

— Евреи.

Не вѣрится просто! Совсѣмъ молодцы. Какой-то странный и непонятный капризъ ассимиляціи. Съ христіанами они не пошли дальше сюртука европейскаго покроя, а здѣсь, говорятъ, совсѣмъ слились съ горцами, перенявъ не только ихъ костюмы, но и обычаи, и мужество.

Въ Грозномъ обѣдаю. Скверный «вокзальный» борщъ и бифштексъ. Зато вино очень хорошо. Офицеры, тоже народъ здоровый, загорѣлый, не чета бѣлорусскому, пьютъ его какъ воду.

Пассажировъ прибываетъ. Нѣсколько военныхъ, нѣсколько дамъ.

Минуемъ Слѣпцовскую станицу съ бѣлѣющимъ на окраинѣ памятникомъ генерала Слѣпцова, одного изъ кавказскихъ героевъ. Вечерѣетъ. Солнце закатывается. На долины спускается голубоватая дымка. Изъ-за горъ надвигаются сизыя грозовыя тучи. Душно. Тучи все выползаютъ, все опредѣленнѣй вырисовываются волнистымъ ребромъ надъ грядой высокихъ горъ.

— Кажется, будетъ гроза,—говорю я офицеру, указывая на тучи.

Онъ улыбается.

— Вы думаете это тучи? Это горы. Вонъ та остроконечная глыба—Казбекъ, а эта почти кубическая масса—Столовая гора.

Мы еще въ пятидесяти верстахъ отъ Владикавказа, а онѣ кажутся совсѣмъ близко, совсѣмъ надъ нами, онѣ до половины заслонили небо своей грозной сизой массой.

Между Карбулакомъ и Назраномъ проѣзжаемъ аулъ ингушей, раскинувшійся на холмахъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Поѣздъ быстро мчится мимо холмовъ. Тревожный свистокъ, другой, толчекъ тормаза—и онъ останавливается. Оказывается, ингуши перегоняютъ черезъ полотно стадо овецъ, не признавая никакихъ сторожей и шлагбаумовъ, прямо по насыпи. Наѣхать, перерѣзать овецъ — значило бы вооружить противъ себя весь аулъ, вызвать месть этихъ дикарей.

Ингуши, дѣйствительно, высыпали цѣлой толпой человѣкъ въ пятьдесятъ, съ кинжалами и берданками черезъ плечо. Они расположились на холмѣ, подъ которымъ проходитъ поѣздъ, въ воинственныхъ, нѣсколько театральныхъ и вызывающихъ позахъ. Во взглядахъ сверкаетъ злой огонекъ, угадывается глухая ненависть. Тутъ же и дѣтвора, и тоже съ кинжалами. Нѣсколько карапузовъ въ однѣхъ рубашонкахъ, разорванныхъ спереди; но на голенькомъ животѣ торчитъ кинжалъ, привязанный на веревочкѣ. Они здѣсь, должно-быть, рождаются съ кинжалами.

Смеркается. Горы все вырастаютъ. Надъ ихъ громадой, высоко-высоко выплываетъ золотой рогъ. Силуэты ихъ становятся темно-синими. Сколько ни ѣдешь — онѣ все растутъ. Не разобрать, гдѣ кончаются горы, гдѣ начинаются облака, настолько синева, заволакивающая даль, дѣлаетъ контуры ихъ воздушными.

Въ девять мы во Владикавказѣ. На вокзалѣ, исчезающемъ въ шпалерахъ винограда, европейско-кавказская шумная толпа. Много военныхъ, но преобладаютъ все-таки туземные костюмы. Черные глаза, острые, блестящіе, пронзительные, сверкающіе глаза, черныя бороды, черныя папахи, и кинжалы, кинжалы безъ конца.

Останавливаюсь во «Франціи» Прохорова. Выхожу погулять. На бульварѣ, что противъ гостиницы, кіоски съ фруктами. Горы винограда, персиковъ, чудныхъ алагирскихъ грушъ, яблоковъ, сливъ, арбузовъ и дынь. Тутъ же висятъ на ниткахъ малиновыя колбасы; это чушкала, восточная сладость вродѣ рахатлокума. Торгуютъ армяне. Спрашиваю, нѣтъ ли сегодняшняго номера газеты.

— Севодняшни нэма. Завтрашни есть, хочишъ—бэры завтрашни.

Даетъ мнѣ номеръ «Терскихъ Вѣдомостей» уже за 24-е августа.

24-е августа.

Утро. За чаемъ записываю въ книжку:

Я уже отмахалъ по Россіи пятую тысячу верстъ, а все-таки не могу убѣжать отъ клоповъ. Несомнѣнно, владикавказскіе клопы проявляютъ болѣе настойчивости, чѣмъ московскіе и нижегородскіе, менѣе толерантности, чѣмъ казанскіе.

Зову номерного. Маленькій, старенькій армянинъ съ мигающими

глазками, которыми пытается смотрѣть прямо. Предъявляю вещественное доказательство, такъ какъ вчера, когда я напомнилъ о персидскомъ порошкѣ, онъ увѣрялъ, что ихъ «у насъ не полагается». Беретъ и разсматриваетъ съ видомъ ученаго энтомолога и не безъ сомнѣнья, потомъ восклицаетъ съ негодованіемъ:

— Проклятые армяне изъ Кизляра! Тольки одну ночь переночевали—и уже напустили клоповъ!

Въ гостиницѣ на углу устроена башня специально для того, чтобы любоваться видомъ на горы. Взбираюсь по винтовой лѣстницѣ наверхъ. Картина сказочная.

Владикавказъ ютится у подножія тысячеверстнаго Кавказскаго хребта. Горизонтъ загроможденъ безконечной грядой горъ. Убранныя по склону зелеными лѣсами, онѣ упираются холмистыми парчевыми вершинами въ синее небо. Одна группа выдвигается надъ другой, за ней выростаетъ третья, еле обрисовываясь въ дымкѣ, которая легла синей кисеей на пропасти и ущелья, на далекіе лѣса, придавая фантастичный видъ силуэтамъ. Что-то и чаруетъ, и подавляетъ. Ощущеніе необъятной красоты и творческой мощи природы, развернувшей здѣсь всю свою силу, всю свою фантазію, захватываетъ. Эти гиганты, вздымающіеся къ небу, сверкающіе серебромъ вѣчныхъ снѣговъ, подпирающіе бѣлыми шапками синій куполъ, манятъ своимъ величіемъ и заставляютъ васъ чувствовать особенно ярко всю вашу микроскопичность предъ могучей природой. Но въ то же время они какъ будто приближаютъ къ вамъ небо, они будятъ смутное желаніе какого-то подвига, желаніе проникнуть ближе къ небу, къ этимъ снѣжнымъ вершинамъ, сіяющимъ заманчивой и холодной улыбкой.

Смотришь—и не налюбуешься.

Вонъ серебряная остроконечная шапка Казбека, вонъ сѣрая грозная каменная глыба Столовой горы, еще десятки снѣжныхъ вершинъ и горъ, названій которыхъ никто не знаетъ. Глазъ совершенно не можетъ оріентироваться, сознаніе пространства теряется. Столовая гора верстахъ въ тридцати, а ея отвѣсная стѣна, изрѣзанная синими полосами ущелій, высится надъ самымъ городомъ; до Казбека почти пятьдесятъ верстъ, а онъ сверкаетъ совсѣмъ надъ вами, такъ что, глядя на него, приходится запрокидывать голову. Одно, что еще даетъ возможность сколько-нибудь сообразить высоту, это облака. Они плывутъ бѣлыми барашками ниже снѣговыхъ вершинъ, иногда опускаются до половины горъ. Облака воздушныя, легкія, совсѣмъ будто живыя. Вотъ одно остановилось неподвижно въ ущельѣ, другое, точно клокъ пушистой ваты, зацѣпилось за острый утесъ и повисло на немъ, третье отстало отъ группы товарищей, улетѣвшихъ впередъ, и сѣло одиноко на верхушку лѣса... Къ нему плыветъ другое облачко; они сливаются и уносятся дальше. Въ глубинѣ ущелій взвивается синій дымокъ; опять летитъ стая облаковъ, опускается все ниже и садится на скалу, потомъ плыветъ дальше... Небо уже чисто, облака исчезли, одно лишь изъ нихъ неподвижно застыло надъ пропастью, въ тѣни, и пробудетъ тамъ весь день...

Иногда въ лунную ночь небо почти до зенита покрывается облаками съ кудрявыми, серебрящимися верхушками; иногда днемъ такія облака вырастаютъ холмистой грядой съ узорчатыми золотыми краями. Эти облака—совсѣмъ кавказскія горы, если ихъ задрапировать до половины зеленымъ съ синимъ оттѣнкомъ ковромъ лѣсовъ. Особенно похожи на облака далекія вершины, покрытыя ледниками прозрачно-голубого отлива.

Тѣни и даль, тающія въ дымкѣ, волнистые контуры и загадочныя формы, нѣжные переливы красокъ, зеленые лѣса и синія пропасти, раскинутые сплошнымъ покрываломъ на нижней грядѣ горъ словно бы для того, чтобъ еще больше оттѣнить серебряныя макушки верхней гряды,—вся эта волшебная панорама, полная гармоніи, величія и фантазіи, неотразимо влечетъ и дразнитъ воображеніе.

Внизу, у ногъ моихъ, въ букетѣ зелени раскинулся живописный Владикавказъ. Черепичныя и желѣзныя кирпичнаго цвѣта крыши обрамлены группами липъ, тополей, чинаръ и акацій. Городъ расползся по обѣимъ сторонамъ Терека, ворчливо бѣгущаго по каменистому руслу. Онъ вырывается изъ синяго ущелья, по бокамъ котораго слѣва высится громада Столовой горы, а справа Казбекъ. Чрезъ это ущелье проходитъ военно-грузинская дорога поперекъ всего хребта, соединяя Владикавказъ съ Тифлисомъ двухсотверстнымъ шоссе. Поэтому, можетъ-быть, туземцы и называютъ Владикавказъ «капкаемъ», т.-е. горными воротами.

Городъ имѣетъ уютный и жизнерадостный видъ. Александровскій проспектъ, съ аллеей тополей посрединѣ, очень похожъ на Бибиковскій бульваръ въ Кіевѣ. Онъ тянется параллельно съ Терекомъ почти чрезъ весь городъ. Это лучшая улица, съ высокими шпалерами домовъ, большими магазинами и гостиницами. За ней и тоже перпендикулярно къ горамъ—Лорисъ-Меликовская улица, аристократическая часть города. Слѣва, на фонѣ горъ, красиво вырисовывается кирпичный корпусъ Михайловскаго собора, увѣнчанный сѣро-голубымъ куполомъ и остроконечной башней надъ портикомъ. Правѣе изъ зелени вырастаетъ другая церковь, тоже кирпичная, съ темно-сѣрыми куполами въ византійскомъ стилѣ. Дальше—готическая башня костела, еще нѣсколько церквей и грузный куполъ синей мечети съ легкимъ мавританскимъ минаретомъ.

Шумъ Терека напоминаетъ грохотъ водопада, сливается съ гуломъ мостовыхъ, по которымъ несутся дилижансы и почтовыя кареты, направляясь къ «горнымъ воротамъ», къ таинственнымъ ущельямъ и недосягаемымъ вершинамъ. Но этотъ гулъ жизни и суета кажутся теперь такими чуждыми предъ вѣчной красотой природы. Душа объята примиряющимъ и торжественнымъ покоемъ. Чарующій, полный загадочной фантазіи, міръ такъ будто и подсказываетъ чудные стихи великаго пѣвца Кавказа—

... грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ

Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ .. Зачѣмъ?

Глава XX.

Колонизаторская работа Россіи.—Метрика Владикавказа.—Терекъ.—Азіатскіе ряды.—„Братцы, помните мое дѣло“.—На минеральныя воды.—Оторванная страничка „водяного“ романа.—Кисловодскъ.- Нарзанъ.—Курсовая публика.—Типы и силуэты.—Достопримѣчательности.—Лермонтовская скала.—Замокъ коварства и любви.—Легенда во вкусѣ „водяного романтизма“.—О чемъ говоритъ старое кресло.

Россію «европейцы» обвиняютъ въ варварствѣ и некультурности. А между тѣмъ, врядъ ли найдется другая страна, которая выполнила бы такую широкую подготовительную культурную миссію въ нынѣшнемъ вѣкѣ, какъ Россія. Правда, мы во многомъ поотстали. Но въ стадвадцатипятимилліонномъ молодомъ организмѣ, раскинувшемся на такомъ необъятномъ пространствѣ, культурное объединеніе не можетъ сказаться такъ скоро, какъ гдѣ-нибудь во Франціи или Германіи, съ ихъ многовѣковой цивилизацiей. Пока Германія или Франція сосредоточивали всѣ свои силы на внутренней жизни, совершенствуя ея формы, Россія почти въ теченіе всего вѣка завоевывала новыя земли съ разными азіатскими полудикими народцами. Сколько колонизаторской энергіи затрачено только на такія области, какъ Сибирь, Средняя Азія и Кавказъ. Стоитъ лишь вспомнить, чѣмъ былъ сто лѣтъ тому назадъ тотъ самый югъ, на которомъ теперь съ американской быстротой выросли такія громадныя города, какъ Одесса, Тифлисъ, Кишиневъ, Николаевъ, Ростовъ-на-Дону и десятки другихъ, еще недавно вовсе не существовавшихъ.

Или вотъ Владикавказъ.

Въ 1784 году здѣсь у аула ингушей былъ возведенъ небольшой фортъ; два года спустя русскіе покинули его, потомъ заняли снова. Такъ этотъ уютный уголокъ и прозябалъ до 1860 года, когда былъ учрежденъ городъ. Есть у насъ разные пошехонскіе старички въ десять-двадцать разъ старше; но они такъ и застыли на эпохѣ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма. А Владикавказъ въ этотъ короткій срокъ разросся въ большой городъ съ пятидесятитысячнымъ населеніемъ, европейскимъ центромъ, гимназіями и сотней заводовъ и фабрикъ.

Правда, сейчасъ же за центромъ — и немощеныя улицы безъ тротуаровъ, и пустыри, и плохое освѣщеніе, и пыль.

Но подумать только: всего тридцать пять лѣтъ жизни.

На Александровскомъ проспектѣ—европейскіе магазины. Очень интересны восточныя и кавказскія лавки. Персидскіе ковры, шали, кавказскія бурки, серебряныя издѣлія кавказской чеканки съ чернью, разная туземная утварь и посуда — эффектно выглядываютъ въ большія витрины. Масса винныхъ магазиновъ разныхъ кавказскихъ фирмъ и складовъ земледѣльческихъ орудій.

Движенья мало.

Извозчики щеголеватые, все съ русскими лицами, фаэтоны чистенькіе, пароконные. А рядомъ двухколесная съ крытымъ верхомъ арба, которую тащитъ оселъ.

На бульварѣ одиноко и меланхолично прогуливаются военные старички. Владикавказъ называютъ городомъ отставныхъ военныхъ и пенсіонеровъ. Ихъ здѣсь очень много. Жизнь стоитъ дешево, величественная панорама горъ напоминаетъ о геройскомъ прошломъ, оживляя воспоминанія; пристань тихая и поэтичная для отдыха послѣ пережитыхъ бурь.

Чрезъ улицу отъ бульвара ворчитъ и мечется Терекъ. Русло его почти обнажено и усѣяно огромными валунами, принесенными изъ глубины ущелій бѣшеной въ весеннюю пору рѣкой. Теперь Терекъ не шире пяти-шести саженъ; но все-таки онъ яростно рвется и пѣнится. На берегу нѣсколько туземцевъ. Одни купаются, другіе полунагіе, чинятъ одежду, третьи откровенно и непринужденно углубились въ истребленіе на ней насѣкомыхъ.

Иду берегомъ.

Надъ нимъ нѣсколько двухъэтажныхъ живописныхъ мельницъ. Терекъ со страшной быстротой вертитъ колеса.

Тутъ же, на берегу, хорошенькій садикъ съ «трэкомъ» общества велосипедистовъ и изящный цвѣтникъ на небольшомъ островкѣ. Дальше выступаетъ типичный восточной архитектуры задумчивый домъ, съ черепичной крышей и висячими балконами.

Городской садъ не важный. Есть и ресторанъ, и кумысное заведеніе, но все имѣетъ неряшливый и поношенный видъ.

И здѣсь въ травѣ, сожженной солнцемъ, валяются кудластые, черномазые туземцы въ грязныхъ и оборванныхъ архалукахъ.

Въ концѣ проспекта, ближе къ горамъ, громадное зданіе почтовой станціи, словно перенесенной сюда съ московскаго Николаевскаго шоссе. Напротивъ — кавказскіе торговые ряды, цѣлый арсеналъ старинныхъ ружей, шашекъ и кинжаловъ, лавки со стариннымъ кавказскимъ серебромъ, чевяками и туфлями, со складами готовыхъ горскихъ костюмовъ и другихъ бутафорскихъ вещей изъ «Демона» или «Хаджи-Мурата». Тутъ уже совсѣмъ Азія. Каждая лавка—музей или магазинъ антикварія; археологъ могъ бы подобрать здѣсь цѣнную коллекцію. Какіе-то совсѣмъ допотопные карабины, съ трубами вмѣсто дулъ, кремневые пистолеты, гнутыя сабли, тысячи кинжаловъ разныхъ размѣровъ и формъ; а подлѣ—серебряные ажурные пояса, кушаки съ чернью, серебряные газыри, серебряные флакончики, колье, кольца съ бирюзой; серебро старое, тусклаго и сѣдого цвѣта. Дальше—бараньи шапки разныхъ

калибровъ, пестрыя женскія шапочки, шаровары, кески, бурки. Лавки безъ оконъ. Армяне бешметы, черкески... виду, на улицѣ, чистятъ все это, шьютъ и и грузины тутъ же, на сидя по-турецки и флегматично посасывая трубки, передѣлываютъ или, телей. ждутъ покупа-

Поворачиваю назадъ. Горы остаются за мною. Стройная перспектива тополей сливается вдали. Справа—хорошенькій скверъ съ изящной воздушной бесѣдкой, а дальше, на холмѣ, на фонѣ тѣнистаго сада выдѣляется розовый дворецъ начальника области.

На улицахъ то и дѣло встрѣчаются горцы, терскіе и кубанскіе казаки. Слѣва отъ проспекта—синій и неуклюжій маленькій театръ, а дальше садъ «Роскопъ». На огромной вывѣскѣ такъ и начертанъ твердый знакъ. Захожу въ «Роскошъ». На палисадникѣ и на веревкахъ просушивается бѣлье.

Проспектъ замыкаютъ большіе корпуса штаба и реальнаго училища.

Противъ нихъ—памятникъ штабсъ-капитану Лико и рядовому Архипу Осипову, погибшимъ во время осады Михайловскаго укрѣпленія. Небольшой гарнизонъ защищался съ геройствомъ львовъ противъ одиннадцати тысячъ горцевъ. Впереди предстояла голодная смерть. Тогда рѣшились сдѣлать вылазку и прорваться сквозь непріятельскую цѣпь. Когда горцы ринулись въ аттаку, унтеръ-офицеръ Архипъ Осиповъ, пока товарищи уходили, бросился съ фитилемъ къ пороховому погребу. И укрѣпленье, и онъ, и горцы взлетѣли на воздухъ. На одномъ изъ медальоновъ памятника изображенъ моментъ, когда Осиповъ, отважившись на этотъ подвигъ, идетъ съ фитилемъ въ рукѣ къ погребу, говоря своимъ товарищамъ полныя величія и простоты слова:

«Братцы, помните мое дѣло!»

Какъ въ нихъ сказалась русская народная душа, сколько въ нихъ, въ этихъ вылившихся изъ чистой души простого человѣка словахъ, глубокаго смысла. Какой-то внутренній голосъ такъ будто и досказываетъ ихъ мысль: вся задача человѣческой жизни въ томъ вѣдь и состоитъ, чтобы передать себя, свое я, свою личность въ дѣлѣ для другихъ, какъ бы ни было оно незамѣтно, чтобы другіе *помнили насъ*, и, значитъ, чтобы мы продолжали *жить въ нихъ* и въ общемъ дѣлѣ человѣчества.

И въ гимназіи, и здѣсь, въ реальномъ училищѣ, воспитываются теперь дѣти многихъ «мирныхъ» горцевъ; нѣкоторые изъ нихъ оканчиваютъ высшія учебныя заведенія. Есть во Владикавказѣ и общество распространенія образованія среди горцевъ.

Будетъ время—потомки Осипова сольются въ дружную братскую семью съ потомками тѣхъ горцевъ, которые погибли вмѣстѣ съ нимъ, и, быть можетъ, завѣщаютъ человѣчеству другой, безкровный подвигъ, повторивъ за Осиповымъ: «Братцы, помните *наше общее человѣческое* дѣло»...

Оглядываюсь на горы. Онѣ измѣнили свой цвѣтъ, стали сизыми и повисли надъ городомъ грозными тучами. Никакъ не можешь отдѣлаться отъ невольнаго ожиданія грозы.

Вечеромъ выѣзжаю на минеральныя воды. Отъ Владикавказа до Кисловодска и обратно—пятьсотъ верстъ. Благодаря сезонному тарифу, проѣздъ туда и обратно стоитъ очень дешево.

Въ вагонѣ все больше курсовая публика, пріѣхавшая поглядѣть на горы и прокатиться до Казбека. Мой визави — молодой, очень озабоченный и нервный офицеръ, который то и дѣло достаетъ изъ чемодана китель, обдумываетъ что-то и снова прячетъ его. Напротивъ—худой, съ желтымъ, болѣзненнымъ лицомъ, господинъ и довольно миловидная дѣвица или дама, которая изрѣдка многозначительно поглядываетъ на офицера. Ей не сидится; тоже, должно быть, нервы взвинчены. Въ сѣрыхъ глазахъ, когда она смотритъ на своего спутника, пробѣгаетъ тревожный вопросъ и какая-то скрытая мысль. Заговариваю съ больнымъ господиномъ. Оказывается, онъ изъ Бѣлоруссіи. Я почти угадалъ это раньше по его отсырѣлому виду и голосу катаррика. Дамочка или барышня изрѣдка, хотя разсѣянно и неудачно, принимаетъ участіе въ разговорѣ. Между ними какія-то неопредѣленныя отношенія; нельзя понять, что она ему: сестра, жена или что-нибудь въ этомъ родѣ.

На станціи Бесланъ, гдѣ дорога развѣтвляется на Петровскъ и Ростовъ, они идутъ пить чай вмѣстѣ съ офицеромъ. Я—тоже.

Послѣ второго звонка возвращаюсь въ вагонъ. Ихъ нѣтъ. Третій звонокъ. Поѣздъ уходитъ. Вещи ихъ остались. Больной господинъ и дамочка сказали, что ѣдутъ въ Кисловодскъ. Входитъ кондукторъ и сообщаетъ съ торжествомъ Бобчинскаго:

— Господа, а вы знаете, у насъ въ поѣздѣ романъ?

Курсовые, привыкшіе къ «водянымъ» романамъ, превращаются въ слухъ.

— Да, господа, романъ!—подтверждаетъ тѣмъ же тономъ кондукторъ.—Этотъ офицеръ и барынька, которые ѣхали въ этомъ вагонѣ, остались въ Бесланѣ. И какъ они тонко это продѣлали. Послѣ второго звонка вышли вмѣстѣ съ этимъ господиномъ. Онъ сталъ на площадку, а они сказали, что еще пройдутся. Поѣздъ такъ и ушелъ безъ нихъ. Господинъ теперь ищетъ ихъ: думаетъ, что они попали въ другой вагонъ. Говоритъ—сестра; только очень что-то разстроенъ...

— Ловко!—отзывается кто-то изъ пассажировъ.—Значитъ, они махнули на Петровскъ?..

— А оттуда по Каспію въ Туркестанъ, и поминай, какъ звали,—фантазируетъ другой.

— Ну, офицеръ-то, видно, не дуракъ: она ничего изъ себя не представляетъ.

— Не скажите, напротивъ, она очень интересна. Во-первыхъ—эта свѣжесть, глаза...

Какой-то бравый есаулъ или хорунжій нервно покручиваетъ усъ и издаетъ однозвучное «м-да».

— А можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ сестра его? — замѣчаетъ кто-то.—Какая тамъ сестра?—возражаетъ увѣренно кондукторъ.—Знаю ужъ я, не въ первый годъ ѣзжу. Извѣстно: пріѣдутъ

изъ разныхъ Петербурговъ, солнце пригрѣетъ, а тутъ подвернется «ерой». «Черный вусъ, кровь кипыть».

Кондукторъ, неожиданно выдавъ свое казацко-хохлацкое происхожденіе, лукаво подмигиваетъ. Пассажиры смѣются.

Входитъ больной господинъ, и смѣхъ сразу смолкаетъ. Онъ, видимо, еще не можетъ притти въ себя. Лицо стало еще желтѣй, на немъ выступилъ потъ, худыя руки дрожатъ. Онъ машинально, судорожно перебираетъ тонкими пальцами цѣпочку. Видъ жалкій, сконфуженный, растерянный. Онъ употребляетъ страшныя, нечеловѣческія усилія, чтобы подавить волненіе; и хочется крикнуть отъ боли, и совѣстно выдать себя постороннимъ людямъ. Въ глазахъ какая-то мучительная мысль, полная отчаянья. Онъ зачѣмъ-то смотритъ на часы, потомъ теребитъ жидкую рыжеватую бородку и, наконецъ, говоритъ прерывающимся голосомъ:

— Представьте, какой случай. Моя... сестра и вотъ тотъ военный опоздали, не успѣли сѣсть... Боюсь, не попали ли они подъ поѣздъ.

Онъ осматриваетъ и зачѣмъ-то перебираетъ вещи офицера. Чемоданъ довольно легкій.

— Вотъ и вещи его остались, — прибавляетъ онъ некстати, должно-быть пытаясь отвѣтить на внутренній мучительный вопросъ.

На слѣдующей станціи онъ телеграфируетъ, на другой справляется, нѣтъ ли телеграммы. Ничего нѣтъ. Онъ ложится и закрываетъ глаза. Я чувствую, что онъ не спитъ, что на душѣ у него адъ. Изрѣдка у него вырывается сухой, короткій спазматическій кашель, похожій скорѣй на глухое рыданье. Эта чужая мука, эта оторванная страничка чужого романа невольно мучаетъ и меня. Нервы ноютъ, не могу заснуть.

Поѣздъ идетъ неровно. Толчки и скачки безпрерывно; паровозъ то и дѣло тревожно свиститъ, сбѣгая по склону Кавказскаго хребта. Вдругъ сразу останавливаемся. Станціи не видать. Полный мракъ. Что-то случилось.

— Семафоры закрыты,—говоритъ кондукторъ,—должно-быть порча пути.

Нѣсколько минутъ стоимъ. Вдали свѣтятся огоньки на вокзалѣ. На станціи дѣло разъясняется: просто проспали. Дорога вообще какая-то неспокойная и такая же подозрительная, какъ и нижегородская.

Въ четвертомъ часу мы у станціи «Минеральныя воды». Больной господинъ бѣжитъ опять справиться насчетъ телеграммы. Я пересаживаюсь на «минеральный» поѣздъ. Эта вѣтвь въ пятьдесятъ семь верстъ связываетъ всѣ минеральныя группы. Движеніе открыто недавно. Вагоны большіе, высокіе, имѣютъ совсѣмъ дачный видъ, скамьи съ деревяннымъ сидѣньемъ и спинками тоже похожи на дачную или вѣнскую мебель. Твердовато, лечь немыслимо; зато шельма микробъ не заберется.

25-е августа.

6 часовъ утра. Облачно. Поѣздъ у кисловодскаго вокзала. Видъ довольно унылый. На сѣверѣ бѣлѣютъ голыя каменистыя горы, къ югу тоже невысокія лысыя горы и холмы.

«Группа» расположена къ сѣверу отъ вокзала, параллельно съ полотномъ, въ котловинѣ, задрапированной темной, кудрявой чащей парка.

Проѣзжаю величественной тополевой аллеей Нарзана. Сейчасъ у воротъ—галлерея Нарзана съ арками и громоздкой колоннадой. Въ концѣ ея—колодезь, окруженный шестиугольной рѣшеткой. Это и есть «богатырскій» Нарзанъ. Влага шипитъ и играетъ, выбрасывая пузырьки. Вкусъ сельтерской воды. Въ этомъ же зданіи и ванны, и газовая комната для лѣченія газомъ. У галлереи площадка, вокругъ которой раскинуто нѣсколько хорошенькихъ бесѣдокъ, буфетъ и раковина для музыки. Дальше начинается паркъ. Противъ галлереи, черезъ улицу, рядъ двухъэтажныхъ и трехъэтажныхъ домовъ. Тамъ и магазины, и гостиницы, и дачи. Есть нѣсколько живописныхъ зданій съ кокетливыми фасадами и изящными балконами. Вокругъ парка раскинуто много дачъ, а за ними по склону горы ползетъ казачья станица.

Тѣнистый паркъ угрюмо задумался. Все спитъ; только сторожа метутъ аллеи; шорохъ метлы сливается съ шопотомъ листвы и чириканьемъ воробьевъ.

Цѣлебныя свойства кавказскихъ минеральныхъ водъ были извѣстны еще во времена персидскаго похода Петра Великаго. Въ концѣ прошлаго столѣтія сюда стали стекаться больные. Хотя на Кавказѣ до семисотъ минеральныхъ источниковъ, но этой группѣ какъ-то особенно повезло. Долгое время здѣсь не было жилья человѣческаго, и больные располагались цыганскимъ таборомъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, доставлявшихся сюда изъ орды по особому приказу. Въ двадцатыхъ годахъ герой Кавказа и отечественной войны, генералъ Ермоловъ, упрочилъ существованіе курорта. Съ тѣхъ поръ воды поглотили нѣсколько милліоновъ рублей, то подъ управленіемъ казны, то въ рукахъ частныхъ предпринимателей.

Нельзя сказать, чтобы за это время онѣ сдѣлали особенно блестящую карьеру. Киванье на заграничные курорты и жалобы на наши слишкомъ хорошо извѣстны. Такое дѣло сразу требуетъ рѣшительной постановки и большихъ капиталовъ; съ грошевыми затратами далеко не уѣдешь. За границей при каждомъ цѣлебномъ источникѣ воздвигаются милліонныя зданія, съ роскошными курзалами. Здѣсь ничего этого нѣтъ. Вложить въ такое дѣло пять-шесть милліоновъ казна не рѣшается, а частная инициатива у насъ не клеится.

Теперь все-таки дѣло идетъ живѣй. Построена желѣзная дорога, введенъ удешевленный тарифъ, проектированы новыя зданія ваннъ, желѣзнодорожная компанія строитъ гостиницу и кургаузъ. Горнымъ департаментомъ изданъ краткій, но довольно обстоятельный путеводитель, чувствуется хозяйская рука.

Девятый часъ. Я сижу въ кондитерской, за кофе. Предо мной площадка, установленная столиками, слѣва—галлерея Нарзана, подлѣ нея—раковина для музыки, павильонъ минеральныхъ водъ, правѣе, подъ деревьями парка, бесѣдка, гдѣ расположились трубачи

Сунжинскаго казачьяго полка, ближе—другая кондитерская и кіоскъ съ кавказскими вещами. Трубачи въ черныхъ черкескахъ, черныхъ шапочкахъ съ вышитымъ галунами дномъ; пояса кавказскіе, съ чернью, на нихъ, конечно, кинжалы; всѣ чистенькіе, щеголеватые и такіе же блестящіе, какъ отливающія золотомъ трубы.

За рѣшеткой, на улицѣ, толпится «плэбсъ», собираясь наслаждаться музыкой.

Курсовые постепенно начинаютъ показываться. У Нарзана, подъ куполомъ, уже стоятъ наготовѣ дѣвочки и дѣвушки въ бѣлыхъ передникахъ; въ рукахъ у нихъ стаканы съ проволочными прутьями. Онѣ черпаютъ ими воду изъ колодца.

Оркестръ играетъ маршъ.

Наблюдаю и, отхлебывая кофе, записываю. Мнѣ кажется, будто предо мной пантомима. Всѣ эти люди, съѣхавшіеся сюда изъ разныхъ концовъ Россіи, представляютъ очень оригинальный водяной сборный букетъ. Я никого не знаю. Для меня это—маріонетки, но все-таки очень типичныя; въ двухъ-трехъ взглядахъ, манерѣ, жестахъ, походкѣ, выраженіи — такъ и угадывается и жизнь ихъ, и внутренній міръ, и положеніе. Ровно въ восемь съ четвертью появляется, прихрамывая, генералъ. Онъ, видимо, бодрится и крѣпко вѣритъ въ Нарзанъ. Китель свѣжій, сверкающій, сѣдая бородка и усы «выправлены». Онъ смотритъ на часы. Нѣтъ, не опоздалъ! Военная пунктуальность и режимъ соблюдены. Это, очевидно, доставляетъ ему удовольствіе. Онъ дѣлаетъ рукой неопредѣленный легкій жестъ и подходитъ къ Нарзану. Дѣвочки поспѣшно черпаютъ воду. Маршъ продолжается. Изъ-подъ зеленаго свода аллеи выходитъ пожилой, довольно плотный господинъ въ чесунчѣ и шеколадномъ котелкѣ; черезъ плечо элегантно и небрежно перекинутъ ремешокъ со стаканомъ; походка увѣренная, лицо нѣсколько одутловатое, пергаментное, съ фаворитками департаментскаго фасона; взглядъ сановно-снисходительный. Несмотря на партикулярный видъ, это тоже генералъ, пріѣхавшій отдохнуть послѣ спасительныхъ проектовъ, полѣчить печень и заморить разочарованнаго карьернаго червячка. За нимъ показывается какой-то чиновникъ въ формѣ лѣсного вѣдомства; худой, лицо желтое, кожа обтягиваетъ выступившія скулы. Это—настоящій больной. Пьетъ воду энергично и съ какой-то жадной надеждой, словно бы хотѣлъ скорѣе кончить курсъ, опасаясь, что средствъ не хватитъ дотянуть его. Публика прибываетъ и первымъ дѣломъ направляется къ водопою. Женскій полъ запаздываетъ. Генералъ успѣваетъ сдѣлать ровно тридцать туровъ по площадкѣ, чтобъ «усвоить» воду, когда появляются дамы. За рыхлой и желтой мамашей степенно и не безъ граціи выступаютъ двѣ барышни. Это, должно-быть, курсовыя невѣсты и весьма интересныя, такъ какъ проходящій мимо кавалеристъ, необыкновенно изящно изогнувшись, кланяется, молодцевато шаркнувъ и зазвенѣвъ шпорами. Изъ парка появляется еще нѣсколько генераловъ, статскихъ и военныхъ, много офицеровъ, много черкесокъ, еще группа дамъ и барышенъ. Общество распадается на фешенебельную пуб-

лику и среднюю; въ первой больше здоровыхъ, во второй больше больныхъ; у первой—увѣренный тонъ людей съ положеніемъ и со средствами, у второй такъ и сквозитъ разсчитанная до копѣйки жизнь и заштопанная нужда; предъ первой лакейскія спины гибки, какъ камышъ, предъ второй онѣ становятся камнемъ. Впрочемъ, публики второго сорта здѣсь немного; она держитъ себя очень скромно и почти стушевывается на общемъ фонѣ respectability и фешенебельности.

Позже всѣхъ появляется пышная брюнетка бальзаковскаго возраста въ голубоватомъ «матинэ», съ прошивочками, сквозь которыя проглядываетъ ослѣпительной бѣлизны... пудра. Каштановые волосы взбиты и вырываются изъ-подъ кокетливо накинутой шляпки «бэржэръ». Черные глаза глядятъ сквозь роговой лорнетъ мягко, томно и манящe. Лицо полное, пудро-матовой свѣжести. Выходъ ея производитъ въ публикѣ движенье. Переглядываются и шепчутся. Что-то въ ней очень напоминаетъ Кондорову изъ «Нищихъ духомъ». Или жена какого-нибудь петербургскаго сановника, приросшаго къ своему курульному креслу, или московская купчиха послѣдней формаціи. Во всякомъ случаѣ, одна изъ героинь сезона или водяная львица. Ее сейчасъ же окружаютъ—сначала старенькій генералъ и петербургскій чиновникъ, потомъ лермонтовскій «montagnard au grand poignard» и нѣсколько офицеровъ. Дамы шепчутся и завистничаютъ, изучая въ то же время ея манеры и grands airs. Три-четыре «пуаньяра», покручивая черные усы и метая черными глазами молніи, то прогуливаются мимо, то бѣгутъ тушить пожаръ своей души Нарзаномъ.

Ѣду осматривать кисловодскія достопримѣчательности: Лермонтовскую скалу, «долину очарованія» и «замокъ коварства и любви». Интереснѣе всего, конечно, поѣздка на Бермамутъ; высота его—8.400 футовъ надъ уровнемъ моря; съ вершины открывается чудный видъ на Эльборусъ, отъ подножія до макушки. Но, во-первыхъ, Бермамутъ въ сорока пяти верстахъ и тамъ надо переночевать, а во-вторыхъ, хотя солнце и показалось, но Эльборусъ можетъ быть закрытъ облаками. Довольствуюсь тѣмъ, что ближе. Извозчикъ спрашиваетъ два рубля за объѣздъ достопримѣчательностей. Въ общемъ это составитъ верстъ десять. Увѣряетъ, что беретъ дешево потому, что кончается сезонъ.

Извозчикъ совсѣмъ молодецъ на видъ, здоровый, загорѣлый, такъ что любо даже смотрѣть, особенно послѣ курсовой публики.

— Ты, братъ, вѣрно, по ведру воды изъ Нарзана каждый день дуешь? спрашиваю.

Смѣется. Говоритъ, что разъ только попробовалъ, потому—«противъ настоящей воды гадко», и прибавляетъ не безъ самодовольства—«намъ въ этомъ нѣтъ надобности».

Чувствую всю справедливость его словъ. Онъ кисловодскій, сынъ казака. Когда проѣзжаемъ слободой мимо его чистенькаго домика, весело выглядывающаго изъ сада, онъ говоритъ съ гордостью:

— Отъ здѣсь я хазяюю. Это моя жонка, а это дѣти.

Во дворѣ молодая женщина и двое мальчугановъ лѣтъ пяти-шести перетаскиваютъ сѣрые пучки конопли. Жена улыбается ему, дѣти бѣгутъ къ воротамъ. Онъ грозитъ кнутомъ.

На меня вѣетъ чѣмъ-то хорошимъ, здоровымъ, свѣтлымъ. Справляюсь насчетъ заработка. Говоритъ—«нонѣшній годъ плохо». Это «плохо»—триста рублей за два мѣсяца чистаго дохода, триста рублей, заработанныхъ имъ и этой парой неважныхъ лошадокъ. «Нонче», прибавляетъ, «нѣтъ настоящихъ господъ». Спрашиваю, что онъ понимаетъ подъ «настоящими» господами.—А вотъ ежели дама съ кавалеромъ какимъ или офицеромъ въ проѣздку отправляются и тамъ гдѣ-нибудь заночуютъ или въ лѣсъ зайдутъ, такъ потомъ, смотришь, десять рублей на чай и дадутъ. – Да за что же? — Ну, извѣстно... Оглядывается и довольно хитро и пошло улыбается.

Водяная «цивилизація» начинаетъ разъѣдать деревню.

Обыкновенно на всѣхъ группахъ бываетъ тысячъ восемь-десять человѣкъ. Къ этому времени сюда стекается столько же разнаго люда, ищущаго наживы, извозчиковъ, прислуги, дачниковъ, сдающихъ отъ себя комнаты, содержателей ресторановъ и шашлычныхъ. Три мѣсяца эта толпа ловитъ каждый удобный случай разжиться на счетъ пріѣзжихъ. Сезонъ кончается, всѣ разлетаются, жизнь замираетъ.

Ѣдемъ узкимъ ущельемъ. Сѣрыя отвѣсныя невысокія скалы сплошной стѣной тѣснятся вдоль него. Шумная рѣченка несется по дну, образуя небольшой водопадъ. Въ глубинѣ ущелья, надъ каменнымъ обрывомъ, выступаетъ сѣрая глыба.

Это и есть Лермонтовская скала. Извозчикъ поясняетъ: здѣсь Лермонтовъ проживалъ.

Кто его знаетъ, «проживалъ» или не проживалъ, только ничего интереснаго нѣтъ.

Подъ скалой плетеный шалашъ. Изъ него выходитъ баба съ самоваромъ. Извозчикъ киваетъ ей отрицательно головой и замѣчаетъ:

— Здѣсь господа чай пьютъ. Дамы сюды тоже ѣздіютъ съ офицерами въ два-три часа ночи...

Выбираемся изъ скучнаго ущелья, выѣзжаемъ на голую гору, спускаемся въ другое ущелье. Ѣдемъ долго. Скалы и скалы; по дну журчитъ ручеекъ. На высокомъ зеленомъ холмѣ, окруженномъ скалами, показывается «замокъ». Это дѣйствительно причудливая игра природы. Большая скала, будто выросшая на островѣ, очень похожа на замокъ. Даже что-то вродѣ двухъ башенъ возвышается надъ ней. На нихъ развѣваются жиденькіе флажки. Внизу бѣжитъ веселый ручеекъ. Сколько тайнъ водяныхъ барынекъ, сколько глупо-сантиментальныхъ исторій могъ бы поразсказать онъ! Можетъ-быть, объ этомъ и шепчется онъ теперь съ кустарникомъ, облѣпившимъ скалу...

У подножія ея—балаганъ съ флагомъ и палатка. Подлѣ балагана на столбѣ вывѣска; бѣлыя буквы на черномъ фонѣ. Вывѣска гласитъ: «Здѣсь замокъ любви и коварства. При замкѣ находится

чайный буфетъ. При семъ можно получить *туземскія* закуски и живую фарель. Содержатель Кокошвили».

Названіе замка объясняютъ различно. Одна версія такова: во время покоренія Кавказа какой-то бей или горскій князь былъ окруженъ здѣсь русскими войсками. Долго онъ не сдавался, можетъ-быть потому, что съ нимъ была молодая, прекрасная жена. Она часто глядѣла сверху внизъ, на осаждавшихъ, и увидала однажды тамъ красиваго русскаго офицера. Между тѣмъ на «замкѣ» насталъ голодъ. Бей не сдавался. Онъ предпочиталъ броситься со скалы внизъ тормашками и предложилъ женѣ поддержать компанію. Она согласилась. Только, говоритъ, бросайся сначала ты, а то мнѣ пер-вой страшно. Бей-то, не будь дуракъ, и бросился. А она, не будь дура, сейчасъ же и сошла внизъ, къ русскому офицеру. Другая версія, извозчика, гораздо проще:

— Здѣсь,—говоритъ онъ,—когдась-то три офицера стрѣлялись изъ-за барынь на этомъ самомъ замкѣ, потому замкомъ коварства и прозвали.

И онъ не безъ резона высказываетъ сожалѣнье, что вмѣсто офицеровъ не застрѣлились дамы: «потому дама—что: одинъ пухъ. Вòна сколько ихъ кажное лѣто налетаетъ; а офицеръ—все же человѣкъ и Царю служитъ...»

Всѣ эти «достопримѣчательности» настолько удовлетворяютъ меня, что я отказываюсь заглянуть въ «долину очарованія».

На обратномъ пути встрѣчаю кавалькады курсовыхъ и экипажи. Должно-быть, ѣдутъ заниматься коварствомъ, любовью и «туземскими» закусками, при благосклонномъ содѣйствіи господина Кокошвили.

Предо мной вдали выростаетъ Бештау, заслоняя Машукъ и Пятигорскъ. Отсюда онъ очень похожъ не то на сѣрую баранью шапку съ остроконечной верхушкой, не то на форму для бланманже.

У Нарзана продолжается водопой.

Теперь барышенъ появилось больше. Казаки въ черкескахъ, съ перетянутыми въ рюмочку таліями, увиваются за ними. Въ глубинѣ аллей группы и парочки, военные, просто штатскіе, монтаньяры и пуаньяры. Надъ площадкой, на фонѣ зелени вырисовывается крыша и фронтонъ кургауза, похожаго скорѣе на помѣщичій домъ средней руки. Подъ нимъ гротъ. Подлѣ, въ тѣни, три зеленыхъ столика. Больные винтятъ. Отъ этого ужъ, кажется, и Нарзанъ не вылѣчитъ. У многихъ видъ совсѣмъ не болѣзненный, а скорѣе томно-меланхолическій, сообразованный съ обстановкой.

Углубляюсь въ паркъ. Сквозь узорчатыя кружева зелени выглядываетъ ярко-синее небо. Аллеи змѣятся во всѣхъ направленіяхъ, пересѣкая Ольховку, горный ручей, черезъ который перекинуты мостики. Тихо. Только эхо парка вторитъ шумному ручью. По склону горъ, по извилистымъ тропинкамъ сбѣгаютъ дачницы съ «легкостью и граціей газели».

Обѣдаю въ казенномъ ресторанѣ. Обѣдъ изъ четырехъ блюдъ—

рубль; приготовленъ плохо. Рюмка обыкновеннаго кахетинскаго вина—двугривенный. Такихъ рюмокъ въ бутылкѣ наберется десять, а цѣна такой бутылки — полтинникъ. Справляюсь въ буфетѣ о причинѣ такой высокой «таксы». Буфетчикъ «по секрету», немного смущенно, немного таинственно, сообщаетъ мнѣ, будто эта цѣна назначена для того, чтобъ и больные, и публика «не очень пили». Не углубляясь въ дальнѣйшія дипломатическія тонкости водяной политики, ѣду на вокзалъ.

На платформѣ двѣ пожилыхъ дамы и барышня; онѣ въ глубокомъ траурѣ. Видъ у нихъ утомленный, скорбный и будто ошеломленный. Онѣ откуда-то издалека. У нихъ много багажу, который онѣ спѣшатъ сдать. Судя по багажу, люди совсѣмъ небогатые: большой потертый чемоданъ въ заплатахъ, старые сундуки, связки съ постелью, плетеное кресло на колесахъ, тоже старое и съ поломанными прутьями. Но это кресло, на которое всѣ онѣ то и дѣло поглядываютъ, представляетъ для нихъ что-то необыкновенно дорогое. Пожилая сѣдая дама проситъ артельщика почти умоляющимъ голосомъ помѣстить его въ вагонъ осторожно, чтобъ оно какъ-нибудь не сломалось. Кто на этомъ креслѣ исчезъ для нихъ навсегда? Отецъ, сынъ, братъ? Давно ли онъ пріѣхалъ сюда и жадно глоталъ цѣлебную воду Нарзана, а три любящихъ женщины съ надеждой и молитвой въ душѣ глядѣли на него?.. Но Нарзанъ обманулъ, какъ обманываетъ и жизнь. — Ахъ, это старое, старое, потертое кресло, сколько оно говоритъ!..

Поѣздъ, изгибаясь, весело бѣжитъ въ Ессентуки.

Глава XXI.

Докторскій разговоръ.—Ессентуки—Пятигорскъ.—Призраки прошлаго.—Кавказъ и Лермонтовъ.—Видъ Пятигорска.—Памятникъ.—Пятигорскіе „курсовые".—Большая Россія. — Вокругъ Машука. — Лермонтовскій гротъ. — Тамбовскіе помѣщики превзошли курскихъ.—Провалъ.—Мѣсто дуэли.—Обратный путь.

Въ вагонѣ разговоръ на злобу дня, новый каптажъ Нарзана. Мои сосѣди — два доктора, одинъ статскій, другой военный. Первый — молодой человѣкъ новой формаціи, съ золотымъ pince-nez, приподнятымъ носомъ, открытымъ, лысѣющимъ уже лбомъ и самоувѣренно-проницательнымъ выраженіемъ, тѣмъ выраженіемъ, которое гипнотизируетъ больныхъ, особенно въ хорошей пріемной и при профессорски-пророческомъ тонѣ, внушая вѣру въ непогрѣшимость. Второй, военный, старичекъ, но еще крѣпкій, маленькій, съ узкими, но живыми глазками и простовато-дѣтскимъ выраженіемъ на кругломъ лицѣ съ подстриженной сѣдой бородкой и усами. Онъ говоритъ прямодушно, почти съ наивной откровенностью; искренній тонъ его подкупаетъ, и ему можно было бы вѣрить, если бъ изрѣдка во взглядѣ его, особенно когда онъ отворачивается, не пробѣгала какая-то смѣющаяся искорка. Кажется, будто и тонъ этотъ,

и нѣкоторые скачки у него умышленны, именно для того, чтобы пощупать своего молодого коллегу. Молодой слишкомъ увѣренъ въ себѣ и не замѣчаетъ этого; въ рѣчи его слышится нѣкоторое снисхожденіе къ человѣку «другого поколѣнія», поотставшему уже отъ науки. Однако, несмотря на это, старичекъ два-три раза ловитъ его ошибки и поправляетъ, но мягко, замѣчая: «виноватъ, вы, кажется, хотѣли сказать»...

Во взглядѣ его опять пробѣгаетъ смѣющаяся искорка.

— А знаете, — заявляетъ онъ вдругъ, — я вотъ двадцать лѣтъ живу здѣсь, а не вѣрю въ водичку.

— То-есть какъ же это? Молодой поправляетъ pince-nez какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть собесѣдника.

Старичекъ смѣется.

— Да такъ просто—не вѣрю, и конецъ. Режимъ, климатъ, отдыхъ — да, это другое дѣло. Поистрепали себѣ нервы—ну, и уѣзжайте отъ жены, занятій, переутомленія, лѣчитесь солнцемъ, воздухомъ, ведите здоровую жизнь—вонъ, какъ наши казаки или солдаты, попробуйте поработать какъ они, весь день на открытомъ воздухѣ—и, право, такой аппетитъ, такой обмѣнъ веществъ, такое обновленіе организма получится, что и богатырскаго Нарзана не надо. А то доведутъ себя до полнаго истощенія, да потомъ пріѣзжаютъ сюда и начинаютъ жлокать эту водичку. А хочешь воды пить—и дома можно. Современная химія приготовитъ вамъ великолѣпный Нарзанъ, да еще до послѣдняго каптажа.

Молодой опять поправляетъ pince-nez и приподнимаетъ брови.

— Но позвольте-съ!

Завязывается споръ на медицинскую тему съ аллопато-гомеопатическими варіаціями.

Въ окнахъ разворачивается бурая холмистая степь, на которой вырастаютъ, то приближаясь, то убѣгая отъ поѣзда, Бештау съ мѣловой вершиной, оригинальная масса Верблюда, похожая на горбъ, Змѣиная гора съ ея расползающимися внизъ, будто змѣи, волнистыми ребрами, и Машукъ, вздымающійся гигантскимъ холмомъ. Горы не жмутся, а выступаютъ отдѣльно, красиво вырисовываясь своими контурами надъ степью. У подножія Машука лѣпится по склону, бѣлѣя домами, Пятигорскъ. Издали что-то очень напоминаетъ Везувій и Неаполь.

Ессентуки въ полуверстѣ отъ вокзала. Паркъ раскинулся у окраины казацкой станицы въ неглубокой котловинѣ. Ѣду осматривать станицу. Извозчикъ—старый казакъ-старообрядецъ, въ бараньей шапкѣ и лиловомъ съ бѣлыми полосками архалукѣ. Мазанки и веселые бѣлые домики утопаютъ въ зелени садовъ; тѣ же черешни, вишни, подсолнечники да стройная цвѣтущая мальва въ палисадникахъ. Станицы—копія екатеринославской или херсонской деревни, съ тѣмъ же малороссійскимъ отпечаткомъ лѣни, идилліи и покоя.

Ессентукская группа выглядитъ уютнѣе и симпатичнѣе кисловодской. Мѣстоположеніе открыто, паркъ не слишкомъ жмется и не заслоняетъ перспективы, больше освѣщенія. Въ лощинѣ, подъ

уступомъ, бѣлое одноэтажное зданіе кургауза съ мавританской колоннадой; предъ нимъ широкая площадка съ цвѣтниками, далѣе вдоль всего парка раскинуты живописные павильоны, бесѣдки надъ источниками, кіоски съ «бюветами». Всѣхъ источниковъ двадцать. Надъ каждымъ затѣйливый кіоскъ то въ русскомъ стилѣ, то въ видѣ желѣзной ажурной клѣтки, то китайской башенки. Особенно изященъ источникъ № 17, у самаго курзала, и № 18, съ гротомъ и воздушной бесѣдкой надъ нимъ. Ванны, ресторанъ и гостиница—у воротъ; въ глубинѣ парка выступаетъ большой корпусъ Компанейской гостиницы. Въ общемъ—и красивые цвѣтники съ выхоленнымъ газономъ, и павильоны, разбросанные вдоль парка, очень напоминаютъ сельско-хозяйственную выставку.

Надъ источникомъ № 18, въ глубинѣ—тоже какая-то гостиница, а недалеко—бесѣдка и чайная. Стаканъ чаю, недурного и очень опрятно поданнаго,—что-то пять или семь копѣекъ. Завѣдуетъ чайной какая-то старушка, нѣмка или чухонка. Но что хорошо, такъ это хоръ Кубанскаго казачьяго полка. Трубачи въ тѣхъ же черныхъ шапочкахъ, черкескахъ и при кинжалахъ. Между ними есть и мальчуганы. Капельмейстеръ, нѣмецъ или чехъ, сумѣлъ однако выработать изъ нихъ прекрасныхъ музыкантовъ. Игра чистая, изящная, съ художественной отдѣлкой даже такихъ вещей, какъ «Евгеній Онѣгинъ», «Нибелунги» и «Вильгельмъ Тель». Одинъ изъ казачковъ артистически исполняетъ соло на пикули въ концертной полькѣ Рудольфи, вызвавъ аплодисменты.

Публики мало. Она попроще, чѣмъ въ Кисловодскѣ. Многіе уже разъѣхались. Сезонъ близится къ концу.

Надвигаются сумерки.

Внизу, подъ бесѣдкой, гдѣ играетъ музыка, влажныя волны воздуха вздымаются съ только-что политыхъ цвѣтниковъ. Паркъ, выросшій зеленой стѣной противъ цвѣтника и кургауза, будто дремлетъ, убаюканный сладкой музыкой.

Спустя полчаса въѣзжаю въ Пятигорскъ. Темно. Огоньки загадочно горятъ въ пыльной дымкѣ. Слѣва изъ тьмы надвигается на городъ тучей черная масса Машука.

Лучшая гостиница—казенная «Минеральныя воды», подъ самымъ Машукомъ. Но тамъ всѣ номера заняты.

Въ другихъ—тоже.

Заѣзжаю въ номера Тупикова. Комнатка во второмъ этажѣ, съ балкономъ на улицу—рубль съ четвертакомъ.

«Проклятые армяне изъ Кизляра», несомнѣнно, ночуютъ здѣсь очень часто.

Выхожу на балконъ.

Черная, совсѣмъ черная и душная ночь окутываетъ городъ. Черезъ улицу въ какомъ-то садикѣ играетъ военная музыка. Сначала раздается маршъ «Птичка», потомъ какой-то минорный, меланхолическій вальсъ. Грустные, за душу хватающіе звуки расплываются въ знойномъ воздухѣ, то нарастая, то замирая. Въ этой мглѣ, въ горячихъ порывахъ вѣтерка я чувствую чье-то дыханье, такое же

таинственное, какъ тѣни, скользящія по тротуарамъ. Атмосфера, полная чего-то загадочнаго, ощущеніе какой-то неуловимой связи прошлаго и настоящаго, другой жизни, исчезнувшей, но оставившей послѣ себя что-то, что чувствуется, но не понимается, что-то непостижимое, какъ тайна бытія,—охватываетъ все существо.

Образъ Лермонтова выступаетъ во всемъ своемъ неотразимомъ обаяніи. Онъ носится тутъ, въ этой мглѣ, полной шопота и дыханья жизни. И за нимъ выплываетъ хороводъ другихъ образовъ, созданныхъ имъ и вылитыхъ здѣсь въ безсмертныя формы. Демонъ, Тамара, Мцыри, Измаилъ-бей, Зораимъ и Ада, Печоринъ, Бэла, Максимъ Максимычъ, Вѣра, Грушницкій, княжна Мэри—вся эта вереница призраковъ, одухотворенныхъ имъ, кажется особенно яркой здѣсь, на фонѣ могучей кавказской природы. «Поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, вся природа сама несла и подавала поэту матеріалы», говоритъ о немъ Бѣлинскій, называя Кавказъ его поэтической родиной.

Никогда, какъ теперь и какъ здѣсь, я не чувствовалъ всю правду этой красиво выраженной мысли, не сознавалъ, что природа никогда не имѣла другого такого же могучаго и геніальнаго художника, который чудной властью слова выразилъ бы такъ ея вѣчную красоту, ея тайную силу и прелесть, ея душу. Только здѣсь, среди этой природы, полной фантазіи и творческаго величія, можно понять всю творческую ширь лермонтовскаго генія. Здѣсь и снѣжныя вершины, и облака, и ручейки, и горы—будто подсказываютъ, будто нашептываютъ лермонтовскіе стихи. Вы чувствуете, что эти стихи, эти образы, навѣянные его поэзіей въ дѣтствѣ и юности, теперь пробуждаются въ васъ съ особенной силой потому именно, что они роятся въ окружающей васъ природѣ. Чтобы понять всю творческую мощь Лермонтова, надо видать Кавказъ; чтобы понять красоты Кавказа, надо знать Лермонтова. Въ его геніальной натурѣ была какая-то таинственная связь съ этой дивной природой; онъ самъ съ пророческимъ ясновидѣньемъ говоритъ:

Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы *судьбою неизбѣжной;*
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой...

Я вижу его здѣсь десятилѣтнимъ мальчикомъ съ душою генія, уже окрыленной смутными, но великими мечтами,—душою, которой «звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли». Я вижу его юношей, уже томящимся пошлостью жизни и пытающимся сорвать съ себя ея цѣпи... Сколько въ этомъ томленіи перечувствовалъ онъ здѣсь, бродя, можетъ-быть, въ такую же ночь по этимъ улицамъ, въ разладѣ съ собой, въ глубокой тоскѣ отъ сознанья своего одиночества въ толпѣ другихъ людей... И какія сомнѣнья онъ долженъ былъ переживать здѣсь же наканунѣ роковой встрѣчи? Вся почти его жизнь была впереди, жизнь генія, жизнь, которая не принадлежала ему, а его родинѣ... И вдругъ такой ужасный конецъ, такое дикое убійство.

Есть въ этомъ что-то такое леденящее и жестокое, съ чѣмъ мы никогда не сможемъ примириться, что всегда будетъ наполнять сердце негодованьемъ и проклятьемъ. Душа вопіетъ отъ сознанья, что гдѣ-то въ окружающемъ мракѣ человѣческая рука была обагрена кровью генія. И этотъ мракъ кажется еще страшнѣй. Онъ давитъ душу. Хочется крикнуть и отъ нестерпимой боли, и отъ ужаса предъ человѣческимъ зломъ. Грустные, стонущіе звуки вальса, то стихающіе и умирающіе, то выплывающіе изъ мглы роемъ минорныхъ нотокъ, говорятъ о чемъ-то утраченномъ и невозвратномъ, вливая въ душу щемящую, томительную до слезъ тоску...

26-е августа.

Если стать лицомъ къ сѣверу и къ Машуку, то слѣва отъ него выступитъ Бештау, а справа—Горячая гора, невысокій отрогъ Машука, приросшій къ нему. Пятигорскъ раскинулся по склону Машука и Горячей горы, сползая къ долинѣ, по которой змѣится Подкумокъ. Въ ущельѣ между Машукомъ и Горячей горой помѣщается пятигорская группа. Вдоль хорошенькаго бульвара, врѣзывающагося клиномъ въ ущелье, и надъ нимъ, на отвѣсныхъ бокахъ Машука и Горячей горы, сосредоточены почти всѣ бальнеологическія заведенія. Въ углу красивая галлерея Елизаветинскаго источника, Товіевское ванное зданіе, ниже Николаевское и Ермолонское Николаевскій «вокзалъ». Подлѣ бульвара Николаевскій скверъ и городской. Надъ послѣднимъ возвышается каменная стѣна. На ней, рядомъ съ новымъ соборомъ, похожимъ на храмъ Спасителя, Лермонтовскій скверъ и памятникъ поэту.

Лермонтовъ сидитъ на скалѣ облокотившись, спиной къ Машуку и лицомъ къ Кавказскому хребту съ бѣлѣющимъ на югѣ Эльборусомъ. Поза хороша и естественна, сходство есть. Но какая-то массивность цѣлаго и угловатость линій нарушаютъ художественную гармонію. Голова слишкомъ ужъ велика и лицо слишкомъ ужъ неподвижно. Нѣтъ ни въ этомъ лицѣ, ни въ тяжелой фигурѣ жизни; формы не одухотворены. Спасибо, впрочемъ, и за это. Не столько русскому обществу и русской литературѣ, сколько пятигорцамъ: они, главнымъ образомъ, поставили ему этотъ памятникъ. Совѣстно признаться, но на открытіи его почти не было представителей не только русской поэзіи, но и русской печати вообще. Еще одна жестокая обида русскому генію.

Памятникъ со скверомъ обошелся что-то свыше пятидесяти тысячъ рублей. Скверъ, какъ ни малъ онъ, и теперь уже имѣетъ запущенный видъ. Клумбы безъ цвѣтовъ поросли высохшимъ бурьяномъ. Недалеко отъ памятника бесѣдка въ видѣ каменнаго грота. На ней, какъ говорится, мѣста живого нѣтъ: весь камень изрѣзанъ иниціалами, датами и разными надписями.

Подъ террасой, на которой стоитъ памятникъ, въ городскомъ скверѣ, взлетаетъ высокая струя фонтана. Она можетъ достигать пятнадцати саженей. Пятигорскъ обзавелся водопроводомъ. Это уже отражается на его благоустройствѣ. Городъ растетъ и строится. Въ

немъ считаютъ тысячъ пятнадцать жителей. Во время сезона населеніе увеличивается еще на нѣсколько тысячъ—и Пятигорскъ тогда переживаетъ что-то вродѣ нижегородской лихорадки и погони за наживой. У бульвара и городского сквера выстроился рядъ балагановъ ярмарочнаго типа. Здѣсь опять разныя кавказскія вещи и кустарныя издѣлія. На бульварѣ—длинная линія витринъ фотографовъ и столики съ фотографіями; это все виды минеральныхъ группъ и Кавказа.

Курсовая публика въ Пятигорскѣ имѣетъ нѣсколько иную физіономію, чѣмъ въ Кисловодскѣ или Ессентукахъ. Въ Кисловодскѣ внѣшніе симптомы болѣзни большей частью какъ-то скрадываются: не разберешь сразу, боленъ ли человѣкъ или онъ блажитъ и мнительничаетъ. У иныхъ видъ такой молодцеватый, что лучшей рекламы Нарзану и не надо. Въ Ессентукахъ другое: туда стекаются страдающіе желудочнымъ несвареніемъ, болѣзнью печени, желчными камнями и разными катаррами. Народъ все раздражительный, сердитый, желчный. Кажется, ни въ одной группѣ не бываетъ такъ много недовольныхъ, какъ тамъ. Въ Желѣзноводскѣ преобладаютъ нервно-больные, малокровные, неврастеники и истерички. Въ Пятигорскѣ другое: здѣсь преимущественно больные подтверждаютъ всю справедливость поговорки: если бъ молодость знала, если бъ старость могла; позднимъ раскаяньемъ и строгимъ режимомъ они пытаются искупить ошибки и грѣшки юности. Здѣсь же и другая категорія больныхъ, «дѣтей этихъ отцовъ», разныхъ золотушныхъ, рахитиковъ и паралитиковъ.

Публики на бульварѣ немного. Преобладаютъ военные. У нѣкоторыхъ видъ угнетенный. Кое-кто опирается на костыли, кое-кто на палочки. Къ ваннамъ провозятъ въ креслахъ двухъ разбитыхъ параличемъ стариковъ, у которыхъ голова пошатывается, какъ у китайскихъ куколъ, и юношу съ мутнымъ взглядомъ и восковымъ лицомъ; прислуга, должно-быть—гостиничная, со скучающимъ видомъ подталкиваетъ кресла.

Вспоминается Лурдъ. Въ душу невольно закрадывается чувство страха при мысли о больной Россіи. Восемь тысячъ больныхъ, стекающихся сюда ежегодно, вѣдь это капля всей больной Россіи, это десятая часть, а можетъ-быть и меньшая, только одной немощной интеллигенціи, да и то такой, которая имѣла средства пріѣхать сюда. А сколько чахнетъ, исковеркавъ свою жизнь, и умираетъ дома, а сколько больныхъ, вырождающихся и заживо-гніющихъ среди городского пролетаріата... А сколько ихъ въ деревнѣ, куда тоже начинаетъ проникать ядъ разложенія?..

У зданія Николаевскихъ ваннъ стоятъ двѣ тройки съ наборной упряжью.

На тротуарѣ, у садика, остановилось пять-шесть гуляющихъ. Изъ зданія ваннъ выходитъ плотный, плечистый, средняго роста брюнетъ въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ. Это министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ. За нимъ идетъ правительственный комиссаръ д-ръ Бертенсонъ и директоръ одного изъ департаментовъ министерства.

Они входятъ въ садикъ. Любопытные приближаются. Рѣчь идетъ о постройкѣ новаго зданія ваннъ. Докторъ Бертенсонъ говоритъ о предполагаемой длинѣ его. А. С. Ермоловъ замѣчаетъ, что площадь мала. Докторъ Бертенсонъ измѣряетъ ее шагами. Оказывается, что мала. А. С. Ермоловъ предлагаетъ построить фасадъ въ другомъ направленіи и затѣмъ самъ измѣряетъ пространство. Все это онъ дѣлаетъ спокойно, покуривая, просто и по-хозяйски. На умномъ и симпатичномъ лицѣ въ эту минуту написанъ живой интересъ хорошаго хозяина къ своему дѣлу, которое онъ старается поставить получше, вникнуть въ самую суть его. Вокругъ — никакой суеты, никакой помпы и накрахмаленности, ни одного городового, который бы «честью говорилъ съ публикой».

Ѣду на Машукъ. Всю гору кольцомъ огибаетъ дорога. По крутому подъему выѣзжаю къ Елизаветинской галлереѣ. Подлѣ нея, на Машукѣ, Лермонтовскій гротъ. Узкая дорожка змѣйкой ползетъ къ нему. Съ площади открывается чудный видъ. Въ ущельѣ, между зданіями группы, разстилается зеленый коверъ бульвара, дальше по склону спускается къ Подкумку въ бахромѣ садовъ Пятигорскъ. Къ югу, за Подкумкомъ, выступаетъ Жуцкая гора, у подножія которой версты на двѣ растянулись бѣлыя палатки лагеря и корпуса казармъ. Надъ Жуцкой горой синѣетъ холмистая гряда Кавказскаго хребта. Но Эльборуса не видать. Онъ слился съ облаками.

Гротъ высѣченъ въ скалѣ и похожъ на кельи, въ которыхъ спасались схимники. Здѣсь тоже и стѣны, и косяки, и арка испещрены надписями. Нѣтъ, кажется, вершка, который не былъ бы исцарапанъ или перепачканъ карандашомъ. Въ одну изъ стѣнъ вдѣлана доска сѣраго мрамора вышиной почти въ сажень и шириной аршина въ полтора. На ней крупными золотыми буквами начертаны стихи и слѣдующая надпись:

«Сія доска сооружена Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда помѣщикомъ Ильей Васильевичемъ Алексѣевымъ 20 іюля 1870 года.

Стихи таковы, что если бы бѣдный Лермонтовъ могъ воскреснуть, то онъ умеръ бы отъ нихъ вторично.

Записываю первый попавшійся куплетъ, сохраняя орѳографію:

„Но кровь родная не забыла
Поэта брата своего,
И у Монарха испросила
Увесть отсюда прахъ его“.

И такихъ «стиховъ» болѣе ста строкъ на цѣломъ сажнѣ мрамора! Спасибо, конечно, за добрыя чувства и желаніе почтить здѣсь память великаго поэта. Но все-таки врядъ ли можно было придумать болѣе жестокую иронію, какъ эти напыщенные и безграмотные стихи, высѣченные на мраморѣ въ Лермонтовскомъ гротѣ. А говорятъ еще, будто только курскіе помѣщики хорошо пишутъ! Съ 20 іюля 1870 года славу ихъ несомнѣнно затмили тамбовскіе.

Тутъ же, на мраморѣ, нацарапана, должно-быть перочиннымъ ножичкомъ, такая эпиграмма:

„Илья, помѣщикъ изъ Тамбова,
Стихами мраморъ изрубилъ,
Какъ жаль! Въ нихъ смысла нѣтъ ни слова.
Себя и гротъ онъ погубилъ".

Подписано: *А. Самаринъ.* (?)

Грибоѣдовъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Людское самолюбіе любитъ марать бумаги и стѣны». Про людскую глупость онъ умалчиваетъ; должно-быть, она въ счетъ нейдетъ.

Надъ гротомъ, въ Эмануэлевскомъ паркѣ, виситъ воздушная бесѣдка—«Эолова арфа», а лѣвѣе изъ зелени выступаетъ другая граціозная бесѣдка.

Вдоль аллеи, обрамляющей дорогу, выѣзжаю къ Провалу. Онъ на противоположной Пятигорску сторонѣ Машука, съ сѣвера. Въ отвѣсной каменной стѣнѣ высѣчена дверь. Темный тунель ведетъ въ куполообразную высокую пещеру съ отверстіемъ вверху. Слѣва отъ входа, подъ сводомъ, источникъ сѣрной воды, справа—горячей воды. Температура—+32 градуса. Горячій источникъ называется «глазнымъ»; его водой промываютъ глаза. Потолокъ пещеры, надъ которымъ растетъ лѣсъ, постепенно обрушивается, отверстіе увеличивается. Въ него виденъ клочекъ синяго неба. Воздухъ спертый, удушливый.

Подлѣ Провала надъ обрывомъ построенъ ресторанъ. Предо мной необозримая панорама. Весь склонъ Машука задрапированъ лѣсомъ и скалами. Подъ нимъ глубокая холмистая долина. На днѣ ея, изрѣзанномъ рѣченкой, пестрѣетъ станица Горячеводская и нѣмецкая колонія Николаевская, а дальше виднѣется маленькій вокзалъ станціи Каррасъ. Надъ этой пропастью, вдоль необъятнаго горизонта, возвышаются опять Змѣева гора, Верблюдъ, Желѣзная и Бештау.

Дальше дорога все время извивается лѣсомъ, изрѣдка только выбѣгая на поляну.

Вотъ и площадка, гдѣ разыгралась эта ужасная драма... Она на склонѣ Машука, надъ пропастью, которая раздѣляетъ его и Бештау. Къ югу видна долина съ Подкумкомъ, казармами и лагеремъ, лѣвѣе—Пятигорскъ.

На лужайкѣ поставленъ небольшой бѣлый, изъ простого камня, обелискъ, высотой аршина въ полтора—два. Недалеко—другой, почернѣвшій отъ времени, камень вросъ въ землю.

Трава на лужайкѣ совсѣмъ истоптана. Все-таки «народная тропа» не зарастаетъ. На камнѣ высѣчена аляповатыми буквами фамилія поэта. И опять надписи!

Одна изъ его же стихотворенья «На смерть Пушкина:

Убитъ! Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ.

Другая:

«О, дорогой поэтъ! Какъ глубоко мнѣ заронилъ ты въ душу зерно любви къ тебѣ и ненависти къ...» Слѣдуетъ многоточіе.

Третья:

«Очень жаль, что камень пачкаютъ своими надписями!» И самъ же скорбящій пачкаетъ его!

Біографы поэта говорятъ, что онъ не относился къ дуэли серьезно и предполагалъ выстрѣлить въ воздухъ. Мартыновъ долго цѣлился, вызвавъ даже со стороны секундантовъ протестъ, рѣдкій въ практикѣ дуэлей. Ему вынуждены были крикнуть: «стрѣляйте, или мы васъ разведемъ».

У одного изъ біографовъ вырывается такая полная претензіи на безапелляціонность и непогрѣшимость фраза: «очень правы тѣ, которые говорятъ, что если не Мартыновъ, такъ другой сыгралъ бы роль палача по отношенію къ Лермонтову». Почему это? Вѣдь Лермонтовъ въ томъ же стихотвореніи «На смерть Пушкина» такъ пророчески и ясно опредѣлилъ и свой взглядъ на тѣхъ, кто подымаетъ руку на *народнаго генія*, и на ихъ отношеніе къ нему.

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ... Спасенья нѣтъ!
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ...
. . . Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ тотъ мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

Лермонтовъ, можетъ-быть, именно объ этомъ думалъ въ послѣднюю минуту, собираясь выстрѣлить въ воздухъ: онъ не могъ допустить, что его хотятъ убить. Предъ нимъ стоялъ обыкновенный армейскій офицеръ, фатъ и фанфаронъ; а въ его личности былъ воплощенъ недосягаемый геній русскаго народа. Какъ ни былъ бы строптивъ и неуживчивъ Лермонтовъ, какъ человѣкъ,—въ немъ было нѣчто, возвышавшее его надъ человѣкомъ, и это нѣчто толпа должна была «щадить».

Мартыновъ цѣлится спокойно, смакуя, какъ цѣлятся не въ человѣка даже, а въ мишень...

Ужасно, ужасно это!

. . . .

Домикъ Лермонтова я такъ и не успѣваю посмотрѣть. Да и что смотрѣть: онъ, оказывается, совершенно перестроенъ. Въ стѣнку, правда, вдѣлана мраморная доска съ надписью, что здѣсь когда-то жилъ поэтъ; но она помѣщена *со двора*; и развѣ одинъ хозяинъ дома, отдавая квартиру, указываетъ на нее нанимателямъ, больше для того, чтобъ оправдать высокую цѣну...

Обѣдаю на вокзалѣ. Ко времени отхода поѣзда на Кисловодскъ пріѣзжаетъ министръ А. С. Ермоловъ, въ сопровожденіи доктора Бертенсона и директора департамента. Въ пассажирскомъ залѣ все спокойно, никакой суеты. Никто услужливо не бѣгаетъ, не расталкиваетъ толпы, не растворяетъ дверей. А. С. Ермоловъ проходитъ со своими спутниками на платформу. Я жду, что подадутъ спеціальный поѣздъ. Ничего подобнаго. Проходитъ пять—десять минутъ. А. С. Ермоловъ прогуливается по платформѣ, на солнопекѣ, покуривая и оживленно бесѣдуя о чемъ-то. Наконецъ подходитъ по-

ѣздъ. По расписанію, остановка десять минутъ. Смотрю нарочно на часы. Думаю, авось хоть поѣздъ отойдетъ раньше. Пассажиры бѣгутъ въ вагоны. А. С. Ермоловъ проходитъ въ общій вагонъ перваго класса. Ни особаго вагона, ни особаго купэ. Въ то же отдѣленіе входитъ и занимаетъ мѣста посторонняя публика. А. С. Ермоловъ, сидѣвшій у раскрытаго окна, пересаживается на противоположную скамейку, уступая мѣсто какой-то дамѣ. Первый звонокъ. Поѣздъ все-таки не уходитъ. Министръ и его спутники оживленно бесѣдуютъ. Въ разговорѣ принимаютъ участіе и другіе пассажиры. Второй звонокъ. Нѣтъ, и теперь поѣздъ не проявляетъ никакой экстренности. Третій звонокъ. Смотрю опять на часы. Поѣздъ простоялъ ровно десять минутъ. Все это выходитъ совсѣмъ просто и мило.

Мой поѣздъ врѣзывается въ ущелье между Машукомъ и Бештау. Отсюда видна площадка, гдѣ убитъ Лермонтовъ. Бѣлый камень стоитъ такъ одиноко. Огибаемъ подножіе Бештау по живописной Бештаугорской лѣсной дачѣ. Почти безпрерывный паркъ тянется до самаго Карраса, за нимъ начинается желѣзноводскій паркъ и лѣсъ, а надъ нимъ высятся, то приближаясь, то удаляясь, Желѣзная гора, у подножія которой, почти исчезая въ лѣсу, едва виднѣется желѣзноводская группа; дальше Верблюдъ и Змѣиная гора. Онѣ показываются то съ одной, то съ другой стороны полотна, которое здѣсь изгибается въ разныхъ направленіяхъ; поѣздъ то тонетъ въ массѣ зелени, то вылетаетъ на холмистую равнину; горы все время бѣгутъ то къ намъ, то отъ насъ, поворачиваются то одной, то другой стороною, словно въ какой-нибудь подвижной панорамѣ.

Отъ Минеральныхъ Водъ до Владикавказа стелется скучная степь, иногда гладкая, чаще волнистая. Оазисами мелькаютъ по ней казацкія станицы. Воздухъ насыщенъ пылью и дымомъ. Душно.

Машукъ, Бештау, Желѣзная и Змѣиная гора еще долго видны. Онѣ вздымаются на равнинѣ, точно передовые сторожа Кавказскаго хребта, бѣгутъ за нами, исчезаютъ, потомъ гдѣ-то на полпути отъ Владикавказа снова догоняютъ насъ. Онѣ кажутся еще такъ близко, что поѣздъ точно кружится на одномъ мѣстѣ.

Пыльная, горячая мгла скрываетъ ихъ. Ночью я во Владикавказѣ. Завтра дальше, по военно-грузинской дорогѣ.

Глава XXII.

Новый спутникъ.—Военно-грузинская дорога въ пушкинскія времена и теперь.—„Не уѣзжай, голубчикъ мой".—Картины горъ.—Въ Ларсѣ.—Дарьяльское ущелье въ лунную ночь.—Замокъ Тамары.—Тѣни древняго міра.—У подножія Казбека.—Дарьялъ днемъ.—Кавказъ и три русскихъ генія.—Коби.—Крестовый перевалъ.

27-е августа.

Входитъ комиссіонеръ, что-то среднее между армяниномъ и евреемъ. Смуглый, съ лицомъ восточнаго типа, въ пиджакѣ, вмѣ-

сто ха говоритъ кха, во взглядѣ услужливость, за которой прячется плутоватость.

Наканунѣ я поручилъ ему пріискать попутчика. Отсюда ежедневно въ опредѣленное время отходятъ огромные дилижансы, четырехмѣстныя кареты и коляски. Сообщеніе удобное и, сравнительно, недорогое: за двѣсти верстъ въ 1-мъ классѣ, т.-е. внутри кареты, 18 рублей, во 2-мъ классѣ, въ омнибусѣ, 11 рублей, въ 3-мъ классѣ, на козлахъ кареты или омнибуса, 5 рублей. Въ 1-мъ и 2-мъ классѣ приходится проѣхать весь путь закупореннымъ и ничего не увидать; отмахать эту дистанцію на козлахъ тоже не представляетъ ничего привлекательнаго. Кромѣ того, и въ каретѣ, и въ дилижансѣ можно попасть или на непріятныхъ компаньоновъ, или на дамское общество, — перспектива тоже невеселая: либо придется сидѣть рядомъ съ какимъ-нибудь антипатичнымъ субъектомъ, либо, при обиліи дамъ, чувствовать себя нѣкоторымъ образомъ въ тѣсномъ сапогѣ и невольно толкать своихъ визави колѣнками, всю дорогу извиняясь. Но самое непріятное, что и дилижансы, и кареты ѣдутъ день и ночь по расписанію почти желѣзнодорожному, съ короткими остановками для чая и обѣда, тоже въ опредѣленныхъ расписаніемъ время и пунктахъ. Выѣзжая изъ Владикавказа утромъ, карета или омнибусъ на другой день вечеромъ въ Тифлисѣ. Это значитъ — проглотить самый живописный уголокъ Кавказа.

Комиссіонеръ заявляетъ вполнѣ рѣшительно, что попутчика не нашелъ, и предлагаетъ мѣсто 1-го класса, въ каретѣ, даже со скидкой: какой-то господинъ, взявшій наканунѣ билетъ, не можетъ выѣхать и продаетъ его. Между тѣмъ въ сосѣднемъ съ моимъ номерѣ я нѣсколько минутъ тому назадъ слыхалъ голосъ этого же самаго комиссіонера, но болѣе сдавленный. Онъ тоже предлагалъ моему сосѣду мѣсто въ каретѣ и со скидкой; сосѣдъ отказался. Это наводитъ меня на подозрѣнье. Говорю, что поѣду одинъ въ коляскѣ. Комиссіонеръ удаляется съ разочарованнымъ видомъ, заявивъ, впрочемъ, что все-таки постарается найти мнѣ попутчика. Дю-Фаръ, съ которымъ я разсчитывалъ вмѣстѣ поѣхать въ Тифлисъ, оказывается, еще вчера утромъ выѣхалъ туда.

Стучатъ. Въ номеръ входитъ незнакомый господинъ, высокій, худощавый, въ сѣромъ костюмѣ, съ сѣрыми волосами и бородкой, съ сѣрыми глазами и сѣрой шляпой въ рукахъ. Такъ и угадывается неэкспансивная и сдержанная натура человѣка, который много перенесъ, перестрадалъ, извѣрился и успокоился, уйдя въ себя. Въ глазахъ блескъ, но тоже какой-то сѣроватый, будто изъ-подъ пепла.

— Извините, —говоритъ онъ спокойнымъ тономъ,—вы, кажется, собираетесь въ Тифлисъ? Я слыхалъ вашъ разговоръ, я сосѣдъ вашъ по номеру... —Да, я собираюсь въ Тифлисъ и тоже слыхалъ вашъ разговоръ.—Вы, кажется, хотите ѣхать въ коляскѣ?—Да, а вы?—И я тоже.

Пауза, колебанье и взаимное оглядыванье. Въ душѣ у насъ

обоихъ, должно-быть, копошится общее сомнѣнье: кто его знаетъ, съ какимъ человѣкомъ свяжешься. Рекомендуемся. Фамилія его Лужановъ. Живетъ онъ въ Кіевѣ, человѣкъ состоятельный, недавно продалъ огромное имѣніе и ѣдетъ на Кавказъ отчасти какъ туристъ, отчасти, чтобъ облюбовать себѣ какой-нибудь живописный уголокъ. Мать и сестра остались въ Ѳеодосіи.

Проѣхать въ коляскѣ вдвоемъ, оказывается, и дешевле, и удобнѣе, чѣмъ въ каретѣ. Временемъ мы не стѣсняемся, и потому рѣшаемъ ѣхать не спѣша и только днемъ.

Пообѣдавъ въ два, отправляемся по Александровскому проспекту къ почтовой станціи. При ней и гостиница, и буфетъ. Во дворѣ—цѣлый ассортиментъ экипажей, начиная кибитками и телѣгами, кончая каретами, кочь-каретами и громоздкими омнибусами. Что-то вродѣ большой каретной мастерской. Одни экипажи закладываютъ, другіе выпрягаютъ. Разъѣздъ огромный и безпрерывный; на станціяхъ свыше ста лошадей. Охватываетъ атмосфера эпохи сороковыхъ годовъ. Долетающій издалека свистъ паровоза звучитъ какой-то ироніей.

До Тифлиса двѣнадцать перегоновъ. На каждой станціи такіе же вокзалы. Ремонтъ дороги стоитъ ежегодно двѣсти тысячъ. Она раздѣлена на дистанціи съ нѣсколькими инженерами; на всемъ пути разбросаны рабочія казармы.

Шоссе окончательно устроено въ 1863 году, и только послѣ покоренія Кавказа сообщеніе по немъ стало регулярнымъ. Вдоль всего пути построены сторожевые форты и казачьи пикеты. Но теперь движенье безопасно. Даже почту не конвоирують. Только въ долинѣ Терека ее «на всякій случай» сопровождаютъ нѣсколько казаковъ. У военно-грузинской дороги живутъ осетины, народъ по преимуществу «мирной», да грузины, населяющіе Карталинію и Кахетію, вдоль которыхъ проходитъ вторая половина пути.

Какой-то почтовый чиновникъ, добродушный старичекъ, сообщающій мнѣ эти свѣдѣнія, конечно, не упускаетъ случая прибавить: «посмотрѣли бы вы, что въ прежнее время здѣсь творилось...» И при этомъ, украдкой запустивъ пальцы въ табакерку, онъ, отвернувшись, набиваетъ носъ табакомъ.

Какъ ни вѣетъ отъ этой дороги анахронизмомъ, но въ сравненіи съ тѣмъ, что было здѣсь полвѣка тому назадъ, она кажется послѣднимъ словомъ прогресса. Тогда почти весь путь приходилось совершать на волахъ; на подъемахъ въ коляски впрягали по десяти паръ воловъ; громоздкіе омнибусы, вродѣ этихъ, нечего было и думать возить; легкія коляски—и тѣ иногда превращались въ щепки. Теперь весь путь — гладкое шоссе; не только бугорка на немъ нѣтъ, камешекъ нигдѣ не торчитъ; даже подметаютъ его, какъ аллеи въ нѣмецкомъ паркѣ.

Вотъ какъ Пушкинъ рисуетъ картинку кавказскаго путешествія въ 1829 году: «Дается конвой, казачій и пѣхотный, и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю и пріѣзжіе присоединяются къ ней: это называется оказіей».

«На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился и солдаты раскуривали имъ трубки».

Такую же почти картину рисуетъ Лермонтовъ въ «Героѣ нашего времени».

Прошло полвѣка—и какъ все это измѣнилось, какимъ далекимъ кажется теперь.

Отходитъ дилижансъ. Онъ переполненъ публикой и картонками. Сверху багажъ. На козлахъ кондукторъ. Онъ въ бѣлой фуражкѣ, бурой черкескѣ съ газырями, при шашкѣ, револьверѣ и даже кинжалѣ. Видъ бравый, но это такъ себѣ, больше для блезиру и для того, чтобъ импонировать публикѣ. Пассажиры—пестрые, типа второго класса. Шестерка лошадей съ форейторомъ уноситъ вскачь омнибусъ. Кондукторъ трубитъ.

Намъ подаютъ легонькую двухмѣстную коляску, запряженную русской тройкой. Стоитъ это удовольствіе до Тифлиса тридцать рублей съ копѣйками на двоихъ. Если взять кондуктора, то за это приплачивается особо три рубля; кромѣ того, и ему приходится дать на чай. Въ кондукторѣ собственно надобности намъ нѣтъ. Ямщикъ—татаринъ, въ бараньей шапкѣ. Подъ себя онъ кладетъ тулупъ. Жара страшная.

Передъ нами все небо заложено грядой горъ; и, глядя на нее, невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ переберешься сквозь эту неприступную стѣну. Переѣзжаемъ по мосту, перекинутому черезъ клокочущій Терекъ, на лѣвый берегъ. Кудрявая листва съ зелеными минаретами тополей надъ ней, красныя крыши и купола владикавказскихъ церквей дрожатъ въ раскаленномъ воздухѣ. Изумрудный коверъ долины Терека, бѣлая, пѣнящаяся, какъ водопадъ, рѣка, темнозеленые лѣса по склону горъ, сѣдые гиганты - скалы, утесы и мѣловыя кручи надъ ними, голубыя пропасти и сверкающіе снѣга еще выше, на фонѣ ярко-синяго неба,—все это напоминаетъ тѣ чудные альпійскіе ландшафты, которые на полотнѣ кажутся больше вымысломъ, чѣмъ дѣйствительностью. Подозрѣваешь, что художникъ пересолилъ, что краски слишкомъ ярки. И только теперь, глядя на эту дивную панораму, чувствуешь, что фантазія человѣка безсильна преувеличить всю игру красокъ, весь капризъ переливовъ и тоновъ въ ней.

За городомъ останавливаемся у одиноко стоящаго въ виноградныхъ садахъ духана, чтобъ утолить мучительную жажду. На духанѣ вывѣска съ такой «аллегоріей»:

„Не уѣзжай, голубчикъ мой,
А заѣзжай повеселится
Въ садекъ мой".

Видъ у сидѣльцевъ подозрительный. «Садекъ» очень попахиваетъ ловушкой.

Въѣзжаемъ въ «горныя ворота». Коляска катится мягко по гладкому шоссе, змѣящемуся по бархатной зелени долины, надъ Терекомъ. Владикавказъ исчезъ. Да и весь міръ какъ будто исчезъ. Мы окунулись съ головой вглубь природы, въ море яркой, свѣжей зелени и горъ. Онѣ обступили насъ со всѣхъ сторонъ, до неба, то надвигаясь, то раздвигаясь своими темно-сѣрыми скалистыми громадами и утесами. Снѣжныхъ вершинъ уже не видно; только Столовая гора наползаетъ своей грозной отвѣсной стѣной, заслоняя небо. Становится прохладно, глубокая, какъ вечернія сумерки, тѣнь падаетъ на долину. А наверху, надъ горами, утесами, скалами и лѣсами стоитъ сіяніе яснаго дня. Воздухъ необыкновенно прозраченъ, и это придаетъ какую-то особенную прелесть и чистоту краскамъ. Дорога изгибается, и съ каждымъ поворотомъ открываются новые ландшафты и пейзажи безъ конца. Что ни уголокъ—то картина, полная чарующихъ красокъ, гармоніи, дѣвственной свѣжести и величія природы. И такія картины нагромождены одна надъ другой до самаго неба. Точно великій художникъ хотѣлъ сразу очаровать и ослѣпить всей силой своей фантазіи и творчества. Смотришь на эти голубыя пропасти, на фантастическіе силуэты скалъ и утесовъ, то висящихъ совсѣмъ надъ головой, то выстроившихся тѣснымъ рядомъ сѣдыхъ великановъ, то прячущихся въ непроходимой чащѣ лѣса будто въ засадѣ, смотришь на эти величественныя массы горъ—и не успѣваешь налюбоваться, какъ уже декорація смѣнилась и развернулась новая панорама, съ новымъ сочетаньемъ красокъ и освѣщенія. Лѣса вдругъ становятся темными, вершины горъ сверкаютъ, потомъ онѣ темнѣютъ, а лѣса вдругъ освѣщаются невидимо откуда хлынувшимъ потокомъ лучей.

Природа здѣсь будто щеголяетъ своимъ роскошнымъ нарядомъ. Она дышитъ чѣмъ-то ласкающимъ, нѣжнымъ, полнымъ жизни и любви. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ущелье суживается, тѣмъ больше наваливаются на него, тѣснясь, громады. Лѣса постепенно исчезаютъ съ вершинъ, сползаютъ все ниже, и наконецъ только легкой каемкой огибаютъ дорогу; а надъ ними голыя горы, сѣдыя, угрюмыя, сплошныя глыбы камня. Вверху одиноко и безпомощно приросла къ утесу жиденькая сосна и замерла будто въ страхѣ предъ пропастью, надъ которой виситъ. Подъ ней плыветъ облако, а рядомъ по отвѣсной стѣнѣ стремительно мчится внизъ бѣлой змѣей горный ручей.

Въ Балтѣ, гдѣ намъ перепрягаютъ лошадей, мы у подножья Столовой горы. Она всей своей громадой навалилась на пріютившуюся подъ ней станцію и вотъ-вотъ рухнетъ. Смотришь вверхъ, на небо, точно со дна какого-нибудь гигантскаго котла. Шея начинаетъ побаливать.

Чѣмъ ближе къ Ларсу, тѣмъ природа становится суровѣе и сумрачнѣе. Зелени уже совсѣмъ мало. Горы еще больше выросли, еще тѣснѣй обступили насъ. Иногда ущелье суживается до того, что кажется, будто одна сторона горъ срослась съ другой и выхода нѣтъ. Проѣзжаемъ подъ одной полуразрушенной башней, стоящей угрюмо на уступѣ, потомъ подъ другой, минуемъ казачій фортъ съ двумя круглыми башнями, напоминающими керосиновыя цистерны, и мы у станціи Ларса.

Пьемъ чай. Надъ нами разстилается лоскутъ неба. Горы подпираютъ его, скованныя величавой неподвижностью смерти. Природа объята глубокимъ и строгимъ покоемъ. Только Терекъ неумолчнымъ шумомъ водопада оглашаетъ безмолвный міръ. Здѣсь онъ еще яростнѣй, еще быстрѣй; рѣки нѣтъ, несется сплошная бѣлая пѣна, которая шипитъ, клокочетъ, лижетъ валуны, приросшіе къ каменистому дну, и мчится дальше.

У станціи артель рабочихъ расположилась вокругъ костра, надъ которымъ виситъ котелъ; все турки и персы, починяющіе шоссе. Сумерки надвигаются, небо темнѣетъ, тѣни падаютъ на горы таинственнымъ покрываломъ. Костеръ разгорается все ярче, Терекъ реветъ все грознѣй.

Смотритель совѣтуетъ намъ переночевать. Восемь часовъ. До станціи Казбекъ еще пятнадцать верстъ, часа три ѣзды. Въ двухъ верстахъ отъ Ларса начинается Дарьяльское ущелье, самая интересная картина въ панорамѣ горъ. Староста прибавляетъ нѣсколько пугающимъ тономъ, что обыкновенно по ночамъ ѣздятъ только срочные омнибусы и кареты, «а такъ господа не ѣздятъ, потому нехорошо». Ямщикъ-татаринъ, запрягающій у подъѣзда лошадей, тоже ворчитъ что-то, кутаясь въ тулупъ и нахлобучивая баранью шапку. Мой спутникъ поглядываетъ вопросительно. Меня искушаетъ посмотрѣть на Дарьялъ при лунномъ освѣщеніи.

Ѣдемъ. Лошади плетутся рысцой, потомъ все время шагомъ; начинается подъемъ. Дорога ползетъ надъ пропастью, по дну которой бѣжитъ Терекъ, то по одной, то по другой сторонѣ ущелья. Темнѣетъ. Погружаемся въ какой-то таинственный міръ. Иногда нельзя разобрать, ни гдѣ мы, ни куда насъ везутъ. Грозные черные силуэты надвигаются и срастаются, совсѣмъ заслоняя дорогу. Вѣтеръ свиститъ и воетъ, въ безднѣ ему вторитъ Терекъ. Порой изъ-за утеса, выросшаго вдругъ предъ нами какимъ-то грознымъ призракомъ, выглянетъ лучъ луны и соскользнетъ въ пропасть. Она вдругъ синѣетъ; Терекъ несется по ней потокомъ расплавленнаго серебра. Дорога все суживается, она изгибается лентой по отвѣсной каменной стѣнѣ надъ самой пропастью, она высѣчена въ самой скалѣ. Справа—отвѣсная глыба до самаго неба, слѣва—бездна. Взглядъ не можетъ соразмѣрить ея глубины, но инстинктивно чувствуешь ее, чувствуешь какую-то опасность, и сердце испуганно жмется. Кажется—вотъ сейчасъ кони шарахнутся, и полетишь внизъ.

Бываютъ такіе страшные кошмары: снятся бездны и кручи, по

которымъ карабкаешься, пытаясь удержаться надъ пропастью; душа объята ужасомъ предъ неминуемой опасностью, что-то роковое и неотвратимое, какъ судьба, давитъ сердце.

Такое впечатлѣніе производитъ и Дарьялъ ночью. Вамъ все время кажется, что вы провалились на дно узкой трещины двухверстной глубины и пытаетесь выбраться изъ нея. Хаосъ разрушенія, груды навалившихся глыбъ и громадъ, что-то дикое, роковое и грозное, полное мрака, тайны и смерти. Почти двѣ версты луны не видно. Ее заслонили совсѣмъ отвѣсныя стѣны ущелья, онѣ нависли надъ дорогой, надъ нами, закрыли небо; а внизу, освѣщенный хлынувшимъ откуда-то фосфорическимъ свѣтомъ, мечется Терекъ. Дорога виситъ надъ нимъ. Кромѣ дороги, негдѣ ступить: бездна и бездна. Небо иногда показывается узкой полоской высоко - высоко вверху. Одинокая звѣзда сверкнетъ надеждой на острой верхушкѣ утеса, и спрячется. Порой, когда выѣзжаемъ въ полосу свѣта, откуда-нибудь изъ синей пропасти выплыветъ бѣлымъ легкимъ призракомъ облачко и легко, неслышно сядетъ на скалу. Звонокъ то звучитъ тревожно, то замираетъ въ меланхолическихъ, дрожащихъ, чуть слышныхъ переливахъ. Эхо бездны обманчиво перекликается съ нимъ.

Проѣзжаемъ «Чортовъ» и Кистинскій мосты, перекинутые черезъ Терекъ и бѣлую рѣчку Девдораки, вырвавшуюся съ Казбека, изъ Девдоракскаго ледника. Все вокругъ кажется заколдованнымъ. Ощущеніе глубокой, необъятной тайны жизни и прошлаго охватываетъ душу.

Представляется древній міръ и картина переселенія народовъ. Здѣсь, по этому ущелью, плыли безпрерывнымъ потокомъ полчища «переселенцевъ» изъ Азіи въ Европу. Чего-чего, какихъ племенъ ни видали эти безмолвныя, угрюмыя громады, сколько дикихъ сценъ изъ прошлаго человѣчества разыгралось здѣсь. Народы шли этимъ главнымъ путемъ, соединявшимъ двѣ части свѣта, въ поискахъ лучшей жизни, шли безпрерывной толпой призраковъ и расплывались въ европейскомъ морѣ; многіе оставались здѣсь и селились отдѣльными племенами. На востокѣ Кавказъ называютъ «горами языковъ». Его семьдесятъ нарѣчій—остатки младенческаго лепета народовъ, прошедшихъ по этому пути, по этимъ горамъ, колыбели фантазіи и легендъ. И кто знаетъ, сколько унесли они отсюда чудныхъ легендъ и преданій, ставшихъ основой новаго культа и религіи. Эти горы въ грозу, въ блескѣ молніи и при раскатахъ грома, должны были повергать въ мистическій ужасъ младенческій умъ человѣка; эти вершины, окутанныя облаками, казались ему путемъ къ небу и Богу. Народы проходили, но горы съ ихъ тайной запечатлѣвались въ ихъ душѣ глубоко, рисуя воображенію таинственный міръ другой жизни, полной загадочныхъ, божественныхъ силъ...

Ямщикъ какъ-то съежился и весь ушелъ въ тулупъ и баранью шапку. Слова не выронитъ, по-русски почти не понимаетъ. Изрѣдка только, когда впереди послышится гулкій топотъ копытъ или

скрипъ колесъ въ арбѣ, онъ будто просыпается и вдругъ кричитъ не своимъ голосомъ:

— Эй, кабарда, кабарда-а!

Въ сумракѣ вырастаютъ силуэты всадниковъ въ папахахъ и черкескахъ. Это—осетины. Становится какъ-то жутко. Оглядываемся, пока они исчезнутъ. Правда, въ концахъ Дарьяла, который тянется одиннадцать верстъ,—казачьи пикеты, а въ самомъ ущельѣ некуда повернуть и скрыться. Но что стоитъ ограбить, да и выбросить въ пропасть вмѣстѣ съ экипажемъ; доискивайся потомъ на днѣ ея. Ямщикъ и всадникамъ, и ѣдущимъ въ арбѣ кричитъ: камарджебъ. Они отвѣчаютъ ему тѣмъ же. Спрашиваемъ у него объясненія этихъ массонскихъ словъ. Кабарда—значитъ что-то вродѣ «пади» или сворачивай съ дороги, камарджебъ — здравствуй. — А какъ по-твоему чортъ?—Ешмакъ. Выѣзжаемъ въ полосу свѣта. Татаринъ не то рычитъ, не то глухо смѣется и оглядывается. У самого глаза, какъ у чорта, такъ и сверкаютъ изъ-подъ бахромы бараньей шапки.—А ты шайтана своего, ешмака, боишься?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Угу, — рычитъ онъ. Шортъ естъ тамъ, шайтанъ, балшой ешмакъ, тамъ-о... Та-амара, знаишъ? Онъ показываетъ кнутомъ впередъ.—Надъ пропастью выростаетъ, отдѣлившись отъ горъ, высокій утесъ. Терекъ огибаетъ его, воя у подножія. На утесѣ—высокая черная башня. Ея силуэтъ таинственно вырисовывается въ лунномъ сіяніи. Это «замокъ» или башня Тамары.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ...

вспоминаются мнѣ лермонтовские стихи. И въ голубомъ сумракѣ, въ полномъ фантазіи полетѣ легкихъ тѣней, бѣгущихъ вдоль ущелья, тайна кажется еще глубже и загадочнѣй.

Около одиннадцати мы у подъѣзда станціи, въ глубокой, темной котловинѣ, обложенной громадами горъ. Надъ ними, слѣва отъ Терека, отражаетъ лучи невидимой луны серебристая вершина Казбека, вся въ лунномъ сіяніи. Кажется, будто луна упала на горы.

Холодно. Вѣтеръ воетъ. Двухъэтажный фасадъ станціи такъ и манитъ своими огоньками. Мы продрогли.

Ресторанъ внизу. Большой залъ со стойкой и нѣсколькими обѣденными столами, уставленными цвѣтами и горками бутылокъ съ винами, имѣетъ совсѣмъ вокзальный видъ. Есть даже шампанское. Спѣшимъ согрѣться и чаемъ, и ужиномъ.

Гостиница въ верхнемъ этажѣ. Амбразуры оконъ—какъ въ крѣпости; номера не особенно чисты, но есть электрическіе звонки. Зато въ окно виденъ Казбекъ. Мы долго еще не можемъ уснуть. У меня лихорадка. Я потрясенъ величіемъ пронесшейся предо мной картины. Что-то невообразимо дикое и невообразимо прекрасное въ этой своей волшебной дикости, какая-то легенда хаоса, тайны и разрушенія.

28-е августа.

Просыпаемся рано. Котловина въ сумеркахъ и туманѣ. Но вверху, на небѣ, на облакахъ виситъ залитая сіяніемъ солнца серебряная вершина Казбека. Она совсѣмъ близко, мы у самаго подножія горы, а между тѣмъ, чтобы пробраться къ ледникамъ, надо карабкаться верстъ семь. Цѣлый день уйдетъ на одно восхожденіе. Самая станція Казбекъ—на высотѣ пяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Это значитъ, что всѣ минераловодскія горы, казавшіяся мнѣ гигантами, всѣ эти Машуки и Бештау (3,000 фут.) уже на 2,000 футовъ ниже насъ,—это значитъ, однако, что до вершины Казбека осталось еще одиннадцать съ половиной тысячъ футовъ, т.-е. почти четыре Машука. При станціи есть проводники—татары и горцы. Они живутъ у тропы, по которой начинается восхожденіе, въ землянкѣ. За подъемъ на ледникъ берутъ по полтора рубля отъ лошади. Подъемъ крутой, опасный и изнурительный. Однако—охотниковъ и любителей сильныхъ ощущеній не мало. Сюда пріѣзжаютъ къ вечеру, ночуютъ, а утромъ начинаютъ восхожденіе. И сейчасъ въ сосѣднемъ номерѣ какіе-то два господина, а въ слѣдующемъ дамы, всходившіе вчера на ледники. Вернулись они, говорятъ, въ полномъ изнеможеніи. На самую вершину Казбека проникли только въ 1868 году три англичанина — Фрешвильдъ, Токкеръ и Муръ, члены лондонскаго альпійскаго клуба.

Насъ тоже начинаетъ искушать эта экскурсія, но въ концѣ концовъ мы предпочитаемъ сдѣлать другое—взглянуть еще разъ на Дарьяльское ущелье при дневномъ освѣщеніи. Мы оба почти разомъ высказали эту мысль, сознавшись, что чувствуется какая-то неполнота впечатлѣнія.

Спустя полчаса садимся въ коляску. Намъ запрягли одну лошадь, хотя взяли за тройку. Спрашиваемъ объясненія. Говорятъ—все время приходится ѣхать подъ гору. Лошадь, дѣйствительно, бѣжитъ полнымъ аллюромъ. Теперь только намъ становится понятнымъ весь размѣръ бездны, надъ которой мы пронеслись ночью. Дорога виситъ надъ страшной пропастью. Порой, когда въ низкомъ каменномъ барьерѣ, обрамляющемъ шоссе, мелькнетъ просвѣтъ, устроенный для стока воды, душа невольно замираетъ. Гдѣ-то въ глубинѣ бездны скачетъ рядомъ съ Терекомъ осетинъ. Отсюда онъ вмѣстѣ съ лошадью едва виденъ и кажется чернымъ полевымъ кузнечикомъ. Надъ этой пропастью висятъ отвѣсныя каменныя глыбы, безмолвныя, грозныя, мрачныя, тѣснятся надъ нами до самаго неба, надвигаются такъ близко, что, кажется, стоитъ разставить руки—и можно упереться въ нихъ. Двѣ версты шоссе высѣчено въ самой скалѣ, висящей надъ пропастью; а надъ дорогой, точно потолокъ галлереи, выступаетъ край скалы. Горы—сплошная масса камня; онѣ то табачныя, то сѣдыя, то покрыты ржавчиной, то аспидныя съ зеленоватымъ отливомъ. Иногда скалы принимаютъ причудливыя формы, то напоминаютъ глыбы кристалловъ, то похожи на гигантскую колоннаду, вырубленную въ стѣнѣ какими-нибудь исполинами. Вокругъ все безжизненно, мертво; ни деревца, ни травки, ни былинки; все полно

мрачнаго и величаваго покоя смерти. Только Терекъ напоминаетъ своимъ шумомъ о жизни и движеніи, да гдѣ-то на поворотѣ вырывается изъ скалы высокій фонтанъ, обдающій насъ брызгами. Солнечные лучи изрѣдка только прокрадываются въ эту долину смерти и тѣней.

Въ Ларсѣ намъ опять запрягаютъ тройку. Снова начинается подъемъ. Я оглядываюсь. Мы все выше и выше, но шоссе проведено такъ искусно, что подъемъ почти незамѣтенъ. Казармы, мимо которыхъ мы недавно проѣзжали, уже подъ нами; еще нѣсколько поворотовъ—и онѣ уже глубоко внизу, въ пропасти, еле видны.

Я не знаю, бывалъ ли когда-нибудь Густавъ Доре въ Дарьяльскомъ ущельѣ, но оно почему-то будитъ въ воображеніи его «Хаосъ» и «Страшный Судъ».

По бокамъ шоссе, почти отъ самаго Владикавказа, скалы исписаны фамиліями туристовъ и русскихъ художниковъ. Буквы все большія, выведены масляными красками; попадаются имена нашихъ знаменитыхъ пейзажистовъ и маринистовъ, цѣлый почетный списокъ академіи художествъ. Кавказъ вдохновлялъ, давая безконечныя темы и представителямъ живописи, и представителямъ литературы. Творческая мощь природы будто вливала въ ихъ души творческія силы и смѣлый полетъ фантазіи. Три генія земли русской, Пушкинъ, Лермонтовъ и Грибоѣдовъ, пронеслись по Кавказу, черпая въ его красотахъ и величіи природы свое вдохновеніе. Пушкинъ—мимолетно; но кто знаетъ, какъ глубоко въ его геніальную душу могло запасть даже мимолетное видѣніе этой сказочной природы. Лермонтовъ весь слился съ Кавказомъ и отдался ему; Грибоѣдовъ какъ будто меньше всѣхъ оцѣнилъ его красоты; но онѣ, несомнѣнно, имѣли и на него огромное вліяніе, вызвавъ въ немъ подъемъ духа; на фонѣ вѣчной красоты и величія природы еще рельефнѣй, еще жалче и ничтожнѣй должны были рисоваться ему герои его великой комедіи, вся пошлая суета и мишура ихъ жизни. Бѣлинскій въ этомъ случаѣ очень мѣтко опредѣлилъ вліяніе Кавказа на сатирическое настроеніе Грибоѣдова. И странно: въ жизни этихъ трехъ геніевъ есть что-то такое же стихійное, какъ Кавказъ, сильное и роковое, какъ ихъ участь: Лермонтовъ пишетъ свои стихи на смерть Пушкина, пророчески предсказывая себѣ ту же судьбу; Пушкинъ, во время своего путешествія въ Эрзерумъ, встрѣчаетъ гдѣ-то за Тифлисомъ арбу, на которой везутъ изъ Тегерана гробъ съ изуродованнымъ тѣломъ Грибоѣдова, а самъ, нѣсколько лѣтъ спустя, становится жертвой насильственной смерти.

Позже на Кавказѣ побывали и графъ Толстой, начавшій здѣсь свою литературную дѣятельность, и Полонскій, и еще цѣлая группа писателей. Кавказъ—это художественная школа, которая повышаетъ и творческую силу, и полетъ воображенія, и воодушевленіе.

Подлѣ Девдоракъ на стѣнѣ крупными буквами сдѣлана надпись: «тропа обхода провала, бывшаго въ 1831 году». Выше еще видна узкая тропинка. Ущелье было завалено сползшимъ ледникомъ и обломками скалъ. Высота завала достигала пятидесяти саженей,

длина—двухъ верстъ. Расчищали его по нѣсколько лѣтъ, до новаго завала.

Впереди въ коляскѣ ѣдетъ какая-то дама съ дѣтьми. На козлахъ кондукторъ, бравый усачъ-казакъ. Должно-быть, онъ изъ трубачей: вмѣсто кондукторской трубы, у него корнетъ. Онъ играетъ, и играетъ очень хорошо, то «Серенаду» Шуберта, то лермонтовскій романсъ: «Выхожу одинъ я на дорогу». Эхо ущелья прихотливо подхватываетъ грустную пѣсню.

Вблизи Казбека, по крутой, почти отвѣсной тропинкѣ, медленно взбирается на скалу женщина. Она тащитъ на спинѣ мѣшокъ. Не только тащить что-нибудь, а и безъ ноши мудрено взобраться надъ такой кручей. Она послѣ каждаго шага останавливается, чтобы передохнуть. Ямщикъ говоритъ, что это осетинка и что гдѣ-то въ скалахъ, еще выше, есть аулъ. Вотъ на чью долю здѣсь выпало рабство. Жена горца — и раба его, и слуга; она ткетъ ковры, выдѣлываетъ для него сукно и полотно, шьетъ черкеску, папаху и бурку, она и кормитъ его. А онъ въ это время гарцуетъ и джигитуетъ, ломаетъ изъ себя какого-то героя независимости, обрабатывая, и очень плохо, клочекъ земли, а больше—лѣнясь и бездѣльничая....

Женщина медленно подымается все выше и выше надъ краемъ пропасти. Страшно смотрѣть.

Опять съѣзжаемъ къ станціи. Рядомъ съ ней выступаетъ аулъ Казбекъ и усадьба генерала Казбека, одноэтажный домъ изъ бураго гранита, окруженный каменной оградой. Подлѣ дома — церковь, такого же цвѣта, какъ и домъ, въ строгомъ древне-грузинскомъ стилѣ. За оградой — духанъ, низкая сакля безъ крыши. Въ немъ распѣваетъ пьяная компанія, а у дверей стоитъ горсть осетинъ въ папахахъ и тулупахъ.

Вершина Казбека очистилась отъ облаковъ. Они сползли ниже и окружили монастырь «Сминди Самеба» (Успенія), древній грузинскій храмъ, тоже изъ бураго гранита. Онъ повисъ высоко надъ пропастью, точно орлиное гнѣздо. Смотришь — и недоумѣваешь, какъ люди пробираются туда. Немного ниже надъ обрывомъ лѣпится аулъ Гергецъ. Въ ущельяхъ вьется дымъ.

Послѣ обѣда ѣдемъ дальше. До станціи Коби семнадцать верстъ. Подъемъ продолжается. Горы, то зеленыя, то табачныя, все раздвигаются. Видъ унылый, лѣсовъ нѣтъ; скалы и скалы безъ конца. Изрѣдка по сторонамъ шоссе показываются угрюмые аулы и сѣдыя развалины башенъ, прежніе сторожевые посты, построенные здѣсь семь вѣковъ тому назадъ. Горизонтъ шире, чѣмъ въ Дарьялѣ, но облака плывутъ еще ниже, спускаются клочьями ваты и висятъ на скалахъ надъ нами и ниже насъ.

Станція Коби выстроена изъ краснаго гранита. Отсюда до Гудаура шестнадцать верстъ. Подъемъ становится еще круче. Дорога изгибается змѣей по склону горы. Ѣдемъ совсѣмъ медленно. Становится все холоднѣй. Я надѣваю зимнее пальто. Руки зябнутъ. Ниже насъ, въ лощинахъ, бѣлѣетъ сплошная пелена снѣга. Расти-

тельности никакой, мы въ холодномъ поясѣ,—гдѣ-нибудь въ Архангельской губерніи. Въ одномъ мѣстѣ на шоссе для защиты отъ обваловъ устроенъ тонель. Выѣзжаемъ на Крестовую гору. Это высшая точка военно-грузинской дороги. На вершинѣ горы каменный столбъ съ надписью: «Крестовый перевалъ. 7694 фута надъ уровнемъ моря».

Оглядываемся...

Глава XXIII.

„Кавказъ подо мною". — Гудауръ.—Надъ бездной. — Спускаемся по стѣнѣ въ Млеты.—Волшебный путь.—На днѣ пропасти.—Ночь. — Пассанауръ.— Ночлегъ. — Анануръ.—Развалины Грузіи. — Ананурская крѣпость. — Душетъ. — Мцхетъ.—Маленькій сюрпризъ.—Подъѣзжаемъ къ Тифлису.—Новый сюрпризъ. — Еще сюрпризъ.—Водевиль съ азіатскимъ букетомъ.

Мы теперь выше Сенъ-Бернара, Сенъ-Готарда и всѣхъ альпійскихъ переваловъ; но мало сказать выше,—болѣе чѣмъ втрое выше Сенъ-Бернара и болѣе чѣмъ вдвое выше всего Сенъ-Готардскаго горнаго узла. Чтобы составить высоту, на которой мы находимся, надо взять два съ половиной Машука или десятокъ Эйфелевыхъ башенъ. И тѣмъ не менѣе мы добрались еще только до половины высоты Казбека (16.500 ф.), и однако намъ надо накинуть къ Крестовой горѣ до двѣнадцати тысячъ футовъ, болѣе трехъ верстъ, чтобы получить Эльборусъ (19.000 футовъ).

Горизонтъ безпредѣльный. Къ сѣверу вздымается гряда снѣжныхъ вершинъ; но она видна неясно: ее заслоняютъ гигантскія холмистыя горы, упирающіяся въ ярко-синее небо и разбросанныя у Крестоваго перевала. Это все холмы въ версту—двѣ высоты, выросшіе прихотливо, въ безпорядкѣ, на массѣ Кавказскаго хребта. Къ югу горная цѣпь понижается и расползается, образуя исчезающую вдали бездонную голубую пропасть. Эта пропасть—цвѣтущая Койшаурская долина, по которой проходитъ вторая половина военно-грузинской дороги.

Отсюда нельзя разглядѣть ея и лѣсовъ, раскинувшихся по склону горъ; все сливается въ какое-то голубое туманное море, исчезаетъ въ голубой безднѣ.

Куда ни оглянешься, вездѣ стремнины, кручи и пропасти съ бѣлѣющимъ въ ложбинахъ и оврагахъ снѣгомъ. Облака перелетаютъ ниже насъ, по скаламъ, съ одного берега пропасти на другой, и садятся на снѣгъ оторванными клочьями ваты. Какая-то сказочная фантасмагорія. Просторъ необъятный. Горизонтъ раздвинулся на сотни верстъ вокругъ; далекая панорама горъ и лѣсовъ кажется какимъ-то маревомъ; пестрые переливы цвѣтовъ придаютъ дали волшебный видъ; не разберешь, что это бѣлѣетъ тамъ,—озеро ли, туманъ ли, снѣжная ли вершина. Насколько въ Дарьяльскомъ ущельѣ душа была подавлена, настолько здѣсь ее захватываетъ духовный подъемъ; насколько Дарьяльское ущелье—мракъ, хаосъ и смерть, настолько здѣсь — свѣтъ, жизнь и свобода. Это величіе и просторъ

наполняютъ душу такимъ же просторомъ, она будто окрыляется, какое-то смутное желаніе подвига, «нечеловѣчески величественныхъ дѣлъ» овладѣваетъ ею. Что-то вдохновляетъ, воодушевляетъ, забываешь свое личное ничтожество, теряешь ощущеніе своей матеріальной оболочки, и человѣческая жизнь, которая копошится гдѣ-то тамъ внизу, въ этой безднѣ, кажется такой далекой, чуждой... Хочется глядѣть и любоваться, любоваться безъ конца. Невыразимо хорошо. Мнѣ вспоминаются стихи Пушкина, вдохновленные ему когда-то здѣсь этой дивной картиной:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины.
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ...

Внизу, въ этой безднѣ, зрѣетъ теперь виноградъ и персики, а здѣсь—ярко-зеленый лугъ со свѣжей весенней травой, съ весенними ручейками, выбѣгающими изъ-подъ снѣжной коры; тамъ, въ двухъ-трехъ верстахъ подъ нами, августъ Закавказья во всемъ блескѣ южной природы, во всей роскоши его почти тропической растительности, здѣсь—мартъ далекаго сѣвера; тамъ сорокъ градусовъ жары, здѣсь я въ зимнемъ пальто, да и то вѣтерокъ продуваетъ. А небо все-таки синее, лѣтнее, южное.

Зимой и весной тутъ постоянно бываютъ снѣжныя мятели и заносы; иногда снѣжные и каменные завалы прерываютъ сообщеніе на нѣсколько дней; не обходится и безъ несчастныхъ случаевъ.

Несмотря на высоту Крестоваго перевала, шоссе проведено настолько искусно, дорога извивается такой лентой, что подъемъ почти незамѣтенъ, при всей крутизнѣ горы. Это меня все время вводило въ заблужденіе, и я то и дѣло понукалъ ямщика: дорога—хоть шаромъ покати, а кони плетутся шагомъ. Мой спутникъ сдерживалъ меня. — Да вы оглянитесь назадъ... И дѣйствительно — аулы, башни, оврагъ со снѣгомъ, мимо которыхъ мы сейчасъ проѣзжали, уже были далеко внизу, подъ нами.

Съ Крестоваго перевала начинается наклонъ, дорога скатывается въ Грузію. На Крестовой горѣ, слѣва отъ шоссе, надъ пропастью, стоитъ станція Гудауръ. Рядомъ съ ней казачій постъ и казармы дорожныхъ рабочихъ. Все это лѣпится у самаго края бездны. И какой бездны! Она версты три-четыре ширины, верстъ десять длины и версты двѣ глубины. Контуры противоположнаго берега сливаются. Со дна этой пропасти поднимается не то островъ, не то отвалившаяся отъ края ея и чуть опрокинувшаяся глыба; куда ни посмотришь—ея совсѣмъ отвѣсные бока окружаетъ пропасть; а между тѣмъ на плоской вершинѣ этой глыбы, которая все - таки еще далеко внизу, видны сады и аулы.

Мѣловой обрывъ, надъ которымъ стоитъ Гудауръ, почти вертикальный. Подхожу къ самому краю и заглядываю на дно пропасти. Духъ захватываетъ, голова кружится. Совсѣмъ подъ нами, такъ что если прыгнуть, то такъ, кажется, прямо и полетишь туда, не зацѣпившись, видны на *глубинѣ* двухъ верстъ аулы и еще какіе-то до-

мики съ красной крышей. Ихъ едва можно разглядѣть. Спрашиваю, что это. Говорятъ—бѣлые домики съ красной крышей—двухъэтажный вокзалъ станціи Млеты, а рядомъ—большіе аулы—Земамлетъ и Квемамлетъ.—Млеты—это слѣдующая станція, куда мы поѣдемъ?—Да. Отъ Гудаура до Млетъ пятнадцать верстъ.—Какъ же вы доставите насъ туда? Надо надѣяться, что не «кратчайшимъ путемъ?»—А вотъ васъ спустятъ по этой самой стѣнѣ, надъ которой вы стоите... Гляжу—дѣйствительно, по стѣнѣ узкой почти сѣрой лентой зигзагами лѣпится шоссе; оно, кажется, виситъ въ воздухѣ, какъ какой-нибудь сброшенный съ парохода трапъ: не видишь, на чемъ оно держится...

— Однако!—говоритъ Лужановъ, опираясь на палку и перегибаясь, чтобы заглянуть въ бездну. Онъ даже щурится.

— Какое тамъ—однако! Просто чортъ знаетъ что такое! Этакую вѣдь штуку выкинула эта неугомонная и смѣлая козявка—человѣкъ!

На станціи скопилось много проѣзжающихъ. Сразу запрягаютъ и омнибусъ, и еще пять-шесть экипажей. Но въ омнибусъ закладываютъ вмѣсто шестерки всего пару, а намъ въ коляску только одну лошадь. Суета; ямщики перекликаются по-русски и по-татарски. И эта полная жизни картина такъ не гармонируетъ съ покоемъ природы, съ пустыннымъ полемъ, окружающимъ станцію. Нигдѣ ни деревца, ни кустика. По двору прогуливается нѣсколько верблюдовъ, Богъ вѣсть откуда и для чего попавшихъ сюда.

Выѣзжаемъ. За нами омнибусъ, потомъ экипажъ съ дамой и кондукторомъ, играющимъ «Серенаду» Шуберта, затѣмъ коляска съ военными, дальше карета, опять коляска съ какими-то чиновниками, еще карета съ кондукторомъ. Сначала съѣзжаемъ по огибающей холмъ спиралью дорогѣ; за нами вытягиваются гуськомъ другіе экипажи, потомъ они исчезаютъ за выступомъ; но пока они объѣзжаютъ его, мы уже видимъ впереди хвостъ этого «гуська», только выше насъ. Полное недоумѣнье. Кажется, будто мы повернули обратно и возвращаемся къ станціи. Наконецъ, объѣхавъ нѣсколько разъ холмъ и покружившись по спирали мимо другихъ экипажей, мы возвращаемся подъ станцію Гудауръ, но ниже ея. Тутъ уже шоссе все время идетъ зигзагами по отвѣсной стѣнѣ. Вверху мы видимъ Гудауръ, а внизу, подъ нами, Млеты. Повороты и зигзаги положительно сбиваютъ; пропасть, надъ которой мы кружимся по лентѣ шоссе, то слѣва отъ насъ, то справа; экипажи, которые были позади насъ, вдругъ очутились какимъ-то образомъ впереди; но это только такъ кажется; поворотъ—и мы впереди нихъ, еще поворотъ – и опять закрадывается сомнѣнье, не везутъ ли насъ обратно, новый поворотъ — коляска съ офицерами и дама съ кондукторомъ опять впереди, но на аршинъ выше насъ. Все время мы вертимся по этой отвѣсной стѣнѣ, надъ бездной; но дно ея вырисовывается все яснѣе, верхушка глыбы-горы, торчащей среди трещины—пропасти, уже надъ нами, большое зданіе млетской станціи уже можно разглядѣть. На одномъ изъ поворотовъ шоссе у грота бьетъ высокая струя фонтана, дальше выступаетъ какой - то памят-

никъ, еще ниже въ гранитную стѣну вдѣлана черная доска съ надписью: «Шоссе сооружено княземъ Барятинскимъ 1857—1861 года». Вся эта масса гигантской и удивительно грандіозной работы была выполнена русскими войсками, тѣми самыми скромными, незамѣтными, выносливыми русскими героями-солдатиками, которые завоевали этотъ край и гибли здѣсь десятками тысячъ отъ вражьихъ пуль и изнурительныхъ лихорадокъ. Они проложили этотъ культурный путь, который, по затраченному на него труду, по замыслу и смѣлости, будетъ всегда на ряду съ другими созданіями міровой культуры служить памятникомъ гордой побѣды и безсмертія духа человѣческаго. Я не знаю, можно ли было бы провести шоссе другимъ путемъ и укоротить его; но я знаю, что оно не сравнится по смѣлости и художественности ни съ однимъ «путейскимъ» шедевромъ, что, благодаря этому, путь между Гудауромъ и Млетами не только самый живописный на военно-грузинской дорогѣ, но и самый фантастичный и оригинальный въ мірѣ.

Становится жарко и пыльно. Снимаю пальто. Шоссе все змѣится зигзагами, экипажи все то будто обгоняють насъ, то исчезають, Млеты все показываются то справа, то слѣва, то впереди, то позади. И такъ весь путь, всѣ полтора часа, которые лошадь безостановочно пробѣгаетъ бойкой рысью.

Станція и аулы тонутъ въ зеленой пропасти. Едва пріѣзжаемъ, гляжу вверхъ, загибая голову. Отвѣсная стѣна мѣловой горы съ зигзагами шоссе надвинулась на долину; на вершинѣ ея, у самаго неба, едва виднѣется станція Гудауръ. Горы, которыя недавно были ниже насъ, теперь опять выросли надъ нами.

На долину уже надвигаются сумерки.

Обыкновенно ѣдутъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ночевать въ Млетахъ, такъ какъ здѣсь и станція больше, и ресторанъ лучше. Но на бѣду въ гостиницѣ всѣ номера заняты пассажирами, пріѣхавшими раньше. Въ ресторанѣ вокзальная картинка: торопливый стукъ ножей и тарелокъ, спѣшная ѣда, взыванье къ «человѣку». Смотритель бѣгаетъ съ ошеломленнымъ видомъ начальника узловой станціи, озабоченнаго отправкой нѣсколькихъ срочныхъ поѣздовъ. У крыльца то и дѣло раздаются звонки, грохотъ отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ экипажей. А вокругъ дѣвственный лѣсъ, горы до неба и величавый покой природы, уже охваченной вечерней дремотой. Надъ ауломъ разстилается синяя пелена дыма. Пахнетъ кизякомъ.

Ѣдемъ дальше съ тревожнымъ чувствомъ, что и на слѣдующей станціи не найдемъ свободнаго номера. Здѣсь строго соблюдается очередь; и такъ какъ мы были впереди, то намъ и подаютъ первымъ. Однако мы пропускаемъ офицеровъ и чиновниковъ: они ночевать не будутъ вовсе и потому не являются для насъ конкурентами. Кое-кто остается на ночлегъ въ общей пассажирской комнатѣ. Намъ все - таки запрягли только одну лошадь. До Пассанаура восемнадцать верстъ; дорога идетъ все подъ гору. Но здѣсь уже шоссе не изгибается, а сползаетъ ко дну долины почти прямой линіей. Ночь какъ - то сразу окутываетъ и долину, и горы, покрытыя

до вершинъ лѣсами. Сначала становится до того темно, что не разглядѣть даже спины ямщика.

— Ей, кабарда!—то и дѣло кричитъ онъ тревожно, заслышавъ звонокъ или скрипъ арбы.

Гдѣ-то высоко надъ горой небо начинаетъ свѣтлѣть; фосфорическое сіяніе расплывается на немъ все выше, и, наконецъ, надъ черной зубчатой вершиной лѣса выплываетъ мѣсяцъ. Экипажъ останавливается. Лошадь тревожно храпитъ и фыркаетъ. Чуетъ какого-нибудь звѣря, который прогуливается гдѣ-нибудь вблизи. Насъ обнимаетъ глубокій покой, сковывающій природу. Куда ни оглянешься, всюду дремучій лѣсъ безъ конца. Впереди бѣлѣетъ только узкая полоска шоссе, да надъ нами свѣтится узкая полоса неба, которую окаймляютъ вершины горъ. Луна выплываетъ все выше, звѣзды разгораются ярче, вѣковыя деревья выростаютъ въ голубомъ сумракѣ, принимая фантастическія формы. Колокольчикъ звенитъ мягко, лѣсное эхо подхватываетъ каждую нотку, будто перекликаясь съ нимъ, и уноситъ ее; слышно, какъ она замираетъ далеко-далеко въ чащѣ. Гдѣ-то вблизи, около дороги, шумитъ потокъ. Это Арагва. Лѣсъ вторитъ ей, и въ его шопотѣ какъ будто слышатся лермонтовскіе стихи:

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Обвороженный, замолчитъ...

Иногда изъ черной массы лѣса или гдѣ-нибудь въ ущельѣ блеснетъ привѣтливо огонекъ, робкій, далекій, таинственный, какъ невѣдомая жизнь, зажегшая его. Это, должно-быть, аулъ Мохеве, грузинскихъ горцевъ. Огонекъ исчезнетъ—и душу обнимаетъ чувство одиночества въ окружающемъ насъ дѣвственномъ мірѣ, полномъ загадки и тайны.

Около одиннадцати мы въ Пассанаурѣ. Долина еще глубже ушла въ землю, горы еще больше выросли. Станція стоитъ на площадкѣ. Черезъ дорогу низкій духанъ безъ крыши и казармы рабочихъ. Больше никакого жилья вокругъ, ничего, кромѣ стѣны дремучаго лѣса. Надъ нами лоскутокъ неба, который кажется не больше, чѣмъ площадка, расчищенная подъ станцію. Самая полная, самая глубокая тишина и глушь... Листикъ не шевельнется, воздухъ неподвиженъ: ему некуда уйти изъ этого котла.

И здѣсь номера заняты. Кое - кто уже расположился спать въ общей пассажирской. Смотритель говоритъ, что есть одна комната, но увы, эта комната «генеральская», которая спеціально предназначена для сердитыхъ генераловъ. А что, если вдругъ да нагрянетъ такой генералъ? Вѣдь онъ—пропалъ! Съ другой стороны—смотритель и содержатель ресторана; а такъ какъ мы собирались было заказать обильный ужинъ, то ему не хочется и выпускать такихъ кліентовъ. Почесавъ затылокъ съ видомъ страшной внутренней борьбы, онъ, наконецъ, приноситъ ключъ и съ рѣшимостью человѣка, бросающагося въ пропасть, отпираетъ генеральскую комнату; въ об-

становкѣ ея, оказывается, ничего генеральскаго нѣтъ, если не считать стараго войлочнаго ковра надъ кроватью, съ очень старымъ и продырявленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ львомъ. Здѣсь на станціяхъ почти всѣ смотрители содержатъ рестораны; и почти всѣ — или грузины, или армяне, которые говорятъ такъ же плохо по-русски, какъ и ямщики. Эти—все татары. Въ «генеральскую» входитъ тотъ, который ѣхалъ съ нами. Рожа разбойничья, глаза сверкаютъ. Такъ какъ я взялъ на себя обязанности казначея, то даю ему на чай.

— Задный вэщи ничиво нэ жэлаишь?—спрашиваетъ онъ. Нѣкоторое время пытаемся понять его. Рѣчь идетъ о нашихъ чемоданахъ, привязанныхъ позади экипажа. Вопросъ въ томъ, оставить ли ихъ на ночь на дворѣ, или внести сюда. Вѣдь двора-то собственно нѣтъ, лѣсъ со всѣхъ сторонъ; того и гляди какой-нибудь «мохеве» выползетъ изъ чащи съ кинжаломъ да и отрѣжетъ чемоданы. Ищи его потомъ въ этой Америкѣ. Смотритель увѣряетъ, что у нихъ всегда «все спокойно». Шашлыкъ хорошъ, кахетинское тоже. Глаза слипаются отъ усталости.

29-е августа.

Утро. Солнце взошло, но его не видать. Надъ лѣсомъ, высоко-высоко, сіяетъ розовый ореолъ. Въ долинѣ еще темно. Въ духанѣ подъ навѣсомъ пылаетъ и дымитъ огонекъ. Всю ночь какой-то пьяный туземецъ пѣлъ тамъ, и пѣсня, унылая, монотонная, дикая, казалась воемъ собаки. У духана вырисовываются черные силуэты въ черкескахъ и папахахъ, слышны какія-то чуждыя рѣчи.

Солнце выплываетъ.

Но дремучій лѣсъ непроницаемъ; онъ застылъ темной массой, скованной глубокимъ покоемъ. Тишина необитаемой дѣвственной природы. Трудно даже представить себѣ болѣе тихій, уединенный и уютный уголокъ на землѣ.

До Ананура двадцать одна верста; опять у насъ вмѣсто тройки одна лошадь. Долина становится шире, горы раздвигаются, дно долины—изумрудный коверъ, изрѣзанный голубоватой лентой Арагвы, горы въ сплошныхъ лѣсахъ; изрѣдка только на вершинахъ или по окраинамъ дороги выстроятся грозныя глыбы скалъ, потомъ опять лѣсъ и лѣсъ безъ конца. Во всей этой сказочно-живописной долинѣ почти нигдѣ нѣтъ признаковъ человѣческаго жилья. Только сѣдыя полуразрушенныя башни торчатъ утесами-великанами у опушки лѣса. Вдоль всей военно-грузинской дороги эти башни встрѣчаются каждыя пять-шесть верстъ. Мы уже не спрашиваемъ о нихъ ни у ямщика, ни на станціяхъ, не спрашиваемъ и о тѣхъ развалинахъ, похожихъ на древніе замки, которыя иногда выступаютъ изъ ущелій грустными и безмолвными призраками прошлаго. Мы знаемъ уже, что на нашъ вопросъ и отъ ямщика, и отъ смотрителя станціи, и отъ туземцевъ неизбѣжно послѣдуетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: Тамара. Она построила сторожевыя башни и крѣпости, она построила замокъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Можно подумать, что за двѣ тысячи лѣтъ существованья Грузіи строились только при Тамарѣ.

— Тамара, знаишъ, Тамара,—вылетаютъ у татарина-ямщика гортанные звуки. И больше ничего. Все, вся исторія въ этомъ словѣ. «Интеллигентъ»—грузинъ прибавляетъ только, что Тамара жила въ XII вѣкѣ, что она была очень хорошей царицей и что именно она построила все это.

Природа тутъ совсѣмъ ужъ южная. Насколько до Крестоваго перевала она была угрюмой и суровой, настолько здѣсь она жизнерадостна, ласкова и роскошна. Это — дѣйствительно «счастливый, пышный край земли». Вѣковой лѣсъ представляетъ пеструю смѣсь растительности всѣхъ поясовъ. На вершинахъ — стройная зубчатая стѣна елей, сосенъ и кавказской пихты, ниже—шпалеры бука, граба, липы, ясеня, еще ниже — каштаны и кленъ, у дороги—гигантскіе чинары и бахрома крушины, боярышника; все это окутано виноградомъ, кружевами плюща и хмеля, перевязано цѣлой сѣтью зеленыхъ веревокъ smylax'а и разныхъ другихъ вьющихся растеній.

А тамъ, въ непроходимыхъ дебряхъ — царство оленей, дикихъ козъ, туровъ, кабановъ, медвѣдей и рысей, волковъ и лисицъ, царство нѣсколькихъ сотъ видовъ пернатыхъ, начиная ягнятниками и грифами, кончая фазанами.

Въ Ананурѣ, пока перепрягаютъ лошадей, идемъ осматривать старинную крѣпость, въ которой въ прошломъ столѣтіи укрывался предпослѣдній грузинскій царь Ираклій II отъ нашествія турокъ и персовъ. Крѣпость возвышается на холмѣ у опушки лѣса. Древнія полуразрушившіяся стѣны съ бойницами, круглыми башнями по угламъ и четыреугольной въ центрѣ, окружаютъ ее. Внутри маленькая, дряхлая, поросшая мхомъ церковка, сооруженная еще полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, въ четвертомъ вѣкѣ, и Успенскій соборъ. Онъ не больше средней деревенской церкви. Стиль строгій, древне-грузинскій: простой, продолговатый четыреугольный корпусъ, съ двумя выступами по бокамъ; въ центрѣ крыши многоугольный куполъ съ конусообразной макушкой. Крыша покрыта какими-то шлифованными плитами, стѣны гранитныя. На нихъ высѣчены кресты и аллегорическія фигуры. Въ соборѣ очень оригинальна каменная гробница князей Эристовыхъ. Въ церкви погребенъ князь Георгій Эристовъ. Вѣетъ глубокой стариной, полнымъ разрушеніемъ и забвеніемъ. Вспоминается прошлое Грузіи, когда-то молодой и цвѣтущей, Грузіи, еще полторы тысячи лѣтъ тому назадъ принявшей христіанство, перенесшей жестокія нашествія персовъ, борьбу съ турками и монгольскій погромъ, обезсиленной вѣчной враждой, междоусобіями и наконецъ, послѣ двухтысячелѣтняго существованья, отдающейся подъ защиту Россіи. Есть въ исторіи этой страны что-то, напоминающее судьбу способнаго неудачника-скороспѣлки. Была пора, когда Грузія, воспринявъ раньше другихъ народовъ идеи христіанства, гордилась своей культурой, просвѣщеніемъ, имѣла своихъ ученыхъ и поэтовъ еще въ то время, когда половину Европы окутывалъ средневѣковой мракъ, имѣла своихъ героевъ, доказавшихъ жизнеспособность націи и ея могучія духовныя силы. Потомъ вдругъ наступила полоса упадка, и именно тогда, когда борьба съ исламомъ,

казалось бы, должна была сплотить еще больше націю. Можно подумать, что въ самой атмосферѣ востока, приведшей къ упадку или застою нѣсколько культурныхъ народовъ, есть какая-то разлагающая сила, парализующая энергію и жизненность или вызывающая апатію и пресыщеніе послѣ каждаго напряженія энергіи. И вотъ въ этотъ-то моментъ національной апатіи и наступаетъ разложеніе, на которомъ создаются побѣды враговъ, часто даже менѣе приспособленныхъ для борьбы, чѣмъ побѣжденные.

У наружной стѣны крѣпости лѣпится убогій домикъ грузинскаго священника и еще какой-то домъ съ темной верандой, а ниже—цѣлый рядъ разрушенныхъ или пустыхъ лавокъ и заброшенныя казармы. Совсѣмъ какое-то кладбище. Раньше здѣсь стояли войска, и тогда Анануръ былъ бойкимъ мѣстечкомъ. Солдаты ушли—и жизнь замерла.

Между Анануромъ и Душетомъ гряда лѣсистыхъ горъ отодвигается назадъ, ихъ смѣняетъ группа холмистыхъ Душетскихъ горъ, по которымъ шоссе опять извивается лентой, перекинутой съ одной вершины на другую. За нами зеленѣетъ Ананурская долина съ душетскимъ лѣсничествомъ и дремучей арагвской лѣсной дачей. Надъ панорамой лѣсовъ бѣлѣютъ снѣжныя вершины Кавказскаго хребта. То и дѣло оглядываешься назадъ: какая-то волшебная сила такъ и манитъ туда, къ этому сказочному міру голубыхъ горъ, синихъ лѣсовъ, таинственныхъ ущелій и чарующихъ картинъ.

И здѣсь, какъ и въ Койшаурской долинѣ, почти не видать селеній. Весь безконечный пейзажъ оживляетъ только изгибающаяся по дорогѣ бѣлой вереницей артиллерія да казачій полкъ, перекочевывающій въ Кутаисъ.

Выѣзжаемъ на гору—и мы у станціи. Съ крыльца, увитаго виноградомъ со зрѣлыми гроздьями, открывается видъ на Душетъ, маленькій городокъ съ изящной церковкой и стройными корпусами казармъ съ розовыми стѣнами и зелеными крышами. За городомъ тоже сторожевая высокая башня, конечно—Тамары, а выше опять гора, покрытая лѣсомъ.

Душетъ населенъ грузинами, пшавами и осетинами. Жителей, кромѣ войскъ, двѣ тысячи.

За станціей выступаетъ готическій замокъ съ башенками и зубчатыми стѣнами. Живетъ въ немъ какой-то мѣстный помѣщикъ. Снова съѣзжаемъ въ долину Арагвы, которую мы покинули было подъ Душетомъ, и минуемъ голубое Базалетское озеро. Дальше опять разстилается живописная котловина, обрамленная горами. Справа отъ насъ Карталинія, а слѣва Кахетія. Горизонтъ шире, горы ниже и разбѣгаются далеко по сторонамъ.

Въ Цилканахъ обѣдаемъ. Къ дессерту подаютъ инжиръ, персики и виноградъ. Мой спутникъ смотритъ подозрительно и нерѣшительно на фіолетовыя, распухшія винныя ягоды.

За Цилканами по долинѣ тянутся фруктовые сады, виноградники и бахчи. Къ намъ то и дѣло выбѣгаютъ оборванныя, черныя, какъ цыгане, дѣти грузинъ-карталинцевъ. Въ рукахъ у нихъ корзиночки съ персиками, виноградомъ и грушами.

— Дуо абасъ, два абаса,—кричатъ они, пускаясь въ перегонку рядомъ съ коляской. Нѣкоторые при этомъ кувыркаются и ходятъ колесомъ. Совсѣмъ стая голодныхъ чертенятъ.

За садами—развалины грузинскаго кладбища. Ограда разрушена; вросшіе въ землю памятники сдѣланы въ видѣ гробовъ; они раскрашены то въ синій цвѣтъ, то въ зеленый, то подъ гранитъ.

Подъѣзжаемъ къ Мцхету. Отсюда до Тифлиса еще двадцать верстъ. Шоссе идетъ параллельно закавказской дорогѣ. Здѣсь сразу волшебная панорама военно-грузинской дороги исчезаетъ. Предъ нами—рыжая холмистая степь, бурыя горы, мутная Арагва, бѣгущая къ Курѣ подъ отвѣсными желтыми берегами. Такой же бурый и запыленный видъ имѣетъ и Мцхетъ, расположившійся у рѣки. Надъ нимъ, на обрывѣ — древній монастырь съ копіей ананурской церкви, изъ сѣро-желтаго камня; во Мцхетѣ — соборъ, построенный въ IV вѣкѣ при св. Нинѣ, просвѣтительницѣ Грузіи. Въ немъ короновались грузинскіе цари, здѣсь же и ихъ усыпальница. Онъ въ томъ же древне-грузинскомъ стилѣ, какъ и ананурскій, съ тѣмъ же многоугольнымъ куполомъ, съ той же конусообразной макушкой, въ томъ же строгомъ тонѣ и того же сѣробураго фона. Этотъ безжизненный цвѣтъ, мертво-желтый, сливается со степью, съ мертвой степью мертваго грузинскаго царства, навѣвая невольную грусть.

Мцхетъ до пятаго вѣка былъ столицей Грузіи; все, что когда-то создавало мощь этой страны и властвовало надъ ней, теперь покоится прахомъ въ этомъ прахѣ развалинъ, надъ которыми пронеслось полторы тысячи лѣтъ.

На почтовой станціи съ нами случается довольно любопытный инцидентъ. Во Владикавказѣ мы заплатили впередъ полностью за проѣздъ до Тифлиса, причемъ насъ не предупредили, что конечнымъ пунктомъ пути считается станція дилижансовъ, а не гостиница или квартира, гдѣ мы остановимся. Подаютъ лошадей. Смотритель любезно справляется:

— Виноватъ, господа. Вы предполагаете ѣхать до станціи омнибусовъ или прямо въ гостиницу?

Рѣшивъ остановиться въ «Сѣверныхъ номерахъ», что на Головинскомъ проспектѣ, мы спрашиваемъ, далеко ли они отъ почтовой станціи. Говоритъ - близко, всего нѣсколько десятковъ саженъ. Само собой—мы заявляемъ, что ѣдемъ прямо въ гостиницу.

— Тогда я вамъ сейчасъ выдамъ квитанцію. Мы въ недоумѣніи. Нѣсколько минутъ спустя, онъ выноситъ квитанцію и проситъ «доплатить» еще два рубля за доставку *отъ почтовой станціи до гостиницы*, за десятую часть версты, когда за двѣсти верстъ пути заплачено тридцать рублей. Мы, конечно, протестуемъ: не хочется, пріѣхавъ на станцію, перекладывать весь багажъ на извозчика, распаковываться у самой цѣли, когда гостиница въ нѣсколькихъ шагахъ и до нея отлично можно доѣхать въ томъ же экипажѣ; но не хочется также и платить почтосодержателю *два рубля за доставку отъ станціи до гостиницы, которая въ нѣсколькихъ шагахъ.*

Наконецъ, объ этомъ насъ должны были предупредить еще во Владикавказѣ, а не здѣсь, у самаго Тифлиса. Совѣтуюсь съ Лужановымъ, какъ быть. Я принципіально не могу мириться съ этимъ произволомъ. Онъ говоритъ довольно безразлично: «дѣлайте, какъ хотите». Отъ квитанціи и отъ доставки на квартиру отказываюсь— это во-первыхъ, записываю жалобу — это во-вторыхъ, изливаю въ жалобѣ всю свою скорбь по поводу разныхъ «безобразій»—это въ третьихъ, и, наконецъ, закрываю книгу, исписанную разными подобными жалобами, въ полной увѣренности, что и мою ждетъ участь предыдущихъ,—это въ-четвертыхъ. Затѣмъ ѣдемъ дальше. На душѣ все-таки какъ-то легче отъ сознанья, что хоть словомъ «упекъ».

Пыль и духота нестерпимая. Выѣзжаемъ на гору. Далеко впереди, въ бурой котловинѣ, изрѣзанной мутной Курой, виденъ Тифлисъ. Голыя и тоже бурыя горы обступили его съ двухъ сторонъ. Надъ городомъ носится багровое облако пыли, сквозь которое прорываются лучи заката. Видъ—безжизненный, зелени почти незамѣтно, каменные кубики домовъ сливаются съ рыжимъ фономъ выжженной степи. Шоссе ползетъ рядомъ съ желѣзной дорогой. Изъ Баку бѣжитъ нефтяной поѣздъ съ сѣрыми цилиндрическими вагонами-цистернами. Навстрѣчу тянутся безконечной вереницей двухколесныя арбы, скрипя немазаными колесами. Колеса очень высоки и, главное, это — верхъ Азіи, вертятся вмѣстѣ съ осью, къ которой прикрѣплены. На арбахъ какіе-то невозможные азіаты, въ какихъ-то чалмахъ, синихъ курткахъ и шароварахъ; лица бронзовыя или орѣховыя, черты грубыя и крупныя, глазища черные и огромные, усы и борода — тоже. На нѣкоторыхъ арбахъ видны бабы съ такими же орѣховыми лицами и намотанными на головы бѣлыми тканями. Это грузины, турки, армяне—все, что хотите; и не разберешь. Какой-то калейдоскопъ азіатскихъ типовъ. Ямщикъ то и дѣло кричитъ свое «кабарда», горланя что-то по-татарски.

Въ этомъ гулѣ, скрипѣ и хаосѣ, среди мелькающей предъ глазами азіатской галлереи, мимо предмѣстья съ маленькими домиками, у которыхъ видны грузинки въ пестрыхъ, живописныхъ костюмахъ, выѣзжаемъ къ центру города. Красивая перспектива Головинскаго проспекта съ громадными домами и бульваромъ сразу обдаетъ насъ европейской атмосферой. Почтовая станція у этого конца проспекта, «Сѣверные номера»—въ противоположномъ. Половина седьмого. Посылаемъ сторожа за извозчикомъ. Багажъ нашъ выгружаютъ во дворѣ. Проходитъ десять минутъ; еще десять минутъ. Ни сторожа, ни извозчика. Наконецъ сторожъ возвращается, заявляя, что извозчиковъ нѣтъ, «потому сегодня воскресенье, и господа всѣ поѣхали въ сады кататься». Это въ центрѣ города съ двухсоттысячнымъ населеньемъ. Не вѣрится, невольно подозрѣваемъ какой-нибудь азіатскій «комплотъ». Выходимъ къ воротамъ. Мимо проѣзжаютъ извозчики; но они либо съ сѣдоками, либо заявляютъ, что заняты. Извозчики важные, какъ ни въ одномъ городѣ въ мірѣ; фаэтоны чистенькіе и пароконные. Проходитъ полчаса, три чет-

верти, а извозчиковъ все нельзя раздобыть. Лужановъ нервничаетъ и, видно, злится. Наконецъ онъ самъ отправляется въ поиски. Проходитъ еще четверть часа. И онъ пропалъ. Посылаю опять сторожа, пронизывая его подозрительнымъ взглядомъ. Божится и клянется, что извозчиковъ дѣйствительно нѣтъ, что это всѣмъ извѣстно, всегда здѣсь такъ бываетъ. Я окончательно теряю терпѣнье и уже самъ бѣгу. Увы, и я терплю неудачу. Возвращаюсь и вижу— Лужановъ выѣзжаетъ со станціи; съ нимъ и его маленькій чемоданъ. Кричу ему, чтобы сейчасъ же прислалъ за мной извозчика. Утвердительно киваетъ головой. Жду. Полтора часа длится эта исторія! Что-то невѣроятное! Наконецъ сторожъ приводитъ-таки извозчика. Душно, и кажется—въ этомъ раскаленномъ городѣ все такъ же кипитъ, какъ и во мнѣ. Пріѣзжаю въ гостиницу. Номерной парень — грузинъ, по-русски едва понимаетъ и говоритъ мнѣ «ты». Справляюсь у швейцара, въ какомъ номерѣ остановился Лужановъ.—Къ намъ, говоритъ, такой не заѣзжалъ.— Да какъ не заѣзжалъ? Полчаса тому назадъ сюда пріѣхалъ.—Нѣтъ, утверждаетъ, никто не пріѣзжалъ.

Вотъ те и на! Новый сюрпризъ. Я взялъ на себя роль «казначея» по его просьбѣ, заплатилъ за дорогу, платилъ за обѣды, ямщикамъ. Въ Тифлисѣ мы должны были расчитаться. Съ него причиталось что-то двадцать пять рублей. Вспоминаю, какъ онъ мнѣ говорилъ безразлично, когда я спрашивалъ его мнѣнія насчетъ того или другого расхода: «пожалуйста, не стѣсняйтесь», вспоминаю, что чемоданчикъ-то у него совсѣмъ легонькій, да и онъ самъ имѣлъ черезчуръ ужъ меланхолическій видъ... Такъ вотъ оно что! Неужели нарвался? Прокатилъ неизвѣстно кого по военно-грузинской дорогѣ, да еще обѣдами угощалъ. «Пожалуйста, не стѣсняйтесь»... Хочется и хохотать, и досада беретъ, что такъ «влопался». Пытаюсь успокоить себя: значитъ—человѣкъ нуждался, коли рѣшился на это. Но все-таки непріятно чувствовать себя жертвой такой «мистификаціи». Сказалъ бы прямо. Впрочемъ, я какъ будто немножко и радъ. За все время путешествія, это первое мое «приключеніе».

Возвращаюсь въ номеръ и въ темнотѣ натыкаюсь у дверей на какой-то громадный сундукъ. Въ такихъ сундукахъ обыкновенно разбойники прячутся. Кричу, зову, звоню. Звонки электрическіе. Является вертлявый грузинъ-номерной. Между нами происходитъ такой діалогъ.—Что это?—спрашиваю я.—Это твой?—спрашиваетъ онъ.—Что твой?—Жиманданъ твой?—Нѣтъ, не мой.—Не твой? А чей?—Откуда мнѣ знать, чей. Убери его отсюда.—Не твой?—удивляется грузинъ и уходитъ. Минуту спустя онъ прибѣгаетъ съ другимъ грузиномъ, тоже номернымъ. Они вмѣстѣ начинаютъ недоумѣвать, болтаютъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ, потомъ уходятъ. Вдругъ двери растворяются, и какой-то персъ-носильщикъ, вродѣ астраханскихъ, вноситъ на плечахъ чемоданъ и, «не говоря ни одного вѣжливаго» слова, «бухаетъ» его рядомъ съ сундукомъ. Я кричу, чтобъ онъ убирался, онъ—нуль вниманія. Опять звоню,

выхожу въ корридоръ. На крикъ мой прибѣгаютъ уже цѣлыхъ два швейцара и два грузина. Швейцары русскіе и не могутъ объясниться съ грузинами, грузинъ не можетъ объясниться съ персомъ. Всѣхъ выручаетъ какая-то дама, которая показывается въ дверяхъ и тоже начинаетъ кричать раздражительно, что ея багажъ понесли въ чужой номеръ. Я ужъ тутъ окончательно выхожу изъ себя и напускаюсь сразу и на швейцаровъ, и на грузинъ, и на перса.

— Варварры! Азія!

Отвожу душу за чаемъ. Кто-то стучится. Входитъ Лужановъ.

— Слава Богу, что нашелъ васъ. Боялся, что вы ушли. Забѣжалъ разсчитаться и поблагодарить за любезность и компанію.

Мнѣ совѣстно смотрѣть ему въ глаза. Однако, минуту спустя чистосердечно каюсь. Смѣемся. Спрашиваю, почему онъ не прислалъ за мной извозчика.

— Развѣ онъ не вернулся за вами?—удивляется онъ.—Нѣтъ. Отчего же вы не заѣхали сюда?—Я сказалъ извозчику везти меня въ «Сѣверные номера». Онъ и повезъ. Я вошелъ, занялъ номеръ, потомъ выпилъ чай и, въ полной увѣренности, что я въ «Сѣверныхъ номерахъ», справляюсь насчетъ васъ. Говорятъ—такого у насъ нѣтъ. Оказалось—извозчикъ завезъ меня въ «Дворцовые номера».—А извозчикъ-то русскій?—Настоящій русскій.

Тема для тифлисскаго водевилиста. Совсѣмъ Азія.

Глава XXIV.

Церковь св. Давида.—У могилы Грибоѣдова.—Панорама Тифлиса.—Тринадцать вѣковъ „на смарку“.—Видъ европейской части.—Тифлисская тарарабумбія.—Азіатскій базаръ и татарскій майданъ.—Восточныя картинки.—Въ мечети.—Караванъ-сараи.—Муштаидъ.—Уличная жизнь и публика.—„Увеселительные“ сады.—Національная музыка.—О, Арменія!

30-е августа.

Сегодня именины безсмертнаго творца «Горе отъ Ума». Съ утра отправляюсь поклониться праху его.

Тифлисъ не даромъ по-грузински называется «Теплой мѣстностью» (Тбилиси), благодаря горячимъ сѣрнымъ источникамъ. Это не только теплое, а прямо раскаленное мѣстечко. Котловина, въ которой онъ раскинулся съ сѣвера къ югу по обѣимъ сторонамъ Куры, окружена каменистыми горами. При тропической жарѣ воздухъ здѣсь накаляется какъ въ чугунномъ котлѣ. Не даромъ туземцы пріобрѣли и видъ, и цвѣтъ зажаренной дичи.

Съ запада, на каменистой горѣ Мтацминда, выступающей почти надъ центромъ города, лѣпится точно ласточкино гнѣздо въ узкомъ ущельѣ церковь св. Давида.

Пара лошадей еле тащитъ фаэтонъ по тѣсной, кривой, крутой улицѣ, подползающей къ подножію Мтацминды. Отсюда взвивается почти отвѣсная тропинка, по которой приходится карабкаться до самой церкви, бѣлѣющей вверху на фонѣ угрюмой и голой гранитной скалы. У площадки, опушенной жидкой зеленью акацій, выступаетъ домикъ съ висячимъ балкономъ. Прохожу мимо него къ церкви. Она тоже въ стилѣ анапурскаго собора. Подъ ней въ гранитной стѣнѣ, поддерживающей террасу, темная арка грота съ желѣзной рѣшеткой. По бокамъ ея—лѣстницы, ведущія на террасу. Арка обращена къ Тифлису, и съ площадки, разстилающейся передъ ней до края обрыва, открывается панорама города съ птичьяго полета.

Въ нишѣ стоятъ рядомъ двѣ кубическихъ гробницы изъ чернаго мрамора. На одной изъ нихъ—скорбная фигура рыдающей женщины, обвившей руками крестъ; у подножія его—двѣ книги. На передней стѣнкѣ гробницы—медальонъ съ портретомъ Грибоѣдова. Подъ медальономъ—его фамилія и лаконическая надпись: «родился 1795 года, генваря 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. генваря 30 дня». На боковой стѣнѣ: «умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего тебя пережила любовь моя». Другая гробница попроще, съ гладкимъ чернымъ крестомъ; на ней начертано: «Нина Грибоѣдова. Родилась 4 ноября 1812 года, скончалась 25 іюня 1857 года». И больше ничего. Но эти двѣ могилы рядомъ, скорбная фигура рыдающей женщины и образъ творца Чацкаго и Софьи такъ много говорятъ душѣ... Нина Грибоѣдова потеряла своего друга совсѣмъ молодой,—ей было всего семнадцать лѣтъ; но она до смерти осталась вѣрной его памяти, его идеаламъ. И въ этой вѣрности, въ этой преданности до могилы любящей женщины какъ будто скрывается награда автору «Горе отъ Ума» за всѣ муки сомнѣній, за милліонъ терзаній, которыя онъ самъ переживалъ, изображая пошлый романъ Софьи и страданія Чацкаго, извѣрившись и въ постоянствѣ, и въ прочности женской любви, въ способности женщины возвыситься надъ уровнемъ самки и увлечься духовной красотой человѣка. Нина Грибоѣдова всей своей преданной и самоотверженной любовью точно хотѣла доказать ему, что брошенное имъ зерно не упало на безплодную почву, что его призывъ къ чистой, осмысленной человѣческой любви и духовному подвигу нашелъ откликъ въ душѣ женщины, что если Софья не могла полюбить Чацкаго и возвыситься до него, то для этого нашлась другая женская душа.

Есть что-то въ этихъ могилахъ навѣвающее тихую грусть при мысли о молодыхъ, разбитыхъ чувствахъ, о грубо и жестоко оборванномъ счастьѣ. Но есть и что-то ужасное, приводящее въ негодованье, когда вспомнишь о судьбѣ русскаго генія, который лежитъ здѣсь. Читаешь и перечитываешь простую, безпощадную фразу: «убитъ въ Тегеранѣ», и душа не въ силахъ примириться съ ней.

Я думалъ, что сегодня кто-нибудь вспомнитъ его и броситъ на эту печальную могилу хоть горсть цвѣтковъ. Ничего такого. Зато весь гротъ испещренъ фамиліями глупцовъ, которые не щадятъ даже послѣднее его убѣжище. Вотъ ужъ именно—горе отъ ума! И послѣ смерти казнятъ за умъ. Могилы идіотовъ оставляютъ въ покоѣ, могилу генія пачкаютъ. У входа въ церковную ограду вывѣшена дощечка съ просьбой, чтобы «почтеннѣйшая публика» не дѣ-

лала надписей на могилѣ Грибоѣдова; мало того, для удовлетворенія ея маніи увѣковѣчивать свои имена, здѣсь даже заведена особая книга, но и это не помогаетъ.

Праздничный звонъ колоколовъ и гулъ большого города долетаетъ сюда могучими волнами, напоминая о вѣчной суетѣ жизни съ ея неумирающими Фамусовыми, Загорѣцкими, блаженствующими Молчалиными, самоувѣренными Скалозубами, негодующими и оскорбленными Чацкими. И тѣмъ томительнѣй становится тоска, навѣваемая безмолвіемъ могилы, въ которой покоится прахъ генія, осмѣявшаго мѣткимъ русскимъ умомъ всю пошлость жизни и увѣковѣчившаго типы главныхъ элементовъ, создающихъ комедію этой жизни.

Церковь св. Давида не представляетъ ничего интереснаго въ архитектурномъ отношеніи. Она реставрирована въ семидесятыхъ годахъ почти заново; уцѣлѣли только стѣны стараго храма, построеннаго въ IV вѣкѣ, какъ говорятъ одни, въ VI—какъ полагаютъ другіе. Проводникъ, какой-то здоровенный грузинъ въ кофейномъ не то кафтанѣ, не то подрясникѣ, показываетъ мнѣ просачивающійся изъ скалы цѣлебный источникъ, потомъ идетъ достать «кулучи» (ключи).

Храмъ не великъ и довольно убогъ. Рѣзкій контрастъ съ обстановкой деревенской церкви составляетъ прелестная мозаика на полу. Здѣсь погребенъ одинъ изъ потомковъ династіи Багратидовъ, князь Романъ Ивановичъ Багратіонъ, братъ знаменитаго героя двѣнадцатаго года.

Полдень. Раздается пушечный залпъ. Тифлисъ будто дрожитъ въ раскаленномъ воздухѣ. Начинаясь у подножія Мтацминды, онъ сползаетъ своими громадами къ мутной Курѣ и тѣснится вдоль ея обрывистыхъ бурыхъ береговъ на нѣсколько верстъ. Видъ, благодаря отсутствію зелени и бурому фону обнаженныхъ горъ, безжизненъ. Оазисомъ зеленѣютъ сады только на сѣверной и южной окраинахъ; на сѣверѣ городской садъ Муштаидъ и акклиматизаціонный, на югѣ, за развалинами крѣпости, въ ущельѣ, Ботаническій садъ, а дальше, совсѣмъ уже за городомъ, сады Ортачалы, и Дзирсачалы. Въ центрѣ, правда, виднѣется запыленный Александровскій садъ и дворцовый, но они совсѣмъ исчезаютъ въ хаосѣ кирпичныхъ и черепичныхъ крышъ, въ тѣсной толпѣ мертвыхъ каменныхъ громадъ.

Городъ очень большой, много больше и Казани, и Саратова, притомъ страшно скученный. Въ нѣкоторыхъ частяхъ дома срослись въ сплошную массу. Считаютъ, что въ немъ свыше ста тысячъ жителей; считаютъ, конечно, по той «приблизительной» статистикѣ, которой руководились и при опредѣленіи населенія въ волжскихъ городахъ. Надо думать, что здѣсь свыше двухсотъ тысячъ жителей, если не больше. Посмотримъ, что скажетъ перепись.

Параллельно съ Курой вытянулся Головинскій проспектъ, лучшая улица города, съ громадными многоэтажными домами и роскошными магазинами. Онъ начинается на сѣверѣ, у станціи военно-

грузинской дороги. На немъ военно-окружный судъ, за которымъ выступаетъ кадетскій корпусъ, великолѣпное зданіе строящагося театра въ мавританскомъ стилѣ, съ башнями и величественной аркой, военно-историческій музей, гимназіи, публичная библіотека, дворецъ, новый соборъ въ клѣткѣ лѣсовъ, кавказскій музей, банки, лучшія гостиницы и редакціи газетъ. Южнымъ концомъ онъ упирается въ Дворцовую улицу съ площадью, окруженной громаднымъ зданіемъ думы, множествомъ магазиновъ и гостиными дворами, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, караванъ-сараями Сараджіева, Арцруни, Лубалова, Тамашова и другихъ. Это все большіе дома съ пассажами. Здѣсь щегольская, европейская часть Тифлиса, которую можно перенести въ любой столичный городъ. Зато въ нѣсколькихъ шагахъ за Дворцовой и Пушкинской улицей, на которой въ небольшомъ скверѣ поставленъ поэту миніатюрный памятникъ-фонтанъ, начинается азіатская часть города, азіатскій базаръ и караванъ-сараи; кучи домовъ тѣснятся въ невообразимомъ хаосѣ по обѣимъ сторонамъ Куры, обступаютъ угрюмыя, высокія стѣны Метехскаго замка, лѣпятся вокругъ холма съ развалинами крѣпости и загромождаютъ всю южную окраину города. Ничего, кромѣ навалившихся одинъ на другой кубиковъ съ верандами, висячими балконами, съ низкими крышами, а то и безъ крышъ. Не разберешь, гдѣ начинается одно зданіе и кончается другое.

На лѣвомъ берегу Куры раскинулась другая, почти такая же половина города; нѣсколько мостовъ соединяютъ обѣ части. И тамъ—въ центрѣ торговая часть со множествомъ магазиновъ, къ югу—азіатская часть, къ сѣверу—цѣлая сѣть улицъ, Муштаидъ и загородные сады. Желѣзная дорога огибаетъ эту часть города. А за ней по склону горъ, надъ панорамой Тифлиса, разбросаны отдѣльными городками казармы, арсеналы, артиллерійскіе и пороховые склады, бараки, лагери и далеко на югѣ громадные корпуса военныхъ госпиталей.

Въ общемъ видъ города имѣетъ что-то особенное, своеобразное, придающее ему, несмотря на европейскія зданія, восточный колоритъ. Есть въ немъ и еще что-то, что сразу дѣлаетъ его непохожимъ на другіе русскіе города. Вы чувствуете какой-то недостатокъ во всей картинѣ, но не вдругъ схватываете его. Это—почти полное отсутствіе русскихъ церквей, стройные сверкающіе купола которыхъ придаютъ всегда жизнерадостный видъ панорамѣ русскаго города. Правда, тамъ и сямъ разбросаны скромныя грузинскія церкви, въ азіатской части виденъ небольшой, построенный въ VII вѣкѣ, Сіонскій соборъ, будто забаррикадированный массой окружившихъ его домиковъ, надъ стѣнами Метехскаго замка высится одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Тифлиса; но все это построено по общему типу безцвѣтнаго, строгаго грузинскаго стиля, изъ сѣро-бураго камня или гранита, колокольни съ темными, гладкими конусообразными куполами почти сливаются съ массой другихъ построекъ. Къ югу, въ азіатской части, виднѣются минареты двухъ мечетей — сунитской и шіитской, но и они не выдѣляются изъ группы зданій.

Тифлисъ основанъ еще въ V вѣкѣ царствовавшей въ то время
въ Грузіи персидской династіей Сассанидовъ. И эта котловина, и
голыя горы были покрыты тогда лѣсами, но за тринадцать вѣковъ
они исчезли, какъ и милліоны жизней, пронесшихся здѣсь толпой
враждующихъ призраковъ. Чего-чего, какихъ только ужасовъ чело-
вѣческой ненависти не видали эти угрюмыя горы! Каждый вѣкъ
тутъ разливалось безпрерывнымъ кровавымъ потокомъ одно нашест-
віе за другимъ... До Рождества Христова здѣсь побывали войска
Александра Македонскаго, потомъ римляне во главѣ съ Помпеемъ;
позже, послѣ основанія города,—персы, армяне, аравитяне, хазары...
Кончался одинъ погромъ—начинался другой, являлись сельджукскіе
турки, сарацины, египтяне, за ними пронеслось грознымъ ураганомъ
нашествіе монголовъ, ихъ смѣняли опять турки и персы, которые
нѣсколько вѣковъ терзали страну, и наконецъ въ 1795 году городъ
совсѣмъ опустошилъ и уничтожилъ персидскій ханъ Ага Магометъ,
не оставивъ камня на камнѣ, уведя въ плѣнъ двадцать тысячъ жи-
телей и истребивъ почти всѣхъ остальныхъ. Уцѣлѣло всего нѣ-
сколько десятковъ семействъ. И за сто лѣтъ мирнаго существованія
Тифлисъ не только возродился изъ пепла, но и разросся какъ ни-
когда, ставъ цвѣтущимъ центромъ богатаго края.

Какой обидно-жестокой ироніей надъ безуміемъ вражды чело-
вѣческой кажется эта исторія. Одно поколѣнье враждующихъ смѣ-
няло другое, націи и царства проносились и исчезали, оставляя за
собой развалины и ненависть; а «геній рода» продолжалъ свое дѣло,
сливая жизнь побѣдителей и побѣжденныхъ въ новыхъ существо-
ваньяхъ съ тѣмъ же наслѣдственнымъ зародышемъ ненависти и раз-
рушенья. Борьба снова завязывалась, въ ней проходили вѣка, и мил-
ліоны людей мелькали надъ землей стадомъ ожесточенныхъ живот-
ныхъ, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ своей духовной, *чело-
вѣческой* жизни, *не слившись съ вѣчной жизнью человѣческаго духа.*

Отсюда отправляюсь къ Лужанову. Мы рѣшили вмѣстѣ осмотрѣть
городъ; магазины на Головинскомъ проспектѣ и Дворцовой улицѣ
нарядные, большіе, торговля идетъ бойко. Она вся въ рукахъ ар-
мянъ. Они составляютъ половину тифлисскаго населенія, другая по-
ловина состоитъ изъ грузинъ и русскихъ. Несмотря на куль-
турный видъ, на чистые асфальтовые тротуары, на европейскіе ко-
стюмы армянъ-приказчиковъ, восточный букетъ постоянно бьетъ въ
носъ. Прежде всего въ толпѣ преобладаютъ все-таки черкески и
кинжалы, слышится чуждая рѣчь; вся масса публики—почти сплош-
ная галлерея смуглыхъ кавказскихъ типовъ; глазища все большіе и
пронзительные, черты лица выразительныя, растительность обильная,
черная; даже у женщинъ часто верхняя губа оттѣнена пушкомъ,
а иногда и усиками. Блондины сѣверяне попадаются рѣдко, да и
то чаще это офицеры или солдаты. Вывѣски—на русскомъ языкѣ,
но фамиліи всѣ туземныя и какъ будто располагающія къ чиханью.

— А ну-ка, прочтите эту вывѣску,—то и дѣло останавливаетъ
меня мой спутникъ, посмѣиваясь.

Нарочито записываю:

Энфіаджіанцъ, Мнацканъ, Читаховъ, Мартиросянцъ, Чарахчіановъ, Нерсесъ Худжаньяцъ, Аствацатуридзе, Начепетваридзе, Мыкертчьянцъ, Худаверьянцъ, Сузанаджьянъ и опять разные *адзе*, *одзе*, *идзе*, *анцы* и чиритахчирахчіанцы. Нескончаемая тарарабумбія.

Говорятъ на вейнберговскомъ жаргонѣ, но все-таки старательно. Народъ умный и энергичный. Въ глубокихъ черныхъ глазахъ не читаешь затаенной племенной вражды евреевъ къ русскому «гою», зато увѣренный взглядъ такъ и говоритъ: «мы здѣсь хозяева, мы—побѣдители». Стараются даже проявить нѣкоторую галантерейность, не тыкаются и называютъ васъ «мусю». Это такъ здѣсь, въ европейскомъ Тифлисѣ.

Но стоитъ только пройти нѣсколько шаговъ, повернуть за уголъ—и начинается такая Азія, что невольно оторопь беретъ. Недоумѣваешь, какъ это здѣсь, рядомъ съ Европой, бокъ-о-бокъ съ ней, можетъ уживаться такой типичный, грязный, закорузлый и дикій востокъ.

Прежде всего улицы. Во всей азіатской части ихъ почти нѣтъ; вмѣсто улицъ—темные зигзаги вродѣ Дарьяльскаго ущелья; не только негдѣ разъѣхаться, негдѣ двумъ толстымъ московскимъ купчихамъ разойтись. И эти зигзаги застроены двухъэтажными и трехъэтажными домами восточной архитектуры, съ лавками внизу и висячими балконами вверху. Балконы, съточеными мавританскими колонками, арками и ажурной кружевной рѣзьбой, выступаютъ надъ улицей, бросая на нее тѣнь и заслоняя небо.

Лавки все открытыя, съ широкими отверстіями вродѣ венеціанскихъ оконъ, но безъ стеколъ. И чего-чего только тутъ нѣтъ. Прежде всего, конечно, масса оружейныхъ мастерскихъ, лавокъ кавказскихъ серебряныхъ издѣлій и кавказскихъ костюмовъ; повтореніе владикавказскихъ азіатскихъ рядовъ, но en grand. Переулки ружей и кинжаловъ, переулки кавказскаго серебра, переулки театральныхъ кавказскихъ костюмовъ. Работа производится тутъ же, на виду у прохожихъ и покупателей. Въ лабиринтѣ закоулковъ безпрерывный металлическій стукъ серебра и желѣза, визжанье напильника, жужжанье толпы и крикъ носильщиковъ.

Толпа — какой-то невозможный національный калейдоскопъ. Фески, персидскія шапочки, чалмы, бритыя голыя головы, папахи, бронзовыя лица, иногда совсѣмъ звѣрскія, грубыя черты, дикіе взгляды, въ которыхъ сквозитъ варваръ и азіатъ, полная этнографическая коллекція Кавказа и Азіи. Каждая фигура полна своеобразной типичности и оригинальности, въ каждой черточкѣ, въ каждой складкѣ то неподвижнаго, то энергическаго и оживленнаго лица лежитъ тайна чуждой души, созданной магометанскимъ міромъ. Непринужденность полная. Распахнувшіеся халаты выказываютъ орѣховую, поросшую волосами, грудь и грязное бѣлье; туфли надѣты на босую ногу. У лавокъ на лоткахъ сидятъ торговцы, выставивъ на улицу голыя ноги; и вы должны лавировать, чтобы не задѣть ихъ.

За оружейными рядами идутъ съѣстные, фруктовые и галанте-

рейные, съ курильнями, кухмистерскими, кофейнями и парикмахерскими. И все это ѣстъ, бреется, пьетъ и куритъ рядомъ съ вами, на улицѣ, у этихъ широкихъ оконъ безъ стекла. Вотъ туземная парикмахерская. Какой-то азіатъ сидитъ на узкомъ диванчикѣ, наклонивъ голову. «Парикмахеръ», не обращая вниманія на остановившихся прохожихъ, невозмутимо-сосредоточенно водитъ бритвой по синей лысой башкѣ своего кліента; мыло грязной пѣной стекаетъ съ нея на грязную простыню и засаленный халатъ. Рядомъ «кухмистерская». У окна плита. На ней нѣсколько кипящихъ котловъ и горшковъ; сковорода съ шипящимъ шашлыкомъ стоитъ на лоткѣ, на улицѣ.

Паръ и дымъ отъ горящаго масла бьетъ въ носъ. Посѣтители тутъ же и обѣдаютъ за грязными столами, бросая объѣдки на мостовую. Подлѣ, во фруктовой, публика ѣстъ арбузы и виноградъ, усыпая переулокъ корками и шелухой.

Дальше—восточная курильня. На столикахъ кальяны. Восточные человѣки, то въ фескахъ, то въ бараньихъ шапкахъ, то съ обнаженными бритыми головами, сидятъ на низкихъ турецкихъ диванахъ и, устремивъ въ пространство меланхолично-квіетическій взглядъ, флегматично посасываютъ змѣю кальяна. Желтая вода клокочетъ и булькаетъ въ стеклянномъ резервуарѣ. Рядомъ, на улицѣ же, пекутъ мѣстный хлѣбъ — «саджи», что-то вродѣ большихъ коржей или еврейскихъ «пляцковъ». Предъ этой картиной мы невольно останавливаемся. Печи нѣтъ. Въ лавкѣ, у самаго тротуара, глубокая круглая яма, вродѣ колодца; надъ ней выведенъ изъ камня высокій ободъ. Внутри, въ стѣнахъ колодца, устроены углубленія, а на днѣ горятъ уголья; стѣнки раскалены. Одинъ изъ пекарей, голый, съ повязанной грязной тряпкой щекой, рѣжетъ и раскатываетъ руками тѣсто, придавая ему форму кружка; другой, съ головой, покрытой платкомъ и чернымъ отъ грязи передникомъ, беретъ эти лепешки, весь залазитъ въ колодезь, такъ что только ноги его торчатъ, быстро прилѣпляетъ лепешку къ одному изъ углубленій и такъ же быстро вылазитъ, весь багровый, съ налитыми кровью глазами и потнымъ лицомъ. Затѣмъ онъ хватаетъ прутъ, къ концу котораго прикрѣпленъ кусокъ мокрой пожелтѣвшей тряпки, мочитъ ее въ ведро съ водой, снова наклоняется къ колодцу и смазываетъ коржи, которыми облѣплена внутренность печки. Это дѣлается для того, чтобы придать хлѣбу «румяный видъ».

Дальше проносятъ какіе-то коржи вродѣ еврейской мацы, появляются водовозы, «тулухчи», верхомъ на ослахъ или мулахъ, съ пузатыми кувшинами или боченками, висящими по бокамъ задумчиво и лѣниво плетущагося животнаго.

А вотъ и «кинто», персъ-носильщикъ. Синяя блуза, панталоны до щиколки, на ногахъ туфли; шапочка—черная кострюлька. Онъ тащитъ огромный ящикъ, подъ тяжестью котораго согнулся вдвое. Вся его фигура исчезаетъ за нимъ; кажется, будто ящикъ ходитъ на человѣческихъ ногахъ. Дальше показывается другой «кинто», но уже грузинъ, съ пузатыми кувшинами на плечахъ, за нимъ угольщикъ ведетъ мула, навьюченнаго черными мѣшками съ углемъ, рядомъ—опять носильщикъ; на спинѣ бурдюкъ, похожій на надутую свиную тушу; потомъ персы въ черныхъ камилавкахъ и халатахъ, увѣшанные персидскими коврами и платками.

Проходимъ къ Курѣ. По высокому холму съ развалинами крѣпости сползаютъ амфитеатромъ къ грязнымъ берегамъ скученныя азіатскія постройки. Дома узкіе, съ плоскими крышами, все въ четыре-пять этажей. Балконы и галлереи въ нѣсколько ярусовъ, какъ ложи въ театрѣ; ихъ подпираютъ легкія колонки. Мы въ «татарскомъ майданѣ». Здѣсь все расположены громадные азіатскіе караванъ-сараи и подворья; пестрая толпа востока шумитъ у мрачныхъ воротъ; во дворахъ мулы, верблюды, арбы съ товарами. На грязныхъ тротуарахъ развалилась въ живописныхъ позахъ группа азіатовъ. А подлѣ, въ какой-то лавчонкѣ, туземный артистъ наигрываетъ на какомъ-то диковинномъ инструментѣ. На палкѣ дискъ со струнами; онъ держитъ его какъ віолончель и водитъ смычкомъ; раздаются глухіе, тягучіе звуки, напоминающіе «лиру».

Надъ крутымъ берегомъ рѣки, у моста, возвышается мечеть. Въ памяти встаютъ верещагинскія картины съ туркестанскими сюжетами. Стройный, легкій, круглый минаретъ выложенъ мозаикой изъ желтыхъ и зеленыхъ изразцовыхъ плитокъ. Невысокій куполъ съ золоченымъ полумѣсяцемъ похожъ на половину глобуса; онъ тоже въ клѣткахъ зеленой и желтой мозаики. Внутри фонтанъ и бассейнъ для омовенія. На стѣнѣ арабскія изреченія изъ корана. У высокихъ раскрытыхъ дверей, подлѣ рѣшетки, вытянулись шеренгой туфли. Въ мечети и персы, и татары, и турки совершаютъ свой намазъ. Одни изъ молящихся лежатъ неподвижно, уткнувшись головой въ мозаиковый полъ, другіе воздѣваютъ руки и молятся громко. Плескъ фонтана сливается съ гуломъ голосовъ, высокіе своды звучно вторятъ имъ.

Отсюда отправляемся на конкѣ въ сѣверную часть города, къ Муштаиду. По кривымъ и узкимъ переулкамъ, среди густой толпы, кое-какъ выбираемся къ центру города. Послѣ толкотни, мрака и смрада азіатской части, опять проносимся по элегантному Головинскому проспекту, минуемъ Александровскій садъ, два моста, перекинутыхъ черезъ Куру, между островами,—и мы въ другой половинѣ Тифлиса. На площади, окруженной высокими домами со множествомъ магазиновъ, возвышается памятникъ князю Воронцову. Отсюда линіи трамвая расходятся паутиной во всѣхъ направленіяхъ. Вагонъ бѣжитъ по Михайловскому проспекту, обрамленному тѣнистой аллеей. Изъ зелени выступаютъ красивые дома то въ стилѣ ренессансъ, то мавританскомъ. Воздушные висячіе балконы съ ажурной рѣзьбой украшаютъ изящные фасады. Надъ заборами зеленѣютъ шпалеры садовъ. Ѣдемъ долго, конецъ совсѣмъ московскій. (Въ Тифлисѣ десять полицейскихъ частей). Подлѣ Муштаида, по бокамъ улицы—небольшіе садики съ ресторанами. Надъ воротами пестрыя вывѣски. Здѣсь есть и «Стрѣльна», и «Ваза», и «Грузія», и «Бѣлая Лебедь». Это — любимое мѣсто гуляній тифлисскихъ бур-

жуевъ и приказчиковъ. Рѣшетка Муштаида замыкаетъ проспектъ. Садъ большой, но растительность неважная; чаще всего попадается акація; вдоль аллей—арыки съ перекинутыми черезъ нихъ мостками. Въ центрѣ — площадка съ павильономъ, раскрашеннымъ на манеръ театральныхъ декорацій, ресторанъ, открытая сцена, бесѣдка для музыки, все—какъ въ любомъ губернскомъ городѣ.

Рядомъ съ Муштаидомъ изъ зелени роскошнаго сада выступаетъ зданіе кавказскаго шелководства, очень красивая вилла съ кирпичными стѣнами, выложенными мозаикой изъ глазированнаго кирпича, и огромными окнами. Въ глубинѣ—павильонъ шелководства, изящный, маленькій замокъ съ бѣлой стройной мавританской башней. Дальше—еще нѣсколько построекъ для выводки и кормленія шелковичныхъ червей, сушенія коконовъ и храненія яицъ.

Подлѣ—акклиматизаціонный садъ и школа садоводства. Зеленые газоны съ темнозеленой бархатной бахромой туи ласкаютъ глазъ. Выхоленные деревья и кустарники живописно разбросаны среди клумбъ. Здѣсь — и темные стройные кипарисы, и цвѣтущій рододендронъ, и китайская роза, мимоза и плакучая ива, фиговое дерево и магнолія.

На обратномъ пути заходимъ въ одинъ изъ магазиновъ. Толстый и усатый старикъ-армянинъ торгуется и ссорится съ «тулухчи». Мулъ съ боченками на спинѣ стоитъ у дверей въ задумчивомъ ожиданіи. Оказывается, что водовозы повысили цѣну на воду. Въ Тифлисѣ есть водопроводъ, но домовладѣльцы неохотно пользуются имъ. Армянинъ объясняетъ намъ, что вода «тулухчи» обходится имъ гораздо дешевле, чѣмъ водопроводная. Вообще въ жизни города замѣтна какая-то безалаберность, въ хозяйствѣ—неустроенность. Угадывается работа гигантскаго городского организма, онъ еще какъ будто не можетъ отрѣшиться отъ азіатскаго халата и напяливаетъ поверхъ него европейскій костюмъ. Это отчасти объясняется слишкомъ быстрымъ ростомъ, отчасти некультурностью туземцевъ, съ которой приходится считаться. При полумилліонномъ бюджетѣ, Тифлисъ расходуетъ ежегодно свыше милліона на благоустройство. Городъ въ долгу, какъ въ шелку. Поэтому, можетъ-быть, въ его хозяйствѣ такъ много прорѣхъ, которыхъ не скрываютъ даже европейскія заплаты. Впрочемъ, въ общемъ все это не мѣшаетъ Тифлису быть однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ.

Уличная жизнь придаетъ ему очень оживленный видъ. Вагоны конки переполнены публикой. Чиновники и военные перемѣшаны съ армянами и грузинами. Разговоры на армянскомъ и грузинскомъ, но чаще на русскомъ языкѣ. Иногда туземцы даже между собою изъясняются на немъ, хотя и коверкаютъ его отчаянно. Въ публикѣ преобладаютъ мужчины; это объясняется не только сравнительно замкнутой жизнью армянскихъ и грузинскихъ женщинъ, но и тѣмъ, что въ Тифлисѣ женскаго населенія въ пять разъ меньше, чѣмъ мужского. Благодаря этому, Тифлисъ—Эльдорадо для незамужнихъ дѣвицъ. Однако, въ послѣднее время грузинки и армянки становятся менѣе замкнутыми. Въ нашемъ вагонѣ — компанія грузинъ и грузинокъ въ на-

ціональныхъ костюмахъ. Грузины въ оранжевыхъ шелковыхъ рубахахъ и кофейныхъ «чохахъ», похожихъ на черкески. Рубахи опоясаны серебряными кушаками, на которыхъ болтаются кинжалы. Черныя остроконечныя шапки молодецки закинуты на бекрень. Лица красивыя, энергичныя, съ крупными чертами, глаза черные, бархатные, съ поволокой; щеки бритыя, усы—то тонкіе, то широкіе, казацкіе. Вообще грузины очень смахиваютъ на малороссовъ, только носы у нихъ подлиннѣй. У грузинокъ какъ - то рѣзче сказывается восточный типъ. Черты лица тоже крупныя, выразительныя, но въ черныхъ, иногда миндалевидныхъ глазахъ больше покоя, поволоки и кротости; порой на нихъ налетаетъ какое-то облачко истомы и нѣги. «Тавсакрави», малиновая бархатная повязка, вышитая пестрымъ узоромъ или мишурой, почти скрываетъ лобъ; отъ нея расходятся «лечаки», что-то вродѣ фаты, эффектно оттѣняющіе смуглое, продолговатое лицо съ прядями вьющихся волосъ. Костюмъ нѣсколько театральный, съ длинными вышитыми полосами поверхъ юбки. У старухъ черты лица рѣзкія, строгія, во внѣшности есть что-то напоминающее римскую матрону. Черный головной уборъ похожъ на клобукъ и придаетъ имъ видъ монахинь.

Вечеромъ городъ иллюминованъ. Въ Александровскомъ саду народное гулянье. Главный элементъ публики — солдаты, лускающіе сѣмячки; это, кажется, необходимый аксесуаръ всѣхъ народныхъ гуляній. Въ общемъ — праздничная картинка любого губернскаго города. Мысленно уносишься на сѣверъ, за двѣ-три тысячи верстъ отсюда; и тамъ, и на всемъ необъятномъ пространствѣ земли русской зажглись такіе же огоньки, играетъ такая же музыка, гуляетъ шумная толпа, солдаты лускаютъ сѣмячки...

Отправляюсь опять въ Муштаидъ. Мгла знойной ночи окутала городъ. Съ мостовыхъ еще вздымается горячій воздухъ. Черныя тѣни деревьевъ ползутъ по Михайловскому проспекту, придавая таинственный видъ молчаливымъ фасадамъ домовъ и висячимъ балконамъ. Тамъ и сямъ надъ ажурной рѣзьбой бѣлѣетъ загадочнымъ призракомъ женская фигура, по тротуарамъ скользятъ неслышно и исчезаютъ въ воротахъ силуэты женщинъ. Что-то и интригуетъ, и дразнитъ воображеніе.

Въ Муштаидѣ публики немного, да и та уныло слоняется по кругу и въ темныхъ аллеяхъ. Зато въ сосѣднихъ «увеселительныхъ» садахъ гремятъ оркестры, сливаясь въ какофонію. Со всѣхъ сторонъ во мглѣ налетаетъ рой звуковъ. Кажется — всѣ тифлисскіе обыватели музицируютъ. Захожу въ «Стрѣльну». На вывѣскѣ обѣщанъ «лучшій» гурійскій оркестръ. Садикъ маленькій и узенькій, всего съ одной аллеей; по бокамъ ея два ряда небольшихъ будокъ, вродѣ купаленъ. Это «отдѣльные кабинеты». По аллеѣ прогуливаются «эти дамы», большей частью еврейки, переодѣтыя грузинками и малороссіянками. Онѣ бросаютъ манящіе взгляды на восточныхъ человѣковъ въ халатахъ и черкескахъ. Нѣкоторые уже попали въ капканы — купальни. «Лучшій» оркестръ гурійцевъ играетъ невозможно. Трубы ревутъ, кларнеты врутъ, барабанъ сердито пытается

заглушить этотъ диссонансъ, но ему никакъ не удается его благородная попытка. Напротивъ — другой, такихъ же размѣровъ и съ такими же «кабинетами», садъ «Бѣлая Лебедь». Публика тоже состоитъ изъ туземцевъ. У воротъ — балаганъ Въ немъ играютъ туземные музыканты—«сазандеры», въ національныхъ костюмахъ. Одинъ «дуетъ» на «дудукѣ», какомъ-то подобіи кларнета, другой—на зурнѣ, похожей на трубу, третій водитъ смычкомъ по пузатой «чонгурѣ», четвертый бьетъ въ «даиры» (бубенъ), пятый аккомпанируетъ на какой-то продолговатой гитарѣ, совсѣмъ тоненькой, щупленькой, будто въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Музыка томитъ и своей какофоніей, и унылыми, ноющими звуками. Однако халаты и черкески, попивая вино, слушаютъ ее глубокомысленно. Въ другомъ саду, «Грузіи», подъ аккомпаниментъ такой же музыки поетъ слѣпой армянинъ, похожій на «лирника» или «бандуриста». Это — «ашигъ», странствующій пѣвецъ.

Его окружила горсть армянъ. Есть и сюртуки. Музыка бренчитъ только для формы, такъ какъ артистъ поетъ «совсѣмъ изъ другой оперы». Слова армянскія; каждый куплетъ заканчивается плаксивымъ припѣвомъ: О, Арменія, о, Арменія!

Кое-кто изъ публики, сидящей за столиками, подтягиваетъ за пѣвцомъ:

— О, Армэнія, о Армэ-э-нія.

Изъ «купальни» доносится женскій визгъ. Четвертый садъ называется «Вазой». Освѣщеніе тусклое. Пустынно. Гдѣ-то внизу, въ глубинѣ, надъ самой Курой, ресторанъ. Нѣсколько фонарей освѣщаютъ площадку. Группа туземцевъ, очень подозрительныхъ, сидитъ вокругъ стола, уставленнаго бутылками, и поетъ. Что поетъ— одинъ Богъ вѣдаетъ. Совсѣмъ какой-то кошачій концертъ. Я только и успѣваю разсмотрѣть черные пьяные глаза да разинутые рты, и торопливо направляюсь къ выходу. Помилуй Богъ—что за уголки! Дальше—еще какой-то садъ «съ отдѣльными номерами», но я уже не рѣшаюсь больше заглянуть туда. Ночь—темная-претемная; и вся эта мгла полна тайны чуждой жизни, дикой азіатской музыки и дикой пѣсни.

Глава XXV.

Въ Ботаническомъ саду.—Видъ на Тифлисъ съ вершины Сололаки.—Въ „храмѣ Славы". Картина Рубо „Плѣнъ Шамиля".—Современникъ гунибской капитуляціи.—Въ кавказскомъ музеѣ.—Кавказская фауна.—Фрески „Прибытіе Аргонавтовъ въ Колхиду".—Этнографическій калейдоскопъ Кавказа.—Тифлисская интеллигенція и печать.—Тифлисскіе „анархисты".—Грузинская и армянская печать.—Турецкія бани.

31-е августа.

Съ утра отправляюсь въ Ботаническій садъ. Экипажъ опять едва пробирается по тѣснымъ переулкамъ армянскаго базара сквозь густую азіатскую толпу. Извозчикъ кричитъ, грозитъ, бранится. Гулъ голосовъ заглушаетъ его. Объѣзжаемъ по крутой улицѣ вы-

сокій холмъ Сололаки со скалой, окруженной развалившимися башнями и стѣнами крѣпости. Ботаническій садъ расположенъ между этимъ холмомъ и западной грядой горъ, въ узкомъ ущельѣ, открытомъ къ югу. Уголокъ совсѣмъ глухой. Садъ сползаетъ по террасамъ крѣпостной стѣны до самаго подножія голой горы, на которомъ ютится татарское кладбище.

Тишина полная. Гулъ города не долетаетъ сюда. Синій куполъ неба необыкновенно глубокъ. Жаркій воздухъ неподвиженъ. Слышно только журчанье воды, перебѣгающей по арыкамъ съ одной террасы на другую вдоль тѣнистыхъ аллей, изгибающихся по склону холма. Ярко-зеленое кружево листвы точно замерло въ воздухѣ подъ жгучими лучами южнаго солнца. На одной изъ террасъ, на площадкѣ подлѣ теплицы, разбитъ цвѣтникъ. Шпалеры тропическихъ растеній окружаютъ свѣтло-зеленый коверъ газона, будто вышитый букетами роскошныхъ цвѣтовъ. Темная съ бархатнымъ отливомъ бахрома туи обрамляетъ клумбы, еще больше оттѣняя яркія краски цвѣтовъ. Этотъ газонъ съ чуднымъ цвѣтникомъ, узорчатая фантастическая зелень всѣхъ переливовъ, роскошная тропическая растительность и опьяняющій ароматъ—чаруютъ. Мнѣ кажется, точно я перенесся въ какой-то сказочный, заколдованный міръ, въ какой-то уголокъ изъ «Тысячи и одной ночи». Тамъ, за этимъ холмомъ, грязь и суета азіатскаго базара, дикій хаосъ жизни,— здѣсь, въ этой тишинѣ, волшебница-природа разлила всѣ чары и нѣгу своей прелести словно бы для того, чтобы дать почувствовать человѣку еще больше власть своей вѣчной красоты и всю ложь, всю мишуру его жизни.

Цвѣты и деревья разныхъ поясовъ и климатовъ, разныхъ породъ дружно обнялись своими вѣтвями, точно очарованные общей гармоніей. Здѣсь—тиссъ обыкновенный съ мелкими листиками, бересклетъ японскій, фотинія зубчатая, маслина съ пепельно-серебристой листвой, магнолія крупноцвѣтная, огромное дерево съ листьями фикуса, только помельче, и бѣлыми большими цвѣтами съ добрую кофейную чашку; а рядомъ елочка и сосна; онѣ будто ежатся, смущенныя пышнымъ нарядомъ своихъ южныхъ сосѣдокъ. Дальше — колядія съ темно-зелеными гигантскими бархатными листьями величиной съ дамскій зонтикъ, кустъ китайской розы съ большими красными цвѣтами, бамбукъ золотистый, бѣлая пампасная трава съ высокими серебристыми кистями, похожими на камышъ, можжевельникъ и кавказская пихта. Подлѣ — канна индика, та самая канна, которую мы холимъ въ горшкахъ; здѣсь она въ грунтѣ и зимуетъ; высота ея—сажени полторы. Еще дальше—аукуба японская и дивный абиссинскій бананъ. Листья его шириной почти въ аршинъ и длиной въ два аршина.

Надъ цвѣтникомъ ступени, съ увитой плющемъ балюстрадой и вазами, ведутъ въ тѣнистую аллею. На лѣстницѣ плещетъ фонтанъ; по бокамъ—шпалеры темныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ; на фонѣ ихъ красиво выдѣляются шелковистые вѣера зонтичныхъ пальмъ и грандіозные листья банана, переплетаясь съ кружевной

криптомеріей, подъ которой пушится евлалія пестрая, похожая на полосатую шелковую травку. Тутъ же каштаны, громадный темный кустъ блестящаго мелколистаго падуба, японская стеркулія съ желтыми или полосатыми листьями, опять тиссъ и вьющійся ломоносъ жгучій, перекинувшійся черезъ трельяжъ и обнявшій нервно съежившуюся мимозу и японскій бересклетъ съ дрожащими колокольчиками. Въ отдѣленіи для опытовъ есть и нѣсколько небольшихъ кустиковъ чайнаго дерева. Въ павильонѣ для сортировки и сушки сѣмянъ—цѣлая лабораторія со стклянками, трубками и банками, разставленными батареями на столахъ и въ шкафахъ.

На террасѣ, выступающей надъ цвѣтникомъ, чайный буфетъ и шашлычная. Отсюда къ крѣпостной башнѣ взвивается зигзагами дорожка. Прохожу въ крѣпость и по крутому обрыву взбираюсь на верхушку скалы. За мной, внизу, остался Ботаническій садъ; предо мной, къ сѣверу, начинаясь у крѣпостной стѣны, разворачивается панорама Тифлиса. Вспоминается башня Сумбеки и Казань. Но здѣсь перспектива города не заслонена, какъ въ Казани, холмами,—онъ весь открытъ. Мутная Кура, змѣящаяся между крутыми, тѣсными берегами, пробѣгаетъ посрединѣ города подъ мостами и между островами, огибая мрачный обрывъ, на которомъ возвышаются угрюмыя зубчатыя стѣны Метехскаго замка. Отсюда особенно хорошо видна и старинная церковь, и грозныя башни каземата, и тюремный дворъ, по которому мѣрно шагаютъ часовые, виденъ весь азіатскій базаръ и татарскій майданъ съ караваномъ верблюдовъ на площади, видны вдали громады Головинскаго проспекта, къ западу Мтацминда съ лѣпящейся на ней церковью св. Давида, на востокѣ горы съ казармами и вокзаломъ у подножія, далеко на сѣверѣ кудрявая зелень Муштаида и Михайловскій проспектъ.

Говорятъ—вечеромъ, когда въ городѣ зажигаютъ огни, видъ Тифлиса съ этой скалы становится волшебнымъ.

Отсюда отправляюсь на Головинскій проспектъ, въ «Храмъ Славы», или военно-историческій музей. Онъ еще не открытъ для публики, отдѣлка зданія не вполнѣ окончена. Однако, благодаря любезности полковника, завѣдующаго музеемъ, мнѣ удается осмотрѣть его. Возникъ онъ недавно и предназначенъ для собранія картинъ, сочиненій и разныхъ предметовъ, относящихся къ покоренію Кавказа.

Зданіе большое, одноэтажное, стройное. Фасадъ безъ оконъ. Въ стѣнахъ ниши съ изящной арматурой. Между ними черныя мраморныя плиты, на которыхъ, какъ въ храмѣ Христа Спасителя, будутъ высѣчены главныя событія изъ эпохи завоеванія Кавказа. Очень хороша высокая рѣшетка, отдѣляющая зданіе отъ тротуара. Вмѣсто колонокъ въ ней пушки съ орлами наверху.

По гранитнымъ ступенямъ вхожу въ музей. Въ немъ всего одинъ огромный залъ съ облицованными мраморомъ стѣнами. Освѣщеніе сверху. Мой проводникъ—старенькій унтеръ-офицеръ, бывшій ординарецъ, одинъ изъ героевъ покоренія Кавказа; на ветхомъ мундирѣ цѣлый рядъ медалей и георгіевскій крестъ. Современникъ

Шамиля и, какъ говоритъ, былъ при взятіи Гуниба. Старичекъ, видимо, бодрится и молодцевато расправляетъ сѣдые баки.

На стѣнахъ батальныя картины на темы кавказской войны и портреты кавказскихъ героевъ. По угламъ турецкія знамена съ полумѣсяцемъ и персидскія—съ рукой вверху древка.

Старичекъ радъ вспомнить былое и охотно болтаетъ:

— Это вототъ грузинскій царь Ираклій II, а это послѣдній ихній царь Георгій XIII-й, тутъ генералъ Тотлебенъ, а подлѣ генералъ Лазаревъ. А этотъ... о, этотъ молодецъ былъ, это и есть онъ самый, нашъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ... Вотъ здѣсь свѣтлѣйшій князь Воронцовъ... Это тоже былъ молодецъ.

— А это кто? — спрашиваю я, указывая на одинъ изъ портретовъ.

— Который?—Правофланговый или лѣвофланговый?

— Правофланговый,—отвѣчаю ему въ тонъ.

— Правофланговый—князь Паскевичъ Эриванскій, а лѣвофланговый—графъ Муравьевъ... А вотъ это-съ нашъ Александръ Ивановичъ князь Барятинскій, съ нимъ мы штурмовали Гунибъ... Да-съ, было времячко... Боже ты мой, Боже...

Есть здѣсь и двѣ картины Айвазовскаго. На одной изъ нихъ изображено прибытіе Императора Николая I въ Сухумъ-Калэ. Батальныя картины почти всѣ работы французскаго художника Рубо и исполнены имъ въ Парижѣ. Благодаря этому, можетъ-быть, и русскіе солдаты на нихъ лишены жизненности и типичности, да и кавказская природа слишкомъ ужъ монотонно освѣщена. Нѣтъ верещагинской экспрессіи, жизни и plein air'а.

Лучшая картина—это «Плѣнъ Шамиля». На большомъ полотнѣ масса фигуръ, освѣщенныхъ желтоватымъ закатомъ. Фонъ—голыя каменистыя горы съ бѣлѣющими кубиками аула. Слѣва, подъ деревомъ, сидитъ князь Барятинскій, окруженный штабомъ. Дальше видны фигуры солдатъ, обступившихъ холмъ, въ центрѣ котораго нѣсколько мюридовъ, а ближе къ Барятинскому—«владыка горъ», имамъ Шамиль. Поза его схвачена удачно, она полна гордаго вызова и недовѣрія. Правая рука заложена за поясъ, на которомъ виситъ, конечно, кинжалъ; лѣвая — на эфесѣ шашки. На головѣ бѣлая чалма съ мѣховой выпушкой. Закаленное дикое лицо, обрамленное длинной рыжей бородой, полно энергіи и скрытой ненависти.

Вспоминается жестокая, упорная, двадцатилѣтняя борьба, боевая жизнь изо дня въ день въ горахъ Кавказа, и невольно задаешь себѣ вопросъ, что долженъ былъ чувствовать въ эту минуту «владыка горъ».

— Вотъ, это онъ самый и есть, Шамиль, — говоритъ за мной старичекъ.—Такой онъ былъ—рыжій и сердитый. Ну, а все же супротивъ русскаго оружія и онъ не устоялъ. Много крови нашей выпилъ... Двадцать лѣтъ пилъ!

Недалеко отъ «Храма Славы», на углу Головинскаго проспекта выступаетъ небольшой двухъэтажный домъ кавказскаго музея. Таб-

личка на дверяхъ гласитъ, что сегодня музей закрытъ для публи-
ки. Однако—звоню. Дверь отворяется и въ ней показывается пол-
ный пожилой блондинъ профессорскаго типа, въ очкахъ. Это—дирек-
торъ музея, докторъ Радде. Спрашиваю разрѣшенія осмотрѣть музей.
— Но вы видите,—говоритъ онъ, показывая на таблицу и рѣ-
шительно собираясь затворить дверь. Настойчиво прошу, ссылаюсь
на то, что я пріѣзжій, что завтра надо ѣхать дальше. Докторъ
неумолимо повторяетъ:
— Но вы видите. Въ рѣчи его слышится нѣмецкій акцентъ.
Тогда я прибѣгаю къ послѣднему средству,—говорю, съ какой
цѣлью желаю осмотрѣть музей. Докторъ сдается и любезно про-
ситъ меня пожаловать, потомъ такъ же любезно даритъ мнѣ «на
память» составленный имъ «Путеводитель по музею», извиняясь въ
то же время, что онъ «безъ галстуха» вслѣдствіе страшной жары.
Музей помѣщается въ нѣсколькихъ залахъ верхняго и нижняго
этажа. Основанъ онъ лѣтъ 25 тому назадъ. Для лицъ, желающихъ
наглядно познакомиться съ Кавказомъ, онъ представляетъ большой
интересъ. О научномъ его значеніи я ужъ и не говорю. Коллекціи
подобраны хорошо и не безъ эффекта. Конечно, послѣ москов-
скаго историческаго музея онъ кажется миніатюрнымъ, но все-
таки поражаетъ пріятно, особенно здѣсь, на окраинѣ, гдѣ мы
едва только успѣли устроиться.
Первый залъ занятъ коллекціями по геологіи Кавказа. Мине-
ральныя богатства края еще далеко не изслѣдованы и не разрабо-
таны, но все-таки кое-какой починъ уже сдѣланъ. Вотъ образцы
кубанскаго каменнаго угля и ріонскаго, изъ Тквибульскихъ копей,
загликскіе квасцы, сода, дагестанская сѣра, чатахская желѣзная
руда, мѣдная и кобальтовая руда изъ Кедабега и Карабага, куль-
пинская соль. Золота и серебра пока не нашли, хотя въ руслѣ
Ріона и Терека есть золотой песокъ; но промывка выдѣлки не
стоитъ. Кавказъ и безъ того—золотое руно; надо бы только умѣть
пользоваться имъ.

Хорошо и художественно сгруппированы коллекціи по зооло-
гіи. Въ нихъ кавказская фауна демонстрирована наглядно. И когда
взглянешь на эту массу разнообразныхъ птицъ и звѣрья въ чуче-
лахъ, то невольно удивляешься пестротѣ кавказскаго міра живот-
ныхъ столько же, сколько и племенной пестротѣ людей. И здѣсь
сѣверяне и южане, какъ и въ кавказской флорѣ, живутъ въ со-
сѣдствѣ, хотя и не особенно дружномъ, болѣе приближаясь въ
этомъ отношеніи къ homo sapiens, чѣмъ къ растеніямъ.
Въ коллекціи птицъ выдѣляются кавказскіе орлы, большой грифъ,
ягнятникъ и бѣлохвость, затѣмъ группа разныхъ видовъ фазановъ
и лунь. Въ нишѣ, расписанной ландшафтомъ камышей, цѣлая семья
водяныхъ птицъ, разставленныхъ очень художественно. Здѣсь цап-
ли, утки, кулики, ибисы, пеликаны, лебеди, фламинго. Дальше—
бѣлый павлинъ, черный аистъ, пурпуровая цапля. Рядомъ стая
стервятниковъ, терзающихъ чучело верблюда. Тутъ же и ком-
паньонъ ихъ, шакалъ.

Въ другомъ залѣ—группа кавказскихъ альпійскихъ животныхъ:
дикій баранъ, нѣсколько туровъ, черные козлы. Дальше чучело
кавказскаго зубра. Музей гордится этимъ экземпляромъ, такъ какъ
онъ единственный; и только въ академіи наукъ имѣется еще шкура
кавказскаго зубра, называемаго туземцами «домбе» и «адомбе».
Правѣе—три гіены изъ окрестностей Тифлиса и три оленя, тоже
изъ-подъ Тифлиса. За ними—дикіе кабаны, барсъ, семья королев-
скихъ тигровъ, убитыхъ вблизи Ленкорани, пантеры, подстерегаю-
щія козулю, компанія изъ шести медвѣдей, опять кабаны, дикая
кошка, куница, пятнистая и кошачья рысь, горностаи, лисицы
(между ними двѣ чернобурыхъ съ Казбека), барсуки, антилопа и
даже каспійскій тюлень.
Дальше порядочная масса маринованныхъ змѣй, скорпіоновъ въ
банкахъ и всякихъ такихъ «гадостей».
Изъ рыбъ выдаются—форель, стерлядь да лососина съ севрю-
гой, заглядывающія въ Куру изъ Каспійскаго моря. Есть тутъ и
остовъ кита, попавшаго случайно въ Черное море, можно поду-
мать—спеціально для кавказскаго музея. Недурна и бѣлуга, помѣ-
щенная въ центрѣ одной изъ залъ. Ее поймали въ устьѣ Куры;
вѣсила она шестьдесятъ пудовъ; одной икры въ ней было пудовъ
шесть.
Надъ лѣстницей, ведущей въ верхній этажъ, большіе фрески,
исполненные художникомъ Зимомъ изъ Рима. Здѣсь—и грузинскій
царь Давидъ Возобновитель, и царица Тамара, написанные по ори-
гиналамъ, сохранившимся въ Гелатскомъ монастырѣ, и Ной, сажа-
ющій виноградную лозу, и амазонки верхомъ. Недурно написаны
«Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа и оплакиваемый океани-
дами», «Язонъ и Медея въ храмѣ Гекаты» и «Прибытіе Аргонав-
товъ въ Колхиду». Вотъ какъ художественно докторъ Радде опи-
сываетъ послѣднюю картину въ путеводителѣ:
«Картина представляетъ тотъ моментъ, когда они вступаютъ на
берегъ. Одинъ изъ гребцовъ старается остановить быстро плы-
вущую по волнамъ Фазиса Арго и привязываетъ *ее* канатомъ къ
береговому столбу. Высоко на корм*у* стоитъ самъ Язонъ (портретъ
Великаго Князя Николая Михайловича), указывающій вооруженною
щитомъ рукою въ ту сторону, откуда онъ прибылъ. Навстрѣчу
чужеземцамъ ѣдетъ Аэтъ въ сопровожденіи двухъ дочерей своихъ,
въ двухколесной колесницѣ, запряженной двумя бѣшеными конями,
которыхъ возничій съ трудомъ удерживаетъ. Выраженіе у Аэта
злобное, вопрошающее, недовѣрчивое и упорствующее. Влѣво отъ него
сидитъ прекрасная Медея (портретъ грузинской княжны), которая
успѣла уже испытать вліяніе проницающихъ взоровъ Язона. На Арго,
у ногъ Язона — Орфей, и позади греческій воинъ со шлемомъ на
головѣ. У мачты—Касторъ и Поллуксъ. Настроенію общества въ этой
сценѣ соотвѣтствуетъ колоритъ неба; темныя тучи висятъ надъ Кол-
хидой; на западѣ и югѣ, откуда прибыли Аргонавты, небо—ясное».
Въ двухъ залахъ верхняго этажа—этнографическія коллекціи и
составленныя изъ большихъ фигуръ группы кавказскихъ народно-

стей. Потолки расписаны узорами ковровой живописи туркменскихъ и кубинскихъ образцовъ. Полы устланы кавказскими коврами, въ центрѣ зала—тахты, покрытыя туземными матеріями. Драпировки на дверяхъ изъ разныхъ кавказскихъ матерій и ковровъ.

Тутъ грузины, имеретины, мингрельцы и гурійцы, танцующіе лезгинку «въ колхидскомъ саду», пшавы, хевсуры, тушины, сваны и осетины. Напротивъ — абадзехи и кабардинцы, а дальше — евреи и армяне. Въ другой группѣ—курды и духоборы, лѣвѣе—персіяне и татары.

Здѣсь же и модели жилыхъ строеній кавказскихъ народностей, и домашняя утварь, оружіе и музыкальные инструменты.

Стоитъ только взглянуть на коллекцію оружія, на разные старинные фальконеты и кремневыя ружья, или на современное вооруженіе хевсуровъ—щиты, кольчуги, шины для рукъ и ногъ, металлическія перчатки и «головныя покрышки», на щиты курдовъ, пики или пистолеты гурійцевъ, чтобы представить себѣ весь дикій міръ кавказскихъ народцевъ, чуждый девятнадцатому вѣку, вѣку Круповъ, Манлихеровъ, Пибоди, меленита, динамита и бездымнаго пороха.

Еще лучше музыкальные инструменты, разныя грузинскія и курдскія зурны, скрипки — «саламури», турецкая скрипка «кжаманча», осетинскія цитры и балалайки, мингрельскій рогъ «горототo» для созыванія народа во время опасности или глиняные барабаны «димплипито». И это—рядомъ съ городомъ, переполненнымъ американскими и беккеровскими роялями, органами и фисгармоніями новѣйшей конструкціи, рядомъ съ милліоннымъ опернымъ театромъ.

Хороша и домашняя утварь, сосуды изъ тыквы, бокалы изъ турьихъ роговъ или большой вертелъ для жаренья цѣлыхъ барановъ «при грузинскихъ пиршествахъ».

Зато очень изящны вышиванья шелкомъ на суквѣ и золотомъ на шелку. Въ нихъ такъ ярко сказывается художественная натура женщины-рабы, которая пыталась въ замкнутомъ мірѣ семейной жизни скрасить свой досугъ изящнымъ трудомъ, пока ея господинъ воевалъ или бездѣльничалъ.

Въ слѣдующемъ залѣ—ботаника съ обширной дендрологической коллекціей и энтомологія. На стѣнахъ—«картины, представляющія главнѣйшія физіономіи растительности въ вертикальномъ направленіи».

Затѣмъ слѣдуетъ еще шесть небольшихъ залъ съ археологическими коллекціями, древними орнаментами, нумизматикой и разными предметами, найденными при раскопкахъ.

Въ путеводителѣ такъ описывается «маршрутъ» въ эти залы:

«Отъ большой лѣстницы, прямо къ изображенію Ноя, поднимаясь вверхъ по винтовой лѣстницѣ, проходя мимо картины Ноя, посѣтитель входитъ въ отдѣленіе орнаментовъ и древностей, расположенныхъ въ шести отдѣльныхъ комнатахъ».

Я ухожу изъ музея совсѣмъ ошеломленный пестротой кавказскаго калейдоскопа.

Сравнительно съ другими провинціальными городами, тифлисская интеллигенція проявляетъ рѣдкую жизнедѣятельность. И это особенно неожиданно здѣсь, въ кавказской обстановкѣ. Въ Тифлисѣ есть общества сельскаго хозяйства, географическое, техническое, исторіи и археологіи, музыкальное, изящныхъ искусствъ, медицинское. Нѣкоторыя общества, какъ Императорское медицинское, насчитываютъ по нѣсколько сотъ членовъ. Но самое обширное изъ нихъ — это общество возстановленія православнаго христіанства, имѣющее свыше тысячи членовъ и располагающее огромными средствами. Въ нѣкоторые годы поступленія пособій и сборовъ достигаютъ полутораста тысячъ. Суммы эти расходуются на содержаніе миссіонеровъ въ горахъ, постройку церквей и школы для горцевъ.

Въ Тифлисѣ издаются три русскихъ газеты. Но въ то время, какъ одесскія, кіевскія и поволжскія газеты растутъ не по днямъ, конкурируя со столичными, тифлисскія газеты не пользуются особеннымъ успѣхомъ въ мѣстной публикѣ. Кажется, нигдѣ, какъ здѣсь, и краевыя нужды, и обывательская жизнь не даютъ столько животрепещущаго матеріала для газеты. Чего стоитъ одна тифлисская дума, давно затмившая своими бурными дебатами славу французской палаты депутатовъ и англійскаго парламента. А какой интересъ, какую нескончаемую тему для обывательской литературы представляетъ вся эта туземная дикость и некультурность. Однако, въ номерахъ, которые я пробѣгаю, она почти не отражается. Въ одной газетѣ, правда, какой-то обыватель обличаетъ, но... городового. «Когда я подозвалъ его и сказалъ ему, что, благодаря его безпечности, люди чуть не попали подъ экипажи, то онъ съ насмѣшкой мнѣ отвѣтилъ: «Ну, и слава Богу, что не попали, и того довольно». Прошу васъ дать мѣсто моему настоящему заявленію, *свидѣтельствующему* о безпечности означеннаго блюстителя порядка *и общественной безопасности*».

Въ другой читаю о слѣдующемъ обывательскомъ кунстштюкѣ:

«Ради курьеза приводимъ здѣсь письмо, полученное по почтѣ вчера старшимъ торгово-хозяйственнымъ смотрителемъ: «Если ти будышъ оброщатся грубо со свои починеними, то будышъ убитій, какъ собакъ». Для пущаго устрашенія, должно-быть, подъ письмомъ стоитъ подпись: «Онорхистъ».

Счастливый край, гдѣ даже анархисты еще прописываютъ себя чрезъ два *о* и воины носятъ щиты и кольчуги въ вѣкъ разрывныхъ пуль.

Вотъ именно тифлисскій-то «онорхизмъ» и есть та гидра, съ которой должна бы бороться мѣстная печать. Правда, у этой гидры вмѣсто головъ милліонъ кинжаловъ.

Объявленій въ газетахъ много. Между ними особенно бросаются въ глаза розыски убійцъ, разныхъ Сло-Мусафаръ-оглы и Амо-Калаперъ-оглы.

Грузинская и армянская печать относительно процвѣтаютъ. Здѣсь издаются на армянскомъ языкѣ «Мшакъ», «Норъ-Даръ», «Ардзаганкъ», «Ахпюръ» и «Мурчъ», на грузинскомъ — «Иверія», «Меурне»,

«Джеджили», «Цискари», «Дроэба» и друг. Изъ нихъ «Иверія» самая распространенная.

Грузинская литература—одна изъ древнѣйшихъ. Грамота у грузинъ распространилась еще въ V вѣкѣ, а въ XII, при Давидѣ Вовобновителѣ и царицѣ Тамарѣ, грузины отправлялись для образованія въ Аѳины. Это была эпоха расцвѣта литературы, съ писателями Шавтели, Хонели, Тмогвели и Шота Руставели, авторомъ народной поэмы «Барсова Кожа». Затѣмъ наступила полоса упадка, продолжавшаяся шесть вѣковъ. И только въ началѣ нынѣшняго столѣтія грузинская литература возродилась, отрѣшившись отъ восточной поэзіи подъ вліяніемъ европейскихъ писателей. Поэты Ал. Чавчавадзе, князь Орбеліани и Баратовъ пользуются въ Грузіи большой популярностью. Но всѣхъ ихъ затмилъ современный поэтъ князь Илья Чавчавадзе, котораго называютъ грузинскимъ Лермонтовымъ. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній дѣйствительно написаны лермонтовскими красками, другія проникнуты скорбной патріотической ноткой въ некрасовскомъ духѣ.

Князь Чавчавадзе воспитывался въ петербургскомъ университетѣ, въ эпоху Костомарова, Кавелина, Спасовича и друг., былъ затѣмъ на родинѣ мировымъ посредникомъ и судьею, а теперь состоитъ редакторомъ-издателемъ «Иверіи», управляющимъ тифлисскимъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ и предсѣдателемъ общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія.

Я не знаю, насколько грузинская литература проникнута патріотическими тенденціями національной самобытности. Князь Чавчавадзе, одинъ изъ главныхъ ея представителей, скорбитъ о томъ, что его «родина не расцвѣтаетъ», поетъ свои пѣсни народу, «чтобъ плачь его утихъ», молитъ Бога, «чтобъ скорѣй настало пробужденье родного края». Это все темы, которыми обыкновенно вдохновляются народные поэты. Вся дѣятельность автора ихъ, проникнутая общечеловѣческими идеями и единеніемъ съ русскимъ міромъ, служитъ, мнѣ кажется, знаменіемъ болѣе близкаго слiянія грузинъ съ русскими и далека тенденцій сепаратизма, которыя могутъ заподозрить въ его патріотическихъ пѣснях.

Армянская литература такая же древняя. Армянская азбука изобрѣтена въ IV вѣкѣ, одновременно съ распространеніемъ въ Арменіи христіанства. Уже въ V вѣкѣ на армянскомъ языкѣ писались религіозныя и философскія сочиненія. Это время считалось золотой эпохой армянской литературы. Но затѣмъ въ теченіе тринадцати вѣковъ она оставалась односторонней, ограничиваясь религіознымъ и научно-историческимъ направленіемъ. Только въ половинѣ нынѣшняго вѣка народилась, подъ вліяніемъ европейской литературы, группа романистовъ: Абовіанъ, Агаянъ, Прошіанъ и Раффи, да драматургъ Сундукіанцъ. Недавно умершій Григорій Арцруни, редакторъ самой распространенной газеты «Мшакъ», былъ выдающимся публицистомъ съ общечеловѣческими идеалами и замѣчательной личностью. Армяне, конечно, мечтаютъ о возрожденіи Арменіи. Но это—только мечта. Практическая народная жилка, сказавшаяся и въ одно-

сторонней сухости армянской литературы, чуждой фантазіи, и въ тяготѣніи къ торговлѣ, выработала натуру, не особенно проникнутую общественными идеалами и быстро акклиматизирующуюся на всякой почвѣ. Въ семейномъ быту армяне, сравнительно съ другими кавказскими племенами, уже отрѣшаются отъ патріархальности, проникаясь общеевропейскимъ строемъ жизни. Женщина въ высшихъ классахъ сорвала уже съ себя цѣпи востока. Но въ народѣ она еще остается въ прежнемъ положеніи, укутывается по выходѣ замужъ, не имѣетъ права говорить съ мужемъ до рожденья перваго ребенка, а объясняется только пантомимой. Очень интересна эта супружеская пантомима. Надо только представить себѣ положеніе бездѣтныхъ или тѣхъ матерей, которыя вынуждены, вслѣдствіе опозданія первенца, продолжать разыгрывать нѣсколько лѣтъ роль «Нѣмой изъ Портичи».

Вечеромъ отправляюсь въ бани. Онѣ всѣ въ азіатской части города, у сѣверныхъ источниковъ. Въ сумеркахъ какія-то женщины, закрытыя покрываломъ, таинственно пробираются Армянскимъ базаромъ, должно-быть въ бани или церковь. Совсѣмъ будто привидѣнья. Голова и шея укутаны, нижняя часть лица завѣшена сѣрымъ кускомъ сукна; только большие черные, точно испуганные, глаза видны, да и то не у всѣхъ: у нѣкоторыхъ они прикрыты черной вуалью. Настоящій маскарадъ. Такъ и ждешь, что откуда-нибудь изъ-за угла выскочитъ фракъ и, подавъ руку калачикомъ, скажетъ стереотипную фразу: «маска, пойдемъ ужинать».

Восточные человѣки или разступаются, или дѣлаютъ видъ, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. А онѣ все торопливо идутъ и кутаются, точно боясь, что ихъ осквернятъ любопытные взгляды.

Бани тѣснятся у подножія крѣпостного холма, подлѣ маленькой мечети. Онѣ большей частью построены въ мавританскомъ стилѣ, съ легкими колонками, узкими стрѣльчатыми окнами и узорчатыми арками. Здѣсь и Ираклієвскія бани, и Мизроева, и князей Орбеліани, Бебутовыхъ и Сумбатовыхъ.

Лучшими считаются Ираклієвскія.

Въ длинномъ съ мраморнымъ поломъ корридорѣ двери въ номера. Какія-то женщины въ бѣлыхъ покрывалахъ сидятъ на скамьѣ въ ожиданіи. Однако, нѣкоторыя изъ нихъ бросаютъ въ щелочки довольно смѣлые взгляды. Вхожу въ номеръ. Потолокъ—куполомъ, съ круглымъ окошечкомъ вверху. Полъ въ мраморной мозаикѣ, стѣны выложены изразцами съ нѣжно-голубыми арабесками. Въ банѣ обстановка совсѣмъ какого-то сераля. Стѣны тоже въ изразцахъ, съ пестрыми и тонкими восточными арабесками, куполъ въ нѣжныхъ цвѣтныхъ узорахъ, полъ въ мелкой шахматной мозаикѣ, лавки мраморныя. Цвѣтной фонарь льетъ мягкій полусвѣтъ. Въ полу небольшой бассейнъ, выложенный бѣлымъ мраморомъ. Надъ нимъ урна. Въ нее изъ пасти льва льется широкой струей вода и стекаетъ въ бассейнъ. Чувствуется тяжелый запахъ сѣры. «Торщикъ», вылитый портретъ петровскаго, открываетъ кранъ съ теплымъ паромъ. Воздухъ согрѣ-

вается, становится влажнымъ. Но все-таки не то, что русская баня. Что-то разнѣживаетъ и вызываетъ истому.

«Торщикъ» моетъ по системѣ петровскаго артиста.

Возвращаюсь. Азіатскій базаръ будто замеръ. Узкіе темные переулки совсѣмъ безмолвны, полны тѣни и тайны. Удушливый, знойный воздухъ насыщенъ міазмами. Въ углахъ, въ темныхъ сводахъ переулковъ копошатся какіе-то силуэты и стаи собакъ. Контуры тѣней разрастаются, принимая загадочныя формы. Изрѣдка, въ полосѣ свѣта, выступитъ носатый профиль какого-нибудь азіата въ чалмѣ или бараньей шапкѣ.

Отовсюду вѣетъ чуждой атмосферой глубокаго востока.

Глава XXVI.

Выѣздъ изъ Тифлиса.—На вокзалѣ.—Грузинская княгиня и тифлисскій «Плевако».— Грузинское дворянство — Кавказскій университетъ.— Уплисъ-цихе.—Гори.— Михайлово.— Катастрофа.— Мимо Боржома.—Въ волшебной долинѣ Ріона.—Сурамскій перевалъ и тунель.—Колхидскій рай.—На станціи Ріонъ.—Кавказскій костюмированный балъ.—Пріѣздъ въ Батумъ.

1-е сентября.

Подаютъ счетъ. Сюрпризъ: хозяинъ гостиницы—Вольфензонъ. Я вспоминаю гоголевскую «Коляску».—«А, такъ вы здѣсь»?..

Въ Тифлисѣ евреи совсѣмъ незамѣтны, несмотря на то, что ихъ тутъ довольно, если судить по нѣсколькимъ синагогамъ. Они совершенно сливаются и по языку, и по костюму, и по восточному типу съ армянами, какъ настоящее серебро съ издѣліями Фраже или Норблина. А мнѣ казалось, что содержатель гостиницы непремѣнно армянинъ: въ меню, написанномъ на французско-кавказскомъ волапюкѣ, среди «жиго де валяй» и «пулэ сось аляндэсъ» изобиловали шашлыки, «бадриджаны» и «разныя «чехохбили».

Кормятъ здѣсь скверно, хотя и не дорого. Лучшіе рестораны въ гостиницахъ Лондонъ и Кавказъ. Въ послѣдней—хорошая французская кухня и за буфетной стойкой стрекочутъ француженки, разливая «водка рюсь». Отъ нихъ я узналъ, что Дю-Фаръ проѣхалъ дальше.

Съ Лужановымъ разстаюсь.

Онъ будетъ въ Батумѣ третьяго. По морю поѣдемъ въ компаніи.

Запасаюсь фруктами. Дешевизна для сѣверянъ совсѣмъ невѣроятная и непонятная. Я ужъ не говорю про великолѣпный, крупный виноградъ и груши, въ которыхъ только сокъ да нѣжный кремъ, но идеальные «невиннаго» цвѣта персики, величиной съ яблоко, такіе, какіе въ Петербургѣ продаются по рублю штука, здѣсь гривенникъ фунтъ. Это во фруктовомъ магазинѣ. А на базарѣ я видалъ вчера цѣлый возъ такихъ же персиковъ, и пудъ ихъ (120 штукъ) продавался по восьми гривенъ. Маленькая задача: если въ

Тифлисѣ купить тысячу пудовъ персиковъ, а продать ихъ въ Петербургѣ, сколько можно заработать? Тема для спасительныхъ проектовъ.

Вѣтеръ. Надъ Тифлисомъ облака пыли. Въ ушахъ и во рту песокъ. Дома, экипажи, кони, лица—все сѣро отъ пыли.

Толпа зѣвакъ запрудила мостъ. Сорвались плоты. Кура со страшной быстротой мчитъ ихъ на мельницы и купальни. Голые туземцы бросаются вплавь, пытаясь схватить канаты; но поздно. Раздается одинъ залпъ, другой, трескъ, купальни разбиваются. А съ сѣвера мчатся по бурой рѣкѣ другіе плоты.

Вокзалъ переноситъ немножко въ Кишиневъ, немножко въ Кіевъ или Нижній. Такъ и кажется, что раздастся—«первый звонокъ на Москву или на Одессу». Желѣзнодорожная архитектура удивительно шаблонна: она не признаетъ ни климата, ни гармоніи зданія съ декораціей природы, ни обстановочнаго колорита... Начнутъ строить тысячеверстную линію съ сѣвера, такъ и на южномъ концѣ, при сорокоградусной жарѣ, воздвигнутъ закупоренную грузную коробку; начнутъ строить съ юга, такъ и на сѣверѣ окажется зданіе съ мавританской тѣнью и мавританской прохладой.

У перона короткій поѣздъ съ маленькими вагонами; всего по три окна въ вагонѣ. Это дачный поѣздъ на Боржомъ, благодаря чему съ меня берутъ за билетъ до Михайлова вмѣсто четырехъ лишь два рубля. Движеніе по боржомской вѣтви открылось только вчера.

У вагона третьяго класса стоитъ пожилая маленькая грузинка съ большой головой, которая кажется еще больше отъ малиновой шапочки тавсакрави и чернаго клобука. Крупныя черты, большіе черные глаза и тонкія сжатыя губы полны строгости; на неподвижномъ, будто вырубленномъ изъ камня лицѣ читается нравственная сила и привычка женщины востока подавлять свои страсти.

Съ ней бесѣдуетъ щегольски одѣтый брюнетъ адвокатскаго типа, въ пенснэ и цилиндрѣ. Должно-быть, какой-нибудь тифлисскій Плевако.

— Просю васъ, просю васъ,—говоритъ грузинка, и голосъ ея неожиданно оказывается мягкимъ, ласковымъ и нервно вибрирующимъ, тогда какъ лицо продолжаетъ оставаться неподвижнымъ.— Ай! Ви сибэ передставить ни можно, какъ я ни спакоюся. Сѣ давай, сѣ давай. Много дэнги, мала дэла.

Господинъ «Плевако» какъ-то сжится, переминается, изгибается, сладенько улыбается и говоритъ поспѣшно, предупредительно, тономъ человѣка, желающаго оборвать непріятный разговоръ:

— Что-жъ дѣлать, княгиня! Конечно, конечно, какъ же—какъ же, да—да, я самъ понимаю это. Но въ Россіи безъ этого невозможно. Не безпокойтесь, княгиня.

Вѣроятно, рѣчь идетъ о какомъ-нибудь нескончаемомъ земельномъ процессѣ. Княгиня смотритъ на него строго. Онъ, видимо, чувствуетъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ и вдругъ начинаетъ говорить что-то по-армянски конфиденціальнымъ тономъ.

Звонокъ. Княгиня садится въ вагонъ третьяго класса. «Плевако» изъ армянскаго ряда галантно поддерживаетъ ее. Она высовывается въ окно, онъ подходитъ, она опять твердитъ свое «прошу васъ», онъ свое «какъ же, какъ же, не безпокойтесь», а въ глазахъ такъ и бѣгаетъ мысль, какъ бы скорѣе третій звонокъ.

Ѣдемъ. Голыя, то рыжія, то бурыя скалистыя громады смѣняются холмами, за которыми опять выростаютъ горы.

Минуемъ Авчалы и Мцхетъ, показывается какое-то село съ домиками, высѣченными въ скалѣ, тамъ и сямъ на горахъ и въ долинахъ разбросаны развалины замковъ.

Эти угрюмыя развалины феодальной эпохи, эта княгиня въ третьемъ классѣ, эта безжизненная долина, по которой носятся бурыя тучи пыли, эта пыль, въ которой вмѣстѣ съ прахомъ Грузіи летятъ пески все надвигающихся мертвыхъ степей, когда-то цвѣтущихъ житницъ Кавказа, а теперь пустынь,—навѣваютъ невольную тоску.

Въ одной Тифлисской губерніи насчитывается шестнадцать тысячъ потомственныхъ дворянъ, а въ Кутаисской—ихъ до семидесяти тысячъ. Вспоминаю жалобы саратовской дамы. Тамъ всего четыре дворянина на уѣздъ. Въ Кутаисской—десять тысячъ на уѣздъ. Выходитъ, что кутаисскіе дворяне такъ же цѣнились бы въ Саратовской губерніи, какъ... тифлисскіе персики въ Петербургѣ.

Надо думать—этотъ переизбытокъ дворянъ и послужилъ, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, главной причиной разложенія и упадка Грузіи. Соціальный строй проченъ, пока онъ стоитъ въ видѣ пирамиды, иначе нижніе слои не выдерживаютъ тяжести и весь организмъ распадается. Здѣсь рабство дошло до апогея. Здѣсь не только господа имѣли рабовъ, но и у рабовъ въ свою очередь были рабы.

Повторилась съ нѣкоторыми варьяціями исторія Рѣчи Посполитой, гдѣ всѣ почти были панами, а кто паномъ не могъ быть, тотъ хоть въ «пидпанки» лѣзъ, гдѣ государственное единство было немыслимо вслѣдствіе крайней индивидуализаціи личности, гдѣ каждый шляхетскій пупъ, ничего не дѣлая, только и былъ занятъ своей амбиціей и ясновельможностью.

Въ вагонѣ—военный докторъ съ семьей и еще два-три курсовыхъ, ѣдущихъ въ Боржомъ. Докторъ и его жена когда-то жили въ Минскѣ. Начинаются воспоминанія и разспросы. Они уже лѣтъ пятнадцать на Кавказѣ. На меня смотрятъ, какъ на какого-нибудь обитателя Марса. Идутъ параллели между сѣверомъ и югомъ. Они срослись съ Кавказомъ настолько, что никакъ не могутъ собраться на сѣверъ, чтобы родныхъ провѣдать.

— Да и что тамъ! — говоритъ докторъ. — У насъ вонъ какой рай.—Онъ показываетъ на здороваго мальчика и дѣвочку, которые успѣли уже до половины опустошить корзины съ персиками и виноградомъ.—Плохо вотъ только, что туго какъ-то подвигается у насъ русское дѣло и русскихъ совсѣмъ мало. Повѣрите ли, встрѣтишь новаго своего человѣка—и на душѣ какъ-то свѣжѣе. Глушь, совсѣмъ чувствуешь себя оторваннымъ ломтемъ. И потомъ—мучаетъ еще и то, что край-то здѣсь такой богатый, что всего-то въ немъ въ обиліи, а мы-то вотъ все медлимъ и собираемся. Намъ нужны интеллигентныя силы для разработки всѣхъ этихъ сокровищъ, и не капля какая-нибудь, командированная изъ департамента для разныхъ свѣдѣній и изслѣдованій, а цѣлая интеллигентная армія, которая могла бы здѣсь постоянно работать. Поговаривали было объ университетѣ, да такъ на томъ дѣло и стало. А Кавказу нуженъ, необходимъ университетъ. Это сразу двинетъ и русское дѣло, подыметъ и интеллигентный уровень края. Тогда черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ посмотрите, что мы сдѣлаемъ. Наносная интеллигенція, чиновники и разные случайные слетки, вѣдь это все приходитъ и уходитъ, а ядро-то остается безъ измѣненія, культурная шлифовка идетъ только съ внѣшней стороны. Конечно, многіе кавказцы ѣдутъ въ наши университеты, потомъ заносятъ оттуда кое-что и домой, но все это затѣмъ сглаживается здѣсь, такъ какъ окружающая среда чужда этихъ хорошихъ началъ, такъ какъ нѣтъ на мѣстѣ такого культурнаго рычага, который могъ бы постоянно поддерживать интеллигентный уровень университетскихъ центровъ. А разработка нашихъ природныхъ богатствъ на мѣстѣ и мѣстными силами, мѣстными учеными? Чего ужъ одно это стоитъ. Пока—Кавказъ обходится очень дорого и очень мало даетъ намъ. И такъ будетъ, пока мы не поставимъ раціонально эксплуатацію его. Вотъ вы путешествуете здѣсь... А скажите, много ли вы встрѣчали на Кавказѣ русскихъ интеллигентныхъ людей, кромѣ чиновниковъ, конечно, да военныхъ? Такихъ интеллигентныхъ людей, которые вращались бы въ самомъ ядрѣ населенія, вносили бы именно туда начала слiянія, единенія и повысили общественную инициативу?

На станціи Каспи опять пристаетъ дѣтвора туземцевъ, выкрикивая свои абасы. На платформѣ какое-то шествіе фруктовъ. Чудные персики, яблоки, груши, виноградъ — въ корзиночкахъ, гирляндами, цѣлыми вѣтками.

За Грахалами надъ лѣвымъ берегомъ Куры выступаетъ высокій желтый утесъ. У подножія его лѣпится деревушка. Въ утесѣ зіяютъ отверстія. Это—ворота въ городъ, высѣченный въ самой скалѣ, городъ съ цѣлыми улицами, лавками, комнатами, каменными лѣстницами и скамьями, подземными ходами къ рѣкѣ. Египетскій трудъ кавказскихъ троглодитовъ. Въ древности здѣсь была крѣпость Уплисъ-цихе.

Вдали, на равнинѣ выростаетъ темный холмъ. Онъ кажется островомъ на фонѣ бурой степи. На вершинѣ его громадная, круглая, точно бочка, черная масса полуразрушенной крѣпости съ бастіонами. Она очень напоминаетъ корпусъ римскаго замка Сантъ-Анджело. Вокругъ нея по холму амфитеатромъ тѣснятся кубики небольшого азіатскаго городка. Это—Гори. Видъ безжизненный; ни зелени, ни красокъ.

Докторъ прощается со мной.

— Будете въ Гори—милости просимъ.

Опять справа надвигается гряда высокихъ горъ со сверкающими снѣговыми вершинами; слѣва выступаетъ цѣпь Малаго Кавказа, покрытая дремучими лѣсами. Облака снова плывутъ низко, висятъ на деревьяхъ, иногда будто сливаются съ дымомъ паровоза. Не знаешь, облако ли пронеслось, бросая густую тѣнь, или дымъ паровоза застылъ вдругъ надъ лѣсомъ.

Вечеромъ поѣздъ влетаетъ въ живописное боржомское ущелье, залитое золотымъ сіяніемъ заката. Горы до неба задрапированы волнистымъ темнозеленымъ бархатомъ лѣсовъ. Тамъ и сямъ на немъ выступаютъ пурпурными пятнами зарумяненные листья кустарниковъ и винограда.

За большимъ вокзаломъ съ крытымъ перрономъ раскинулось въ долинѣ мѣстечко Михайлово. Вдали, въ глубинѣ ущелья, виденъ Боржомъ, «перлъ Кавказа». У подножія горъ кое-гдѣ выглядываютъ грузинскія села. Природа дышитъ необыкновеннымъ покоемъ. Остроконечныя вершины съ зубчатой линіей лѣсовъ величаво выступаютъ въ ореолѣ заката.

Сумерки наползаютъ сразу. Становится свѣжо. Мы на высотѣ трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, или на самой верхушкѣ Машука. Пять часовъ тому назадъ въ Тифлисѣ было сорокъ градусовъ, а здѣсь въ восемь часовъ вечера—всего одиннадцать градусовъ тепла.

На вокзалѣ какое-то волненіе. Служащіе и кондуктора тревожно бѣгаютъ. Говорятъ объ отправкѣ паровоза, о телеграммѣ, о несчастіи. Поѣздъ на Боржомъ долженъ отойти черезъ часъ; но кондукторъ сообщаетъ мнѣ, что врядъ ли отойдетъ и чрезъ три часа. Оказывается, гдѣ-то подъ Боржомомъ паровозъ зарылся въ насыпь. А сейчасъ отправился другой очередной поѣздъ съ пассажирами. Несчастій съ людьми, говорятъ, не было; но кто ихъ разберетъ. Курсовые нанимаютъ экипажи. Отсюда до Боржома двадцать семь верстъ. Обыкновенно фаэтонъ стоитъ рублей шесть, а теперь спрашиваютъ двѣнадцать. Рѣшаю ждать, пока исправятъ путь. Начальникъ станціи объявляетъ, что поѣздъ пойдетъ только утромъ: ночью не успѣютъ очистить путь.

Около одиннадцати возвращается поѣздъ съ пассажирами, не доѣхавшими до Боржома. Курсовые взволнованной толпой вплываютъ въ залъ. Ихъ продержали шесть часовъ въ пути на мѣстѣ катастрофы и теперь вернули обратно. Всѣ набрасываются съ жадностью—кто на чай, кто на ужинъ. Толкотня, стукъ посуды, возбужденіе; разговоры на тему о катастрофѣ. Въ нервныхъ голосахъ дрожитъ радостная нотка, какая слышится у людей, миновавшихъ опасность. Вся публика имѣетъ курсовой, фешенебельный и, пожалуй, даже столичный видъ. Нѣсколько военныхъ генераловъ, нѣсколько статскихъ; угадывается присутствіе важныхъ міра сего, чувствуется напряженность и подтянутость маленькихъ. Какой-то коротенькій инженеръ, державшій себя раньше такъ важно, теперь бѣгаетъ все пѣтушкомъ, а ля Бобчинскій, то и дѣло юлитъ подлѣ маленькаго дрожащаго старичка съ пальто на зеленой подкладкѣ и говоритъ сладко-заискивающе:

— Если ваше высопр—ство изволите, можно несрочный поѣздъ № 5 пустить очереднымъ.

Въ дамскомъ обществѣ тоже замѣтно что-то такое «дистэнгэ» большого свѣта. И, надо думать, вся эта компанія порядочно проголодалась, если можетъ истреблять съ такимъ аппетитомъ въ одиннадцать часовъ почти скверный борщъ (многіе не обѣдали) и скверныя подогрѣтыя котлеты («провизія вышла-съ»).

Эта столичная публика, съ ея аристократическимъ видомъ и французской рѣчью, кажется рѣжущимъ диссонансомъ въ трактирной обстановкѣ вокзала, на фонѣ дѣвственной кавказской природы, кавказскихъ типовъ, служащихъ на станціи и кондукторовъ, смуглыхъ, чернобородыхъ армянъ и грузинъ, говорящихъ на ломанномъ русскомъ языкѣ съ пассажирами и по-грузински или армянски между собой. *Ка* передѣлывается въ *кха*, *и*—въ *еры*. Служащіе здѣсь, отъ начальниковъ станцій до смазчиковъ и стрѣлочниковъ, армяне или грузины. На платформѣ собралась группа желѣзнодорожныхъ, и всѣ они говорятъ по-армянски. Передъ вокзаломъ маневрируетъ паровозъ, и машинистъ перекликается со стрѣлочникомъ тоже по-армянски.

Подлѣ станціи гостиница. Отправляюсь туда на ночлегъ. Маленькій номеръ, еще не оштукатуренный, совсѣмъ безъ мебели; только расшатанная, съ провалившимся тюфякомъ, койка и стулъ. Хозяинъ грузинъ, однако, съ необыкновеннымъ апломбомъ заявляетъ, что цѣна этого номера «рупъ тризитъ пять».

2-е сентября.

Утро. Надъ мѣстечкомъ синяя пелена тумана сливается съ дымомъ. Кое-гдѣ въ ущельяхъ дымятся облака. Требую счетъ. «Номерной», тоже грузинъ, какой-то оборванецъ въ ватной кофточкѣ, подранныхъ на колѣняхъ штанахъ и босой, приноситъ сдачу на блюдечкѣ, затѣмъ кланяется, отходитъ къ дверямъ и становится въ позу почтительнаго ожиданія.

Прогуливаюсь по мѣстечку. Оно совсѣмъ похоже на херсонское или бессарабское. Есть буфетъ и «садъ съ нумерами», есть фонари. На одномъ изъ нихъ—афиша, извѣщающая обывателей, что «оперный артистъ Дартили (грузинскій «итальянецъ») дастъ проѣздомъ концертъ съ *военно*-грузинскимъ хоромъ».

Вчерашняя катастрофа разрушила мой планъ: времени мало, не придется заглянуть ни въ Боржомъ, ни въ Абастуманъ. Беру билетъ до Батума.

Поѣздъ отходитъ въ полдень. По зеленой долинѣ быстро мчится Кура, вырываясь изъ синяго ущелья, въ глубинѣ котораго бѣлѣетъ Боржомъ. Высокая лѣсистая гора вырастаетъ слѣва отъ полотна и заслоняетъ эту картину. Дальше — горы и горы, покрытыя сплошными лѣсами, да изумрудный коверъ, по которому мчится поѣздъ. У опушки лѣсовъ то и дѣло показываются деревушки. Мѣстность здѣсь населенная. Поѣздъ вползаетъ все выше по ребру горы, бѣжитъ надъ зеленой пропастью, изгибается въ узкомъ ущельѣ, покрытомъ скалами и лѣсами. Я не могу оторваться отъ бинокля.

Каждый уголокъ—дивный пейзажъ; и такіе пейзажи разворачиваются и убѣгаютъ безконечной панорамой. Ярко-синее небо надъ нами, море зелени вокругъ и бездна зелени подъ нами; она сползаетъ до самаго дна пропасти, по которой стремится горный потокъ. Я теперь не знаю, что лучше, живописнѣе: фантастическая военно-грузинская дорога или эта сказочно-волшебная долина. Тамъ природа величественнѣй, здѣсь — нѣжнѣй и наряднѣй; но и тамъ, и здѣсь она одинаково художественна, одинаково неотразимо чаруетъ. Иногда поѣздъ подымается на такую высоту, мчится по узкому, змѣящемуся пути надъ такой пропастью, что духъ захватываетъ. Впереди виденъ конецъ насыпи, а за нимъ синяя бездна. Поѣздъ несется къ ней. Сердце невольно замираетъ. Кажется — вотъ-вотъ полетишь въ бездну. Но вдругъ надъ самой стремниной онъ круто поворачиваетъ направо. Паровозъ исчезаетъ за скалой, ее медленно огибаетъ хвостъ поѣзда надъ краемъ пропасти, которая видна до самаго дна. За поворотомъ паровозъ въѣзжаетъ на мостъ, перекинутый надъ бездной, и выбирается на новую гору, потомъ поворачиваетъ опять къ пропасти и по краю ея огибаетъ другую гору, дальше — снова онъ мчится надъ пропастью, снова впереди открывается синяя бездна, снова кажется, что онъ полетитъ туда. Панорама чудныхъ видовъ мелькаетъ съ ослѣпляющей быстротой; точно перелистываются страницы какого-то гигантскаго художественнаго альбома. Не успѣваешь очнуться отъ одного впечатлѣнія, притти въ себя отъ одного ощущенія, какъ на смѣну въ яркомъ потокѣ лучей хлынула новая картина, еще живописнѣй, еще оригинальнѣй и заманчивѣй. Глаза разбѣгаются, зрѣніе утомлено отъ этой массы ландшафтовъ и яркихъ, сочныхъ красокъ.

Между станціями Варварино и Ципа—знаменитый Сурамскій перевалъ и тунель. Поѣздъ ползетъ медленно, безконечными зигзагами огибая гору, по которой раньше, на высотѣ трехъ тысячъ футовъ, проходилъ Сурамскій перевалъ. Теперь устроена обходная линія и сквозь гигантскій горный кряжъ, вздымающійся вдоль всей границы Тифлисской и Кутаисской губерній, прорытъ четырехверстный тунель. Этотъ тунель, одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій нашего вѣка, обошелся около пяти съ половиной милліоновъ рублей. Матеріалъ, употребленный на постройку его, и грунтъ, вывезенный изъ тунеля, вѣсили свыше восьмидесяти милліоновъ пудовъ. Надо вообразить всю массу этого труда, чтобы понять коллективную мощь человѣчества и смѣлость его генія.

Вдоль края пропасти подъѣзжаемъ къ тунелю. Здѣсь—Карталинія, Тифлисская губернія, а по ту сторону — Имеретія, Кутаисская губернія.

Второй часъ дня. Солнце свѣтитъ необыкновенно ярко. Кондукторъ входитъ въ вагонъ и зажигаетъ въ фонаряхъ свѣчи. Впереди, заграждая путь, вырастаетъ отвѣсная скала, покрытая вверху лѣсомъ. Въ стѣнѣ чернѣетъ арка тунеля, на ней лаконическая надпись: 1886—1890 годъ. Этотъ гигантскій трудъ выполненъ въ четыре года. Поѣздъ врывается въ подземелье, стуча на скрѣпахъ рельсъ.

Этому стальному стуку вторитъ глухое эхо каменныхъ сводовъ, обшитыхъ желѣзной рѣшеткой. Вдругъ становится темно; темнота все усиливается; это не темнота глубокой ночи, когда человѣкъ все-таки ощущаетъ пространство и воздухъ, это—полный, безнадежный, мертвый мракъ могилы, мракъ безъ воздуха, мракъ въ каменномъ гробу. Свѣчи еле мерцаютъ, не разгораются, пламя блѣдно-желтое; въ окна врывается густой нефтяной дымъ. Пассажировъ съ трудомъ можно разглядѣть. Лица точно у покойниковъ. Что-то гнететъ. Становится и душно, и жутко. Все существо охвачено инстинктивной тревогой. Невольно пробѣгаетъ вопросъ: а что, если такъ и не выберемся отсюда? Несмотря на всю его нелѣпость, онъ мучаетъ, мучаетъ безотчетно. Каково же было тѣмъ, которые, не будучи ни каторжниками, ни злодѣями, четыре года копались въ этой могилѣ, чтобы провести для другихъ путь?

Смотрю на часы. Проходитъ минута. Пассажиры молчатъ. Мракъ становится еще безнадежнѣй. Проходитъ другая минута, третья, четвертая, наконецъ пятая. Все тотъ же мракъ. И такъ цѣлыхъ восемь минутъ...

Вдругъ сразу мелькнула и расплылась по своду сѣрая, болѣзненная, дрожащая полоса свѣта. Поѣздъ будто побѣжалъ бодрѣй. Еще мгновенье — и онъ вылетаетъ отъ смерти къ жизни, изъ могилы къ свѣту. Этотъ свѣтъ ослѣпляетъ. Онъ хлынулъ сразу жизнерадостнымъ потокомъ, обдавъ дыханіемъ жизни. Вздохъ облегченія вылетаетъ изъ груди. Волшебный міръ, окружающій насъ, кажется еще прекраснѣй, краски еще ярче. Мгновенье—и мы опять несемся прямо въ какую-то пропасть. Кажется, одинъ толчекъ—и мы полетимъ въ нее. Голова кружится. Черезъ пять минутъ показывается новый тунель, высѣченный въ скалѣ, но короткій, за нимъ начинается большой уклонъ зигзагами и тоже надъ бездной, и тоже по самому ея краю. Всѣ пассажиры у оконъ.

Скатъ настолько великъ, что кажется, будто змѣйка полотна ползетъ въ пропасть. Кондуктора у тормазовъ.

Обманчивое эхо горъ и ущелій подхватываетъ безпрерывные свистки, повторяетъ и переливаетъ ихъ, точно подразнивая. Голова поѣзда каждую минуту видна то съ одной, то съ другой стороны, хвостъ изгибается дугой.

Справа отъ насъ—отвѣсная, излучистая каменная стѣна, слѣва—пропасть; дно—сказочно-живописная долина Ріона; горы въ яркомъ, нарядномъ уборѣ лѣсовъ; изъ нихъ выступаютъ сѣдыя глыбы утесовъ. Нѣкоторые висятъ надъ полотномъ, грозя ему. Впереди вырастаетъ на пути скала. Въ ней небольшое отверстіе, какъ разъ столько, сколько нужно, чтобы поѣздъ прошелъ. Онъ пробѣгаетъ сквозь нее, и мы сразу на изогнутомъ дугой мосту со стрѣльчатыми арками.

Не успѣваю записать эти строки, какъ слѣва опять развернулось ущелье, надъ нимъ выдвинулась колоссальная пузатая скала и на ней—огромная гора.

Свистокъ, поворотъ, поѣздъ опять перескочилъ по мосту на но-

вую гору; пропасть уже справа. Подходимъ къ станціи. Я недоумѣваю, гдѣ она можетъ пріютиться въ этихъ отвѣсныхъ горахъ, надъ этими пропастями. Гляжу — маленькій вокзалъ приросъ спиной къ горѣ, будто пятясь отъ края бездны, которая раскрывается передъ нимъ у крошечной площадки.

Дальше—новыя картины...

На верхушкѣ скалистаго уступа, изъ зеленаго кустарника выглядываетъ небольшой бѣлый крестъ... Кому онъ поставленъ, какому герою и борцу, проложившему вмѣстѣ съ тысячами другихъ этотъ смѣлый, чудный путь культуры для своихъ братьевъ?

Вспоминается некрасовская «Желѣзная дорога».

«Все претерпѣли мы, Божіи ратники,
Мирныя дѣти труда» ..

И здѣсь, какъ на военно-грузинской дорогѣ, что-то вызываетъ духовный подъемъ, вдохновляетъ на подвигъ, наполняетъ душу и любовью къ человѣчеству, и гордостью при мысли объ этой культурной побѣдѣ.

За Марелисами опять тунель; ущелье становится все тѣснѣй и тѣснѣй, поѣздъ проходитъ подъ каменной аркой, проползаетъ подъ скалой; впереди загромождаетъ путь высокая глыба, ущелье еще уже, горы сливаются съ небомъ, скалы висятъ надъ нами, заслоняя его. Невольно спрашиваешь себя, какъ проберемся дальше. Вдругъ справа показывается узкая трещина, поѣздъ змѣей вползаетъ въ нее, потомъ шумитъ въ желѣзной клѣткѣ моста, надъ зеленой горной рѣчкой Чирибеллой. Зигзаги продолжаются; снова стукъ моста; надъ нимъ на утесѣ развалины крѣпости или замка («Тамара»). Промелькнулъ мостъ—дорога опять высѣчена въ скалѣ съ гигантской колоннадой, потомъ въ ней показываются закопченныя пещеры. Въ нихъ жгутъ уголь. Ниже, подъ нами, возводятъ вдоль насыпи каменную стѣну; русскіе въ красныхъ рубахахъ и имеретины въ бараньихъ шапкахъ работаютъ вмѣстѣ. Опять тѣснины и тунель, опять скалы, слѣва въ колоннадѣ, а справа въ граненыхъ глыбахъ.

На полустанціи Шарапань горы изрѣзаны пластами и террасами; подлѣ вокзала бараки рабочихъ. Вокругъ—груды черной марганцовой руды. Въ ущельи проведенъ узкоколейный путь. Маленькіе паровозики тащатъ цѣпь вагонетокъ, нагруженныхъ рудой. Ежегодно въ окрестностяхъ добывается свыше пяти милліоновъ пудовъ марганца.

Минуемъ Квирилы. Горизонтъ становится шире, горы раздвигаются, но панорама живописной Колхиды все такъ же дивно хороша, природа такъ же дѣвственна, какъ, вѣроятно, и во времена Аргонавтовъ. Лѣса и лѣса безъ конца. Надъ темнымъ, острымъ ребромъ гряды, въ синей дали выступаетъ снѣговая вершина Тквибульской горы. Она въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, но кажется совсѣмъ близко. Тамъ тквибульскія каменноугольныя копи.

Маленькіе вокзалы точно тонутъ на днѣ зеленой корзины лѣсовъ. Подлѣ нихъ садики. Надъ палисадникомъ гроздья винограда, согнувшіяся подъ тяжестью плодовъ вѣтки съ румяными персиками, гранаты, миндаль, лапчатые темные листья фиговаго дерева (смоковницы) съ багровымъ «инжиромъ» (винными ягодами).

И на каждой станціи обиліе плодовъ и ягодъ всѣхъ поясовъ и сезоновъ. Отъ черномазой, полунагой дѣтворы туземцевъ отбою нѣтъ.

— Би шауръ, сами шауръ! — кричатъ они, предлагая огромные гроздья винограда, связанные гирляндой, корзиночки съ лѣсными и волошскими орѣхами, очищенными отъ скорлупы, жареными каштанами, винными ягодами, персиками, грушами, яблоками, ежевикой и малиной. Все это—въ сентябрѣ. Совсѣмъ обѣтованная земля. Ученые, считающіе Кавказъ колыбелью человѣчества, можетъ-быть и правы. Трудно придумать другой такой рай.

Подходимъ къ станціи Ріонъ. На перонѣ густая пестрая толпа. Отсюда путь развѣтвляется на Кутаисъ. Слышатся десятки разныхъ нарѣчій. Мнѣ кажется, будто я попалъ на костюмированный балъ или въ какую-то кавказскую Испанію. Тутъ полный ассортиментъ кавказскихъ костюмовъ. Кромѣ черкесокъ, папахъ, красныхъ фесокъ, синихъ куртокъ, маленькихъ черныхъ шапочекъ и ермолокъ, здѣсь цѣлая коллекція новыхъ нарядовъ. Группа абхазцевъ въ черкескахъ съ газырями и черныхъ, надѣтыхъ на голову, капюшонахъ совсѣмъ похожа на маскарадныхъ капуциновъ. Недостаетъ только масокъ. Гурійцы въ шапочкахъ съ кисточками и красныхъ вышитыхъ пестрыми узорами курткахъ, перевязанныхъ широкими шелковыми поясами, ни дать ни взять — тореадоры. Нѣкоторые поверхъ этого костюма носятъ легкія черкески съ башлыками; башлыки надѣты на голову, какъ у абхазцевъ. У мингрельцевъ-бородачей на роскошной шевелюрѣ узорчатыя «папаники», какіе-то лоскутки въ видѣ мотыльковъ, прикрывающіе только темя; они привязаны тесемкой, стянутой у подбородка. Въ третій классъ лѣзетъ носатый, съ ястребинымъ бронзовымъ лицомъ, курдъ въ черной буркѣ и чалмѣ. Тутъ же нѣсколько татаръ и грековъ, нѣсколько евреевъ въ черкескахъ и опять имеретины и грузины въ національныхъ костюмахъ, армяне и турки. Среди нихъ съ какимъ-то затеряннымъ видомъ толкается русскій солдатъ въ бѣлой блузѣ и фуражкѣ. Куда ни оглянешься—вездѣ типы и типы, кинжалы и кинжалы,—кинжалы на поясахъ, кинжалы и молніи во мрачныхъ взглядахъ. Знойный воздухъ будто наэлектризованъ. Въ толпѣ чувствуется нервный токъ и какое-то напряженіе. Въ черныхъ глазахъ то и дѣло вспыхиваетъ, словно зарница, огонекъ. Обѣдаю въ этой костюмированной компаніи, чувствуя себя нѣсколько въ роли благороднаго иностранца. Съ лакеемъ-грузиномъ едва могу столковаться.

За Самтреди переѣзжаемъ Ріонъ. Вечерѣетъ. Надвигаются тѣни. Силуэты ближнихъ горъ темнѣютъ, отдаленные таютъ въ голубомъ туманѣ. Они становятся все меньше, разбѣгаются волнистой грядой все дальше.

Въ одной половинѣ микста, кромѣ меня, только какая-то молодая больная армянка. Она все время мечется въ бреду, стонетъ и бормочетъ что-то на непонятномъ языкѣ. Въ другой половинѣ офицеръ и туземецъ въ красной фескѣ. Они разговариваютъ «на иностранномъ», по-грузински или армянски. Русской рѣчи почти не слышно.

Темно. Надъ горами изъ голубого тумана выплываетъ оранжевая луна.

Полное одиночество, глубокое одиночество, которое охватываетъ человѣка вдали отъ родины. Вспоминаю кровавыя сцены, которыя разыгрались здѣсь, въ этой волшебной долинѣ, всего семнадцать лѣтъ тому назадъ. Становится тяжело. А армянка все стонетъ и стонетъ. Паровозъ безпокойно свиститъ — и это будитъ тревогу. Кондукторъ — какой-то подозрительный, вагонъ нашъ въ самомъ концѣ поѣзда. Того и гляди—нападутъ эти азіатскіе разбойники.

Минуемъ Кабулеты. До Батума еще двадцать верстъ. Слѣва лѣсъ и горы, справа безконечная темно-синяя равнина моря, залитая луннымъ сіяніемъ. Поѣздъ все время бѣжитъ надъ моремъ, по краю обрывистаго берега. Слышенъ ропотъ волнъ, вздымаются бѣлые гребни прибоя, разсыпаясь серебристыми брызгами. Далеко впереди надъ моремъ горитъ огонь батумскаго маяка.

Подъ самымъ Батумомъ поѣздъ опять влетаетъ въ тунель; луна, лѣса, горы и море на мигъ исчезаютъ. Еще поворотъ—и онъ, обогнувъ нефтяныя пристани съ темнымъ лѣсомъ мачтъ, подходитъ къ вокзалу. Толпа такая же пестрая, какъ и въ Ріонѣ; но здѣсь еще чаще попадаются фески турокъ и чалмы курдовъ. Картина совсѣмъ восточная.

Отсюда нѣсколько часовъ ѣзды до Азіатской Турціи.

Глава XXVII.

Батумскій дождь.—Въ гостиницѣ „Имперіаль". – Русская Ницца. – Родина Демосѳена. – Видъ города. - Бульваръ. – Александровскій паркъ. – Флора. – Отказъ отъ „бакшиша".—Кто онъ?—Финансовыя размышленья на тему о стеариновой свѣчѣ. - На „Цесаревнѣ". – Пассажиры. – Береговая панорама Кавказа. – Очемчири. – Сухумъ - Кале. – Опять качка. – Новый Аѳонъ. – Гудаутъ. – За обѣдомъ. – Пассажирскіе разговоры. – Адлеръ.

3-е сентября.

Просыпаюсь. Страшная канонада. Безпрерывный залпъ пушекъ Кажется, будто турки бомбардируютъ Батумъ. Ударъ раздается почти мгновенно за каждой вспышкой молніи, ударъ отрывистый, безъ раската.

Тучи черныя, тяжелыя опустились совсѣмъ низко надъ городомъ. Льетъ тропическій дождь; густыя сѣрыя нити заволокли и горы, и море. Въ окно видна восьмиугольная мечеть съ высокимъ минаретомъ да часть улицы, по которой проѣзжаютъ извозчики, закутанные въ черные резиновые плащи. На головахъ черныя круглыя и тоже резиновыя шляпы. Въ такихъ же плащахъ и шляпахъ прохожіе. Точно факельщики, спѣшащіе на похоронную процессію. Свѣжо. Пахнетъ осенью и Бѣлоруссіей. Батумъ давно конкурируетъ съ ней своей сыростью и дождями. Природа избрала его, какъ и Минскъ, излюбленнымъ мѣстечкомъ для мокрыхъ надобностей.

Входитъ номерной, молодой армянинъ, и, не говоря ни слова, смотритъ на потолокъ. Спрашиваю, что это значитъ. — «Смотру, если нэтъ доцъ». — Гдѣ? — «Здѣсъ, сверху».

Я стою въ гостиницѣ «Имперіаль», содержимой г. Бердзенишвили, или г. Бердзеневымъ, какъ онъ именуетъ себя въ объявленіяхъ, предназначенныхъ для туристовъ. Къ Бердзенишвили, пожалуй, не заѣдутъ русскіе, а къ Бердзеневу—съ распростертыми объятіями. Гостиница большая, трехъэтажная, комфортабельная, на манеръ заграничныхъ. Ресторанъ помѣшается въ срединѣ зданія; освѣщеніе сверху; вокругъ—галлерея и номера. Комнаты просторныя, свѣтлыя; обстановка почти роскошная. И, что удивительнѣе всего, клоповъ нѣтъ. Это, какъ говорятъ корреспонденты, нельзя не признать «отраднымъ явленіемъ», особенно имѣя въ виду близость Азіатской Турціи. Номеръ изъ двухъ комнатъ съ передней, полнымъ комфортомъ и видомъ на море стоитъ три рубля. Сравнительно съ цѣнами другихъ курсовыхъ городовъ—недорого: въ Батумѣ ежегодно бываетъ тысячъ до двадцати пріѣзжихъ. Зданіе каменное, крыша желѣзная. А что дождь даже сквозь нее проникаетъ, въ вину мѣстнымъ архитекторамъ ставить нельзя: таково свойство батумскаго дождя.

Кромѣ «Имперіаль», здѣсь еще нѣсколько такихъ же большихъ и хорошихъ гостиницъ, да столько же попроще и поменьше. Семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы получили Батумъ отъ турокъ, въ немъ была тысяча жителей. Теперь насчитывается до двадцати пяти тысячъ. Портофранко въ нѣсколько лѣтъ создало изъ Батума очень приличный городъ. Портофранко закрыли, но другіе экономическіе рычаги продолжаютъ развивать ростъ города. Онъ «подходитъ», какъ тѣсто на хорошихъ дрожжахъ, по часамъ. Закавказская дорога доставляетъ сюда десятки милліоновъ пудовъ груза; ихъ уноситъ въ море свыше тысячи судовъ. Здѣсь—главный передаточный резервуаръ для всей закавказской нефти. Какъ климатическая станція, Батумъ съ каждымъ годомъ привлекаетъ все больше больныхъ, несмотря на сырость, болота, которыя «осушаются», и дождь, проникающій сквозь желѣзныя крыши.

Населеніе города очень пестрое. Кромѣ русскихъ и кавказцевъ, здѣсь до тридцати шести народностей, всего понемногу. Есть арабы и швейцарцы, нѣмцы и турки, датчане и греки, персіяне и голландцы, итальянцы и шведы, англичане и евреи. Торговля въ рукахъ армянъ.

Городъ раздѣленъ на четыре полицейскихъ части, которыя продолжаютъ носить турецкія названія: Азизіе, Ахмедіе, Нуріе и Муфти-Меелеси. Это приводитъ меня въ умиленье. Нѣмецъ-колонистъ строитъ въ Россіи свою колонію и сейчасъ же называетъ ее Лейпцигомъ или Мюнхеномъ; а русскіе, завоевавъ турецкій городъ, оставляютъ въ немъ турецкія названія «въ честь мечети и представителя турецкой знати», продолжая коверкать свой языкъ разными «муфти - меелеси».

Батумъ — это русская Ницца или Соренто. Коронисъ - цкали, живописный уголокъ въ окрестностяхъ города, признанъ профессо-

ромъ Вирховымъ одной изъ лучшихъ санитарныхъ станцій, даже сравнительно съ европейскими. Самымъ благопріятнымъ сезономъ для купанья считается осень; но можно купаться и круглый годъ: минимумъ температуры морской воды +10°, максимумъ +25°, средняя годовая +14°. Наиболѣе сухое и тихое время года—съ октября по январь включительно, какъ разъ, когда на сѣверѣ Россіи свирѣпствуютъ морозы. Отъ февраля до половины апрѣля—сезонъ дождей.

Въ срединѣ февраля воздухъ напоенъ ароматомъ фіалокъ.

Къ полудню дождь унимается. Сажусь на извозчика-факельщика и ѣду осматривать городъ. На время изъ черныхъ тучъ, будто подзадоривая, выглянетъ чудный синій клочекъ неба, брызнетъ снопъ лучей—и опять спрячется. Городъ, окруженный живописными лѣсистыми горами, скрытыми до половины тучами, улыбнется и снова насупится. Сѣро-зеленое море колышется въ бухтѣ, покачивая корпуса пароходовъ, врѣзавшихся носомъ въ самую улицу. Вокругъ бухты тѣснится старый городъ съ узкими переулками и низкими азіатскими домами. Онъ очень напоминаетъ уголокъ тифлисскаго армянскаго базара. Тѣ же «кухмистерскія», курильни и кофейни. Этихъ кофеенъ здѣсь до сорока. Въ одной изъ прибрежныхъ улицъ мечеть и турецкая баня съ черными куполами въ видѣ усѣченныхъ ядеръ. Рядомъ со старымъ городомъ высятся стройные шпалеры домовъ новаго города; зданія все въ два - три этажа. Улицы мощеныя, видъ европейскій, магазины большіе. Дальше, вплоть до мыса съ Михайловскимъ укрѣпленіемъ, стѣны и башни котораго врѣзываются угломъ въ море, разворачиваются широкія улицы съ одноэтажными домами-особняками, тонущими въ роскошной зелени садовъ. Среди нихъ очень скромно выступаетъ единственная православная церковь. (Соборъ строится). За Михайловскимъ укрѣпленіемъ начинается бульваръ, раскинувшійся на цѣлую версту вдоль самаго берега моря. Я не видалъ лучшаго приморскаго бульвара. Главная прелесть его въ томъ, что онъ стелется въ уровень съ моремъ; оно подползаетъ почти къ его аллеямъ, лижетъ песокъ у его рѣшетки. Кажется даже, будто море выше бульвара, будто вся эта величественная водная равнина, повышающаяся къ горизонту, вдругъ хлынетъ всей своей массой и зальетъ и его, и городъ.

А море сегодня, какъ нарочно, совсѣмъ бѣшеное. Грохотъ прибоя безпрерывный.

Волны вздымаются почти въ уровень съ молодой растительностью бульвара и разлетаются бѣлой туманной пылью по мягкому песчаному берегу. Не разберешь, прибой ли грохочетъ, громъ ли гремитъ. Вся клокочущая пучина въ бѣлыхъ гребняхъ и пѣнѣ; вся она въ движеніи, то вздувается и пухнетъ, то опускается и морщится. На горизонтѣ море зеленаго цвѣта; этотъ цвѣтъ, на фонѣ сизыхъ тучъ, получаетъ какой-то грозный и холодный колоритъ воды зимой.

Вблизи бульвара Александровскій садъ, устроенный лѣтъ пятнадцать тому назадъ вице-адмираломъ Греве по плану садовода д'Альфонса. Это—огромный паркъ, раскинувшійся у берега лимана Мееле, цѣлаго озера, отдѣленнаго отъ моря дамбой.

Зеленые газоны окаймлены широкими зигзагами дорожекъ. Въ этой благодатной, роскошной природѣ уживается альпійская флора вмѣстѣ съ японской, австралійской, гималайской и американской. Масса тропическихъ растеній. Въ Батумѣ вѣчная зелень. Флора могучая, какъ и вообще въ Закавказьи; ростъ исполинскій. (Въ Кутаисѣ, напримѣръ, есть чинаръ пятнадцати аршинъ въ окружности). Подлѣ Батума — пальмовые лѣса, апельсинныя и лимонныя рощи, плантаціи хлопка, оливокъ и чайнаго дерева. Смоковница и гранаты съ румяными ядрами виднѣются въ каждомъ саду. Олеандры здѣсь «въ амплуа» живой изгороди. На берегу озера они разрослись точно верба.

Чинары, кипарисы, туи, лавры, мирты, айва, маслина, пальма, буксъ, эйкалиптусъ, ель, драчена, юка, бананъ, кедръ, мимоза, лаура съ огромными, широкими темнозелеными бархатными листьями, магнолія—все это переплелось здѣсь въ такой чудный букетъ пышной зелени, такъ красиво обрисовывается фантастическими узорами, что чаруетъ даже на фонѣ пасмурнаго дня, подъ этимъ надоѣдливымъ дождемъ.

Агава, тотъ самый кактусъ съ длинными сѣро-зелеными толстыми листьями, который на сѣверѣ лелѣютъ въ теплицахъ, здѣсь достигаетъ въ грунтѣ, на поляхъ, колоссальныхъ размѣровъ. Мой чичероне, маленькій молодой грузинъ, говоритъ, что отъ нихъ не могутъ избавиться; срѣжутъ, а они опять растутъ. Нѣсколько экземпляровъ оставлено такъ себѣ, больше «для пріѣзжихъ». Недурна и датура. Здѣсь она изъ небольшого дурмана, растущаго въ степяхъ Новороссіи, выросла въ цѣлое дерево; листья гигантскіе; цвѣты съ одуряющимъ ароматомъ. Но еще лучше бурьянъ, обыкновенный степной бурьянъ, похожій на свеклу; тутъ онъ превратился въ саженный кустъ съ малиновымъ стволомъ и зелеными гроздьями.

Есть и три чайныхъ кустика съ листьями, похожими на лавровые, и маленькими бѣлыми цвѣтками. Кустики захирѣли; было раньше больше, да вымерли почему-то. Цвѣты пахнутъ пареным чаемъ.

Въ центрѣ сада — нѣсколько кедровъ и магнолій, посаженныхъ собственноручно покойнымъ Императоромъ Александромъ III и Царской Семьей въ 1888 году. Нынѣ царствующимъ Государемъ посажена Cuniagamia langeolata, стройное молодое деревцо, похожее на ель. Дальше бигнонія, гигантская канна, кустики іонимуса и букса (buxus), съ мелкими темнозелеными листиками мирты. Буксъ подстриженъ въ видѣ шаровъ и конусовъ. Такими же красивыми овальными фигурами вырастаетъ изъ газона unipera, похожая на можжевельникъ.

Магнолія обыкновенно цвѣтетъ въ іюнѣ. Но на огромномъ деревѣ, посаженномъ покойнымъ Государемъ, бѣлѣютъ два цвѣтка, величиной съ чайный стаканъ.

Грузинъ срываетъ ихъ и любезно преподноситъ мнѣ. Бѣлые фарфоровые съ серебристыми искорками цвѣтки издаютъ опьяняющій ароматъ, напоминающій лилію, но болѣе острый и экзотическій.

У воротъ вынимаю нѣсколько серебряныхъ монетъ, чтобы поблагодарить моего проводника. Онъ смущенъ; денегъ не беретъ. Настаиваю. Отказывается. — Почему? — «Намъ нельзя». Убѣждаю его. Все напрасно. Я настолько пораженъ, что не могу скрыть своего изумленья. За все мое путешествие по России это первый проводникъ, который не только не изобразилъ на лицѣ ожиданья «чая или бакшиша», но прямо отказался. — Вы сами, можетъ-быть, садовникъ? — спрашиваю его. — «Нѣтъ, я такъ... работникъ».

Снимаю фуражку, благодарю и кланяюсь. Отъѣхавъ, оглядываюсь. Онъ стоитъ неподвижно у воротъ подъ могучимъ платаномъ. Его приземистая фигура въ перепачканной землей блузѣ и смуглое, обрамленное черной бородкой лицо, съ большими, не то печальными, не то смущенными глазами, врѣзываются въ память какой-то загадкой. Кто онъ? Одинъ изъ семидесяти тысячъ кутаисскихъ дворянъ, какой-нибудь князь, въ которомъ не умерла гордость предковъ? Или простой, съ еще не испорченной, дѣвственной душой горецъ, сохранившій въ постоянномъ общеніи съ этой дивной природой чистоту духовную и презрѣнье къ деньгамъ? Или безвольный рабъ, привыкшій изъ поколѣнья въ поколѣнье безропотно исполнять все, что ему прикажутъ?...

А природа, дѣйствительно, сказочно хороша. Несмотря даже на эту несносную погоду, она уноситъ воображенье въ волшебный міръ «Тысячи и одной ночи».

У Батума устье рѣки Чорохъ, мчащей свои воды изъ Турціи въ Понтъ. Нѣкоторые доказываютъ, что въ древности не Ріонъ, а именно Чорохъ назывался Фазисомъ, и что къ его устью пристали аргонавты, стремившіеся въ Колхиду за золотымъ руномъ. Когда-то, какъ говорятъ армянскіе лѣтописцы, вблизи Чороха были золотые рудники. Теченіе его настолько быстро, что въ половодье нагруженный каюкъ, если вѣрить разсказамъ туземцевъ, пролетаетъ въ три часа свыше восьмидесяти верстъ.

Все прошло. Теперь на территоріи древней Колхиды, по батумскимъ улицамъ прогуливаются потомки аргонавтовъ и Демосѳена, который, какъ предполагаютъ нѣкоторые историки, былъ уроженецъ Батума, существовавшаго еще въ V вѣкѣ до Р. Х.; но эти потомки ужъ не задаются героической цѣлью — добывать колхидское золото. Имъ, какъ и другимъ народамъ, явившимся въ этотъ райскій уголокъ, довольно и русскаго золота. Новые аргонавты — въ европейскихъ костюмахъ и красныхъ фескахъ — трутся бокъ-о-бокъ съ турками въ синихъ курткахъ и чалмахъ. А рядомъ толкутся русскіе солдаты, со скукой гарнизонной жизни на загорѣлыхъ лицахъ.

Въ одиннадцать часовъ ночи собираюсь на пароходъ. Подаютъ счетъ. Въ этомъ счетѣ господинъ Бердзеневъ обнаруживаетъ, что онъ настоящій Бердзенишвили. Двѣ свѣчи, которыя, кстати сказать, только надгорѣли, такъ какъ я сейчасъ же по пріѣздѣ легъ спать, оцѣнены въ сорокъ копѣекъ. Это тогда, когда фунтъ свѣчей стоитъ двадцать двѣ копѣйки и когда рядомъ по батумскимъ улицамъ развозятъ керосинъ въ сорокаведерныхъ бочкахъ съ надписью: «пудъ — двадцать пять копѣекъ».

Ѣду на пристань подъ тропическимъ дождемъ, размышляя на тему о тифлисскихъ персикахъ, кутаисскихъ дворянахъ, невскомъ стеариновомъ товариществѣ, саратовской дамѣ, съ ея жалобой на недохватъ дворянъ, и нашемъ экономическомъ «дезансамблѣ».

Черный корпусъ «Цесаревны» колышется у гранитной набережной. Сходни пошатываются, палуба то опускается, то подымается и пухнетъ подъ ногами. Якорная цѣпь надоѣдливо стучитъ и визжитъ. За бухтой слышится грозный ревъ и шипѣнье моря.

Лужановъ здѣсь. Онъ сейчасъ прибылъ съ поѣздомъ. Беру билетъ.

До Ялты круговымъ рейсомъ въ первомъ классѣ — тридцать рублей съ продовольствіемъ. Это не дорого. Плыть придется почти четверо сутокъ вдоль береговъ Кавказа и Крыма. Перспектива морской болѣзни не такъ пугаетъ меня: укачаетъ — высажусь въ какомъ-нибудь попутномъ портѣ. Кромѣ того, у меня флакончикъ съ мятнымъ масломъ. Я рѣшилъ испытать это средство. Отъ тошноты оно помогаетъ отлично.

«Цесаревна» — одинъ изъ большихъ пароходовъ русскаго общества пар. и торг., но еще не ремонтированный со времени постройки, т.-е. съ начала семидесятыхъ годовъ. Это общество забрало Черное море въ такую же монополію, какъ «Кавказъ и Меркурій» Каспійское. Оба они одинаково «важны», одинаково смотрятъ на публику, какъ на нѣчто побочное, и устраиваютъ отъ поры до времени катастрофы; въ послѣднемъ, впрочемъ, пальма первенства все-таки остается за черноморскимъ обществомъ. Іюньская трагедія съ «Владиміромъ» окончательно упрочила за нимъ эти лавры.

Длина «Цесаревны» — около тридцати семи саженей, безъ малаго колокольня Ивана Великаго; ширина — семь саженей, высота — до четырехъ. Пароходъ трехпалубный. Въ первомъ классѣ пятьдесятъ восемь пассажирскихъ мѣстъ, во второмъ — пятьдесятъ шесть, въ третьемъ — пятьсотъ.

Первый классъ въ среднемъ этажѣ, на второй палубѣ. Занимаю каюту вмѣстѣ съ Лужановымъ. Звонковъ нѣтъ. Освѣщается пароходъ масломъ. Оффиціантъ, типичный хохолъ въ ливрейномъ сюртукѣ, говоритъ по этому поводу невозмутимо:

— А онъ дѣлался щэ тогда, якъ звонковъ не было. Зимой будутъ передѣлывать, все новое дадутъ, и звонки, и паръ.

Цвѣты магноліи разливаютъ въ каютѣ одуряющій ароматъ. Лужановъ протестуетъ и нервничаетъ. Отдаю ихъ на храненіе лакею.

Въ первомъ классѣ публики немного, человѣкъ двадцать. Въ рубкѣ — штабной офицеръ-кавказецъ, владѣлецъ нефтяныхъ источниковъ, пожилой господинъ въ штатскомъ и бѣлой фуражкѣ съ кокардой, на видъ — отставной чиновникъ пятаго класса, и какой-то среднихъ лѣтъ щуплый брюнетъ съ окладистой бородкой и въ темныхъ очкахъ, не то художникъ, не то «спеціальный» корреспондентъ; черная фетровая шляпа и накинутый на плечи пледъ какъ будто подчеркиваютъ эту его «художественность». Говоритъ, впрочемъ, о какихъ-то своихъ тамбовскихъ имѣніяхъ. Подлѣ него си-

дять два армейскихъ офицера. Немного погодя сюда же является сѣдой, осанистый адміралъ и полная, величественная адміральша. Это нѣсколько подтягиваетъ компанію. Офицеры «оправляются». Еще позже черезъ рубку проходитъ въ каюты молодая грузинка, въ національномъ костюмѣ, со старухой матерью.

На палубѣ темно. Тамъ одиноко прогуливается помощникъ капитана.

— Что, покачаетъ-таки насъ? спрашиваю. Угрюмый морякъ цѣдитъ безразлично, сквозь зубы:—Да, покачаетъ немного.—А въ Поти зайдемъ?—Это смотря... Трудно оттуда выбраться. Таковъ этотъ портъ. Негдѣ повернуться. Восемь милліоновъ убухали на него, а проку никакого. При нордъ-вестѣ и входить опасно; проходъ узкій, нарѣзаться можно.

Ревъ гудка. На пристани движутся силуэты, у канатовъ суетятся матросы. Раздается команда. «Цесаревна», колыхнувшись, отодвигается отъ набережной. Бухту обступили черныя массы горъ, обрисовываясь загадочными волнистыми линіями на фонѣ неба. Луну заволокли тучи. Огненныя гирлянды огней движутся вдоль города, убѣгая во мглу.

4-е сентября.

Звонятъ. Вспоминается пансіонъ, когда приходилось вставать подъ такой же надоѣдливый звонокъ. Это зовутъ къ чаю. Онъ подается отъ семи до девяти.

Ночью миновали Поти. Теперь подходимъ къ Очемчирямъ. Море темно-синее съ зеленымъ отливомъ. Маленькій поселокъ ютится у берега на песчаной равнинѣ. За нимъ отвѣсная стѣна зеленыхъ горъ; выше горъ ярко-бѣлая гряда снѣговыхъ вершинъ. Она заслонила весь востокъ и особенно рельефно выдѣляется на фонѣ зеленыхъ береговъ и синяго неба. Контуры вершинъ вырисовываются легкими фантастичными формами, разворачиваются безконечной панорамой. Кажется—весь Кавказскій хребетъ повисъ въ воздухѣ какимъ-то волшебнымъ видѣньемъ, какимъ-то царствомъ безмолвія, холода и смерти, величественнымъ и неприступнымъ, и глядитъ оттуда съ ледяной и торжествующей улыбкой на покоренное человѣкомъ море. Въ сіяніи снѣговыхъ вершинъ есть что-то напоминающее другой міръ, чуждый землѣ, мертвый міръ луны. Но, все-таки, какъ онѣ хороши въ своихъ причудливыхъ формахъ, похожихъ то на сказочные замки, то на города, засыпанные снѣгомъ. Даль придаетъ имъ воздушность, и вершины, видимыя за сто верстъ, нельзя даже вооруженнымъ глазомъ отличить отъ облаковъ. Движутся зеленые берега, движутся горы, плывутъ снѣговыя вершины, а навстрѣчу имъ несутся такія же бѣлыя и легкія облака. Полная фантасмагорія.

Машину застопориваютъ. Пароходъ пошатывается. Качка сильная. Но на меня она почти не дѣйствуетъ. Мутитъ только немного. Изъ Очемчиръ къ намъ плывутъ баркасы. Турки въ красныхъ фескахъ и абхазцы, съ намотанными на головы черными башлыками, дружно гребутъ. Баркасы взлетаютъ высоко на гребни и вдругъ

исчезаютъ въ пучинѣ. Съ парохода подаютъ трапъ и бросаютъ канатъ. Одинъ изъ гребцовъ отважно и ловко ловитъ его. По трапу, пошатываясь, сходятъ пассажиры. Баркасы то прибиваетъ, то относитъ. Они бьются бортами о бокъ парохода, ныряя и накрениваясь. Гребцы напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ удержаться. Волны яростно мечутся, заливая баркасъ.

Плывемъ. Баркасы уже далеко. Бурная стихія то выбрасываетъ, то поглощаетъ ихъ. Они кажутся уже крошечной скорлупой.

Береговая панорама разворачивается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Серебристыя вершины Абхазскихъ горъ то приближаются, то отодвигаются, исчезая въ дымкѣ. Зеленые шпалеры береговъ изгибаются углами, въ которыхъ синѣютъ глубокія ущелья. Надъ лѣсами вырастаютъ неприступной твердыней грозныя скалы, похожія на крѣпости, высятся утесы-великаны. А еще выше опять выплываютъ снѣговыя вершины, опять строятся въ какіе-то бѣлые сказочные замки и города.

Въ полдень мы у Сухумъ-Кале. Но къ берегу не подходимъ. Въ бухтѣ тихо. Вода зелено-голубого цвѣта. Городокъ имѣетъ очень уютный видъ. Онъ раскинулся амфитеатромъ у подножія горъ, обступившихъ его и бухту съ трехъ сторонъ. Въ центрѣ его возвышается красный съ зеленымъ куполомъ соборъ; правѣе, къ окраинѣ, казармы и бѣлыя палатки лагеря. Надъ городомъ изъ зелени садовъ заманчиво выглядываетъ нѣсколько хорошенькихъ дачъ. Флора здѣсь почти батумская, но зима свѣжѣе. Зато климатъ здоровѣе. Вблизи города источники съ цѣлебными свойствами Нарзана; но пока они еще мало изслѣдованы. Въ послѣднюю войну турки разрушили городъ бомбардировкой.

Плывемъ вдоль береговъ дальше. Снѣжныя вершины все бѣгутъ за нами нескончаемой серебристой грядой.

Останавливаемся у Новаго Аѳона. Монастырь ютится въ ущельѣ высоко надъ берегомъ. Бѣлые корпуса церквей ярко выдѣляются на темной зелени дремучихъ лѣсовъ, покрывающихъ сплошнымъ ковромъ горы. Главный корпусъ у скалы; это—большое сѣрое зданіе съ бѣлой крышей и нѣсколькими куполами. Ниже, ближе къ берегу, гостиницы и еще группа какихъ-то построекъ; на берегу часовня. Горы, горы и горы; всѣ онѣ сверху и до низу, до самаго моря, задрапированы зеленью. Слѣва на высокой горѣ тоже виденъ монастырь и сѣдыя развалины генуэзской башни. Наконецъ-то и на Кавказѣ оказалась хоть одна башня, постройку которой не приписываютъ Тамарѣ.

Облака плывутъ ниже горъ, висятъ на утесахъ и ущельяхъ. За Новымъ Аѳономъ снѣговыя вершины вдругъ исчезаютъ.

Сегодня игра моря не поддается описанію, и даже кисть Айвазовскаго была бы безсильна справиться съ капризными переливами его красокъ. Если бы художникъ рѣшился изобразить эти краски на картинѣ, ему бы не повѣрили, его осмѣяли бы. А между тѣмъ вся водная равнина кажется полосатымъ шелкомъ, то зеленымъ, то

бирюзовымъ, то синимъ, то прозрачно-изумруднымъ, то, наконецъ, почти чернымъ съ серебристой бахромой гребней.

За пароходомъ бѣлѣетъ вспѣненный широкій слѣдъ, искрясь на солнцѣ.

Въ Гудаутѣ море становится вдругъ молочнымъ съ зеленымъ отливомъ. Волненіе продолжается. Къ берегу, благодаря этому, опять не пристаемъ. Къ намъ плывутъ три баркаса. Картина борьбы человѣка со стихіей захватываетъ. Гребцы дружно опускаютъ весла, видимо напрягая всю энергію. Четверть часа баркасы бьются у парохода; ихъ то уноситъ, то прибиваетъ волной, то опрокидываетъ. Съ парохода кричатъ, бросаютъ канаты. По трапу надъ клокочущей бездной сходятъ пассажиры. Какая-то баба-грузинка ссорится съ матросомъ. Крикъ, перебранка, суета. Внизу гребцы употребляютъ нечеловѣческія усилія, чтобъ удержать баркасы на мѣстѣ; ихъ сталкиваетъ, потомъ уноситъ, канатъ ускользаетъ изъ рукъ, волна заливаетъ. Двухъ пассажировъ укачало. Головы ихъ безсильно свѣсились за бортъ баркаса. Вотъ-вотъ ударитъ о пароходъ. Мы отсюда кричимъ, чтобы ихъ берегли. Шумъ и ропотъ моря заглушаютъ голоса. Грузинка все визжитъ и ссорится. Ее насильно тащатъ по трапу матросы. Цѣлые полчаса продолжается этотъ адъ надъ сверкающей подъ яркими солнечными лучами пучиной.

Звонокъ. Зовутъ къ обѣду. Въ салонѣ, со стѣнами, облицованными краснымъ деревомъ и зеркалами, собралось всего человѣкъ восемь. Это придаетъ пустынный видъ огромному помѣщенію, уставленному нѣсколькими столами, стеганными малиновымъ бархатомъ диванами вдоль стѣнъ, пьянино и буфетомъ у входа.

Изъ дамъ появилась одна адмиральша. Изъ мужчинъ—адмиралъ, два офицера, «отставной чиновникъ» 5 класса, оказавшійся помѣщикомъ изъ-подъ Новочеркаска Вышкинымъ, «художникъ», Лужановъ да я. Капитанъ предсѣдательствуетъ. Адмиральша, какъ морская дама, не признаетъ качки. При ея полнотѣ и дебелости, это даже удивительно: говорятъ, полныхъ и здоровыхъ укачиваетъ легче, чѣмъ худыхъ. Компанія мужчинъ, сидящихъ за столомъ, какъ будто подтверждаетъ это правило: ни одного полнаго. Лица утратили свой здоровый цвѣтъ: они блѣдно-зеленыя. Качка томитъ даже тѣхъ, кто не подверженъ морской болѣзни. Ветераны-моряки—и тѣ не легко выносятъ ее. Отъ этого, можетъ-быть, ипохондрическое настроеніе такъ свойственно записнымъ мореходцамъ. Нашъ капитанъ, бравый, представительный старикъ, десятки лѣтъ плаваетъ, а и онъ сегодня къ завтраку не вышелъ, извинившись нездоровьемъ. И теперь, видимо, крѣпится. Очертѣло, я думаю, всю жизнь ходить и дѣйствовать на вѣчно колеблющейся площади. У лакеевъ тоже лица сѣро-зеленыя, съ вытянуто-серьезнымъ, безстрастнымъ выраженіемъ.

Кормятъ на «Цесаревнѣ» прекрасно. Завтракъ—изъ двухъ блюдъ съ дессертомъ; обѣдъ—изъ пяти, съ закуской, пирожками, водкой, дессертомъ, сырами, конфектами и кофе. Кухня французская.

На столѣ рамка изъ краснаго дерева. Толстыя, тяжелыя тарелки, бутылки и стаканы помѣщены въ перегородкахъ точно въ футлярѣ погребца. Несмотря на это, супъ проливается, бутылки опрокидываются. Лакеи лавируютъ, пошатываясь и неестественно шагая. Хорошая школа для акробатовъ и эквилибристовъ.

Адмиральша сидитъ противъ меня. Она то опускается, то подымается. Однако, это нисколько не смущаетъ ее. Меня мутитъ.

Штабной офицеръ оказывается нефтепромышленникомъ и винодѣломъ. Въ имѣніи его недавно открылся нефтяной фонтанъ. Ѣздилъ съ какимъ-то французомъ показать ему и продать.

— Ахъ, у насъ иностранцы, на Кавказѣ вездѣ все забираютъ иностранцы,—говоритъ адмиральша.

— Что-жъ подѣлаешь! Наши нижегородскіе спасители отечества знать насъ не хотятъ... Вотъ и вино свое я продалъ французу... И все такъ будетъ. Выбора другого нѣтъ: или французъ, или скупщикъ-армянинъ...

— А вамъ и подѣломъ,—отзывается «художникъ».—Надо самимъ сдѣлать починъ, повысить культуру винодѣлія, придумать какой-нибудь синдикатъ, что ли. Посмотрите на сахарозаводчиковъ. Вѣдь выскочили въ люди. А вы вотъ свое чудное вино продолжаете въ этихъ безобразныхъ бурдюкахъ развозить.

На палубѣ дѣйствительно лежитъ нѣсколько бурдюковъ съ кахетинскимъ. Ихъ доставили въ Сухумѣ. Они совсѣмъ похожи на голыя свиныя туши съ растопыренными ногами.

— Развозимъ-съ потому, что иначе не выноситъ перевозку и киснетъ-съ,—отрѣзываетъ офицеръ.

— А вы бы научились выдѣлывать его такъ, чтобы не кисло-съ,—отвѣчаетъ не безъ апломба «художникъ».

— А вы бы вотъ устроили у насъ училища винодѣлія, горные институты, университетъ—мы бы и научились. Шутка ли сказать: Кавказъ производитъ ежегодно до двѣнадцати милліоновъ ведеръ вина, почти на шестьдесятъ милліоновъ рублей,—и не имѣетъ школы, гдѣ бы можно было поучиться, какъ выдѣлывать это вино; Кавказъ на десятки милліоновъ рублей вывозитъ хлѣба—и не имѣетъ своей сельско-хозяйственной школы; Кавказъ снабжаетъ и Россію, и всю Европу своей нефтью на десятки милліоновъ, своими минеральными богатствами—и не имѣетъ горнаго института...

— Ахъ, вы совершенно правы,—отзывается адмиральша.—И все у насъ такъ. Ничего мы сами не умѣемъ сдѣлать. Или вотъ хоть бы возьмите эти шведскіе складные домики. Сколько у насъ своихъ лѣсовъ, а мы и тутъ не догадались. Вотъ мы съ мужемъ нынѣшнимъ лѣтомъ купили такую дачу и сложили ее себѣ въ Батумѣ. И что-жъ? Очень удобно. Вмѣсто того, чтобы платить каждый сезонъ за квартиру, мы имѣемъ собственную складную дачу изъ четырехъ комнатъ. Пріѣхали — сложили, уѣхали — разобрали, пріѣхали—опять сложили. Главное—гигіенично, чисто, ни этихъ насѣкомыхъ, ничего, и все это удовольствіе стоитъ восемьсотъ рублей... Не правда ли — остроумно? А мы вотъ не догадались — и шведы успѣли получить привилегію. Устроившись на этой нашей

дачѣ, я какъ-то писала своей подругѣ: ma chère, я пишу тебѣ среди индійской флоры Батума, на грузинской землѣ, сидя на вѣнскомъ стулѣ, въ гнѣздышкѣ, сдѣланномъ шведами... n'est-ce pas?

— Совершенно вѣрно!—подхватываетъ художникъ въ тонъ.—Или вотъ наши горы, этотъ Казбекъ или Эльбрусъ. Никакихъ удобствъ для туристовъ. А посмотрите, что дѣлается въ Швейцаріи, напримѣръ—на Юнгфрау...

— Ахъ, Юнгфрау!—восклицаетъ адмиральша, вырастая надъ столомъ.—Вы тамъ были?

— Какъ же! Я всходилъ на Юнгфрау. Два съ половиной дня всходилъ... Знаете, съ альпенштокомъ и въ альпійскихъ сапогахъ. Какъ же. Внизу, знаете, въ отеляхъ, вся Европа смотритъ: слѣдятъ за вами въ бинокли, потомъ отмѣчаютъ на картахъ булавками. Какъ же, даже пари идутъ на того или другого ходока, все равно—какъ на скачкахъ. Ну, я поднялся, былъ уже у самой вершины—и вдругъ съ пятидесятисаженной высоты полетѣлъ...

— Съ пятидесятисаженной высоты?—ужасается адмиральша.

— Представьте себѣ! Къ счастью, скала была не совсѣмъ отвѣсная... И потомъ снѣгъ... Даже довольно мягко, какъ же! Что-жъ, я, не унывая, началъ карабкаться вторично. И таки до самой вершины добрался.

— До самой вершины?

— Какъ же! Ну, конечно, потомъ, когда я сошелъ внизъ, меня встрѣтили съ помпой, всѣ вышли изъ гостиницъ, впереди оркестръ... Тамъ у нихъ всегда это такъ дѣлается...

Какъ ни качаетъ, у нѣкоторыхъ по лицу пробѣгаетъ улыбка, довольно, впрочемъ, кислая. Паѳосъ художника, однако, вдругъ исчезаетъ, когда штабной офицеръ начинаетъ довольно скромнымъ тономъ разсказывать адмиралу о своей командировкѣ на Памиры, о подъемѣ на памирскіе ледники и съемкѣ плановъ. Художникъ поглядываетъ на него подозрительно, какъ на конкурента, пытающагося отнять у него пальму первенства.

Вечеромъ мы у Адлера. Опять подлѣ парохода безпомощно ныряютъ баркасы. По ясному, прозрачному небу плыветъ луна. На волнистой береговой лентѣ, подернутой голубой дымкой, мигаютъ огоньки.

Клокочущая необозримая даль моря до самаго горизонта залита расплавленнымъ серебромъ.

Глава XXVIII.

Кавказъ исчезаетъ. — Новороссійскъ. — Элеваторъ. — На керченскомъ рейдѣ. — Керчь. — Призраки Пантикапеи и Босфорскаго царства. — Новые пассажиры. — За завтракомъ. — Разговоры. — Ѳеодосія и ея «добрый геній». — Гдѣ приготовляется Черное море? — Вдоль крымскихъ береговъ.

5-е сентября.

Ночью мы минули Сочи, Туапсе и Джубгу. Абхазскія горы исчезли. На смѣну имъ выросла снѣговая гряда другихъ вершинъ

Кавказскаго хребта. Дивная береговая панорама продолжаетъ разворачиваться нескончаемыми картинами.

День свѣтлый, море все клокочетъ, переливая радугой красокъ, и только когда солнце прячется за тучи, оно вдругъ становится чернымъ и грознымъ, яростно шипя и заливая колышущійся пароходъ высокими волнами.

«Цесаревна» то приближается къ берегамъ, то удаляется. Кавказъ то выростаетъ надъ нами, то исчезаетъ въ голубой дали, заманчиво улыбаясь и будто подзадоривая. Что-то неотразимо влечетъ туда, къ этимъ нѣжнымъ, воздушнымъ, какъ мечта, контурамъ, кажущимся легкимъ голубымъ покровомъ, за которымъ прячется сказочный міръ Кавказа. Этотъ міръ промелькнулъ предо мною какъ какой-то волшебный сонъ, который снится иногда человѣку точно для того, чтобы смутить его несбыточной мечтой и пробудить въ душѣ жажду какой-то иной, еще невѣдомой жизни. Я чувствую, будто Кавказъ, съ его могучей фантастической природой, съ его красотой и величіемъ, съ его тайнами и сказками горъ, съ его яркимъ племеннымъ калейдоскопомъ, заслонилъ и русскую степь съ ея раздольемъ, и красавицу Волгу, и Каспій... Есть въ иныхъ книгахъ страницы, написанныя такими яркими красками, что предъ ними все остальное блѣднѣетъ и невольно хочется перечитывать ихъ; Кавказъ—одна изъ такихъ страницъ въ книгѣ природы. Если міръ былъ сотворенъ въ шесть дней, на созданіе этого волшебнаго края ушелъ по крайней мѣрѣ одинъ день.

«Цесаревна» входитъ въ новороссійскую бухту. Здѣсь—полное затишье; бухта кажется какимъ-то швейцарскимъ озеромъ; со всѣхъ сторонъ ее окружаютъ горы, то голыя, то въ лѣсахъ и скалахъ. Но затишье это обманчиво и портъ очень опасенъ, когда свирѣпствуетъ «бора», сѣверо-восточный вѣтеръ. Онъ не разъ превращалъ въ щепки суда, стоявшія здѣсь на рейдѣ. Теперь два мола огибаютъ портъ двухверстной дугой, защищая его отъ боры.

Справа отъ бухты, къ востоку, въ ущельѣ лѣпится крошечный городокъ съ виноградниками и фабричными зданіями. Это черноморскій цементный заводъ. Ниже его—паровой бондарный заводъ со сложенными въ сѣрые конусообразные стоги клепками. Противъ входа въ бухту, за эстокадою, выступаетъ громадное зданіе элеватора съ грандіознымъ центральнымъ корпусомъ въ шесть-семь этажей. Подлѣ него тѣснится «новый городъ», группа большихъ домовъ; они принадлежатъ французскому обществу «Русскій Стандартъ», занимающемуся эксплуатаціей нефти. Вдоль французскаго города длинные ряды амбаровъ и складовъ, примыкающихъ къ эстокадѣ. Слѣва отъ бухты у подножія горы раскинулся Новороссійскъ. Видъ—небольшого уѣзднаго городка, съ маленькими домами, пылью, немощеными улицами и бѣдной растительностью. Что-то напоминаетъ Петровскъ. Въ центрѣ небольшая и единственная церковь. Соборъ, конечно, «еще строится». Сразу угадываешь, что рычагъ жизни не тамъ, а здѣсь, во французскомъ городѣ и у элеватора, за которымъ виденъ вокзалъ.

Собираемся компаніей осматривать Новороссійскъ. Сначала отправляемся въ старый городъ. Онъ имѣетъ совсѣмъ заштатную и захолустную физіономію. Улицы грязныя, ноги вязнутъ въ пескѣ; магазины маленькіе; торгуютъ армяне, но уже вперемежку съ русскими. Туземцевъ, папахъ и черкесокъ не видать. Зато на улицахъ, несмотря на понедѣльникъ, попадаются пьяные. Это все рабочіе съ пристани и заводовъ. Сюрпризомъ въ этой обстановкѣ является перепачканный ваксой мальчуганъ, «чистильщикъ» сапоговъ, выскочившій откуда-то изъ-за угла. Это—въ Новороссійскѣ, гдѣ шагу нельзя ступить, чтобы не перепачкаться пылью и болотомъ. Новороссійскій комфортъ и цивилизація настолько поражаютъ насъ, что мы приносимъ ей дань и отдаемъ свои ноги въ распоряженіе «наводителя культурнаго лоска». Онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ плюетъ на щетку и третъ, третъ, третъ до изнеможенія.

Зато французскій городъ, или «новый», несмотря на то, что существуетъ всего нѣсколько лѣтъ, имѣетъ и мостовыя, и телефонъ, и почтово-телеграфную контору, и первоклассную гостиницу съ рестораномъ. Все это, конечно, сколочено тоже на скорую руку, по-американски, но еще годъ-другой—и городъ, весь въ новыхъ постройкахъ, станетъ однимъ изъ уютныхъ культурныхъ уголковъ Кавказа.

Главнымъ залогомъ будущности Новороссійска является все-таки элеваторъ, построенный по проекту инженера Щенсновича и обошедшійся что-то до десяти милліоновъ. Это житница, чрезъ которую направляется хлѣбъ почти всего Сѣвернаго Кавказа. Въ прошломъ году изъ новороссійскаго порта вывезено до тридцати милліоновъ пудовъ только зерновыхъ продуктовъ.

Чтобы судить о размѣрахъ этого грандіознаго сооруженія, надо не забывать, что онъ вмѣстѣ съ сѣтью рельсъ, окружающей его, занимаетъ нѣсколько десятковъ десятинъ. Зданія, примыкающія къ главному корпусу, представляютъ такой лабиринтъ, забаррикадированный со всѣхъ сторонъ цѣпью товарныхъ вагоновъ, что намъ приходится употребить чуть не полчаса времени, чтобы пробраться къ центру, къ этой многоэтажной громадѣ. Подлѣ нея высится гигантская труба отъ электрическаго отдѣленія. Вокругъ — двухъэтажные и трехъэтажные дома-особняки. Это — разныя запасныя отдѣленія, конторы, помѣщенія для служащихъ. Отъ элеватора тянется на полторы версты, до самой пристани, крытый рукавъ, то деревянный, то каменный, со множествомъ окошечекъ; по этому рукаву зерно пересыпается изъ центральнаго корпуса прямо на пароходъ, за полторы версты отсюда. Весь громадный и сложный механизмъ элеватора приводится въ движеніе электричествомъ. Освѣщеніе во всѣхъ зданіяхъ тоже электрическое.

Проводникъ-сторожъ сначала ведетъ насъ въ подземелье, гдѣ помѣщается машинное отдѣленіе. Сходимъ по лѣстницамъ, пробираемся какими-то узкими, мрачными переходами. Свѣча еле освѣщаетъ крутыя ступени. Въ мудреной системѣ механизма и не разберешься; шестерни, стержни, рычаги, блоки, передающіе двигательную силу снизу до самой крыши, — похожи на желѣзный скелетъ какого-то чудовища. Карабкаемся наверхъ, минуемъ одинъ этажъ съ громадными залами, другой, третій, входимъ въ отдѣленіе для ссыпки зерна. Полъ цементный; въ немъ тянутся рядами небольшія отверстія; подъ каждымъ — цистерна для зерна, цѣлый резервуаръ, вмѣщающій нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба. И такихъ отдѣленій нѣсколько, не считая особыхъ помѣщеній для взвѣшиванія, чистки и сушки зерна, разныхъ вентиляторовъ съ гигантскими ремнями, снабженными жестяными коробочками, въ которыхъ хлѣбъ перетаскивается изъ нижнихъ этажей въ зернохранилища или сушильни. Милліоны пудовъ зерна, поступающіе въ элеваторъ, взвѣшиваются, очищаются, сортируются и распредѣляются по этажамъ механическимъ двигателемъ. Въ длинномъ рукавѣ—корридорѣ, проведенномъ къ пристани, тянется безпрерывная ременная лента. По ней зерно переносится прямо на пароходъ нескончаемымъ потокомъ. Еще выше—опять машинное отдѣленіе, опять сложная система рычаговъ, колесъ и лентъ, движущихся по приводу, передающему силу откуда-то снизу. Весь элеваторъ кажется какимъ-то живымъ организмомъ, съ такой сложной циркуляціей и системой артерій, что невольно становишься втупикъ. И этотъ организмъ во власти нѣсколькихъ человѣкъ, нажимающихъ электрическія кнопки, производитъ въ одинъ день работу, которую тысяча людей не могла бы выполнить въ нѣсколько дней.

6-е сентября.

Утро. «Цесаревна» колышется въ Керченскомъ проливѣ. Слѣва отъ насъ—берега Крыма, справа—Кавказа, слѣва Керчь и Еникале, справа полуостровъ Тамань. За мысомъ, который облѣпили каменные кубики Еникале, начинается Азовское море, здѣсь—Черное.

Въ пристань мы не заходимъ, а стоимъ на рейдѣ въ верстѣ отъ города. Къ намъ выѣзжаетъ небольшой юркій пароходъ «Баба», который забираетъ пассажировъ и грузъ.

«Цесаревна» запоздала противъ расписанія; благодаря этому, и въ Керчь не удается заглянуть.

Кое-кто изъ пассажировъ ворчитъ, заявляя помощнику капитана протестъ.

— Помилуйте, что-жъ это такое? Скажите, почему вы этотъ рейсъ круговымъ называете?

— Потому, что во всѣ порты заходимъ, — отрѣзываетъ угрюмо помощникъ капитана.

— Хорошо— во всѣ! До сихъ поръ изъ десяти портовъ зашли только въ одинъ Новороссійскъ. Даже въ Сухумѣ не приставали.

— Мнѣ надо было въ Анапу, — жалуется другой пассажиръ, спѣша на «Бабу»,—а меня высаживаютъ въ Керчи.

— Вы знаете, что въ Новороссійскѣ было получено штормовое предостереженіе, и въ Анапу мы не могли зайти.

— Вѣрно груза не было,—замѣчаетъ кто-то.—Теперь жди въ Керчи другой круговой пароходъ. А если опять получится штор-

мовое предостереженіе, то снова вмѣсто Анапы очутишься въ Новороссійскѣ.

— А тамъ опять предостереженіе, и опять мимо Анапы въ Керчь...

— Очень ужъ облѣнились здѣсь, вотъ что, — говоритъ пассажиръ, успѣвшій перебраться на «Бабу» и очутиться внѣ власти начальства «Цесаревны». Кажется, даже телеграмками изволятъ обмѣниваться. Есть грузъ—заходятъ, а нѣтъ—что за интересъ! Что какой-нибудь тамъ одинъ пассажиръ пострадаетъ — имъ что! Зато ихніе интересы соблюдены и угля меньше выйдетъ. А тамъ, гдѣ груза много, пробарахтаются и два-три часа лишнихъ. — Не бѣда. Пассажиры должны все терпѣть. Штормовое предостереженіе! Да вы мнѣ позвольте сюда это штормовое предостереженіе. А то мало ли что можно выдумать... да-съ!

«Баба» свиститъ, заглушая голосъ протестанта и унося его къ берегамъ Крыма, на которыхъ онъ никакъ не предполагалъ быть сегодня. Обыкновенный маленькій сюрпризъ господина Понта Эвксинскаго и Р. о. п. и. т.

Керчь раскинулась маленькимъ Неаполемъ у подножія горы Митридатъ, бѣлѣя каменными кубиками на фонѣ обнаженныхъ окрестностей, то песчаныхъ, то буроватыхъ. Отсутствіе растительности придаетъ городу безжизненный видъ. На вершинѣ горы Митридатъ высится красивая колоннада, нѣсколько похожая на Тезеевъ храмъ въ Акрополѣ. Ниже виднѣются какія-то руины. Несмотря на большія европейскія зданія и лѣсъ мачтъ у пристани, городъ кажется выросшимъ изъ пепла, на развалинахъ прошлаго. Таинственная атмосфера этого прошлаго какъ будто носится въ тепломъ утреннемъ воздухѣ вмѣстѣ съ прахомъ тысячелѣтій, слетающимъ съ песчаныхъ холмовъ, кажущихся какой-то ободранной, выцвѣтшей декораціей исторіи человѣческой. Кто только не перебывалъ здѣсь, въ этой Пантикапеѣ, когда-то блестящей столицѣ могучаго Босфорскаго царства, за двадцать пять вѣковъ ея существованія, какихъ народовъ не видала только здѣсь эта безмолвная гора, — народовъ, вѣчно враждовавшихъ изъ-за этого уголка земли, отнимавшихъ его другъ у друга и потомъ исчезавшихъ вмѣстѣ со своимъ могуществомъ, со своими царями и великими полководцами-побѣдителями въ безднѣ всепобѣждающей смерти и забвенія, не оставивъ потомству ничего, кромѣ грудъ развалинъ, наслѣдственной вражды и звуковъ—именъ, перевранныхъ историками. Были тавры, были киммеріяне, ворвались за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. скиѳы и поработили ихъ; семь вѣковъ киммеріяне оставались подъ игомъ, но при скиѳскомъ царѣ Гичесѣ перекочевали въ Азію, а побѣдители, слившись съ побѣжденными, стали тавро-скиѳами. Этихъ тавро-скиѳовъ завоевали въ VI вѣкѣ до Р. Х. эллины, основавъ по всему побережью Крыма свои колоніи, начиная Пантикапеей. Выросло на тавро-скиѳскомъ пеплѣ Босфорское царство съ древнегреческою культурой и просуществовало восемь вѣковъ, въ теченіе которыхъ смѣнялись династіи разныхъ Археантидовъ, Спартакти-

довъ, Археменидовъ, Зенонидовъ и Аспургіановъ... Звуки, звуки и звуки... Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. явился понтійскій и парфянскій царь Митридатъ Великій, покровитель наукъ и искусствъ, говорившій на двадцати двухъ языкахъ, тотъ самый Митридатъ, каменный тронъ и гробница котораго уцѣлѣли еще на вершинѣ этой горы, у развалинъ акрополя; его побѣдили римляне, затѣмъ сюда хлынули сначала полчища гунновъ, готовъ и угровъ, позже—хазаръ печенѣговъ, руссовъ и половцевъ и, наконецъ, монголовъ; одно побережье еще осталось во власти грековъ, а потомъ венеціанцевъ и генуэзцевъ, основавшихъ здѣсь цвѣтущія колоніи; въ XV вѣкѣ пришли турки, разрушили колоніи, увели сорокъ тысячъ генуэзцевъ въ плѣнъ — и исламъ воцарился на всемъ полуостровѣ, христіанская культура рухнула, все превратилось въ прахъ, и на развалинахъ культуры выросло могучее, дикое крымское ханство, заливавшее потоками крови христіанскій міръ и теперь тоже превратившееся въ развалины.

Вспоминаешь эту трехтысячелѣтнюю исторію самоистребленія человѣческаго рода — и недоумѣваешь, точно ли о немъ, о разумномъ существѣ, созданномъ «по образу и подобію Божіему», сложилась эта исторія, или о какихъ-нибудь керченскихъ селедкахъ, которыя ежегодно истребляются здѣсь человѣкомъ въ количествѣ семи-восьми милліоновъ штукъ.

Къ «Цесаревнѣ» подошелъ грузовой пароходикъ, притащившій ящики и бочки съ сельдями. Трупы селедочнаго народа, потомковъ тѣхъ самыхъ сельдей, которыя питались здѣсь когда-то человѣческимъ мясомъ побѣжденныхъ и побѣдителей, почему и пріобрѣли, можетъ-быть, такой отличный вкусъ (нѣтъ худа безъ добра), тысячами перегружаются съ одного парохода на другой.

Лебедка работаетъ точно какой-то чудовищный журавль, выклевывая добычу изъ трюма одного парохода и перетаскивая ее въ трюмъ другого.

— Вира (поднимай)!—командуетъ помощникъ капитана, и цѣпь быстро взвивается по блоку журавля, вытаскивая нѣсколько десятковъ пудовъ. Лебедка поворачиваетъ свой клювъ съ ношей надъ пастью трюма.—Майна (опускай)! — раздается новая команда; цѣпь разворачивается, и грузъ мягко и осторожно опускается на самое дно парохода. Ящики и бочки перелетаютъ подъ лязгъ цѣпей и визгъ блоковъ въ теченіе цѣлаго часа.

Движеніе на рейдѣ небольшое. Подлѣ насъ выступаетъ корпусъ англійскаго гиганта, мимо проходитъ, исчезая въ глубинѣ Керченскаго пролива, нѣсколько пароходовъ, далеко-далеко въ розоватомъ туманѣ бѣлѣютъ паруса рыбачьихъ шкунъ.

«Баба» прибѣгаетъ изъ Керчи, притащивъ массу пассажировъ. Публика ужъ не кавказская и не астраханская. Палубные пассажиры все больше типичные русаки или хохлы; русская рѣчь пересыпается съ малорусской; татары показываются изрѣдка; зато есть фески грековъ и несомнѣнныя еврейскія физіономіи, впрочемъ—въ гарнирѣ европейскихъ костюмовъ.

Въ классной публикѣ тоже преобладаетъ русскій элементъ, но не фешенебельной курсовой публики, а преимущественно новороссійской. Кромѣ двухъ генераловъ, къ намъ садится одинъ князь, нѣсколько степняковъ-помѣщиковъ, нѣсколько керченскихъ дамъ съ немножко провинціальной sans-gêne, какой-то тучный милліонеръ-рыбопромышленникъ, на манеръ волжскихъ, парочка стариковъ, высохшихъ, какъ вяленая тарань, и будто выкопанныхъ изъ керченскихъ катакомбъ, да какой-то французъ съ молодой, краснощекой и волнующейся женой.

На пароходѣ мойка. Изъ помпы пущенъ потокъ воды, заливщій палубу. Матросы, съ завороченными по колѣни брюками, энергично трутъ полъ швабрами, шлепая босыми ногами въ лужахъ.

Плывемъ. Песчаные берега съ горой Митридатомъ и Керчью въ глубинѣ бухты, крѣпостью слѣва и Еникале справа, на высокомъ мысѣ, начинаютъ кружиться и убѣгать. Съ крымскими берегами переглядываются такіе же безжизненные кавказскіе берега. Они все удаляются, сливаются и таютъ въ розовой дымкѣ.

Кавказъ исчезаетъ какъ сонъ, какъ чудная сказка. А справа разворачивается волнистая лента крымскихъ береговъ, желтыхъ, совсѣмъ мертвыхъ; ни деревца, ни травки. Чѣмъ дальше, они все становятся ниже и, наконецъ, расстилаются песчаной степью, напоминая берега Волги въ устьѣ.

Море мѣняетъ цвѣта безпрерывно. Мертвая зыбь то подымаетъ, то опускаетъ огромныя водныя площади. Пароходъ, не колыхнувшись, не дрогнувъ, сразу взлетаетъ всей своей массой.

За завтракомъ время проходитъ весело. Новая публика внесла оживленіе. Старые пассажиры чувствуютъ себя нѣсколько въ роли деревенскихъ хозяевъ, къ которымъ сразу нагрянули гости.

Въ дополненіе ко всему—и завтракъ прекрасный. Идеально свѣжія маслянистыя кефали, величиной со щуку, тонутъ въ красномъ сокѣ изъ помидоръ. За ними слѣдуютъ рябчики, прекрасный честеръ, огромные батумскіе персики и виноградъ изабелла. Кавказское и крымское вино дополняютъ эту кулинарную музыку.

Лакеи тоже повеселѣли. Пассажировъ прибавилось—больше заработаютъ. Прислуга на «Цесаревнѣ» образцовая, вышколенная въ строгомъ стилѣ хорошаго барскаго дома. Ничего холопскаго, самое полное вниманіе, похожее скорѣе на хозяйскую предупредительность. Занимаете каюту—сейчасъ же на вашей койкѣ мѣняютъ постельное бѣлье; ложитесь—портьера неслышно отодвигается и лакей осторожно забираетъ ваши вещи и сапоги, не дожидаясь вашего приказанія почистить ихъ. Пароходъ качаетъ во всѣ стороны, съ пассажирами «фридрихъ», а они знай себѣ чистятъ вещи, подтираютъ полъ, накрываютъ на столъ и къ обѣду и завтраку являются въ новенькихъ ливреяхъ и свѣжихъ перчаткахъ, съ манишками и манжетами болѣе чистыми, чѣмъ у многихъ пассажировъ. Правда, и зарабатываютъ они много: въ одинъ какой-нибудь круговой рейсъ, за недѣлю, выручаютъ рублей сорокъ-пятьдесятъ не считая жалованья.

За все время моей поѣздки я только въ европейской комфортабельной обстановкѣ черноморскихъ пароходовъ и отдохнулъ отъ гостиничной грязи, скверныхъ ресторановъ и клоповъ.

Качка, которой я такъ боялся, совсѣмъ теперь не дѣйствуетъ; можетъ-быть, привычка взяла свое, а можетъ-быть, мятное масло помогло. И, главное, благодаря чистому и здоровому морскому воздуху, аппетитъ просто мучительный.

Мертвая зыбь дѣйствуетъ на дамъ. Моя сосѣдка, волнующаяся француженка, объѣдается кефалью, потомъ вдругъ говоритъ мужу, отчаянно картавя и съ необыкновеннымъ трескомъ выговаривая *эръ*: «ты знаешь, мнѣ сейчасъ будетъ скверно. Ахъ, c'est trrrès bon, но... я не могу». Она бросаетъ вилку и исчезаетъ. Одна изъ керченскихъ дамъ тоже начинаетъ съ брезгливой миной ковырять кефаль, замѣчая: «они, кажется, приготовляютъ здѣсь на маргаринѣ», и удаляется по стопамъ француженки. Скоро и другія дамы исчезаютъ. Одна адмиральша невозмутима.

«Гвоздь» общества составляетъ князь, высокій, красивый, осанистый брюнетъ, одинъ изъ крупныхъ крымскихъ винодѣловъ. Онъ какъ-то сразу, съ появленіемъ на пароходъ, обратилъ на себя вниманіе и своей фигурой, и барскимъ тономъ, и десятирублевкой, которую подарилъ провожавшему его человѣку, сказавъ снисходительно-небрежно:

— На, Георгій, возьми себѣ...

Съ княземъ, видимо, хорошъ смуглый брюнетъ армянскаго типа, извѣстный крымскій табачный фабрикантъ. Онъ сейчасъ же знакомитъ его съ полнымъ блондиномъ-бородачемъ, своимъ пріятелемъ. Близорукіе голубые глаза, очки и спокойное румяное русское лицо придаютъ его расплывшейся фигурѣ что-то профессорское. Оказывается, это владѣлецъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ земли и крупный овцеводъ, притомъ чистопробный хохолъ.

— Я васъ помню, князь, еще въ шестидесятыхъ годахъ въ кіевскомъ университетѣ,—говоритъ онъ добродушно.

— Ахъ, да-да, и я теперь васъ припоминаю! — восклицаетъ князь.—Какъ это давно, Боже мой, было...

Начинаются разныя воспоминанья. Но «хохолъ» сейчасъ же добродушно признается, что и фамиліи профессоровъ, и вся университетская жизнь--почти забыты.

— Только и остались въ памяти изъ университета двѣ вещи,— говоритъ онъ:—это—какъ стаканомъ сахаръ колоть и въ лексиконъ Рейфа свѣчи закладывать.

Эта откровенность вызываетъ общія улыбки. Князь тонко усмѣхается, расправляетъ сѣдѣющую бороду и, надѣвъ роговое пенснэ, переводитъ разговоръ на хлѣбный кризисъ.

— Ахъ, князь, кстати,—раздается сразу съ нѣсколькихъ сторонъ. Что намъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать? Вѣдь выхода нѣтъ...

— У васъ какія цѣны? — спрашиваетъ ѳеодосійскій помѣщикъ керченскаго.

— Тридцать пять—сорокъ копѣекъ пудъ пшеницы.

— Сегодня въ Керчи,—говоритъ «малороссъ», — четверть продавали по шести рублей.

— Это еще хорошо.

Раздается смѣхъ. Нѣкоторые переглядываются вопросительно.

— Да какъ не смѣяться, помилуйте!—отзывается кто-то.—Вѣдь въ горячую пору за одну жатву съ десятины приходится платить двадцать рублей. Только и остается смѣяться.

— Я въ этомъ году двѣсти десятинъ банатки такъ и оставилъ на выпасъ. Даже косить не пытался,—заявляетъ «малороссъ».

— Да, господа, да, плохо,—замѣчаетъ князь.—Что-жъ, я вѣдь говорилъ... (Называется крупное имя). Mon cher, что вы дѣлаете, вѣдь для насъ это—петля, надо знать мѣстныя условія. Не послушалъ. Ну—что-жъ! Потеряли заграничные рынки. Конечно, они нашли другихъ поставщиковъ. Не ждать же имъ и съ голоду помирать, пока мы смилуемся. Теперь извольте-ка отвоевать рынки. Что въ одинъ годъ потеряли—и въ десять не вернешь. А вѣдь все наше хозяйство и такъ на волоскѣ, вся Новороссія на волоскѣ. Это надо знать, съ этимъ нельзя не считаться.

— Но, все-таки, что же дѣлать-то?—раздаются голоса.

— А вотъ бросайте пшеницу, да насаждайте виноградники, какъ я. Вѣдь вы знаете—у меня одно прошлогоднее кабернэ дало семьдесятъ пять тысячъ чистаго дохода. Пино, какъ ни малъ былъ сборъ, и то двадцать тысячъ рублей чистоганчикомъ далъ.

— Такъ-то такъ, а что скажетъ госпожа филоксера?

Море становится спокойнѣе, переливая то зеленымъ, то нѣжно-голубымъ цвѣтомъ. Берега все разворачиваются желтой лентой мертвой пустыни.

Впереди вырастаютъ, приближаясь къ намъ, бѣлые вздутые паруса. Это камни-корабли, громадные утесы, кажущіеся парусами. Иллюзія полная.

На всемъ пути до Ѳеодосіи ничто не приковываетъ глаза. Безбрежная степь моря, поднимающаяся до горизонта, и пустынные берега.

Въ шестомъ часу вечера у подножія невысокой горы показывается Ѳеодосія, древняя греческая колонія, основанная въ V вѣкѣ до Р. Х., ставшая позже цвѣтущей генуэзской Каффой и затѣмъ въ XV вѣкѣ тоже завоеванная турками.

Берега такіе же желтые или бурые, видъ города совсѣмъ безжизненный. Кое-гдѣ изъ мертвыхъ каменныхъ кубиковъ выглядываетъ жиденькая, чахлая растительность. Слѣва, на окраинѣ, надъ портомъ выступаютъ угрюмыя развалины стѣнъ и башенъ древней крѣпости, справа, на противоположной окраинѣ, такіе же мрачные бастіоны генуэзской крѣпости. Въ центрѣ, надъ городомъ, высится колоннада музея древностей. Соборъ и купола восьми церквей, разбросанныхъ тамъ и сямъ, да минаретъ мечети нѣсколько скрадываютъ однообразіе ѳеодосійской панорамы. У бульвара выдвигается красивая вилла Айвазовскаго и еще нѣсколько живописныхъ дачъ, а дальше—вокзалъ.

Портъ строится. Вся гора у крѣпости изрѣзана террасами, съ которыхъ сносится на молъ земля и камни.

Солнце закатывается за крѣпостныя башни, обливая крыши и купола красноватымъ свѣтомъ.

Городъ застраивается. Всюду видны лѣса, новыя зданія, свѣжія краски. Улицы обрамлены то старинными, низкими, еще турецкими постройками, съ тяжелыми колоннами вдоль фасадовъ, то новыми европейскими зданіями. Въ центрѣ—нѣсколько большихъ гостиницъ и красивыхъ домовъ съ величественными фасадами и прекрасными магазинами. На молодомъ бульварѣ — фонтанъ Айвазовскаго и небольшой памятникъ съ бронзовой статуей и надписью: «Доброму Генію города Ѳеодосіи».

Этимъ «добрымъ геніемъ» города явился знаменитый маринистъ И. К. Айвазовскій, уроженецъ Ѳеодосіи. Здѣсь онъ наблюдалъ это непокорное море еще мальчуганомъ, уловивъ тайну его красокъ, здѣсь онъ впервые вдохновился его могучей красотой, которую потомъ властью таланта перенесъ на полотно. Для города онъ сдѣлалъ очень много. Его студія, Мекка маринистовъ, привлекаетъ не только художниковъ, но и туристовъ. Онъ же подарилъ городу право пользоваться богатымъ источникомъ воды изъ его имѣнія и устроить водопроводъ, ежедневно дающій свыше 50.000 ведеръ воды. Чтобы понять, что значитъ такой даръ для Ѳеодосіи, надо вспомнить, что недавно, въ 1887 году, во время засухи воду доставляли сюда изъ Севастополя въ бочкахъ, на пароходахъ.

Только съ устройствомъ водопровода и желѣзной дороги городъ ожилъ. Куда дѣвалась вода генуэзской Каффы—тайна прошлаго и земли; когда-то здѣсь было болѣе ста фонтановъ. Остатки ихъ и теперь еще видны кое-гдѣ на улицахъ, но воды нѣтъ; это трупы.

Отправляюсь въ картинную галлерею Айвазовскаго. Слѣва отъ красиваго подъѣзда—большой залъ. Освѣщеніе сверху. При входѣ опускаютъ въ кружку двугривенный въ пользу бѣдныхъ.

Въ галлереѣ до тридцати большихъ картинъ. Швейцаръ зажигаетъ нѣсколько лампъ съ рефлекторами. Какъ ни теряютъ нѣкоторыя картины отъ этого освѣщенія, какъ ни высоко онѣ помѣщены, все-таки эффектъ поразительный. То море, которое я сейчасъ покинулъ, опять предо мной, на полотнѣ, но такое же живое, такое же могучее, то яростное и дикое, то нѣжно-голубое и манящее, то съ прозрачной зеленоватой волной. Эта прозрачность, придающая столько жизни и правды клокочущей стихіи, вызываетъ полную иллюзію. Надо было съ дѣтства расти у моря, наблюдать изо-дня въ день прибой, капризные переливы волны, ея измѣнчивые тона, чтобъ умѣть такъ живо схватить ихъ. Не то въ рамку вставлены куски моря, не то оно приготовляется въ студіи Айвазовскаго.

Нѣкоторыя картины мнѣ пришлось видать нѣсколько лѣтъ тому назадъ на выставкѣ въ Петербургѣ. Но теперь, въ сосѣдствѣ съ оригиналомъ, который стоитъ предо мной три дня, онѣ захватываютъ еще больше. Особенно хороши: «Пушкинъ у гурзуфскихъ

скалъ», «Островъ Капри», будто плывущій по голубой, необыкновенно покойной равнинѣ, «Зыбь послѣ кораблекрушенія», «Предъ стрижкой овецъ на берегу Чернаго моря», «Прибой у Біарица», «Штормъ во время плаванья Императора Николая I въ 1828 году» и «Погибающее судно».

«Зыбь послѣ кораблекрушенія» — это цѣлая поэма на верещагинскую тему—«На Шипкѣ все спокойно». Какъ тамъ солдатачасового заноситъ метель и изъ снѣжнаго сугроба виденъ только одинъ штыкъ да кончикъ башлыка, такъ и здѣсь — надъ моремъ еще виднѣется только верхушка мачты. Но и здѣсь, какъ и тамъ, васъ охватываетъ ощущеніе безпомощности человѣка въ борьбѣ съ дикой и безпощадной стихіей. Море не бушуетъ, не клокочетъ отъ ярости, оно точно замираетъ въ нѣгѣ изнеможенія послѣ борьбы съ человѣкомъ, послѣ того, какъ поглотило свои жертвы. На томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ корабль, видна воронка водоворота; а вокругъ колышется пластами водная равнина, но колышется спокойно, безъ волны и гребней, какъ какой-то злой геній, который кончилъ злое дѣло и которому больше нечего дѣлать...

Что-то напоминающее адажіо патетической сонаты Бетховена.

Вечеромъ надъ моремъ выплываетъ луна, и Ѳеодосія, съ ея бѣлыми домами и тысячами огней въ окнахъ и фонаряхъ, принимаетъ совсѣмъ волшебный видъ. Огни отражаются въ бухтѣ пестрыми точками и полосками, которыя дрожатъ и морщатся отъ легкой ряби.

Къ намъ на пароходъ садится цѣлая рота солдатъ со знаменемъ и хоромъ трубачей. Знамя помѣщаютъ на кормѣ, подлѣ рубки перваго класса. Къ нему приставляютъ часового.

Трубачи играютъ маршъ. Опять «Птичка», которую я слыхалъ мѣсяцъ тому назадъ въ Могилевѣ и еще гдѣ-то на сѣверѣ, за тысячи верстъ отсюда, потомъ въ Пятигорскѣ. «Цесаревна» мягко и легко отодвигается отъ мола. Миріады огоньковъ, тѣни береговъ, звѣзды на небѣ—все это движется въ голубомъ сіяніи лунной ночи. Звуки музыки разлетаются стройными волнами надъ серебрящейся бездной, сливаясь съ плескомъ воды, которую пароходъ рѣжетъ своей грудью.

Ночь совсѣмъ волшебная. Я сижу на палубѣ. Что-то убаюкиваетъ и ласкаетъ. Море почти спокойно; изрѣдка только серебряныя змѣйки скользятъ по немъ и разбѣгаются рѣзвой стаей. Надъ моремъ вырастаютъ бѣлые контуры Яйлы. Луна подымается все выше. Музыка играетъ какой-то нѣжный романсъ. Такъ хочется жить и любить...

У знамени все стоитъ часовой. Онъ будто приросъ къ ружью. Его неподвижная фигура въ бѣлой шапкѣ и блузѣ кажется на синемъ фонѣ неба и моря изваянной изъ мрамора.

Глава XXIX.

Ялта.— Крымская природа.— Гостиницы. — Въ кондитерской Верне.— О чемъ говоритъ воробей.— Ялтинскіе проводники.—Массандра.—Никитскій садъ.—Гурзуфъ.—Публика.—У платана Пушкина.—„Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ“...

Подходимъ къ Ялтѣ. *7-е сентября.*

Ночью мы минули Судакъ и Алушту, пріютившуюся у подножія Чатырдага, утромъ прошли мимо Гурзуфа. Яйла, начавшаяся за Ѳеодосіей, выросла теперь въ высокій береговой хребетъ, сползающій къ морю террасами и холмами, надъ которыми, точно гигантскія ширмы, надвинулись сѣрыя каменистыя вершины.

Слѣва отъ насъ, врѣзываясь въ море, смутно вырисовывается загадочный силуэтъ мыса Ай-Тадоръ, справа выступаетъ громада мыса Никита.

Впереди, въ долинѣ, надъ которой выплываетъ изъ тумана конусообразная Могаби и двуперстый утесъ Ай-Петри, разворачивается на темномъ фонѣ зелени и скалистыхъ горъ панорама Ялты. Надъ моремъ вырастаютъ стройные корпуса гостиницъ, шпалеры домовъ вдоль набережной, раскинутыя амфитеатромъ дачи и двѣ церкви. Все это движется, приближаясь къ намъ. Лучи восходящаго солнца играютъ на пестрыхъ крышахъ и горахъ, обступившихъ Ялту съ трехъ сторонъ.

Море, нѣжно-голубое, необыкновенно покойно. На всей бирюзовой дали, будто отдыхающей послѣ бури, нигдѣ ни морщинки. Легкій голубовато-молочный туманъ окутываетъ ее и горы, придавая ихъ контурамъ какую-то воздушность.

«Цесаревна» подходитъ къ молу. Городъ такъ близко, что кажется, будто пароходъ врѣзался въ улицу.

Что-то напоминаетъ картинку изъ «Нивы», въ воображеніи встаютъ десятки иллюстрацій съ ялтинскими видами, но только раскрашенными.

Уголокъ заманчиво-уютный. Городъ еще будто нѣжится въ утренней дремотѣ, мирно улыбаясь. Миромъ вѣетъ отовсюду: и отъ сѣрыхъ, застывшихъ надъ пропастью, утесовъ, подъ которыми плывутъ облака, и отъ великановъ-горъ, окружившихъ городокъ словно для защиты, и отъ виднѣющейся въ глубинѣ Ялтинской долины татарской деревни, и отъ живописныхъ дачъ, пестрѣющихъ по склону холмовъ надъ Ялтой.

Тепло. Мягкій воздухъ какъ будто насыщенъ дыханіемъ жизни.

Что-то нѣжитъ и умиротворяетъ. Природа полна покоя и лѣни. Въ ней не чувствуется страсти и силы кавказской природы, ни ея творческой мощи. Тамъ — какой-то заколдованный міръ титановъ, величавый, могучій и необъятный, полный чего-то и дикаго, и чарующаго; здѣсь—иной міръ,—міръ земной, полный ласки и тихихъ грезъ, такихъ же нѣжныхъ и безмятежныхъ, какъ безбрежная голубая гладь. Тамъ что-то поражаетъ духъ и дразнитъ воображеніе, тревожа его, будя жажду какой-то иной, призрачной жизни и не-

вѣдомыхъ ощущеній; здѣсь что-то убаюкиваетъ душу, наполняя ее сладкимъ томленьемъ, когда и желанія, и мечты будто растворяются въ общей гармоніи съ природой. Ничто не волнуетъ, ничего не хочется; только бы жить, дышать и глядѣть на міръ.

Послѣ Кавказа, Крымъ не поражаетъ ни величіемъ, ни красками, ни фантазіей природы. Есть лица очень симпатичныя, очень милыя и хорошенькія, которыми вы, кажется, готовы любоваться безъ конца и вѣрить, что они красивы; но стоитъ только вамъ увидать настоящую красоту—и вы чувствуете, что милое и симпатичное лицо, которое казалось такимъ прекраснымъ, какъ будто поблекло и потеряло для васъ навсегда свое прежнее обаяніе. Видѣть Крымъ послѣ Кавказа — это видѣть милое и симпатичное личико послѣ лица необыкновенной красоты.

Хороши вершины Яйлы, живописна синѣющая гряда далекихъ горъ, красиво и дико вырастаетъ утесъ Ай-Петри... Но все это только мило, все это блѣднѣетъ предъ величавой красотой Кавказа, который неотвязно, какъ образъ любимаго существа, преслѣдуетъ, заслоняя все.

Крымъ живописенъ только въ береговой полосѣ между Ѳеодосіей и Севастополемъ. Здѣсь вдоль моря раскинулась коллекція чудныхъ картинокъ, прелестныхъ, какъ художественныя миніатюры. Но всѣ онѣ затерялись бы въ массѣ кавказскихъ шедевровъ, гдѣ въ каждомъ уголкѣ могла бы умѣститься вся панорама крымскихъ миніатюръ.

Я даже досадую на себя за нѣсколько неудачный маршрутъ: Крымъ надо было посмотрѣть до Кавказа.

Отправляюсь вмѣстѣ съ Вышкинымъ «искать номеръ». Въ Ялтѣ всегда «ищутъ номера». «Россія», развернувшая вдоль набережной свой величественный фасадъ, переполнена; изъ 150 номеровъ — ни одного свободнаго; то же и во «Франціи», и въ «Грандъ-Отелѣ». Только въ «Центральной», выдвинувшей надъ пристанью свой четырехъэтажный корпусъ, удается найти два номера, да и то гдѣ-то въ поднебесьи. Комната маленькая и низкая, окна прорѣзаны въ крышѣ, цѣна — два рубля. На обояхъ, у кровати, пятна. Невольно начинаешь мнительничать. Можетъ-быть, не дальше, какъ вчера, здѣсь лежалъ чахоточный, выплевывая эти свои проклятыя палочки вмѣстѣ съ виноградной шелухой, лежалъ и глядѣлъ умирающимъ взглядомъ въ окно, на клочекъ неба и голубой лоскутокъ моря, мечтая о томъ днѣ, когда выздоровѣетъ и вырвется изъ этой клѣтки. А вокругъ вертѣлись здоровые люди, чуждые этому пришельцу, явившемуся сюда съ далекаго и сырого сѣвера въ надеждѣ оттянуть роковую развязку, въ надеждѣ, что живительный воздухъ и синее небо возродятъ его; и всѣ эти люди, начиная содержателемъ гостиницы, кончая оффиціантомъ, только о томъ и мечтали, какъ бы побольше урвать съ умирающаго, какъ бы нагрѣть руки у этого почти трупа. Совсѣмъ какая-то мародерская картинка.

Дерутъ невозможно и невозбранно, дерутъ всѣ, кто можетъ и что можетъ. Ужъ довольно сказать, что въ странѣ винограда, въ

виноградномъ курортѣ, фунтъ винограда продается по пятнадцати, восемнадцати и двадцати пяти копѣекъ. Это въ сентябрѣ, въ то время, когда въ Кіевѣ пудъ винограда, немного, правда, попроще и покислѣй,—три рубля, когда въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Ялты тотъ же виноградъ можно имѣть по 2—3 к. фунтъ.

Отправляемся обозрѣвать городъ. Отъ улицъ и подметенныхъ тротуаровъ вѣетъ утренней свѣжестью. Набережную огибаютъ шпалеры домовъ съ нарядными магазинами и пестрыми вывѣсками. Здѣсь городъ имѣетъ совсѣмъ приглаженный и европейскій видъ. Къ западу, проползая между дачами, извивается шоссе въ Ливадію. Она за горой.

Заходимъ въ городской садъ.

Зеленый газонъ, обрамленный бахромой туи, причесанъ; темные, стройные кипарисы отчетливо выдѣляются на его яркомъ фонѣ. Ресторанъ, театръ и нѣсколько павильоновъ красиво выступаютъ на кружевѣ южной зелени. Садъ содержится съ нѣмецкой аккуратностью; усыпанныя гравіемъ дорожки будто приглажены щеткой. Тамъ и сямъ уже видны курсовые. Въ рукахъ корзиночки или бумажные мѣшечки съ виноградомъ. Глотаютъ ягоды и молча плюются.

У гостиницы «Франція» надъ самымъ моремъ изящный кіоскъ, въ которомъ помѣщается кондитерская Верне. Заходимъ выпить кофею. Море плещется подъ нами, пѣна прибоя взлетаетъ на набережную, на перила балкона, покрытаго парусиной. Близость моря, его неумолчный, но теперь нѣжащій прибой, покойная голубая равнина и этотъ живописный городокъ, выглядывающій изъ зелени корзины и залитый сіяніемъ южнаго солнца, неотразимо чаруютъ.

Къ намъ слетаетъ стая воробьевъ. Ихъ приручила публика. Они здѣсь совсѣмъ нахалы и разбойники. Чирикаютъ, переговариваются, воровски поглядываютъ и подбираются все ближе и ближе. Одинъ сорванецъ, недовольный крошками, которыя я бросилъ ему, не долго думая, садится на столъ. Его дерзость приводитъ въ неописуемый восторгъ всю воробьиную компанію. Его пріятели смѣются, весело помахивая хвостиками; нѣкоторые, болѣе опытные, кричатъ ему что-то тревожно. Должно-быть, совѣтуютъ не довѣряться «этому крокодилу—человѣку». А онъ, разбойникъ, стуча по подносу цѣпкими лапками, уставился въ меня своими бисерными глазками и, чирикая, такъ, кажется, и говоритъ:

«Вѣдь міръ такъ хорошъ, вѣдь ты такъ охваченъ теперь этимъ обаяніемъ жизни, что не станешь обижать меня. Вѣдь и ты, какъ и я, мы прилетѣли сюда только на мигъ, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ міромъ, насладиться его гармоніей. Не мѣшай же мнѣ, какъ я тебѣ не мѣшаю. Позволь мнѣ воспользоваться этой крошкой. Она вѣдь не нужна тебѣ»...

Вспоминается Надсонъ...

Такъ вотъ оно море!.. Горитъ бирюзой,
Жемчужною пѣной сверкаетъ.
На влажную отмель волна за волной
Тревожно и тяжко взбѣгаетъ...

Взгляни, онъ живетъ, этотъ зыбкій хрусталь...
А даль-то какая!.. О, какъ эта даль
Усталые взоры чаруетъ...
Сынъ края метелей, тумановъ и вьюгъ,
Сынъ хмурой и блѣдной природы,
Какъ пылко, какъ жадно я рвался на югъ,
Къ вамъ, мѣрно шумящія воды!...

Въ концѣ города, по пути въ Гурзуфъ, у шоссе бѣлѣютъ памятники кладбища. Подлѣ него стоитъ дача Цыбульскаго. Тамъ умеръ больной пѣвецъ больного поколѣнья подъ отдаленный гулъ неумолчнаго и вѣчнаго, какъ жизнь, прибоя.

Полдень. Движеніе на улицахъ все усиливается. Публика пестрая. Преобладающій элементъ курсовыхъ — сѣверяне. Много военныхъ, много элегантныхъ нарядовъ, полныхъ кричащаго шика, несмотря на дѣланную простоту. Столичный лоскъ и французскій говоръ рядомъ съ провинціальнымъ «сапфасономъ» и туземнымъ жаргономъ. На тратуарахъ—греки, итальянцы и татары съ губками, раковинами, ялтинскими сувенирами и виноградомъ.

По набережной мчатся щегольскіе экипажи и легкіе кабріолеты съ кузовами въ видѣ плетеныхъ корзиночекъ. Надъ ними раскрыты парусиновые зонтики. Это спеціально ялтинскій экипажъ.

У кондитерской, заложивъ руки назадъ или играя хлыстами, стоитъ нѣсколько рослыхъ татаръ. На нихъ маленькія каракулевыя шапочки, черныя куртки, обшитыя галуномъ, какъ у швейцаровъ или старшинъ, и широкіе шаровары, у однихъ на выпускъ, у другихъ—въ ботфортахъ. Татары поглядываютъ пристально и, пожалуй, даже презрительно.

— Это—дамскіе мальчики,—говоритъ мнѣ Вышкинъ.

Народъ—нельзя сказать, чтобъ интересный. Узкіе, совсѣмъ татарскіе глаза, неуклюже выточенные носы, скуластыя, смуглыя лица и во взглядѣ нахальная самоувѣренность мужчины, который хочетъ нравиться. Даже той чисто животной, самческой красоты, которая должна бы составлять бестіальный атрибутъ татарскихъ альфонсовъ, не видать.

Только извращенный вкусъ питерскихъ истеричекъ и психопатокъ могъ облюбовать такихъ «проводниковъ».

— Вотъ подите-жъ,—замѣчаетъ мой спутникъ.—А вѣдь изъ-за этого самаго тупоумнаго Мустафы онѣ чуть не на стѣну лѣзутъ. Курсовая мода. И, главное, ничего этотъ татаринъ выдумать не можетъ, а до этой профессіи додумался. Говорятъ — она такъ прибыльна, что даже наши пытаются конкурировать. Уже начинаютъ наѣзжать сюда и столичные альфонсы: только имъ приходится поддѣлываться подъ мѣстный колоритъ, копировать татаръ и гримироваться: иначе—никакого успѣха. Разсказываютъ—одного изъ этихъ маргариновыхъ проводниковъ, пытавшагося конкурировать, абдулки отодрали: не отбивай, молъ, татарскій хлѣбъ, не твоихъ это рукъ дѣло. Въ оны времена въ Сибарисѣ очень въ модѣ были обезьяны, а теперь—въ Ялтѣ татары.

Между Ялтой и Гурзуфомъ ежедневно курсируетъ паровой катеръ. Съ моря открывается чудный видъ на береговую панораму съ Массандрой, Никитскимъ садомъ, Гурзуфомъ и Аю-Дагомъ. Но катанье по морю намъ надоѣло. Нанимаемъ дрожки-корзиночку. Туда и обратно—восемь рублей. До Гурзуфа считается четырнадцать верстъ.

Корзиночка съ раскрытымъ надъ ней зонтикомъ легко несется по ялтинскимъ улицамъ къ востоку. Подъемъ становится все круче, шоссе извилистѣй. Оно проведено такими же зигзагами, какъ и на военно-грузинской дорогѣ. Но нѣтъ тѣхъ высотъ, тѣхъ стремнинъ и бездонныхъ пропастей, той нескончаемой толпы исполиновъ со снѣжными макушками, которые обступаютъ васъ тамъ со всѣхъ сторонъ, то убѣгая, то надвигаясь.

Высокая отвѣсная дикаго цвѣта стѣна Яйлы, изъ-подъ которой разсыпаются холмы, исчезаетъ за поворотомъ. На мигъ шоссе врѣзывается въ аллею акацій, сквозь кружево которыхъ виднѣются дачи, потомъ внизу подъ нами, въ котловинѣ, вдругъ показывается Ялта, гдѣ-то глубоко на днѣ долины, у зеркальнаго голубого залива. Еще поворотъ — опять стѣна Яйлы съ темной зеленью хвойныхъ деревъ, хилой крымской сосной и пихтой. Растительность все бѣднѣй и рѣже, чинары и кипарисы остались внизу. Шоссе змѣится все выше, потомъ начинаетъ спиралью огибать высокую гору. Мы объѣзжаемъ вокругъ нея нѣсколько разъ. И съ каждымъ поворотомъ величественная и безбрежная голубая равнина моря, опускаясь все ниже, разворачивается шире и шире, на необозримое пространство, маня своимъ бирюзовымъ просторомъ и ясностью.

Теперь передъ нами разстилается холмистый скатъ отрога Яйлы до самаго моря. Весь онъ въ зеленыхъ кудрявыхъ буграхъ, на которыхъ разсыпаны живописныя, хорошенькія, какъ игрушки, дачи. За нами—Горная Массандра съ дворцомъ у сѣдой стѣны Яйлы и легкой колоннадой церковки на темномъ фонѣ дубовой рощи, передъ нами—Нижняя Массандра, сползающая къ самому морю, у котораго виденъ Магарачъ съ училищемъ винодѣлія, рядомъ съ Массандрой—постройки Никитскаго сада, училище садоводства, дача министра государственныхъ имуществъ, еще какія-то зданія.

Все это то показывается, то исчезаетъ за зеленой декораціей садовъ и холмовъ. Ялта и татарская деревушка съ темными верандами и навѣсами выглядываютъ со дна пропасти еще нѣсколько разъ, ихъ заслоняютъ горы въ скалахъ и виноградникахъ: шоссе все змѣится спирально вокругъ утеса, потомъ совсѣмъ неожиданно взвивается на другую гору и начинаетъ сползать внизъ по аллеѣ вѣковыхъ чинаръ и орѣховъ. За поворотомъ выростаетъ столбъ съ надписью: Императорскій Никитскій Садъ.

Онъ расположенъ на террасахъ, спускающихся къ морю. Клѣтки виноградныхъ плантацій и роскошная зелень деревъ кажутся какими-то исполинскими коврами, раскинутыми подъ синимъ шатромъ неба будто для того, чтобы любоваться съ нихъ голубымъ привольемъ моря.

Сейчасъ же у воротъ стелется изумрудный оваль газона, съ пру-

домъ, фонтаномъ, гладкой дугой дорожекъ, статуями и скамьями. Этотъ нѣжный газонъ, стройные, какъ тополи, темные силуэты кипарисовъ, исполинскій камышъ, шарообразные и овальные кусты золотистой біоты восточной, похожей на тую, темный, вырѣзанный фигурами, то въ видѣ глобусовъ, то митры, буксъ—необыкновенно отчетливо и красиво выдѣляются на лазури моря. Зелень кажется еще ярче, лазурная равнина еще чище.

И здѣсь, какъ въ тифлисскомъ ботаническомъ саду, растенія всѣхъ поясовъ сплетаются въ дружную семью, и строгіе представители далекаго сѣвера растутъ рядомъ съ изнѣженными, изящными дѣтьми тропической флоры.

Надъ прудомъ—ива и хурма японская, у фонтана—серебристая пампасовая трава съ серебряными дрожащими колосьями, вездѣ розы въ цвѣту. Надъ мостикомъ въ стилѣ rustique, перекинутомъ черезъ ручей, задумчиво прислушивается къ его журчанью высокая пальмовидная муза, ее окружаетъ группа магнолій, за ними—огромная вѣерная пальма, дальше—похожая на ель криптомерія японская, цвѣтущій фернамбукъ съ желтыми кистями цвѣтовъ, напоминающихъ акацію, калина японская, агерстремія восточная съ листьями сирени и букетами лиловыхъ цвѣтовъ, юка цѣлыми группами, некленъ американскій съ бѣлыми крапинками и полосками на листьяхъ, опять юка, но коротколистая, съ чудными, громадными гроздьями бѣлыхъ цвѣтовъ, бигнонія, кедръ африканскій, похожій на ель, пихта кефалонская и кедръ гималайскій съ распластанными вѣтвями. Дальше—мирты, цѣлый лавровый лѣсокъ съ кругомъ и скамейками, шпалеры изъ гранатника, стеркулія, большой пробковый дубъ съ надрѣзаннымъ стволомъ, роскошные развѣсистые восточные чинары, оливковая роща, падубъ и опять лавровишня, магноліи, смоковница и кипарисы...

Растительность такъ же роскошна, такъ же выхолена, какъ и въ тифлисскомъ ботаническомъ саду; но тамъ она скучена и сжата въ узкой, тѣсной котловинѣ, здѣсь пышно развернулась на просторѣ, на этомъ дивномъ голубомъ фонѣ моря, которое глядитъ сквозь зеленое ажурное покрывало листвы, сквозь своды аллей, подпирающіе синій куполъ неба.

Въ Гурзуфъ ѣдемъ по прежнему пути. Опять шоссе извивается спиралью. Минуемъ Ай-Даниль и круто поворачиваемъ къ морю. Гурзуфъ виднѣется внизу; но до него еще нѣсколько верстъ. Шоссе сползаетъ съ одной террасы, покрытой шелковистыми коврами виноградниковъ, на другую. Яйла все разворачивается надъ нами сѣрыми ширмами, съ уступами, отвѣсными скалами и черными ущельями. Облака дымятся, сползая съ вершинъ, плывутъ надъ глубокой котловиной, въ которой ютится Гурзуфъ, несутся къ Аю-Дагу, Медвѣдь-горѣ. Она всей своей массой выступила въ море и дѣйствительно очень напоминаетъ медвѣдя, который будто лежитъ, посасывая лапу. Волнистый скатъ, по которому змѣится шоссе, весь въ зелени садовъ и виноградниковъ. Зигзаги продолжаются, мы то поворачиваемся лицомъ къ морю, то къ Яйлѣ, все опускаясь, и, на-

конецъ, у самаго берега, свернувъ влѣво, проѣзжаемъ сквозь зеленый тунель съ гроздьями винограда, висящими надъ нами. Навстрѣчу и за нами движутся экипажи съ курсовой публикой и кавалькады, гарцуютъ татарскіе проводники рядомъ съ амазонками.

Курзалъ и гурзуфскія гостиницы расположены группой у площадки съ чуднымъ цвѣтникомъ, отъ котораго, изрѣзывая змѣйками газонъ, разбѣгаются въ паркъ дорожки. Гостиницъ семь; это все красивыя двухъ-и трехъэтажныя зданія съ сѣрыми стѣнами, окаймленными бѣлыми рамами, дверями, полураскрытыми маркизами и прелестными ажурными висячими балконами у каждой двери. Эти балконы, легкіе, какъ корзиночки, придаютъ зданію живописный видъ швейцарскихъ шалэ.

Цвѣтникъ со статуями, художественной группой фонтана и затѣйливыми узорами клумбъ—шедевръ. Все выхолено и подчищено до педантизма. Не рѣшаешься даже бросить на дорожку окурокъ.

Гостиницы, ресторанъ и паркъ освѣщаются электричествомъ.

Съ площадки открывается чарующій видъ на горы, убранныя виноградниками, лѣсами и скалами, и на море съ массой Аю-Дага и двумя исполинами-камнями, точно сторожащими дремлющій заливъ.

У берега изъ зелени выглядываетъ хорошенькая, нарядная византійская церковь; противъ кургауза, у подножія пригорка, выступаетъ вилла Губонина. Тамъ въ двадцатыхъ годахъ гостилъ у Раевскихъ Пушкинъ.

За паркомъ, надъ моремъ, на крутомъ, скалистомъ и обнаженномъ бугрѣ лѣпится амфитеатромъ мѣстечко Гурзуфъ. Татарскіе домики съ плоскими крышами, тѣнистыми верандами и навѣсами тѣснятся у скалы, на вершинѣ которой видны развалины древней генуэзской крѣпости.

Тамъ и сямъ въ паркѣ и на горахъ раскинуты живописные павильоны и бесѣдки.

Вездѣ, куда ни заглянешь, образцовый порядокъ и чистота; во всемъ, отъ ваннъ, почтово-телеграфной конторы, до магазина и аптеки, до мелочей—видна заботливая хозяйская рука и желаніе предоставить публикѣ возможно больше удобствъ. Губонинъ средствъ не щадилъ и, благодаря этому, не «испортивъ природы», превратилъ Гурзуфъ въ одинъ изъ уютнѣйшихъ уголковъ Крыма, въ самый лучшій и благоустроенный русскій курортъ. Неудивительно, что публика, несмотря на относительную дороговизну, наперебой стремится сюда, еще зимой запасаясь квартирами на лѣто. Нарочно заходимъ поочередно во всѣ семь гостиницъ. Изъ двухсотъ номеровъ—ни одного свободнаго.

Ресторанъ помѣщается въ центрѣ группы. Огромный, прекрасный залъ въ два свѣта, съ арками, легкими колоннами, зеркальными окнами, лѣпной работой и фресками, сіяетъ чистотой. У веранды—павильонъ для оркестра. Звуки музыки влетаютъ въ раскрытыя окна мягкими, ласкающими волнами.

Цѣны, несмотря на фешенебельность курорта, нельзя сказать, чтоб совсѣмъ разбойничьи. Обѣдъ изъ четырехъ блюдъ—рубль съ

четвертакомъ. Приготовлено вкусно и опрятно, кухня французская, сервировка безукоризненная.

Къ обѣденному часу залъ наполняется курсовой публикой и пріѣзжими изъ окрестностей. Общество не такъ разношерстно, какъ на кавказскихъ водахъ и въ Ялтѣ, но все-таки группируется кружками. Замѣтна какая-то подтянутость и напряженность, которыя чувствуются, когда среди обыкновенныхъ людей появляются «персоны», и большія персоны. Говоръ сдержанный, прислуга бѣгаетъ съ чрезвычайной быстротой и почти безплотной легкостью. Типъ у публики все больше столичный, преобладаютъ суховатыя желчно-геморроидальныя или малокровныя физіономіи, со слѣдами переутомленія отъ безсонныхъ ночей или бездѣлья, съ тѣмъ безжизненнымъ цвѣтомъ кожи, который бываетъ у людей, живущихъ въ комнатной атмосферѣ, при электрическомъ или газовомъ освѣщеніи, безъ живительныхъ лучей солнца.

Появленіе сухощаваго пожилого господина сановнаго вида, со строго-задумчивымъ лицомъ и сѣдыми департаментскими котлетками, производитъ движеніе. Публика шепчется, поглядывая на него, лакей изгибается въ дугу, дѣлается какимъ-то маленькимъ и глядитъ снизу вверхъ. Почти сенсацію вызываетъ появленіе другого господина, не высокаго, но массивнаго, съ необыкновенно элегантной походкой, отъ которой его округленный корпусъ подпрыгиваетъ будто на рессорахъ. За нимъ идетъ его семья—дама, двѣ барышни и сухоточнаго вида подростокъ. Публика еще чаще оглядывается и шепчется, лакеи дѣлаются еще гибче и меньше, голоса становятся еще угодливѣй и слащавѣй, какъ прикажете-съ и чего изволите-съ будто скользитъ по тройному экстракту мыла № 4711.

Военныхъ совсѣмъ почти не видать. Рѣчь не только французская, но болѣе даже французская, чѣмъ въ самой Франціи. Картавятъ и грассируютъ какъ парижанки, унаслѣдовавшія этотъ порокъ.

Послѣ обѣда выходимъ въ цвѣтникъ и садимся на скамейку противъ ресторана. Оркестръ играетъ веселенькую польку, и мой карандашикъ какъ разъ въ тактъ ей отплясываетъ по записной книжкѣ. Предо мной—прелестная группа фонтана, кургаузъ, раковина для оркестра, фасады гостиницъ съ облѣпившими ихъ, какъ гнѣзда ласточекъ, балконами, живописныя зеленыя горы и утесистая стѣна Яйлы съ темными ущельями, въ которыхъ курится дымокъ взлетающихъ къ небу облаковъ.

Сладкій покой охватываетъ все существо. Волнистыя, задернутыя голубой кисеей очертанія далекихъ горъ, безбрежное ясно-лазурное море, синее небо и яркіе узоры зелени—все будто замерло, чуть дыша, въ чарующей гармоніи природы.

Какой-то «проводникъ» въ бархатной курткѣ, синихъ брюкахъ и черной шапочкѣ прогуливается мимо насъ, заложивъ руки въ карманы и поглядывая на одно изъ оконъ верхняго этажа. Должно-быть, татарскій Ромео, поджидающій питерскую Жюльету.

Это настолько нарушаетъ картину общей гармоніи, что мы уходимъ въ верхній паркъ.

У виллы Губонина, противъ балкона, стоитъ могучій развѣсистый платанъ. Къ стволу прибита дощечка съ надписью: «Платанъ Пушкина».

Здѣсь, подъ сѣнью этого платана, сиживалъ онъ двадцатилѣтнимъ юношей; и кто знаетъ, сколько думъ, сколько образовъ навѣяла эму эта чудная природа, нашепталъ этотъ вѣчный прибой волнъ...

„Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда,
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины...
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинѣ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь...“

Надвигаются сумерки, море и горы все глубже охватываетъ покой. Очертанія ихъ сливаются. Экипажъ медленно выѣзжаетъ по зигзагамъ шоссе. Мѣрное громыханье рессоръ убаюкиваетъ. Гдѣ-то высоко на утесѣ загорается звѣзда, гдѣ-то внизу, на морѣ, мигаютъ движущіеся огоньки. Гурзуфъ залитъ электрическимъ сіяньемъ. Окутавшую землю тьму изрѣдка прорѣзываетъ свѣтъ, мелькающій въ окнахъ дачъ. Въ пропасти, въ дымчатой пеленѣ, показываются миріады огней Ялты. Кажется, будто это море отражаетъ млечный путь и звѣзды.

Спустя нѣсколько минутъ, мы въ гостиницѣ. Въ номерѣ душно. Раскрываю окно. Гавань и набережная окаймлены гирляндою огней. На молѣ сіяетъ зеленый электрическій свѣтъ маяка. Изъ садика «Россіи» доносятся явственно звуки военной музыки. Играютъ вальсъ «Герольдъ». Барабанная дробь и нарастающее крещендо страстныхъ звуковъ сливаются съ неумолчнымъ прибоемъ волнъ въ общій аккордъ. Кажется, будто во мглѣ кто-то стонетъ въ сладкомъ изнеможеніи страсти.

Глава XXX.

Мимо Ливадіи, Ореанды и Ай-Тодора.—Алупка.—Замокъ и парки.—Хаосъ.—Береговая панорама.—Байдарскія ворота.—Въ Байдарахъ.—Балаклава.—Кладбища.—Видъ Севастополя.—Бульваръ и бухта.—На яликѣ.—Братское кладбище.—Закатъ солнца.

8-е сентября.

Отъ Ялты до Севастополя около девяноста верстъ. Прекрасное шоссе, прорѣзывая Ливадію, Ореанду, Ай-Тодоръ, Алупку и Мисхоръ, извивается лентой вдоль берега и только у Байдарскихъ воротъ круто поворачиваетъ, углубляясь въ полуостровъ.

Изъ Ялты ежедневно отправляются дилижансы. Проѣздъ до Севастополя стоитъ 4—5 рублей.

Договариваю извозчика. Легонькій фаэтонъ-корзиночка и тройка лошадей. Спрашиваетъ пятнадцать рублей. Швейцаръ убѣждаетъ согласиться. Увѣряетъ, что дешево, что надо пользоваться случаемъ, такъ какъ извозчикъ — севастопольскій. Сходимся все-таки на двѣнадцати. Швейцаръ получаетъ отъ меня рубль на чай спеціально за то, что «насилу уговорилъ» извозчика уступить.

Выѣзжаемъ. Извозчикъ—хохолъ, съ добродушнымъ лицомъ; но за добродушіемъ проглядываетъ малорусское «себѣ на умѣ», съ плохо скрытой и простоватой хитрецой.

— Ты сколько заплатилъ швейцару за то, что онъ привелъ тебя?—спрашиваю.

— Два рубля.

Высказываю сомнѣніе. Божится.

— Я радъ былъ, потому думалъ уже порожнякомъ вертаться. Учерась двухъ пассажировъ сюда привезъ.

— Значитъ, тебѣ всего десять рублей остается?

— Ага.

Говорю ему, что я тоже далъ швейцару рубль. Смѣется, хотя, видимо, чувствуетъ себя довольно глупо, такъ какъ почесываетъ «потылицу».

Что я плачу двѣнадцать рублей—это понятно: я ѣду; что извозчикъ получаетъ эти 12 рублей—тоже понятно: его экипажъ, его лошади, онъ везетъ. Но за что швейцаръ въ теченіе десяти минутъ заработалъ три рубля — могли бы объяснить развѣ только ялтинцы.

Набережная, пристань съ колышущейся на ней бѣлой, легкой какъ птица, Императорской яхтой «Эрикликъ», гостиницы и магазины—все это проносится мимо, исчезая за мной. Шоссе изгибается вдоль садовъ и хорошенькихъ, заманчиво улыбающихся дачъ. Оглядываюсь. Ялта пестрѣетъ въ зеленой корзинѣ надъ голубымъ заливомъ.

Предъ нами столбъ съ золотыми гербами и двуглавымъ орломъ.

Это—граница Ливадіи.

Шоссе заворачиваетъ къ берегу; внизу, на террасахъ, изъ роскошныхъ садовъ, изумрудныхъ газоновъ и раскинутыхъ коврами цвѣтниковъ, выступаютъ ливадійскіе дворцы, церковь, оранжереи и службы.

Проѣзжаемъ нижней дорогой въ Ореанду. Паркъ усыпанъ скалами; шоссе змѣится во всѣхъ направленіяхъ подъ темнымъ сводомъ зелени, теряясь въ чащѣ, потомъ выбѣгаетъ на обрывъ. Внизу видны руины сгорѣвшаго дворца; справа, надъ нами, на скалѣ выростаетъ бѣлая колоннада портика. Одинъ живописный ландшафтъ смѣняется другимъ; природа величественная, но строгая, суроваго тона; угрюмыя скалы и лѣсъ, перевитый вьющимися растеніями, имѣютъ дѣвственный видъ. Еще мгновеніе—и мы углубляемся въ темный тунель;

сквозь зеленое кружево виднѣется голубое море, надъ нами выростаетъ громадная грозная скала, гдѣ-то на поворотѣ открывается вдругъ видъ на Ялту и Аю-Дагъ съ синѣющей котловиной у подножія.

Изъ нея выступаетъ на холмѣ Гурзуфъ.

Скалы, точно какое-то грозное полчище, надвигаются къ берегу, подступаютъ къ самому морю, словно бы пытаясь заградить ему путь, защитить землю отъ набѣга его волнъ. А оно все ближе подкрадывается къ ней, вздымается высокими гребнями и яростно ревётъ въ безсиліи.

Ай-Петри, отвѣсная зубчатая каменная стѣна, высотой въ 578 саженъ, болѣе версты, мрачно и будто съ вызовомъ глядитъ на море, господствуя надъ этимъ авангардомъ скалъ.

Впереди выступаетъ Ай-Тодорскій мысъ съ тремя обрывистыми утесами. На мысѣ надъ обрывомъ высится башня маяка, замокъ и еще нѣсколько зданій. Живописныя дачи выглядываютъ отовсюду, лѣпятся по склону горъ, неожиданно показываются изъ чащи, у аллей, вдоль которыхъ все время стелется шоссе. На пятнадцативерстномъ разстояніи между Ялтой и Алупкой виноградники, парки и лѣса не прекращаются. Не разберешь, гдѣ начинается одна дача и кончается другая.

Иногда изъ зелени, врѣзываясь въ синее небо, все ближе надвигаются утесы Ай-Петри. Съѣзжаемъ въ тѣнистую долину, застроенную дачами; изъ группы кипарисовъ, тополей и платановъ выступаютъ темносѣрыя стѣны алупкинскаго замка. Минуемъ одинъ дворъ, окруженный башнями и увитый плющемъ и дикимъ виноградомъ, затѣмъ второй. Строгій стиль и видъ средневѣковаго готическаго замка. Угрюмые своды воротъ, подъемные мосты, стрѣльчатыя амбразуры оконъ — все это придаетъ замку суровый и таинственный колоритъ. Въ звонкомъ эхо, подхваченномъ сводами, какъ будто еще слышатся шаги тѣхъ людей, которые прошли здѣсь когда-то.

Замокъ построенъ въ 1837 году. Фасадъ его, обращенный къ морю, въ мавританскомъ стилѣ. Большая величественная арка, съ двумя легкими минаретами надъ ней, тѣнистая веранда въ два яруса, съ ажурной балюстрадой и башнями по бокамъ,—все это сливается въ необыкновенно гармоничное архитектурное цѣлое и полно той граціи и легкости, которыя составляютъ главную прелесть мавританскаго стиля.

Мой проводникъ — старый, приземистый, коренастый татаринъ. На немъ баранья шапочка, куртка, перепоясанная краснымъ широкимъ поясомъ, мѣшковатые шаровары и туфли. На бородатомъ лицѣ и въ черныхъ глазахъ—строго-сосредоточенное и важное выраженіе. Видимо—ему надоѣло водить всю эту праздную вереницу людей, твердить одно и то же, десять разъ на день проходить по длинной анфиладѣ пустынныхъ залъ, гдѣ эхо вторитъ какимъ-то загадочнымъ откликомъ иного міра шагамъ и голосамъ пришельцевъ.

Онъ и еще три татарина составляютъ теперь весь штатъ прислуги замка, когда-то такого шумнаго, полнаго блеска и жизни ма-

ленькаго двора. Старикъ служилъ еще при князѣ Воронцовѣ и до сихъ поръ какъ будто не можетъ примириться съ мыслью, что прошлое исчезло, что вмѣсто минувшаго величія здѣсь воцарилось запустѣніе и забвеніе.

Князь завѣщалъ алупкинскій дворецъ со всѣмъ имуществомъ въ пожизненное пользованіе княгини, своей супруги. Самое имѣніе вошло въ маіоратъ, доставшійся по наслѣдству графу Шувалову. Это поставило наслѣдниковъ въ совершенно исключительное положеніе: княгиня не пользуется замкомъ потому, что у стѣнъ его начинаются владѣнія графа Шувалова; и паркъ, и цвѣтники, и дворъ—все это принадлежитъ графу и находится въ вѣдѣніи его управляющихъ. Живя въ Алупкѣ, княгиня, уже переступая порогъ замка, входила бы въ чужое владѣніе. Она поселилась въ Италіи, куда вывезла драгоцѣнную мебель, рѣдкія коллекціи картинъ и сокровища, которыя собирались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя фамильную гордость. Уцѣлѣла только громадная библіотека. Съ другой стороны -- и графъ Шуваловъ, со времени полученія этого наслѣдства, почти не заглядывалъ сюда. Въ паркѣ есть небольшой живописный домъ съ башней; но помѣщеніе это слишкомъ мало, а дворецъ принадлежитъ пожизненно княгинѣ. Благодаря этому, такимъ райскимъ уголкомъ, какъ Алупка, его владѣльцы не пользуются. И во дворцѣ, и въ паркѣ уже замѣтна запущенность.

Становится грустно. Кажется, ужъ гдѣ бы человѣкъ могъ жить привольнѣе, безпечнѣе и счастливѣе, какъ не здѣсь, въ этомъ чудномъ паркѣ, надъ этой дивной нѣжно-голубой, чарующей равниной, подъ этимъ синимъ небомъ юга...

— И давно здѣсь никто не живетъ?—спрашиваю проводника.

— Ишо какъ кнэасъ умиралъ. Кнэагинъ уѣхалъ можить болши, можить пимножка мэнши, какъ питинасатъ годъ.

Надъ величественной мавританской нищей съ расписаннымъ арабесками сводомъ—какая-то арабская надпись. Спрашиваю татарина, что она значитъ.

— Эта значить,—говоритъ онъ,—кроми Бохъ никто ни можна эта дварэцъ разрушитъ, такъ чито ана крэпка строэна.

Замокъ, несмотря на его архитектурную стройность и легкость, дѣйствительно кажется высѣченнымъ изъ одного массивнаго темносѣраго куска трахита.

Татаринъ вводитъ меня во дворецъ. Проходимъ длинную анфиладу залъ, зимній садъ и множество комнатъ. Ихъ болѣе двухсотъ, но показываются только парадные покои. На стѣнахъ передней и въ залахъ—фамильные портреты съ гербами Воронцовыхъ; надъ портретомъ графа Браницкаго, отца старой княгини, соединенный гербъ Воронцовыхъ и Браницкихъ съ девизомъ semper immita fides; въ спальнѣ еще уцѣлѣли кое-какія картины; изящный фонтанъ въ мавританскомъ стилѣ безмолвствуетъ у одной изъ стѣнъ. Мебели почти никакой; голыя стѣны, въ лѣпныхъ карнизахъ и фрескахъ, да изрѣдка портреты—вотъ и все убранство дворца.

Верхній паркъ, раскинувшійся за замкомъ, подымается къ самому подножію Ай-Петри, вырастающему надъ нимъ неприступной и такой же сѣрой стѣной, какъ и замокъ. Видъ запущенный и дикій. Тамъ и сямъ изъ темной листвы, надъ зигзагами дорожекъ, выступаютъ скалы съ гротами. Въ одномъ изъ нихъ — могила любимой собаки князя Воронцова; надъ гротомъ на скалѣ высѣчено «Chemlek». Дальше дремлетъ подъ тѣнистыми сводами зелени застывшій, точно стекло, прудъ. Въ центрѣ его пирамидальный утесъ, изъ котораго бьетъ струя фонтана, лѣниво журча въ окружающемъ безмолвіи.

Ближе къ грозному Ай-Петри начинается знаменитый «хаосъ». Это — цѣлая гора изъ глыбъ, скалъ, утесовъ и осколковъ обвала, перепутавшихся въ невообразимомъ безпорядкѣ. Точно какая-то толпа гигантовъ, боровшихся въ изступленной схваткѣ и вдругъ окаменѣвшихъ; одни исполины навалились сверху, тысячи другихъ обступили холмъ, словно осаждая его, и въ самый рѣшительный моментъ битвы вдругъ застыли навѣки въ полныхъ напряженія позахъ атакующихъ.

Между навалившимися на узкій проходъ скалами карабкаемся наверхъ, пробираемся, согнувшись, подъ громаднымъ утесомъ и выходимъ на макушку его, въ самый центръ «хаоса». Вокругъ, на протяженіи полуверсты, цѣлыя полчища камней и скалъ, нагроможденныхъ одна на другую, точно изверженныхъ откуда-то изъ преисподней.

Сажусь на каменную скамейку. Эта картина разрушенія и смерти подавляетъ. За нами—такое же мертвое и величественное Ай-Петри съ плывущими подъ двуперстымъ утесомъ облаками и глыбы «хаоса», предъ нами, за грудой разсыпавшихся къ подножію холма камней, кудрявая зелень парка, ниже татарскія мазанки аула, угрюмыя и безъ крышъ, изящная мечеть со стройнымъ минаретомъ, дальше — сѣрыя башни и стѣны замка, выглядывающія изъ бахромы парка, совсѣмъ внизу—голубое море, на фонѣ котораго особенно рельефно выдѣляются стройныя, какъ минареты, темныя иглы кипарисовъ. На морѣ, точно крылья мотыльковъ, колышутся и трепешутъ ярко-бѣлые паруса. Слѣва, надъ голубой гладью, выдвигается Ай-Тодоръ съ замкомъ и башней маяка.

Нижній паркъ спускается къ морю уступами. У мавританской арки дворца начинается лѣстница; на каждой площадкѣ — мраморныя фигуры львовъ. Внизу львы спятъ, вверху, на террасѣ предъ замкомъ, они стоятъ во весь ростъ, какъ бы защищая входъ во дворецъ.

Нижній паркъ не имѣетъ того дикаго вида, какъ верхній; онъ разработанъ, расчищенъ; цвѣтники въ зеленомъ газонѣ досмотрѣны, но нѣтъ все-таки той выхоленности, что въ Гурзуфѣ. Подлѣ лѣстницы—грузинскій садъ съ фонтаномъ въ скалѣ, дальше—«фонтанъ слезъ Маріи Потоцкой», бесѣдка, обвитая виноградомъ съ гроздьями душистой изабеллы, еще скала со скамьей и бесѣдкой въ видѣ портика, въ глубинѣ—обрывъ и водопадъ.

Растительность такая же чудная, какъ и въ Никитскомъ саду.

Столѣтніе дубы и платаны, перевитые плющемъ, шпалеры вьющихся розъ, рощи громадныхъ магнолій, рощи лавровъ и цѣлый лѣсъ кипарисовъ. Ихъ темные силуэты выстроились группами, неподвижными и мертвенно-безмолвными, точно какая-нибудь толпа сторожей у могилы прошлаго.

Въ замкѣ на одной изъ башенъ раздается мягкій и меланхолическій бой часовъ. Для чего и кому они напоминаютъ о времени? Въ окружающемъ безмолвіи этотъ бой кажется тоже какимъ-то отзвукомъ прошлаго.

За оградой парка, выше замка, гостиницы, дачи и татарская деревня.

Обѣдаю въ ресторанѣ. Это небольшой открытый балаганъ, устроенный вблизи одной изъ гостиницъ. Говорятъ, будто лучшій въ Алупкѣ. Содержательница — дама строгая, раздражительная и очень негостепріимнаго вида. Неряшливо и неуютно, обстановка черезчуръ ужъ трактирная. Изъ Ялты пріѣзжаетъ компанія курсовыхъ. Нѣсколько папашъ, мамашъ и много барышенъ. При нихъ какой-то крымскій «эффенди». Мамаши почему-то ухаживаютъ за нимъ. На немъ длинный чесунчевый сюртукъ и баранья шапочка.

— Видите, какой вы нехорошій, Мустафа Сюлеймановичъ,—укоряетъ его одна изъ мамашъ довольно сладенькимъ голосомъ.—Мы къ вамъ лѣчиться, а вы даже и не показываетесь.

— Выдышь, мы нэ зналъ,—оправдывается онъ.—Нэкада, патаму дэла...

Около трехъ ѣду дальше. Дорога ползетъ въ гору, вдоль татарскихъ мазанокъ. Деревня выглядитъ безжизненно. Изрѣдка показывается татарка, въ туфляхъ и синемъ съ красными цвѣтками бешметѣ, да по узкой, кривой улицѣ пробѣжитъ черномазая дѣтвора. Изъ садовъ выглядываютъ дачи, построенныя по типу гурзуфскихъ; Алупка и дворецъ опускаются все ниже.

Шоссе все время вьется по холмистому берегу, надъ обрывами, подъ которыми стелется море. Справа и слѣва то сады, то шелковистыя виноградныя плантаціи. Кудрявые кусты съ подернутой пурпуромъ листвой увѣшаны то янтарными, то черными гирляндами винограда.

За станціей Мисхоръ подъемъ становится круче. Надъ шоссе разворачивается безконечными сѣрыми ширмами стѣна Яйлы, къ морю разсыпаются скалы и бугры, вырастающіе въ цѣлыя группы холмовъ. Растительности меньше и она бѣднѣй. На скалахъ краснѣютъ ярко-коричневые стволы арбутуса и темно-коричневые—крымской сосны. Тамъ и сямъ кустится дубовый молоднякъ, попадается можжевельникъ, на сѣромъ фонѣ Яйлы вырисовываются шпалеры дубоваго, буковаго и грабоваго лѣса. Плющъ и ломоносъ темнымъ кружевомъ покрываютъ скалы.

Дачи и усадьбы попадаются все рѣже, да и то онѣ далеко отъ насъ, внизу, у моря. Мѣстность кажется необитаемой, природа имѣетъ дикій и суровый видъ.

Солнце закатывается гдѣ-то за стѣной Яйлы. Тѣни все становятся длиннѣй и подползаютъ ближе къ морю. Оно теперь уже не голубое, а темно-синее, почти такого же цвѣта, какъ и небо, съ которымъ сливается далеко на горизонтѣ. Дорога змѣится надъ обрывомъ, пропасть подъ нами становится все глубже, берега отвѣснѣй. Мѣстами охватываетъ такое же жуткое ощущеніе, какъ между Гудауромъ и Млетами. Шоссе кажется какимъ-то карнизомъ, который лѣпится зигзагами вдоль гигантской стѣны; иногда оно спиралью огибаетъ выступъ Яйлы и снова ползетъ по стѣнѣ. Море уже такъ далеко внизу, что пароходъ, выплывающій изъ-за мыса, кажется чернымъ жукомъ. Быстрота его хода отсюда незамѣтна; онъ точно стоитъ на мѣстѣ.

Минуемъ Симеизъ, Лимены и Кикинеизъ, надъ которымъ начинается гряда Яйлы, громоздящейся вдоль берега до самой Ѳеодосіи. Ущелья и пропасти заволакиваются легкой дымкой. Справа отъ шоссе—неприступная, совсѣмъ отвѣсная гигантская стѣна, слѣва—бездна, потомъ оврагъ, заросшій лѣсомъ. Въ этомъ оврагѣ—Мердвень, «чортова лѣстница», путь, по которому жители побережья сообщались съ полуостровомъ, проникая въ него сквозь какое-то ущелье, прорѣзывающее гдѣ-то здѣсь неприступный горный хребетъ. Въ «Чортовой лѣстницѣ» насчитываютъ отъ 800 до 1000 крутыхъ ступеней. Подъемъ по ней иногда совершаютъ верхами.

Впереди показывается покрытый лѣсами и скалами мысъ Сарычъ, на фонѣ его, на берегу, бѣлѣетъ дача Форосъ. Высокая гора, окруженная нѣсколькими холмами, точно колокольня куполами, выдвигается надъ Форосомъ. На вершинѣ ея, необыкновенно ярко выдѣляясь на темной зелени лѣсовъ, высится прелестная бѣлая церковь, построенная владѣльцемъ Фороса. Шоссе подымается все выше, то проползаетъ между холмами, то опять вдоль каменной стѣны, то подбирается къ бѣлой церкви, то уходитъ отъ нея. Проѣзжаемъ небольшой тунель, впереди снова вырастаетъ отвѣсная стѣна, но она изогнулась угломъ. Шоссе круто направляется туда. Море, Форосъ и церковь уже за нами, мы ѣдемъ прямо на неприступную каменную стѣну. Въ ней темнѣетъ арка воротъ. Надъ ней—шпиль.

Это Байдарскія ворота. Отсюда открывается величественный видъ на море. Туристы обыкновенно ночуютъ въ Байдарахъ, чтобы любоваться чарующей и захватывающей картиной восхода солнца. Осенью огненный шаръ выплываетъ какъ разъ противъ воротъ, изъ-за края безбрежной синей дали, заливая золотымъ потокомъ весь этотъ просторъ, эти живописные берега въ горахъ, скалахъ и лѣсахъ.

По ту сторону воротъ начинается холмистая, убранная жидковатыми лѣсами Байдарская долина. Ворота кажутся вырубленнымъ въ исполинской стѣнѣ окномъ. Стоишь въ нихъ, надъ пропастью, и не можешь налюбоваться этой чудной панорамой съ безграничнымъ горизонтомъ.

Рѣшаю переночевать здѣсь, чтобы посмотрѣть завтра на восходъ солнца. Сейчасъ же за воротами почтовая станція и гостиница, жалкая лачуга. Два номера заняты туристами, третій «номеръ»—

какая-то кухонька. На станціи, въ комнатѣ для проѣзжающихъ, на диванахъ расположились пассажиры. Есть и два художника. Такъ и зналъ! Кажется, нѣтъ мариниста и пейзажиста, который не побывалъ бы въ этомъ уголкѣ и не попытался бы изобразить «восходъ солнца» изъ Байдарскихъ воротъ. Даже оскомину набило.

Какъ ни искушаетъ меня желаніе полюбоваться этой картиной, но перспектива ночлега въ грязной конурѣ не особенно улыбается. Мѣстечко Байдары въ пяти верстахъ. Ѣду туда, съ расчетомъ завтра, къ восходу солнца, быть у воротъ.

Темно и свѣжо. Впереди, въ долинѣ, горятъ байдарскіе огоньки. «Лучшая» гостиница оказывается пресквернымъ заѣзднымъ домомъ. Матрацъ — надгробная плита; холодно и сыро. Выхожу на балконъ. По улицамъ бродятъ татары. Изрѣдка въ ворота шмыгаютъ силуэты татарокъ. Слышно блеяніе овецъ, дымъ кизяка бьетъ въ носъ.

9-е сентября.

Утро. Восходъ проспалъ. Байдарская панорама пропала. Тему ея я видалъ. Пытаюсь дорисовать воображеніемъ, какъ все это должно быть необыкновенно красиво, какъ откуда-то изъ-подъ края моря, зарумяненнаго каймой пурпура, вдругъ вырывается ореолъ ослѣпительныхъ лучей, и по зеркальной голубой или синей глади разливается розовое сіяніе. Но все-таки не удается убаюкать чувство досады. Въ довершеніе всего, хозяинъ гостиницы, какой-то крымскій баши-бузукъ съ малороссійской фамиліей, предъявляетъ невозможный счетъ. Эта конурка оцѣнена въ полтора рубля, скверное вино и невозможный ужинъ—тоже что-то около этого. Спрашиваю, не ошибся ли онъ. Смотритъ безстыжими глазами и даже не сморгнетъ. Прошу его написать мнѣ еще одинъ экземпляръ этого счета для памяти. Пусть хоть поупражняется. Идетъ, пишетъ и такъ же спокойно вручаетъ его мнѣ.

Надъ долиной, въ которой раскинулось мѣстечко, стелется дымъ. Свѣжо. На улицахъ показываются крупные, здоровые татары въ курткахъ, повязанныхъ красными кушаками, широкихъ шароварахъ и бараньихъ шапочкахъ. Изъ раскрытыхъ воротъ выгоняютъ овецъ; спугнутыя собаками, онѣ разбѣгаются, вздымая пыль. Какая-то татарка, съ лицомъ, повязаннымъ платкомъ, въ красномъ халатѣ, шароварахъ и туфляхъ, робко выглядываетъ изъ калитки.

Выѣзжаю. Изъ разговора съ извозчикомъ узнаю, что хозяинъ гостиницы безплатно отвелъ для его лошадей помѣщеніе и отпустилъ ему сѣно и овесъ.

— У насъ это завсегда такъ полагается, за то, что мы пассажировъ ему доставляемъ,—объясняетъ онъ откровенно.

Теперь понятно, почему съ меня содрали. У колодца, пока онъ поитъ лошадей, къ нему подходитъ парень, типичный руссакъ, и заговариваетъ. Должно-быть—мастеровой. Развязности, какую русскій человѣкъ чувствуетъ среди своихъ, незамѣтно. Видно—неволя загнала сюда. Идетъ въ Севастополь мѣста искать. Рѣчь хорошая, бойкая, отчетливая. Спрашиваю — откуда. Оказывается — тулякъ.

Предлагаю подвезти. Хохолъ охотно уступаетъ ему мѣсто подлѣ себя, но относится не безъ ироніи, и когда тулякъ, на вопросъ мой, отвѣчаетъ, что былъ въ военной службѣ, спрашиваетъ его не безъ ехидства:

— Разли кацаповъ бэруть въ солдаты?

«Кацапъ» смѣется добродушно, не обижаясь. Онъ, видимо, доволенъ, почти счастливъ, что ему представился такой случай—отмахать въ рессорномъ экипажѣ двадцать пять верстъ. Въ голосѣ его, чистомъ и звонкомъ, звучитъ хорошая, ласкающая нотка благодарности. Онъ разспрашиваетъ извозчика, гдѣ бы ему пріютиться, какъ бы устроиться, и въ этихъ вопросахъ слышится тревога чужого человѣка, истратившаго послѣдній грошъ въ пути и сомнѣвающагося въ завтрашнемъ днѣ.

Шоссе разворачивается узкой сѣрой лентой вдоль Байдарской долины. Тамъ и сямъ по склону холмовъ и невысокихъ горъ темнѣютъ надъ выжженной солнцемъ степью лѣса, низкорослые и рѣденькіе. Море совсѣмъ исчезло, оно осталось позади, за грядой горъ. Только на время въ ущельѣ, гдѣ ютится Балаклава, показывается голубая гладь залива. Маленькій городъ лѣпится бѣлыми кубиками вдоль каменистыхъ береговъ. На холмѣ видны башни и развалины древней генуэзской крѣпости. Нѣкоторые историки предполагаютъ, что Балаклава именно и есть древній «портъ Лестригоновъ», въ которомъ въ оны времена, если вѣрить Гомеру, побывалъ хитроумный Улиссъ.

Неподалеку отсюда, на берегу моря, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Крыма, стоитъ древній Георгіевскій монастырь. Справа отъ него, на мысѣ Фіолентѣ, былъ нѣкогда, какъ тоже предполагаютъ историки, храмъ знаменитой Ифигеніи, приносившей богамъ человѣческія жертвы, героини Эврипида, Расина и Гете. Такъ ли это или нѣтъ, но каждая пядь земли Крымскаго побережья полна праха,—праха тысячелѣтій, пронесшихся такъ же безслѣдно и здѣсь, какъ и въ памяти потомства.

Противъ ущелья, въ которомъ глядится въ зеркальный заливъ Балаклава, бѣлѣетъ маленькая пирамида, обнесенная низкой каменной оградой. Это памятникъ англичанамъ, павшимъ въ «Балаклавскомъ дѣлѣ» въ 1854 г.

Захожу посмотрѣть. Тулякъ тоже слазитъ и идетъ за мной.

На памятникѣ опять слѣды туристовъ,—имена, фамиліи и разныя надписи. Между ними куплетъ изъ Надсона:

„Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой"...

Тулякъ спрашиваетъ, кому поставленъ этотъ памятникъ, потомъ снимаетъ шапку и осѣняетъ себя широкимъ русскимъ крестомъ. Напротивъ, справа отъ шоссе, итальянское кладбище.

Вокругъ вся степь, бурая, безжизненная степь, изрыта рвами и траншеями, усыпана буграми и курганами. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше этихъ кротовинъ и канавъ. Въ шести верстахъ

отъ Севастополя, слѣва отъ шоссе, французское кладбище, справа—англійское.

Вдали, вырастая на холмѣ, увѣнчанномъ храмомъ Владиміра, показывается сверкающій бѣлыми кубиками Севастополь. Правѣе—надъ городомъ выступаетъ темная пирамида. Она очень напоминаетъ памятникъ воинамъ, павшимъ при взятіи Казани, только величественнѣй и стройнѣй.

Это церковь на Братскомъ кладбищѣ.

Изъ города доносится безпрерывная пушечная канонада.

Шоссе подходитъ къ Севастополю съ юга. При въѣздѣ—Историческій бульваръ. Подлѣ него на площади нѣсколько ротъ солдатъ обучаются стрѣльбѣ.

Бѣлый городъ красиво выступаетъ надъ заливомъ, спускаясь къ нему невысокимъ амфитеатромъ. Съ сѣвера его омываетъ обширный, не замерзающій севастопольскій портъ, съ востока — южная бухта. Растительности очень мало, и это придаетъ городу какой-то обнаженный видъ. Изрѣдка на красивыхъ улицахъ съ большими, прекрасными зданіями попадаются развалины, слѣды бомбардировки. Но ихъ совсѣмъ уже мало. Городъ возродился изъ пепла и растетъ не по днямъ. Широкія улицы вымощены гранитными кубиками, тротуары—плитами или асфальтомъ. На главныхъ улицахъ прекрасные европейскіе магазины. Нахимовскій проспектъ, соединяющійся съ Екатерининской и Большой Морской въ трехверстный эллипсисъ, кажется уголкомъ столицы. Красивые многоэтажные дома, огромныя зеркальныя витрины, грохотъ мостовыхъ, шумная толпа—все это сразу переноситъ васъ въ какой-то крупный центръ жизни. И какъ-то не вѣрится, что именно здѣсь сорокъ лѣтъ тому назадъ разыгралась такая жестокая трагедія человѣческой жизни.

Съ сѣвера, на полуостровѣ, врѣзывающемся въ Большую бухту, разбитъ Приморскій бульваръ. Растительность еще молодая. Мѣстоположеніе чудное. Съ юга вдоль него высятся шпалеры дворцовъ, съ запада, сѣвера и востока онъ окруженъ моремъ. Всѣ суда, входящія въ севастопольскій рейдъ, проносятся мимо. Съ него открывается видъ и на просторъ моря, и на противоположный берегъ залива, и на Южную бухту.

Вблизи бульвара, рядомъ съ красивымъ фасадомъ отеля Киста, выступаетъ колоннада и лѣстница Графской пристани, обращенной къ востоку. Дальше—пристани Русскаго общества и доки. Южная бухта переполнена судами. На восточномъ берегу Малаховъ курганъ и корпуса морскихъ казармъ; предъ ними памятникъ адмиралу Лазареву. Черный силуэтъ громадной фигуры величественно высится на пьедесталѣ. У Графской пристани цѣлая стая яликовъ. Сажусь на яликъ и ѣду къ Братскому кладбищу. Легкій вѣтеръ вздуваетъ парусъ. Яликъ быстро и легко скользитъ надъ темносиней колышущейся пучиной, лавируя среди пароходовъ и гигантовъ-броненосцевъ, выстроившихся своими темными корпусами вдоль рейда. Навстрѣчу летятъ такъ же легко и неслышно другіе ялики, бѣгутъ, весело посвистывая, катера.

Высаживаюсь на сѣверномъ берегу, въ Панаіотовой бухтѣ. Отсюда до кладбища еще съ полверсты. Вдоль бухты—рыбачьи лачуги; тамъ и сямъ на заборахъ развѣшены невода и сѣти. Ко мнѣ подбѣгаютъ два мальчугана, лѣтъ шести-семи, и вызываются проводить на кладбище. Яличникъ гонитъ ихъ. Онъ самъ взялся быть моимъ проводникомъ. Мальчуганы недовольны и что-то ворчатъ по адресу яличника.

Идемъ. Степь, покрытая порыжѣвшей и высохшей травой, совсѣмъ мертвая. Изрѣдка она изрыта канавами. Впереди, на холмѣ, выступаетъ пирамида церкви, окруженная длинной оградой. У воротъ старикъ въ ветхомъ военнаго покроя сюртукѣ. На груди георгіевскій крестъ и медали. Должно-быть, одинъ изъ героевъ севастопольской обороны. Предлагаетъ показать кладбище. Благодарю, говоря, что у меня есть уже проводникъ. Смотритъ недовольно на яличника и что-то бормочетъ.

Сейчасъ подлѣ воротъ стоитъ группа памятниковъ севастопольскихъ героевъ. На высокой бѣлой колоннѣ мраморный бюстъ генерала Хрулева; это скульптурный шедевръ; типичное лицо живетъ, мраморъ кажется одухотвореннымъ. Дальше—роскошный мавзолей графа Тотлебена съ бюстомъ въ нишѣ, памятникъ адмирала Спицына, тоже съ бюстомъ, памятники Кумани и Новикова, красивый, еще совсѣмъ новый памятникъ генерала Мольскаго съ портретомъ въ овальномъ медальонѣ, дальше, вдоль аллей, еще десятки памятниковъ и мавзолеевъ другихъ героевъ и цѣлая масса большихъ надгробныхъ плитъ въ видѣ крышки гроба съ лаконической надписью:

«братская могила».

Надо всѣмъ кладбищемъ господствуетъ массивная, высокая темносѣрая пирамида церкви, увѣнчанная золотымъ крестомъ. Вокругъ нея разставлены орудія, отвоеванныя у непріятеля. Образа въ церкви—изъ прелестной итальянской мозаики.

Сажусь на ступени площадки, окружающей храмъ. Кладбище разворачивается предо мной по склону холма; за нимъ стелется бурая долина, дальше синѣетъ бухта, а надъ ней тѣснятся амфитеатромъ бѣлыя громады Севастополя, залитыя розовато-золотистымъ сіяньемъ заката.

Вспоминается ужасная драма, которая разыгралась въ этой обстановкѣ, и не вѣрится, что все это было, что надъ этимъ бѣлымъ, сверкающимъ городомъ стояли стонъ и проклятье, неумолчно грохотали орудія, разрушая трудъ человѣческій, превращая все въ груды пепла, неся смерть и страданье.

Эти могилы, такія безмолвныя, какъ тайна смерти, сколько жизней, и какихъ жизней, поглотили онѣ! Въ иной день сюда вонъ по той бухтѣ, которая такъ заманчиво синѣетъ теперь, провозили на шаландахъ или паромахъ по тысячѣ труповъ, изувѣченныхъ, обезображенныхъ и всего еще нѣсколько часовъ тому назадъ полныхъ энергіи и жажды жизни. Здѣсь приготовлялись широкія, огромныя ямы, всѣ эти общія «братскія» могилы, въ которыя потомъ сваливались сотнями люди, истребленные другими людьми, никогда рань-

ше не знавшими ихъ, не видавшими, не имѣвшими съ ними ничего общаго,—людьми, дѣти и внуки которыхъ сегодня бросаются другъ другу въ объятья...

И изо-дня въ день, пока тамъ грохотала неумолчная разрушительная канонада, здѣсь толпа арестантовъ, угрюмая сѣрая толпа людей, лишенныхъ даже права умереть за родину, рыла эти могилы для своихъ братьевъ. Могилы наполнялись и наполнялись; вереница «можаръ» тянулась сюда безпрерывно, доставляя новые транспорты труповъ... Сто тысячъ труповъ лежитъ въ этихъ могилахъ, сто тысячъ жизней поглотила здѣсь земля!..

Сто тысячъ!..

Что-то гнететъ нестерпимо...

Ухожу. У воротъ старикъ-сторожъ, таки не выдержавъ, замѣчаетъ яличнику:

— А ты чего провожаешь? Это не твое дѣло! Только и знаютъ перехватывать кусокъ хлѣба.

На пристани, къ которой мы причалили, камни покрыты охапкой скользкой морской травы. Мальчуганы, просившіе взять ихъ проводниками, стоятъ въ сторонѣ и поглядываютъ ожидательно, съ видомъ заговорщиковъ. У ялика стоитъ какой-то мальчикъ, должно быть—знакомый яличника.

— Это они, дяденька, нарочно траву положили на камни, чтобы вы поскользнулись и упали,—говоритъ онъ.

— За что-жъ это они такъ?

— А за то, дяденька, что баринъ ихъ проводниками на кладбище не взялъ.

Тоже конкуренція!

Плывемъ. Парусъ вздувается. Яликъ летитъ съ безплотной легкостью. Панорама Севастополя и береговъ залива разворачивается пестрыми картинами.

Въ глубинѣ бухты, подлѣ устья Черной рѣчки, виденъ Инкерманъ, дальше выступаютъ Малаховъ курганъ, морскія казармы, памятникъ Лазареву, доки и, наконецъ, весь городъ съ возвышающимися надъ нимъ колоннадой Петропавловскаго собора, въ стилѣ храма Тезея, и куполомъ храма св. Владиміра. Въ глубинѣ Южной бухты, вырвавшись изъ тунеля, бѣжитъ вдоль берега поѣздъ. Катеръ тащитъ къ Графской пристани огромный плашкоутъ, на которомъ, точно муравьиная куча, чернѣетъ толпа изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, возвращающихся съ доковъ.

На броненосцахъ, расцвѣченныхъ флагами, суетливо бѣгаютъ матросы. Миноноски окружаютъ ихъ, точно цыплята курицу. На «Синопѣ» нѣсколько сотъ матросовъ выстроились черными рядами. На флангѣ сверкаютъ мѣдныя трубы хора.

Солнце закатывается за море огненнымъ дискомъ. Уже видна только половина его. Золотыя иглы лучей скользятъ по колышущейся поверхности залива.

Солнце исчезаетъ. Надъ моремъ еще только краешекъ его и золотой ореолъ.

Вода чуть-чуть журчитъ у скользящаго надъ ней ялика. Вдругъ, какъ разъ въ то время, когда мы подплываемъ къ «Синопу», на палубѣ вспыхиваетъ, какъ молнія, огонь, и изъ пушечнаго жерла вмѣстѣ съ дымомъ вылетаетъ оглушительный раскатъ выстрѣла. Парусъ ялика, дрогнувъ, накренивается...

Солнце зашло...

На мигъ въ природѣ воцаряется торжественная и величественная тишина. Со стороны Братскаго кладбища проносится волна теплаго, легкаго, какъ вздохъ, вѣтерка. Почти въ ту же минуту на «Синопѣ» слышится бой стклянокъ, и сразу изъ сотни молодыхъ грудей и мѣдныхъ трубъ оркестра плавно раздаются звуки «Коль славенъ», разливаясь нарастающими и ласкающими волнами въ пурпурномъ сіяніи моря.

Глава XXXI.

Приморскій бульваръ вечеромъ.—Музей севастопольской обороны.—Храмъ св. Владиміра.—Публика.—«В. К. Константинъ».— Пассажиры.— Переселенцы.— Отчаливаемъ.—За обѣдомъ.—У Евпаторіи.—Мимо Тарханкута.—Пріѣздъ въ Одессу.

Вечеръ заканчиваю на Приморскомъ бульварѣ.

Изящное зданіе яхтъ-клуба съ мавританской башней и легкими ажурными арками сіяетъ огнями.

На площадкѣ пестрая толпа гуляющихъ. Изъ раковины льются ласкающіе звуки музыки, которые иногда заглушаетъ прибой моря.

Въ сумракѣ загадочно вырисовываются волнистые контуры зелени и стройные, совсѣмъ черные силуэты кипарисовъ.

Ропотъ моря доносится со всѣхъ сторонъ, и порой мнѣ кажется, что я на островѣ, который незамѣтно уплываетъ куда-то, или опять на пароходѣ. Вокругъ, куда ни оглянешься, гирлянды фонарей. За мной, къ югу, городъ, окутанный сіяньемъ и выступающій надъ шпалерами зелени, предо мной рейдъ съ его миріадами огоньковъ, отражающихся бѣгающими змѣйками на волнующейся поверхности залива.

Громадные корпуса эскадры, выстроившейся противъ бульвара, кажутся какими-то чудовищами. Съ нихъ то и дѣло льется широкій, какъ хвостъ кометы, потокъ электрическаго свѣта. Фонари поворачиваютъ то въ одну, то въ другую сторону, освѣщая берега и бухту. Яркій хвостъ лучей заливаетъ свѣтомъ сѣверный берегъ съ батареями и бѣлыми домиками, потомъ перелетаетъ на бульваръ, обдавая сіяньемъ каждый листикъ узорчатой зелени, толпу, бесѣдки и фасады домовъ, сверкающіе вдали длинными рядами оконъ. Минуту спустя съ другого броненосца вырывается такой же потокъ свѣта, скользящій по бухтѣ и берегамъ, иногда скрещивающійся съ первымъ. Эти хвосты движутся по небу, подымаются, опускаются, исчезаютъ и снова появляются. Потоки лучей ласкаютъ, вызывая

какое-то странное ощущеніе слiянія и матеріальнаго общенія съ этими волнами свѣта. А внизу, почти у ногъ, продолжаетъ клокотать серебристо-бѣлая пѣна прибоя, принимая загадочныя формы какихъ-то привидѣній.

Картина полна волшебства, и въ этихъ переливахъ свѣта и тѣней, въ этомъ полетѣ лучей, будто сливающихся съ волнами звуковъ, чувствуется какой-то невѣдомый еще міръ,—міръ иллюзіи и гармоніи, за которымъ исчезаетъ дѣйствительность жизни съ ея настоящей суетой и еще не замершимъ стономъ ужаснаго прошлаго.

10-е сентября.

Ясное утро; синее небо, синее море. Городъ еще ярче выдѣляется на ихъ фонѣ, сверкая своей бѣлизной надъ этой равниной, вспоенной кровью и засыпанной пепломъ.

Осматриваю музей севастопольской обороны. Онъ на Екатерининской, въ небольшомъ помѣщеніи. Но напротивъ для него строится новое зданіе съ величественнымъ фасадомъ, арматурами и пушками вдоль фронтона.

Коллекціи музея не богаты, и далеко не все, что относится къ эпопеѣ защиты Севастополя, собрано здѣсь. Но и то, что есть, очень интересно и будитъ много священныхъ воспоминаній. Планы, карты, ружья (еще кремневыя!), тесаки—пилы, давно вышедшія изъ употребленія, тяжелая амуниція, по плечу какимъ-нибудь геркулесамъ, французскія картечныя ружья, опять рисунки, чертежи и модели, портреты главныхъ дѣятелей обороны—Нахимова, Корнилова, Тотлебена, Истомина и Хрулева, ихъ вещи, одежда Корнилова, бывшая на немъ въ день смерти на Малаховомъ курганѣ, этомъ роковомъ курганѣ, на которомъ столько русскихъ героевъ гибло за родину съ величественной простотой и мужествомъ древнихъ, коллекція орденовъ, адресовъ и подарковъ, поднесенныхъ генералу Тотлебену, еще сотни предметовъ, принадлежавшихъ другимъ сподвижникамъ, бомбы, картечь, патроны, шашки, штыки, ружья, цѣлый арсеналъ.

Здѣсь же модели «Трехъ Святителей» и «Двѣнадцати Апостоловъ», а надъ ними, на стѣнѣ, картина потопленія кораблей. Въ ночь съ 10 на 11 сентября, сорокъ лѣтъ тому назадъ, эти два гиганта исчезли на днѣ залива вмѣстѣ съ пятью фрегатами и однимъ корветомъ.

Въ воображеніи еще ярче встаетъ картина разрушенія и смерти, царившихъ здѣсь въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ обороны Севастополя. Бывали дни, когда непріятель бомбардировалъ одновременно изъ 1364 орудій, выбрасывавшихъ до 59 тысячъ снарядовъ. Генералъ Тотлебенъ высчиталъ, что за время осады непріятели выпустили до двухъ съ половиной милліоновъ снарядовъ и сорокъ пять милліоновъ пуль. Вся равнина была засыпана свинцовымъ градомъ, и подъ этимъ смертельнымъ градомъ погибло до ста шестидесяти тысячъ жизней, гибли осаждавшіе, пришедшіе сюда съ разныхъ концовъ Европы, гибли защитники, собранные со всѣхъ

уголковъ земли русской, и великороссъ, и полякъ, и малороссъ, и финнъ, и десятки инородцевъ, предки которыхъ враждовали между собой, истребляя другъ друга для того, чтобы потомки ихъ, слившись подъ общимъ знаменемъ, легли костьми въ эту общую братскую могилу.

Отсюда отправляюсь по узкой, высокой лѣстницѣ къ храму св. Владиміра. Это тоже памятникъ севастопольской обороны. Онъ построенъ въ центрѣ города, на вершинѣ горы, въ строгомъ византійскомъ стилѣ, слишкомъ массивномъ и нѣсколько громоздкомъ. Въ соборѣ усыпальницы адмираловъ Нахимова, Корнилова, Истомина и Лазарева. Снаружи въ стѣны вставлены черныя мраморныя доски съ ихъ именами. Внутри соборъ облицованъ желтымъ мраморомъ. Богатая живопись, изящная отдѣлка и величественные своды придаютъ торжественный видъ храму.

Съ площадки, гдѣ разбитъ совсѣмъ жалкій и запущенный цвѣтникъ, открывается прелестная панорама и на Южную бухту, и на большой рейдъ, и на сползающій къ нему амфитеатромъ бѣлый городъ, и на море, разворачивающееся на западѣ безбрежной синей степью.

Остальное время до отхода парохода гуляю по городу.

Преобладающій элементъ въ уличной толпѣ—военные и типичные моряки, съ энергичными, загорѣлыми лицами и переваливающейся, спеціально-морской походкой. Много грековъ и армянъ, изрѣдка попадаются и турки. Но въ общемъ преобладаютъ русскіе, и рядомъ съ ломанной рѣчью инородцевъ слышится бойкій, отчетливый великорусскій говоръ.

Моряки придаютъ своеобразный колоритъ городской жизни. Тысячи людей, приплывающихъ сюда изъ разныхъ уголковъ міра, иногда всего на нѣсколько дней, вносятъ какую-то нервную торопливость и беззаботность въ общій потокъ людского муравейника. На улицахъ то и дѣло встрѣчаются группы матросовъ, пришедшихъ съ пароходовъ погулять. И все, что заработано было въ долгое плаванье, спускается здѣсь въ нѣсколько часовъ въ притонахъ, въ чаду широкаго, полнаго удали и запорожской безпечности морского разгула.

Въ публикѣ много курсовыхъ изъ крымскихъ курортовъ. Большинство ихъ главнымъ образомъ направляется на Севастополь. Да и въ городѣ ихъ не мало.

Прекрасныя климатическія условія съ каждымъ годомъ привлекаютъ сюда все больше больныхъ для лѣченья купаньями и морскимъ воздухомъ. Средняя годовая температура здѣсь $+12\frac{1}{2}^{\circ}$. Великолѣпная бухта никогда не замерзаетъ.

Севастополь славится своими окрестностями.

Въ трехъ верстахъ отсюда развалины Херсонеса (Корсуни), гдѣ въ X вѣкѣ принялъ крещеніе великій князь Владиміръ,—колыбель христіанской Россіи, въ двѣнадцати верстахъ — Георгіевскій монастырь съ его величественнымъ видомъ на бездну моря, въ глубинѣ бухты—Инкерманскій монастырь, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ—Бахчисарай.

Страшно искушаетъ посмотрѣть все это, но времени нѣтъ. Скрѣпя сердце, около трехъ отправляюсь на пароходъ.

На пристани Русскаго общества густая толпа.

Пароходъ пыхтитъ и реветъ. По перекинутымъ въ двухъ мѣстахъ сходнямъ плыветъ безпрерывный потокъ пассажировъ. «В. К. Константинъ» только-что прибылъ съ Кавказа. Это огромный трехпалубный пароходъ до сорока пяти саженъ длины, на семь саженъ длиннѣе колокольни Ивана Великаго. Въ первомъ классѣ помѣщается до 100 пассажировъ, во второмъ около девяноста; палубныхъ—шестьсотъ, да команды до семидесяти человѣкъ. Принимаетъ тридцать тысячъ пудовъ груза. Пароходъ новый, построенъ всего два года тому назадъ.

Отдѣлка роскошная.

Столовая—огромный залъ. Стѣны въ мраморѣ и зеркалахъ, диваны обиты дорогимъ штофомъ. Восемь обѣденныхъ столовъ разставлены въ два ряда. За ними помѣщается сто человѣкъ.

Въ каютахъ все блещетъ новизной и безукоризненной чистотой. Мѣдныя койки съ проволочными тюфяками сверкаютъ. Едва занимаю каюту, какъ прислуга приноситъ свѣжее бѣлоснѣжное бѣлье и застилаетъ постель. Комфортъ почти идеальный. Вездѣ электрическое освѣщеніе.

Пассажировъ въ первомъ классѣ человѣкъ семьдесятъ. Много знакомыхъ лицъ, которыя промелькнули гдѣ-то раньше. Три-четыре генерала (двухъ изъ нихъ я видалъ въ Пятигорскѣ), нѣсколько моряковъ, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, нѣсколько кавказцевъ, которыхъ я, кажется, встрѣчалъ въ Тифлисѣ, много дамъ изъ Ялты и другихъ крымскихъ курортовъ, группа важныхъ чиновниковъ, несомнѣнно петербуржцевъ. Осенній перелетъ курсовыхъ на сѣверъ начинается. Вся эта публика расположилась на палубѣ перваго класса, подъ парусиновымъ навѣсомъ.

Толкотня и суета на пароходѣ и пристани невообразимая. Съ парохода сходитъ галлерея кавказскихъ типовъ, на пароходъ валитъ вереница смѣшанныхъ крымскихъ типовъ. Малороссы, великороссы, татары, армяне и евреи, артель рабочихъ и группа солдатъ, опять кавказскіе экземпляры, въ pendant къ нимъ греки въ красныхъ фескахъ, итальянцы въ синихъ блузахъ, потомъ снова великороссы. Все это гудитъ, нервно и спѣшно проталкивается, таща узелки и ящики. А надъ толпой движется гигантская лебедка, захватывающая въ одинъ пріемъ и подымающая по сто-двѣсти пудовъ груза. Вокругъ парохода снуютъ катера, и по всей бухтѣ летаютъ, точно бѣлые мотыльки съ дрожащими крылышками, десятки яликовъ.

Картина полна жизни и захватывающей суеты. Подъ этотъ гулъ ко мнѣ доносится рѣжущимъ диссонансомъ чей-то жалобный, ноющій, молящій о помощи голосъ.

Оглядываюсь. У рубки, гдѣ на скамьѣ сидятъ пассажиры перваго класса, стоятъ двое мужчинъ и три бабы; бабы въ пестрядевыхъ деревенскихъ юбкахъ и намотанныхъ на голову платкахъ; у двухъ—грудныя дѣти. Одинъ изъ мужчинъ пожилой, въ обыкновенномъ «мужицкомъ» костюмѣ, другой—молодой, въ поношенномъ пиджакѣ и заложенныхъ въ сапоги брюкахъ. У всѣхъ видъ жалкій, утомленный, голодный и растерянный.

— Ваше—ство, явите божеску милость. Переселенцы мы, изъ Пензенской губерніи. Помогите, Христа ради. Вѣкъ не забудемъ, Бога будемъ молить.

Пассажиры притворяются, что не слышатъ, отворачиваются или задумчиво глядятъ на синее небо. А переселенцы все приближаются, повторяя свою мольбу.

Ступайте, ступайте отсюда,—раздается вдругъ голосъ капитана, вышедшаго изъ рубки.—Переселенцы, понуривъ голову, угрюмо переминаются.

— Смилуйтесь, явите божеску милость...

— Куда вы ѣдете?—спрашиваю.

— Въ Одессъ,—отвѣчаетъ молодой, напирая на о. И всѣ останавливаются. Во взглядѣ мелькаетъ надежда. Все-таки—заговорили съ ними.

Обращаюсь къ капитану:

— Нельзя ли какъ-нибудь помочь имъ? Можно было бы собрать что-нибудь. Вѣдь имъ-то, я думаю, не много надо.

По лицу капитана пробѣгаетъ тѣнь скуки и досады.

— Надоѣдаютъ они. Каждый разъ являются. Находятся разные сердобольные пассажиры, которыхъ они эксплуатируютъ только. Побираются въ надеждѣ даромъ проѣхать. А то получатъ что-нибудь, и въ городъ уходятъ пропить.

— Никакъ нѣтъ,—говоритъ дрожащимъ голосомъ младшій переселенецъ:—мы истинно нуждающіе люди, ваше-скобродіе.

— Бумаги-то у васъ есть?—спрашиваю.

— Такъ точно,—есть.

А бабы въ это время продолжаютъ кланяться и причитать.

— Явите божеску милость...

Изъ документовъ оказывается, что молодой переселенецъ—младшій военный фельдшеръ, находится въ запасѣ, идетъ къ роднымъ въ Измаилъ; двѣ бабы пробираются къ мужьямъ, пожилой перекочевываетъ туда же съ женой.

— Сродственники у насъ тамъ,—поясняетъ онъ.—Значитъ, этта мы по чугункѣ пріѣхали сюды, а тутъ намъ и матъ.

— И вовсе у васъ денегъ нѣтъ?

— Не то, чтобы вовсе, а окончательно израсходовались на путевыя надобности, ваше-скобродіе,—говоритъ фельдшеръ.—Потому какъ мы это только сюда прибыли, у ево дитё заболѣвши было, два дня потеряли. И теперъ тойсь не ѣвши мы, а на билеты до Одеса деньги есть, только для всѣхъ не хватаетъ.

— Вотъ мы и думаючи, какъ быть,—вмѣшивается другой переселенецъ,—и порѣшили, что не всѣмъ пропадать и кто-либо остаться тутъ должонъ. Авось Богъ поможетъ—тоже проберется.

— Сколько жъ вамъ не хватаетъ на билеты?

Фельдшеръ вынимаетъ порыжѣлый, измятый кошелекъ и счи-

тастъ. Онъ—кассиръ всей компаніи. Весь капиталъ ея—одиннадцать рублей съ копѣйками.

Поглядываю вопросительно на пассажировъ. Авось уловлю на чьемъ-нибудь лицѣ хоть искорку сочувствія. Мою затаенную мысль, видимо, угадываютъ и отворачиваются. Хочу предложить собрать что-нибудь для несчастныхъ—языкъ не поворачивается.

— Можетъ-быть,—говорю капитану,—для переселенцевъ у васъ существуетъ удешевленный тарифъ? Нельзя ли какъ-нибудь устроить это, дать имъ какую-нибудь льготу, сдѣлать скидку?

— У насъ нѣтъ для нихъ удешевленнаго тарифа,—возражаетъ онъ недовольно.

— Это у Русскаго-то Общества пароходства и торговли,—вырывается у меня невольно,—у общества, которое загребаетъ здѣсь такія страшныя деньги, сто на сто.

Капитанъ отворачивается. Еще разъ поглядываю на пассажировъ. Одинъ смотритъ на небо, другой встаетъ и уходитъ, третій еще глубже уткнулъ носъ въ газету.

Этакій народъ! Евреи такъ, небось, не поступили бы. По копѣйкѣ, по пятачку собрали бы, сдѣлали бы раскладку, но выволили бы своего человѣка изъ бѣды.

Разбираетъ злость. А переселенцы все стоятъ неподвижно, съ робкой надеждой на голодныхъ лицахъ. Схожу вмѣстѣ съ ними на берегъ. Справляюсь въ конторѣ, у кассира, нельзя ли что-нибудь сдѣлать, воспользоваться какой-нибудь скидкой. Просто не вѣрится, чтобы при разныхъ льготахъ и мѣрахъ для облегченія участи переселенцевъ нельзя было бы помочь имъ. Кассиръ даетъ такой же отрицательный и категорическій отвѣтъ. Съ парохода доносится яростный ревъ. Онъ сейчасъ отойдетъ.

Даю имъ деньги на билеты и бѣгу, протискиваясь сквозь толпу, шагая черезъ ящики и корзины съ фруктами. Они загромождаютъ палубу; почти нѣтъ пассажира, который не запасся бы корзиночкой съ персиками, великолѣпнымъ виноградомъ и лимоннаго цвѣта грушами. Севастополь въ это время представляетъ изъ себя какую-то фруктовую кладовую; воздухъ насыщенъ запахомъ яблоковъ, грушъ и винограда. Здѣсь главный путь, черезъ который провозятся на сѣверъ плоды благословенной Колхиды и Тавриды.

Въ гамѣ и суетѣ «Константинъ», задрожавъ, отваливается отъ берега всей своей громадной массой. Мы начинаемъ кружиться. Пароходъ сначала заворачиваетъ носомъ вглубь бухты, гдѣ пассажирскій вокзалъ. На пристани движутся сотни зонтиковъ и платковъ. «Константинъ» яростно реветъ, грозя снующимъ вокругъ него крошечнымъ, какъ скорлупа, яликамъ. Панорама Севастополя разворачивается бѣлымъ амфитеатромъ, надъ которымъ высится, сверкая золотой митрой, храмъ Владиміра. Мимо движутся, удаляясь, доки, морскія казармы, памятникъ Лазарева, берега Южной бухты, сѣрая пирамида Братскаго кладбища, батареи. Слѣва—Графская пристань, Приморскій бульваръ съ кіосками и театромъ, яхтъ-клубъ.

Еще минута—и «Константинъ», быстро мчась мимо идущихъ навстрѣчу пароходовъ, величественно выплываетъ изъ залива въ открытое синее безпредѣльное море. Съ юга долго еще въ золотомъ ореолѣ бѣлѣетъ надъ синей равниной Севастополь и наконецъ исчезаетъ, какъ какой-то миражъ.

— А гдѣ же ваши переселенцы?—спрашиваетъ меня одинъ изъ пассажировъ, замѣтившій, что я хлопоталъ насчетъ нихъ.

Въ суетѣ передъ отходомъ я не обратилъ вниманія, сѣли ли они съ нами.

— Развѣ ихъ нѣтъ на пароходѣ?

— Что-то не видать.

У пассажира на лицѣ довольно язвительная улыбка. Я чувствую себя совсѣмъ скверно. Порываюсь спросить кого-нибудь, послать офиціанта узнать, ѣдутъ ли они съ нами—и раздумываю. Просто малодушіе какое-то беретъ: не хочется окончательно разочаровывать себя. Авось они и здѣсь, а можетъ-быть, опоздали и остались до слѣдующаго парохода.

— А можетъ-быть, этотъ самый фельдшеръ, — подсказываетъ мнѣ скептическій пассажиръ,—поймалъ ихъ и пустилъ въ оборотъ, чтобы «жалобить» публику, какъ нищіе — дѣтей.

Однако, въ концѣ концовъ, не выдерживаю. Прогуливаясь вдоль палубы третьяго класса, обхожу гигантскую трубу, почти въ полторы сажени діаметромъ, заглядываю въ трюмъ, гдѣ на нарахъ скучилась густая толпа. Пензенцевъ не видать.

Звонятъ къ обѣду. Стѣны, облицованныя бѣлымъ мраморомъ съ золотыми арабесками, и зеркала въ простѣнкахъ отражаютъ яркій свѣтъ электрическихъ лампъ.

Большое элегантное общество расположилось за восемью столами. Посрединѣ салона стоитъ метръ-д'отель въ форменномъ синемъ сюртукѣ и бѣлыхъ брюкахъ. На лицѣ его строгое и наблюдательное выраженіе. Шесть лакеевъ, тоже въ форменныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ брюкахъ, неслышно и легко ступаютъ по коврамъ.

Опять невольно забываешь, что ѣдешь, что сидишь на пароходѣ. Изящные туалеты дамъ, безпечный разговоръ, веселый смѣхъ и этотъ легонькій туманъ благодушія, который обыкновенно за хорошимъ и длиннымъ обѣдомъ какъ-то заволакиваетъ мозгъ и сковываетъ мысли лѣнью, дополняютъ иллюзію.

Подлѣ меня два совсѣмъ молоденькихъ гвардейскихъ офицера, обоимъ лѣтъ сорокъ, одинъ совсѣмъ блондинъ, другой брюнетъ, оба безусые и постоянно краснѣютъ. Стараются быть необыкновенно серьезными и ведутъ разговоры на служебныя темы.

— Когда я буду полковникомъ, я никогда не допущу у себя этого,—говоритъ рѣшительно брюнетикъ.

— А что-жъ, еще два-три года—и ты будешь непремѣнно полковникомъ,—такъ же серьезно замѣчаетъ блондинъ.

Визави сидитъ княжна, прехорошенькая княжна, румыночка изъ Бессарабіи. Прелестные большіе сѣро-зеленые глаза, съ влагой и огонькомъ, немного похожіе на глаза дикой козы, сверкаютъ за-

доромъ и весельемъ, когда она поглядываетъ на офицериковъ. Ей страшно хочется пошалить и посмѣяться, но чопорный видъ матери сдерживаетъ ее. Офицерики тоже не рѣшаются заговорить, но къ концу обѣда знакомство завязывается. Офицерики волнуются и дѣлаются совсѣмъ махровыми. Княгиня лорнируетъ ихъ и общество. Нѣсколько мужчинъ то и дѣло оглядываются, чтобы посмотрѣть на княжну. Она приковываетъ всеобщее вниманіе. Ея глаза дикой козы смѣются все больше, и ямочки на щекахъ становятся все глубже отъ задорной улыбки. Будущіе полковники имѣютъ видъ совсѣмъ погибшихъ поручиковъ.

Въ девять часовъ вечера мы у Евпаторіи. Къ пристани не подходимъ. «Константинъ» останавливается на рейдѣ. Изъ тьмы со всѣхъ сторонъ мигаютъ огоньки, отсвѣчиваясь полосами на гладкой поверхности моря. Не разберешь, гдѣ кончается городъ, гдѣ начинается пристань; свѣтящіяся точки то приближаются, то удаляются. Къ намъ подходитъ катеръ. Начинается разгрузка. Вокругъ, вдоль рейда, скользятъ невидимо ялики; на нихъ горятъ фонари, бѣгающіе огоньки которыхъ движутся въ водѣ.

Вспоминаются Астрахань и Бирючья Коса. Такая же черная звѣздная ночь, такая же бездна подо мной. А какъ я далеко оттуда...

И здѣсь на палубѣ молится какой-то турокъ. Постлалъ коврикъ, приготовилъ постель, снялъ туфли, сталъ на колѣни, прочелъ молитву, а потомъ досталъ свертокъ съ провизіей и началъ закусывать. Дальше видна группа солдатъ и мастеровыхъ, располагающихся ко сну. Въ трюмѣ какая-то каша. И тамъ кое-кто молится и крестится.

Гигантскіе сверкающіе рычаги машины точно отдыхаютъ. Заглядываю въ топку. Опять картинка изъ Дантова ада. Всего двѣнадцать печей. Изъ нихъ дѣйствуетъ девять, подогрѣвая три котла и поглощая каждый часъ пятьдесятъ, а при усиленномъ ходѣ и сто пудовъ угля. Пятнадцать кочегаровъ смѣняются постоянно.

Пароходъ будто дремлетъ. Слышенъ только безпрерывный лязгъ цѣпи да визгъ блоковъ на лебедкѣ. Какая-то невидимая сила подъ команду «майна» и «вира» безпрерывно подымаетъ и опускаетъ въ трюмъ громадные ящики и тюки.

Вдругъ пароходъ, точно очнувшись, реветъ, дрожитъ и уноситъ сразу тысячи жизней въ непроглядную мглу ночи.

Огоньки удаляются, и вмѣстѣ съ ними удаляются невидимые берега Крыма, промелькнувшаго предо мной своей живописной береговой панорамой и исчезнувшаго, какъ исчезъ и Кавказъ, какимъ-то мимолетнымъ видѣньемъ.

Въ рубкѣ, сверкающей огнями, играютъ въ карты. На палубѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ электрической лампы, гуляютъ.

Около часа ночи проходимъ мимо Тарханкута. Вспоминается ужасная трагедія, разыгравшаяся здѣсь «такъ недавно». «Владиміръ» былъ почти такихъ же размѣровъ, какъ и гигантъ, на которомъ мы плывемъ. Такъ же плавно мчался онъ надъ

бездной, такъ же спокойно спали на немъ и видѣли сонъ, послѣдній сонъ предъ вѣчнымъ сномъ, сотни людей. Здѣсь, гдѣ-то на днѣ, лежитъ онъ. Можетъ-быть, въ эту минуту мы плывемъ надъ нимъ. Становится жутко отъ сознанія роковой стихійной силы, тяготѣющей надъ человѣкомъ.

Справа показывается Тарханкутскій маякъ. Онъ кажется какимъ-то факеломъ, зажженнымъ надъ могилой.

11-е сентября.

Одиннадцатый часъ утра. Дуетъ жестокій нордъ-вестъ. Небо облачно. Море клокочетъ; гребни волнъ подымаются косматыми сѣдыми гривами, заграждая путь пароходу. «Константинъ» дрожитъ и пыхтитъ отъ напряженія, взлетаетъ на волны, наклоняется то на одинъ, то на другой бокъ и снова несется впередъ.

Многихъ укачало. Вдоль рубки на скамейкахъ лежатъ дамы. У пассажировъ лица позеленѣли, палуба пухнетъ подъ ногами. Всѣ поглядываютъ съ нетерпѣніемъ впередъ, на горизонтъ, гдѣ у края пѣнящейся равнины вырисовывается кайма берега и надъ ней сизый силуэтъ, похожій на зубчатую стѣну лѣса.

Иногда изъ-за тучъ прорывается яркій снопъ лучей. Даль вырисовывается яснѣй. Теперь явственно выступаютъ очертанія большого города, растянувшагося на нѣсколько верстъ вдоль горизонта.

Онъ вырастаетъ изъ дымки минаретами фабричныхъ трубъ, высокими колокольнями и пестрыми фасадами домовъ, рельефно вырисовывающихся надъ зеленой лентой береговъ.

Это Одесса.

Пароходъ приближается къ бухтѣ, которую городъ огибаетъ подковой. Слѣва волнистая линія кудрявыхъ береговъ, съ разсыпанными по склону ихъ виллами и дворцами. Тамъ предмѣстья Одессы—Большой, Малый и Средній Фонтаны. Противъ насъ центръ города съ массой громадъ, надъ которыми господствуетъ огромный корпусъ театра, остроконечная башня собора и бѣлыя колокольни церквей. На невысокомъ берегу шпалеры дворцовъ, отъ которыхъ спускается къ морю уступами гигантская лѣстница. У подножія ея черная рѣшетка эстокады, извивающейся вдоль трехъ гаваней: Карантинной, Новой и Практической. Въ гаваняхъ цѣлый лѣсъ мачтъ, сотни пароходовъ и черныхъ трубъ. По эстокадѣ движется пестрая лента вагоновъ. Справа—предмѣстье Пересыпь, а въ глубинѣ залива лиманы Хаджибейскій и Куяльницкій съ корпусами грязелѣчебныхъ заведеній.

«Константинъ» огибаетъ длинный, врѣзавшійся въ море молъ съ чернымъ лѣсомъ эстокады, проносится мимо гранитной стѣны волнолома и входитъ въ гавань.

На пристани оглушительный гулъ толпы, который сливается съ ревомъ десятковъ пароходовъ, свистомъ мчащихся по эстокадѣ паровозовъ и грохотомъ мостовыхъ. Шумный потокъ жизни ошеломляетъ, вызывая невольную тревогу и нервное возбужденіе: чувствуется, что вы попали въ могучій водоворотъ, гдѣ борьба за су-

шествованіе дошла до высшаго напряженія, гдѣ никому нѣтъ дѣла до васъ и каждый занятъ собой, захваченъ азартомъ житейской скачки, думаетъ о томъ, какъ бы самому уцѣлѣть и пробиться впередъ въ этой уносящей его пучинѣ. Куда ни оглянешься—вездѣ клокочетъ кипучая дѣятельность людского муравейника. Надъ аркой моста бѣжитъ, оглушая грохотомъ, поѣздъ съ нагруженными хлѣбомъ вагонами, изъ-подъ арки тянется, громыхая колесами, вереница ломовыхъ извозчиковъ, дальше черные, какъ трубочисты, угольщики возятся у горъ каменнаго угля. На нѣсколькихъ судахъ идетъ нагрузка; одинъ пароходъ только-что прибылъ, другіе ревутъ, отчаливая отъ берега, къ третьимъ мчатся десятки извозчиковъ. Какая-то невообразимая каша. Кажется, будто вся эта масса куда-то стремящихся и спѣшащихъ людей убѣгаетъ отъ какого-то татарскаго нашествія.

Гигантская работа одесскаго порта съ его эстокадами, конвейерами, нефтепроводами, наливными станціями, элингами и элеваторами, съ его гаванями, которыя загромождены сотнями каботажныхъ судовъ и иностранныхъ пароходовъ, гдѣ англичанинъ, французъ, турокъ, итальянецъ и американецъ выстроились своими бортами бокъ-о-бокъ и рядомъ съ океанскими исполинами Добровольнаго флота,—невольно захватываетъ. Вы сразу чувствуете, что очутились у могучаго рычага экономической жизни страны, на какомъ-то міровомъ рынкѣ.

Ѣду. Грохочущій потокъ экипажей, обгоняющихъ и мчащихся навстрѣчу, оглушаетъ. Рядомъ плыветъ толпа палубныхъ пассажировъ. Кто-то кланяется мнѣ. Присматриваюсь — пензенскіе переселенцы съ котомками и узлами на плечахъ. Фельдшеръ, по привычкѣ ли, или въ силу особенной галантерейности, послѣ поклона козыряетъ по-военному. На душѣ становится легко, какъ бываетъ въ такія минуты, когда отравленная сомнѣньемъ вѣра въ ближняго снова воскресаетъ. Они сливаются съ толпой и теряются въ этомъ морѣ жизни.

Предо мной разворачиваются шпалеры широкихъ, нарядныхъ улицъ «южной красавицы», столицы хлѣбородныхъ золотыхъ степей Новороссіи, «царицы Чернаго моря».

Глава XXXII.

Одесса.—Общее впечатлѣнье.—Улицы.—Ростъ населенія.—Городской бюджетъ.—Благоустройство.—Культурность.—Народное образованіе. — Одесская печать.—Общественная благотворительность.—Г.Г. Маразли.—Пасхальныя розговѣны.—Пролетаріатъ.—Народная аудиторія.—Памятники.—Путеводитель по Одессѣ.—Гостиницы.—Видъ съ Николаевскаго бульвара.—Торговля.—Музей и библіотека.—Театръ.

Я знаю Одессу давно.

Я увидалъ ее впервые въ началѣ семидесятыхъ годовъ, и въ воспоминаньяхъ дѣтства она всегда проносится предо мной какимъ-

то сказочнымъ, лучезарнымъ городомъ, съ блестящими дворцами и пестрой праздничной толпой. Я помню ее позже, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ разгаръ русско-турецкой войны, когда одесситы, въ ожиданіи бомбардировки, покидали городъ и по улицамъ тянулась безконечная вереница подводъ съ мебелью, а поѣзда подвозили безпрерывно транспорты раненыхъ; когда я самъ, уже юношей, переживалъ здѣсь весь ужасъ войны, жестокій, леденящій ужасъ, безъ ея треска и опьяненья, потому что видалъ только жертвъ войны, когда бараки и лазареты, гдѣ я бывалъ ежедневно, переполнялись новыми и новыми изувѣченными людьми съ разбитой жизнью, доставлявшимися съ невидимаго театра человѣческой трагедіи, а на улицахъ каждый день расклеивались телеграммы, извѣщавшія, что всего наканунѣ нашихъ выбыло изъ строя нѣсколько тысячъ; когда на бульварѣ всегда толпился кружокъ любопытныхъ, тревожно поглядывавшихъ на море въ ожиданіи турецкихъ мониторовъ и бомбардировки. Я помню Одессу въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ и позже, когда экономическій кризисъ сталъ подтачивать ея жизненныя силы.

И потому ли, что я самъ южанинъ (а всѣ южане гордятся Одессой), или потому, что съ ней связано много свѣтлыхъ юношескихъ дней моей жизни, но я люблю этотъ цвѣтущій, молодой и жизнерадостный городъ.

Росъ онъ сказочно быстро, какъ растутъ могучіе организмы на привольѣ южныхъ степей, у простора синяго моря, и выросъ цвѣтущимъ гигантомъ, такимъ же мощнымъ, какъ и страна, создавшая его. Въ ростѣ Одессы есть какая то связь съ ростомъ Россіи. Сто лѣтъ тому назадъ, когда русское море разлилось потокомъ по югу, здѣсь, у турецкой крѣпости Гаджибея, былъ основанъ этотъ городъ. Росла Новороссія—и всѣ жизненныя силы юга текли сюда по широкому руслу. Колонизаторская работа кипѣла съ американской быстротой. Русскій человѣкъ, перенесенный на просторъ плодородныхъ новороссійскихъ степей, проявилъ и здѣсь свою жизненную силу, создавъ въ этой богатой окраинѣ, еще недавно пустынной, множество цвѣтущихъ городовъ: Николаевъ, Херсонъ, Елизаветградъ, Кишиневъ, Екатеринославъ, Ростовъ — все это совсѣмъ какія-то американскія скороспѣлки. Но особенно посчастливилось Одессѣ, столицѣ Новороссіи. Сюда стремились и екатеринославцы, и херсонцы, и бессарабцы, отсюда разливалась по всей окраинѣ европейская культура, здѣсь степнякъ малороссъ, великороссъ и бессарабецъ терлись бокъ-о-бокъ съ иностранцемъ, и въ этой міровой толпѣ, на этомъ міровомъ рынкѣ «чумацкая» размашистая натура южанина слилась съ европейцемъ.

Въ Одессѣ есть что-то, напоминающее свѣжесть и жизнерадостность юноши. Это, можетъ-быть, потому, что она выросла не на насиженномъ человѣкомъ мѣстѣ, а на новомъ, что у нея нѣтъ прошлаго и исторіи съ ея жестокими страницами, нѣтъ вспоенной человѣческой кровью земли. За сто лѣтъ жизни Одессы, она не служила сценой для братоубійственной войны, и только чума да

легкая бомбардировка города въ 1854 году составляютъ единственную мрачную эпоху въ ея исторіи.

Другое, что придаетъ ей жизнерадостный видъ, это просторъ ея прямыхъ улицъ, обрамленныхъ безконечными гирляндами деревьевъ. Эти широкія улицы съ гранитной чешуей кубиковъ, выложенныхъ точно шахматная доска, съ просторными асфальтовыми тротуарами и огромными, блестящими витринами магазиновъ, съ ихъ стройной перспективой, въ концѣ которой вырастаетъ синяя стѣна моря, залиты яркимъ потокомъ свѣта и воздуха. Стоитъ только вспомнить какой-нибудь старинный, съ извилистыми ущельями вмѣсто улицъ, германскій городъ, старую Варшаву или Вильну съ ея мрачными зигзагами и закоулками, гдѣ темно, какъ въ тюрьмѣ, гдѣ никогда не бываетъ ни солнца, ни воздуха, чтобы понять причину этой юношеской свѣжести и жизнерадостности Одессы. Какъ-то даже не вѣрится, что и тамъ, и здѣсь живутъ люди, имѣющіе между собой что-нибудь общее.

Правда, въ Одессѣ мало оригинальнаго. Городъ раскинулся на гладкой равнинѣ, которая холмится только вдоль береговъ. Нигдѣ ни одной горки, на которой бы живописно лѣпились дома, выступая надъ громадами другихъ зданій. Все ровно, вытянуто въ линію, фасады большей частью вырастаютъ сплошной стѣной, не выдвигаясь изъ общей массы; и это придаетъ городу нѣсколько монотонный видъ. Зато въ прямизнѣ улицъ есть другая прелесть—прелесть простора перспективы. Двѣ громадныхъ параллельныхъ артеріи, Ришельевская и Преображенская, пересѣкающія весь городъ по направленію къ бухтѣ, подстать любой петербургской или московской улицѣ. Тѣ же тающіе въ дымкѣ шпалеры дворцовъ, тотъ же величественный видъ, тотъ же грохотъ и потокъ кипучей жизни. Параллельно съ ними еще десятокъ такихъ же прямыхъ и оживленныхъ улицъ. Ихъ прорѣзаетъ сѣть другихъ артерій, съ Дерибасовской, одесскимъ Невскимъ, въ центрѣ. Здѣсь главный потокъ городской жизни. Грохотъ экипажей заглушаетъ. На широкихъ тротуарахъ плыветъ нескончаемая толпа пѣшеходовъ. Роскошные магазины съ зеркальными витринами во весь этажъ, а то и на два этажа, могутъ конкурировать съ лучшими европейскими магазинами. Гостиныхъ дворовъ и пассажей нѣтъ, но зато есть фирмы, занимающія цѣлые дома, вродѣ московскихъ Мюра и Мерилиза, съ громадными двухъэтажными залами. Что-то похожее въ миніатюрѣ на парижскіе «Луврь», «Du Printemps» или «A Quatre Saisons». На вывѣскахъ попадаются то русскія, то иностранныя фамиліи; послѣднихъ, правда, больше.

Говорятъ, будто Одесса не русскій городъ. Это не такъ. Одесса—несомнѣнно русскій городъ, но городъ, который объевропеился и гдѣ русскія національности окраины подъ европейской нивелировкой отлились въ новую формацію русскихъ людей, имѣющихъ мало общаго по внѣшности съ русскими центральныхъ губерній, утратившихъ чисто русскую типичность въ международной ассимиляціи, но русскихъ и по сердцу, и по складу натуры, и по чувствамъ. Словомъ, Одесса не то, что какая-нибудь Рига, Варшава или Тифлисъ, гдѣ русскій элементъ какъ-то тонетъ въ массѣ нерусскаго городского населенія.

Какъ пунктъ средоточія коммерческаго флота и первый портъ Россіи, городъ, конечно, обилуетъ иностраннымъ элементомъ, придающимъ населенію какой-то международный налетъ. Но это не больше, какъ внѣшность. Изъ трехсотъ пятидесяти тысячъ жителей—до двухсотъ тысячъ православныхъ, двадцать тысячъ католиковъ и восемь тысячъ протестантовъ. Кромѣ того, сто двѣнадцать тысячъ евреевъ, которыхъ нельзя причислять къ иностранцамъ. Послѣ русскихъ и евреевъ мѣсто принадлежитъ грекамъ, итальянцамъ, полякамъ и французамъ. Всѣхъ иностранцевъ 21 тысяча.

Какъ сказочно быстро росло населеніе Одессы—могутъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующія цифры: въ 1795 году, т.-е. въ первомъ году жизни города, въ немъ числилось 2,349 душъ, въ 1807—14,000, въ 1829—52 тысячи, въ 1854—90,000, въ 1873 году—уже 193,513 душъ, т.-е. въ теченіе девятнадцати лѣтъ населеніе увеличилось на *сто три тысячи*. Въ послѣднее же двадцатилѣтіе приростъ этотъ гораздо больше: онъ составляетъ приблизительно до 150 тысячъ. Еще лучше евреи: въ 1882 году ихъ было 68 тысячъ, а за одиннадцать лѣтъ число ихъ почти удвоилось. Совсѣмъ какая-то Америка. Чѣмъ вызвано это плодородіе,—особенностями ли одесскаго климата или какими-нибудь исключительными свойствами одесситовъ, слѣдуетъ ли главную причину его видѣть въ ненормальномъ притокѣ со всего юга пришлаго люда,—но если такой ростъ будетъ продолжаться въ той же степени, то еще чрезъ десять - двадцать лѣтъ населеніе города удвоится.

Даже какъ-то не вѣрится, что этому гиганту всего сто лѣтъ.

Росту города много способствовало бывшее здѣсь въ теченіе сорока двухъ лѣтъ, до 1859 года, порто-франко. Оно упрочило за Одессой ея значеніе міроваго рынка.

Городъ богатѣлъ не по днямъ. Въ настоящее время ежегодный бюджетъ его превышаетъ три съ половиной милліона. На благоустройство его затрачены десятки милліоновъ, и въ этомъ отношеніи онъ конкурируетъ со столицами, опередивъ во многомъ Москву. Отличная канализація, водопроводъ, рынки, газовое и электрическое освѣщеніе, великолѣпныя мостовыя и роскошный театръ ставятъ его на ряду съ самыми благоустроенными европейскими городами.

Университетъ, нѣсколько мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и прогимназій, множество частныхъ учебныхъ заведеній, коммерческое и юнкерское училища, техническія школы, женскій институтъ, шестьдесятъ народныхъ училищъ, публичная библіотека, музей древностей, разныя ученыя общества, десятокъ клубовъ, масса филантропическихъ учрежденій — все это придаетъ городу культурную физіономію большого центра умственной жизни.

Многіе ставятъ Одессѣ въ укоръ ея коммерческую и меркантиль-

ную жилку, указывая на то, что доминирующая нотка общественной жизни—гешефтъ и нажива. Врядъ ли это такъ. Несомнѣнно, что въ портовомъ городѣ, торговля котораго составляетъ ежегодный оборотъ около двухсотъ милліоновъ, общій внѣшній тонъ жизни не можетъ не носить коммерческаго характера, но онъ не составляетъ все-таки преобладающаго элемента въ ней. Ядро мѣстнаго общества безусловно культурно, просвѣщенно и проникнуто широкими общественными идеалами. Если поставить въ параллель «космополитической» Одессѣ чисто русскую Москву или отчасти и Петербургъ, то одесская культурность будетъ поражать тѣмъ болѣе, что создалась она не искусственными мѣрами, а вылилась непосредственно, какъ естественная потребность мѣстнаго общества. Уже одинъ тотъ фактъ, что изъ $3^1/_2$ милліоновъ дохода городъ тратитъ ежегодно 700 тысячъ рублей на содержаніе благотворительныхъ учрежденій и *триста тысячъ на дѣло народнаго образованія* (немного менѣе третьей части дохода—на благо всего населенія и удовлетвореніе его духовныхъ потребностей), показываетъ, насколько въ этомъ отношеніи Одесса опередила другіе русскіе города. Одесскій муниципалитетъ стяжалъ себѣ давно репутацію передового, а это можетъ служить мѣриломъ и самого общества, изъ среды котораго онъ пополняется. Если вспомнить еще, что третью часть населенія составляетъ еврейская масса, чуждая общественныхъ интересовъ, то культурныя завоеванія Одессы тѣмъ болѣе слѣдуетъ поставить ей въ заслугу. Въ этомъ случаѣ роль могучаго рычага выпала на долю мѣстной печати, необыкновенно отзывчивой на злобы дня и запросы жизни, всегда стоящей настороже общественныхъ интересовъ. Одесская печать завоевала себѣ совсѣмъ своеобразное мѣсто въ русской прессѣ. Это по преимуществу боевая печать, не только отражающая жизнь, но и постоянно воюющая съ ея злобами. Въ каждомъ номерѣ изо-дня въ день мѣстныя газеты захватываютъ такія темы, разрабатываютъ ихъ, обличаютъ, протестуютъ, полемизируютъ; это придаетъ имъ особенный жизненный интересъ, въ этомъ, главнымъ образомъ, кроется и успѣхъ одесскихъ газетъ, конкурирующихъ и по содержательности, и по формату со столичными. Одесситъ привыкъ прислушиваться къ голосу печати, привыкъ и къ гласности.

Городъ работалъ сознательно, работалъ энергично и, несмотря на всю свою молодость, показалъ многимъ отечественнымъ «старичкамъ», что можно сдѣлать и какъ можно устроить общее благополучіе при добромъ желаніи.

Одесса, какъ курортъ, куда стекаются тысячи больныхъ, пользующихся морскими и лиманными купаньями, представляетъ единственное въ Россіи мѣсто по постановкѣ лѣчебнаго дѣла. Городъ не щадилъ средствъ на устройство разныхъ лѣчебныхъ учрежденій. Кромѣ множества больницъ и доступныхъ безплатныхъ лѣчебницъ, кромѣ частныхъ лѣчебницъ и гидропатическихъ заведеній, Одесса имѣетъ прекрасное лѣчебное заведеніе на лиманѣ. Это цѣлый лабиринтъ зданій, обошедшійся нѣсколько сотъ тысячъ, обставленный роскошно, съ полнымъ комфортомъ и по послѣднему слову современныхъ техническихъ приспособленій.

По своей благотворительности «меркантильная» и «торгашеская» Одесса занимаетъ въ Имперіи первое мѣсто послѣ столицъ. Въ отношеніи шири и размаха частной благотворительности она можетъ потягаться и съ милліонной Москвой. Кромѣ нѣсколькихъ ночлежныхъ пріютовъ, сиротскихъ домовъ, городскихъ богадѣленъ, инвалиднаго дома, убѣжищъ, дешевыхъ столовыхъ, устроенныхъ городомъ, есть много частныхъ благотворительныхъ учрежденій, свидѣтельствующихъ о широкой отзывчивости одесситовъ на общественныя нужды. Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ одесскому городскому головѣ Г. Г. Маразли, одному изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей и филантроповъ Одессы. Почти нѣтъ добраго дѣла, нѣтъ благотворительнаго учрежденья, которое за послѣднее время возникло бы безъ его почина или широкой поддержки. Зданіе городской публичной библіотеки и музея древностей, зданіе художественнаго музея, безплатная народная читальня, зданіе школы садоводства съ фермой, обширная богадѣльня, дешевая и дѣтская столовыя, ночлежный пріютъ—все это построено на средства, пожертвованныя Г. Г. Маразли.

И въ каждомъ дѣлѣ, созданномъ имъ, проглядываетъ искренняя любовь и къ человѣчеству, и къ родному городу, а не желаніе щегольнуть меценатской щедростью. На дачѣ Маразли, при школѣ садоводства для учениковъ выстроена небольшая церковь; на ней краткая, но краснорѣчивая надпись: «любящій—любимымъ».

Въ этихъ простыхъ и теплыхъ словахъ сказалась главная черта благотворительной дѣятельности Г. Г. Маразли—любовь къ ближнему и сердечность. Обладая состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ, имѣя два десятка домовъ въ Одессѣ и много имѣній въ Новороссіи, онъ около двадцати лѣтъ поработалъ на пользу родного города, неся безвозмездно трудныя и безпокойныя обязанности головы.

Въ числѣ другихъ благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ на средства частныхъ лицъ, выдаются строящаяся теперь громадная богадѣльня Валиха, Павловскія дешевыя квартиры Ямчитскаго и Когановскія учрежденія для бѣдныхъ жителей, съ двумя-стами дешевыхъ квартиръ, вмѣщающихъ до тысячи квартирантовъ. Средства, завѣщанныя жертвователями на каждое изъ этихъ добрыхъ дѣлъ, превышаютъ полмилліона. Сравнительно съ другими городами, и еврейская благотворительность въ Одессѣ процвѣтаетъ. Кромѣ сиротскаго еврейскаго дома, земледѣльческой фермы, еврейской богадѣльни, дешевой кухни, больницы и училищъ, здѣсь есть выдающееся своей широкой дѣятельностью «Общество взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ - евреевъ», имѣющее собственный домъ и основной капиталъ около 120,000 р. Члены общества пользуются безплатными совѣтами врачей и лѣкарствами, дѣти и сироты воспитываются на счетъ общества, престарѣлые члены получаютъ пожизненныя пенсіи изъ спеціальнаго пенсіоннаго капитала. Девизъ общества—«да окажемъ другъ другу милосердіе и состраданіе».

Еще одна особенность благотворительности «меркантильной» и «не русской» Одессы — это пасхальныя розговѣны для бѣдныхъ. Такой заботливости о бѣдномъ братѣ въ свѣтлые дни Пасхи не проявлялъ у насъ ни одинъ городъ. Въ теченіе великаго поста ежегодно собирается здѣсь для этой цѣли свыше десяти тысячъ рублей. Въ пожертвованіяхъ принимаютъ участіе наравнѣ съ христіанами и евреи. Въ спискѣ рядомъ съ фамиліями крупныхъ негоціантовъ-христіанъ—фамиліи еврейскихъ коммерсантовъ, жертвующихъ по сто, двѣсти и триста рублей.

Зато нигдѣ нужда такъ не сильна, какъ здѣсь, благодаря наплыву пролетаріата, нигдѣ не увидишь столько здоровыхъ и сильныхъ людей, сидящихъ въ гаваняхъ, на бульварахъ и по окраинамъ города безъ всякаго дѣла и безцѣльно глядящихъ на море. Иногда на скамьѣ, въ какой-нибудь глухой аллеѣ, вы видите бѣдняковъ, спящихъ или дремлющихъ сидя. При вашемъ приближеніи они пробуждаются. Безпокойный, усталый взглядъ, худыя, изнуренныя лица, просьба о помощи, готовая сорваться съ блѣдныхъ губъ,—все говоритъ о ихъ отчаянномъ положеніи. Чувствуешь, что человѣкъ тонетъ, но не рѣшается крикнуть о помощи... Въ Одессѣ насчитывается до сорока тысячъ только однихъ «золоторотцевъ», «босоножекъ» или рядовыхъ «босой команды». Это все пришлый людъ, явившійся сюда въ надеждѣ найти работу и перебивающійся тѣмъ, что ему даетъ кормилецъ портъ. Обыкновенно въ горячую пору на пристаняхъ десятки тысячъ людей находятъ заработокъ. Но наступаетъ кризисъ, замерзаетъ рейдъ или прекращается навигація—и вся эта масса людей остается буквально безъ куска хлѣба. Въ крутыя минуты, какъ, напримѣръ, во время лютой зимы, городъ по возможности пытается помочь этой бѣдѣ.

Вообще отзывчивость Одессы и ея попытка облегчить участь простого люда, улучшивъ условія его жизни, ставитъ ее впереди другихъ городовъ. Взять бы хоть городскую аудиторію для народныхъ чтеній, единственную въ Россіи послѣ Нарышкинской. Зданіе и устройство ея обошлось до ста тысячъ рублей. Въ огромномъ зрительномъ залѣ, вмѣщающемъ тысячу человѣкъ, большая сцена и паркетный полъ; отопленіе—калориферомъ; освѣщеніе электрическое. Вентиляція прекрасна. Въ трехъ фойэ, длиной въ 17 саженъ, и вестибюлѣ—полы мозаиковые. Только въ первые два съ половиной мѣсяца послѣ открытія въ аудиторіи перебывало на чтеніяхъ, музыкальныхъ и литературно-драматическихъ вечерахъ до 32,000 посѣтителей.

При аудиторіи имѣется библіотека; книги для чтенія выдаются даромъ. Здѣсь пока книги читаются мало, преимущественно дѣтьми. Но въ народной читальнѣ Маразли въ теченіе перваго года было выдано для чтенія до 75,000 книгъ, число посѣтителей нерѣдко доходило до 300 въ день.

Одесса, несмотря на свою молодость и «меркантильность», имѣетъ все-таки пять памятниковъ: Царю-Освободителю, герцогу Ришелье, князю Воронцову, генералу Радецкому и Пушкину. Въ день праздънованія столѣтія, на Екатерининскомъ скверѣ заложенъ величественный монументъ основательницѣ Одессы, Екатеринѣ II. На памятникѣ въ числѣ сподвижниковъ Императрицы не забытъ и адмиралъ де-Рибасъ, основатель и устроитель города. Въ Москвѣ, несмотря на то, что она въ шесть разъ старше Одессы, пока всего два памятника.

Еще лучше съ путеводителемъ. Въ Москвѣ, если помните, я еле досталъ жиденькую брошюрку крохотнаго формата въ сотню страницъ. Это и есть единственный путеводитель по Москвѣ. Стоитъ онъ сорокъ копѣекъ. Сейчасъ предо мной лежитъ одесскій путеводитель—толстая книга почти формата и объема «Русской Мысли». Обложка съ видами Одессы отпечатана въ нѣсколько красокъ. Всего въ книгѣ свыше семисотъ страницъ, восемь плановъ и картъ, сто двадцать рисунковъ и гравюръ, историческій очеркъ и иллюстрированный путеводитель, масса справочныхъ свѣдѣній и объявленій. И этотъ путеводитель, издаваемый г. Коханскимъ, путеводитель въ двадцать разъ обширнѣе и обстоятельнѣе московскаго, стоитъ всего *шестьдесятъ копѣекъ*! Кромѣ того, къ столѣтію Одессы издано еще нѣсколько книгъ и брошюръ съ иллюстраціями, раздававшихся безплатно народу.

Я нарочно подчеркиваю здѣсь все это, чтобъ отмѣтить могучій ростъ русской жизни, ростъ ея духовныхъ силъ и самосознанія на одной изъ окраинъ, которая всего сто лѣтъ тому назадъ была завоевана нами и представляла пустыню.

12-е сентября.

«Крымская гостиница», гдѣ я остановился,—не изъ первоклассныхъ, однако очень приличная и въ центрѣ города. Большой, свѣтлый номеръ, который я занимаю, въ первомъ этажѣ. Высокія окна выходятъ на улицу. Цѣна—два рубля. При гостиницѣ дешевый и недурной табль-д'отъ. А напротивъ, черезъ улицу, Restaurant français, славящійся своей кухней. Обѣдъ изъ пяти блюдъ, съ хорошо составленнымъ меню и легкій, какъ обѣды французской кухни, полбутылки бессарабскаго или крымскаго вина и чашка кофе, при безукоризненной сервировкѣ,—рубль двадцать пять копѣекъ. Въ Одессѣ свыше сорока гостиницъ. Цѣны относительно очень невысокія, обстановка прекрасная, комфортъ европейскій и, главное, «армянъ изъ Кизляра» нѣтъ.

Съ утра отправляюсь на Николаевскій бульваръ. Онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостиницы. Подлѣ исполинской лѣстницы изящный кіоскъ съ рестораномъ и площадка, заставленная десятками столиковъ.

Въ лѣтнее время, по вечерамъ, когда играетъ музыка, здѣсь собирается толпа гуляющихъ въ нѣсколько тысячъ, сливаясь въ такую массу, что движеніе иногда прекращается. Публика, несмотря на лоскъ и европейскіе костюмы, представляетъ рѣдкую космополитическую галлерею типовъ. Вся Европа имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Сидите ли вы у ресторана въ тѣсной толпѣ, занявшей всѣ столики, гуляете ли вы—къ вамъ доносятся отрывочныя фразы то

на греческомъ, русскомъ, молдавскомъ, французскомъ, итальянскомъ или англійскомъ языкахъ, то на другихъ нарѣчьяхъ, которыхъ вы не можете опредѣлить. Международная масса жизней плыветъ безпрерывнымъ потокомъ подъ звуки музыки, заглушаемой говоромъ; снизу, изъ порта, залитаго электрическимъ сіяньемъ, доносится грохотъ поѣздовъ, свистъ паровозовъ и ревъ пароходовъ. Миріады пестрыхъ огней мигаютъ въ безднѣ, раскипувшейся предъ вами, бѣгаютъ по ней, то угасая, то разгораясь. А надъ городомъ расплывается то нарастающими, то замирающими волнами неугомонный гулъ жизни, похожій на отдаленный шумъ водопада или мельничныхъ колесъ.

Утро ясное. Публики мало. Платановыя аллеи почти безлюдны. Я стою у исполинской лѣстницы, любуясь величественнымъ и чарующимъ видомъ. За мной—шпалеры дворцовъ и небольшой въ псевдо-классическомъ стилѣ памятникъ герцогу Ришелье. Слѣва въ одномъ концѣ бульвара—бѣлый фронтонъ дворца князя Воронцова, справа сквозь аллею выглядываетъ величественная античная колоннада думы и фонтанъ съ бюстомъ Пушкина. Даже издали непропорціональность цѣлаго и непомѣрно большая голова бюста бросаются въ глаза.

Внизу разворачивается панорама порта съ его гаванями, эстокадой, элеваторомъ и элингами, съ его сотнями судовъ, лѣсомъ мачтъ и трубъ, съ безпрерывнымъ движеньемъ. Всюду кипитъ работа суетливаго людского муравейника. Куда ни оглянешься—вездѣ копошатся люди, которые отсюда, съ высоты, кажутся черными козявками. Вспоминается Нижній-Новгородъ. И здѣсь клокочетъ такая же дѣятельность, такъ же безпрерывно снуютъ катера, отдѣляются отъ пристани гиганты и уплываютъ въ море. А тамъ, на этой синей степи, подымающейся къ горизонту и сливающейся съ нимъ, показываются черныя точки, клубится дымъ еще невидимаго парохода, выплываютъ, расправивъ свои бѣлыя крылья, баржи, появляются откуда-то изъ-подъ края моря какіе-то продолговатые жучки, которые, приближаясь, разрастаются въ цѣлыхъ гигантовъ.

Есть въ видахъ приморскихъ городовъ какая-то свѣжесть, ясность и, если хотите, чистота, которыя придаютъ краскамъ картины особенную прелесть и освѣщеніе. Дѣвственная свѣжесть моря, его сіянье и просторъ какъ будто отражаются въ душѣ, наполняя ее чѣмъ-то бодрящимъ и свѣтлымъ, окрыляя ее, чаруя и маня.

Смотришь и на безбрежную даль, и на суету людского муравейника—и оторваться нѣтъ мочи.

Въ теченіе года въ портъ приходитъ до десяти тысячъ судовъ и уходитъ столько же. Однихъ пароходовъ бываетъ ежегодно три съ половиной тысячи. Вся эта масса приноситъ и уноситъ отсюда милліоны жизней, сотни милліоновъ пудовъ груза. Кромѣ портовой торговли, свыше трехсотъ фабрикъ съ десятью тысячами рабочихъ производятъ ежегодно разныхъ предметовъ на 30 милліоновъ рублей.

Рядомъ съ думой небольшое, но красивое съ коринѳскимъ фронтономъ зданіе музея и публичной библіотеки. Музей, основанный

еще въ 1839 году, обладаетъ богатыми коллекціями египетскихъ, эллинскихъ, римскихъ, византійскихъ, монгольскихъ и русскихъ древностей. Отдѣлъ по нумизматикѣ состоитъ изъ десяти тысячъ нумеровъ. Въ библіотекѣ, занимающей правую половину зданія,—до 40,000 названій книгъ и до 77,000 томовъ.

Дальше, за площадью, на небольшомъ возвышеніи выступаетъ грандіозное зданіе театра. Это одинъ изъ лучшихъ театровъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Обошелся онъ почти полтора милліона. «Спиной» онъ обращенъ къ морю, боковымъ фасадомъ къ Театральной площади, главнымъ фасадомъ къ Ришельевской улицѣ. Это испортило видъ зданія. Оно слишкомъ стѣснено, перспектива закрыта. Издали имъ нельзя полюбоваться, вблизи трудно разсмотрѣть всю массу, подавляющую своей громадностью. Насколько зданіе кажется легкимъ на картинкахъ, настолько оно тяжело въ дѣйствительности. Нѣтъ той пропорціональности частей и гармоніи, которыя составляютъ единство цѣлаго.

Театръ построенъ въ стилѣ Возрожденія. Чувствуется переизбытокъ деталей и, какъ говорятъ французы, «trop chargé». Закрытыя арки балкона придаютъ ему закупоренный видъ. Нѣтъ оттѣнка легкости и граціи, какая должна быть въ архитектурѣ юга, какого бы стиля она ни была, архитектурѣ южанъ, выросшихъ подъ открытымъ синимъ куполомъ неба, на «вольномъ воздухѣ» и въ теплѣ. Такое зданіе умѣстно на сѣверѣ. Боковой фасадъ развернулся просторно, но его портитъ несимметричность; на немъ, надъ сценой, громоздится треугольная и совсѣмъ грубая крыша, ничѣмъ не замаскированная, а самъ онъ кажется склееннымъ изъ трехъ непропорціональныхъ зданій съ разными окнами и неодинаковымъ числомъ этажей.

Очень хорошъ и изященъ фронтонъ главнаго фасада, украшенный художественными скульптурными группами, изображающими музу въ колесницѣ, танцы и музыку, трагедію и комедію.

Строили театръ нѣмецкіе архитекторы, кажется—Фельснеръ и Гельмеръ, которымъ принадлежитъ и проектъ вѣнскаго «Рингъ-Театра». Нѣмецкая аккуратность, старательность и положительность сказались и здѣсь.

Зато внутри онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Все устроено по послѣднему слову техники и сценическихъ требованій. Великолѣпная вентиляція, просторъ, электрическое освѣщеніе, паркетъ, мраморъ, мозаика и фрески, колоннады и арки, величественныя лѣстницы, украшенныя статуями,—все это красиво, изящно, эффектно, полно вкуса и гармоніи. Зрительный залъ вмѣщаетъ 1600 человѣкъ. Онъ весь отдѣланъ краснымъ бархатомъ и радужной позолотой. Потолокъ въ золотѣ и фрескахъ. Ложи, выступающія раковинами, кажутся хорошенькими бонбоньерками съ пунцовой атласной отдѣлкой.

Это—дѣйствительно храмъ искусства, въ которомъ «черствые» одесситы, страстные любители музыки, имѣющіе, кстати сказать, одну изъ лучшихъ оперъ, отрѣшаются отъ своей «меркантильности».

Глава XXXIII.

Александровскій паркъ и Новый бульваръ.—Страничка изъ прошлаго.—„Трофеи" войны и мира.—Герои минувшей войны.—Одесская публика и уличная жизнь.—Выставка плодоводства.—Картины Лагоріо.—Проклятый англичанинъ.—На вокзалѣ.—Въ вагонѣ.—Бонапартистъ.—Въ Подольской губерніи.—Климатическая станція Каменка.

Къ югу отъ города на обширной площади раскинулся Александровскій паркъ и Новый бульваръ.

Паркъ разбитъ по-англійски; растительность разнообразная и роскошная; рядомъ съ экземплярами южной флоры—группы хвойныхъ сѣверянъ. Почти въ центрѣ парка высится холмъ съ памятникомъ Царю-Освободителю. Величественная коринѳская колонна изъ лабрадора увѣнчана шапкой Мономаха. Четыре бронзовыхъ орла, распустивъ крылья, защищаютъ ея подножіе съ гранитными ступенями. Внизу, въ изящной рѣшеткѣ, украшенной коронами, дерево, посаженное Александромъ II въ 1875 году.

Съ холма открывается видъ на Одессу, съ нескончаемой, повышающейся къ горизонту грядой фасадовъ и чешуей крышъ. Кромѣ береговой панорамы, это чуть ли не единственный видъ на городъ. Масса громадъ, надъ которой выдѣляются колокольни, острая башня собора, фабричныя трубы и корпусъ театра, сливается въ какой-то окованный желѣзной броней организмъ гиганта. Гулъ жизни, то нарастая, то замирая, наполняетъ воздухъ безпрерывнымъ жужжаньемъ, смѣняющимся раскатами. Иногда кажется, что гдѣ-то вблизи гудитъ молотилка.

На западъ отъ парка начинаются живописныя предмѣстья Одессы—Ланжеронъ, Малый, Средній и Большой Фонтаны, сплошной коверъ зеленыхъ садовъ, въ которомъ, выступая изъ трельяжей, увитыхъ розами и виноградомъ, на изумрудномъ газонѣ, въ цвѣтникахъ и кружевѣ растительности разбросаны сотни живописныхъ виллъ, замковъ и теремовъ. Дачи тянутся вдоль берега верстъ на двадцать-двадцать пять. Конка и паровой трамвай соединяютъ ихъ съ городомъ. Дорога проходитъ то сквозь тѣнистыя аллеи, за которыми улыбаются, маня своей уютностью, дачи, то надъ берегомъ, у разстилающагося безконечной синей степью моря. Сообщеніе дешевое. Поѣздка на Малый Фонтанъ стоитъ что-то копѣекъ пять, на Большой, лежащій въ четырнадцати верстахъ отъ города,—двугривенный. И въ этомъ отношеніи Одесса перещеголяла Москву, не собравшуюся до сихъ поръ устроить сноснаго, сколько-нибудь комфортабельнаго сообщенія съ такимъ дивнымъ уголкомъ, какъ Воробьевы горы.

Новый бульваръ—часть Александровскаго парка, примыкающая къ морю. Отсюда открывается видъ и на городъ, и на Николаевскій бульваръ, и на бухту съ ея стаями судовъ въ гаваняхъ, и на лиманы, и на кайму далекихъ береговъ. Здѣсь тоже красивый павильонъ съ рестораномъ и рядами столиковъ подъ открытымъ небомъ. Есть и нѣсколько отдѣльныхъ будокъ, какъ въ тифлисскихъ «садахъ съ нумерами». Цвѣтники, бархатистая бахрома темно-зеленой туи вдоль аллей и молодая растительность придаютъ бульвару особенную прелесть. Тутъ не жмутся надъ вами громады дворцовъ, какъ на Николаевскомъ бульварѣ, море не заслонено судами. Съ юга отъ бульвара выступаютъ ломанной линіей невысокія стѣны старой крѣпости. Во время чумы, свирѣпствовавшей въ Одессѣ нѣсколько разъ (въ 1802, 1812—13 и 1830 годахъ), здѣсь былъ учрежденъ карантинъ.

Въ 1877 году во время русско-турецкой войны во всѣхъ зданіяхъ и во дворѣ крѣпости, въ баракахъ, помѣщались военные лазареты. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, въ это же время мнѣ пришлось часто бывать здѣсь. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ я постоянно заходилъ въ лазареты и нагляделся на жертвъ войны, наслушался разсказовъ о всѣхъ ужасахъ и жестокостяхъ ея изъ устъ русскаго народа, простого, кроткаго и вмѣстѣ великаго героя—русскаго солдата. Предо мной пронеслась цѣлая толпа этихъ героевъ, скромныхъ, добродушныхъ и наивныхъ, какъ дѣти, съ такимъ же чистымъ и открытымъ сердцемъ. Сюда большей частью доставляли выздоравливающихъ. Но бывали и тяжело раненые, искалѣченные, которыхъ раны сводили въ могилу. Каждый день въ лазаретъ пріѣзжали изъ города дамы, приходилъ простой людъ, и все это несло—кто что могъ, и деньги, и корпію, и бѣлье, чтобы хоть чѣмъ-нибудь облегчить участь героевъ, хоть чѣмъ-нибудь утѣшить ихъ. Въ захватывающей волнѣ всеобщаго милосердія и состраданія, когда подъемъ русскаго общества достигъ высшаго напряженія и воздухъ точно былъ наэлектризованъ жаждой подвига,—не только молодыя, открытыя для любви сердца, но черствыя натуры были увлечены этимъ потокомъ.

Солдатики съ первыхъ же дней назвали меня «братцемъ», а затѣмъ приспособили въ качествѣ своего секретаря и повѣреннаго по сердечнымъ дѣламъ. Мой стиль особенно понравился имъ, и вскорѣ за мной упрочилась репутація секретаря «внѣ конкуренціи». Сколько разъ, сидя за столикомъ, у изголовья раненаго, мнѣ приходилось невольно улыбаться, примѣняясь къ понятіямъ простого человѣка, къ шаблону солдатскихъ писемъ; и сколько интимныхъ, то трогательныхъ до слезъ, то наивныхъ сердечныхъ излiяній чужой души изображалъ я въ этихъ письмахъ.

Обыкновенно я приходилъ въ опредѣленный часъ. Во дворѣ бродили группы выздоравливающихъ, въ старыхъ полосатыхъ халатахъ и форменныхъ фуражкахъ. Нѣкоторые опирались на палку, нѣкоторые передвигались на костыляхъ. Въ саду тоже были раненые; они сидѣли на скамейкахъ по цѣлымъ часамъ, то въ компаніи, то одиноко, устремивъ неподвижный взглядъ на синюю безграничную даль моря. Тамъ, за этимъ моремъ, въ чужой сторонѣ, остались товарищи и братья, которые въ эту минуту, можетъ-быть, погибали въ схваткѣ съ врагомъ. Сколько жестокихъ картинъ и тяжелыхъ воспоминаній проносилось здѣсь предъ ними подъ вѣчный прибой и ропотъ моря.

Въ высокихъ бѣлыхъ палатахъ на койкахъ, разставленныхъ двумя рядами, лежали тяжело больные и раненые. Здѣсь былъ великороссъ и полякъ, молдаванинъ и малороссъ, еврей и татаринъ, казакъ изъ донскихъ степей и полѣшукъ, волжанинъ и остзеецъ.

Изо всей этой толпы пронесшихся предо мной тогда жертвъ войны, нѣкоторые особенно глубоко врѣзались въ память.

Помню одного малоросса съ круглой головой, смуглымъ лицомъ и густой, остриженной подъ гребенку шапкой черныхъ волосъ. Половина лба и лица была забинтована. Пуля попала ему въ глазъ и осталась въ головѣ. Онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Потеря глаза, однако, нисколько, повидимому не огорчала его. Вопреки малороссійской флегмѣ, онъ былъ необыкновенно подвижной и веселый парень. Раненые любили его; онъ считался у нихъ первымъ комикомъ. Его почему-то прозвали «султаномъ». Онъ такъ и былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ. Бывало, когда ни придешь, «султанъ» непремѣнно встрѣтитъ улыбкой и разными каламбурами или прибаутками; единственный черный глазъ глядѣлъ съ веселымъ задоромъ. Тяжело раненыхъ онъ постоянно старался подбодрить, поддавая имъ «куражу». Если кто стоналъ, онъ подходилъ и уговаривалъ: «Ну, чого, чого? нэ поможе. Бачь у мэнэ якъ. А пуля такъ ажъ булькаетъ въ голови—и то мовчу». При этомъ онъ покачивалъ головой, прося присутствующихъ послушать, какъ у него «булькаетъ пуля»...

Помню худого парня-бѣлорусса изъ Минской губерніи, съ блѣдно-зеленой кожей, обтянувшей, точно перчатка, выдающіяся скулы, и будто побѣлѣвшими отъ испуга глазами. Онъ былъ подъ Плевной. Во время одной изъ атакъ въ рядахъ произошло замѣшательство. Нѣсколькими ротами овладѣла паника. Онѣ пустились бѣжать. И вотъ именно въ эту минуту пуля ранила его въ мизинецъ. И легко ранила, оторвавъ только конецъ. Но вслѣдствіе потрясенья съ нимъ сдѣлалась нервная горячка, отъ которой онъ третій мѣсяцъ не могъ оправиться. Доктора говорили, что у него чахотка и что онъ не выживетъ. Я ему часто писалъ письма домой. Обыкновенно грустный, молчаливый, онъ тогда вдругъ оживлялся, а потомъ, уткнувшись въ подушку, начиналъ тихо плакать. Разсказовъ его объ этой атакѣ я никогда не забуду. Онъ говорилъ о ней съ ужасомъ, задыхаясь, словно бы предъ нимъ проносилась снова эта картина.

Помню другого раненаго, тоже молодого солдата, которому пуля попала въ грудь, но, не пробивъ грудной клѣтки, прошла подъ кожей вокругъ спины и груди, точно опоясавъ ихъ швомъ. Помню Андрея Тихонова, донского казака, высокаго красавца блондина, съ синими, какъ небо, глазами и румянымъ лицомъ. Онъ былъ подъ Рущукомъ въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича. Во время долгаго и мучительнаго перехода, отрядъ истомился отъ жажды. У перваго колодца Тихоновъ жадно выпилъ воды и вдругъ почувствовалъ себя плохо, а потомъ и слегъ. Отъ переутомленія ли, отъ того ли, что у него раньше былъ какой-нибудь органическій порокъ, но сердце его перемѣстилось въ правый бокъ. Этотъ рѣдкій въ медицинской практикѣ случай нѣсколько одесскихъ врачей констатировало при мнѣ въ присутствіи тогдашняго одесскаго градоначальника, графа Левашова. На видъ Тихоновъ былъ совсѣмъ богатырь; плечи—въ косую сажень, грудь выпуклая, точно кираса, лицо свѣжее, здоровое. И, однако, онъ почти не покидалъ постели. Бывало, подойдешь къ нему, онъ просіяетъ, скажетъ привѣтливо слабымъ голосомъ: «а, братець, не забываете насъ», и сейчасъ же проситъ «письмецо составить». Чуть не каждый день домой писалъ. Въ станицѣ, надъ тихимъ Дономъ, у него осталась «жонка и двое малышей». И все-то онъ дождаться не могъ, чтобъ его выписали, раздражался, ворчалъ на врачей, а то вдругъ самъ пугался своей болѣзни, просилъ выслушать его. Приложишь ухо къ груди—слѣва—ничего, а справа—сердце то стучитъ, то вдругъ замираетъ. Позже его повезли въ Москву, чтобы демонстрировать передъ московскими профессорами. Я думаю, этотъ случай занесенъ въ хронику московской университетской клиники. Тихонова я такъ больше и не видалъ, и что съ нимъ сталось—не знаю.

Прошло семь лѣтъ.

По странному капризу судьбы, здѣсь же, въ карантинѣ, была устроена одесская сельско-хозяйственная и промышленная выставка. Во дворѣ возвышалось красивое зданіе главнаго павильона, въ саду въ зеленомъ газонѣ были живописно разбросаны вплоть до берега моря изящные кіоски. Въ большихъ бѣлыхъ палатахъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ помѣщались раненые, стояли витрины и столы съ плодами, овощами и цвѣтами. Праздничная толпа посѣтителей, достигавшая въ иные дни тридцати тысячъ, проходила какимъ-то жизнерадостнымъ потокомъ по заламъ, гдѣ когда-то раздавался стонъ умирающихъ и раненыхъ, по аллеямъ, гдѣ прогуливались выздоравливающіе.

Въ золотомъ сіяніи сентябрьскаго южнаго дня стоялъ какой-то гулъ, въ которомъ говоръ толпы и шумъ молотилокъ и машинъ сливался съ музыкой двухъ оркестровъ въ оглушительный ярмарочный хаосъ. Казалось—человѣчество собралось на праздникъ мира, на какое-то торжество братскаго развитія народовъ. По вечерамъ, когда выставка, залитая электрическимъ свѣтомъ, принимала волшебный видъ, и душистые цвѣты въ клумбахъ, приподнявъ головки, будто упивались нѣжнымъ свѣтомъ и сладкими звуками музыки, а море плескалось у берега, нашептывая что-то,—мнѣ особенно ярко вспоминались тѣ герои войны, которые пронеслись здѣсь еще такъ недавно толпой мучениковъ. Мнѣ казалось, будто что-то отъ нихъ, легкое какъ тѣнь, осталось здѣсь, и въ голубомъ сумракѣ, надъ колышущимся моремъ, мнѣ мерещилась толпа изувѣченныхъ призраковъ со страдальческими лицами, на которыхъ читалась братская мольба о чемъ-то... Можетъ-быть, о томъ, чтобы человѣчество, во имя общаго блага, отреклось отъ безумнаго братоубійства.

И теперь, вспоминая эти два мгновенья, полныхъ такого контраста, я переживаю прежнія чувства.

13-е сентября.

Весь день идетъ проливной, совсѣмъ тропическій дождь.

Вечеромъ отправляюсь въ театръ. Роскошный, залитый электрическимъ свѣтомъ залъ полонъ.

Въ публикѣ преобладаютъ южные типы. На пунцовомъ фонѣ ложъ особенно красиво выдѣляются туалеты и матовыя лица южанокъ.

Одесская публика очень нервная, чуткая и требовательная. «Верхи», по обыкновенію, со студенческимъ темпераментомъ университетскихъ городовъ. Труппа прекрасная, не безъ изъяновъ, но въ общемъ подъ стать и столицамъ.

Обстановка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Даютъ «Первую Муху».

14-е сентября.

Ясный день. Вчерашній дождь точно промылъ куполъ неба; синева его стала еще ярче. На улицахъ и тротуарахъ безукоризненная чистота; сухо; даже не вѣрится, что вчера былъ такой ливень.

Всюду кипитъ жизнь, вездѣ куда-то спѣшащая толпа.

Одесситы, какъ и вообще южане, живутъ на улицѣ. Въ кондитерскихъ и кофейняхъ подъ полотняными навѣсами и завтракаютъ, и пьютъ, и читаютъ, и занимаются дѣлами. Типичная черта одессита—дѣловитый видъ, размашистые жесты и торопливая походка. Онъ вѣчно куда-то стремится. И эта его нервная торопливость сообщается и пріѣзжимъ. Смотришь—рядомъ съ вертлявымъ одесскимъ дѣльцомъ и увалень степнякъ-помѣщикъ начинаетъ шагать быстрѣй, захваченный общимъ нервнымъ токомъ.

«Конка» переполнена; тѣснятся на площадкахъ, стоятъ на ступеняхъ, облѣпили вагонъ со всѣхъ сторонъ, какъ мухи сахаръ. Публика смѣшанная и очень типичная; средній классъ горожанъ всетаки выглядитъ культурнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ. Много, впрочемъ, евреевъ; но и одесскіе евреи считаются цивилизованнѣе другихъ русскихъ евреевъ. Общій потокъ европеизма захватилъ и ихъ; лапсердаковъ почти не видать.

Отправляюсь на выставку плодоводства. Она въ помѣщеніи прежняго благороднаго собранія. Въ нѣсколькихъ комнатахъ разставлены фрукты, овощи и группы экзотическихъ растеній. Выставка совсѣмъ бѣдная. Вспоминается роскошный отдѣлъ плодоводства на сельско - хозяйственной выставкѣ десять лѣтъ тому назадъ—и даже какъ-то неловко становится. За десять лѣтъ ничего новаго.

Всего десятка два экспонентовъ. Главные — французъ Робина, садоводъ Шульцъ, городской голова Маразли да садовое заведеніе Роте. Въ саду жидкая школка да коллекціи изъ питомника.

Въ отдѣлѣ цвѣтовъ господствуетъ надо всѣмъ огромная университетская пальма, persona grata на всѣхъ подобныхъ цвѣточныхъ парадахъ, старушка, видавшая виды и лучшія выставки. Играетъ хоръ

мальчугановъ изъ сиротскаго дома, и играетъ бойко. Публики мало, нѣсколько человѣкъ, и то больше своихъ. Однако, завтракъ экспонентовъ по случаю открытія проходитъ съ помпой и рѣчи говорятся на темы «о процвѣтаніи, благоденствіи и прогрессѣ» совсѣмъ хорошія.

Отсюда ѣду на выставку картинъ профессора Лагоріо. Преобладающая тема — ландшафты и морскіе виды. Много этюдовъ, больше этюдовъ, чѣмъ публики. Живопись профессора Лагоріо очень своеобразная. Въ ней нѣтъ ничего общаго съ кистью Айвазовскаго. Картины выписаны необыкновенно тщательно, изящно, вездѣ проглядываетъ попытка идеализировать формы, отразить дѣйствительность подъ дымкой прекраснаго. Но, можетъ-быть, именно благодаря этому онѣ такъ мало жизненны; нѣтъ въ нихъ естественности и дыханія природы. Очень эффектна «Мадонна». Въ ея ликѣ художнику удалось воспроизвести что-то дѣйствительно безплотное и идеально-прекрасное, при божественной чистотѣ выраженія. Отлично написанъ и «Гурзуфъ съ Аю-Дага», опять такими же легкими тонами, съ той же идеализаціей формъ. Остальныя картины почему-то не врѣзываются въ память. Сейчасъ я даже не могу вспомнить ихъ.

Обѣдаю въ «Сѣверной гостиницѣ». Здѣсь—лучшая кухня въ Одессѣ. Обѣдъ вдвое дороже, чѣмъ во Французскомъ ресторанѣ: что-то два съ полтиной, и безъ вина, но очень хорошъ. Зато аппетитъ портитъ проклятый старый англичанинъ, съ его дурацкой національной претензіей на комфортъ. Такъ бы и треснулъ его за этотъ комфортъ. Ничего, по-моему, нѣтъ отвратительнѣе обычая полоскать ротъ и зубы во время обѣда.

Хочешь заниматься туалетомъ—для этого есть уборная. Но сидя за общимъ столомъ—промывать свой гнилой ротъ и полоскать зубы, это можетъ считать комфортабельнымъ и приличнымъ только надутый своей претензіей на культурность англичанинъ да тѣ, кто любитъ рабски подражать ему, возводя подобный обычай въ хорошій тонъ. Пять минутъ анаѳемскій джонъ-буль полощетъ ротъ! Мало того, засовываетъ туда палецъ, храпитъ, сопитъ, фыркаетъ и плюется. Тошнитъ. Аппетитъ прошелъ. Высидѣть нѣтъ мочи. Начинаю демонстративно ерзать на стулѣ, нервно бросаю ножъ, стучу тарелкой, кашляю, ворчу. Хоть бы ты што! Англосаксонская флегма—ноль вниманія. Звоню. Велю лакею перенести мой приборъ въ другую комнату. Англичанинъ поворачивается, смотритъ на меня мутно-зелеными глазами съ полнымъ недоумѣніемъ, приподнявъ рыжеватыя брови, и снова принимается за свое. Навѣрно, въ душѣ послалъ мнѣ «варвара».

Вечеромъ выѣзжаю.

Городъ продолжаетъ грохотать во мглѣ, на каждомъ поворотѣ показываются гирлянды огней, сливающіяся въ перспективѣ. По длинной Пушкинской улицѣ рядомъ мчатся другіе экипажи. Точно скачка какая-то.

Огромный вокзалъ построенъ покоемъ. Дебаркадеръ внутри.

Пассажирскій залъ въ лѣпной работѣ и гербахъ южныхъ губерній, полъ въ мозаикѣ. Пассажиры все больше бессарабцы, подолыцы, херсонцы да кіевляне. Общій типъ новороссійско-малорусскій, съ черной ретушировкой юга. Много евреевъ. Очень много евреевъ. Совсѣмъ даже много евреевъ. Въ третьемъ классѣ масса лапсердаковъ, съ букетомъ новороссійскихъ захолустій. Во второмъ классѣ вагоны биткомъ набиты евреями же. Но здѣсь народъ цивилизованный, говорятъ порусски, хотя и не безъ жаргона; ерь и ха трещитъ въ глоткахъ точно въ тромбонѣ. При этомъ оказывается и другая особенность: адскій гвалтъ. Одна ихняя дама, толстая дама, высовывается въ окно и кричитъ:—«Лейзеръ, Лейзеръ! чиво ти ни идешь? Хатишъ аставаца уфъ Адесъ? Ну»? Другая дама зоветъ какого-то Ипполита Саломоновича и свою дочь «Лёлечку». Двѣ дамы даже говорятъ по-французски. Вездѣ, на каждой вѣшалкѣ и полкѣ, до самаго потолка, до электрическаго фонаря—ихніе ящики, картонки, чемоданы и подушки. И все это съ подушками, чемоданами, одѣялами, всякими бебехами и ногами заняло всѣ диваны до верху. Зову кондуктора. Кажется—тоже еврей. Въ самый уголъ вагона забился и угрюмо молчитъ офицеръ довольно раздражительнаго вида. Рядомъ съ нимъ какой-то смуглый, бритый, сухой господинъ, молдаванинъ или итальянецъ. Онъ подобралъ подъ себя ноги и ежится, чтобы дать мѣсто этимъ дамамъ. Кое-какъ устраиваюсь рядомъ съ нимъ. Офицеръ ворчитъ:

— Чортъ знаетъ что такое! Два мѣсяца ѣздилъ по Россіи— не видалъ этой саранчи. Даже забылъ, что она существуетъ. Теперь опять высыпала...

Мой сосѣдъ не понимаетъ по-русски, такъ какъ относится къ этому заявленію безъ всякаго сочувствія, но, видимо, хочетъ заговорить. Обращаюсь къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Отвѣчаетъ пофранцузски, но съ нѣмецкимъ акцентомъ. Вмѣсто *же* говоритъ *ше*, вмѣсто *де—те*. Увѣряетъ, что эльзасецъ. Оказывается—бывшій бонапартистъ. Чуть ли не присутствовалъ при смерти Наполеона въ Чизльгёрстѣ, а позже съ однимъ изъ старыхъ придворныхъ, какимъ-то графомъ, былъ командированъ къ зулусамъ отыскиватъ тѣло несчастнаго принца Лулу. Разсказываетъ обо всемъ этомъ очень подробно. Кажется, что говоритъ правду. Обошлась эта экспедиція двѣсти тысячъ франковъ, участвовало въ ней полтораста человѣкъ. Страстный путешественникъ. Всю жизнь провелъ въ дорогѣ. Въ Россіи впервые, но, конечно, очарованъ. «Cette largeur de la nature russe et cet espace — cela vous séduit tout d'abord»... Въ Одессѣ, если вѣрить, его фетировали.

Минуемъ Раздѣльную, потомъ Бирзулу, узлы, въ которыхъ скрещиваются артеріи юго-западныхъ дорогъ. Навстрѣчу то и дѣло мчатся поѣзда, мимо, съ быстротой молніи, мелькаютъ яркій фонарь паровоза и окна вагоновъ. Ревъ гудка и грохотъ пролетающаго поѣзда будятъ невольную тревогу.

---

15. сентября.

На разсвѣтѣ высаживаюсь въ Попелюхахъ. Маленькій вокзалъ одиноко стоитъ въ степи. Поѣздъ ушелъ — и настало полное затишье. У служащихъ какой-то невыспавшійся видъ и печать станціонной скуки. Въ общемъ залѣ на деревянныхъ скамейкахъ спятъ пассажиры. У подъѣзда стоитъ высланный за мной изъ Каменки фаэтонъ.

Ѣду. Свѣжо. Съ земли подымаются бѣлыя, какъ вата, холодныя облака, открывая горизонтъ надъ холмистой степью съ зелеными коврами озимей и рыжеватыми полосами выжатыхъ хлѣбовъ. Изрѣдка на горизонтѣ вырисовывается черная стѣна лѣса, гдѣ-нибудь изъ котловины выглянетъ богатое, огромное подольское село, потомъ снова тянутся изумрудные ковры озимей, густыхъ, какъ щетка, да черныя, какъ чернила, ленты и лоскутья только-что вспаханнаго чернозема.

Широкій трактъ, по которому катится фаэтонъ, то глинистый, то черноземный. Иногда по бокамъ, рядомъ съ озимями, вытягиваются полосы высокой рыжевато-золотистой, еще не убранной кукурузы, иногда у стожковъ видны горки ярко - оранжевыхъ стручковъ.

Нѣсколько разъ дорога прорѣзаетъ села, большія, уютныя малороссійскія села съ бѣлыми веселенькими домами, прочно сколоченными хозяйскими пристройками и садами. Отовсюду вѣетъ зажиточностью и достаткомъ. Вездѣ желтѣютъ скирды соломы и золотятся стоги съ хлѣбомъ. Подолія—благодатный край, подольскій черноземъ такой же жирный и неистощимый, какъ и бессарабскій.

Въ селахъ видны большія, красивыя церкви, школы и богатыя помѣщичьи усадьбы. Постройки все каменныя, капитальныя, на широкую ногу; дома то полутора, то двухъэтажные, старинной архитектуры, имѣютъ видъ насиженнаго гнѣзда. Все это строилось еще въ крѣпостную эпоху, польскими помѣщиками, строилось тогда, когда рабочія руки ничего не стоили, когда надо всѣми этими деревнями, теперь такими богатыми, стоялъ стонъ нужды и рабства.

Люди были свои, камень свой, рабочія руки—руки рабовъ: только и стройся. По всей Подольской губерніи раскинуты палаццо, настоящіе дворцы, которые часто кажутся просто неумѣстными въ деревенской обстановкѣ. Много есть развалинъ, много и недостроенныхъ зданій, цѣлыхъ замковъ въ два и три этажа. Настало освобожденіе крестьянъ — поддерживать всѣ эти затѣйливыя палаццо не было средствъ, кончить постройку начатыхъ — тоже, и волей-неволей пришлось все забросить. Зато на крестьянской улицѣ насталъ праздникъ.

Около полудня экипажъ подъѣзжаетъ къ скалистому обрыву и по узкому, извилистому ущелью спускается въ долину. Въ ущельѣ на версты двѣ-три тянется село, облѣпившее своими домами и садами бока оврага. Внизу, въ долинѣ, бѣлой лентой извивается Днѣстръ. На лѣвомъ берегу, у подножія скалистыхъ, отвѣсныхъ горъ, ютится

мѣстечко Каменка. Правый берегъ, бессарабскій,—покатая равнина, покрытая коврами озимей.

Фаэтонъ, громыхая рессорами и рѣжа тормазомъ камни, медленно съѣзжаетъ въ ущелье и, наконецъ, катится по мѣстечку, населенному молдаванами, подольскими малороссами и евреями. Поворотъ—и онъ, миновавъ обширную площадь, застроенную скромными одноэтажными домиками, переглядывающимися своими подслѣповатыми окнами, направляется параллельно Днѣстру на сѣверъ. Длинная, широкая аллея раздѣляетъ каменскіе парки, верхній и нижній. Верхній растилается у подножія горъ, покрытыхъ сплошными клѣтками виноградныхъ плантацій. Въ немъ—«замокъ», старый кургаузъ, погреба и винодѣльня. Въ нижнемъ паркѣ, раскинувшемся на ровной площади у берега Днѣстра, высится двухъэтажный кургаузъ съ двухъярусной верандой вдоль фасада; изъ зелени выступаютъ крыши нѣсколькихъ дачъ. Впереди видна длинная улица нѣмецкой колоніи.

Сезонъ въ каменской «климатической станціи» начинается въ іюнѣ. До 15 августа—лѣченіе кумысомъ и купаньемъ въ Днѣстрѣ, послѣ 15 до половины октября—лѣченіе виноградомъ. Это одинъ изъ скромныхъ, очень недорогихъ, но уютныхъ курортовъ. Мѣстечко принадлежитъ князю Витгенштейну, курортъ содержитъ А. А. Наркевичъ-Іодко, минскій помѣщикъ.

Паркъ весело вторитъ звонку, перекликаясь съ нимъ. Фаэтонъ въѣзжаетъ въ ворота съ замысловатой рѣзьбой и останавливается у веранды кургауза.

Въ бесѣдкѣ хоръ трубачей 23 драгунскаго Вознесенскаго полка. Старые знакомые. На верандѣ нѣсколько офицеровъ-вознесенцевъ, нѣсколько дамъ, пріѣхавшихъ изъ Сорокъ, и группа курсовыхъ. Я чувствую себя почти дома. Здѣсь отдохну.

Взаимныя привѣтствія. Трубачи дружно играютъ маршъ «Птичку». Опять «Птичка»! Она точно преслѣдуетъ меня на протяженіи этихъ шести—семи тысячъ верстъ.

Эхо парка подхватываетъ стройные звуки и переливаетъ ихъ мелодичными волнами, расплывающимися въ золотѣ сентябрьскаго дня.

Глава XXXIV.

На дачѣ „Миля“.—Днѣстръ и виды.—Паркъ.—Виноградъ и курсовые.—Жизнь въ Каменкѣ.—Хоръ трубачей Вознесенскаго полка.—Національное объединеніе.—Празднество на манеръ „франко-русскихъ симпатій“.—Ужинъ и рѣчи трубачей.—Альянсъ именинницъ.

16-е сентября.

Я поселился на дачѣ «Миля». Здѣсь дачки названы именами курсовыхъ дамъ, болѣе или менѣе «царицъ сезона».

«Миля» стоитъ у воротъ, недалеко отъ кургауза. Напротивъ, по другую сторону аллеи, видна другая дача, кажется — «Оля», еще дальше выступаетъ зеленая шляпка — должно-быть, «Кати». Когда

курсовые въ разговорѣ о дачахъ выбрасываютъ опредѣленія, не обходится безъ каламбуровъ.

На моей дачѣ четыре комнаты. Мнѣ отвели двѣ: просторный залъ, въ которомъ могутъ обѣдать человѣкъ тридцать, и спальню. Стоитъ это удовольствіе два рубля. Помѣсячно, конечно, дешевле. Окна выходятъ на балконъ, окруженный шпалерами зелени.

Полное затишье, которое захватываетъ особенно глубоко послѣ безпрерывной дорожной суеты, шума и движенья. Ни грохота поѣздовъ, ни рева пароходнаго гудка, ни свиста паровозовъ. Только синій куполъ неба, гряда безмолвныхъ горъ, выглядывающихъ надъ зеленой листвой, да нѣжный, убаюкивающій шопотъ парка, у котораго неслышно проползаетъ Днѣстръ. Онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей дачи.

Выхожу на берегъ. Рѣка, такая могучая и бурная весной, теперь совсѣмъ отощала. Она не шире Днѣпра въ верховьяхъ и помельче его. Изъ воды выступили мели и зигзаги дамбъ. По фарватеру разставлены бакены и вѣхи. Слѣва, къ югу, у мѣстечка виднѣется рядъ мельницъ, справа кудрявая зелень лѣса, въ которой исчезаетъ рѣка. Берега желто-бурые, обнаженные, унылые. Бессарабская сторона—сплошная, повышающаяся къ горизонту степь въ выжженныхъ солнцемъ лугахъ, зеленыхъ нивахъ да высокой, какъ тростникъ, рыжеватой кукурузѣ. Съ подольской стороны надвинулась волнистая гряда горъ то въ бѣлыхъ мѣловыхъ морщинахъ и трещинахъ, то въ виноградникахъ.

Мѣстоположеніе красивое, но не изъ лучшихъ на Днѣстрѣ. Я не знаю болѣе живописной рѣки. Величественна и могуча Волга, чуденъ Днѣпръ; Волга рядомъ съ Днѣстромъ казалась бы моремъ. Днѣпръ въ два-три раза шире его. Но все это не умалило бы красоты Днѣстра. Главная его особенность состоитъ въ томъ, что часто оба берега одинаково высоки и рѣка проползаетъ по какому-то изумрудному ущелью; другая—это необыкновенная извилистость русла. Днѣстръ, точно змѣя, изгибается между отрогами Карпатовъ, пробираясь къ Черному морю. И съ каждымъ изгибомъ, съ каждымъ поворотомъ открываются чарующіе виды, то зеленыя горы, то группы скалъ, то долины, то опять горы, лѣса и скалы, тѣснящіеся со всѣхъ сторонъ и заслоняющіе горизонтъ. И вся эта волшебная панорама въ яркихъ тонахъ и переливахъ освѣщена ласкающимъ солнцемъ юга.

Климатъ въ Каменкѣ ровный, здоровый, не слишкомъ сухой, но и не сырой. Воздухъ теплый и чистый. Днѣстръ въ мѣру насыщаетъ его влагой. Есть что-то какъ будто общее съ климатомъ Сѣвернаго Кавказа на минеральныхъ группахъ, но тамъ воздухъ слишкомъ ужъ знойный и сухой. Здѣсь дышется легко.

Надъ паркомъ разлетаются звуки музыки. Они доносятся откуда-то издалека, подхваченные эхомъ горъ. Играютъ въ верхнемъ паркѣ. Тамъ обыкновенно музыка отъ одиннадцати до часу дня. Здѣсь—отъ шести до десяти вечера. Курсовые всѣ теперь тамъ. Въ кургаузѣ и нижнемъ паркѣ безлюдье.

Отправляюсь въ верхній паркъ. Справа отъ воротъ — «замокъ» князя Витгенштейна. Это большой полутораэтажный блѣдно-канареечнаго цвѣта домъ, съ фронтономъ въ центрѣ и двумя полукруглыми крыльями. Слѣва—старый кургаузъ, одноэтажное зданіе, номера и разныя постройки, окружающія со всѣхъ сторонъ обширный подворъ. Дальше начинается огромный паркъ съ вѣковыми деревьями, тѣнистыми аллеями, лужайками, цвѣтниками, холмами и живописными мостиками, перекинутыми черезъ оврагъ. Есть уголки и аллеи, совсѣмъ напоминающіе кисловодскій паркъ. Достопримѣчательностей, какъ вообще въ курортныхъ паркахъ, нѣтъ. Много живописныхъ уединенныхъ аллей, много скамеекъ, разставленныхъ подъ сѣнью каштановъ и вѣковыхъ дубовъ. Въ чащѣ, на холмѣ, окруженномъ кустарникомъ, одиноко высится полуразвалившійся портикъ бесѣдки. Въ глубинѣ, въ глухой, темной аллеѣ, стоитъ обелискъ-памятникъ на мѣстѣ, гдѣ одинъ изъ князей Витгенштейновъ былъ убитъ лошадью. Романическихъ и таинственныхъ закоулковъ много, но каменскій курортъ еще не пользуется славой кавказскихъ, и романы здѣсь не въ модѣ. Есть, впрочемъ, въ одной изъ уединенныхъ аллей знаменитая «колода», излюбленное мѣсто свиданій. Это вѣковой стволъ дерева, лежащій вдоль аллеи. Кора на немъ очищена. Злые языки говорятъ, будто администрація кургауза, имѣя въ виду страсть публики исписывать стѣны и памятники, нарочно предоставила въ ея распоряженіе, для удовлетворенья этой страсти, цѣлую «колоду». Дѣйствительно, вся она испещрена иниціалами, надписями, признаніями, приглашеніями на свиданіе и даже стихами. Нѣкотораго рода громоотводъ или бумажка для мухъ.

На окраинѣ парка, у подножія горъ, видны длинные бѣлые корпуса разныхъ построекъ. Здѣсь и винодѣльня, и обширные погреба съ каменскимъ виномъ въ гигантскихъ бочкахъ, и контора, рядомъ съ которой, въ особомъ помѣщеніи, продается виноградъ.

Каменскіе виноградники насаждены давно. Лозы все иностранныя, французскія и нѣмецкія. Купажъ производитъ опытный винодѣлъ. Высшіе сорта бургундскаго и бордосскаго, каменскій рейнвейнъ, мозельвейнъ и мускатъ-люнель давно пріобрѣли извѣстность.

Вблизи конторы площадка съ бесѣдкой для музыки и скамейками. Здѣсь обыкновенно собираются по утрамъ курсовые. Народу немного, публика скромная, нѣтъ претензіи на шикъ и фешенебельность, какъ на кавказскихъ водахъ или въ Крыму. Все просто, совсѣмъ по-домашнему. Есть и евреи, но они, квартируя въ мѣстечкѣ, приходятъ въ паркъ во время музыки и выдачи винограда.

Вмѣсто кисловодскихъ портативныхъ стаканчиковъ на ремешкахъ, здѣсь корзиночки. Нѣкоторые ѣдятъ виноградъ прогуливаясь, другіе—сидя на скамейкахъ. Ѣдятъ и плюются.

Жизнь въ Каменкѣ совсѣмъ скромная и тихая. Изрѣдка устраиваются танцовальные вечера, на которые обыкновенно наѣзжаютъ подольскіе и бессарабскіе помѣщики. Цѣны невысокія, вдвое, а то и втрое дешевле, чѣмъ въ другихъ курортахъ. Обѣдъ изъ трехъ блюдъ—шестьдесятъ пять копѣекъ, порціи—копѣекъ тридцать—пятьдесятъ, бутылка рейнскаго вина—сорокъ пять копѣекъ, бордо—шестьдесятъ пять; номеръ въ кургаузѣ, небольшая, но высокая комната съ дверьми на веранду,—рубль, двѣ комнаты—два рубля. Виноградъ сравнительно дорогъ—десять копѣекъ фунтъ, но все-таки вдвое дешевле, чѣмъ въ Ялтѣ. Въ нижнемъ этажѣ кургауза—столовая, бильярдная, читальня и большой залъ, въ которомъ устраиваются и вечера, и концерты. Есть, конечно, и пьянино.

Въ общемъ — совсѣмъ домашній складъ жизни. Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ погостить въ большой помѣщичій домъ, гдѣ гости вполнѣ предоставлены себѣ и не стѣснены чопорнымъ этикетомъ. Встаютъ рано; часовъ въ восемь всѣ на ногахъ, обѣдаютъ тоже рано, въ часъ—два, и часовъ въ десять — одиннадцать жизнь въ кургаузѣ совсѣмъ замираетъ.

Главное развлеченіе—музыка, и музыка очень хорошая.

Вечеромъ, часовъ около шести—семи, на площадкѣ, что передъ кургаузомъ, появляется публика. На верандѣ зажигаютъ огни. Группы курсовыхъ по-семейному располагаются у столиковъ.

Трубачи уже въ бесѣдкѣ. Народъ все на подборъ, чистенькій, даже щеголеватый. Въ игрѣ проглядываетъ отсутствіе ремесленности и какая-то нервная музыкальная чуткость. Всѣ отдаются музыкѣ съ увлеченіемъ; талантливому капельмейстеру удалось вдохновить и объединить эти разнородные элементы въ одну общую душу. А элементы, дѣйствительно, разнородные. Здѣсь, въ этомъ хорѣ, есть екатеринославскіе и херсонскіе малороссы, выросшіе на привольѣ южныхъ степей, есть волжанинъ, тамбовецъ, есть орловецъ и оренбуржецъ, есть полякъ и еврей, есть и молдаванинъ. Эта національная смѣсь, это объединеніе разноплеменныхъ людей въ одной и той же обстановкѣ, въ общей службѣ и обязанностяхъ, за музыкой, сливающей всѣ души въ одну душу, не разъ наводило меня на много размышленій о значеніи военной музыки для народа, о ея роли, облагораживающей и повышающей его эстетическія потребности. Приходитъ въ полкъ неуклюжій степнякъ малороссъ, какой-нибудь Грицько или тамбовскій медвѣженокъ, которые и ступить-то толкомъ не могутъ. Берутъ ихъ въ хоръ, цѣлый годъ учатся они дуть на трубѣ, еще годъ, другой въ ученической командѣ трубятъ сигналы, а потомъ, смотришь, и въ музыканты попали. Родной гопакъ или трепакъ уже не кажется имъ музыкальнымъ шедевромъ. Имъ подавай Глинку, «господина Вердіева» или «господина Мейерберсова». Простой человѣкъ уже жаждетъ новыхъ звуковъ, новыхъ пѣсенъ, новой музыкальной гармоніи. Его нервы стали чувствительнѣй, воспріимчивѣй, душа открыта для новыхъ, возвышающихъ чувствъ. Облагораживающая и смягчающая роль музыки уже сказалась... Еще одно, другое поколѣнье—и всѣ эти простыя и чистыя души еще ближе, еще тѣснѣй сольются въ гимнѣ великой братской любви...

Сегодня программа, вывѣшенная на одной изъ колоннъ веранды, особенно интересна. Играютъ «Аиду», «Гугенотовъ», «Фауста», «Жизнь за Царя», «Баркароллу» Чайковскаго, «Ночь» Рубинштейна, «Меланхолическій вальсъ» Бородина, одну изъ рапсодій Листа.

Капельмейстеръ, г. Марешъ, чехъ. Онъ пріѣхалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россію—и теперь сталъ совсѣмъ русскимъ. Славянская душа слилась и растворилась, какъ капля, въ русскомъ морѣ. Онъ—enfant gâté курсовой публики. Это живой, свѣтлый блондинъ, съ добродушнымъ, открытымъ лицомъ славянина и широкой походкой. Весь въ музыкѣ и для музыки. Дирижируя, волнуется и кипитъ. Солдатики чутко слѣдятъ за дирижорской палочкой. Они любятъ своего капельмейстера, хотя и побаиваются его; но боязнь больше артистическаго свойства, вслѣдствіе музыкантскаго самолюбія и страха не наврать.

Сегодня нѣкоторые изъ нихъ подходятъ ко мнѣ, хотя и не безъ робости, чтобы привѣтствовать съ пріѣздомъ. Починъ дѣлаетъ штабсъ-трубачъ Петровъ, худощавый и нервный брюнетъ съ выдающимися скулами и черной бородой. Это заслуженный музыкантъ. Играетъ на баритонѣ и любитъ музыку страстно. Тонъ у него нервный, мягкій, округленный, безъ рѣзкаго оттѣнка мѣдныхъ инструментовъ. Петровъ страшно самолюбивъ, болѣзненно чувствителенъ, готовъ играть до изнеможенія и вѣчно безпокоится, что плохо сыгралъ. Иногда не только нервничаетъ, но даже болѣетъ. Когда онъ солируетъ, играя арію Сусанина, «Серенаду» Шуберта или другія любимыя его вещи, — баритонъ поетъ. Публика всегда аплодируетъ ему. Онъ орловецъ. Рѣчь его чистая, отчетливая, великорусская. Человѣкъ «умственный» и любитъ говорить о высокихъ матеріяхъ.

На мой вопросъ о его здоровьѣ отвѣчаетъ нервнымъ, вибрирующимъ теноромъ, козыряя:

— Ничего, ваше скобродь, покорнѣйше благодаримъ. Только какъ дюже форто беру, такъ рвеніе испытываю.

За Петровымъ подходитъ тоже заслуженный трубачъ Биштикъ. Этотъ откуда-то изъ Привислянскаго края. Высокій блондинъ не то польскаго, не то литовскаго типа. Видъ бравый, усы большіе. Говоритъ мягко и совсѣмъ просто, по рѣчи скорѣй малороссъ, чѣмъ полякъ. Играетъ на корнетѣ. За корнетомъ появляется теноръ, штабсъ-трубачъ Орищенко, высокій красавецъ-хохолъ изъ Екатеринославской губерніи, съ совсѣмъ дѣтскимъ свѣжимъ лицомъ, кроткими и застѣнчивыми глазами. Стѣсняется, краснѣетъ, говоритъ мягкимъ теноркомъ, и говоритъ нерѣшительно, съ малорусскимъ акцентомъ. Тоже любитъ музыку и волнуется, но переживаетъ все молча, съ хохлацкимъ наружнымъ спокойствіемъ. Дальше выходитъ корнетъ—Грицько, солистъ, смуглый брюнетъ, смѣсь молдававина и малоросса, за нимъ волторна—херсонскій молдаванинъ Барбарошъ (въ переводѣ значитъ «красная борода»), застѣнчивый и какъ будто сконфуженный своей смѣлостью брюнетъ, наконецъ первый кларнетъ — еврей Ляховецкій, франтикъ, при часахъ, бритый. На вопросъ, какъ поживаетъ, отчеканиваетъ старательно, молодецки козыряя:

— Какъ много очень благодаренъ вашему скобродію за любезную внимательность...

Кто-то изъ публики посылаетъ трубачамъ угощеніе. Когда я

прохожу мимо бесѣдки, чарка обходитъ въ круговую. Одинъ изъ трубачей, Бѣловъ, волжанинъ изъ Саратовской губерніи, передаетъ ее еврею. Тотъ отказывается.

— Пей,—настаиваетъ Бѣловъ шутливо и добродушно. Пошто не пьешь? Ежели ты россейскій—пей, а то доложу господину каплиместеру—онъ те на абахту...

Солдатики смѣются. Раздается стукъ дирижорской палочки. И люди снова исчезаютъ, становятся оркестромъ. Льются пѣвучіе, грустные, за души хватающіе, полные тоски и отчаянія звуки «Баркаролы» Чайковскаго, и во мглѣ парка будто стонетъ и плачетъ чья-то душа, откликаясь на нихъ. Потомъ на смѣну имъ плывутъ волны мотивовъ изъ «Гугенотовъ», за ними изящный и грустный, какъ осенній вечеръ, какъ тоска отъ обманутыхъ надеждъ, «Меланхолическій вальсъ» Бородина. Въ паркѣ летаетъ рой звуковъ, рой чувствъ, и весь паркъ будто дышитъ каждымъ листикомъ и поетъ, откликаясь на эти пѣсни...

Годъ тому назадъ, въ это же время, я былъ здѣсь. Мнѣ приходилось надолго разставаться съ роднымъ югомъ.

Я нѣсколько лѣтъ подъ рядъ съ удовольствіемъ слушалъ музыку трубачей-вознесенцевъ, и мнѣ захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь выразить имъ мою признательность.

Благодарятъ же разныхъ артистовъ, фетируютъ ихъ на бенефисахъ, почему же не сдѣлать этого въ отношеніи русскаго солдата, который, служа отечеству, въ то же время служитъ, сколько можетъ и умѣетъ, искусству.

Наканунѣ выѣзда я заказалъ для нихъ ужинъ. Сдѣлано это было подъ секретомъ. Любезный хозяинъ кургауза, А. А. Наркевичъ-Іодко, отнесся къ моей затѣѣ настолько сочувственно, что ужинъ обошелся очень недорого. Помѣщеніе было отведено на той же дачѣ «Миля», гдѣ я теперь стою. Въ залѣ былъ накрытъ столъ на тридцать человѣкъ, при полной сервировкѣ. Видъ былъ совсѣмъ парадный. На столѣ, освѣщенномъ канделябрами, стояли вазы съ виноградомъ и цвѣтами. Больше всего меня тревожило, что на лицахъ прислуги будетъ мелькать нехорошая улыбочка, которая можетъ оскорбить трубачей. Хозяинъ сдѣлалъ на этотъ счетъ строгое внушеніе. Ужинъ, кромѣ закусокъ, поданныхъ за отдѣльнымъ столикомъ, состоялъ изъ кулебяки, форшмака, ростбифа съ гарниромъ, крема и дессерта. Водки въ мѣру, вина бутылокъ сорокъ.

Часовъ около десяти, когда трубачи сыграли прощальный маршъ, я подошелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ бесѣдкѣ и пригласилъ ихъ и капельмейстера на закуску.

Курсовые, успѣвъ провѣдать объ этомъ, стали прогуливаться мимо дачи. Нѣкоторые довольно нескромно заглядывали въ окна.

Боясь, что посторонніе стѣснили бы трубачей, мы не рѣшились пригласить кого-нибудь изъ публики.

Трубачи, сложивъ инструменты и ноты на балконѣ, вошли.

Признаться откровенно, первое мгновеніе я чувствовалъ себя очень скверно и глядѣлъ на нихъ не безъ страха. Я боялся, что

мое искреннее желаніе выразить имъ признательность будетъ не понято ими и истолковано по-своему, что и въ этомъ, и въ самой обстановкѣ ужина они заподозрятъ попытку посмѣяться надъ ними, барскую фантазію—посмотрѣть скуки ради, что станутъ дѣлать они за этимъ столомъ, сервированнымъ точно такъ же, какъ на балахъ и свадьбахъ, гдѣ имъ приходилось играть во время ужина, глядя, какъ ѣдятъ другіе.

На первыхъ порахъ они смутились и стали нерѣшительно топтаться у дверей. Задніе навалились на стоявшихъ впереди, и всѣ сразу будто застыли. Это была минута общей неловкости. На всѣхъ почти лицахъ промелькнуло недоумѣніе, въ глазахъ сверкнула какая-то особенная искорка, въ которой было и что-то немножко дикое, похожее на боязнь застѣнчивыхъ людей показаться смѣшными, и что-то свѣтлое, напоминавшее взглядъ дѣтей, когда передъ ними вдругъ распахнули дверь зала, въ которомъ сверкаетъ огнями елка.

Мы тоже были немножко смущены. Надо было сейчасъ же спасать положеніе. На предложеніе закусить никто не рѣшался пойти первымъ. Намъ пришлось вести ихъ, угощать, разсаживать и усаживать. Послѣ закуски сѣли, опустили руки подъ столъ и опять умолкли. Но уже на лицахъ стала появляться улыбка. Нѣкоторые переглядывались,—улыбка становилась шире. Постепенно смущеніе исчезало. Кто-то засмѣялся, одинъ изъ хохловъ, передавая блюдо, сказалъ неуклюжую, но глубокомысленную и остроумную фразу, вызвавшую взрывъ смѣха,—и ледъ вдругъ растаялъ. Видно было, что всѣ уже чувствуютъ себя спокойно, свободно и легко.

Кушанья стояли на столѣ, такъ что прислуга только мѣняла тарелки. Мы обходили, угощая гостей. Изрѣдка капельмейстеръ добродушно внушалъ то одному, то другому изъ своихъ учениковъ, что «не надо конфузатся, бо ты военный чловэкъ». Но дальше въ этихъ внушеніяхъ не явилось никакой надобности. Всѣ развернулись, и даже обыкновенно молчаливые и тихіе вдругъ разговорились. Рѣчь полилась на разныя темы—и между собой, и общая, рѣчь непринужденная. Стали перекидываться шуточками, вызывавшими смѣхъ, шутками товарищескими, иногда наивными, но приличными. Всѣ ѣли какъ-то аккуратно и иногда даже черезчуръ старательно и серьезно работали ножами и вилками. Аппетитъ дѣлалъ свое. Кушанья на блюдахъ таяли точно по мановенію волшебника. Никто не перепилъ, такъ какъ каменское вино легкое, и сорока бутылокъ для всей этой команды, пожалуй, было и мало.

На раскраснѣвшихся лицахъ все шире расплывалась улыбка, у нѣкоторыхъ глаза сіяли дѣтскимъ удовольствіемъ. И вдругъ совсѣмъ неожиданно посыпались тосты. Началъ Петровъ. Онъ всталъ, поднялъ рюмку, сказалъ—«вотъ что, братцы», и предложилъ выпить за мое здоровье. Всѣ поднялись, и когда онъ, взмахнувъ рукой, не то кивнулъ, не то мигнулъ и крикнулъ «ура, братцы», то солдатики гаркнули такое троекратное однотактное дружное ура, что казалось—«Миля» вотъ-вотъ рухнетъ. Надо было отвѣчать. Выпили за трубачей, за музыку, за капельмейстера, за хозяина кургауза, выпили за вознесенцевъ. И полились рѣчи.

Мнѣ пришлось бывать много разъ на всяческихъ парадныхъ обѣдахъ, говорить и слушать много спичей, иногда блестящихъ, цвѣтистыхъ, эффектныхъ какъ фейерверкъ, иногда очень искреннихъ, вылившихся отъ души подъ настроеніемъ минуты и въ легкомъ шампанскомъ туманѣ, но никогда не доводилось мнѣ слыхать такихъ простыхъ и необыкновенно искреннихъ рѣчей, нескладныхъ, выраженныхъ иногда въ грубой формѣ, но лившихся изъ самой глубины души, отъ всего сердца.

Всѣ какъ-то вдругъ захотѣли говорить, у всѣхъ этихъ душъ явилась потребность высказать хоть въ одномъ словѣ чувства, волновавшія ихъ. Сказалъ «рѣчь» малороссъ, сказалъ, спотыкаясь, молдаванинъ, за нимъ великороссъ и полякъ, потомъ еврей. И всѣ, какъ первые, такъ и послѣдній, начинали непремѣнно стереотипнымъ вступленіемъ—«вотъ что, братцы». Главной темой рѣчи все-таки было желаніе выразить свою благодарность и высказать, что они поняли и оцѣнили вниманіе, оказанное имъ. Лучше всѣхъ говорилъ Петровъ. Онъ былъ точно наэлектризованъ. Въ его рѣчи, простой, отчетливой и искренней, были и мысли, и чувства, хватавшія за душу. Совсѣмъ неожиданно заговорилъ басъ, обыкновенно меланхоличный и молчаливый екатеринославскій малороссъ, и произвелъ почти фуроръ, выразивъ общія чувства. Произнося нѣкоторыя слова по-малороссійски, онъ сказалъ приблизительно такъ: «Вотъ что, братцы». Мы простые люди. И мы всѣ понимаемъ, что если сегодня намъ оказана такая честь, то это потому, что мы научились музыкѣ и стали другими, чѣмъ были прежде, когда пришли въ полкъ. Каждый изъ насъ, пока живъ, не забудетъ этого вечера. Мы вернемся въ деревню и разскажемъ нашимъ то, что мы чувствуемъ теперь, и сами всегда будемъ вспоминать этотъ часъ. Правда, братцы, что будемъ? Выпьемъ же такъ крѣпко за ихнее здоровье, чтобъ «ажъ до самаго сердця каждая капля прошла и осталась тамъ на память». Рѣчь произвела тѣмъ болѣе сильный эффектъ, что никто не предполагалъ въ своемъ товарищѣ оратора. И когда онъ сѣлъ, нѣкоторые стали добродушно подшучивать на его счетъ. А онъ, смущенный, съ блестящими глазами, сидѣлъ молча, нервно отпивая и глотая вино.

Кончалъ одинъ—вставалъ и говорилъ другой, за нимъ третій.

Въ концѣ ужина Петровъ сказалъ совсѣмъ неожиданную «рѣчь». Замѣтилъ ли онъ что-нибудь, угнетала ли его какая-нибудь мысль, чувствовалъ ли онъ какую-нибудь фальшивую нотку, но только онъ вдругъ произнесъ приблизительно такое слово: «мы простые люди, братцы, и очень хорошо это понимаемъ, такіе же простые люди, какъ и тѣ, которые подаютъ намъ. И мы очень имъ благодарны за это. А потому выпьемъ и за ихнее здоровье».

И когда замолкло ура, онъ снова поднялъ рюмку, прибавивъ:

— И за всѣхъ бѣдняковъ, и за весь міръ, братцы!

Ужинъ продолжался часа три. Послѣ дессерта были предложены папиросы, а затѣмъ всѣ стали благодарить и расходиться.

Я никогда не забуду этихъ растроганныхъ лицъ, этихъ сіяющихъ глазъ. На балконѣ немного потоптались, разбирая трубы, а потомъ расошли, выстроились передъ дачей и грянули, какъ послѣдній привѣтъ, свой полковой маршъ. Изъ мглы, въ которой сливались ихъ силуэты, выступали только мѣдныя трубы, отражая вылетавшій изъ раскрытыхъ оконъ свѣтъ.

Стояла такая же тихая и теплая сентябрьская ночь.

Раздалась команда. Трубачи дрогнули, сомкнулись и, дружно зашагавъ, исчезли въ воротахъ, продолжая играть.

Мы долго молча стояли на балконѣ, у котораго вырастала черная стѣна парка, вторившаго таявшимъ уже гдѣ-то далеко звукамъ марша. Эхо горъ перекликалось съ нимъ.

. . . .

Простите и не поставьте мнѣ въ вину мою нескромность. Я позволилъ себѣ уклониться отъ темы только потому, что эта картинка, можетъ-быть, дополнитъ отчасти основныя мысли моихъ замѣтокъ.

17-е сентября.

Случайный вечеръ. Въ кургаузѣ и мѣстечкѣ оказалось нѣсколько именинницъ. Всѣ рѣшили соединиться въ именинную коалицію и отпраздновать это торжество вмѣстѣ. Съ утра въ кургаузѣ приготовленія.

Къ вечеру пріѣзжаетъ кое-кто изъ Сорокъ, кое-кто изъ сосѣднихъ бессарабскихъ и подольскихъ помѣщиковъ. Въ залѣ большое общество. Соединенныя именинницы общими усиліями занимаютъ гостей. Все выходитъ мило, просто и по-семейному. Въ столовой хлопочетъ вмѣстѣ съ женой французъ Франсюро. Онъ въ нынѣшнемъ году вошелъ въ компанію съ содержателемъ кургауза. За ужиномъ, устроеннымъ тоже на общія средства соединенныхъ именинницъ, большая столовая переполнена. Тосты, спичи и туши.

Я насчитываю въ этомъ смѣшанномъ обществѣ болѣе десяти представителей разныхъ національностей.

Послѣ ужина опять танцы. До утра паркъ и горы вторятъ бравурному темпу мазурки и барабанной дроби.

Глава XXXV.

Въ Бессарабіи.—Переправа.—Приднѣстровскіе и припрутскіе молдаване.—Костюмы, языкъ и обычаи.—Обстановка жизни и чистоплотность молдаванъ.—Cassa mare.—Характеръ молдаванъ и ихъ миролюбіе.—Бессарабскіе помѣщики и „чумазые". — „Джёкъ", „Хора" и другіе народные танцы.—Посидѣлки.—Попутныя картинки.—Сороки.—Видъ города.—Пеллагра.

18-е сентября.

Ѣду на нѣсколько дней въ Бессарабію.

Дорога извивается вдоль берега Днѣстра, у подножія обступившихъ его горъ. Къ сѣверу отъ м. Каменки на правомъ берегу выступаетъ изъ зелени садовъ и виноградниковъ с. Нападова съ красивой барской усадьбой, дальше—с. Вертюжаны, надъ нимъ, у крутого обрыва—еврейская колонія, выстроившаяся точно двѣ роты тѣсными рядами домиковъ. Колонія имѣетъ совсѣмъ обнаженный видъ; вершина горы голая; ни садика, ни деревца. А ниже, въ разстояніи какой-нибудь версты, у подошвы отвѣсныхъ горъ раскинулось живописное монастырское имѣніе Залучаны. На холмѣ хорошенькая церковь съ зеленой крышей; ниже ея изъ зелени выглядываютъ веселые бѣлые домики, крытые то камышомъ или снопами соломы, то гонтой. Постройки изрѣдка глинобитныя и вальковашныя, чаще каменныя; по типу очень напоминаютъ малороссійскіе дома. Въ срединѣ фасада—двери, по бокамъ—по два окна; подъ ними вдоль всего дома тянется заваленка или «пристба», какъ и въ Малороссіи. Окна и двери обведены голубыми или зелеными полосами въ крапинкахъ и лапкахъ. На нѣкоторыхъ—замысловатые узоры. Колонки, иногда рѣзныя, тоже выкрашены синей краской съ цвѣтными полосами. Предъ домомъ дворъ, за домомъ садъ. Хозяйственныя постройки все низкія, кромѣ «коша» или «сусуяка», круглой, плетеной изъ хвороста, корзины, въ которой хранится кукуруза. При дворѣ или въ особыхъ оградахъ за селомъ—токъ со стожками сѣна, пшеницы и кукурузы. Въ садахъ—черешни, вишни, сливы, яблоки, груши и виноградъ. Впрочемъ, большая часть виноградниковъ стелется по склону горъ.

Въ Залучанахъ—переправа. Мой кучеръ, молдаванинъ, сложивъ руки рупоромъ, кричитъ, требуя паромъ. Его подаютъ намъ съ бессарабскаго берега. Два высокихъ смуглыхъ молдаванина, оба въ бѣлыхъ полотняныхъ рубахахъ и штанахъ, одинъ въ соломенной, а другой въ черной поярковой шляпѣ, опускаютъ въ воду длинные шесты и наваливаются на нихъ. Паромъ медленно скользитъ вверхъ по теченью.

Молдаване здоровые, мускулистые. Въ распахнувшіяся рубахи выглядываетъ выпуклая загорѣлая грудь. Лица покойны и сосредоточенны. Черные глаза смотрятъ умно и немного лѣниво. Есть что-то у молдаванина, напоминающее физіономію малоросса; но если присмотрѣться къ нему внимательнѣй, въ лицѣ его можно уловить какія-то особенныя, тонкія формы и черты, выдающія породу и старую расу. Въ сѣверной Бессарабіи и по Днѣстру чистый молдавскій типъ встрѣчается рѣже. Здѣсь онъ уже сливается со славянскимъ типомъ. На сѣверѣ, рядомъ съ молдавскими селами, идутъ въ пересыпку и малорусскія; по границѣ съ Австріей есть и русины. Днѣстровскіе молдаване перемѣшались съ подольскими малороссами. Зимой, когда рѣка замерзаетъ, между подольскимъ и бессарабскимъ берегами устанавливается самый полный марьяжный альянсъ. Молдаване берутъ себѣ женъ изъ Подольской губерніи, подоляне женятся на молдаванкахъ. Благодаря этому, въ нѣкоторыхъ молдавскихъ селахъ уже есть малорусскій элементъ, а въ малорусскихъ—молдавскій. Зато по Пруту и въ придунайской Бессарабіи молдаване сохранились во всей ихъ типичности. Между ни-

ми то и дѣло попадаются характерныя физіономіи дако-романскаго рѣзца, напоминающія античныя изваянья эпохи Траяна. Тонко очерченный энергичный профиль, открытый лобъ, прямой или орлиный, римскій носъ, вьющіеся черные волосы, черные глаза, красиво закинутая голова—все это такъ и вызываетъ въ воображеніи какую-нибудь фигуру изъ римскаго форума. У припрутскихъ молдаванокъ тоже еще сохранился романскій типъ, то напоминающій черноглазую итальянку, то строгія черты римской матроны. На Прутѣ молдаване еще носятъ широкіе шаровары, въ родѣ запорожскихъ, со множествомъ складокъ; они большей частью темнаго цвѣта и заложены въ сапоги. Короткая куртка, «минтянъ», чаще всего синяя, плотно охватываетъ станъ, перетянутый широкимъ краснымъ поясомъ. На головѣ, иногда и лѣтомъ, черная баранья шапка. Молдаванки одѣты въ вышитыя, а то и просто ковровыя домотканныя юбки, сорочки, украшенныя множествомъ бусъ, и яркіе платки; у старухъ они бѣлые, иногда изъ шелка—сырца. По Днѣстру костюмъ этотъ вышелъ изъ моды. Мужчины уже завели сюртуки и свою «манту» перешили на манеръ свитки. Женщины тоже переняли кое-что отъ малороссіянокъ, а остальное довершила ситцевая цивилизація морозовскихъ и цинделевскихъ мануфактуръ.

Молдавскій языкъ, несмотря на множество славянскихъ словъ и отчасти турецкихъ, несомнѣнно, составляетъ характерную вѣтвь романскихъ нарѣчій. Филологи находятъ въ немъ, на ряду съ древне-латинскими словами, и этрусскія, которыя давно исчезли даже въ литературномъ латинскомъ языкѣ. Въ народной жизни сохранилось очень много обычаевъ, точно выхваченныхъ изъ быта древняго Рима. Нѣкоторые обряды носятъ въ себѣ слѣды языческаго міра. Молдаване еще до сихъ поръ похищаютъ сабинянокъ: и даже на тѣхъ свадьбахъ, гдѣ бракъ заключается съ обоюднаго согласія родителей, непремѣнно разыгрывается сцена похищенія невѣсты. Еще лучше свадебный обѣдъ, massa mare, гдѣ всѣ гости обязательно дарятъ молодыхъ рублемъ, что даетъ возможность окупить расходы по свадьбѣ. Есть и обычай, напоминающій нѣсколько римскія сатурналіи и вакханаліи,—это торжество женщинъ на второй день послѣ свадьбы, торжество по случаю присоединенія новобрачной къ ихъ сонму. Оно сопровождается обыкновенно пѣснями, выпивкой и пляской. Кто побывалъ въ Италіи, особенно въ глубинѣ страны, въ глухой провинціи, тотъ всегда наблюдалъ у молдаванъ очень много общаго даже съ современнымъ итальянскимъ народомъ. Тѣ же обычаи, та же почти пища, въ которой главную роль играетъ тамъ полента, здѣсь—мамалыга; тѣ же земледѣльческія орудія, тѣ же возы и арбы, запряженные волами, тѣ же ковры, узоры которыхъ, совсѣмъ какимъ-то непонятнымъ образомъ, передаваясь изъ поколѣнья въ поколѣнье, перелетѣли съ береговъ Тибра на берега Дуная и Днѣстра. Мнѣ показывали нѣсколько лѣтъ тому назадъ ковры, купленные въ Кампаньи, рисунки которыхъ и по цвѣтамъ, и по размѣрамъ совершенно соотвѣтствовали рисункамъ молдавскихъ ковровъ. Но еще лучше съ народными легендами и преданьями, которыя сохранились до сихъ поръ, какъ какое-то дуновеніе фантазіи давно исчезнувшаго міра, съ его простотой и часто младенческой наивностью. Мнѣ не разъ приходилось слышать народныя сказки и анекдоты, фабула которыхъ, до мельчайшихъ деталей, походитъ на разсказы Боккачіо. Есть и «Гризледи», и «Le trou de diable», и другія темы, которыя Боккачіо, какъ извѣстно, черпалъ изъ народныхъ сказокъ, придавая имъ окраску на современныя злобы дня и выводя въ нихъ портреты своихъ современниковъ.

У молдаванина есть поэтическая и художественная жилка. Даже въ степяхъ, гдѣ природа бѣдна художественными темами, онъ пытается прикрасить жизнь хоть внутренней обстановкой. Есть села, въ которыхъ, несмотря на благодатный климатъ иплодородную почву, нигдѣ не видать ни деревца. Вокругъ, насколько хватитъ глазъ, до самаго горизонта,—сплошная волнистая степь, безъ признака лѣса или сада. Это еще во времена владычества турокъ, когда Молдавія переживала мрачныя кровавыя страницы, полныя всѣхъ ужасовъ татарскаго ига, молдаванинъ, часто сомнѣвавшійся и въ завтрашнемъ днѣ, и въ своемъ правѣ на клочекъ земли, потерялъ любовь къ насажденьямъ, которыя, особенно при засухахъ, стоили громадныхъ жертвъ. Онъ обзаводился садами вблизи лѣсовъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ природа сама помогала ему въ этомъ, безъ затраты особеннаго труда, плоды котораго могъ бы разрушить по прихоти турокъ. Зато въ домашней обстановкѣ этотъ простой народъ пытался достигнуть возможной красоты, художественности и, пожалуй, комфорта. И я не знаю народа, который умѣлъ бы въ этомъ отношеніи устроиться уютнѣе и, пожалуй, поэтичнѣе. Даже у бѣдныхъ мужиковъ домъ непремѣнно раздѣляется на двѣ половины; въ одной помѣщается семья, другая, большая, cassa mare, для гостей. Въ послѣдней вдоль стѣнъ лавки, крытыя домотканными коврами изъ овечьей шерсти; надъ лавками, иногда до самаго потолка, тоже ковры; на полу, глиняномъ или досчатомъ, опять ковры или толстое рядно. Маленькія окна, иногда въ одну—двѣ шибки, задрапированы кисейными или ситцевыми занавѣсками. Стѣны и печь непремѣнно выкрашены домашнимъ способомъ, большей частью синими крапинками съ красными лапками, иногда фигурно, вазончиками съ цвѣтами и узорами. Въ одномъ углу помѣщается сундукъ, сложенные ковры и подушки въ бѣлыхъ наволочкахъ до самаго потолка. Это—dzestre, приданое невѣсты, которое заготовляется изъ года въ годъ. Въ другомъ углу, противъ стола, образа, тоже задрапированные занавѣсками, и рядомъ—портреты Государя и Государыни. Я почти не видалъ избы, гдѣ бы не было ихъ портретовъ, иногда даже по два и по три экземпляра совершенно однородныхъ, то олеографическихъ, то, большей частью, суздальской работы. А ниже ихъ—цѣлая картинная галлерея. Здѣсь и страшный судъ, и «какъ мыши кота хоронили», и десятки другихъ яркихъ лубочныхъ картинъ. Въ комнатѣ пахнетъ душистыми травами. Обыкновенно въ потол-

кѣ за балку накладываются пучки мяты, чибрика и другихъ ароматическихъ растеній. На другой половинѣ, гдѣ живутъ хозяева, хата убрана просто. Въ парадной половинѣ—чистота идеальная. Клоповъ и въ поминѣ нѣтъ. Молдаванка десять разъ на день моетъ, подметаетъ и перетираетъ. О томъ, чтобы можно было, какъ, напримѣръ, въ Бѣлоруссіи, жить и спать въ одной избѣ съ телятами и свиньями, въ грязи и среди полчищъ клоповъ и таракановъ, здѣсь никто даже понятія не имѣетъ. Кажется, болѣе чистоплотнаго народа, кромѣ развѣ нѣмцевъ, трудно сыскать.

По натурѣ молдаване спокойны и добродушны. Въ этомъ отношеніи между ними и малороссами большое сходство. Есть и еще одна общая черта—безпечность.

Что касается лѣни, которая почему-то считается доминирующей особенностью въ ихъ характерѣ, то ее, мнѣ кажется, отрицаетъ сама дѣйствительность. Со времени введенья надѣла въ Бессарабіи, населеніе въ нѣкоторыхъ деревняхъ удвоилось и даже утроилось. Есть села, въ которыхъ двѣ трети крестьянъ, не имѣя земли, арендуютъ ее. И, однако, безземельные живутъ не хуже, чѣмъ владѣющіе надѣломъ; у нихъ такіе же дома, полное хозяйство и рабочій скотъ. Въ молдавскихъ деревняхъ мнѣ почти не приходилось встрѣчать нищихъ, кромѣ развѣ цыганъ. Правда, молдаванинъ не работаетъ съ натискомъ великоросса и его энергіей или съ усидчивостью и трудолюбіемъ обездоленнаго бѣлорусса. Природа слишкомъ балуетъ его. Убралъ онъ съ поля кукурузу, а къ веснѣ, не вспахавъ его, сѣетъ овесъ или ячмень да только бороной поскребетъ землю; смотришь, а ячмень и уродилъ по двадцати четвертей съ десятины. Кукурузы вдоволь, пшеницы—тоже, вино свое, чего-жъ больше? Впрочемъ, въ послѣднее время кризисъ, неурожайные годы да пьянство, которое все больше захватываетъ народъ, стали подтачивать его благосостояніе.

Есть у бессарабскаго молдаванина и еще одна очень характерная особенность: онъ необыкновенно миролюбивъ. Является ли это миролюбіе признакомъ переутомленія старой воинственной расы, которая, враждуя тысячелѣтіями, почувствовала вдругъ отвращеніе къ войнѣ и братоубійству, выработалось ли оно вслѣдствіе вынужденной пассивности подъ гнетомъ турецкаго ига, но только нѣтъ у нихъ воинственнаго задора и апломба. Это отнюдь не значитъ, что молдаване по натурѣ трусы. Напротивъ, вся исторія Молдавіи полна выдающихся народныхъ героевъ и героическихъ страницъ, на которыхъ рядомъ съ именами мужчинъ встрѣчаются имена воинственныхъ женщинъ *). Среди бессарабскихъ молдаванъ есть не мало георгіевскихъ кавалеровъ. Въ войскѣ они пользуются репутаціей лихихъ кавалеристовъ.

Бессарабія присоединена къ Россіи восемьдесятъ съ небольшимъ

*) Въ октябрьской книжкѣ „Revue de Revues" 1895 г. помѣщена очень интересная статья румынской королевы (Carmen Sylva) о румынскихъ женщинахъ, подъ заглавіемъ „La femme roumaine".

лѣтъ. Изо всѣхъ окраинъ это чуть ли не единственная, которая не стоила русскому народу ни капли крови (я говорю о времени ея присоединенія, не касаясь части Бессарабіи, отнятой у Россіи и затѣмъ вновь завоеванной). И за всѣ эти восемьдесятъ лѣтъ бессарабскіе молдаване, даже въ такія тяжелыя для Россіи минуты, какъ 1853—1855 года, не проявляли никакой враждебности и сепаратистскихъ тенденцій.

Напротивъ, они любятъ русскихъ и гордятся, что слились съ могучей Россіей. Они охотно посылаютъ въ школы своихъ дѣтей, и въ Бессарабіи всѣ школы, и министерскія, и земскія, переполнены молдавской дѣтворой. Молодежь даже не безъ гордости идетъ въ солдаты и, возвращаясь домой, говоритъ по-русски, хотя и ломаннымъ языкомъ.

Въ Бессарабіи никогда не было рабовъ и крѣпостного права; но народъ изведалъ весь гнетъ барщины и десятины, или «дежмы». Только съ полученіемъ надѣла и отмѣной барщины онъ ожилъ и зажилъ спокойно.

Высшіе классы въ Бессарабіи давно слились съ Россіей. Реформы шестидесятыхъ годовъ нашли въ средѣ бессарабской молодежи, получавшей образованіе въ русскихъ университетахъ, выдающихся дѣятелей. Благодаря этому, бессарабское земство завоевало себѣ видное положеніе среди другихъ земствъ даже съ чисто-русскимъ элементомъ. Но и бессарабское дворянство, послѣ освобожденія крестьянъ, пережило тяжелую эпоху оскудѣнія, когда «чумазый» завоеватель сталъ вытѣснять его. Здѣсь его роль исполнили не россійскіе Разуваевы и Колупаевы, а цѣлая толпа пришлыхъ людей, хлынувшихъ какимъ-то потокомъ калифорнійскихъ золотоискателей и начавшихъ безбожно эксплуатировать эту богатую окраину. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ рядомъ съ евреями на землю сѣли греки, которые раньше занимались здѣсь преимущественно торговлей; затѣмъ появились полчища австрійскихъ армянъ — и этотъ плодородный край былъ предоставленъ на расхищенье чуждымъ Россіи пришельцамъ, разнымъ проходимцамъ, наводнявшимъ его фальшивыми ассигнаціями и начинавшимъ съ этого свое обогащеніе, чтобы затѣмъ вытѣснить коренной помѣщичій элементъ, связанный интересами и съ землей, и съ народомъ, и съ Россіей. Одно имѣнье за другимъ вылетало въ трубу. Старинныя дворянскія фамиліи бѣднѣли, а на пепелищѣ дворянскихъ гнѣздъ выростали милліонныя состоянья темныхъ личностей, разныхъ евреевъ, грековъ и армянъ. Хозяйство велось хищнически. Сразу засѣвалось какихъ-нибудь пять-шесть тысячъ десятинъ одной пшеницы, разстилавшейся сплошнымъ ковромъ на десятокъ верстъ. Восемь паровыхъ молотилокъ по нѣсколько мѣсяцевъ работали безпрерывно, чтобы вымолотить такую массу хлѣба. Это былъ милліонный капиталъ, и въ иные годы онъ вдругъ, въ два-три дня засухи, сгоралъ.

Молдаване смотрѣли на смѣну людей въ барской усадьбѣ, почесывая затылокъ. Прежній «боеръ», какой-нибудь Исаческо, Бое-

реско или Домати былъ ближе къ нему, больше входилъ въ его положеніе, наконецъ—это былъ свой; теперешній боеръ—Сруль Мошкельзонъ, Карапетъ Агопъ или грекъ Панаити— совсѣмъ чужды ему; онъ видалъ ихъ за стойкой въ шинкѣ, они съ этого начали; теперь ему приходится ломать предъ ними шапку, говорить имъ «баринъ», зная въ то же время, что они его не пощадятъ и выжмутъ всѣ соки. Молдаванинъ остался въ сторонѣ отъ своего новаго барина — и нигдѣ, можетъ-быть, нѣтъ большей пропасти между барской усадьбой и деревней, между помѣщикомъ и крестьянами, какъ здѣсь.

. . . .

Паромъ причаливаетъ къ берегу. Экипажъ катится по извилистымъ улицамъ, мимо садовъ и уютныхъ бѣлыхъ домиковъ. Староста и сотскій, заслышавъ звонокъ, выходятъ навстрѣчу и кланяются. Крестьяне, сидящіе на пристбахъ, встаютъ и тоже кланяются.

Въ срединѣ села, у одного изъ домиковъ, праздничная толпа. Дѣвушки—въ пестрыхъ платкахъ и платьяхъ, парни—въ новыхъ сюртукахъ, шляпахъ и сапогахъ съ высокими, сложенными гармоніей голеницами. Это «джёкъ», деревенскій балъ. Музыканты цыгане сидятъ на «пристбѣ». Одинъ играетъ на «кобзѣ», другой на скрипкѣ, третій на кларнетѣ, четвертый, должно-быть изъ отставныхъ трубачей, на баритонѣ. Молдаване очень любятъ танцы. Не только зимой, но даже лѣтомъ по праздникамъ парни въ складчину нанимаютъ музыку и задаютъ своимъ «фатамъ» (дѣвушкамъ) балъ. Трепакъ уже очень недурно отплясываютъ нѣкоторые «солисты». Національный танецъ—«хора». Парни и дѣвки, взявшись за руки, составляютъ кругъ и медленно, плавно, слегка присѣдая въ тактъ, движутся то направо, то налѣво, выдѣлывая особенныя па. Это парадный и церемоніальный танецъ, танецъ для всѣхъ возрастовъ, вродѣ полонеза. Изъ легкихъ—очень живой танецъ «руссаска», т.-е. русскій, похожій на польку, и болгарскій—бравурный и чрезвычайно оригинальный. Но самый эффектный, полный граціи и красоты, настоящій хореографическій шедевръ, это—urma dracului, «чортовъ слѣдъ». Его очень хорошо танцуютъ припрутскіе молдаване. Дѣвушки въ немъ не участвуютъ. Парни, выстроившись въ рядъ въ своихъ живописныхъ костюмахъ, лѣвой рукой обнимаютъ сосѣда, а правой держатся за поясъ другого сосѣда,—и вся эта живая стѣна быстро движется то въ одну, то въ другую сторону, выдѣлывая дружно въ тактъ какіе-то замысловатые выкрутасы ногами, то сразу падая на одно колѣно, то ударяя ногой, то снимая баранью шапку и бросая ее оземь съ ухарствомъ и вызовомъ. Совсѣмъ какой-то балетъ.

У молдаванъ, какъ и у малороссовъ, устраиваются вечеринки. Это—зимній клубъ молодежи, въ которомъ обыкновенно парни избираютъ будущихъ подругъ жизни. Дѣвушки сидятъ за работой, парни что-нибудь поютъ или разсказываютъ. Иногда засиживаются далеко за полночь, слушая разсказы изъ далекаго прошлаго, изъ временъ турецкаго гнета. Вечеринки, посидѣлки и молдавскія

sedzetoare, совершенно почти сходныя, создались при разномъ складѣ національнаго быта и темперамента. Народъ—вездѣ народъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ находится въ непосредственномъ единеніи съ природой и гдѣ его душа вырабатывается подъ ея стихійнымъ дыханьемъ, онъ почти всегда создаетъ однѣ и тѣ же элементарныя формы для общенія съ ближними и удовлетворенія духовныхъ потребностей. И здѣсь народная поэзія полна наивнаго суевѣрія, народныя былины и сказки—легендарныхъ богатырей и могучихъ витязей, являющихся идеаломъ героевъ, въ которыхъ народъ воплощалъ свои мечты. Молдаване такъ же музыкальны, какъ и малороссы, но ихъ пѣсни болѣе заунывны и монотонны.

Экипажъ, громыхая рессорами, выѣзжаетъ на гору. Днѣстръ и Залучаны уже внизу. Предо мной разворачивается холмистая бессарабская степь, вся устланная то зелеными коврами озимей, то полосами кукурузы, то выжатыми нивами съ желтой щеткой соломы. Чѣмъ дальше отъ Днѣстра, тѣмъ рѣже на горизонтѣ виднѣются каемки лѣса, и наконецъ онъ совсѣмъ исчезаетъ. Куда ни оглянешься, холмы и невысокія горы, подпирающія волнистой линіей края неба. Изрѣдка въ долинѣ у пруда выглянетъ, точно оазисъ, село—и снова степь, и снова коверъ озимей, за которымъ вдругъ вырастаетъ господскій токъ. Длинныя скирды съ пшеницей выстроились въ два - три ряда точно домики. Подлѣ нихъ цѣлая гора золотистой соломы, пирамида «стодолы», крытаго соломой амбара, въ который ссыпается зерно, локомобиль съ высокой черной трубой и кирпичный корпусъ молотилки.

Вечеромъ останавливаюсь на ночлегъ въ одномъ изъ попутныхъ селъ, раскинувшихся вдоль Реута, притока Днѣстра. Глубокая тишина степи. Мирную деревню все глубже охватываетъ дремота. Кое-гдѣ въ окнахъ свѣтится огонекъ. Надъ улицей стелется тонкая пелена дыма. Пахнетъ кизякомъ. Онъ сложенъ кубиками и пирамидками вдоль забора. Изъ хлѣвовъ и овчаренъ доносится блеянье овецъ, иногда слышенъ далекій лай собакъ.

На «касса ди обштіи»*), гдѣ я остановился, суетливая хозяйка наставляетъ самоваръ и готовитъ постель изъ цѣлаго вороха подушекъ. Во дворѣ, у небольшого костра, сидитъ хозяинъ, сыновья его и двѣ дочки. Надъ костромъ, на треножникѣ, котелокъ. Въ немъ клокочетъ канареечнаго цвѣта маисовая каша. Это варится мамалыга. Одна изъ дочерей приготовляетъ тутъ же низкій круглый столикъ, покрываетъ его скатертью, кладетъ на него борщъ и миску съ «брындзой» (овечій сыръ), потомъ опрокидываетъ котелокъ съ мамалыгой; она вываливается на скатерть точно бабка изъ формы.

Мой кучеръ и вся семья садятся на землю вокругъ стола и ужинаютъ. Пламя костра освѣщаетъ ихъ здоровыя фигуры, отъ которыхъ вѣетъ глубокимъ покоемъ простыхъ душъ съ чистой со-

*) Квартира, которая обязательно въ каждомъ селѣ отводится для должностныхъ лицъ.

вѣстью. Надъ ними, точно черный бархатъ, вышитый блестками, раскинулось темное звѣздное небо.

Тишина становится еще больше, миръ, въ который погрузилась природа, еще глубже. Только порой безмолвіе нарушаютъ меланхолическіе переливы звонка, вздрагивающаго вдругъ на дышлѣ фаэтона.

21-е сентября.

Вдали, на окраинѣ степи, снова показываются скалистые берега Днѣстра. Экипажъ выѣзжаетъ на сорокское шоссе, сползающее извилистой лентой въ долину, по которой змѣится рѣка. Слѣва, по бокамъ глубокаго оврага, лѣпится село, справа лѣсъ. Надъ Днѣстромъ выдвигается совсѣмъ отвѣсная, неприступная глыба бѣлаго камня. Въ ней темнѣетъ продолговатое отверстіе въ видѣ дверей. Это высѣченная въ скалѣ келья какого-то схимника. По Днѣстру встрѣчается очень много такихъ келій и даже монастырей, вырубленныхъ въ неприступныхъ скалахъ. Когда-то тамъ скрывались отъ турецкихъ гоненій христіане.

У рѣки шоссе круто поворачиваетъ на сѣверъ. Фаэтонъ грохочетъ по Бекирову мосту (названіе, оставшееся еще со временъ турокъ) и катится по узкой лентѣ дороги надъ самымъ Днѣстромъ. На подольскомъ берегу, на огромной покатой площади раскинулось мѣстечко Цѣкиновка. Слѣва надъ шоссе высятся шпалеры зеленыхъ горъ въ скалахъ и виноградникахъ. Впереди разворачивается панорама Сорокъ съ сѣдой массой круглой пятибашенной генуэзской крѣпости, грозно выдвинувшейся надъ зеркальной гладью рѣки.

Городъ небольшой, но очень живописный. Днѣстръ, изогнувшись, вдался въ бессарабскую сторону. Онъ кажется какимъ-то гигантскимъ серпомъ, положеннымъ на дно зеленой корзины. По бокамъ этой корзины въ садахъ и виноградникахъ раскинулся амфитеатромъ городъ, у суровыхъ стѣнъ крѣпости тѣснятся, точно пигмеи, кубики домовъ, обступивъ ее густой толпой и разворачиваясь дальше, по берегу, стройными рядами вдоль нѣсколькихъ улицъ.

На горахъ разбросаны дачи. Лѣса и сады уже зарумянились пурпуромъ дикаго винограда и пунцовыми букетами кустарника.

Городъ—какъ любой уѣздный городъ западной Россіи, гдѣ половину населенія составляетъ еврейскій элементъ. При въѣздѣ—дома то каменные, то вальковaнные, большей частью одноэтажные, выстроились особняками вдоль главныхъ улицъ и будто подсматриваютъ одинъ за другимъ своими окнами. Въ центрѣ—базарная площадь и непремѣнно тюремный замокъ, а дальше—торговая улица со скученными еврейскими лавками, въ которыхъ мѣстные Мюры и Мерилизы, Симхи и Мордки, снабжаютъ весь уѣздъ, начиная бомондомъ и кончая крестьянами, всѣмъ, чѣмъ хотите, съ примѣсью брака варшавскихъ, лодзинскихъ и бѣлостокскихъ фабрикъ. Замѣчательно, что въ Сорокахъ, при пятнадцатитысячномъ населеніи, нѣтъ ни одной христіанской лавки. Буквально — ни одной. Гостиница, куда я заѣзжаю, — на площади; она немножко получше рогачевскаго «Золотого Якоря» и много хуже гостиницы «Франція» въ Петровскѣ-Дагестанскомъ. Тамъ номера съ видомъ на Каспійское море, здѣсь — на тюрьму и базаръ. Площадь загромождена подводами, возами, запряженными волами, и «каруцами» (повозками). Молдаване и молдаванки плывутъ густой, шумной толпой по площади. Народъ все здоровый, сильный, съ загорѣлыми, кирпичными лицами.

Отправляюсь въ клубъ. Онъ у самаго берега Днѣстра. Здѣсь нахожу компанію знакомыхъ: нѣсколько офицеровъ - вознесенцевъ, нѣсколько земцевъ.

Идетъ оживленный разговоръ о пеллагрѣ.

Докторъ В. П. Кожухаревъ любезно снабжаетъ меня экземпляромъ составленной имъ брошюры объ этой болѣзни. Издана она на счетъ земства для распространенія въ народѣ.

Вотъ кое-какія свѣдѣнія объ этомъ новомъ бичѣ, грозящемъ разразиться въ цѣлое народное бѣдствіе на югѣ.

Пеллагра была обнаружена въ Испаніи еще въ прошломъ вѣкѣ; затѣмъ она быстро распространилась по Италіи, позже—во Франціи, Румыніи, Австріи и Новороссіи. Въ теченіе ста лѣтъ болѣзнь продолжала развиваться, особенно въ Италіи, гдѣ въ 1881 году насчитывалось 104.067 больныхъ.

Въ Бессарабіи она появилась впервые въ 1885 году, причемъ заболѣвшихъ было всего 54 человѣка; а въ 1893 году ихъ было уже до 3.500 человѣкъ.

Поражаетъ пеллагра преимущественно сельское населеніе. Этіологія ея пока не вполнѣ выяснена. Предполагаютъ, что главная причина болѣзни кроется въ отравленіи ядовитыми веществами, развивающимися въ испорченной кукурузѣ, благодаря особому микроскопическому грибку—bacterium maidis.

Болѣзнь развивается ранней весной, продолжается все лѣто и исчезаетъ къ зимѣ. Симптомы—головныя боли, лихорадка, а затѣмъ оконечности начинаютъ припухать и кожа на нихъ шелушится. Пораженныя мѣста темнѣютъ, трескаются, покрываются пузырями и изъязвляются. Въ слѣдующемъ году болѣзнь, иногда затягивающаяся на 10—15 лѣтъ, становится интенсивнѣе, поражая у нѣкоторыхъ больныхъ мозгъ и вызывая умопомѣшательство.

Къ брошюрѣ доктора Кожухарева приложенъ портретъ одного пеллагрика. Носъ и руки его покрыты узловатыми бугорками; кожа имѣетъ видъ чешуи крокодила.

Среди земцевъ, принимающихъ участіе въ разговорѣ о мѣрахъ для предупрежденія развитія пеллагры, есть два - три человѣка съ великорусскими фамиліями, нѣсколько—съ молдавскими и польскими. Одинъ изъ поляковъ, владѣлецъ крупныхъ имѣній въ Бессарабіи,—выдающійся земскій дѣятель, энергично работающій на общественную пользу.

Вспоминается Сѣверо-Западный край, поѣздка по Днѣпру, панъ Стась... И даже какъ-то не хочется вѣрить, что тотъ самый по-

лякъ, который тамъ будируетъ, сторонясь русскаго дѣла, здѣсь, на окраинѣ, съ такимъ увлеченіемъ отдается ему, внося и свою лепту просвѣщеннаго человѣка въ культурную работу русскаго государства для общаго блага, не задаваясь вопросомъ, кто будетъ пользоваться этимъ благомъ—католикъ или православный, великороссъ, полякъ или молдаванинъ, и довольствуясь сознаніемъ, что оно полезно *ближнему, человѣку*, какова бы ни была его національная вывѣска.

Глава XXXVI.

„Если васъ тянетъ на Рейнъ и на Эльбу но Днѣстръ отъ васъ ближе,—поѣзжайте на Днѣстръ. Это дѣйствительно прелесть дѣйствительно рай“.

В. Дѣдловъ.—„Вокругъ Россіи“.

Утро. На берегу Днѣстра посвистываетъ «Піонеръ», крошечный бѣлобокій пароходъ, напоминающій могилевскаго «Воробья». Палубныхъ пассажировъ много. Двѣ трети евреевъ, одна треть—молдаванъ и малороссовъ.

Пароходикъ шипитъ, пыхтитъ и страшно реветъ, будто сердясь, что никакъ не можетъ сдвинуться. Наконецъ это таки удается ему, и онъ, покружившись зачѣмъ-то нѣсколько разъ на мѣстѣ, точно норовистый конь, стремительно бѣжитъ внизъ по теченію.

Вмѣстѣ со мной изъ Сорокъ въ Каменку ѣдетъ цѣлая компанія. Отсюда нѣсколько часовъ ѣзды даже на днѣстровскомъ пароходѣ. По прямому пути считается верстъ двадцать пять.

Живописные сорокскіе берега съ городкомъ, раскинувшимся амфитеатромъ по склону горъ, и сѣдой генуэзской пятибашенной крѣпостью убѣгаютъ назадъ.

Впереди разворачивается днѣстровская панорама.

Два года тому назадъ мнѣ пришлось совершить по Днѣстру маленькую экскурсію отъ Сорокъ до Ваду-луй-Вода, ближайшей къ Кишиневу пристани. Если вы желаете составить себѣ понятіе о состояніи судоходства по Днѣстру и отчасти о красотахъ этой рѣки, то не захотите ли пробѣжать напечатанныя мною тогда путевыя замѣтки, въ которыхъ я описалъ эту невѣроятно курьезную и траги-комическую экскурсію? Мнѣ остается только прибавить, что Днѣстръ гораздо живописнѣе въ верховьяхъ своихъ, т.-е. отъ Сорокъ къ сѣверу, и что состояніе судоходства по немъ до сихъ поръ не улучшилось.

ПО ДНѢСТРУ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Lasciate ogni speranza
Voi che intrate.

Dante.

Сборы въ путь.—Пріятныя ожиданія.—„Піонеръ“ или „Левъ“?—На пароходѣ.—Всероссійскій Ѳедька.—Необыкновенный капитанъ и необыкновенный аптекарь.—Первый блинъ комомъ.—Вліяніе свадьбы одного цадика на пароходный рейсъ.—Хорошій буфетъ о трехъ ложечкахъ.—Днѣстровская панорама.—На мели и опять на мели.—„Левъ“, спасенный гостями цадика.—Виды.—Капитанъ и аптекарь ведутъ „полемику“.—Конецъ мытарствамъ и вавилонскому плѣненію.

«Рѣшено: ѣду. Беру карту, набрасываю маршрутъ, лавируя на приличной дистанціи отъ холерныхъ запятыхъ, собираюсь въ путь и»...

Vogue, ma galère!

Между Сороками и Бендерами курсируютъ два пароходика—«Піонеръ» и «Левъ»; первый называется этимъ громкимъ именемъ потому, что еще два года тому назадъ началъ доказывать несудоходность Днѣстра въ его теперешнемъ состояніи, съ убѣдительной наглядностью сажая пассажировъ на мели; второй назвался «Львомъ», эмблемой силы и побѣды, потому, вѣроятно, что жаждетъ растерзать своего конкурента, «Піонера». Но до сихъ поръ, слава Богу, катастрофы еще не было. «Піонеръ» принадлежитъ еврею, «Левъ» въ арендѣ у евреевъ; «Піонеръ» сидитъ на два фута, и потому ходитъ исправнѣй; «Левъ»—на три фута, и потому чаще сидитъ на мели; но на «Піонерѣ» есть, говорятъ, клопы и всякіе другіе зловредные звѣри, дѣлающіе его чѣмъ-то въ родѣ азіатскаго клоповника; на «Львѣ» пока ихъ нѣтъ. Ѣду на «Львѣ»!... Справляюсь съ расписаніемъ. «Левъ» отходитъ *завтра, въ пятницу, въ 12 час. дня.* «На пароходѣ имѣется хорошій буфетъ». Это окончательно склоняетъ меня въ пользу «Льва». Обѣда не заказываю: пообѣдаю на пароходѣ.

Въ пятницу, въ 12 час., я на берегу. Говорю—на берегу, потому что пристани нѣтъ. Пароходы здѣсь причаливаютъ прямо къ берегу и непремѣнно подлѣ купаленъ или между ними; справа—мужчины, слѣва—дамы. Патріархальность нравовъ у насъ необыкновенная, и обыватели стыдятся наготы своей гораздо менѣе, чѣмъ прародители, не прибѣгая даже къ фиговымъ листьямъ. Въ дождь пароходу приходится ждать подъ открытымъ небомъ, въ солнцепекъ—ни пяди тѣни, ни одной скамейки. Стой, глазѣй на барахтающихся въ водѣ добродушныхъ обывателей и жди.

А ждать можно до безконечности.

«Левъ» *въ пятницу не пришелъ; не пришелъ онъ и въ субботу.* Почему? Иду справляться въ «агентство», изображаемое супругой одного изъ арендаторовъ парохода. Ничего не знаетъ, никакихъ телеграммъ не получала, хотя въ «расписаніи» и сказано, что обо

всякихъ замедленіяхъ будетъ сообщаться по телеграфу. Но на лицѣ тревога, читается опасеніе, что мужъ бѣжалъ... можетъ-быть, въ Аргентину?

Въ понедѣльникъ сіяющее «агентство» обнадеживаетъ меня. Мужъ, слава Богу, вспомнилъ о женѣ и пассажирахъ, телеграфировалъ, что «Левъ» *будетъ во вторникъ*, т.-е. на четыре дня позже, чѣмъ слѣдуетъ. Если вспомнить, что отъ Сорокъ до Бендеръ пятнадцать станцій, и предположить, что на каждой станціи томится только по одному пассажиру въ четырехдневномъ пріятномъ ожиданіи, если подумать, что у каждаго изъ нихъ есть срочное дѣло,—то можно, пожалуй, понять тѣхъ, кто даетъ зарокъ не ѣздить на днѣстровскихъ пароходахъ. «Агентство» увѣряетъ, что пароходъ «запоздалъ» вслѣдствіе мелководья. Днѣстръ совсѣмъ отощалъ. У водомѣра, на черной доскѣ, на которой ведется кондуитный списокъ Днѣстра, уровень воды въ Сорокахъ обозначенъ нулемъ. Этотъ нуль рисуетъ воображенію рака на мели. Нѣсколько утѣшаетъ мысль, что 1.200,000, затраченныхъ казной на углубленіе днѣстровскаго русла, плюсъ 200 тыс., отпускаемыхъ ежегодно на ту же надобность, плюсъ дамбы, бакены и вѣхи, разставленныя во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, плюсъ цѣлый штатъ служащихъ,—должны нѣсколько повліять на этотъ нуль... Пока, правда, эта милліонная жертва безмолвной рѣкѣ ничего не сдѣлала; и сердце вчужѣ надрывается отъ ламентацій тѣхъ, кому пришлось и приходится вести стихійную борьбу съ этой упрямой змѣей. Строишь дамбы—ихъ сноситъ, сносишь мели—ихъ наноситъ... Это не рѣка, это—метель, вихрь которой поглощаетъ со стихійной безстрастностью все: и трудъ человѣческій, и казенныя сотни тысячъ...

Вторникъ, 5 часовъ пополудни. Я на «Львѣ»; это—фактъ. Сижу на капитанской площадкѣ. Справа, внизу, барахтаются дамы, слѣва—кавалеры. Свистокъ; снимаютъ сходни. «Матросы», напирая на шесты, пытаются сдвинуть пароходъ. Отчаливаемъ. Въ пяти шагахъ отъ берега раздается — «стопъ». Среди пароходной прислуги слышатся вопросы—«Ѳедька? Гдѣ же Ѳедька»? Про Ѳедьку забыли, а Ѳедька—лоцманъ. Безъ Ѳедьки пароходъ не можетъ идти; только Ѳедька знаетъ фарватеръ. Свистятъ—зовутъ Ѳедьку. Наконецъ онъ является, по канату карабкается на пароходъ и, минуту спустя, стоитъ на капитанской площадкѣ, у рулевого колеса.

Это приземистый, коренастый парень, съ широкой скуластой физіономіей русскаго типа, вздернутымъ толстымъ носомъ и толстыми губами; надъ верхней губой чуть виденъ русый пушокъ, къ нижней, оттопыренной, прилипла папироска, которую онъ изрѣдка посасываетъ. Фуражка набекрень, ноги выгнуты оглоблями, какъ у заправскаго моряка; но въ общемъ онъ скорѣе напоминаетъ мастерового или фабричнаго. Ѳедька—единственный великороссъ въ экипажѣ парохода; остальныя лица—малороссы и евреи. Ѳедька весь проникнутъ сознаньемъ, что онъ представитель «расейскаго чело-

вѣка», и смотритъ на хохловъ и жидовъ свысока, какъ побѣдитель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ весь полонъ и сознанья собственнаго достоинства, и важности своей роли. На выговоръ, который дѣлаетъ ему капитанъ, Ѳедька, не выпуская папироски, процѣживаетъ сквозь зубы:

— Дѣло было.

И такъ это сказано невозмутимо, резонно, что капитанъ обезоруженъ; лукаво-добродушная усмѣшка скользитъ по его смуглому малорусскому лицу съ черной сѣдѣющей бородой и паутиной морщинокъ. Въ самомъ дѣлѣ—у Ѳедьки было дѣло,—значитъ, Ѳедьку должны ждать: безъ Ѳедьки вѣдь все равно не пойдутъ, — очень просто.

Ѳедька собственно вовсе не лоцманъ, а такъ себѣ, «расейскій человѣкъ», который беретъ въ жизни апломбомъ и «авоськой», импонируя ими. Въ этой самонадѣянности и самоувѣренности та стихійная сила русскаго человѣка, которая сдѣлала его властелиномъ полуміра. Ѳедька, говорятъ, два года былъ матросомъ на «Піонерѣ»; случилось на дняхъ, что со «Льва» ушелъ лоцманъ, и Ѳедька сталъ лоцманомъ. Очень просто. Завтра уйдетъ капитанъ—Ѳедька станетъ «за капитана», ни минуты не колеблясь. Ѳедька прекрасно знаетъ одно: повернешь рулевое колесо—и пароходъ идетъ направо, отвернешь—и пароходъ пойдетъ налѣво. А фарватеръ... кто его знаетъ? Самъ инженеръ ногу сломаетъ. «Есть вода—и фарватера не нужно, а нѣтъ воды — и по фарватеру не пройдешь», — говоритъ онъ.

Капитанъ—собственно тоже не капитанъ, а какая-то неопредѣленная юридическая фикція. Пароходъ принадлежитъ пяти лицамъ. Капитанъ—дольщикъ. Кажется, былъ шкиперомъ каботажнаго плаванія. Но плавать по морю не то, что плавать по Днѣстру: размахъ моряка на днѣстровскомъ фарватерѣ только сбиваетъ. Капитанъ то и дѣло кричитъ въ рупоръ: малый ходъ, самый малый.

Онъ херсонецъ. Въ началѣ навигаціи въ Херсонъ пробрались «предпріимчивые генуэзцы»—сорокскій адвокатъ и рашковскій аптекарь, заарендовали пароходъ вмѣстѣ со злополучнымъ «капитаномъ». За аренду платятъ по 500 руб. въ мѣсяцъ, капитану платятъ особо жалованье за «капитанство». Такимъ образомъ капитанъ и собственникъ парохода, и онъ же служитъ у арендаторовъ парохода. Какъ собственникъ, онъ каждую минуту боится, какъ бы не проломать пароходъ, какъ наемный работникъ—долженъ подчиняться арендаторамъ, какъ капитанъ—имѣетъ право каждую минуту высадить ихъ на берегъ. Эта удивительная комбинація вызываетъ массу комическихъ инцидентовъ, развлекающихъ публику. Стороны на ножахъ. Капитанъ пытается либо игнорировать существованіе арендаторовъ, либо прогуливается на ихъ счетъ; арендаторы пытаются игнорировать «капитана» и изрѣдка, чтобы показать свое хозяйское право, покрикиваютъ даже въ слуховую трубу; они знаютъ капитанское право, но знаютъ также, что пароходная прислуга служитъ у нихъ: значитъ, приказывай капитанъ хоть до

втораго пришествія—«матросы» не высадятъ арендаторовъ. Слова—«контрактъ» и «неустойка» раздаются то съ той, то съ другой стороны. Кромѣ арендаторовъ и капитана, «администрація» парохода состоитъ изъ какого-то еврея, именующагося «управляющимъ пароходомъ», другого еврея, «помощника управляющаго» и еще какихъ-то двухъ безъ опредѣленныхъ занятій евреевъ, кажется—второстепенныхъ компаньоновъ предпріятія, которые, въ минуту рѣшительныхъ капитанско-арендаторскихъ стычекъ, появляются на площадку и стоятъ въ безмолвно-выжидательной позѣ, какъ резервъ.

Сегодня на пароходѣ плыветъ «аптекарь» нервный и желчный человѣчекъ, съ озабоченнымъ видомъ снующій изъ одного угла въ другой. Говорятъ—онъ совращенъ съ пути истины краснорѣчіемъ адвоката; ему сулили открыть Калифорнію или Эльдорадо; онъ продалъ свою аптечку, вложивъ въ предпріятіе всѣ деньги; адвокатъ, вложилъ «идею» и «краснорѣчіе». Компанейскія дѣла идутъ плохо: мелководье и конкуренція. Говорятъ—прогорятъ...

Вдругъ толчекъ... Бугоръ... Пароходъ съ размаху сѣлъ на мель. Тревога... Пассажиры безпокоятся. Что-то случилось...

— Пустяки, пустяки,—успокаиваетъ аптекарь:—надо было взять *немножко лѣвѣе*, а онъ (кивокъ на Ѳедьку) взялъ *немножко правѣе*.

Ѳедька почесываетъ затылокъ и бормочетъ, не особенно конфузясь:

— Чортъ... Взялъ бы чуть лявѣе... Пароходъ «рисканулъ».

Что Ѳедька понимаетъ подъ этимъ «рисканулъ» — трудно рѣшить, но каждый разъ, когда садитъ насъ на мель, непремѣнно заявляетъ, что пароходъ «рисканулъ».

Капитанъ срываетъ на Ѳедькѣ злобу:

— Рисканулъ! Лявѣй!—передразниваетъ онъ.—Эхъ ты! А еще въ лоцмана лѣзешь! Какой ты лоцманъ, когда «фарвахтера» не знаешь.?. Еще встромилъ въ зубы папироску и франтить ею!..

Ѳедька оскорбленъ. Онъ уходитъ внизъ и бормочетъ, продолжая «франтить папироской»:

— Нарочито ня сдѣлано. Кажиный старается, *какъ получше...*

Сидимъ.

Матросы съ кольями и шестами лѣзутъ въ воду.

— Запихивай, ребята, запихивай веселѣй!—воодушевляетъ ихъ капитанъ.

Ребята «запихиваютъ».

— Ра-а-зомъ! доносится снизу.—Еще-о, еще-о...

— Полный ходъ! командуетъ капитанъ.

Машина работаетъ, пароходъ дрожитъ, пыхтитъ, колеса вертятся, пѣня и мутя воду, взрывая со дна клубы желтаго песку. «Левъ» поворачивается корпусомъ то вдоль, то поперекъ теченія...

Четверть часа длится эта возня.

Наконецъ снимаемся.

Напряженное томленіе смѣняется чувствомъ облегченія.

— Зови Ѳедьку къ рулю,—говоритъ капитанъ.

— Не хочетъ,—отвѣчаетъ снизу матросъ.

— Чего?

— Осерчалъ.

Однако, немного спустя, Ѳедька, обливаясь потомъ и мокрый отъ воды, опять занимаетъ свой постъ. На его широкой рожѣ—горечь уязвленнаго самолюбія и неоцѣненнаго таланта.

На носу матросъ замѣряетъ шестомъ фарватеръ, выкрикивая: семь, пять, три!..

И какъ только раздастся это роковое «три», у капитана лицо вытягивается, а Ѳедька сосредоточенно сжимаетъ свои толстыя губы: онъ чувствуетъ, что пароходъ опять хочетъ «рискануть».

— Вотъ и плавайте! ворчитъ капитанъ.—Хуже быть не можетъ... Развѣ это рѣка? Чортъ знаетъ что!..

— Скажите, а послѣдній рейсъ вы пропустили тоже благодаря мелководью?

— Какое тамъ! восклицаетъ онъ, вздернувъ плечами.—Какъ ни мало воды—все-таки доползли бы до Сорокъ. Да мы застряли въ Ваду-луй-Вода и ждемъ... Просто жидовская хитрость...

— Чего ждали?

— Видите—въ Рашковѣ у ихняго цадика свадьба... Поджидали: думали 200—300 человѣкъ гостей забрать...

— И что же?

— Даромъ прождали: только воздухъ ихній забрали. А говорятъ—ждемъ, чтобы въ рейсъ попасть.—Что хотятъ, то и дѣлаютъ. Развѣ это пароходъ? Просто жидовская балагула.

Пароходъ то нарѣзывается на камни, то ползетъ по перекатамъ. Чувство невольной тревоги то слабѣетъ, то снова растетъ. И только окружающая природа отвлекаетъ, приковывая къ себѣ и очаровывая. Картина полна сказочнаго волшебства. Кажется, будто мы катимся по какой-то изумрудной долинѣ; зеркало водъ отражаетъ синее небо съ плывущими по немъ бѣлыми барашками, зеленые берега, скалы; высокія горы, то мѣловыя, то въ лѣсахъ, то скалистыя, то въ кудрявомъ молодникѣ, смѣняются какъ въ панорамѣ. За каждымъ поворотомъ открывается новый видъ: то дикій ландшафтъ, то роскошный пейзажъ, манящій дѣвственной свѣжестью природы. Зрѣніе утомляется, но глаза очарованы: мочи нѣтъ оторваться отъ этихъ живописныхъ береговъ, отъ этихъ сказочныхъ видовъ.

— Дать бы этотъ уголокъ французамъ,—говоритъ мой сосѣдъ,—какихъ чудесъ натворили бы они!.. А ужъ рѣку-то навѣрно сдѣлали бы судоходной. Зря денегъ не стали бы бросать. Десять милліоновъ понадобилось бы—не пожалѣли бы, но углубили бы русло, но построили бы дамбы, а не эти кучи камней; поставили бы десять, двадцать землечерпательныхъ машинъ, а не эту черепаху, которая вонъ виднѣется впереди... Шлюзы понадобились бы—и это устроили бы... Вѣдь подумать только, какъ важно сдѣлать Днѣстръ судоходнымъ: онъ прорѣзаетъ и соединяетъ три параллельныхъ линіи желѣзныхъ дорогъ, соединяетъ житницу Россіи—Бессарабію и По-

долю—съ Чернымъ моремъ, съ Одессой, захватывая шесть-семь торговыхъ городовъ и пятнадцать мѣстечекъ. Грузовое и пассажирское движеніе обезпечены, это милліоны... А теперь что? Пять-шесть баржъ, два грузовыхъ парохода да два пассажирскихъ... Въ половодье еще кое-какъ; но въ мелководье—видите, какая мука. Вѣдь вотъ, по расписанію, отъ Сорокъ до Ваду весь путь высчитанъ въ 14 часовъ, а дай Богъ, чтобы мы завтра къ вечеру поспѣли...

— Да, дай Богъ,—глухо отзывается капитанъ.

— О, капитанъ! восклицаетъ одна изъ пассажирокъ:—вы не такъ жестоки, нѣтъ! Вы постараетесь доставить насъ во время.

— Да что-жъ я? отвѣчаетъ капитанъ, видимо польщенный этимъ трогательнымъ воззваніемъ.

— И то,—говоритъ кто-то,—вотъ если Ѳедька постарается... Ѳедька тоже польщенъ.

— Я—что-жъ... Ежели пароходъ не рисканетъ...

Вдругъ толчекъ. Мы снова на мели.

— Нѣтъ, капитанъ, это ужасно,—говоритъ пассажирка:—вашъ пароходъ не Левъ, а ракъ, ракъ, ракъ...

Съ отчаянья идемъ пить чай. Въ каютѣ на столѣ кухонная керосиновая лампочка. Возгласы протеста. Это что? Керосиновая лампа въ первомъ классѣ? Капитана сюда! Говорятъ—свѣчи вышли. Да мы—протоколъ, да мы въ книгу... Приносятъ свѣчу. Разливаемъ чай. А ложечки? Всего три ложечки. Больше, хоть переверни пароходъ вверхъ дномъ, нѣтъ. Это фактъ историческій, достойный быть занесеннымъ въ лѣтописи пароходства по Днѣстру. Мѣшаемъ чай поочереди.

— Ничего,—утѣшаетъ «управляющій»,—когда проѣдете въ слѣдующій разъ, у насъ будетъ цѣлыхъ двѣнадцать ложечекъ.

Хотя на пароходѣ имѣется «хорошій буфетъ», кромѣ «антрикоца» и «биштика» ничего нельзя достать. Съ капитанской площадки мы наблюдали процедуру самаго приготовленія этихъ яствъ. Нельзя сказать, чтобъ она была интересна и поучительна, особенно по нынѣшнему тревожному насчетъ запятыхъ времени. Одна изъ дамъ сейчасъ же приняла капли Иноземцева.

Что за ночь!

Тихо. Листикъ не шелохнется. Тепло. Въ бездонномъ небѣ плыветъ луна, сверкаетъ большая медвѣдица и марсъ. Земля залита фосфорическимъ свѣтомъ, даль исчезаетъ въ голубомъ туманѣ. Рѣка—точно расплавленное серебро. Смотришь внизъ—и видишь въ водѣ то же черное небо, луну и звѣзды; совсѣмъ зеркальная гладь. Порой, при поворотахъ, съ высокихъ горъ падаютъ длинныя тѣни, укрывая пароходъ; луна на минуту исчезла; но и за нами, и впереди вся долина залита ея сіяньемъ. Склонившаяся къ рѣкѣ ракита, вѣтвистый дубъ, нависшая скала, сѣдой утесъ—все принимаетъ какой-то фантастическій видъ въ голубомъ сумракѣ. Поворотъ—и опять изъ-за горы выглянетъ луна, и хлынетъ потоками ея сіяніе. И опять въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются то зеленыя, то бѣлыя, какъ мраморъ, известковыя горы, съ ущельями и оврагами. Смотришь на берега, смотришь на отраженіе ихъ въ водѣ—и не можешь отличить, гдѣ кончается берегъ, гдѣ начинается отраженіе... Какое-то царство тѣней, фантазіи и иллюзіи...

Два берега, бессарабскій и подольскій, два края, чуждыхъ по исторіи и культурѣ, будто уставились другъ въ друга, раздѣленные водной границей, скованные дремотой. И изъ-за каждаго дерева, изъ-подъ каждаго утеса выступаютъ хороводомъ тѣней призраки прошлаго... Вотъ дикій скиѳъ подъ этою скалой сидитъ въ засадѣ на врага, вотъ римская когорта ведетъ толпу плѣненныхъ даковъ, вонъ ватага гунновъ раскинула шатры, а тамъ, изъ-за угла, галера генуэзцевъ плыветъ навстрѣчу, вотъ на челнѣ отважный запорожецъ скользитъ въ тѣни, а далѣе толпа жестокихъ янычаръ, и отъ нея, обезумѣвъ отъ страха, бѣгутъ и молдаване, и поляки, и евреи... О, если бъ Днѣстръ могъ разсказать тайны прошлаго, если бъ онъ могъ передать, какой океанъ человѣческихъ мукъ и слезъ пронесся по немъ за эти тысячелѣтія!

Толчекъ отрезвляетъ меня.

Ѳедька садитъ насъ на мель. На этотъ разъ основательно. Мы подъ м. Каменкой. Собственными средствами сняться нельзя. Шлюпка уплываетъ за рабочими. Всю ночь пароходъ безсильно барахтается, и «аврора» застаетъ насъ на мѣстѣ преступленія.

Въ 8 час. утра мы только въ Рашковѣ.

Почти два часа грузятъ уголь; поджидаемъ гостей со свадьбы цадика. На палубѣ давка и гвалтъ. «Гости» ѣдутъ въ м. Резину. Но между Рашковомъ и Резиной есть большой перекатъ, а пароходъ отъ новаго груза сѣлъ глубже. Плывемъ. По пути встрѣчаются плоты, сплавы и галеры. Огибаемъ баржу, сидящую на мели, и подходимъ къ перекату. Впереди виднѣются человѣкъ 12 крестьянъ, по колѣни въ водѣ, и четверка покорныхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ въ плугъ. То пашутъ и разрыхляютъ песокъ на мели. Навстрѣчу выѣзжаетъ сторожъ, съ зеленымъ флагомъ на носу душегубки. Садимся на мель, и начинается барахтанье. Матросы лѣзутъ въ воду, крестьяне помогаютъ.

— Запихивай ребята, запихивай веселѣй, молодцы!

«Левъ» ни съ мѣста.

Тогда «гости цадика» раздѣваются тутъ же, на палубѣ, и лѣзутъ въ воду. Наши дамы скрываются въ каюты, ихнія дамы стыдливо потупляютъ глаза. Картина полна библейской простоты и идиллической прелести. Человѣкъ сорокъ толкаютъ пароходъ. Гиканье, возгласы понуканья, смѣхъ.

Пароходъ сползаетъ съ переката.

Проходимъ мимо Стройницъ, Рыбницы, Резины, Солончанъ, Сахарны... Живописныя горы, лѣса и села мелькаютъ какъ въ панорамѣ. Что за виды! Каждый уголокъ—цѣлая тема для художественнаго шедевра. И если итальянцы говорятъ—vedi Napoli e poi

morir, то и молдаване имѣютъ право сказать—se vedz Nestru s'apoi se mori.

Да, это—точно Рейнъ, но безъ суровости и строгихъ тоновъ сѣвера; природа Днѣстра мягче и нѣжнѣе; она дышитъ нѣгой и любовью юга.

За Куратурой, гдѣ высоко надъ рѣкой бѣлѣетъ высѣченный въ скалѣ монастырь, мы отдыхаемъ на мели; подъ Ягорлыкомъ «Левъ» получаетъ пробоину, и изъ каюты II класса ведрами выносятъ воду; въ Маловатѣ мы въ 7 час. вечера и опять на мели. Опять «Левъ» отдыхаетъ часокъ-другой, опять отправляются въ село за крестьянами, опять пароходъ безсильно пыхтитъ и дрожитъ. Въ полночь, верстахъ въ трехъ ниже, Ѳедька, задремавъ у руля, спросонья принимаетъ красную вѣху за бѣлую и беретъ «лявэ», на самую мель. «Левъ» глубоко врѣзывается въ нее. Вокругъ степь. Здѣсь просидимъ до утра, пока на шлюпкѣ проберутся въ село и привезутъ рабочихъ.

Та же чудная ночь.

Капитанъ и аптекарь раздражены. Капитанъ бѣгаетъ на площадкѣ по одной діагонали, аптекарь—по другой. Вотъ-вотъ сцѣпятся...

— Я вамъ говорю, что не дамъ парохода. Дойдемъ до Бендеръ и—стопоръ! кричитъ капитанъ.

— Посмотримъ! возражаетъ аптекарь.

— Посмотримъ!

— А контрактъ на что?

— Что вы мнѣ все съ контрактомъ да контрактомъ? Наплевать мнѣ на вашъ контрактъ—вотъ что! Въ контрактѣ сказано, что я долженъ плавать по водѣ, а не по сушѣ... Развѣ это рѣка?

— А я чѣмъ виноватъ, что теперь мелководье?

— Да вамъ что? Вамъ все равно! А у меня, какъ пароходъ на камень попадетъ, *печенки переворачиваются*, вотъ что!

Цѣлый часъ продолжается эта «полемика», наконецъ оба, уставъ, испортивъ другъ другу кровь, уходятъ спать. Воцаряется тишина; изрѣдка съ палубы доносится храпъ, да слышно, какъ вода журчитъ и плещется въ бока парохода.

Гдѣ-то далеко-далеко лаютъ собаки. По временамъ гдѣ-нибудь плеснетъ рыба, обвалится съ крутого берега камень. Вокругъ пустынно. Звѣзды горятъ все ярче и ярче. Свѣжѣетъ... Скоро разсвѣтъ.

А шлюпка все не возвращается...

Четвергъ. Десятый часъ утра. Подходимъ къ Ваду-луй-Вода.

Наши мытарства кончаются. Подводимъ итоги. Оказывается, что вмѣсто 14 часовъ мы пробыли въ пути 42 часа и разъ пятнадцать сидѣли на мели. Къ этимъ сидѣніямъ мы настолько привыкли, что намъ какъ будто даже странно, когда плывемъ. Казалось, что Сороки и Ваду—какая-то Спилла и Харибда, изъ которой никогда не выберешься.

Ѳедька—у руля. Онъ въ глубокихъ калошахъ и мѣховомъ «спинжакѣ». Всю ночь онъ надсаживался въ водѣ, «пихая» пароходъ. Капитанъ и аптекарь, съ поднятыми воротниками пальто, прогуливаются по площадкѣ. Оба дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ другъ друга. У капитана, видимо, всю ночь «переворачивались печенки», аптекарь штудировалъ контрактъ.

Чѣмъ ближе, тѣмъ дальше отъ берега расползаются гряды высокихъ горъ, тѣмъ шире становится горизонтъ. И на душѣ какъ-то легче.

Одинъ изъ пассажировъ сердито ворчитъ:

— Это чортъ знаетъ что такое: у меня срочное дѣло. Если-бъ я во вторникъ, одновременно съ пароходомъ, выѣхалъ на почтовыхъ, я бы вчера вечеромъ былъ въ Кишиневѣ. А если-бъ махнулъ на Крыжополь, то вчера, еще въ 9 часовъ утра, былъ бы тамъ... Нѣтъ, такъ нельзя, надо или сдѣлать пароходство возможнымъ, или упразднить его... Иначе—это издѣвательство надъ публикой. Затратили столько денегъ, а не устроили для образца хоть два плоскодонныхъ парохода американскаго типа.

Продолжительный свистокъ заглушаетъ его слова.

Причаливаемъ. Пассажиры суетятся.

Наконецъ-то мы на твердой почвѣ.

Мнѣ какъ-то жаль разстаться съ красавицей рѣкой, съ этимъ міромъ волшебной красоты, фантазіи и грёзъ»...

Глава XXXVII.

Прощай, югъ!—Въ поѣздѣ.—Кіевъ показывается.—На вокзалѣ. — Электрическая «конка».—Ростъ Кіева.—Соперничество Кіева и Одессы.—Параллели.—Растительность.—Крещатикъ.—Уличная толпа и кіевская публика.—Кіевъ, какъ народный городъ.—Памятникъ св. Владиміра. — Кіевская панорама.

24-е сентября.

Фаэтонъ стоитъ у веранды каменскаго кургауза. Звонокъ побрякиваетъ. Кони нетерпѣливо постукиваютъ копытами.

Вещи мои уже уложены.

Надо ѣхать, а такъ не хочется. Скрѣпя сердце, прощаюсь...

Дни, какъ нарочно, стоятъ такіе чудные. Природа принарядилась въ свой золотой съ пурпуромъ осенній нарядъ. Все въ ней дышитъ и нѣгой, и жаждой жизни, и прощальной улыбкой исчезающаго лѣта. Золотая листва, золотое сіяніе сентябрьскаго дня, безмятежный покой синяго, ярко-синяго неба, теплое дыханіе земли... И при этомъ—ласкающая и опьяняющая музыкальная гармонія, подхваченная эхомъ вѣкового парка, полнаго легендъ, о которыхъ онъ шепчется съ плещущейся вдоль него красавицей рѣкой...

Лицо милаго существа всегда кажется намъ милымъ и красивымъ; но въ минуту разлуки, когда приходится, можетъ-быть, навѣки сказать прости, оно въ тысячу разъ милѣе, прекраснѣе и дороже. Мочи нѣтъ оторваться отъ него.

Это же чувствую теперь и я, при разлукѣ съ роднымъ югомъ, съ его чудной природой. На душѣ совсѣмъ тоска влюбленнаго.

Кони сразу подхватываютъ экипажъ и мчатся. Пронеслась мимо дача «Миля», ворота, осталась за мной нѣмецкая колонія съ киркой, потомъ—«замокъ» и верхній паркъ, надъ которымъ разлетаются звуки музыки, мелькнули площадь и мѣстечко, начался подъемъ по ущелью. Проходитъ полчаса. Каменка уже далеко внизу; Днѣстръ, сверкая серебромъ, будто улыбается. И вся живописная долина исчезаетъ въ золотомъ сіяніи.

Опять разворачивается безконечнымъ ковромъ Подольская степь. Навстрѣчу то и дѣло тянется обозъ со свекловицей. Везутъ бураки на какой-нибудь сахарный заводъ. Минуемъ громадное село Студены и мѣстечко Песчанку. За опушкой лѣса выглядываетъ станція Попелюхи.

Въ три часа курьерскій поѣздъ подхватываетъ меня и мчитъ въ Кіевъ. Опять грохотъ и свистки несущихся мимо поѣздовъ.

Въ вагонѣ тѣснота. Публика пестрая. Есть австрійскій нѣмецъ, какой-то коммерсантъ, ѣдущій въ Волочискъ, чиновникъ, два подольскихъ пана, евреи и малорусскіе помѣщики съ толстыми усами, толстой шеей и массивными фигурами, отъ которыхъ вѣетъ практичностью и невозмутимымъ покоемъ глухой деревни.

Вечеромъ минуемъ Жмеринку, ночью—Казатинъ и Фастовъ. Вездѣ толкотня, суетливая толпа куда-то спѣшащихъ людей, какой-то стремительный потокъ людского моря, который несется по артеріямъ юго-западныхъ дорогъ. Паровозъ все реветъ какъ-то испуганно и въ окнѣ мелькаютъ безпрерывными огненными нитями искры.

25-е сентября.

Очень непріятно въ быстрыхъ путешествіяхъ пробужденіе. Просыпаешься гдѣ-нибудь за двѣсти-триста верстъ отъ мѣста, гдѣ заснулъ. Никакъ не можешь отдѣлаться отъ ощущенія какой-то стихійной силы, которая сразу, точно въ сказкѣ, переноситъ въ другой міръ.

Уже за Мотовиловкой вагонъ постепенно наполняется дачниками. Молодые люди, франтики, чистенькіе, съ только-что вымытыми лицами, въ котелкахъ и приподнятыхъ воротникахъ пальто, студенты съ длинными, расчесанными на скорую руку, волосами, барышни съ «musique» подъ мышкой, гимназистки, дачники въ утреннемъ неглиже—все это занимаетъ съ бою мѣста, запруживаетъ проходъ, давитъ ноги и чуть не садится къ вамъ на колѣни.

Въ Васильковѣ на платформѣ топчется съ затеряннымъ видомъ Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ попавшая сюда горсточка словаковъ. На лицахъ, напоминающихъ бѣлорусса, смиренное выраженіе нуждающихся и голодныхъ. Волосы, позади длинные, какъ у музы-

кантовъ, надъ лбомъ подстрижены въ скобку, на манеръ дамской чолки. Снимаютъ шапки, низко кланяются и говорятъ нараспѣвъ:

— Пожалкуйце, панове. Отъ Карпатскихъ гуръ...

Въ Бояркѣ дачники еще рѣшительнѣе штурмуютъ поѣздъ. Пассажиры ежатся по угламъ, стараются сдѣлаться тоньше, прячутъ подъ себя ноги.

Угадывается близость большого центра жизни. Изъ лѣса, вырастающаго шпалерами вдоль полотна, все чаще показываются дачи. Могучіе развѣсистые дубы, грабы и сосны смѣняются садами.

Впереди, заслоняя горизонтъ, выдвигается величественный силуэтъ Кіева. Онъ выступаетъ изъ розоватаго тумана точно изъ облаковъ, еще въ смутныхъ очертаніяхъ. Высокія кудрявыя горы вырисовываются волнистыми линіями тучъ, гряда домовъ, то сѣрыхъ, то кирпичнаго цвѣта, кажется глыбами гранита. Туманъ разлетается— и городъ сразу сверкаетъ радугой красокъ и куполовъ. Надъ дорогой вырастаютъ и убѣгаютъ новые и строящіеся дома, выше, изъ-за фабричныхъ трубъ, гигантскихъ громадъ и зеленыхъ тополей, выдвигается красный корпусъ университета и семибашенный храмъ св. Владиміра съ ярко-голубыми куполами, усѣянными золотыми звѣздами, потомъ еще нѣсколько золотыхъ макушекъ, которыя, сверкнувъ крестами, исчезаютъ.

На вокзалѣ хаосъ большого города и говоръ на нѣсколькихъ нарѣчіяхъ. Публика совсѣмъ особенная, спеціально кіевская. Швейцары, ландо, столичный лоскъ, аристократическій букетъ, изысканность манеръ и костюмовъ, а рядомъ захолустный санфасонъ, вышитая малороссійская сорочка, памятая шляпа и провинціальная непринужденность. Въ третьемъ классѣ среди сюртучной публики— деревенскія бабы въ синихъ халатахъ безрукавкахъ, чоботахъ, красныхъ «намиткахъ» или громадныхъ платкахъ съ ушками, намотанныхъ точно чалма. Мужчины въ свиткахъ, вышитыхъ краснымъ кантомъ, при чупринахъ и трубкахъ, которыя флегматично сосутъ, обязательно поплевывая. Преобладаетъ малорусскій акцентъ; женщины, со свойственной малорусскому слабому полу кокетливостью, говорятъ нараспѣвъ. Слышатся разные «чого, слухайте, эгэ, чуйте, що и даже трасця».

А тутъ же, у подъѣзда вокзала, плавно бѣгутъ вагоны электрическаго трамвая, перваго въ Россіи. Хохолъ смотритъ недоумѣло на эту «нечисту сылу», почесываетъ «потылицу» и тьфукаетъ.

Извозчикъ, который везетъ меня, сердито поглядываетъ на «электричку». Теперь все-таки пообыкли. А на первыхъ порахъ устраивали разныя враждебныя демонстраціи и неистово плевались. Спрашиваю, не отбиваетъ ли заработокъ—и задѣваю за самую больную струну.

— Порядочные господа не ѣздіютъ на ней,—говоритъ.

— Почему?

— Для здоровья вредно. Доктора сказываютъ — самую невру свербитъ, потому въ ней сыла такая. О, какъ гудитъ. Даже больнымъ запрещаютъ. Вѣрно!

Минуемъ памятникъ графу Бобринскому и поворачиваемъ на Бибиковскій бульваръ съ его величественной аллеей тополей, спускающейся къ Крещатику.

Останавливаюсь въ гостиницѣ Гладынюка, на Фундуклеевской. Хорошій номеръ во второмъ этажѣ, паркетный полъ, безукоризненная чистота. Цѣна съ постельнымъ бѣльемъ—два рубля. Клопы не пользуются попустительствомъ прислуги.

Осматриваю городъ. Я знаю Кіевъ лѣтъ двадцать. И за это время онъ разросся и похорошѣлъ со сказочной быстротой. Тогда у него только начиналась та горячка культуры и благоустройства, которая привела къ такому расцвѣту. Тогда вездѣ рядомъ съ большими домами робко жались подслѣповатые одноэтажные старички, и только Крещатикъ былъ сплошной массой многоэтажныхъ каменныхъ громадъ. Теперь, куда ни оглянешься—шпалеры дворцовъ; пустыри застроены, старые дома вытѣснены щеголеватыми гигантами новаго поколѣнія, появились цѣлыя улицы, которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ даже въ поминѣ не было.

Площадь, на которой раскинулся Кіевъ, занимаетъ около 45 квадратныхъ верстъ. Сколько въ Кіевѣ жителей—никто не знаетъ. По однодневной переписи 1874 года, ихъ было 127 тысячъ и даже съ четвертью. Теперь, какъ предполагаютъ, населеніе достигаетъ двухсотъ тысячъ. Но, принимая во вниманіе, съ одной стороны, малорусскую скромность, а съ другой — малорусскую плодовитость, можно смѣло сказать, что теперь въ Кіевѣ добрыхъ 250 тысячъ. На видъ, по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не меньше Одессы.

Между Кіевомъ и Одессой вѣчный споръ и сосѣдская зависть. Кіевляне готовы поставить въ счетъ каждый сучекъ Одессѣ, одесситы—Кіеву. Это отнюдь не мѣшаетъ одесскимъ муниципаламъ при посѣщеніи Кіева восхвалять кіевское благоустройство, а кіевскимъ муниципаламъ, при посѣщеніи Одессы,—одесское. Таково ужъ свойство современной политики и банкетныхъ рѣчей. Было время, когда Кіевъ поотсталъ отъ Одессы. Но теперь онъ обогналъ ее, несмотря на то, что доходъ его безъ малаго втрое меньше дохода Одессы (до 1.300.000 руб.). Обогналъ кое въ чемъ и Москву. Напримѣръ—элекртической конкой и канализаціей. Вышло это какъ-то сразу и совсѣмъ неожиданно, какъ бываетъ у сосредоточенныхъ малорусскихъ натуръ, которыя долго собираются, разжевываютъ, а потомъ трахъ—и вдругъ выкинутъ «штуку», да еще и не простую, а такую, какой и у другихъ нѣтъ. Много, впрочемъ, помогло Кіеву девятисотлѣтіе крещенія Россіи. Онъ сразу принарядился щеголемъ.

Я думаю, Одессу и Кіевъ сравнивать нельзя. Это двѣ несравнимыхъ величины. У Одессы есть море, у Кіева — Днѣпръ. Одесса выстроилась на гладкой равнинѣ, но хороша своей величественной, хотя и монотонной, перспективой; Кіевъ живописно раскинулся на горахъ, чаруя своими чудными видами, но перспектива кіевскихъ улицъ болѣе замкнута. Тысячелѣтній Кіевъ—это grand-papa всѣхъ русскихъ городовъ, но papa еще совсѣмъ свѣженькій, зелененькій, съ румянцемъ во всю щеку и юношескимъ сердцемъ. Одесса—молодая барынька, большая модница, кокетничающая постоянно съ европейцемъ, нервничающая и уже пожившая, несмотря на молодость. Одно, что есть у нихъ общаго, это жизнерадостность. Но и здѣсь преимущество на сторонѣ Кіева. Въ жизнерадостности Одессы слишкомъ ужъ много разнѣживающаго и знойнаго юга, у Кіева она какъ-то спокойнѣе, душевнѣе, яснѣе и здоровѣе. Это жизнерадостность Москвы, по освѣщенная болѣе сердечной улыбкой. Кіевъ—еще югъ, но уже югъ умѣренный, ровный, безъ изнемогающихъ страстей, хотя все-таки лучезарный.

При взглядѣ на Кіевъ вы чувствуете, какъ и при взглядѣ на Москву, что этотъ гигантъ созданъ могучей и здоровой расой. Во всемъ сказывается какая-то жизненная сила, любовь къ жизни и вѣра въ жизнь молодой натуры. Нѣтъ строгихъ тоновъ, мрачныхъ красокъ, все ярко, но ярко въ мѣру, безъ рѣзкости. Здѣсь кипучій темпераментъ великоросса какъ будто нейтрализованъ болѣе мягкимъ темпераментомъ малоросса. И это придаетъ наружности города какую-то особенно симпатичную черточку. Угадывается душа человѣка, не укладывающаяся въ общій жизненный шаблонъ, а пытающаяся разнообразить его разными завитушками и арабесками. Несомнѣнно, красота кіевскихъ видовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе вырабатывала художественный вкусъ кіевлянъ. Это, въ связи съ поэтической жилкой малорусской натуры, и придало такое изящество оригинальной красотѣ Кіева. Кажется, у насъ нѣтъ другого города, въ которомъ (относительно) было бы такъ много красивыхъ зданій. Въ этомъ Кіевъ оставляетъ за собою Одессу. Тамъ громады, вытянутыя въ линію, большей частью построены по шаблону и отдаютъ какой-то практичностью. Здѣсь, напротивъ, почти нѣтъ зданія, изъ новыхъ, конечно, которое не было бы изящной архитектурной вещицей, а иногда и шедевромъ. Пройдитесь по величественному Крещатику, не уступающему по красотѣ Невскому, но болѣе оригинальному, благодаря разнообразію стилей его дворцовъ и извилистости, постоянно открывающей новыя перспективы; присмотритесь повнимательнѣй къ архитектурѣ этихъ многоэтажныхъ гигантовъ то въ стилѣ ренесансъ, то готическомъ, то рококо, то современномъ «меланжѣ», «fantaisie» или русскомъ; загляните на Прорѣзную и полюбуйтесь великолѣпнымъ мавританскимъ стилемъ какого-то дворца и роскошью лѣпной работы, прогуляйтесь по Большой Владимірской мимо фасадовъ нѣсколькихъ домовъ съ оригинальной и величественной мавританской аркой въ центрѣ,—вездѣ, въ каждой колонкѣ, въ каждой завитушкѣ вы замѣтите если не вкусъ, то во всякомъ случаѣ стремленіе къ изящному, чуждое шаблона, и желаніе не только построиться, но и создать красивую вещь, которая дополняла бы общую архитектурную гармонію. Своеобразная особенность Кіева—это палисадники вдоль тротуаровъ второстепенныхъ улицъ. Они замѣнили здѣсь садочки съ вишнями и черешнями, которые составляютъ обязательную принадлежность малорусскаго дома. Въ доброе старое время кіевскіе Афанасіи Ивановичи, Шпоньки, Довгочхуны и Перерепенко, вѣроятно, частенько сиживали въ этихъ

палисадникахъ въ своихъ халатахъ, безпечно посасывая трубку и поглядывая на уличную жизнь.

Въ Кіевѣ масса зелени, красиво декорирующей городъ и придающей ему уютный видъ. Кромѣ палисадниковъ, Бибиковскаго бульвара и частныхъ садовъ, по городу разостланы зелеными коврами Царскій и роскошный ботаническій садъ съ его чудной аллеей каштановъ, университетскій и дворцовый парки, кадетская роща, еще нѣсколько бульваровъ и скверовъ. Высокіе берега Днѣпра задрапированы вдоль всего города зеленой бахромой садовъ и кудрявыми волнами рощъ, надъ которыми величественно выступаютъ стройные силуэты тополей.

Выхожу на Крещатикъ. Широкій, могучій потокъ жизни неумолчно стремится по этой извилистой артеріи Кіева. Послѣ второстепенныхъ кіевскихъ улицъ очутиться на Крещатикѣ—все равно, что изъ губернскаго города попасть прямо въ центръ Петербурга. Здѣсь совсѣмъ столица. Грандіозные великолѣпные дворцы до половины облѣплены пестрыми блестящими вывѣсками, изъ подъ которыхъ сверкаютъ громадныя зеркальныя витрины роскошныхъ магазиновъ. Посрединѣ широкой улицы бѣжитъ паровой трамвай, который будетъ замѣненъ электрическимъ, а по бокамъ—два встрѣчныхъ потока экипажей. Надъ высокими столбами электрическихъ фонарей виситъ, вырисовываясь темной кисеей на фонѣ синяго неба, проволочная сѣть телефона, телеграфа и электропровода трамвая.

Несмотря на конецъ сентября, солнце грѣетъ и заливаетъ эту чудную, просторную, полную жизни и воздуха улицу цѣлымъ моремъ свѣта. Теплая атмосфера насыщена особеннымъ магазиннымъ запахомъ большого города, съ примѣсью сладкаго аромата фруктовъ, которыми здѣсь переполнены кіоски и лавки. Маркизы еще приспущены надъ витринами и окнами верхнихъ этажей. То и дѣло мелькаютъ бѣлыя фуражки.

Густая толпа плыветъ по широкимъ тротуарамъ. Насколько нарядeнъ, щеголеватъ и вылощенъ по столичному Крещатикъ, настолько смѣшана и пестра эта толпа. Здѣсь рядомъ съ фешенебелемъ, точно соскочившимъ съ модной картинки, шагаетъ съ невозмутимой флегмой и sans-gêne какой-нибудь захолустный степнякъ помѣщикъ, весь въ пыли и неглаженной сорочкѣ; рядомъ съ элегантной дамой—скромно одѣтая дѣвушка; за ней горсточка богомольцевъ, пришедшая сюда поглазѣть на кіевскія диковинки, опять цѣлый семейный звѣринецъ провинціаловъ, дальше снова нѣсколько типовъ расфранченныхъ горожанъ и рядомъ—блузы, малороссійскія сорочки, шляпы—на затылокъ, безпечная и размашистая походка студентовъ добраго стараго времени...

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось пріѣзжать въ Кіевъ съ сѣвера, изъ Бѣлоруссіи. И тогда эта толпа особенно поражала меня. Накануне я бродилъ въ низкорослой, угрюмой, худосочной и болѣзненной на видъ толпѣ бѣлорусскихъ городовъ. Теперь предо мной плыла толпа людей изъ какого-то совсѣмъ иного міра, людей

высокихъ, свѣжихъ, здоровыхъ, съ загорѣлыми лицами, оживленными жестами, звучными голосами, открытыми выразительными взглядами и задушевнымъ смѣхомъ. Тамъ, подъ вѣчно сѣрымъ, пасмурнымъ небомъ, человѣкъ пріобрѣлъ какой-то подавленный, безжизненный видъ; это свинцовое небо, угнетая его душу изъ вѣка въ вѣкъ, убило въ немъ жизнерадостность; здѣсь онъ росъ подъ яснымъ синимъ куполомъ, впитывая въ себя вмѣстѣ съ солнечными лучами и жизненныя силы; онъ дышалъ всей грудью, дышалъ здорово, всласть, и, чувствуя себя здоровымъ, привыкъ иначе смотрѣть на міръ. Глядя на эту толпу, вы прежде всего чувствуете, что въ ней преобладаетъ здоровый человѣкъ, что это не искалѣченная и вырождающаяся толпа столицъ и другихъ большихъ центровъ жизни, а еще свѣжая, вѣчно обновляющаяся притокомъ дѣвственныхъ силъ народа. Присмотритесь къ городовымъ, дворникамъ, кондукторамъ на конкѣ; все народъ крупный, широкоплечій, съ румянцемъ и загаромъ, бодрымъ видомъ, живыми, блестящими глазами. Присмотритесь къ женщинамъ—и вы замѣтите преобладанье того же здороваго типа. Въ Кіевѣ очень много красивыхъ людей. Прежній малороссъ, буйный сѣчевикъ, который бралъ въ жены и татарку, и польку, и турчанку, и русскую, изъ поколѣнья въ поколѣнье сливалъ въ себѣ и ассимилировалъ всѣ оригинальныя особенности каждаго племени; а позже сліяніе его съ великороссомъ точно дополнило и нейтрализовало этотъ типъ. Въ особенности красивы кіевлянки. Навстрѣчу то и дѣло попадаются то хорошенькія, то симпатичныя личики, иногда чистаго малорусскаго типа, нѣсколько широкія или округленныя, съ тонкими чертами, красиво обведенными бровями и глубокими глазами, иногда—уже утратившія свою малорусскую характерность, со свѣтлыми глазами, то сѣрыми, то голубыми, при смуглой или матовой кожѣ и черныхъ волосахъ южанокъ.

Въ натурѣ кіевлянина, несмотря на смѣсь съ великороссомъ, все-таки преобладаетъ малорусскій элементъ. И это налагаетъ совсѣмъ своеобразный отпечатокъ на общественный темпераментъ. Въ немъ какъ-то больше простоты и мягкости, съ оттѣнкомъ какой-то поэтической и симпатичной жилки, чего-то задушевнаго. Малороссъ, при глубокомъ умѣ, во всемъ непосредственъ. Въ этомъ особенно ярко сказывается историческая канва, по которой вышивался складъ малороссійской натуры. Нѣтъ-нѣтъ—да и проглянетъ въ немъ совсѣмъ запорожскій размахъ, съ его страстностью и ширью. Поэтому, можетъ-быть, ни въ одномъ русскомъ городѣ нѣтъ такой отзывчивой, чуткой и искренней публики, какъ въ Кіевѣ. Я помню эту публику въ семидесятыхъ годахъ, когда дирекція театра вынуждена была вывѣшивать объявленія съ просьбой вызывать оперныхъ артистовъ *не болѣе трехъ разъ*, *) когда энтузіазмъ и оваціи дѣйствительно принимали какіе-то невозможные размѣры, и молодежь доходила до высшаго напряженія экстаза. О спектакляхъ

*) Кажется, такое распоряженіе существуетъ и теперь.

малорусской труппы ужъ и говорить нечего. Здѣсь хохлы прямо минуты спокойно высидѣть не могутъ. Непринужденность, искренность, взрывы заразительнаго смѣха и буря аплодисментовъ; зрительный залъ такъ и стонетъ отъ нѣги веселья и совсѣмъ дѣтскаго восторга. И надо думать, что если въ Кіевѣ и запрещаютъ играть постоянной труппѣ малороссовъ, то это отнюдь не вызывается опасеньемъ какихъ-нибудь сепаратистскихъ тенденцій, которыя могли бы скрываться въ малорусской драмѣ, а главнымъ образомъ желаньемъ избѣжать этого экстаза и напряженія, не обходящихся безъ инцидентовъ прискорбнаго свойства. Какъ-то лѣтомъ мнѣ пришлось попасть въ Шато-де-Флеръ. Дебютировалъ посредственный разсказчикъ малорусскихъ анекдотовъ. И, несмотря на это, публика просто бѣсновалась. Вызовамъ не было конца; болѣе десяти разъ бисировали. Таковъ уже хохолъ: если смѣяться—такъ смѣяться; если ему пріятно, такъ онъ хочетъ, чтобъ его подольше щекотали.

Кіевъ—городъ не только русскій, но и народный, такой же народный, какъ и Москва. Въ этомъ отношеніи между Одессой и Кіевомъ такая же неизмѣримая пропасть, какъ между Петербургомъ и Москвой. Будто нарочно, для симметріи, на югѣ Россіи, какъ и на сѣверѣ, создалось это соперничество между двумя городами. Народъ знаетъ Петербургъ, знаетъ и Одессу; и тотъ, и другой городъ очень популярны у него, и въ тотъ, и въ другой онъ стремится. Но народъ любитъ Москву, любитъ Кіевъ; какъ прошлое націи, оба они органически приросли къ народной душѣ. Вся исторія, вся героическая эпоха въ жизни русскаго народа, его былины, легенды, богатыри, его подвиги, вѣра, національное самосознаніе—все это тѣсно связано съ Кіевомъ и Москвой. Народъ идетъ и въ Одессу, и въ Петербургъ потому, что его соблазняетъ жизнь большого города или столицы и заработки; въ Москву и Кіевъ онъ идетъ не только поэтому, но и потому, что любитъ ихъ. Они манятъ его, какъ мѣсто, куда стремились грёзы дѣтства и юности, какъ колыбель русской души. Святыни Кіева такъ же дороги русскому сердцу, какъ и святыни Москвы, какъ Іерусалимъ для всѣхъ христіанъ, какъ Мекка для турка, какъ Римъ для католика. Русскій народъ идетъ въ Москву и Кіевъ, чтобы сдѣлать угодное Богу, идетъ изъ-за тысячъ верстъ выполнить священный обѣтъ, идетъ безъ гроша за душой, часто впроголодь; для того, чтобъ увидѣть Москву или Кіевъ и поклониться ихъ святынямъ, онъ совершаетъ цѣлый подвигъ. Полтораста тысячъ богомольцевъ, стекающихся сюда ежегодно, какъ бы еще больше подчеркиваютъ значеніе Кіева, какъ народнаго города.

И здѣсь, какъ и въ Москвѣ, нельзя отдѣлаться отъ какой-то атмосферы прошлаго, отъ ея обаянія. Каждый уголокъ будитъ въ душѣ историческія воспоминанія; въ воздухѣ будто носится прахъ тысячелѣтій.

По Крещатику прохожу къ Днѣпру. Впереди, изъ зеленой котловины, выступаетъ бѣлая колонна памятника крещенія, слѣва отъ

нея на горѣ возвышается памятникъ св. Владиміру. Фигура просвѣтителя Руси полна величаваго покоя и классической простоты. Это одинъ изъ самыхъ величественныхъ и прекрасно выполненныхъ монументовъ. Ничего вычурнаго, никакихъ идейныхъ аллегорій. Реально, красиво и просто, какъ проста и чиста христіанская идея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ этой массивной бронзовой двухсаженной фигуры съ гигантскимъ крестомъ, и отъ всего монумента, высота котораго отъ пьедестала до оконечности—девять саженъ, вѣетъ чѣмъ-то могучимъ, богатырскимъ, какъ та страна, которая увѣковѣчила въ бронзѣ образъ своего просвѣтителя. Памятникъ исполненъ барономъ Клодтомъ, талантливымъ творцомъ горельефовъ храма Спасителя, четырехъ группъ на Аничковомъ мосту и конной статуи императора Николая I.

Лучшаго мѣстоположенія для памятника нельзя было бы избрать. Онъ такъ же дополняетъ это мѣсто, какъ мѣсто—его. Теперь даже трудно было бы представить себѣ одно безъ другого, какъ памятникъ Петра Великаго безъ Невы, а набережную безъ этого чуднаго монумента. И тамъ, какъ и здѣсь, окружающій видъ какъ бы одухотворяетъ фигуру.

Съ площадки, что разстилается предъ памятникомъ, открывается чарующій видъ съ необозримымъ горизонтомъ.

За мной на холмахъ громоздится Кіевъ съ его стариной, съ его золотыми воротами, древними девятисотлѣтними церквами, съ Софійскимъ соборомъ, построеннымъ восемь съ половиною вѣковъ тому назадъ и подъ сводами котораго погребены—Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ и другіе кіевскіе князья, съ Михайловскимъ монастыремъ, основаннымъ около 8 вѣковъ тому назадъ, Десятинной церковью съ гробницами св. Владиміра и св. Ольги. Слѣва выдвигается на горѣ легкая, стройная, какъ юноша, Андреевская церковь, справа, внизу, въ зеленой кущѣ—памятникъ крещенія, надъ нимъ, на высокомъ обрывѣ, изящный павильонъ купеческаго собранія, а дальше, выростая изъ моря зелени, вздымается къ небу бѣлая въ золотой митрѣ колокольня Кіево-Печерской лавры, существующей болѣе восьмисотъ лѣтъ, и макушки ея шести монастырей. Какая глубокая старина, какая безконечная историческая даль, на фонѣ которой вырисовываются первые сподвижники христіанства въ Россіи—Иларіонъ, Антоній Печерскій, Ѳеодосій...

Внизу, начиная отъ подошвы Андреевской горы, тѣснится у рѣки Подолъ. Вдоль берега выстроились сотни баржъ; у пристаней десятки пароходовъ. По рѣкѣ снуютъ лодки и катера. Могучій Днѣпръ широко и вольно развернулся на безконечной равнинѣ, которая сливается съ далекимъ горизонтомъ, исчезая въ дымкѣ... Видъ очень похожъ на нижегородскій съ кремлевской стѣны. Та же безбрежная степь, та же извивающаяся по ней и уплывающая въ даль рѣка, тотъ же захватывающій и манящій просторъ. Даже Подолъ напоминаетъ Кунавино и ярмарку. Но въ днѣпровской панорамѣ болѣе нѣжный и ласкающій колоритъ, природа улыбается привѣтливѣй, краски кажутся ярче подъ синимъ бездоннымъ небомъ Украины.

Смотришь, смотришь—и не налюбуешься. Эти волшебные виды, этотъ чарующій просторъ, это тысячелѣтнее прошлое наполняютъ душу какимъ-то необъятнымъ чувствомъ. Въ воспоминаніи одна картина бѣжитъ на смѣну другой, изъ глубины вѣковъ выступаетъ толпа скиѳовъ, за ними поляне, радимичи, сѣверяне, Кій, Щекъ и Хоривъ, Аскольдъ и Диръ, мощная фигура Олега, съ его пророческими словами: «се буде мати городомъ русскимъ», дальше Ольга, Игорь, Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, поляки, осаждающіе городъ, нашествіе Батыя, Гедеминъ, пожары и опять нашествія татаръ, запорожцы, Сагайдачный, Богданъ Хмѣльницкій, еще цѣлая толпа призраковъ... Кажется, будто сливаешься съ этимъ прошлымъ, будто прахъ тысячелѣтій, носящійся въ сіяніи дня, устанавливаетъ какое-то общеніе между душой и тѣмъ міромъ другихъ жизней, которыя пронеслись здѣсь и растворились въ общемъ дѣлѣ могучей страны какимъ-то потокомъ жизненной энергіи, возродившейся въ новыхъ формахъ...

Глава XXXVIII.

Разговоръ о стиляхъ.—Владимірскій соборъ.—Внѣшній видъ.—Внутренность храма.—Византійская живопись.—Картины Васнецова, Свѣдомскаго, Катарбинскаго и Нестерова.—А. В. Праховъ.—Памятникъ Богдана Хмѣльницкаго.—Андреевская церковь.—На пароходѣ.—Выѣздъ изъ Кіева.—Дорожные разговоры.

26-е сентября.

Вчера вечеромъ мнѣ пришлось слыхать у моихъ знакомыхъ довольно любопытный споръ о стиляхъ. Рѣчь зашла о Владимірскомъ соборѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлка его стала близиться къ концу, въ кіевскомъ обществѣ о немъ говорятъ постоянно. И, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мнѣнія раздѣляются на двѣ группы, спорящіе—на два лагеря.

— Да вы византіецъ или «рококистъ»? спросила хозяйка дома полушутя, полусерьезно одного изъ спорившихъ.

И онъ, также шутя, хотя и не безъ вызова, отвѣтилъ.

— Рококистъ.

— А вы? обратилась хозяйка къ другому гостю.

— Я въ искусствѣ—опортунистъ,—сказалъ онъ смѣясь,—такъ какъ, по-моему, tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux. Въ искусствѣ, въ живописи, зодчествѣ, скульптурѣ всѣ роды хороши, гдѣ творчеству дана воля, гдѣ оно самобытно, оригинально, не стѣснено шаблономъ и педантизмомъ школы.

— Это значитъ?..

— Это значитъ, что и византійскій стиль, и готическій, и мавританскій, и рококо могутъ выливаться въ очень красивыхъ художественныхъ формахъ, пока ихъ не вымучиваютъ, втискивая въ рамки, не загромождаютъ деталями и не мѣшаютъ естественному

развитію фантазіи. Иначе—художественная работа сводится или къ рабскому копированію прототипа и старыхъ формъ, и, слѣдовательно, если не вырождается, то по крайней мѣрѣ застываетъ на одной и той же точкѣ, или, стѣсненная границами старыхъ формъ, создаетъ какую-нибудь неестественную, напыщенную пародію или композицію.

Для поясненія этого разговора слѣдуетъ замѣтить, что «византійцы»—сторонники архитектуры Владимірскаго собора, тогда какъ «рококисты»—Андреевской церкви, этого чуднаго шедевра Растрелли. Византійцы въ своихъ нападкахъ нѣсколько рѣшительнѣе рококистовъ.

— Помилуйте, да развѣ это стиль для храма? говорили они. Развѣ это удовлетворяетъ религіозной идеѣ, которая связана съ представленіемъ о храмѣ? Легкость, воздушность формъ, полетъ къ небу... Вотъ именно въ этомъ-то и бѣда, что легкость! Совсѣмъ какой-нибудь кіоскъ, бесѣдка или тѣ растреллевскіе изящные павильоны, которые раскинуты въ царскосельскомъ паркѣ. Развѣ есть въ этомъ зданіи какая-нибудь архитектурная тема? Присмотритесь—и вы увидите, что мотивъ его—судокъ для уксуса, горчицы и прованскаго масла.

— А вашъ византійскій стиль,—возражали рококисты,—развѣ это не варьяціи формъ какой-нибудь сахарницы или чайницы съ грушеобразной крышкой?

— Все-таки вы не станете отрицать, господа,—замѣтилъ «опортунистъ»,—что когда назначеніе храма—быть историческимъ памятникомъ эпохи и отраженіемъ извѣстнаго стиля, создавшаго или, если хотите, воспитавшаго національный вкусъ и національное искусство, то было бы по крайней мѣрѣ неумѣстно строить его по чуждому и намъ, и нашимъ предкамъ стилю, украшая живописью какой-нибудь фламандской школы.

Позвольте-съ, да почему вы думаете, что византійскій стиль—нашъ національный стиль, а не навязанъ намъ? Его тема—шатеръ, мы съ ней не имѣли ничего общаго. У насъ есть свой русскій стиль, и, ужъ если хотите, къ намъ ближе китайскій или индійскій стиль.

Теперь, подходя къ Владимірскому собору, я невольно вспоминаю этотъ разговоръ.

Храмъ, обращенный фасадомъ къ Бибиковскому бульвару, выдержанъ въ византійскомъ стилѣ эпохи расцвѣта. Онъ производитъ очень внушительное впечатлѣніе своей массой, своимъ продолговатымъ корпусомъ, увѣнчаннымъ семью башнями. Конечно, это не то впечатлѣніе, какое получается отъ храма Спасителя. Владимірскій соборъ вдвое ниже; высота его до креста главнаго купола—всего двадцать три сажени, при такой же длинѣ зданія. Это уже само по себѣ указываетъ на нѣкоторую архитектурную непропорціональность, лишающую легкости, стройности и гармоническаго единства цѣлое. Угадывается какой-то архитектурный промахъ. И дѣйствительно, соборъ былъ задуманъ архитекторомъ Штромомъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, какимъ и долженъ бы быть памятникъ, увѣко-

вѣчивающій одно изъ величайшихъ событій въ жизни Россіи и посвященный имени ея просвѣтителя; но, за недостаткомъ средствъ, поручили епархіальнному архитектору «урѣзать» планъ, а затѣмъ ужъ постройка была передана новому архитектору, Беретти, который тоже сдѣлалъ кое-какія измѣненія, благодаря чему зданіе дало трещину. Пятнадцать лѣтъ простоялъ соборъ на пустырѣ, поросшемъ бурьяномъ, но выдержалъ испытаніе. Трещины оказались не опасными, и въ 1877 г. приступили къ отдѣлкѣ храма, заложеннаго въ 1862 году.

Много украшаютъ соборъ семь башенъ со сквозными нишами и голубыми куполами. Золотые лучи, расходящіеся полосами изъ-подъ крестовъ, и золотыя звѣзды придаютъ куполамъ особенно нарядный видъ.

Работами по внутреннему устройству и украшенію храма завѣдуетъ съ 1883 года извѣстный знатокъ церковныхъ древностей, византійскаго письма и живописи, профессоръ кіевскаго университета А. В. Праховъ. Я кстати запасся визитной карточкой «съ рекомендаціей». Передаю ее сторожу. А. В. въ соборѣ. Онъ любезно принимаетъ меня и, послѣ обмѣна общими привѣтствіями, уѣзжаетъ. Сторожъ водитъ меня по храму. Тамъ и сямъ еще стоятъ лѣса.

Говорить подробно о своихъ впечатлѣніяхъ не стану, тѣмъ болѣе, что работы еще не закончены. Но все-таки оно очень сильное.

Общій колоритъ собора нѣсколько темноватый, какъ въ древнихъ храмахъ. И это, вмѣстѣ съ чрезвычайно характерно выдержанной византійской живописью и древней орнаментировкой, сразу обдаетъ васъ атмосферой другой эпохи, другого міра. Только присмотрѣвшись къ картинамъ, къ свѣжести красокъ, замѣтивъ, что грубые, элементарные, сухіе штрихи византійскаго письма послужили здѣсь лишь темой, лишь канвой, по которой выведены живыя лица со всей тонкостью и силой современной живописи и техники, вы можете отрѣшиться отъ этого ощущенья.

Сейчасъ же при входѣ бросается въ глаза написанный въ главномъ куполѣ, надъ алтаремъ, огромный образъ Богоматери съ Младенцемъ, окруженный, на манеръ Сикстинской Мадонны, облаками и ангелами. Это работа знатока византійской живописи, профессора Васнецова. О ней очень много говорили и говорятъ, восторгаясь вдохновеніемъ художника, который сумѣлъ сочетать строгій тонъ византійскаго стиля съ современнымъ вкусомъ и создать этотъ прелестный образъ.

Очень хороши глаза Мадонны. Черные, глубокіе, задумчивые, они устремлены на васъ какъ-то проникновенно, глядятъ какъ будто изъ другого міра. Образъ написанъ темными красками и, благодаря золотому фону, выдѣляется чрезвычайно рельефно. Позолота подернута легкой тѣнью, и это придаетъ ей прозрачный видъ. Очень оригинальны и эффектны крылья ангеловъ; то бѣлыя, то свѣтлокирпичныя, то голубыя съ зеленымъ отливомъ, они красиво, хотя и пестро, выступаютъ на золотомъ полѣ. Вообще позолоты въ

храмѣ очень много, и это, при замысловатой орнаментировкѣ, выдержанной въ строгомъ византійскомъ стилѣ, придаетъ внутренности его восточный колоритъ. Въ этомъ отношеніи трудъ А. В. Прахова, какъ знатока и ученаго изслѣдователя, который по историческимъ источникамъ сумѣлъ возстановить до мелочей въ гармоническомъ цѣломъ характерные византійскіе орнаменты, неоцѣнимъ.

Прекрасны картины П. А. Свѣдомскаго—Тайная Вечеря, Входъ въ Іерусалимъ, Распятіе, Моленіе въ Геосиманскомъ саду. Нѣкоторыя фигуры идеально хороши. Могучей кистью и съ потрясающей экспрессіей написано Распятіе; здѣсь художникъ выказалъ всю ширь и мощь своего таланта. Въ картинѣ «Спаситель на судѣ Пилата» удивительно реальна фигура Пилата и воиновъ. Картина прекрасно задумана и производитъ особенно сильный эффектъ благодаря тому, что помѣщена надъ мраморнымъ карнизомъ дверей; нарисованныя на ней мраморныя перила кажутся продолженіемъ мраморнаго карниза, вызывая полную иллюзію, и фигуры выдвигаются еще рельефнѣе. Такъ же хороша и реальна его же картина Воскрешеніе Лазаря.

Въ главномъ куполѣ и боковыхъ на потолкѣ написаны очень эффектныя картины художникомъ Катарбинскимъ. Особенно выдѣляется Духъ Божій, носящійся надъ водами, нѣсколько напоминающій по темѣ Бога Саваоѳа въ храмѣ Спасителя.

Изъ произведеній профессора Васнецова, написанныхъ исключительно на византійскіе мотивы, произведеній, которыми восторгаются любители и знатоки византійской живописи, мнѣ понравился нарисованный на стѣнѣ слѣва отъ алтаря образъ Богоматери. Фигура Ея, вся въ темномъ, выдѣляется какъ-то изящно и идеально легко, точно видѣнье. Необыкновенная чистота формъ и линій лица одухотворяютъ его какимъ-то неземнымъ выраженіемъ.

Очень красиво на темномъ фонѣ храма выступаетъ мраморная перегородка, отдѣляющая алтарь и замѣняющая иконостасъ. Она кажется легкой, какъ ажурная работа; бѣлыя мраморныя колонны съ капителями изъ розоваго мрамора стройно поддерживаютъ ее.

Какъ и въ храмѣ Спасителя, здѣсь на хорахъ, окруженныхъ рѣшеткой, какъ бы связывающей арки и своды, устроены также два алтаря надъ нижними боковыми алтарями. Оба они изъ сѣраго мрамора, прекрасной работы. Особенно хороши и эффектны византійскія мраморныя колонны въ видѣ сплетающихся змѣй.

Стѣны всюду покрыты фресками, характерными византійскими орнаментами и символическими фигурами. Темой отчасти послужила стѣнная живопись Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря. Всѣ тонкія мраморныя работы, какъ барельефы, нѣкоторыя колонны и рѣзьба капителей, исполнялись въ Каррарѣ.

На хорахъ въ лѣвомъ алтарѣ помѣщается замѣчательная картина художника Нестерова—Воскресеніе Христово. Замѣчательная не только потому, что она исполнена художественно и о ней много говорятъ (хотя тоже и за, и противъ), но и потому, что она въ особенности захватываетъ, и именно здѣсь, какъ рѣзкій контрастъ

съ общимъ тономъ живописи собора. Прежде всего, послѣ темнаго фона она сразу обдаетъ васъ какимъ-то сіяніемъ. Переходъ отъ реальной кисти Свѣдомскаго и рельефныхъ штриховъ византійской живописи Васнецова къ этимъ нѣжнымъ, тающимъ линіямъ уже самъ по себѣ производитъ нѣкоторый эффектъ.

Фонъ картины—блѣдный, зелено-голубой овалъ въ нѣжныхъ, едва уловимыхъ переливахъ отъ голубого къ зеленому, какъ въ радугѣ. Таковы тона утренняго сіянія, зари. И ликъ Спасителя, выступающій изъ этого сіянія, имѣетъ необыкновенно идеальный видъ. Чистота, прозрачность и легкость фигуры, красота формъ и воздушность тканей придаютъ Ему совсѣмъ безплотный видъ. Это—дѣйствительно Богочеловѣкъ, божественная душа Котораго временно вселилась въ оболочку человѣческой жизни. Идеальная чистота лица, въ которомъ все-таки сохраненъ восточный типъ, и какое-то кроткое, но вдохновенное сіяніе глазъ невольно располагаютъ къ молитвѣ.

Въ общемъ Владимірскій соборъ, какъ историческій памятникъ, производитъ очень сильное впечатлѣніе и кажется какимъ-то отраженіемъ византійскаго міра и древней Руси, будто воскрешенныхъ мастерской рукой знатока.

Отсюда, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ разговоровъ, ѣду посмотрѣть на Андреевскую церковь.

Предъ Софійскимъ соборомъ на площади возвышается эффектный монументъ Богдану Хмѣльницкому. По темѣ онъ нѣсколько напоминаетъ памятникъ Петру Великому. Гранитный постаментъ въ видѣ неправильно отесанной глыбы грубоватъ. Но фигура великаго гетмана очень хороша, полна жизни и энергіи. Моментъ и поза, вызывающая и вдохновенная, схвачены прекрасно. Правой рукой, въ которой гетманская булава, Хмѣльницкій указываетъ на сѣверъ, по направленію къ Москвѣ, лѣвой сдерживаетъ коня. Гордый порывъ, типичность могучаго запорожца и какая-то дикая, стихійная сила—воплощены удачно. Но богатырская фигура славнаго гетмана слишкомъ велика сравнительно съ конемъ. Говорятъ, что казацкія лошади вообще не большія. Но все-таки онѣ не пони. На одной сторонѣ памятника высѣчены знаменательныя слова—«волимъ подъ царя восточнаго, православнаго», слова, въ которыхъ увѣковѣчено сліяніе двухъ братьевъ, на другой—«Богдану Хмѣльницкому единая и недѣлимая Россія—1654—1888».

Миную Десятинную церковь. Впереди, на крутомъ холмѣ, надъ Андреевскимъ спускомъ вырастаетъ бѣлый съ серебряной главой профиль Андреевской церкви.

Высота ея—двадцать саженей; фундаментъ подъ ней углубленъ почти на столько же*). Высокая чугунная лѣстница ведетъ на чугунную паперть, надъ которой вырастаетъ корпусъ церкви съ четырьмя симметричными фронтонами; между ними группы колоннъ коринѳскаго ордена съ золочеными капителями; надъ колоннами

*) „Путеводитель по Кіеву" г. Бублика.

вздымаются легкія, стройныя башни тоже съ коринѳскими колоннами, но поменьше. Куполъ будто увѣнчанъ серебрянымъ колоколомъ.

Все это, необыкновенно пропорціональное, сливается въ такое гармоническое цѣлое, что зданіе кажется какимъ-то единымъ, какъ существо, организмомъ. Нигдѣ, какъ здѣсь, не чувствуется, какое существенное условіе въ архитектурномъ произведеніи составляетъ пропорціональность и гармонія частей. На одинъ вершокъ прибавить или убавить что-нибудь—и эта легкость, стройность и гармонія цѣлаго были бы нарушены.

Внутри церковь не производитъ того впечатлѣнія, что снаружи. Она мала, ярко-красный цвѣтъ иконостаса, несмотря на торжественный видъ, нѣсколько рѣзковатъ; бѣлыя рѣзныя фигуры и золоченые орнаменты слишкомъ выдѣляются.

Въ церкви нѣсколько богомолокъ-малороссіянокъ въ чоботахъ, чалмахъ и свиткахъ. На простыхъ лицахъ—выраженіе благоговѣнія. Ступаютъ неуклюже, стуча подкованными каблуками, хотя и стараются ходить на цыпочкахъ. Одна изъ нихъ спрашиваетъ монаха, какіе поклоны нужно класть предъ однимъ изъ образовъ.

— Не кладите земныхъ, а только поясные. И богомолки въ точности исполняютъ это указаніе, нагибаясь до пола. А въ дверяхъ показывается новая горсть богомольцевъ.

Съ паперти открывается видъ и на Подолъ, начинающійся у самаго подножія горы, и на Днѣпръ, и на памятникъ Владиміра.

По преданію, еще въ первомъ вѣкѣ апостолъ Андрей Первозванный на этой горѣ водрузилъ крестъ среди жившихъ тогда здѣсь скиѳовъ.

Вечеромъ я въ оперѣ. Даютъ «Африканку». Театръ переполненъ. Потомки тѣхъ, кто изъ вѣка въ вѣкъ враждовалъ здѣсь, проливая свою кровь, слились въ мирную толпу, наслаждающуюся музыкой, которая будитъ въ ихъ душахъ новыя чувства, раскрываетъ предъ ними новый міръ.

. . . .

28-е сентября.

Полдень. Пароходъ Русскаго Общества «Надежда» отходитъ на Гомель. Къ пристани подъѣзжаетъ господинъ въ дорожномъ костюмѣ и фуражкѣ. На его нервномъ загорѣломъ лицѣ и въ большихъ темныхъ глазахъ замѣтно утомленіе. Носильщикъ тащитъ чемоданы, оклеенные багажными билетиками, и сакъ. «Господинъ» подходитъ къ кассѣ, справляется, довольно ли воды въ Днѣпрѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, покупаетъ билетъ. Однако его беретъ сомнѣніе, и онъ вторично спрашиваетъ кассира, глядя на него недовѣрчиво:

— Вы скажите откровенно. Мнѣ надо къ сроку. Въ прошломъ году я попалъ въ мелководье—такъ вмѣсто сутокъ почти три дня ѣхалъ. Одна мука.

Кассиръ еще разъ успокоительнымъ тономъ увѣряетъ, что воды

довольно. «Господинъ» нервной походкой пробирается сквозь густую толпу палубныхъ пассажировъ въ первый классъ. За нимъ несутъ и багажъ. Въ каютѣ оказывается довольно много публики. Этого, очевидно, онъ не ожидалъ; на его лицѣ—и разочарованіе, и досада. Однако, ему все-таки удается занять уголъ и онъ сейчасъ же устраиваетъ въ немъ свое маленькое «у себя» со сноровкой человѣка, который давно и долго путешествуетъ и привыкъ приспособляться въ дорогѣ къ разнымъ положеніямъ. Мы такъ и будемъ называть его путешественникомъ. Появленіе «путешественника», видимо, вызываетъ къ нему нѣкоторое вниманіе со стороны другихъ пассажировъ. Во взглядахъ мелькаетъ любопытство людей, заинтересованныхъ новымъ лицомъ. «Путешественникъ», устроившись «у себя», окидываетъ спутниковъ быстрымъ, испытующимъ взглядомъ наблюдателя. Компанія, какъ случается иногда на днѣпровскихъ пароходахъ, совсѣмъ культурнаго фасона. Два типичныхъ бѣлорусскихъ помѣщика, одинъ пожилой и представительный полякъ, должно-быть тоже изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какой-то путеецъ, кажется изъ «водяныхъ», молодой блондинъ съ добродушнымъ румянымъ лицомъ и курносый, еще четыре довольно важныхъ господина, двое изъ которыхъ, плотные брюнеты, лѣтъ за сорокъ, одинъ только при черныхъ усахъ, другой съ баками и пробритымъ подбородкомъ,—не то евреи-коммерсанты, не то рижскіе нѣмцы. Позже появляется еще нѣсколько пассажировъ и между ними два офицера, саперъ и артиллеристъ. Саперъ, смуглый молодой брюнетъ съ бѣлымъ лбомъ и кирпичными отъ загара выбритыми щеками, должно-быть малороссъ. Артиллеристъ тоже молодой, но блондинъ, съ русыми усами, тонкимъ носомъ съ горбинкой и сѣрыми глазами; по худощавому лицу то и дѣло бѣгаетъ «нервный токъ». Что-то въ немъ напоминаетъ западнаго славянина, не то поляка, не то чеха.

Раздается гудокъ. Пассажиры выходятъ на капитанскую площадку. Здѣсь уже сидятъ нѣсколько дамъ и студентъ, брюнетъ съ типичнымъ лицомъ еврея.

На палубѣ пестрая толпа. Бѣлорусскій, великорусскій и малорусскій говоръ сливается съ еврейскимъ. Есть артель орловцевъ—каменьщиковъ, возвращающихся въ Брянскъ, есть сплавщики лѣса, крестьяне изъ Пинскаго уѣзда, есть приднѣпровскіе малороссы, нѣсколько солдатъ, много бабъ съ дѣтворой. Палуба уже засыпана сѣмечками. Дымъ махорки, запахъ керосина, машиннаго масла, селедки и кухни смѣшивается съ клубами пара. Гдѣ-то пищитъ гармоника.

Пароходъ зашумѣлъ колесами, отодвигается отъ изящнаго павильона пристани, на которой толпится публика. Панорама живописныхъ кіевскихъ береговъ начинаетъ колыхаться и разворачиваться. Вдали, подлѣ перекинутаго черезъ Днѣпръ цѣпного моста, выступаютъ бойницы и стѣны крѣпости, выше каменная ограда лавры, вздымающей къ синему небу свою огромную златоглавую башню и колокольни монастырей, ближе, надъ каменистымъ обры-

вомъ, выдвигается павильонъ купеческаго собранія, внизу выглядываетъ бѣлая колонна памятника Крещенія, надъ ней на горѣ монументъ Владиміра, кажущійся совсѣмъ чернымъ на синевѣ неба, у подножія горы, по склону Александровскаго спуска, шпалеры домовъ, мимо которыхъ бѣжитъ вагонъ электрическаго трамвая, дальше—нѣсколько золотыхъ макушекъ колоколенъ и, наконецъ, надъ громадами Подола, на фонѣ зелени и неба, вырастаетъ, сверкая серебромъ, ярко-бѣлая, стройная, легкая Андреевская церковь. Она точно паритъ въ воздухѣ.

Пронеслась набережная съ пестрыми фасадами домовъ, пристанями, пароходами и баржами, волнистые зеленые берега Кіева отодвинулись, а Андреевская церковь еще будто выросла, еще больше врѣзалась своей колокольней въ синій куполъ. Она стала легче, воздушнѣй, она уже кажется какимъ-то бѣлымъ призракомъ царственнаго юноши, съ вѣрой глядящаго на небо.

Волшебная панорама Кіева уплываетъ, таетъ и исчезаетъ легкими сизыми облаками въ дымкѣ. На правомъ берегу въ зеленой раковинѣ, изъ-за горъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ, выступаютъ бѣлые корпуса и колокольни Межигорскаго монастыря. Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ Днѣпра. Дальше волнистая береговая линія все понижается, гладкая безбрежная степь точно море расползается во всѣ стороны до самаго горизонта. Ничего, кромѣ неба, степи да широкой рѣки, обрамленной кустарникомъ. Навстрѣчу по зеркалу Днѣпра беззвучно скользятъ плоты, да изрѣдка, волнуя воду, бѣжитъ пароходъ. Солнце сіяетъ, но уже не такъ ярко, и въ воздухѣ носится дыханіе холодной осени сѣвера.

За обѣдомъ между пассажирами завязывается оживленный разговоръ.

— А вы, должно-быть, издалека? спрашиваетъ кто-то «путешественника».

— Почему вы такъ думаете? И онъ, улыбнувшись, смотритъ на пассажира.

— Да вотъ сужу по багажнымъ билетикамъ на вашихъ чемоданахъ. Путешествовали?

— Вы угадали.

— И далеко изволили ѣздить?

— А вотъ—началъ я съ Бѣлоруссіи, потомъ на Москву проѣхалъ, въ Нижній, оттуда по Волгѣ и Каспійскому морю на Кавказъ, затѣмъ въ Крымъ, Одессу, Бессарабію и, наконецъ, Кіевъ, а теперь вотъ ѣду по Днѣпру въ Минскъ.

— Ого, интересная поѣздка. И долго изволите вояжировать?

— Да вотъ два мѣсяца.

— Быстро. Вѣдь это, пожалуй, около восьми тысячъ верстъ составитъ? Цѣлое путешествіе.

— Мнѣ самому казалось такъ, когда я набрасывалъ маршрутъ. А теперь вижу, что это не больше, какъ круговое partie de plaisir, клочекъ Россіи. Два мѣсяца скитаюсь—и все-таки почти на мѣстѣ... Посмотрите-ка (онъ указываетъ на карту), какое это пространство...

Привислянскій край, Прибалтійскій, Финляндія, весь сѣверъ, весь центръ, весь востокъ за Волгой, а дальше безконечный океанъ Сибири. Жизни не хватило бы, чтобъ изъѣздить все это.

— Да, дистанція огромнаго размѣра. Что же, вы такъ себѣ ѣздили или съ какой-нибудь цѣлью?

— Какъ бы вамъ сказать? Хотѣлось посмотрѣть на Россію и составить себѣ хоть приблизительное понятіе о родинѣ.

— И что-же? Интересно?

— Очень.

— Какое же впечатлѣніе въ общемъ вы вынесли?

— Самое хорошее.

— Вотъ какъ? Я, признаться, по Россіи мало путешествовалъ,— говоритъ одинъ изъ пассажировъ не безъ иронической улыбки,— хотя и изъѣздилъ весь западъ Европы. Путешествія у насъ обставлены такъ неудобно. И потомъ, собственно говоря, ничего интереснаго. Что я увижу? Степь, народъ, неблагоустроенные города, нашу некультурность. За границей—я понимаю. Пріѣхалъ въ Парижъ, Римъ, Берлинъ, тамъ есть на что посмотрѣть, каждый городъ—цѣлый музей достопримѣчательностей. А у насъ что? Изволь отмахать какихъ-нибудь пятьсотъ верстъ, чтобы потомъ тебѣ показали старинную церковь или башню Сумбеки, или что-нибудь въ такомъ родѣ. Эка невидаль! И, главное, поѣздка-то у насъ обойдется вдвое дороже. Вѣдь вотъ хоть вы. За эти же деньги могли бы по крайней мѣрѣ въ Парижъ съѣздить. Сколько вамъ обошлась ваша поѣздка, простите за нескромный вопросъ?

«Путешественникъ», видимо, начинаетъ волноваться и нервничать. Нѣсколько разъ онъ порывается перебить своего собесѣдника, но сдерживаетъ себя. Во взглядѣ его вспыхиваетъ огонекъ.

— Вопросъ вовсе не нескромный, а очень естественный и понятный, разъ вы русскій,—говоритъ онъ торопливо.—Обошлось мнѣ это удовольствіе около тысячи рублей, но благодаря, во-первыхъ, моей личной безалаберности и тому, что я денегъ не щадилъ, а вовторыхъ — нашему неумѣнію путешествовать. Англичанинъ или французъ проѣздилъ бы четыреста рублей. А если бы у насъ были компаніи для круговыхъ поѣздокъ, какъ за границей, то такой маршрутъ обошелся бы не болѣе двухсотъ рублей.

— Вы говорите, что вынесли хорошее впечатлѣніе. Что же собственно настроило васъ на этотъ ладъ?

— Прежде всего,—отвѣчаетъ «путешественникъ»,—я увидалъ гигантскую работу гигантскаго русскаго организма, самосознаніе котораго растетъ и который все больше и тѣснѣй сплачивается или, если хотите, ассимилируется въ единое тѣло. Пока я ѣздилъ, я все время чувствовалъ себя въ невѣроятной національной кашѣ, которую будто вымѣшивала какая-то исполинская ложка судьбы для того, чтобы люди въ этомъ общеніи скорѣй слились въ братскую семью. Во-вторыхъ, глядя на эту картину, я чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, что я русскій, что я клѣточка этого гигантскаго, мірового организма, что я не какой - нибудь вольный

швейцарскій гражданинъ, для котораго за предѣлами его государства-уѣзда связь съ людьми слабѣетъ и замыкается міръ его гражданской дѣятельности. Я былъ счастливъ отъ сознанія, что вездѣ не только на пространствѣ этихъ восьми тысячъ верстъ, но десятковъ тысячъ верстъ, я у *себя*, среди *своихъ*, что мнѣ не надо, проѣхавъ какихъ-нибудь сто верстъ, возиться съ разными таможнями, чувствовать себя чужестранцемъ, говорить на другомъ языкѣ, примѣняться къ складу чужой жизни, ломая свою, и все-таки быть чужимъ. Мнѣ было пріятно, что и та идейная работа, которую я вношу въ общій трудъ страны, какъ бы мала она ни была, не ограничивается узкимъ райономъ, за предѣломъ котораго она—ничто, а сливается съ этой грандіозной работой, и что моя личность связана съ интересами человѣчества на такомъ безграничномъ пространствѣ, что, наконецъ, жизнь на русской окраинѣ, отстоящей на какой-нибудь десятокъ тысячъ верстъ, тоже *моя* жизнь и такъ же близка мнѣ, какъ и та, что вокругъ меня.

— Все это прекрасно,—замѣчаетъ скептически одинъ изъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ, господинъ довольно желчнаго темперамента и, надо думать, судя по корректности и суховатому тону, изъ отставныхъ чиновниковъ, осѣвшихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.— Но вотъ вы сказали объ этой ассимиляціи. Что-жъ, и евреи, напримѣръ, и поляки, по-вашему, сливаются, проявляютъ тяготѣніе къ сліянію.

Случайно или умышленно, но кто-то изъ пассажировъ прерываетъ этотъ разговоръ.

— Мы, кажется, приближаемся къ устью Припети?

Большинство, въ томъ числѣ «путешественникъ» и бѣлорусскій помѣщикъ, выходятъ на капитанскую площадку. На западѣ разливается цѣлое озеро, окрашенное пурпуромъ заката. На сѣверѣ, плывя въ бахромѣ береговъ, Днѣпръ отражаетъ этотъ пурпуръ алыми переливами. Безбрежная степь, надъ которой вздымается розовая пелена тумана, все глубже погружается въ надвигающіяся сумерки осенняго вечера.

Глава XXXIX.

Еврейскій вопросъ.—Что дѣлать?—„Лѣвая рука“ человѣчества.—Грядущее вырожденіе евреевъ.—Разсказъ студента.—Польскій вопросъ.—„Буферные“ менты.—Любечъ.—Гомель.—„Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки“.

Однако, по возвращеніи всей компаніи въ каюту, прерванный разговоръ возобновляется. Толчекъ ему даетъ опять-таки желчный бѣлорусскій помѣщикъ, повторивъ свой вопросъ довольно настойчиво и какъ будто и не безъ ехидства. Очевидно—въ душѣ его набралось много накипи и противъ евреевъ, и противъ поляковъ. Можно даже подумать, что онъ нарочно наводитъ разговоръ на эту непріятную для нѣкоторыхъ спутниковъ тему, разсчитывая, пожалуй, на наивность и экспансивность «путешественника». По-

слѣдній не безъ колебанія оглядываетъ присутствующихъ. Кое-кто изъ пассажировъ пьетъ чай. Польскій помѣщикъ какъ-то быстрѣй начинаетъ мѣшать ложечкой въ стаканѣ, артиллеристъ нервно перелистываетъ русскій романъ, подсѣдая ближе къ свѣчѣ, два господина, оказавшіеся крупными гомельскими коммерсантами евреями, а не рижскими нѣмцами, какъ думалъ было сначала «путешественникъ», заказали общую порцію чая и пьютъ на компанейскихъ началахъ.

— Какъ бы вамъ сказать,—начинаетъ перѣшительно «путешественникъ», чуть улыбнувшись, больше для того, чтобъ отвѣтить на улыбку сапера, переглянувшагося съ нимъ. — Вы слишкомъ ребромъ ставите вашъ вопросъ. Но разъ ужъ объ этомъ зашла рѣчь—что-жъ... Я думаю—присутствующіе на меня не посѣтуютъ, тѣмъ болѣе, что намъ вообще приходится такъ рѣдко говорить, а такіе вопросы всегда слѣдуетъ выдвигать. Знаете ли, ѣхалъ я по востоку—и все время никакихъ этихъ польскихъ и еврейскихъ вопросовъ не было. Только очутился на западѣ—опять они выплыли. И теперь, возвращаясь въ Сѣверо-Западный край, я испытываю гнетущее чувство отъ сознанія, что снова приходится стать лицомъ къ лицу съ ними. Противно просто. И даже не только противно, а какъ-то дико все это. Взять бы хоть еврейскій вопросъ. Недоумѣваешь, какъ этотъ народъ, несомнѣнно умный и способный, не додумался до сихъ поръ до какого-нибудь рѣшенія его, до какого-нибудь выхода. Чего онъ ждетъ, на что надѣется? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы стодвадцатимилліонный государственный организмъ передѣлалъ себя на его ладъ. Остается одно,—и это неизбѣжно,—слиться ручью съ моремъ, ассимилироваться. Россія не настаиваетъ, чтобъ евреи перестали молиться своему Богу. Если-бъ она этого желала, въ Россіи давно бы не было ни одного еврея. Но она требуетъ, чтобъ евреи стали русскими, чтобъ они слились съ русскимъ организмомъ, чтобъ эти пять милліоновъ не были разрозняющимъ и тормазящимъ объединеніе страны элементомъ, чтобъ они были такими же гражданами, такими же полезными членами общества, какъ и остальные.

— Извините, пожалуйста, что я вмѣшиваюсь въ разговоръ,—замѣчаетъ одинъ изъ гомельскихъ коммерсантовъ, владѣлецъ большого аптекарскаго склада и, какъ оказывается, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Говоритъ онъ сдержанно, солидно, густымъ баритономъ и почти безъ акцента. На его лицѣ съ бритымъ подбородкомъ и черными баками пробѣгаетъ тѣнь не то раздраженія, не то досады. — Разъ вы заговорили объ евреяхъ, а я самъ еврей,—я думаю, что мнѣ можно высказать нѣсколько словъ. Для того, чтобъ евреи слились съ русскими, надо дать имъ возможность, дать имъ права, которыя имѣютъ всѣ русскіе граждане; позвольте имъ пользоваться тою землей, на которой они стоятъ, воздухомъ, которымъ дышатъ другіе.

— Имъ были даны эти права,—отвѣчаетъ «путешественникъ»,—и они ихъ попрали, вызвавъ вновь стѣснительныя мѣры. Имъ было

дано право стать помѣщиками—они сейчасъ же закупили половину губерніи и, не занимаясь хозяйствомъ сдали свои имѣнія въ аренду. Вы скажете, что и русскіе помѣщики часто не обрабатываютъ своей земли? Да, это такъ. Но государство все-таки знаетъ, что на землѣ сидитъ свой человѣкъ, который не индиферентенъ въ національномъ отношеніи и постоитъ за свою страну. Имъ устроили земледѣльческія колоніи—и что они сдѣлали? Вотъ я сейчасъ ѣду изъ Бессарабіи. Тамъ десятки этихъ колоній. А хотите знать, чѣмъ тамъ занимаются колонисты? Ни одной пяди земли эти колонисты не обрабатываютъ своими руками. Они завели сейчасъ же лавочки и занимаются торговлей. Эта легкая профессія, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, стала органической потребностью націи. Ея другія способности вырождались въ ущербъ коммерческой. Она отвыкла отъ земли...

— Вотъ-вотъ,—перебиваетъ коммерсантъ,—я готовъ и самъ не отрицать этого. Но я замѣчаю въ вашихъ словахъ нѣкоторое противорѣчіе. Сейчасъ вы сказали, что нація отвыкла отъ земли, а раньше замѣтили, что колонисты и помѣщики-евреи все-таки, имѣя даже возможность, не обрабатываютъ сами земли. Согласенъ. Но какъ же, признавая, что вырожденіе это совершалось постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, вы вдругъ хотите, чтобы возрожденіе совершилось въ первомъ же поколѣніи? Дайте имъ время, дайте имъ втянуться въ свое новое положеніе, войти, такъ сказать, во вкусъ.

Тема разговора все больше заинтересовываетъ пассажировъ. Кое-кто начинаетъ принимать въ немъ участіе. Еврей-студентъ, сидѣвшій до сихъ поръ молча на диванѣ, подсаживается къ столу.

— Виноватъ,—говоритъ «путешественникъ»,—но, я думаю, вы не станете требовать, чтобы человѣческая семья возилась со своими больными членами изъ вѣка въ вѣкъ, предоставляя имъ льготы, удобства и ожидая, пока они выздоровѣютъ.

— А почему бы не такъ?—замѣчаетъ студентъ.—Если еврейскій вопросъ назрѣлъ въ такую болѣзнь, то потому, что въ этомъ виновато и человѣчество. Оно лишало его правъ, оно преслѣдовало его вѣками, оно заставило сплотиться его тѣснѣй, изолировало его въ общечеловѣческой семьѣ.

— Надо думать, что это произошло и не безъ вины евреевъ. Загляните въ исторію. Есть ли на землѣ другая нація, которая тысячелѣтіями отстаивала бы свою обособленность, не слившись съ обществомъ, въ которомъ живетъ. Мало того, сознавая, что человѣчество относится враждебно къ ней, она никогда не пыталась такъ или иначе найти выходъ изъ этого положенія, а упрямо продолжала свое, изворачиваясь всѣми путями, всѣми средствами. И что же получилось? Взгляните на эту драму, вникните въ нее. (Простите, я буду откровененъ: вы настолько освоились съ этимъ положеніемъ, со всѣми расовыми аномаліями вашего племени, что даже не видите ихъ, неспособны отнестись къ нимъ критически и безпристрастно. Вамъ все кажется, что по ненависти, по злобѣ говорятъ такъ, а не потому, что вы таковы на самомъ дѣлѣ. Ахъ,

если бы вы могли посмотрѣть на себя со стороны! И еще разъ— простите, господа! Мнѣ очень больно и грустно говорить все это. Я думаю, что имѣю дѣло съ интеллигентными людьми, которые понимаютъ, что я подразумѣваю массу).

Коммерсантъ и студентъ киваютъ головой и, не безъ ироническаго огонька во взглядѣ, замѣчаютъ: пожалуйста.

— Я говорю,—продолжаетъ «путешественникъ»,—что евреи не пытались такъ или иначе найти выходъ изъ этого положенія, кромѣ развѣ мечты образовать новое іудейское царство. Они всегда считали себя правыми, не признавая ни новыхъ теченій мысли, ни требованій новаго времени, ни христіанскаго міра. И посмотрите, какая кара постигла ихъ за эту отчужденность отъ остального человѣчества, за нежеланіе слиться съ нимъ. Какъ вывелъ ихъ Титъ тысячу восемьсотъ съ чѣмъ-то лѣтъ тому назадъ изъ Іудеи (въ недобрый часъ!), такъ и скитаются они, безъ твердой почвы, безъ своего уголка земли, окруженные вѣчной ненавистью народовъ. Вѣчной ненавистью! Подумайте! Да развѣ можетъ быть большее проклятіе, большее наказаніе? Они потеряли связь съ землей, любовь къ ней, они не знаютъ того наслажденія, которое даетъ человѣку земледѣльческій трудъ. Они потеряли связь съ человѣчествомъ, лишились гражданскихъ правъ. Всѣ эти чувства изъ поколѣнія въ поколѣніе вырождались и атрофировались. Всѣ духовныя и умственныя силы націи концентрировались у одной профессіи, торговли, составлявшей ея главный modus vivendi. Время шло. Человѣчество все болѣе усвоивало взглядъ, что евреи—паразиты въ его семьѣ, что они ничего не внесли въ общечеловѣческій трудъ. Евреи, лишенные правъ, все больше замыкались въ себѣ, все больше ненавидѣли человѣчество... Въ результатѣ—какая мрачная и дикая картина. Обоюдная ненависть разражалась грозой, изъ вѣка въ вѣкъ продолжались убійства, гоненія, вражда и погромы. Возьмите хоть бы евреевъ въ Россіи... Вѣдь подумайте только: первое избіеніе евреевъ въ Кіевѣ было въ 1092 году. Восемьсотъ лѣтъ тому назадъ! И за восемьсотъ лѣтъ отношеніе человѣчества къ евреямъ не измѣнилось. То, что тогда могло быть вызвано фанатизмомъ, суевѣріемъ и народной дикостью, повторяется теперь въ культурной странѣ, и у насъ, и въ Австріи, и въ Германіи. Господа, да что-жъ это такое? Неужели вы не сознаете, что пора прекратить весь этотъ ужасъ, что первый шагъ къ этому должны сдѣлать вы и въ особенности вы, еврейская интеллигенція! Неужели вы не сознаете всего ужаса положенія своего народа и своего собственнаго,— ужаса, который грозитъ не только извнѣ, какъ все больше накопляющаяся ненависть къ вамъ человѣчества, но ужаса, который гнѣздится внутри племени, грозя ему окончательнымъ вырожденіемъ и моральнымъ разложеніемъ. Помните идеи Дарвина, предсказывающаго, что человѣчество, по закону наслѣдственности, должно со временемъ остаться безъ лѣвой руки, дѣятельность которой все больше атрофируется? Евреи въ организмѣ человѣчества—это та же лѣвая рука; еврейскую націю, если подобное положеніе будетъ

продолжаться, неизбѣжно ждетъ и физическое, и психическое вырожденіе. А это положеніе не только продолжается, но и ухудшается. Еврейскій пролетаріатъ все нарастаетъ, въ полномъ отчужденіи и обособленности отъ интересовъ страны; онъ глохнетъ въ невѣжествѣ и дикомъ фанатизмѣ. Эта замкнутая въ себѣ, нищая масса, ложась пятномъ на всю націю, станетъ изо-дня въ день порождать еще большую рознь и ненависть христіанъ. И не забудьте, что какъ ни обширна Россія, а и въ ней становится все тѣснѣй и тѣснѣй, и что русскій человѣкъ, переселяющійся на востокъ, начинаетъ все больше сознавать, что на западѣ, какъ разъ на границѣ съ его врагами, есть пять милліоновъ людей, которые занимаютъ его мѣсто, оставаясь чуждыми его родинѣ. Народъ вашъ всего этого, можетъ-быть, не сознаетъ. Но вы, интеллигенція, что вы сдѣлали, что вы дѣлаете для того, чтобы просвѣтить темную массу вашего народа, заставить ее отбросить свою узко-національную замкнутость и хламъ ненужныхъ предразсудковъ, пріучить ее къ дѣятельному труду и заставить проникнуться общей душой, общими интересами страны, въ которой она живетъ? Ничего! Мало того, что ничего, — вы еще не хотите выслушивать правды, которую вамъ высказываютъ изъ хорошихъ побужденій, вы замалчиваете ее, вы готовы даже купить печать, лишь бы противъ васъ не говорили. А зло все больше накопляется. И не думайте, что это враждебное чувство къ вамъ только въ народной массѣ; оно есть и въ интеллигенціи, даже въ тѣхъ, кто желалъ бы подавить его въ себѣ. Господа, задумайтесь-ка надъ такимъ фактомъ. Недавно мнѣ пришлось назначить день для поѣздки по желѣзной дорогѣ. Я рѣшилъ было выѣхать въ пятницу. Но мнѣ отсовѣтовали. Мотивъ, который мнѣ выставили, чтобъ убѣдить меня, ужасенъ, если вдуматься въ него. Мнѣ сказали: теперь, послѣ еврейскихъ праздниковъ, поѣзда будутъ переполнены евреями. Поѣзжайте лучше въ субботу, жидовъ не будетъ. И я согласился. Я полноправный гражданинъ Россійской имперіи, я у себя дома, а между тѣмъ, чтобы не терпѣть непріятностей и неудобствъ отъ общенія съ чуждыми мнѣ людьми, я вынужденъ ѣхать не тогда, когда мнѣ надо, но тогда, когда я могу. Что-жъ это такое? И не забудьте, господа, что я былъ воспитанъ въ полной національной терпимости, что я не ненавижу евреевъ, а жалѣю ихъ... Что же думаютъ и чувствуютъ другіе? Фактъ неотвратимый, его нельзя игнорировать, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ такъ или иначе. Этого требуетъ не только напряженность соціальнаго кризиса, который переживаетъ еврейство, этого требуетъ Россія. Она пролила слишкомъ много крови за свое объединеніе и ей вовсе не желательно, чтобы въ ея массѣ былъ чуждый элементъ, мѣшающій полному сліянію.

Надо полагать—у «путешественника» давно назрѣвали и накипали всѣ эти мысли, такъ какъ онъ выпускаетъ ихъ сразу, съ нервной торопливостью, какъ одинъ зарядъ. Въ спорѣ постепенно принимаетъ участіе вся компанія. И такъ какъ бесѣда ведется въ кругу

интеллигентныхъ людей, то тонъ ея не переходитъ границъ приличія, не принимая даже враждебнаго оттѣнка. Саперъ разсказываетъ нѣсколько интересныхъ характерныхъ случаевъ изъ быта евреевъ-солдатъ, путеецъ—изъ своей практики по подрядамъ.

— Вы говорите, что еврейская интеллигенція,—замѣчаетъ гомельскій коммерсантъ,—ничего не дѣлаетъ для еврейскаго народа. Это не совсѣмъ такъ. Мы сами понимаемъ наше положеніе и дѣлаемъ, что можемъ. Но во многомъ наша дѣятельность парализуется. Главное зло—въ нашихъ хедерахъ и меламедахъ. Оттуда весь мракъ и фанатизмъ, который распространяется въ массѣ. Дайте этой массѣ хорошую русскую школу, нравственныхъ руководителей—и въ двадцать-тридцать лѣтъ вы не узнаете нашъ народъ.

— Что-жъ! Начинайте въ добрый часъ, идите и просвѣщайте.

— Вы говорите,—отзывается въ свою очередь и студентъ,—что нетерпимость христіанъ, главнымъ образомъ, относится къ массѣ. А вотъ вамъ случай (онъ, конечно, не единственный), когда и къ общественной дѣятельности интеллигентнаго еврея относятся если не совсѣмъ враждебно, то все-таки скептически. Въ прошломъ году, во время холеры, на каждомъ изъ здѣшнихъ пароходовъ, кромѣ фельдшера, плавалъ и студентъ-медикъ. Общество пароходства по Днѣпру, сверхъ 50 рублей жалованья и помѣщенія, отпускало и харчи, т.-е. обѣдъ, ужинъ и чай. Вотъ, въ числѣ студентовъ кіевскаго университета вызвалось и нѣсколько евреевъ, между прочимъ—и я. Чувства, руководившія мной, были самыя искреннія. Шли русскіе товарищи, шелъ и я. Средства къ жизни у меня все-таки есть, да 50 р. жалованья и не представляютъ особой приманки. Ихъ можно было за каникулы заработать и на кондиціи. Четыре мѣсяца плавалъ я. Скука страшная. Классныхъ пассажировъ почти нѣтъ. Да и палубныхъ не много. Правда, больные случались рѣдко, всего—три-четыре острыхъ случая за лѣто, и то сейчасъ же въ бараки передавали. И что же? Мнѣ самому пришлось нѣсколько разъ слышать, какъ въ обществѣ прогуливались на нашъ счетъ: «а жидки-то студенты хорошо устроились; для поправки здоровья приспособились на пароходахъ въ качествѣ холерныхъ медикусовъ. Эпидеміи нѣтъ, общество обязано содержать медиковъ, а они знай себѣ катаются. Говорятъ даже—одинъ вмѣсто пятидесяти рублей согласился служить за 25 р. и перебилъ мѣсто у студента-христіанина».

Разговоръ перебѣгаетъ на новую тему. Гомельскій коммерсантъ замѣчаетъ не безъ язвительности:

— Вы говорите—еврейскій вопросъ... У Россіи, кажется, не одинъ этотъ національный вопросъ. Есть и остзейскій и финляндскій, или вотъ польскій... Развѣ онъ, напримѣръ, менѣе интересенъ, чѣмъ еврейскій?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаетъ «путешественникъ»:—но польскій вопросъ—это совсѣмъ особь-статья, это домашнее дѣло. Помните, еще Пушкинъ сказалъ:

„Оставьте, это—споръ славянъ между собою“,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
„Вопросъ, котораго не разрѣшите вы“!

Конечно, очень обидно, что они будируютъ, никакъ не желая сознать, что это «споръ, давно ужъ взвѣшенный судьбою», давно рѣшенный, что полякамъ остается одинъ только выходъ — слиться тѣснѣй съ братомъ славяниномъ, съ русскимъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Здѣсь польскій помѣщикъ, почти не принимавшій до сихъ поръ участія въ разговорѣ, ставитъ «путешественнику» довольно, впрочемъ, спокойно и добродушно вопросъ:

— Почему вы думаете, что одинъ только выходъ?

— Потому что другого не вижу,—отвѣчаетъ онъ тоже спокойно, глядя прямо въ сѣрые глаза пана, который, подхватывая указательнымъ пальцемъ широкій усъ, то наматываетъ, то разматываетъ его.— Это стало ясно еще сто лѣтъ тому назадъ. Чтобы Польшѣ возродиться, ей надо было бы сразу побить Германію, Австрію и Россію. И очень грустно, что находятся мечтатели, которые грезятъ какой-то автономіей. Это приноситъ только вредъ полякамъ, сбивая ихъ и задерживая неизбѣжное сліяніе. Какъ-то разные непризнанные политики фантазировали, что европейское-де равновѣсіе требуетъ возстановленія автономіи Польши. Она-де будетъ буферомъ между Россіей и Западной Европой. Охъ, ужъ этотъ буферъ! Какой можетъ быть буферъ между громадиной вродѣ Россіи, съ одной стороны, Австріей и Германіей—съ другой? Политическій буферъ! Выдумаютъ словечко—и возятся съ нимъ! А это значитъ тормазить только дѣло братскаго единенія и играть въ руку Германіи. Да, несомнѣнно, нѣмцы отъ поры до времени, когда имъ это нужно, пускаютъ мыльные пузыри, которые очень прельщаютъ нѣкоторыхъ наивныхъ патріотовъ. Но, Боже мой, если-бъ они только вдумались въ смыслъ всѣхъ этихъ радужныхъ перспективъ, рисуемыхъ нѣмцами. Въ Германіи сорокъ милліоновъ нѣмцевъ, живущихъ въ тѣснотѣ, на пространствѣ одной русской губерніи. Неужели это море не пытается впитать въ себя весь польскій элементъ и гармонизировать его? Неужели, при этой тѣснотѣ, Германія способна, для созданія какого-то политическаго буфера, вернуть полякамъ ихъ провинціи?

— Во всякомъ случаѣ,—замѣчаетъ панъ,—у нѣмцевъ гораздо больше терпимости въ ихъ политикѣ относительно поляковъ. Возьмите хоть бы такой фактъ. Я это говорю потому, что знаю хорошо, такъ какъ въ Помераніи у меня есть родственники, у которыхъ я часто бываю. Нѣмцы, чтобъ ускорить германизацію края, образовали компанію для покупки польскихъ имѣній. И дѣйствительно, въ небольшое время они успѣли закупить много такихъ имѣній. Но что же? Поляки сейчасъ же образовали свою компанію и стали покупать нѣмецкія имѣнія. Германское правительство прекрасно видитъ это и знаетъ. Однако, оно нисколько имъ не мѣшаетъ. Вотъ это и располагаетъ поляка къ нѣмцу.

— Очень просто. Германія всегда будетъ вести такую политику въ виду Россіи. Но она все-таки шагъ за шагомъ неотступно будетъ добиваться своего. Наша политика болѣе прямолинейна. Но вы знаете сами, всего этого не было бы, если бы не шестьдесятъ третій годъ. И не было бы, можетъ-быть, несмотря и на это, даже и сегодня, если-бъ къ религіи не примѣшивали политику, если-бъ поляки сдѣлали шагъ къ сближенію и если бы польская печать не растравляла старыхъ ранъ, напрасно разжигая страсти. И для чего? Неужели они не сознаютъ, что это значило бы снова столкнуть двухъ братьевъ, снова заставить ихъ, на потѣху враговъ славянства, проливать братскую кровь, которой и такъ довольно пролито? И безполезно пролито. Полякамъ предстоитъ одно изъ двухъ: или—чтобъ ихъ германизировали нѣмцы и чтобъ они совершенно растворились въ нѣмецкомъ морѣ, или—слиться съ братьями-славянами въ дружную семью. Тамъ у нихъ чуждая имъ нація, которая несомнѣнно подавитъ ихъ, тамъ тѣснота, отъ которой борьба за существованіе достигла высшаго напряженія, здѣсь—славянскій океанъ, просторъ, который такъ и зоветъ къ дружной братской работѣ. И полякамъ, съ ихъ культурностью, съ ихъ талантливыми писателями и художниками, съ ихъ литературой, принять участіе въ этой дружной общеславянской работѣ—значило бы расширить еще больше ея культурное значеніе, сдѣлать свою работу почти міровой, выдвинувъ изъ узко-національной рамки. Пусть-ка попробуютъ они развернуть такъ свои силы въ Германіи. И даже если бы допустить, что Польша могла бы стать когда-нибудь самостоятельной, то развѣ теперь не выше, не шире ея задача работать вмѣстѣ, на этомъ безбрежномъ просторѣ, завоеванномъ славянами, чѣмъ съуживать дѣятельность чертой своихъ границъ. Взгляните, какое это пространство. Цѣлый міръ. Перевернуть этотъ міръ поляки никогда не смогутъ, нѣмцы, что бы они имъ ни обѣщали, никогда не выполнятъ этого. Остается одно: пойти навстрѣчу общеславянскому дѣлу съ открытой душой и тѣснѣй слиться въ дружной культурной работѣ. Вѣдь эта вражда просто обидна. Вѣдь не такъ ужъ плохи, въ самомъ дѣлѣ, русскіе, чтобы нельзя было найти общихъ симпатій, общихъ чувствъ для единенія. Вспомнить бы хоть франко-русскія празднества... Сумѣли же найти общія симпатіи для братскаго единенія двѣ націи, чуждыя и по традиціямъ, и по культурѣ, и по исторіи. А вѣдь здѣсь — своя кровь, и кровь, которая не разъ ужъ вмѣстѣ проливалась въ общемъ потокѣ...

Я не привожу возраженій, высказанныхъ польскимъ помѣщикомъ, хотя и рискую показаться тенденціознымъ, не привожу, главнымъ образомъ, потому, что мотивы ихъ общеизвѣстны.

Разговоръ на эту тему затягивается до полуночи. Пассажиры укладываются спать. Артиллеристъ, не принимавшій участія въ бесѣдѣ и дѣлавшій видъ, что читаетъ (по нервнымъ движеніямъ, которыя прорывались у него изрѣдка, можно было догадаться, что онъ слѣдитъ за разговоромъ и даже волнуется), обращается вдругъ къ «путешественнику», выходя вмѣстѣ съ нимъ на палубу:

— Я слыхалъ все, что вы сейчасъ говорили. Я самъ полякъ... Дѣйствительно, такой разладъ очень грустенъ и обиденъ, особенно для тѣхъ, кто сдѣлалъ шагъ къ этому слиянію. А такихъ много. Сколько поляковъ и среди военныхъ, и среди чиновниковъ разныхъ классовъ, сколько инженеровъ, желѣзнодорожныхъ, врачей, техниковъ, судейскихъ... По всему русскому государству разсыпались они. И вотъ, когда подумаешь, что наши непрошенные патріоты, политиканствуя, только разжигаютъ страсти, которыя могутъ разразиться въ новую грозу, невольно негодуешь. Вѣдь народъ чуждъ всякой политики. Это—дѣло печати да высшаго класса, домогающагося прежней роли и привиллегій. И вѣдь, пожалуй, опять когда-нибудь взбудоражатъ и заставятъ проливать кровь своихъ же братьевъ безсмысленно, безполезно...

На палубѣ уже давно спятъ, сбившись въ кучу. Лавки большей частью заняты евреями, на полу, перепутавшись, лежатъ въ свалку бѣлоруссы, малороссы и великороссы. Кто съежился, спрятавшись подъ тулупомъ, кто растопырилъ ноги, кто уткнулся головой въ грудь сосѣда, обнявъ его во снѣ рукой; не разберешь, чья голова, чьи ноги. Храпъ сливается съ мѣрнымъ шумомъ колесъ.

— Вѣдь вотъ имъ-то политика вовсе не нужна. Никакой политики для нихъ не существуетъ,—говоритъ офицеръ. Имъ бы кусокъ насущнаго хлѣба, клочекъ земли, да чтобы какъ-нибудь протянуть эту сѣренькую жизнь въ мирѣ и покоѣ...

Переступая черезъ ноги и руки спящихъ, они пробираются на носъ. Сырость пронизываетъ. Пароходъ, шлепая колесами, осторожно прокрадывается. Впереди показывается свѣтлое пятно, все расплываясь въ туманѣ, и, наконецъ, изъ мглы выступаетъ, сверкнувъ огоньками, пловучій баракъ какой-то пристани.

Пароходъ реветъ.

29 сентября.

Утромъ проходимъ мимо м. Любеча. Изъ кудрявой зелени лѣса выглядываетъ бѣлая колокольня и еще какія-то зданія. Любечъ—тоже тысячелѣтній старикъ. Восемь вѣковъ тому назадъ здѣсь былъ созванъ Владиміромъ Мономахомъ съѣздъ удѣльныхъ князей для прекращенія междоусобицъ. Вокругъ—дремучіе лѣса. Они то раздвигаются, раскрывая равнину, окаймленную вдоль горизонта темной гирляндой, то снова скучиваются, обступая густой стѣной рѣку. Чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становится глуше. Ни поселка, ни избушки. Изрѣдка только у берега покажется одинокій пловучій баракъ пристани, тоскливо выглядывающій окошечками, да навстрѣчу выползутъ плоты или сплавы. Иногда міръ кажется необитаемымъ. Исчезаютъ лѣса — разворачивается гладкая унылая степь и желтая лента песчаныхъ береговъ.

У мѣстечка Лоева пароходъ оставляетъ Днѣпръ и заворачиваетъ на Сожъ. Рѣка узкая, извилистая. «Надежда» пробирается осторожно по рукавамъ, обходя острова. Весь фарватеръ утыкамъ вѣтками, у которыхъ иногда показываются желтыя мели. Матросъ постоянно опускаетъ шестъ, выкрикивая футы. Пароходъ виляетъ то въ одну, то въ другую сторону.

День ясный и теплый, совсѣмъ необыкновенный день для послѣднихъ чиселъ сѣвернаго сентября. Вся компанія высыпала на капитанскую площадку. Разговоры на вчерашнія темы продолжаются, перескакивая попутно и на разные другіе вопросы русской жизни. На станціяхъ, пока грузятъ дрова, пассажиры выходятъ на берегъ прогуляться, не прерывая бесѣды. И, что удивительнѣе всего, бесѣда эта, видимо, всѣхъ одинаково увлекаетъ, и участвующіе въ ней безъ раздражительности относятся къ мнѣніямъ своихъ оппонентовъ. Случай совсѣмъ рѣдкій среди русскихъ интеллигентныхъ людей, и потому, вѣроятно, поѣздка по Днѣпру 28 — 29 сентября надолго сохранится въ памяти тѣхъ, кто принималъ въ ней участіе. И этотъ ясный день, и умиротворяющій плескъ рѣки, и безбрежная степь, будто призывающая къ дружному труду и ожидающая своего работника,—все точно наполняетъ душу согрѣвающей братской любовью. «Путешественникъ» болтаетъ до изнеможенія. За обѣдомъ у всей компаніи является потребность вмѣстѣ выпить и даже почокаться. «Путешественникъ» считаетъ своимъ долгомъ извиниться, если задѣлъ въ комъ-нибудь національное чувство, и увѣряетъ, что онъ ничего и ни противъ кого не имѣетъ, искренно любя весь міръ и всѣхъ хорошихъ людей.

Чокаются.

Къ вечеру надъ равниною показывается, точно зеленая туча, высокій оазисъ. Постепенно на крутомъ берегу все ярче вырисовываются кирпичнаго цвѣта зданія, трубы и какія-то башни. Это Гомель. За степью, золотя волнистыя края розовыхъ облаковъ, закатывается солнце. И этотъ закатъ какъ будто манитъ своей далью. Облака принимаютъ фантастическія очертанія сказочныхъ городовъ и рощъ, рисуя воображенію еще невѣдомые края, иную, лучшую жизнь. Косые лучи стелются надъ степью и заливаютъ городъ розовымъ сіяніемъ.

Пароходъ еще долго, очень долго пробирается по извилистой рѣкѣ, изрѣзавшей степь во всѣхъ направленіяхъ, то подходя къ городу, то вдругъ уходя отъ него, и, наконецъ, провозившись этакъ часа полтора совсѣмъ на виду у Гомеля, подплываетъ къ пріютившемуся подъ крутымъ берегомъ изящному павильону пристани. Надъ ней изъ-за длинной каменной стѣны, окаймляющей роскошный паркъ, выглядываетъ фасадъ замка князя Паскевича.

На пристани давка и шумъ большого города. Пахнетъ не уѣздной глушью, а какъ будто губернской комильфотностью. Извозчики, экипажи изъ гостиницъ, комиссіонеры съ позументами на шапочкахъ и неизбѣжнымъ «готель дэвропъ» на языкѣ. Компанія разстается. Пассажиры благодарятъ другъ друга «за пріятно проведенное вмѣстѣ время». Это ужъ совсѣмъ что - то необыкновенное и неожиданное.

«Путешественникъ» исчезаетъ. Въ надвигающихся сумеркахъ разворачиваются улицы большого города, все съ двухъэтажными шпалерами домовъ. Шесть лѣтъ тому назадъ Гомель выгорѣлъ. И за это время обстроился такъ, что и не узнать его. Тротуары, мостовыя, большіе ярко освѣщенные магазины, огромныя новыя зданія, бойкая жизнь, которая вливается изъ двухъ скрещивающихся здѣсь желѣзнодорожныхъ артерій и приносится по Сожу... Совсѣмъ губернская физіономія.

30-е сентября.

Проклятые клопы! Такихъ злыхъ клоповъ, какъ въ Гомелѣ, я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Должно - быть, предчувствовали, что это послѣдній день моего путешествія, и устроили реваншъ.

Сѣрое утро. Тяжелыя облака низко плывутъ надъ землей. Изрѣдка мороситъ мелкій, точно пропущенный сквозь сито, дождь. Сизая кайма лѣсовъ смутно вырисовывается въ туманной дымкѣ.

Въ вагонѣ жарко. Нѣсколько пассажировъ, съ такими же угрюмыми лицами, какъ и погода, молча сидятъ на диванахъ. Только какой-то мальчуганъ, болтая и рѣзвясь, отчасти оживляетъ эту скучную картину. Онъ то и дѣло пристаетъ къ отцу.

— Папа, папа, посмотри! Вотъ вся земля опять въ прыщикахъ.

Это кочки и бугры, покрывшіе, точно бородавками, степь; кочки смѣняются пнями, за ними показывается темная стѣна ельника, группы сосенъ, мелькаютъ бревенчатыя хмурыя постройки какой-то деревушки, за ней опять лѣсокъ съ ульями, прикрѣпленными къ стволамъ деревьевъ, лужи, болотце, и снова пни и кочки... Знакомый бѣлорусскій пейзажъ!.. Вдоль пути нескончаемые шпалеры ельника. Тамъ, на далекомъ югѣ, эти шпалеры были изъ гранатъ, олеандръ и смоковницы... На душѣ тоскливо. И кажется, будто вся природа тоскуетъ о чемъ-то. Задумчивый лѣсъ тихо роняетъ слезы. Одинокая бѣлостволая худенькая нервная березка, будто выступившая навстрѣчу поѣзду, склоняется къ нему и трепещетъ своими листиками табачнаго цвѣта, съ которыхъ тоже капаютъ слезы... Вспоминается все, что пронеслось предо мной за два мѣсяца скитаній, и какъ-то не вѣрится, что оно было. Точно какой - то волшебный сонъ, смутившій душу несбыточными грёзами...

Глава XL.

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя...

Пробѣгая корреспонденцію, полученную въ мое отсутствіе, я нашелъ слѣдующее письмо отъ Дю-Фара:

MONSIEUR,

„Combien j'ai regretté que le hasard ne nous ait pas réunis au Caucase, comme il l'avait fait sur les bords de la mer Volga. Je tiens à vous le dire, au moment, où, revenu à Minsk, vous reprenez vos quartiers d'hiver, et où vous évoquez, sans doute, dans la mélancolie des soirs d'automne, les souvenirs de vos vacances“.

„Puissiez-vous être aussi heureux, que moi d'avoir vu le Caucase! Je me rappelle avec reconnaissance que sans vous j'aurais remis à plus tard mon voyage dans ces magnifiques montagnes. Le Bermamout, l'Elbrouz, la route de Géorgie, Tiflis, Borjom, Koutaïs — m'ont enchanté“.

„Je vis à présent par la pensée en Russie, je n'ai pas quitté ce cher pays. l'étudie votre littérature. Je lis vos poètes et surtout vos romanciers. Rien ne me plait plus, que les oeuvres de Tourguéneff. Comme il y a de la douçeur et de la mélancolie dans les Récits d'un Chasseur! Je lisais aujourd'hui encore les „Reliques Vivantes"; il y a là une poésie, une émotion délicieuse".

„Je m'occupe de retracer la vie des serfs et de leurs maitres d'après les tableaux de la vie de province qu'ont laissés Gogol, Tourguéneff, Pissemsky et les autres. C'est un travail, qui m'intéresse beaucoup".

„Racontez nous les impressions, que vous ont produits toutes les merveilles du Caucase, et aussi, monsieur, n'oubliez pas votre promesse de m'écrire vos pensées sur la Russie et sur sa mission, que lui a destinée la providence".

„Il faut, que nous gardions l'espoir de nous revoir un jour. Ceserait trop triste de se dire, après qu'on s'est connu, que jamais on ne se reverra.

Croyez à mes meilleurs sentiments etc.

Du—Pharo.

Я позволяю себѣ привести здѣсь и мой отвѣтъ Дю-Фару. Можетъ-быть, онъ хоть отчасти пояснитъ заглавіе моихъ замѣтокъ.

«Вы напомнили мнѣ о моемъ обѣщаніи высказать мои взгляды на миссію, которую призвана выполнить Россія въ человѣческой семьѣ. Исполняю его тѣмъ болѣе охотно, что это дастъ возможность и мнѣ самому разобраться въ хаосѣ мыслей, вызванныхъ впечатлѣніями и наблюденіями въ теченіе моего двухмѣсячнаго странствованія по Россіи.

«Помните ли вы тотъ чудный южный вечеръ, когда мы на «Кавосѣ» плыли по зеркальной глади взморья? Помните эту разноплеменную толпу людей, еще недавно завзятыхъ враговъ, людей столь чуждыхъ и по прошлому, и по религіи, и по развитію, но теперь связанныхъ общей судьбой? Здѣсь были и великороссы, и малороссы, и нѣмцы, и персы, и англичане, и турки, и французы, и поляки, и даже китайцы. И большинство этихъ людей, такихъ разнородныхъ, были членами одной страны, въ которой, какъ въ океанѣ, слились племенные ручейки съ ихъ старыми спорами и враждой.

«Вечеръ былъ необыкновенно тихъ. Солнце закатывалось за край Каспійскаго моря. И это гладкое, какъ стекло, необъятное море, и синее небо были полны какого-то сладкаго мира, наполнявшаго наши души невыразимымъ покоемъ.

«Настала ночь. Мы уплыли дальше. Надъ бездной моря раскинулась шатромъ черная бездна неба. Въ окутавшей насъ мглѣ носились, нарастая, порывы вѣтра, вздымались съ яростнымъ ревомъ волны. Я сидѣлъ на капитанской площадкѣ. У слуховой трубы стоялъ старичекъ капитанъ. Его черный силуэтъ пошатывался вмѣстѣ съ мачтой. Но онъ держался твердо на своемъ посту, то и дѣло отдавая дребезжащимъ голосомъ команду и нажимая кнопку электрическаго звонка. И пароходъ, словно какое-то чудовище, одухотворенное волей этого человѣка, снова набирался силъ и снова, точно живое существо, рвался впередъ, разрѣзая грудью волны.

«Я смотрѣлъ и думалъ:

«Завтра старичекъ исчезнетъ мимолетнымъ призракомъ, на его мѣсто станетъ другой и такъ же будетъ возить по этому морю неугомоннаго человѣка, и такъ же будетъ раздаваться команда «впередъ» надъ этой бездной, въ этомъ мракѣ, полномъ вѣчной и глубокой тайны.

«И въ эту минуту мнѣ особенно ярко представилось, что въ такой же безднѣ плыветъ на своей землѣ и все человѣчество, по волѣ той силы, которая влечетъ его такъ же куда-то впередъ, какъ этотъ пароходъ. Куда? Зачѣмъ? Никто этого не знаетъ. Одни, отрицая жизнь, извѣрились въ ея цѣли, не видятъ никакого смысла въ этомъ движеніи, борьбѣ эволюціи. Они говорятъ, что и жизнь, и ихъ самихъ, съ ихъ разумомъ, выводамъ котораго они вѣрятъ, создала какая-то безсознательная и міровая воля, создала безцѣльно, механически, въ силу какого-то ненужнаго perpetuum mobile космической матеріи. Другіе, напротивъ, вѣрятъ въ жизнь и призваніе человѣка на землѣ, продолжая общечеловѣческую работу на этомъ загадочномъ пути съ его таинственной цѣлью.

«Я вѣрю.

«Мнѣ кажется даже, что мы не имѣемъ права не вѣрить, что во всей исторіи человѣчества, то стремившагося къ свѣту, то снова погружавшагося въ первобытный мракъ, есть какая-то воля, которая упорно, настойчиво вырывала его изъ этого мрака и заблужденій и довела его духъ до современной высоты, сдѣлавъ его властелиномъ земли, полубогомъ. Для чего нуженъ этотъ прогрессъ, эта культура, это совершенствованіе духа человѣческаго той волѣ, которая руководитъ судьбой нашей,—никто не знаетъ. Порой мнѣ кажется, что мы—блуждающія идеи гигантскаго существа, которое летитъ вмѣстѣ съ нами въ міровой безднѣ, и что именно отъ насъ зависитъ и самосознаніе, и судьба этого существа. Созрѣетъ это самосознаніе во время—и вѣчная жизнь земли обезпечена, и человѣкъ сумѣетъ поддержать жизненныя силы этого организма, нѣтъ—и она рухнетъ и разсыплется космической пылью вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ величіемъ и тысячелѣтними трудами, какъ тѣ неудачные міры, осколки которыхъ проносятся сверкающимъ дождемъ метеоровъ въ черной безднѣ августовской ночи.

«Вы улыбаетесь? Вамъ кажется моя фантазія странной, слишкомъ рискованной и даже наивной? Можетъ быть. Но въ тѣ минуты, когда она приходитъ мнѣ и я вѣрю въ призваніе человѣка на землѣ, мнѣ становится въ особенности страшно за его судьбу, за его участь. Я спрашиваю себя: а что, если участь эта уже рѣшена, благодаря прежнимъ ошибкамъ и заблужденіямъ человѣчества, затормазившимъ его естественное развитіе; а что, если всѣ эти Чингисханы, Тамерланы, Атиллы и Омары, истреблявшіе тысячелѣтніе труды духа человѣческаго, эти болѣзнетворные микробы въ самосознаніи земли и человѣка, задержавшіе его ростъ на десятки вѣковъ, уже лишили его возможности выполнить свою задачу, свое призваніе? И что, если въ тотъ день, когда человѣчество, наконецъ, постигнетъ эту задачу, оно увидитъ, что стало банкротомъ, что жизненные рессурсы и его, и земли истощены, что уже поздно спасти и ее, и себя, хотя оно и знаетъ средства для спасенія? Я не могу представить себѣ болѣе ужасной картины страш-

наго суда, чѣмъ эта. Человѣчество познало міръ, познало жизнь и себя, но оно видитъ, что все поздно, что міръ, на которомъ оно носится въ безднѣ, умираетъ и неминуемо долженъ рухнуть вмѣстѣ со всѣмъ этимъ теперь ненужнымъ и безплоднымъ трудомъ десятковъ тысячъ поколѣній. Какое проклятіе всему прошлому человѣчества, всѣмъ его ошибкамъ и заблужденіямъ, всѣмъ его злымъ демонамъ, создавшимъ эту жестокую развязку, исторгнется изъ груди милліардовъ жизней въ день гибели!

«Эти мысли проносились у меня и въ ту ночь, когда каспійскія волны играли, какъ скорлупой, нашимъ пароходомъ съ его сотнями жизней разноплеменныхъ людей. И никогда, какъ въ эту минуту, мнѣ не казалась страшной судьба человѣчества, летящаго на такой же скорлупѣ, среди такого же мрака въ безднѣ вселенной.

«Вы помните, на другой день, когда мы вышли на берегъ Кавказа, я передалъ вамъ ощущенія, волновавшія меня тогда. Чувство невыразимой радости охватило все мое существо. Къ ней примѣшивалось смутное торжество человѣка, который вышелъ побѣдителемъ. Капитанъ казался мнѣ просто героемъ. Борьба человѣка со слѣпой стихіей, его побѣда надъ ней, этотъ славный старикъ, который всю ночь стоялъ на своемъ посту, защищая нашу жизнь, и превозмогъ дикую, злую силу,—все это повышало духовный подъемъ и вмѣстѣ съ нимъ будто возродило упавшую было вѣру и въ жизнь, и въ человѣка, и въ прогрессъ.

«Я часто потомъ вспоминалъ и эту ночь, и это свѣтлое утро, возвращался къ этимъ мыслямъ. И мнѣ казалось, что и человѣчество въ своихъ блужданіяхъ и сомнѣніяхъ, можетъ-быть, выберется на берегъ, что это еще не поздно. Я думалъ еще, что главное горе человѣка, главное несчастье, которое тормазитъ его движеніе къ невѣдомой цѣли, главное бѣдствіе, это—вражда, самоуничтоженіе, вѣчная война, вражда тѣмъ болѣе обидная, что на землѣ всѣ существа одного вида никогда не уничтожаютъ сами себя, и только человѣкъ, считающій себя царемъ природы и высшимъ существомъ, истребляетъ себѣ подобнаго, своего ближняго. Это самоистребленіе тормазило и ростъ его духовной жизни, оно, можетъ-быть, сдѣлаетъ его въ будущемъ банкротомъ.

«Я говорилъ себѣ: если правы тѣ, кто отрицаетъ предназначеніе человѣка на землѣ, его призваніе выполнить какую-то невѣдомую еще намъ задачу, наконецъ—самый смыслъ жизни, то эта взаимная вражда и самоуничтоженіе тѣмъ болѣе обидны, что они, значитъ, тоже не имѣютъ смысла и тоже *ни для чего не нужны*, не служатъ *ни для какой цѣли*. Если же, напротивъ, у человѣка есть высшая цѣль, если онъ вѣритъ въ свое предназначеніе, если у него есть Богъ, то онъ не въ правѣ располагать ни своей жизнью, ни жизнью своихъ ближнихъ, не долженъ уничтожать себя и братьевъ своихъ, такъ какъ это самоуничтоженіе есть отрицаніе жизни, смысла ея и его призванія, въ которое онъ вѣритъ.

«Я говорилъ себѣ еще: ни одно бѣдствіе не поглощало у человѣчества такъ непроизводительно его жизненную энергію, не тор-

мазило его духовный ростъ, не причиняло ему столько горя и страданья, не стоило ему столько безплодныхъ трудовъ, какъ эта вѣчная вражда и самоуничтоженіе. Если бы всю энергію, затраченную на дикую и безумную борьбу народовъ, можно было бы утилизировать теперь, можно было бы вернуть ее, возродить и направить на другой путь,—земля превратилась бы въ цвѣтущій садъ, стала бы вѣчнымъ раемъ. Мы знали бы теперь не только телефонъ, фонографъ или кинетографъ, мы, можетъ-быть, уже летали бы, познали бы свое предназначеніе. Есть мудрецы, которые пытаются доказать, что самоуничтоженіе имѣетъ хорошую сторону, что оно освобождаетъ мѣсто для другихъ поколѣній. Но человѣческое благополучіе на землѣ никогда не зависѣло только отъ мѣста, отъ простора, но и отъ того, какъ оно умѣло устроить свою жизнь. А кто можетъ сказать, сколько идей, которыя могли бы осчастливить человѣчество, разрушено вмѣстѣ съ истребленіемъ человѣческихъ жизней, погибло въ этой враждѣ! Въ гигантской лабораторіи человѣческой мысли нѣтъ атома, нѣтъ клѣточки, которые не были бы нужны для роста идеи. И никто не можетъ предугадать, въ комъ и въ какой оболочкѣ сидитъ будущій Шекспиръ, Мольеръ, Руссо, Фультонъ или Эдисонъ.

«Всѣ эти мысли постоянно преслѣдовали меня въ пути. А путь этотъ, будто нарочно, проходилъ по развалинамъ прошлаго, надъ которыми, въ прахѣ тысячелѣтій, носились призраки иной жизни, неотвязно преслѣдовавшіе меня.

«Вы помните, я разсказывалъ вамъ мои московскія и волжскія впечатлѣнія... Потомъ мимо пронеслись развалины Болгарскаго, Казанскаго и Астраханскаго царствъ, нѣсколькихъ ханствъ, кавказскихъ княжествъ, руины Грузіи и Арменіи, царства скиѳовъ, цвѣтущихъ эллинскихъ колоній, Босфорскаго царства, Крымскаго ханства, Дакіи, Запорожской Сѣчи, Польши...

«Все время я не могъ отдѣлаться отъ ощущенія, что ѣду по какому-то безконечному кладбищу. Мнѣ вспоминалась вся исторія человѣчества—и тогда невольно казалось, что и весь міръ—такое же кладбище народовъ, націй, трудовъ ихъ и славы. Были могучіе народы древняго міра—и исчезли такъ безслѣдно, что современные люди даже сомнѣваются, точно ли они были. Былъ Египетъ, была Греція, былъ Карѳагенъ, былъ міровой властелинъ Римъ, была имперія Александра Македонскаго, былъ Калифатъ, была Византійская Имперія, Имперія Карла Великаго, были десятки другихъ царствъ и народовъ, исчезнувшихъ съ лица Европы и Азіи. Для чего они были? Для чего было пролито столько крови, для чего одна нація порабощала другую, передѣлывая ея жизнь по-своему, а ее, въ свою очередь, подавляла третья, которую побѣждала четвертая?..

«Къ чему это привело? Что эта вражда и потоки крови дали человѣчеству? И что же, наконецъ? Неужели вѣчно и вѣчно будетъ продолжаться эта ужасная вражда и самоуничтоженіе, вѣчно одна нація будетъ истреблять другую, чтобы въ свою очередь быть истребленной и такъ же безслѣдно исчезнуть? Неужели та же

участь ждетъ и всѣ народы, которые теперь населяютъ землю? Какъ-то страшно даже подумать: есть Франція—и не будетъ ея, есть Германія—и не будетъ ея, есть Россія—и не будетъ ея. Страшно тѣмъ болѣе, что безъ этого можно обойтись и что ни отъ кого больше, какъ отъ человѣка же, зависитъ сохранить въ будущемъ все свое прошлое не только по однимъ смутнымъ памятникамъ и историческимъ догадкамъ, но и въ самой жизни народовъ. И не кощунство ли это надо всѣмъ святымъ, что есть у человѣка, надъ жизнью? Для того ли дана каждому изъ насъ наша маленькая жизнь, такая короткая, что ея и теперь уже не хватаетъ для того, чтобъ обнять то немногое, что знаетъ человѣкъ? И кому нужна эта вражда? Масса всегда была чужда ея, пока не являлись герои, разжигавшіе въ ней звѣря. Народъ не знаетъ политики. Онъ жаждетъ одного—клочка земли, куска хлѣба и мира. И вдругъ встаетъ какой-нибудь Александръ Македонскій и завоевываетъ міръ, сколачиваетъ гигантскій государственный организмъ, который сейчасъ же послѣ его смерти и раскалывается; является Наполеонъ, увлекаетъ народъ, устраиваетъ эту ужасную европейскую бойню, разрушаетъ троны и царства—и все это опять-таки не приводитъ ни къ чему, кромѣ самоуничтоженія и гибели народныхъ богатствъ. Я скажу даже больше: если бы человѣчество взвѣсило все, во что война обходится даже побѣдителю, оно навсегда отказалось бы отъ нея. Нѣмцы побѣдили васъ подъ Седаномъ, отняли у васъ Эльзасъ и Лотарингію, вы мечтаете о реваншѣ, ждете часа возмездія. Вопросъ идетъ изъ-за національнаго самолюбія, изъ-за территоріи, изъ-за клочка земли. Но подумайте, только ли землю потеряли вы? И что вамъ эта земля, если на ней нѣтъ жизни? Вѣдь именно жизнь-то и составляетъ потенціальную энергію и богатство націи. Вы сами прекрасно понимаете это теперь, когда вамъ грозитъ уменьшеніе народонаселенія и вырожденіе, когда вы придумываете разные покровительственные законы, чтобы содѣйствовать росту народонаселенія страны, которое стало вырождаться со времени наполеоновскихъ войнъ. А вѣдь если бы не было этой франко - прусской войны, которая обошлась вамъ и нѣмцамъ полмилліона жизней, молодыхъ, отборныхъ жизней,—всѣ эти погибшіе двадцать пять лѣтъ тому назадъ люди могли бы составить теперь три-четыре милліона новыхъ жизней. Нѣмцы, не проливая крови братьевъ своихъ, имѣли бы теперь населеніе Эльзаса и Лотарингіи, но несомнѣнно свое населеніе, которое не приходилось бы безплодно германизировать. Французы тоже имѣли бы два милліона лишнихъ жизней, лишнихъ культурныхъ работниковъ, которые нашли бы себѣ мѣсто и въ Африкѣ, и на Мадагаскарѣ, пригодились бы для культурныхъ побѣдъ націи. Таковъ законъ войны, который постоянно напоминаетъ человѣку и—увы! безполезно, что главное богатство страны—это сохраненіе ея жизненныхъ силъ, ея энергіи.

Я задумывался надъ этими мыслями... а мимо все проносились развалины исчезнувшихъ царствъ, потомки народовъ, которые слились теперь въ одну могучую страну, въ одинъ организмъ. И я не

разъ спрашивалъ себя, что было бы, если бы всѣ эти отдѣльныя царства и народы продолжали существовать? Теперь на всемъ громадномъ пространствѣ Россіи, которая обширнѣе Европы и Австраліи, вмѣстѣ взятыхъ, въ пять разъ больше площади, занимаемой всѣми десятками европейскихъ государствъ, въ два раза больше Китая, въ сорокъ одинъ разъ—Германіи въ пятьдесятъ разъ—вашей прекрасной Франціи, нигдѣ не проливается ни капли братской крови. Въ Европѣ—всѣ вооружены, всѣ готовятся къ войнѣ, съ опаской поглядывая на сосѣда. Въ Россіи—знаютъ только внѣшняго врага. Но между собой всѣ эти десятки Германій и Францій живутъ мирно и, связанные болѣе широкими интересами, сознаютъ, что *между собой* имъ нельзя проливать кровь, что имъ можно проливать ее только *за всѣхъ себя* въ совокупности, безъ различія *народности*, что они уже не разъ проливали ее не за свое частно-національное, а за *обще-русское дѣло*. Всѣ эти отдѣльныя пятьдесятъ Францій и Германій перестали быть Франціями и Германіями *между собой*.

«А что было бы, если-бъ онѣ продолжали существовать самостоятельно? Могли ли бы онѣ ужиться? Не проливали ли бы онѣ каждую минуту кровь, безпрерывно и невѣдомо для чего уничтожая другъ друга? Сегодня живутъ рядомъ такіе антиподы, какъ татаринъ и великороссъ, кавказецъ и казакъ, полякъ и малороссъ, молдаванинъ и нѣмецъ, какъ десятки народовъ, населяющихъ Россію, десятки исконныхъ враговъ, которые прежде при первой возможности готовы были бы пырнуть другъ друга. И ничего. Не только уживаются, но съ каждымъ днемъ тѣснѣй и тѣснѣй сливаются въ общій организмъ. Помните тотъ волжскій пароходъ, на которомъ мы насчитали десятокъ разныхъ національностей, населяющихъ Россію? И все это сидѣло вмѣстѣ, рядомъ, пыталось установить какое-нибудь общеніе, забывало свою вѣковую вражду...

«Я проѣзжалъ по Казанскому царству и думалъ: если-бъ оно существовало и нынѣ, пришлось бы очутиться среди чуждаго мнѣ и по религіи, и по языку, и по культурѣ, а, можетъ-быть, и полудикаго, какъ и раньше, народа. Я не могъ бы побывать здѣсь, можетъ-быть, или это былъ бы совсѣмъ недоступный для меня міръ. Нужно было бы пробираться сквозь разныя таможни, преодолѣвать замкнутость народа и всякія препятствія. То же самое я думалъ и въ Астрахани, и на Кавказѣ, въ этомъ раю, который только и имѣетъ смыслъ для человѣчества, пока имъ можетъ, какъ теперь, пользоваться весь міръ, а не отдѣльныя племена дикарей; то же я думалъ и въ Крыму, и въ Бессарабіи, и въ Подольской губерніи. И я зналъ, что не только на протяженіи восьми тысячъ верстъ этого моего пути, охватившаго кольцомъ лишь незначительную площадь Россіи, но и на десятки тысячъ верстъ, на территоріи болѣе обширной, чѣмъ Австралія и Европа, вмѣстѣ взятыя, я *у себя*, среди *своихъ братьевъ*, что вездѣ, и у Ледовитаго океана, и на Прутѣ, и у Тихаго океана, и въ Средней Азіи, и у Каспійскаго моря, я не буду чуждъ, услышу родную рѣчь, родную пѣсню, най-

ду родную душу. Понимать это и чувствовать—уже само по себѣ цѣлое счастіе. Я думалъ: Боже мой, да чего же больше надо? Да развѣ это сліяніе племенъ въ общую братскую семью не есть знаменіе нарожденія новыхъ чувствъ въ народахъ, можетъ-быть—пресыщенія ихъ вѣковой враждой и самоуничтоженіемъ, развѣ это не примѣръ и для европейскихъ, и для другихъ націй, не предзнаменованіе, что онѣ неизбѣжно сольются между собой или съ нами? Мнѣ кажется, народъ нашъ давно и глубоко проникся этой идеей. Вы помните, я показывалъ вамъ на пароходѣ, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ простой людъ на молящагося татарина и какъ звуки гармоники замерли, когда онъ сталъ молиться. Это особенность русскаго народа, который всегда относился съ терпимостью къ чужой вѣрѣ и никогда никому насильно не навязывалъ своей, какъ это было въ католическомъ мірѣ, никогда не былъ религіознымъ фанатикомъ. Въ этомъ, можетъ-быть, главная сила и секретъ, благодаря которымъ побѣжденные уживаются съ русскимъ побѣдителемъ. Вы помните мои разсказы о томъ, какъ вездѣ въ войскахъ всѣ эти разныя племена въ общихъ казармахъ, подъ одной крышей, все больше ассимилируются; помните, вѣроятно, и ужинъ трубачей, о которомъ я вамъ какъ-то говорилъ, гдѣ тѣ же простые люди изъ народа представляли такой единодушный слитокъ племенной амальгамы, выкованный въ одну общую форму? И надо надѣяться, что чѣмъ больше просвѣщеніе проникнетъ въ массы, тѣмъ больше и тѣснѣй сольются онѣ въ единый организмъ.

«Вы, должно-быть, уже угадали отвѣтъ мой на вашъ вопросъ, что такое Россія и какова ея миссія. Это—братство народовъ, разливающееся все шире по міру, сковывая человѣчество въ общую семью для любви и единенія, которыя, раньше или позже, заставятъ его прекратить безсмысленную вражду и самоуничтоженіе. И я думаю, что всякій культурный человѣкъ, который жаждетъ мира и благоденствія народовъ, долженъ радоваться росту этой могучей страны. Русскій человѣкъ, сравнительно со швейцарцемъ, замкнутымъ на территоріи одного русскаго уѣзда, и теперь уже кажется міровымъ гражданиномъ. Насколько это расширяетъ кругъ человѣческой дѣятельности и общенія съ людьми, насколько увеличиваетъ его терпимость, сливая съ остальнымъ міромъ, не изолируя его отъ человѣческой семьи,—говорить нечего.

«Это—семья народовъ, все тѣснѣй срастающихся въ одинъ организмъ подъ общимъ національнымъ знаменемъ. Это—нація не въ узкомъ смыслѣ племенной обособленности и замкнутости, а въ такомъ, какъ опредѣлилъ ее Ренанъ, эпиграфъ котораго я взялъ для моихъ замѣтокъ: «Нація есть духъ, отвлеченный принципъ. Два обстоятельства порождаютъ этотъ духъ, этотъ отвлеченный принципъ: одно—есть общее обладаніе наслѣдственными воспоминаніями, *другое есть дѣйствительное согласіе, желаніе жить вмѣстѣ*; нація есть *великая солидарность*, какъ результатъ священныхъ чувствъ къ принесеннымъ жертвамъ и тѣмъ, кои въ будущемъ еще будутъ принесены».

Такое опредѣленіе исключаетъ всякую отчужденность, вызываемую этнографическими особенностями. «Сегодня, — говоритъ Ренанъ,—всякому можно бы сказать: вы проливали кровь за то-то и то-то. Вы думали, что вы кельтъ. Нѣтъ, вы германецъ. Затѣмъ чрезъ десять лѣтъ вамъ могутъ сказать, что вы славянинъ.»

«Въ такой странѣ, какъ Россія, главное единеніе націи составляетъ не этнографическая марка, а солидарность, общность интересовъ, общій языкъ, общія чувства, *любовь къ своему цѣлому, къ своей странѣ*.

«Вы скажете: былъ Римъ—и исчезъ, была имперія Александра Македонскаго или Карла Великаго—и распалась. Почему же и такому гигантскому организму, какъ Россія, съ ея составными частями, такими разнообразными по окраинамъ, не распасться?

«Прежде всего, и человѣчество теперь не то, и способы борьбы не тѣ, что въ древнемъ Римѣ, при Александрѣ Македонскомъ или Карлѣ Великомъ. Люди становятся съ каждымъ днемъ все культурнѣе, относятся съ большимъ уваженіемъ и къ прошлому человѣчества, и къ его трудамъ. Чувство вѣчной вражды и ненависти постепенно начинаютъ вырождаться у нихъ; наиболѣе культурныя расы уже и теперь пресыщены кровопролитіемъ и человѣконенавистничествомъ, и теперь относятся къ войнѣ безъ прежняго паѳоса и увлеченія, мирясь съ ней только какъ съ необходимостью. Завтра они возненавидятъ ее и отрекутся навсегда. Другое, что ручается за цѣлость такого исполина, какъ Россія, это средства современной цивилизаціи, дѣйствительно объединяющія и сковывающія націю въ цѣльный живой организмъ, какъ бы ни была велика территорія, по которой она разсѣялась. Желѣзныя дороги и пароходства уничтожили пространство и время, телеграфъ связалъ весь организмъ нервной сѣтью, печать разноситъ по всѣмъ его артеріямъ идейный токъ, отражая общее настроеніе и желаніе цѣлаго. Въ прежнее время нужны были мѣсяцы для того, чтобъ одолѣть русскія пространства, регулируя силы страны. Теперь «самочувствіе» ея таково, что въ нѣсколько часовъ въ центрѣ знаютъ все, что дѣлается на окраинахъ, и въ нѣсколько дней силы страны могутъ быть направлены могучимъ потокомъ именно туда, гдѣ необходимо сосредоточить ихъ. Я не отрицаю, что въ такомъ громадномъ *міровомъ* государственномъ организмѣ не всѣ функціи дѣйствуютъ одинаково ровно и гармонично. Но нельзя все сразу. Мы еще молоды и культурой, и опытомъ, у насъ еще продолжается амальгама цѣлаго. И потомъ не забывайте, что пока Западная Европа пользовалась для своего культурнаго роста почвой, подготовленной многовѣковой цивилизаціей, Россіи пришлось сразу идти скачками, продолжая параллельно пріобрѣтать новыя земли, окраины съ полудикими народами, и насаждать въ нихъ культуру. Весь нынѣшній вѣкъ прошелъ для Россіи въ безпрерывныхъ завоеваніяхъ и колонизаторской работѣ. Вы видали, сколько колонизаторской энергіи развернула она только на югѣ, еще недавно пустынномъ. А необозримыя пространства Средней Азіи и Сибири? Еще немно-

го,—и вся эта энергія получитъ примѣненіе въ новой культурной работѣ государства, которая еще тѣснѣй сплотитъ его въ цѣлое, для мирнаго процвѣтанія и благоденствія.

«Мы знаемъ, что Западная Европа не безъ зависти, и очень тревожной зависти, поглядываетъ на славянскій просторъ; но человѣчество слишкомъ хорошо понимаетъ, что оно ничего не выиграло бы, если-бъ этотъ просторъ завоевала Германія или какая-нибудь другая культурная раса. Это могло бы еще представлять извѣстный общечеловѣческій интересъ, пока Россія не была цивилизованной страной, пока она могла грозить общеевропейской цивилизаціи. Теперь этого нѣтъ. И надо думать, что для благоденствія европейскихъ народовъ гораздо важнѣе, чтобъ именно Россія, уже подготовленная долгимъ историческимъ прошлымъ къ борьбѣ съ востокомъ, занимала это положеніе, а не Германія или какая-нибудь другая страна, которая, можетъ-быть, и не справилась бы на такомъ просторѣ. Россія ужъ однажды вынесла на своихъ плечахъ нашествіе монголовъ, защитивъ отъ потопа европейскую культуру. Теперь она защищаетъ ее отъ Китая.

«Мнѣ кажется, что вы, французы, давно угадали эту миссію Россіи, и что тѣ симпатіи къ русскому народу, которыя залили всю вашу страну потокомъ братскихъ чувствъ, вызваны прежде всего сознаніемъ значенія Россіи въ міровомъ братствѣ народовъ. Я думаю даже, что уже въ этой нашей трогательной братской любви, проявленіе которой потрясло весь міръ, есть знаменіе грядущаго братства. Какъ, въ какой формѣ выразится оно, будетъ ли это сліяніе въ видѣ суверенитета Россіи, или, можетъ-быть, вся Европа соединитъ свои войска *въ одну общую международную армію*, которая будетъ защищать *міровой порядокъ* какъ полиція въ современномъ государствѣ,—покажетъ будущее. Но надо надѣяться, это сознаніе охватитъ раньше или позже все человѣчество. Оно слишкомъ устало отъ вражды и самоуничтоженія, слишкомъ пресытилось братской кровью и этимъ вѣчнымъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, поглощающимъ всѣ силы націи. Человѣчеству нуженъ покой и вѣчный миръ. Оно вырождается, оно губитъ свои лучшія силы въ этой безпрерывной враждѣ, отрицающей жизнь. Ему надо поработать для общаго блага, обновиться и возродиться, чтобы примирить прогрессъ съ идеями истинной христіанской жизни и искупить весь ужасъ и мракъ прошлаго будущимъ благоденствіемъ народовъ».

П. Крушеванъ.

Минскъ—Вильна.
Апрѣль—декабрь.
1895 года.
